B21 1/27
v. I

СИБИРЬ
И
КАТОРГА

С. Максимова.

Гос. публичная историческая библиотека РСФСР

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

НЕСЧАСТНЫЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ А. ТРАНШЕЛЯ, НА УГЛ. НЕВСК. И ВЛАД. ПР., Д. № 45—1
1871.

ОПЕРА

и

БАЛЕТА

Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР
232.55-36
Гос. Истор.-Науч. Б-ка НК
Инвент. № 23255
22/IX 1936 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НЕСЧАСТНЫЕ.

Въ дорогѣ, на каторгѣ, въ бѣгахъ,
на пропитаніи и на поселеніи.

Тюремныя пѣсни: тюремный языкъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

НЕСЧАСТНЫЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Что такое несчастные?—Объясненіе причинъ заглавія настоящаго сочиненія.—Историческая картина препровожденія ссыльныхъ въ Сибирь. — Знаменитый расколоучитель протопопъ Аввакумъ и его дорожныя страданія отъ Москвы до Амура: сплавъ по сибирскимъ рѣкамъ; истязанія отъ приставовъ; незлобіе и терпѣніе; картина плаванія по Ангарѣ; странствія за Байкаломъ; жизнь въ Нерчинскѣ; протопопица Настасья; возвращеніе.—Каторжныя мѣста въ Россіи; окрайны; крѣпости; галеры.—Начало ссылки въ Сибирь.—Учотъ ссыльныхъ.—Неурядицы и путанница этого дѣла.—Утеклецы.—Канатъ. — Способы препровожденія ссыльныхъ.—Сперанскій.—Лобановъ—Желѣзные прутья.—Цѣпь.—Приказъ о ссыльныхъ.—Уставъ о ссыльныхъ.—Алфавиты.—Замѣна пѣшаго хожденія ссыльныхъ. — Нововведенія современныя.—Историческій фургонъ.

Пока не произведены были коренныя преобразованія въ нашемъ судопроизводствѣ, вопросъ о мѣстахъ заключенія подсудимыхъ и осужденныхъ путался въ грудѣ другихъ рядовыхъ вопросовъ. Ради его, временами предпринимались кое-какія измѣненія, временами производились улучшенія, но все это не въ систематическомъ порядкѣ, не въ цѣломъ видѣ, а только частями; вообще же вопросъ этотъ стоялъ весьма далеко назади, не смотря на то, что требовалъ самаго сосредоточеннаго вниманія. Тюремный бытъ, своимъ крайнымъ несовершенствомъ, настоятельно взывалъ о помощи и требовалъ коренной переработки.

Литература наша, какъ и всегда во всѣхъ жизненныхъ нашихъ вопросахъ, не оставалась и на этотъ разъ глухою и равнодушною къ тѣмъ воплямъ, которые ясно, но робко доносились изо всѣхъ

мѣстъ заточенія, со всѣхъ пунктовъ ссыльныхъ поселеній. Литература не прикидывалась слѣпою или не желающею вѣдать такія дѣла за недосугомъ и многосторонними сложными занятіями, при видѣ язвъ весьма остраго свойства и заразительныхъ признаковъ. Лѣтъ восемь-десять тому назадъ, вопросъ о ссыльныхъ и тюрьмахъ шевелилъ общественный интересъ, возбуждая вниманіе и участіе съ достаточною силою и настойчивостью при содѣйствіи литературныхъ трудовъ, разбросанныхъ почти во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ того времени. Съ тѣхъ поръ, вопросъ о тюрьмахъ и ссыльныхъ оставался въ архивныхъ дѣлахъ, какъ будто бы и онъ изъ разряда тѣхъ, которые рѣшены окончательно и потому перестали занимать обѣ заинтересованныя стороны.

Съ перемѣною системы уголовнаго судопроизводства и преобразованіями въ нашей карательной системѣ, всѣ прежнія подозрѣнія должны исчезнуть сами собою. Теперь очевидна насущная и неизбывная надобность вести оба дѣла рука объ руку: съ измѣненіемъ карательной системы сдѣлалось священнымъ и неотложнымъ долгомъ коренное измѣненіе системы тюремъ и ссылки. Въ далекомъ и близкомъ прошедшемъ для насъ довольно образцовъ для того, чтобы не дѣлать крупныхъ промаховъ и не утѣшаться наружнымъ блескомъ и лоскомъ того, что внутри прогнило насквозь, и— стало быть—никуда не годится.

Новая реформа, пущенная уже въ ходъ, не позволитъ теперь прибѣгать къ поверхностнымъ измѣненіямъ изъ-за одного хвастовства и, для очистки совѣсти, вырабатывать только казовые концы: новымъ заплатамъ, хотя бы и изъ заграничныхъ матерій, на ветхомъ рубищѣ уже и не удержаться теперь. Судебная реформа слишкомъ глубоко внѣдрится въ нашу молодую, воспріимчивую и плодоносную почву, кореннымъ образомъ переработываетъ все ветхое зданіе старыхъ пріемовъ и порядковъ, и весь старый судъ. Волчецамъ и терніямъ расти тутъ не мѣсто: они могутъ только глушить всходы и мѣшать росту молодыхъ побѣговъ. Система заключенія и ссылки только тогда не станетъ бить вкось и въ сторону, когда всѣми голосами начнетъ вторить здоровымъ и сильнымъ мотивамъ новаго и молодого двигателя и дѣятеля. На это у насъ имѣется много основаній

для надеждъ; много данныхъ для того, чтобы не грѣшить больше противъ требованій духа времени и человѣколюбія.

Преобразованіе нашего уголовнаго судопроизводства сдѣлало необходимымъ пересмотръ уложенія о наказаніяхъ, которое съ одной стороны мѣшаетъ суду смягчать наказаніе нѣсколькими степенями (по вновь предоставленному ему праву), — съ другой, оставаясь при устарѣлыхъ взглядахъ и понятіяхъ, не всегда точно и прямо можетъ опредѣлить надлежащую мѣру взысканія и сознательно успокоиться на томъ, что такое-то наказанія легче, другое тяжелѣе. Такъ напримѣръ, въ силу благопріятно-сложившихся обстоятельствъ (о которыхъ мы подробно разскажемъ ниже) заключеніе въ арестантскихъ ротахъ гражданскаго вѣдомства сдѣлалось легче, чѣмъ заключеніе въ рабочихъ ротахъ военнаго вѣдомства, — между тѣмъ первое заключеніе, по уложенію, полагается высшимъ исправительнымъ наказаніемъ. Точно также подлежитъ большому сомнѣнію и то, чтобы рудниковыя каторжныя работы, производимыя по требованіемъ и указаніямъ правильной науки, могли продолжаться на прежномъ суровомъ положеніи въ рукахъ людей, получающихъ гуманное образованіе въ средѣ цивилизованнаго общества. Мы имѣемъ много данныхъ для того, чтобы видѣть гораздо большую тяжесть наказанія для тѣхъ преступниковъ, которыхъ судьба ввѣрена людямъ, менѣе умягченнымъ воспитаніемъ, и которыхъ трудъ и работа подчиняются не законамъ науки, а произволу, Сибирскія арестантскія роты и, между ними, Омская крѣпостная (нашедшая такого талантливаго бытописателя, какъ авторъ «Мертваго Дома») являются въ несравненно болѣе суровой и болѣе грозной формѣ, чѣмъ, наприм., всѣ рудники, промыслы и заводы Нерчинскаго горнаго округа. Между тѣмъ, работы на рудникахъ и промыслахъ нерчинскихъ, управляемыхъ горными офицерами, назначались для каторжныхъ 1-го разряда, а сибирскія арестантскія рабочія роты, дозираемыя военными офицерами, считаются во 2-мъ разрядѣ наравнѣ съ заводами, надзоръ за которыми ввѣряется гражданскимъ чиновникимъ. Мы уже не говоримъ о томъ, что въ послѣднее время системы примѣненія труда ссыльныхъ на мѣстахъ изгнанія подвергались сильнымъ измѣненіямъ, и трудъ направлялся совсѣмъ не въ ту сторону и шолъ не по тому назначенію,

на которое надѣялся и указалъ судъ. Назначалась ссылка въ рудники въ то время, когда ни одинъ изъ нихъ не дѣйствовалъ по прежнимъ пріемамъ, а на большую половину они стояли залитыя водой, — только на самую малую часть рудники разработывались по системѣ вольно-наемнаго труда свободными людьми, сибирскими старожилами. Самый способъ содержанія и обращенія съ ссыльно-каторжными въ послѣднее время измѣнился противъ прежняго, но не установился въ опредѣленную и желаемую форму: онъ былъ смягченъ въ одно время и вдругъ снова началъ стремиться къ болѣе крутымъ и строгимъ мѣрамъ. Послѣдовательнаго, разъ выработаннаго и установленнаго взгляда на это дѣло не стало: отъ личнаго характера лицъ и отъ уровня ихъ міросозерцанія зависѣло то, на что силятся имѣть прямое и непосредственное вліяніе коренныя государственныя узаконенія.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что въ настоящее время достаточно смягчился взглядъ на преступленія и преступниковъ въ общемъ сознаніи всѣхъ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ. Особенно рельефно и законченно выясняется это въ наши дни въ рѣшеніяхъ присяжныхъ, въ ихъ взглядѣ на преступленія и на степени возмездія за нихъ, и мы думаемъ, что источникъ подобнаго явленія вытекаетъ непосредственно изъ народной почвы. Въ этомъ отношеніи выборные отъ общества не въ разладѣ съ нимъ.

Слово *колодникъ*, какъ эпитетъ ссыльнаго, исчезаетъ изъ народнаго употребленія, ослабѣвши въ своемъ значеніи, какъ извѣстно, съ тѣхъ самыхъ поръ, когда исчезло на Руси то орудіе наказанія, которое дало свое имя всякому преступнику ссыльному и не ссыльному. Иноземное слово *арестантъ* до сихъ поръ остается только въ казенныхъ бумагахъ и на языкѣ оффиціальныхъ лицъ; въ народъ оно не ушло. Народъ упорно стоитъ противъ этого названія, какъ упорно не соглашается всякаго ссыльнаго признать *преступникомъ*. И это слово онъ не принимаетъ въ свой языкъ, не умѣя осмыслить его для себя въ своемъ мягкомъ сердцѣ. Всякаго преступника, идущаго въ тюрьму, въ ссылку, на поселеніе, на каторгу, нашъ народъ вездѣ (и въ Россіи и по Сибири) называетъ «*несчастнымъ*».

На сколько это слово вѣрно, и какъ видѣнъ въ томъ протестъ

противъ отжившаго свой вѣкъ стараго суда, на сколько его можно примѣнить къ русскимъ преступникамъ, на сколько, наконецъ, оно имѣетъ права гражданства передъ всѣми другими, ему однозначущими—мы рѣшились объяснить то рядомъ разсказовъ.

Разсказы эти—плодъ личныхъ нашихъ наблюденій надъ бытомъ ссыльныхъ въ Сибири, по дорогѣ съ Амура. Наблюденіями этими мы хотѣли бы внести и свою посильную лепту въ число тѣхъ матеріаловъ, изъ которыхъ по частямъ начали созидать новое зданіе тюремной системы. Мы считаемъ это тѣмъ болѣе своевременнымъ, что нѣкоторыя казенныя учрежденія (морское и военное министерства) озаботились уже устройствомъ такихъ тюремъ, до которыхъ доработалась Европа, руководимая началами цивилизаціи и гуманности. Третье вѣдомство (министерство Внутр. Дѣлъ) успѣло уже собрать краткія свѣдѣнія о состояніи тюремнаго дѣла въ Россіи, но не произвело ещо наблюденій надъ сибирскими тюрьмами и не провѣрило способа колонизаціи Сибирскаго края ссыльными преступниками. Этотъ-то именно пробѣлъ мы желали бы отчасти дополнить и, до нѣкоторой степени, принять участіе и въ загрунтовкѣ другого пробѣла: до сихъ поръ изучалось, съ большею настойчивостію и вниманіемъ, тюремное дѣло только за границей. Наши домашнія дѣла оставались на заднемъ и дальномъ планѣ и порождаютъ вѣроятіе опасеній, что зданіе, сооружаемое на невѣдомой почвѣ, можетъ простоять только нѣкоторое время и потомъ снова потребовать уже не ремонта, а коренной перестройки. Примѣръ подобной неудачи у всѣхъ насъ на памяти.

Ещо Екатерина II прилагала не мало заботъ къ тому, чтобы устройство мѣстъ заточенія производилось по началамъ христіанскаго человѣколюбія. Одинъ изъ ея указовъ предписываетъ, чтобы тюрьмы были расположены внѣ городовъ, на мѣстахъ здоровыхъ и открытыхъ, чтобы при каждой тюрьмѣ была больница, откуда арестантъ выходилъ бы не иначе, какъ по совершенномъ излеченіи, и проч., и проч. Законъ желаетъ, чтобы соблюдалось строгое отдѣленіе мущинъ и женщинъ, признаетъ справедливость различать способы обращенія съ заподозрѣнными и обвиненными. Постановленіе это Екатерина разослала ко всѣмъ губернаторамъ съ приказаніемъ при-

вести его въ исполненіе по всѣмъ подвѣдомымъ мѣстамъ. Но повиновеніе закону было пустымъ словомъ, а произволъ мелкихъ чиновниковъ могъ безразсудно воспротивиться Высочайшей волѣ, и этотъ законъ оставленъ былъ безъ исполненія: тюрьмы продолжали быть нездоровыми и находиться подъ дурнымъ надзоромъ. Между тѣмъ исправленіе тюремъ производилось по указаніямъ знаменитаго друга человѣчества: самъ Джонъ Говардъ, изобрѣтатель пенитенціарныхъ тюремъ, лично осматривалъ наши тюрьмы (и даже умеръ въ Россіи, при посѣщеніи больныхъ въ Херсонѣ, въ 1790 году).

Императоръ Александръ I, слѣдовавшій по стопамъ своей бабки, и успѣвшій придать сильное движеніе многимъ начинаніямъ во имя христіанской любви и благотворительности, поддерживалъ планы Екатерины и по отношенію къ тюремному дѣлу. Въ 1819 году образовано было, подъ предсѣдательствомъ князя Голицына, особое благотворительное общество съ исключительною цѣлію улучшить положеніе заключонныхъ. Работы общества обнаружили добрыя намѣренія и повели къ широкому развитію основной мысли: къ повсемѣстному образованію попечительныхъ тюремныхъ комитетовъ, прожившихъ уже полвѣка и доставшихся въ наслѣдіе и нашимъ временамъ. Настоящее строгое время, преимущественно съ практическимъ дѣловымъ оттѣнкомъ, потребуетъ отъ нихъ новыхъ задачъ и иной службы, сознательнѣе и прямѣе направленной къ цѣли. Нашему времени, послѣ извѣданныхъ неудачъ, уже не приводится удовлетворять себя призрачнымъ существованіемъ такого дѣла, которое непосредственно должно направляться къ опредѣленнымъ и практическимъ цѣлямъ. Теперь нельзя принимать за жизненной фактъ то учрежденіе, которое не съумѣло въ такой долгій срокъ выказать, при живучести, разумное проявленіе жизни. Теперь уже нельзя оправдаться тѣмъ, что въ Россіи, у русскихъ, не достаетъ единомыслія и согласнаго расположенія умовъ, которыя абсолютно необходимы для того, чтобы благопріятствовать успѣхамъ полезныхъ учрежденій, и безъ которыхъ лучшія начинанія слабѣютъ и не разработываются съ подобающимъ стараніемъ:..

Повторять старыя ошибки можно только намѣренно, и несомнѣненъ успѣхъ въ такомъ случаѣ, когда будутъ добросовѣстно органи-

зованы правила для дѣйствій и къ данной цѣли исправленія тюремнаго быта согласно направлены будутъ объ дѣйствительныя силы, изъ которыхъ одна — благотворительность — громадна, другая — сознательное состраданіе къ павшимъ въ порокъ и преступленіе — начинаетъ ясно обнаруживаться во всѣхъ слояхъ общества. Исключенія изъ общаго правила, уклоненія отъ коренныхъ свойствъ народнаго характера на столько стали теперь незначительны и мелки, что, намѣренно уступая имъ мѣсто въ послѣдующихъ статьяхъ, мы увѣрены въ ихъ скоромъ исчезновеніи. Онѣ поютъ уже свою лебединую пѣсню; онѣ ни что иное, какъ послѣдній остатокъ старинной рутины, доставшійся въ наслѣдіе отъ прадѣдовъ, и разгуливающій по бѣлусвѣту, безъ дозволенія общества, до перваго рѣшительнаго запрещенія. Надо только рѣшиться подумать, смѣло приступить и порѣшить съ нимъ разъ и навсегда.

Въ тѣ времена, когда древніе русскіе люди въ безсиліи умственномъ допытывались правды на дыбахъ, огнемъ, водой, вбиваніемъ *подъ ногти* гвоздей (для уразумѣнія *подноготной*), битьемъ палками, прутьями: *длинниками* (для узнанія подлинной) и встрясками, въ тѣ суровыя времена выродились суровыя отношенія къ людямъ, погрѣшившимъ противу закона и общества, и лишеннымъ свободы. Въ старыхъ завѣтшавшихъ и загнившихъ архивахъ, мы находимъ имъ начало, а личныя наши наблюденія позволяютъ намъ видѣть ихъ конецъ въ широкомъ значеніи этого слова. Долговременная борьба мрака со свѣтомъ кончается, нравы умягчились; взгляды на страданія стали шире, и участіе къ страдальцамъ изъ пассивнаго чувства перешло въ сознательное.

Останавливаемся на преступникахъ и беремъ ихъ въ то время, когда они признаны таковыми по суду и, лишенные права жить на родинѣ, идутъ пріобрѣтать новую и знакомиться съ нею на правахъ подневольныхъ путниковъ, ссыльныхъ.

До нашихъ личныхъ наблюденій вспомнимъ однако про старое въ короткихъ словахъ, уже и потому, что матеріалы архивные по вопросу о препровожденіи ссыльныхъ замѣчательно скудны. Сильнѣе и

характернѣе другихъ говоритъ за всѣхъ извѣстный историческій страдалецъ протопопъ Аввакумъ Петровичъ,—одинъ изъ энергическихъ дѣятелей во время смутъ, происшедшихъ по поводу исправленія церковныхъ книгъ при царѣ Алексѣѣ и патріархѣ Никонѣ. Извѣстія его тѣмъ и важны, что относятся къ тѣмъ первымъ временамъ, когда Сибирь укрѣпилась за Россіей въ достаточной мѣрѣ, до того, что правительство, уже признавая ее своею, назначило мѣстомъ ссылки преступниковъ. Значеніе всѣхъ тѣхъ отдаленныхъ украинъ, каковыми считались всѣ мѣста, лежащія по сѣвернымъ и южнымъ окрайнамъ Московскаго государства по сю-сторону Уральскаго хребта, начинало уже ослабѣвать, и Сибирскія страны стали казаться болѣе удобными для ссыльныхъ людей, чѣмъ, напр., степныя мѣста нынѣшнихъ губерній: Тульской, Орловской, Тамбовской, и сѣверныя страны: пермскія, кольскія, устюжскія и другія. Ссылка въ Сибирь въ XVII вѣкѣ сохраняла значеніе колонизаціи новой и обширной страны. Тогдашное законодательство иначе и не понимало ея, къ другимъ цѣлямъ и не стремилось по отношенію ко всѣмъ преступникамъ, исключая только ссыльныхъ за государственныя преступленія лицъ, которымъ судило тюрьму и только въ исключительныхъ случаяхъ сожало на пашню. Всѣхъ другихъ ссылали за тѣмъ, чтобы посадить на пашню,—выдавали хлѣбъ на посѣвъ и лошадей, стало быть и исторія ссылки въ Сибирь начинается исторіею поселеній. Начало исторіи каторги въ значеніи Сибири, какъ каторжнаго мѣста, принадлежитъ отчасти концу прошлаго вѣка и въ настоящемъ вѣкѣ она продолжалась и выразилась въ наиболѣе характерныхъ и опредѣленныхъ чертахъ. Въ прошломъ вѣкѣ каторга была въ Россіи. Петръ понялъ ссыльныхъ преступниковъ, какъ даровую рабочую силу и поспѣшилъ приложить ее къ постройкѣ крѣпостей. Онъ создалъ галерную, каторжную работу въ настоящемъ ея значеніи и прилаживалъ ее вездѣ, гдѣ надобились ему галерныя, земляныя и иныя крѣпостныя работы. Азовъ былъ первымъ каторжнымъ мѣстомъ: сюда Петръ ссылалъ колодниковъ изо всѣхъ мѣстъ и уже не отправлялъ ихъ болѣе въ Сибирь. Когда въ 1709 г. Азовъ возвращенъ былъ Турціи, Петръ съ тою же хлопотливостью и настойчивостію сталъ учреждать каторжныя работы и приспособлять силы ссыльныхъ

на другомъ мѣстѣ и на другомъ морѣ: образовалась каторга въ Петербургѣ, въ Рогервикѣ (нынѣшномъ Балтійскомъ портѣ), въ Шлиссельбургѣ. Въ Петербургъ Петръ требовалъ самыхъ тяжкихъ преступниковъ; въ Рогервикъ-старовѣровъ за бороду, не желавшихъ брить ее или платить штрафы и обязанныхъ такимъ образомъ зарабатывать на нее право. При Аннѣ продолжали строить гавань, при Елисаветѣ начали ссылать сюда и самыхъ тяжкихъ преступниковъ; когда кончена была гавань (въ 1767 г.), тогда прекратилась и ссылка. Не прекратились каторжныя работы въ Россіи и слабо поддерживались и въ Сибири во все продолженіе XVIII столѣтія, руководившагося начинаніями и затѣями Петра. Постепенно измѣнялись каторжные пункты и основывались сообразно пріобрѣтеніямъ новыхъ земель и въ соотвѣтствіи требованіямъ укрѣпленныхъ пунктовъ на границахъ: съ 1736 г. начали ссылать въ Оренбургскій край для постройки крѣпостей: Оренбургской, Орской, Троицкой, Илецкой защиты (на послѣднюю для добычи соли) *). Въ концѣ прошлаго столѣтія понадобились укрѣпленія на днѣпровской линіи и каторжные для постройки крѣпостей: св. Димитрія (Ростова на Дону), Новоалександровска, Таганрога и снова Азова. Ссылка сюда потомъ ограничена, но въ началѣ нынѣшняго столѣтія совсѣмъ прекращена. Попеременно Кронштадтъ, Астрахань **), Ѳеодосія, Херсонъ, Одесса, Кола и Рига, и проч., служили въ прошломъ вѣкѣ соблазномъ, отвлекавшимъ взоры правительства отъ Сибири, гдѣ представлялись благонадежными только Охотскъ съ Камчатскими портами. Смоленская губ. отдавала своихъ отщепенцовъ въ Херсонъ, Плоцкая, Могилевская и Олонецкая — въ Ригу (на водяныя работы), Ярослав. и Вологодская—въ Колу, и проч. Только Сибирск., Оренбур. и Астраханская отправляли въ Сибирь. Только въ концѣ XVIII вѣка, когда почувствовалась для Сибири необходимость въ работахъ, устоявшаяся съ открытіемъ горныхъ заводовъ и золотыхъ рудниковъ въ Екатеринбургѣ и съ основаніемъ фабрикъ въ Сибири (однако господ-

*) На Илекъ, на соляной промыселъ, посылали ссыльныхъ еще въ 1836 г.

**) Въ Астрахань ссылали на селитряные (красноярскіе) заводы.

скихъ фабричныхъ ссылали въ Камчатку),—пошли въ Сибирь по указамъ: солдаты за побѣги, нищіе, бродяги, членовредители, а съ отмѣною смертной казни стали приговаривать всѣхъ тѣхъ, которыхъ освобождали отъ смерти. Въ 1762 г. дозволили владѣльцамъ крестьянъ, по собственному усмотрѣнію отправлять въ губернскія канцеляріи для отправки въ Сибирь, съ зачотомъ за рекрута, съ женами и дѣтьми. Ссылались такимъ образомъ преступники маловажные съ тою же цѣлію водворенія на пашнѣ, къ какой началъ стремиться еще XVII вѣкъ.

Въ уложеніи царя Алексѣя впервые упоминается о ссылкѣ въ Сибирь тѣхъ, которые самовольно приписались къ разнымъ владѣльцамъ, будучи тяглыми московскими и городскими посадскими людьми. Два послѣдующіе за Уложеніемъ указа отмѣняли смертную казнь для воровъ и разбойниковъ и для денежнаго дѣла воровъ и мастеровъ. Ихъ велѣно бить кнутомъ съ отсѣченіемъ перста у лѣвой руки и ссылать въ сибирскіе понизовые и украйные города на черту съ женами и дѣтьми на вѣчное житье. Тогда же велѣно ихъ было устраивать на пашню. Съ 1669 г. стали ссылать безразлично и тѣхъ бродягъ, которые пойманы на воровствѣ и тѣхъ лицъ, которые наѣдутъ лошадью на беременную женщину и, хотя не убьютъ ее, а только причинятъ выкидышъ. Стали ссылать въ Сибирь, укрывателей воровъ, перекупней краденыхъ вещей, подозрѣваемыхъ въ разбоѣ, и проч.

Въ 1679 году, царь Ѳедоръ указалъ всѣхъ «воровъ, которые пойманы будутъ и которымъ за ихъ воровство доведется чинить казнь: сѣчь руки и ноги и тѣмъ ворамъ рукъ и ногъ и двухъ пальцовъ не сѣчь, а ссылать ихъ въ Сибирь на пашню, съ женами и дѣтьми, на вѣчное житье». Ссылка въ украйные города такимъ образомъ окончательно замѣнена ссылкою въ Сибирь. Даны были кое-какія правила для препровожденія ссыльныхъ и распредѣленія ихъ на работы въ Тюмени. Назначены наказанія бѣжавшимъ съ мѣстъ ссылки; начата постройка тюремъ. Въ слѣдующемъ году указъ этотъ былъ поясненъ, а новый указъ 1683 года указывалъ только, вмѣсто пальцовъ и рукъ, рѣзать уши. Это произошло при совмѣстномъ царствованіи двухъ братьевъ Петра и Іоанна; но когда Петръ сдѣлался единовластнымъ правителемъ и былъ увлеченъ желаніемъ закрѣпить границы

своего государства. посредствомъ правильныхъ крѣпостей,—Сибирь, какъ сказано выше, утратила свое значеніе. Въ концѣ своей жизни, Петръ снова началъ усиливать населеніе Сибири ссыльными, водворяя ихъ уже въ такихъ отдаленныхъ мѣстахъ. каковы были страны Охотскія и Нерчинскія (по тогдашному Дауры). Въ 1722 году, окончательно и опредѣленно указано было, какъ на ссыльной пунктъ, на эти Дауры, въ которые пролагалъ самую первую тропу ещо за 60 лѣтъ до того ссыльный протопопъ Аввакумъ. Дорогъ туда не только въ то время, но и далеко потомъ, не было: ходили обычными казачьими путями: или проложенными самою природою (т. е. по рѣкамъ), или цѣликомъ по лѣснымъ трущобамъ. подъ руководствомъ и указаніямъ туземцевъ-инородцевъ. А такъ какъ Аввакуму съ товарищами довелось пробивать первыя тропы, то и было то дѣло «гораздо нудно».

Плывутъ ссыльные на дощаникахъ по рѣкамъ въ безопасныхъ тихихъ мѣстахъ, — льетъ сверху дождь и обсыпаетъ снѣгомъ, а на плечахъ накинуты кафтанишки худые, течетъ вода по спинѣ и груди. Стѣснятъ рѣку горы высокія съ дебрями непроходимыми, утесъ каменный, что стѣна: «и поглядѣть, заломя голову»—мѣсто опасное: быстрая вода переворачиваетъ барку вверхъ боками и дномъ, надо умѣть не погибнуть. Разъ случилось такое горе съ Аввакумомъ: оторвало барку и помчало, «а я на ней, ползаю да самъ кричу (пишетъ онъ): «Владычице, помози! Упованіе, не утопи!» Иное ноги въ водѣ, а иное выползу наверхъ; гнало съ версту и больше; все размыло до крохи». Пороговъ по сибирскимъ рѣкамъ много. Большая Тунгузка (Ангара) ими особенно богата, — тамъ высаживали, заставляли тянуть барки бечевою, а на шеѣ цѣпь желѣзная длинная, а ноги, обутыя въ дырявое измызганное отрепье, рѣжутся объ острые камни. «Не пренебрегай наказаніемъ Господнимъ, ниже ослабѣвай, отъ него обличаемъ. Его же любитъ Богъ, того же наказуетъ»—утѣшалъ себя Аввакумъ, но опять, заурядъ съ другими, попадалъ на новыя бѣды. Приходили къ волоку; надо было пѣшкомъ идти (волочиться, собственными руками дѣлать нарты для поклажи скарба, что оставлено на рукахъ (книги, одежда, и иная рухлядь были отняты). Придутъ на отдыхъ — опять немного радостей: «привезли въ Братскій

острогъ и въ тюрьму кинули, соломки дали. И сидѣлъ до Филипова поста, въ студеной башнѣ, что̀ собачка на соломѣ лежу; коли накормятъ, коли нѣтъ». Мышей много было, какъ во всѣхъ дикихъ непочатыхъ мѣстахъ, гдѣ еще не выжигалъ человѣкъ отъ вѣковъ залежной травы: «мышей я скуфьею билъ, а батожка не дадутъ дурачки. Все на брюхѣ лежалъ; спина гнила. Блохъ да вшей было много». Перевезли въ теплую избу: и я тутъ жилъ съ аманатами—грязными тунгусами и съ собаками скованъ зиму всю, а жена съ дѣтьми верстъ съ 20 была сослана отъ меня. Ее баба Ксенія мучила зиму ту всю: лаяла да укоряла. Сынъ Иванъ (невеликъ былъ) прибрелъ ко мнѣ побывать послѣ Христова Рождества: Пашковъ Аѳанасій *) велѣлъ кинуть въ студеную тюрьму, гдѣ я сидѣлъ: почевалъ милой и замерзъ было тутъ, а на утро опять велѣлъ къ матери протолкать: я его и не видалъ. Приволокся къ матери: руки и ноги отзнобилъ».

Ушли ссыльные за Байкалъ, доплелись степью до рѣки Шилки: по ней тянулись бечевою, и протопопъ лямку тянулъ. «Зѣло нуженъ ходъ былъ: и поѣстъ было не-коли, нежели спать. Лѣто цѣлое мучились отъ водяныя тяготы. Люди изгибали, и у меня ноги и животъ сини были. Два лѣта бродили въ водахъ, а зимами черезъ волоки волочились». «Стало нечего ѣсть, люди начали съ голоду мереть и отъ работныя водяныя бродни. Рѣка (Ингода) мелкая, плоты тяжолые, приставы немилостивые, палки большія, батоги суковатые; кнуты острые, пытки жестокія,— огонь да встряска, — люди голодные; лишь станутъ мучить, ино и умретъ». Промышлять никуда не отпускали; вымѣнялъ протопопъ на женину московскую однорядку 4 мѣшка ржи, съ тѣмъ и маялся два года, съ травою перебиваючись (травою хлѣбъ подспаривая): траву эту вмѣстѣ съ кореньями по полямъ копали, а зимою замѣняли все то̀ сосновою корою, «а иное кобылятины Богъ дастъ!» Кости находили отъ волковъ поражоныхъ

*) Воевода Енисейскій, посланный въ новую Даурскую землю искать пашенныхъ мѣстъ и ставить остроги. Эта экспедиція поставила остроги: Иркутскій и Балагачскій по сю сторону Байкала-моря, Нерчинскъ—по ту сторону и наконецъ — Албазинъ на дальномъ Амурѣ, гдѣ Аввакумъ пѣлъ первый русскій молебенъ.

звѣрей, и что волкъ не доѣстъ, то мы доѣдимъ. А иные и самихъ озябшихъ (замершихъ) ѣли волковъ и лисицъ, и что получатъ: всякую скверну....» Кто дастъ главѣ моей воду и источникъ слезъ, даже оплачу бѣдную душу свою, юже азъ погубихъ житейскими сластьми?—вопрошаетъ протопопъ, кающійся въ томъ, что и самъ, грѣшный, волею и неволею, сдѣлался причастникомъ «кобыльимъ и мертвечьимъ скверным и птичьимъ мясамъ».

Такъ было съ Аввакумомъ ссыльнымъ. Но вотъ велѣно его вернуть въ Москву. Бредетъ онъ въ обратную съ семействомъ своимъ: дали ему подъ ребятъ и подъ рухлядь двѣ «клячки». Самъ съ женой пѣшкомъ идетъ, не смѣя отстать отъ людей, ибо инородцы смотрѣли на пришельцовъ враждебно и грозили опасностью. «Голодные и томные люди» идутъ по варварской странѣ пѣшкомъ и за лошадьми идти не поспѣютъ: «протопопица бѣдная бредетъ-бредетъ да и повалится: скользко гораздо. Въ иную пору, бредучи, повалилась, а иной томный же человѣкъ на нее набрелъ, тутъ-же повалился: оба кричатъ, а встать не могутъ.

Мужикъ кричитъ:

— «Матушка государыня, прости»!

А протопопица:

— Что ты, батько, меня задавилъ?

Я пришолъ. На меня бѣдная пѣняетъ, говоря:

— Долго-ли муки сія, протопопъ, будутъ?

И я говорю: — Марковна! до самыя смерти.

Она, вздыхая, отвѣчала:

— Добро, Петровичъ, ино еще побредемъ».

Такого человѣка мудрено было сокрушить бѣдамъ! Сколько напастей ни вскидывалось на него,—всѣ отлетѣли прочь, какъ отъ того самого каменнаго утеса, о который едва не разбилась утлая ладья изгнанника. Ладью изломало всю, на ней «размыло все до крохи», а протопопъ, вышедъ изъ воды, смѣется въ то время, когда товарищи его плачутъ, «мокрое платье его по кустамъ развѣшивая». Когда воевода хочетъ бить его: «ты-де надъ собою дѣлаешь за по-смѣхъ»— Аввакумъ хладнокровіемъ и кроткими отвѣтами претворяетъ гнѣвъ на милость: «и сталъ по мнѣ тужить.» Когда другіе не его закала

люди отъ такихъ нестерпимыхъ мученій бѣжали въ лѣса и въ другихъ мѣстахъ строили острожки и по наказамъ уже своихъ воеводъ, протопопъ все переносилъ съ терпѣніемъ и хладнокровіемъ, каковыя не оставили его и на кострѣ, середи пламени. Воевода колотитъ его по щекамъ, по головѣ, сбиваетъ съ ногъ; ухватя за цѣпь, лежачаго бьетъ по спинѣ три раза и, разболокши, по той же спинѣ дастъ 72 удара кнутомъ. Аввакумъ пощады не проситъ, но всякому удару противоставляетъ молитву: «Господи Іисусе Христе, помогай мнѣ!» «Какъ били, такъ не больно съ молитвою-то». Выбилъ его воевода съ дощаника на дикой берегъ и съ цѣпью на шеѣ велѣлъ пѣшкомъ брести, — Аввакумъ на берегу варитъ товарищамъ кашу и кормитъ ихъ: и люди тѣ, глядя на него, плачутъ: «жалѣютъ по мнѣ!» И вотъ, разсказывая другу (старцу Епифанію) о всѣхъ злоключеніяхъ, упавшихъ на его голову въ такомъ избыткѣ, сидя въ новой земляной тюрьмѣ въ Россіи, — Аввакумъ, шутливо смѣясь и не рисуясь, по поводу паденія жены на льду и ея малодушія, съумѣлъ обрисовать въ себѣ такого человѣка, съ которымъ не подъ-стать было бороться никакимъ вражьимъ силамъ, порождаемымъ ссылкою. Что же могли испытывать подъ ударами послѣднихъ тѣ, которыхъ судьба привела идти вмѣстѣ съ нимъ и потомъ въ великомъ множествѣ слѣдомъ за нимъ, — тѣ, которые, какъ и протопопица Настасья Марковна, принадлежали къ категоріи людей рядовыхъ, обыкновенныхъ? Въ сибирскихъ тайгахъ безслѣдно заглохли ихъ стоны, но ясные признаки ихъ страданій не мудрено сослѣдить въ откровенной исповѣди того замѣчательнаго человѣка, котораго самъ царь Алексѣй Михайловичъ, сойдя съ своего мѣста и приступя къ патріарху, упросилъ не растригать передъ ссылкой, потомъ, по возвращеніи изъ сибирской ссылки, велѣлъ поставить къ рукѣ, слова милостивыя говорилъ, указалъ поселить на монастырскомъ подворьѣ въ Кремлѣ и, ходя мимо двора, кланялся «низенько-таки, а самъ говорилъ: благослови-де меня и помолись о мнѣ; шапку въ иную пору, мурманку снималъ, изъ кареты бывало высунется, и всѣ бояре послѣ его челомъ да челомъ: протопопъ, благослови и помолися о насъ!» Надъ такимъ человѣкомъ воеводѣ Пашкову (изъ тѣхъ же кремлевскихъ бояръ), издѣваться уже не приводилось въ желаемой имъ мѣрѣ и во

всю силу его строптиваго духа. А Пашковъ былъ сынъ своего вѣка, и передъ «сыпами» этими проходили въ ссылку все черносошные люди, сидѣльцы тюремные, воры, на пыткахъ пытаные, смерды смердящіе. На жалость и состраданіе въ тѣ времена такіе люди надѣяться уже никакъ не могли.

Въ концѣ XVII вѣка, когда и на Сибирь пало обязательство служить ссыльнымъ мѣстомъ для преступниковъ, значеніе этой страны не было еще такъ ясно опредѣлено, какъ въ наше время. Правительство еще не могло составить прежнихъ привычекъ и колебалось между южными и сѣверными русскими украйнами, и даже въ 1669 году, солдатъ за торговлю виномъ, табакомъ и инымъ корчемнымъ питьемъ, послѣ нещаднаго битья на козлѣ, съ женами и дѣтьми ссылало либо въ Сибирь, либо на Терекъ.

Въ XVII столѣтіи для ссыльныхъ назначались сначала въ Сибири мѣста, ближайшія къ Россіи—страны пермскія и тобольскія, и еще въ 1696 году строили въ Верхотурьѣ дворъ со стоячимъ тыномъ для ссыльныхъ и велѣно въ немъ «поставить сколько избъ пристойно для жительства». Здѣсь принимали ссыльныхъ, записывали ихъ въ особыя книги (описанія). Не смотря на то, что за 25 лѣтъ до этого событія, черезъ 12 лѣтъ послѣ Аввакума, прошли по проторенной имъ тропѣ въ дальныя мѣста Сибири другіе политическіе ссыльные: непокорные черкасы—запорожскіе мятежные люди—отдаленныя мѣста Сибири получили окончательное назначеніе для ссыльныхъ позднѣе. Только въ 1722 году (10-го апрѣля), Петръ указалъ освобожденныхъ отъ каторжной работы (въ Россіи) и назначенныхъ къ ссылкѣ въ дальніе города Сибири «посылать съ женами и дѣтьми въ Дауры на серебряные заводы». При Аннѣ Ивановнѣ (въ 1733 году), въ число ссыльныхъ пунктовъ включенъ былъ даже такой отдаленный, какъ Охотскъ.

Въ концѣ XVIII вѣка ссылка въ Сибирь стала принимать болѣе широкіе размѣры, и значеніе этапнаго пути стало увеличиваться. Количество ссыльныхъ въ Сибирь возросло. Понадобились новыя тюрьмы, новые способы препровожденія. Но перемѣнъ противъ стараго времени и противъ пріемовъ прошедшаго столѣтія не произошло никакихъ. Вмѣсто Верхотурья стали повѣрять и считать ссыльныхъ

въ Тюмени, гдѣ основали такъ называемое «по колодничьей части присутствіе». Въ 1823 году это учотное учрежденіе переведено въ Тобольскъ и названо короче: «Приказомъ о ссыльныхъ». По рѣкамъ везли ссыльныхъ въ дырявыхъ стругахъ по-прежнему; по сухому пути волокли на канатахъ въ тяжолыхъ цѣпяхъ по-старинному, и также по старому предварительно обезсиливали ссыльныхъ на дыбахъ, встрясками, битьемъ кнутами; вмѣсто клеймъ рвали ноздри, чтобы распознали въ толпѣ каторжнаго (отчего толпа и прозвала этихъ людей въ тѣ времена, за постоянное хрипѣнье — *храпами*, храпъ-маіорами). Въ очередяхъ для отправки партій не было никакого порядка: разъ (въ 1773 году) въ Казани накопили столько ссыльныхъ, что принуждены были на два года пріостановить ссылку въ Сибирь, и всю массу преступниковъ (900 человѣкъ каторжныхъ колодниковъ и больше 4-хъ тысячъ поселенцовъ) обратили назадъ въ крѣпости Россіи и на новыя линіи.

Въ XVII столѣтіи вѣдалъ ссыльныхъ Стрѣлецкій приказъ и посылалъ ихъ въ Сибирь съ нарочными посыльщиками, заковывалъ въ кандалы и ручныя желѣза, а не доставало кандаловъ—ковалъ въ ножныя желѣза, и заливалъ ихъ крѣпко на-крѣпко,—и приказывалъ: «Убѣгутъ у тебя колодники, или ты самъ, взявъ съ нихъ окупъ, отпустишь, — то воеводы будутъ бить тебя кнутомъ и сошлютъ самого, вмѣсто тѣхъ людей, которыхъ велъ ты въ ссылку». Потеряетъ посыльщикъ кандалы,—«править на немъ цѣну противъ покупки вдвое»; и о томъ послать грамоты въ Вологду для тѣхъ, которые ссылались въ Сибирь, въ Переяславль и Сѣвскъ для тѣхъ, которые назначались въ Кіевъ,—и въ Симбирскъ для ссыльныхъ на Терекъ. Подводы подъ больныхъ колодниковъ и подъ вещи состояли на обязанности крестьянъ тѣхъ мѣстностей, по которымъ шла арестантская дорога, не имѣвшая еще въ то время прозванія этапной.

Въ XVIII столѣтіи вѣдалъ ссыльныхъ Сыскной приказъ. Въ это столѣтіе успѣли привести въ опредѣленное положеніе обывательскую повинность: велѣли брать подводу до перваго ямa, собирая съ тамошнихъ жителей по очереди, чтобы уничтожить тягость, лежавшую на однихъ передъ другими и вызвавшую эту мѣру. «А какъ прибыли обывательскія въ ямъ, то отпускать ихъ безъ всякаго задержанія»

чтобы не ѣздили на тѣхъ же лошадяхъ дальше (и сколько хотѣли) посыльщики. «За уѣздныя подводы на каждую лошадь прогоны — зимою по одной деньгѣ и лѣтомъ 1 коп. на версту выдавать», чтобы не считали уже посыльщики собственнымъ прибыткомъ и достояніемъ то, что̀ принадлежало по праву прилагавшимъ къ дѣлу трудъ и жертвовавшимъ для него временемъ и животиною. Кандалы и желѣза оставили для ссыльныхъ на прежномъ положеніи, но придумали новую мѣру — для удержанія отъ побѣговъ сковывали преступниковъ въ кучу. Въ Новгородской губерніи какой-то молодецъ изъ тюремщиковъ, по силѣ этого постановленія, съострилъ тѣмъ, что сковалъ по ногѣ смердовскаго погоста дьякона съ чужой женой, а дьяконицу сковалъ особо въ другой палатѣ и держалъ такъ недѣли съ двѣ. Велѣно указомъ (1744 года 21-го сентября) отдѣлять мужчинъ отъ женщинъ, ибо сіе «христіанскому благочестію противно и чинится беззаконно; подобныя дѣла могутъ быть соблазномъ и ко грѣху причиной». Но одно было на бумагѣ, — другое являлось на дѣлѣ. Борьба теоріи съ практикой и въ прошлой вѣкъ шла съ тѣмъ же усердіемъ, какъ и въ предъидущій, и неудачи примѣненія первой ко второй повторялись съ одинаковымъ упорствомъ и постоянствомъ. Ихъ было много.

Еще въ началѣ прошлаго столѣтія измышлена была надобность въ составленіи статейныхъ списковъ преступленій съ обозначеніемъ: кто именно въ какомъ дѣлѣ судимъ былъ «и пытанъ ли, и что̀ съ пытки показалъ на себя или на иныхъ на кого наговорилъ»*); — но въ 1755 г. понадобился новый указъ, предписывавшій отправлять въ Сибирь съ колодниками письменныя отношенія, обозначая въ послѣднихъ, за какія вины и къ какому наказанію кто изъ преступниковъ присужденъ **). Въ декабрѣ 1802 года настала новая надобность это требованіе подкрѣпить, а въ слѣдующемъ году (12-го января 1803) подтвердить его вновь; но все-таки въ 1819 году, при ревизіи Сибири Сперанскимъ, найдено, что партіи ссыльныхъ были отправляемы и препровождаемы въ Сибирь безъ малѣйшаго порядка.

*) Наказъ Петра нерчинскимъ воеводамъ, 5-го января 1701 г.

**) Сенатскій указъ 9-го августа 1755 г.

«Управленіе не имѣло точныхъ, бо́льшею частью даже и никакихъ свѣденій о томъ, кто и за что именно сосланъ и къ какому роду и сроку ссылки приговоренъ, а составлявшіеся въ пограничныхъ мѣстахъ статейные списки смѣшивали въ одно и каторжныхъ, и поселенцовъ, и мужчинъ, и женщинъ, и взрослыхъ, и дѣтей. Дальнѣйшая судьба сосланныхъ находилась въ рукахъ смотрителей, которые разбирали, по произволу, даже въ личныя услуги. Кто куда попалъ, тотъ тамъ и оставался, совершенно независимо отъ важныхъ различій, опредѣляемыхъ уголовными законами и основанными на нихъ приговорами. Въ Томскѣ Сперанскій нашолъ подпоручика Козлинскаго, который, лечась отъ ранъ и болѣзни въ Перми, вдругъ былъ схваченъ и препровожденъ сюда вмѣстѣ съ партіею ссыльныхъ. Разслѣдованіе по принятой отъ него просьбѣ доказало, что онъ дѣйствительно состоялъ на службѣ и не имѣлъ за собою никакой вины, но что дотолѣ не могъ заявить о своемъ бѣдственномъ положеніи, такъ какъ ссыльнымъ было запрещено подавать просьбы и вообще писать изъ Сибири. Открылось также множество нелѣпыхъ свѣдѣній, какъ напр., какой-то сосланъ изъ «Шепгурской» губерніи по запискѣ подъячаго, и все это происходило отъ того, что не было никакого контроля *). Но были и крупныя злоупотребленія, на манеръ заявленнаго въ 1811 году тверскимъ прокуроромъ Дребушемъ министру юстиціи (Ив. Ив. Дмитріеву): «Во время осмотра пересыльныхъ колодниковъ, одна женщина, назвавшаяся Крестиною Яковлевою объявила, что она, не будучи судима, ссылается въ Сибирь на поселеніе подъ чужимъ именемъ рижской уроженки Редоко-Янъ, но что она ревельская уроженка, и зовутъ ее Крестиною Ловша Папстъ». По справкамъ обнаружилось, что она представлена въ земскій судъ безъ документа; между тѣмъ въ числѣ подороженъ находилась одна на дворовую дѣвку Редоко-Янъ, но самой той дѣвки въ пересылкѣ не оказалось, а потому Папстъ и приняли за нее **).... Н. О. Лаба, производившій заселенье Забайкалья нашолъ между прочими ещо тотъ безпорядокъ, что иркут. нижній земскій судъ назначенныхъ на поселеніе засылалъ

*) Жизнь гр. Сперанскаго. т. II. Спб. 1861, ст. 232 и 233.

**) Сен. ук. 8-го октября 1811 г.

вмѣстѣ съ ссыльными въ Нерчинскіе заводы. Когда Лаба спрашивалъ объ этомъ главнаго начальника заводовъ Эллерса, то послѣдній отвѣчалъ ему, что это-де теперь узнать трудно, ибо статейныхъ списковъ колодникамъ не присылаютъ. Эллерсъ ограничился отсылкою свѣденій только о ссыльно- каторжныхъ.

Вмѣстѣ съ такими неурядицами унаслѣдовало нынѣшнее столѣтіе отъ прошлаго неоконченную и никакимъ мирнымъ соглашеніемъ не ослабленную войну съ ссыльными за право ходить въ Сибирь по человѣчески и съ дороги не бѣгать въ лѣсъ на свои законы и полную волю. Вылазки обиженныхъ неправымъ судомъ и жестокимъ нарушеніемъ человѣческихъ правъ начались ещо въ XVII вѣкѣ, когда такихъ людей называли *утеклецами* и смиряли ихъ тѣмъ, что рѣзали имъ уши. XVIII-ый вѣкъ придумалъ имъ рвать особыми щипцами ноздри, измыслилъ штемпеля для наложенія клеймъ на лобъ и обѣ щоки, положилъ водить ихъ на канатѣ. Канатъ, расчитанный на прикрѣпленіе одного, былъ безполезенъ при натискѣ многихъ, при совокупномъ дѣйствіи соединенныхъ силъ; плохо вооружонные конвойные представляли только соблазнъ, вызывающій натискъ. Ссыльные продолжали бѣгать; весь тотъ вѣкъ прошолъ въ неудачной борьбѣ съ ними. Бѣглецы изъ ссыльныхъ сбивались въ большія и сильныя разбойничьи шайки. Борьба эта особенно ожесточилась въ то время, когда произведено въ Сибири открытіе ссыльныхъ мѣстъ, и когда проложенъ болѣе правильный этапный путь. Но на немъ росли колючки и тернія, и росли по мѣрѣ того, чѣмъ плотнѣе укалачивалась дорога: не было силы безъ ѣдкой и жгучей боли ходить по нимъ. Волчцовъ и терній не вырывали, не истребляли; приводилось либо искать въ сторонѣ новыя тропы, и остаткомъ силъ выробатывать для себя какой-либо, болѣе подходящій выходъ. А такъ какъ всю вину въ томъ клали на самихъ утеклецовъ и ничего другого не видали и знать не хотѣли, то утеклецамъ этимъ стало ещо горше, а слѣдомъ за тѣмъ и потому же исканія утеклецовъ сдѣлались сильнѣе и опредѣленнѣе. Въ такомъ видѣ перѣшонныя дѣла достались и настоящему столѣтію, когда уже мудрено было сдѣлать что-нибудь положительное до тѣхъ поръ, пока сами непріятели не пошли на сдѣлку: отступились отъ права на протестъ противъ этапнаго пути, продолжая про-

тестъ противъ тюрьмы. Изъ тюремъ бѣгство стало считаться за первое удовольствіе; побѣгами съ этаповъ ссыльные пріостановились. По крайней мѣрѣ въ такомъ видѣ является дѣло въ наши дни, въ серединѣ нынѣшняго столѣтія. Въ началѣ его война была еще въ полномъ разгарѣ, хотя въ 1811 году устроена внутренная стража, какъ источникъ, изъ котораго стали брать конвойныхъ, а въ 1817 учреждены были этапы. Причины побѣговъ тогда уже немного выяснились.

Сперанскій нашолъ, что «способъ пересылки преступниковъ обрѣтается въ печальномъ состояніи»*). Отряжавшіеся срочно, по указу 12-го марта 1807 года, изъ Оренбургской губерніи башкирцы и мещеряки гнали несчастныхъ какъ гуртъ, обижали ихъ, били и истязали, а смотрители съ своей стороны наживались на ихъ продовольствіи. «Этому печальному неустройству (говоритъ біографъ Сперанскаго) должны были положить конецъ новые уставы о ссыльныхъ и объ этапахъ». И дѣйствительно, въ уставѣ о ссыльныхъ указано, что если бѣжитъ ссыльной съ дороги — то для поимки его дается двѣ недѣли сроку; убѣгутъ двое—партіи не останавливать, не останавливать ея и въ такомъ случаѣ, когда бѣглецъ будетъ пойманъ. Побѣгъ принятъ, наравнѣ съ ослушаніемъ, за неважный проступокъ; виновнаго указано наказать въ полиціи, отмѣтить наказаніе въ статейномъ спискѣ и вести дальше. Но тѣмъ не менѣе рѣшительныя и сильныя

*) Провожали ссыльныхъ съ 1802 года казаки донскаго полка, расположеннаго по дистанціямъ въ Казанской губерніи; дальше вели мещеряки и башкирцы, оставленные въ Сибири съ 1807 (указомъ 12-го марта) до изысканія мѣстнымъ начальствомъ внутренныхъ способовъ. При устройствѣ этаповъ, въ основаніе этапной команды поступилъ Селенгинскій гарнизонной полкъ. Но какъ солдаты его были люди ненадежные, неоднократно наказанные и штрафованные, то велѣно замѣнить ихъ людьми изъ другихъ гарнизонныхъ батальоновъ. Солдаты преимущественно должны быть семейные и хотя невидные по фронтовой службѣ, но отнюдь не вовсе изувѣченные или по чему либо неспособные носить оружіе. Каждому этапу для хозяйства отведены были свободныя земли, чтобы солдаты могли имѣть покосы и пашни, и могли бы строить собственные домы. Этапная команда обязана «прилагать стараніе къ поимкѣ бѣглыхъ и воровъ, близъ дороги укрывающихся, или по крайней мѣрѣ быть для нихъ страшными своею дѣятельностію и поисками до того, чтобы всякое опасеніе насилія на дорогахъ не имѣло основательныхъ причинъ.»

мѣры коренной перестройки всего дѣла ссыльныхъ — побѣговъ не остановили. И послѣ устава придумывались противъ этого зла разныя мѣры.

Думали уменьшить побѣги организаціей этапныхъ партій изъ меньшаго числа людей (60 вм. 100) на лѣтнее время, когда всего больше бѣгали арестанты; и для того, чтобы легче и сподручнѣе былъ надзоръ за ними, каторжныхъ не посылали многихъ вдругъ; старался, чтобы партія приходила на этапъ до наступленія ночи. Противъ бѣглаго, который не сдается и угрожаетъ, начальникъ этапа получилъ право дѣйствовать оружіемъ; городничіе обязаны напоминать партіи объ этомъ правѣ.

Думали удержать отъ побѣговъ тѣмъ, что рѣшили арестантамъ брить половину головы, «возложивъ на обязанность этапныхъ командъ подбривать волосы, когда оные подростутъ» (указъ 14-го іюля 1825 г.). Министръ юстиціи кн. Лобановъ предложилъ при всѣхъ этапныхъ командахъ завести легкіе желѣзные ручные прутья, по примѣру употребляемыхъ на этапахъ, ведущихъ въ Сибирь, и вызвалъ указъ о томъ, въ 1825 году, утвержденный императоромъ Александромъ I 19-го августа. Но въ 1832 году (1-го марта) новый указъ отмѣнилъ прутъ по причинѣ его крайнихъ неудобствъ (о которыхъ будетъ сказано ниже) и замѣнилъ его цѣпью съ наручниками*). Арестанты по поводу цѣпи пошли на уступку, и эта уступка составляетъ пріобрѣтеніе нашего времени и относится къ новой исторіи этаповъ, черты изъ которой мы также приводимъ дальше въ отдѣльномъ очеркѣ.

Чтобы покончить со старою исторіею этаповъ и заключить этотъ краткой очеркъ ея, мы должны упомянуть еще о томъ, что въ настоящемъ столѣтіи удалось искоренить еще одно зло и опять-таки унаслѣдованное отъ прошлыхъ временъ. Уставъ о ссыльныхъ установилъ точный систематическій учотъ всѣмъ ссыльнымъ, и теперь ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть выпущенъ изъ виду; мѣсто нахож-

*) Указомъ 22-го декабря 1827 г. запрещено ковать въ желѣза преступниковъ, лишенныхъ дворянства, въ расчотѣ на то, что они — изъ опасенія и страха въ видѣ простолюдина подвергнуться суду—не побѣгутъ.

денія каждаго изъ нихъ извѣстно существующему въ Тобольскѣ — по проекту Сперанскаго—*приказу о ссыльныхъ***).

Приказъ—единственное учрежденіе въ цѣлой имперіи — вѣдаетъ ссыльныхъ при помощи и содѣйствіи шести экспедицій о ссыльныхъ, учрежденныхъ при каждомъ губернскомъ правленіи, начиная съ Казани и кончая Иркутскомъ. Въ казанской экспедиціи сходятся ссыльные съ цѣлой имперіи и еженедѣльно отправляются въ Пермь— единственный губернскій городъ до Тобольска и Приказа. Казань принимаетъ, Пермь повѣряетъ; тутъ и тамъ обязаны «приводить въ порядокъ документы ссыльныхъ, снабжать ихъ продовольствіемъ и одеждой и распоряжаться о дальнѣйшомъ ихъ препровожденіи. Тобольскій приказъ обязанъ принимать и распредѣлять присылаемыхъ ссыльныхъ, вести имъ счотъ и алфавитъ и при этомъ не принимать ни одного человѣка, о которомъ не будетъ сообщонъ судомъ уголовный приговоръ, и доискиваться причинъ, почему тотъ, о комъ послѣдовало сообщеніе, не поступилъ въ Приказъ».

Въ практическомъ примѣненіи весь этотъ, такъ-называемый *уставъ о ссыльныхъ* обставился такими предварительными подробностями: всякое судебное мѣсто въ Россіи, приговоривши преступника къ ссылкѣ въ Сибирь, увѣдомляетъ Тобольскій Приказъ. Приказъ вноситъ имя ссылаемаго, съ прочими доставленными объ немъ свѣденіями, въ особый списокъ. Списокъ этотъ носитъ на мѣстномъ оффиціальномъ языкѣ названіе «предварительнаго алфавита». По алфавиту этому Приказъ *сожидаетъ* прибытія преступника въ То-

**) Приказъ смѣнилъ однородное съ нимъ, но отличавшееся бездѣятельностію учрежденіе—Общее по колодничьей части Присутствіе. Присутствіе это до 1823 года существовало въ г. Тюмени и установлено было въ началѣ нынѣшнаго столѣтія (именно въ 1807 году), богатаго проектами и всякого рода начинаніями въ силу общечеловѣческихъ и христіанскихъ стремленій. Тогда, по задачѣ Екатерины II, много думали, говорили, писали и дѣлали по улучшенію быта ссыльныхъ и по предмету улучшенія тюремъ. Но и здѣсь, какъ и во многихъ дѣлахъ того времени, произволъ маленькихъ чиновниковъ подтачивалъ благія предначертанія, исходившія свыше. Приказъ явился, какъ мѣра для правильной сортировки ссыльныхъ и для наблюденія за лучшими способами доставленія ихъ на мѣста.

больскъ или увѣдомленія о причинахъ, задержавшихъ его въ Россіи (т. е. болѣзни или смерти, побѣга съ дороги, или назначенія въ крѣпостныя работы во внутреннихъ крѣпостяхъ Имперіи, или же, наконецъ, задержки его въ здѣшнихъ тюрьмахъ по поводу вновъ учиненнаго имъ преступленія и проч.). Когда преступникъ является въ Тобольскъ, Приказъ повѣряетъ его примѣты и вноситъ имя его въ другой списокъ, называемый «алфавитомъ распорядительнымъ». Въ алфавитѣ этомъ обозначается та изъ сибирскихъ губерній, въ которую назначенъ преступникъ: приказъ, при этомъ назначеніи, руководствуется особыми правилами и соображеніями. Затѣмъ онъ передаетъ ссыльныхъ въ вѣденіе сибирскихъ экспедицій (тобольской, томской, красноярской и иркутской), при такъ-называемыхъ статейныхъ спискахъ, гдѣ кратко обозначается преступленіе, указываются примѣты, лѣта, мѣсто родины, званіе, преступленіе и наказаніе. Четыре экспедиціи сибирскихъ губерній, назначивъ ссыльныхъ, по своимъ соображеніямъ, въ округа и волости своихъ губерній, увѣдомляютъ объ этомъ Приказъ для внесенія новыхъ свѣденій въ «алфавитъ окончательный», а сами «за тѣмъ имѣютъ все остальное попеченіе о ссыльныхъ». Алфавитъ окончательный, для бо́льшаго удобства, ведется за каждый годъ отдѣльно и распредѣляетъ преступниковъ по мѣстамъ родины (по губерніямъ) и по родамъ преступленій. Теперь уже ни одинъ ссыльный не можетъ утеряться, какъ это бывало въ старину, до Сперанскаго: при настоящемъ порядкѣ и при той добросовѣстности, съ какими ведутся списки—о каждомъ изъ ссыльныхъ можетъ быть тотчасъ найдено въ приказѣ свѣденіе *).

*) Уставъ о ссыльныхъ такимъ образомъ установилъ самую правильную цифру всего количества сосланныхъ въ Сибирь—единственную вѣрную цифру изо всѣхъ статистическихъ данныхъ, собираемыхъ гдѣ бы то ни было и кѣмъ бы то ни было въ Россіи. Цифра эта, предварительно заданная судебными мѣстами Имперіи, контролируется потомъ личнымъ появленіемъ пришедшихъ изъ Россіи ссыльныхъ, и опредѣлительно провѣряется и окончательно устанавливается отчотами экспедицій. На статистическія данныя Тобольскаго приказа можно съ большею довѣренностію полагаться, чѣмъ на всякія другія данныя другихъ казенныхъ нашихъ учрежденій. Безпоря-

Нашему времени, счастливому благодѣтельными льготами и благотворными преобразованіями, достались на долю и въ дѣлѣ ссыльныхъ и тюремъ многія измѣненія къ лучшему противъ того, до чего не дошла и дойти не могла устарѣвшая система Сперанскаго. Измѣненъ порядокъ распредѣленія ссыльныхъ по Сибири и положенъ задатокъ практически-полезныхъ результатовъ; отчасти потрясенъ въ утлыхъ основаніяхъ своихъ прежній способъ этапнаго препровожденія ссыльныхъ, и уже объяснилось намѣреніе правительства основать новый, на твердыхъ основаніяхъ цивилизаціи и гуманности.

Прежде на волѣ Приказа о ссыльныхъ лежали назначенія ссыльныхъ въ ту или другую губернію Сибири *), теперь предѣлы его власти и произвола приведены въ болѣе тѣсныя и опредѣленныя границы. Теперь приказъ долженъ раздѣлять всѣхъ ссыльныхъ на четыре разряда: ссыльно-каторжныхъ, ссыльно-поселенцовъ, сосланныхъ на житье и переселенныхъ въ Сибирь въ порядкѣ административномъ **).

Въ западной Сибири для ссыльно-каторжныхъ (кромѣ крѣпостей и Омска) нѣтъ теперь мѣста: всѣ проходятъ дальше, въ восточную;

дочность дѣлъ тюменскаго Присутствія по колодничьей части (переданныхъ въ 1842 году въ Тобольскъ) до того безнадежна, что и теперь нельзя извлечь никакой опредѣленной цифры, могущей выяснить количество даже всѣхъ сосланныхъ изъ Россіи въ Сибирь до 1823 года, т. е. до времени преобразованія сибирскихъ учрежденій. Цифра эта такъ и пропала безслѣдно, пропала еще по тому важному обстоятельству, что прежде существовали правила, дозволявшія оставлять ссыльныхъ въ Пермской губерніи на житье; нѣкоторые отбирались для работъ на винокуренныхъ и соловаренныхъ заводахъ той же губерніи. Работа на этихъ заводахъ полагалась въ числѣ работъ каторжныхъ.

*) Приказъ назначалъ по Тобольской губ. въ работу каторжную въ крѣпостяхъ и на заводахъ, въ Омскую поселенную рабочую роту, въ цехъ слугъ, на поселеніе, въ водворяемые рабочіе, на житье съ заключеніемъ и безъ заключенія, въ разрядъ неспособныхъ, и по другимъ сибирскимъ губерніямъ, почти въ томъ же порядкѣ, съ нѣкоторыми временными измѣненіями въ пользу какихъ либо государственныхъ и политическихъ соображеній (какъ напр. въ распоряженіе генералъ-губернатора Восточной Сибири).

**) По мнѣнію государственнаго совѣта, Высочайше утвержденному 15-го іюня 1859 года.

въ западной Сибири остаются ссыльно-поселенцы, поступающіе тамъ въ казенныя работы, чтобы не бродить бездѣльно по волостямъ (какъ это дѣлалось до сихъ поръ). Сосланные на житье оставлены на прежнихъ правилахъ, пока устройство сибирскихъ поселеній и центральныхъ тюремъ не приведено будетъ въ исполненіе. Переселенные въ порядкѣ административномъ получили право жить въ западной Сибири (исключительно *), записываться въ городскія и сельскія сословія и, при хорошемъ образѣ жизни, получаютъ возможность возвратиться въ Россію (только не въ свою губернію и не въ сосѣднія съ нею).

Замѣна пѣшаго препровожденія арестантовъ перевозкою на паровозахъ, пароходахъ и на лошадяхъ постепенно вводилась въ теченіе 1865 и 1866 годовъ, а 27 января 1867 г. установлена даже должность главнаго инспектора, обязаннаго наблюдать за пересылкою арестантовъ и вводить общій, единообразный порядокъ въ дѣйствіяхъ. Для перевозки по желѣзнымъ дорогамъ отводятъ арестантамъ особые вагоны, доставляющіе ихъ въ Нижній. Здѣсь, въ лѣтнее время, готовы, при буксирныхъ пароходахъ, особыя баржи (одна на 300, другая на 400 человѣкъ). Баржи эти представляютъ, въ уменьшонномъ размѣрѣ, подвижной пловучій этапъ, съ нѣкоторыми измѣненіями и большими удобствами: для арестантовъ устроены внутри баржи три большія каюты. Надъ ними, на палубѣ, двѣ отдѣльныя рубки—носовая и кормовая. Въ носовой четыре каюты: для офицера, его канцеляріи, аптеки и лазарета; въ кормовой рубкѣ: кухня, каюта для нижнихъ чиновъ и карцеръ. Мѣсто между обѣими рубками забрано частой рѣшоткой изъ толстой проволоки и служитъ мѣстомъ для провѣтриванья трюмныхъ сидѣльцовъ. На такихъ баржахъ доставляютъ ихъ по Волгѣ и Камѣ въ Пермь разъ въ недѣлю; изъ Перми до Тюмени везутъ на троечныхъ подводахъ и отъ Тюмени до Томска (по Турѣ, Тоболу, Иртышу, Оби и Томи) опять плавятъ водой уже каждыя двѣ недѣли, партіями человѣкъ по 500, но въ баржахъ, уже не отличающихся здѣшными удобствами. На зимніе мѣсяцы, по всему

*) Могутъ эти переселенные возвратиться и въ восточной Сибири, если сами того пожелаютъ.

главному этапному пути, отъ Нижняго на Тюмень и черезъ Тобольскъ до Ачинска, учреждена перевозка въ повозкахъ; но за Ачинскомъ, за которымъ уже начинается такъ-называемая Восточная Сибирь, продолжаетъ ещо дѣйствовать старый способъ этаповъ, а съ нимъ и все остальное на старомъ же положеніи.

Нововведенія также не прямо попали въ цѣль—какъ и слѣдовало ожидать, и судя по способу пріемовъ, до искомой цѣли имъ придется ещо блуждать и путаться. Особенною практичностью пріемовъ мы похвалиться не можемъ, искусствомъ дѣйствовать энергически и смѣло — точно также. Къ тому же, по силѣ моднаго обычая, охотливѣе изучаемъ положеніе извѣстнаго дѣла за границей и, увлекаемые безотлагательною надобностью улучшеній и измѣненій у себя — иностранные способы стараемся внѣдрить прямо въ почву, рѣдко и поверхностно изслѣдуя ея составъ. Большею частію встрѣчаемъ либо противодѣйствующія силы, либо такую крѣпость и затвердѣлость, которыя не поддаются орудіямъ иностраннаго изобрѣтенія и приспособленія, зубрятся и тупятся, но требуютъ новыхъ и своеобразныхъ. Также точно и въ данномъ случаѣ успѣли съѣздить за границу, не въ первый разъ присмотрѣться къ тамошнимъ пріемамъ, но оглядѣться дома, поѣздить по своимъ, напр., сибирскимъ границамъ, не успѣли. Къ тому же, въ Европѣ, по части препровожденія ссыльныхъ, успѣховъ, поучающихъ и руководящихъ, не сдѣлано. Тамъ вопросъ этотъ остается безъ разрѣшенія. Для большой части государствъ онъ дѣйствительно становится инымъ, по недостатку колоній для ссыльныхъ; для двухъ (какъ Франція и Англія) онъ обставляется иными подробностями, для насъ неудобоисполнимыми и непримѣнимыми. Для насъ ссыльныя колоніи наши не за морями и не за океанами; воспользоваться кораблями своими для этого дѣла мы не можемъ, и пріемы Европы, выработанные при этомъ способѣ переправы ссыльныхъ, для насъ не имѣютъ никакого важного, прикладного значенія. Баржи, приспособленныя къ Волгѣ и Камѣ, какъ продуктъ заграничныхъ наблюденій, даже и съ желѣзными сѣтками (несомнѣнно заграничной покупки), не составляютъ ещо всего искомаго, не смотря на то, что представляютъ полезную и пріятную новинку. Наши рѣки служатъ намъ только треть года;

между рѣками залегли такія огромныя пространства для сухопутнаго путешествія, что подобныхъ нѣтъ уже ни въ Европѣ, ни въ Америкѣ. Передъ такими препятствіями не безъ причины же остановились проекты побывавшихъ за границей: и въ то время, когда для Россіи на половину воспользовались кое-какими европейскими указаніями— для Сибири вопросъ ещо далеко не тронутъ, оставаясь большею частію на прежнихъ положеніяхъ. Вотъ уже потребовалась отмѣна зимней перевозки, потому что и при ней «большая часть ссыльныхъ съ Кавказа, изъ южной и средней полосъ Россіи» страдаютъ болѣзнями, и «такимъ образомъ разслабленныя натуры не несутъ съ собою задатковъ труда въ край, нуждающійся въ этомъ, а обращаются ему скорѣе въ тягость». Вредное вліяніе климатическихъ условій и суровость зимы, разрушительно дѣйствуя на здоровье бо́льшей части ссыльныхъ, вызываетъ неизбѣжную мѣру провожать арестантовъ только въ лѣтніе мѣсяцы. Когда остановились на мѣрахъ сухопутнаго передвиженія, — придумали фургонъ для 12 человѣкъ, послали его въ Иркутскъ для испытанія, пригласили въ число экспертовъ и самихъ арестантовъ, впрягли 4-хъ лошадей, поѣхали по каменной мостовой города, и ожидали блестящихъ успѣховъ, но — какъ часто случается у насъ—самыхъ простыхъ практическихъ соображеній не выяснили. На рисункѣ 12 человѣкъ умѣстились красиво, на практикѣ оказалось имъ тѣсно: надо было сидѣть—не шолохнуться, хуже вагоновъ 3-го класса московской желѣзной дороги, чуть не самое каторжное испытаніе для путниковъ на тысячи верстъ и на цѣлыя недѣли. Подъ скамьями можно было запихать только тѣ вещи, которыми снабжаетъ казна (и то не всѣ). Но главное: не находилось подрядчика на цѣны, предложенныя казною; самый экипажъ оказался на столько тяжолымъ, что на горѣ да въ грязь и десяти лошадямъ везти его не подъ силу. Такимъ образомъ настоящіе цѣнители-практики: арестанты и подрядчики—совершенно разошлись во мнѣніяхъ съ изобрѣтателями-теоретиками. Для насъ не важна исторія фургона — мы приглядѣлись къ цѣлымъ тысячамъ таковыхъ: поучителенъ для насъ первый шагъ иркутскаго начальства въ ту сторону, куда ещо до сихъ поръ не ходили, гдѣ ещо не справлялись—въ сторону темную, мало изслѣдованную, презираемую, кинутую на произ-

волъ судьбы и во мракъ невѣденія. Можетъ быть здѣсь-то именно и откроются многія причину тому множеству ошибокъ и неудачъ, о которыхъ мы упомянули мимоходомъ и на пути именно въ эту темную и неизвѣстную сторону. На нее указала намъ нѣкогда наша добрая воля и собственное желаніе, а теперь ведетъ насъ прямо туда и послѣдовательность самаго разсказа.

Русскій народъ назвалъ ссыльныхъ несчастными. Это названіе оставляемъ мы и за всѣми послѣдующими нашими разсказами, не имѣя пока никакихъ основаній для замѣны его новымъ заглавіемъ.

Вотъ эти несчастные, и прежде всего въ — *въ дорогѣ*.

ГЛАВА I.

ВЪ ДОРОГѢ.

Милосердная. — Картина этапнаго странствія отъ Москвы до каторги: дорожныя и тюремныя злоключенія.—Барабанъ.—Сила и значеніе отечественной благотворительности. —Москва.—Купеческіе города. — Старовѣры. — Старыя неурядицы.— Окровавленные колодники.—Своръ милостыни.—Приворотныя кружки.— Обиліе пожертвованій.—Начальническія вымогательства.—Этапные солдаты и командиры. — Похожденіе полушубковъ. — Арестантскія деньги.—Парадъ шествія.—Этапныя любовницы.—Начальники смирные и сердитые.—Тобольская тюрьма. — Желѣзныя прутья и кондалы.—Арестантская артель. — Этапныя каваки.—Этапныя зданія. — Полъ этапы. — Арестантская собственность.—Наручники.—Привалъ.—Майданщики и откупа.—Подводы.—Старосты.—Этапныя крѣпы: вещественныя и нравственныя.—Съ этаповъ не бѣгутъ. — Солдатскіе и офицерскіе доходы. — Бритье головъ и случай съ поляками. — Золотой порошокъ.—Водка.—Нары.—Этапная ночь.—Пасхальная картина.— Весна на этапахъ.—Арестантскія дѣти.—Казармы.—Солдаты.— Сторожа и торговцы.— Растахи. — Несовершенства этапной системы и дороги.—Приходъ арестантовъ на каторгу.

Милосердные наши батюшки,
Не забудьте насъ, невольниковъ,
Заключонныхъ,—Христа-ради!—
Пропитайте-ка, наши батюшки,
Пропитайте насъ, бѣдныхъ заключонныхъ!
Сожалѣйтеся, наши батюшки,
Сожалѣйтеся, наши матушки,
Заключоннымъ, Христа-ради!
Мы сидимъ во неволюшкѣ—
Во неволюшкѣ: въ тюрьмахъ каменныхъ,
За рѣшотками—за желѣзными,
За дверями—за дубовыми,
За замками—за висячими.
Распростились мы съ отцомъ, съ матерью,
Со всѣмъ родомъ своимъ—племенемъ.

Пѣсня «Милосердная».

Вотъ, въ какую простую форму сложилась, и какою нехитрою пѣсней сказалась просьба проходящихъ по сибирскимъ этапамъ арестантовъ,—просьба, обращаемая обыкновенно къ сердоболію обита-

телей спопутнаго селенія. Немного въ этой пѣснѣ словъ, не особенно богата она содержаніемъ, но слова ея не мимо-идутъ, а содержаніе и складъ ея, и особенно напѣвъ, трогаютъ не одни только мягкія, настроенныя на благотвореніе сердца.

Я слышалъ эту пѣсню одинъ разъ въ жизни, но никогда не забуду того впечатлѣнія, какое оставила эта пѣсня въ моей, на тотъ разъ сильно утомленной памяти, въ моемъ усталомъ воображеніи, притупленномъ разнообразіемъ картинъ и поражонномъ неприглядностью и несовершенствомъ картинъ этихъ.

Не помню дня, числа и часа; помню свѣтлый апрѣльскій день, весенняя теплота котораго обязала меня отворить окно и смотрѣть на дешовыя, небогатыя содержаніемъ подробности дѣловой и однообразной жизни сибирской деревни. Созерцаніе такихъ картинъ далеко не ведетъ: отъ нихъ скоро отрываешься и скоро забываешь о нихъ, ради воспоминаній прошлаго, всегда готовыхъ къ услугамъ, всегда живыхъ и свѣжихъ, и чаще всего о родинѣ, которая тогда была для меня и далекою и удаленною.

Такъ было со мною и на этотъ разъ, въ одной изъ самыхъ дальныхъ деревень Забайкальскаго края, у окна одного изъ ея утлыхъ и старыхъ домовъ, въ которомъ засадила меня весенняя распутица и бездорожица.

Я сидѣлъ и слушалъ: и слышалъ на тотъ разъ отдаленные звуки какого-то неопредѣленно-тоскливаго напѣва и строя. Звуки эти унесли воображеніе мое на Волгу, гдѣ, ломая путину и разламывая натружоную и наболѣвшую грудь жосткой лямкой, бурлакъ тянетъ свою унылую пѣсню, подлаживая къ ней свой шагъ, пріурочивая свои разбитыя ноги. Сходство напѣва сибирской пѣсни съ волжской, бурлацкой, на первыхъ порахъ казалось мнѣ поразительнымъ. Но пѣсенные звуки становятся яснѣе и опредѣленнѣе, и досужее воображеніе мое спѣшитъ рисовать уже иныя картины. Вотъ, думалось мнѣ, безжалостныя подруги расплели у невѣсты дѣвичью косу, чтобы накрыть ея голову повоемъ; и вотъ она, невѣста эта, вспомнивъ скорую утрату всей своей дѣвичьей воли,

Что во нѣгѣ у матушки,
Во прохладѣ у братьецовъ,—

выливаетъ все свое горе въ пѣсенной плачъ, у котораго готова только внѣшняя форма, но наружное проявленіе въ напѣвѣ всегда такое самобытное и сильное. Невѣста какъ-будто собрала въ груди все накипѣвшее горе и всѣ слезы, и какъ-будто въ послѣдній разъ въ жизни рѣшилась вылить ихъ всѣ вдругъ и вслухъ всѣмъ. Напѣвъ нашей пѣсни въ такихъ случаяхъ обыкновенно бываетъ не менѣе тоскливый, и не менѣе щемитъ онъ сердце. На этотъ разъ онъ показался мнѣ схожимъ съ тѣмъ, который доносился до моего слуха съ улицы сибирской деревни. Но вотъ пѣсня послышалась ещо ближе. Воображеніе поспѣшило подладить къ ея напѣву другія, новыя, но знакомыя и похожія картины — и въ воспоминаніяхъ всталъ, какъ живой сельскій погостъ: бѣдные и покривившіеся кресты, погнившая и обвалившаяся ограда, много могилъ на погостѣ. На одной могилѣ распластался, упавши на грудь, живой человѣкъ; изъ груди его несется стонъ, слышатся тѣ тоскливые тоны, какими богаты всѣ могильные плачи. Однообразны плачи эти въ содержаніи, одинаковы и въ напѣвѣ. Тоскливѣе напѣва этихъ плачей я не зналъ прежде и не чаялъ встрѣтить потомъ другихъ, которые были бы равномѣрно закончены, одинаково вѣрны своей цѣли и своему смыслу. Но когда изъ-за угла сибирской деревни показалась толпа арестантовъ съ верховыми казаками впереди, съ солдатами по бокамъ, и когда послышалась ихъ пѣсня, вся цѣликомъ, я забылъ о всяческихъ сравненіяхъ; я бросилъ ихъ какъ невѣрныя, далекія отъ образовъ, навѣянныхъ настоящею пѣснею. Тоны арестантской пѣсни сливались въ одинъ; переливы такъ были мелки, что ихъ почти нельзя было отличить и выдѣлить изъ цѣлаго. А въ этомъ цѣломъ слышался одинъ стонъ, и самая пѣсня эта показалась тогда сплошнымъ стономъ: но стоналъ на этотъ разъ не одинъ человѣкъ — стонала цѣлая толпа. Словъ не было слышно (при всѣхъ моихъ напряженныхъ усиліяхъ я не могъ поймать ни одного); слова и тоны слились въ одинъ гулъ; и гулъ этотъ, и стонъ этотъ щемили сердце до того, что становилось положительно жутко и неловко. Такъ и вѣяло отъ пѣсни сыростью рудниковыхъ подземельевъ, мракомъ тюремныхъ стѣнъ, свинцовою тяжестью всяческой каторги, гдѣ человѣку

хуже и безвозвратнѣе, чѣмъ въ другихъ какихъ-либо отчужденныхъ мѣстахъ на всемъ бѣломъ свѣтѣ, на всемъ земномъ шарѣ!

Цѣлые дни потомъ преслѣдовали меня мучительные звуки арестантской пѣсни, и, возвратившись теперь къ ней воспоминаніями, я не могу указать иной, которая отличалась бы болѣе тоскливымъ напѣвомъ, и смѣю увѣрить, что ни одна русская пѣсня не пріурочена такъ къ выраженію внутренняго смысла въ напѣвѣ, ни одна изъ нихъ не бьетъ прямо въ цѣль и въ самое сердце, какъ эта пѣсня, выстраданная арестантами въ тюрьмахъ и на этапахъ. На тотъ разъ кандальная партія осиливала послѣднюю сотню верстъ изъ долгаго и тяжолаго, семитысячнаго и годоваго пути своего. Ей оставалось идти уже немного верстъ, чтобы попасть домой, прямо на каторгу.

Но пока колодники у насъ передъ глазами, мы отъ нихъ не отстанемъ. Не отстанемъ мы отъ толпы этой, хотя она и движется вдоль улицы мучительно-медленнымъ шагомъ, едва волочитъ ноги. Самый звукъ кандаловъ сталъ какой-то тупой, и слышный и громкій потому только, что идущая партія ссыльно-каторжная, въ которой—какъ давно и всякому извѣстно—на каждыя ноги надѣваются тяжолыя пятифунтовыя цѣпи. На этотъ разъ медленная поступь—преднамѣренная, ради сбора подаяній, и вышла она торжественною по тому, что всякій арестантъ увлеченъ пѣніемъ и вводитъ въ артельную пѣсню свой разбитый голосъ, чтобы такимъ образомъ мольба была общею и конечнѣе била въ сердобольныя сердца слушателей.

Стоитъ на улицѣ сплошной стонъ отъ пѣсни, и бережно несетъ свою пѣсенную мольбу эта густая арестантская толпа, точно боится выронить изъ нея слово, сфальшивить тономъ, и поетъ усиленно-громко, словно обрадовалась случаю торжественно и окончательно высказать вслухъ всѣмъ свое неключимое горе.

Задумались, цѣликомъ погружонные въ слухъ и вниманіе, и конные, и пѣшіе: казаки и солдаты; задумались даже эти привычные люди до того, что какъ-будто не видятъ и не хотятъ они видѣть, какъ съ обѣихъ сторонъ отдѣляются изъ толпы арестанты, чтобы принять подаяніе. Пѣсня возъимѣла успѣхъ, достигла цѣли:

подаянія до того щедры и часты, что принимающіе ихъ даже и шапку поднимать не успѣваютъ—и не поднимаютъ.

А между тѣмъ несетъ къ нимъ посильное подаяніе всякой. Несетъ и знакомая мнѣ старушка, у которой единственный сынъ погибъ на Амурѣ, которая отъ многихъ лѣтъ и многихъ несчастій ушла вся въ сердце и живетъ уже однимъ только сердобольемъ и говоритъ одними только вздохами. У ней нѣтъ (я это вѣрно знаю), нѣтъ никакихъ средствъ къ жизни, нѣтъ и силъ, но откуда взялись послѣднія, когда она заслышала на улицѣ эту «милосердную», откуда взялись и деньги, когда бабушка моя очутилась на глазахъ проходящихъ. Дастъ бабушка деньги изъ скопленныхъ ею на саванъ и ладанъ; даетъ она эти деньги, стыдится—и прячется, чтобъ не видали всѣ.

За бабушкой Анисьей (хотя и не костлявой, а жирной рукой) даетъ свою обрядовую дачу и условную милостыню торговый крестьянинъ, купецъ, вчера только успѣвшій оплесть довѣрчиваго казака на овсѣ и хлѣбѣ и давно уже отдавшій всѣ свои помыслы чорству и мертвящему дѣлу «наживанья» капитала. Несетъ онъ свое подаяніе—и оглядывается; дастъ—не хоронится.

Слѣдомъ за нимъ тащитъ свой грошъ или пятакъ бѣдный шилкинскій казакъ, у котораго на то время своего горя было много: и казенные наряды безъ отдыха и сроку, и домашнія невзгоды, которыя скопилъ на казачьи головы пресловутой, тяжолой Амуръ. Даетъ арестантамъ милостыню и малютка, посланная матерью, и сама мать изъ скопленныхъ на свѣчку Богу, изъ спрятанныхъ на чорный день и недобрый часъ.

И всѣмъ имъ въ отвѣтъ, пропоютъ ужо арестанты за деревней такую коротенькую, но сердечную благодарность:

Должны вѣчно Бога молить,
Что не забываете вы насъ,
Бѣдныхъ—несчастныхъ невольниковъ!

Этотъ конечный припѣвокъ и начальная пѣсня въ общемъ видѣ слывутъ подъ названіемъ «Милосердной». Слышится эта пѣсня въ одной только Сибири; но и тамъ она извѣстна была ещо въ началѣ

нынѣшняго столѣтія въ зачаточномъ состояніи—именно въ видѣ коротенькаго речитатива, на образецъ распѣвка нищихъ и сборщиковъ подаяній на церкви: «Умилитесь, наши батюшки, до насъ бѣдныхъ невольниковъ, заключонныхъ Христа-ради». Словами этими просили милостыни *вголосъ*, т. е. кричали на распѣвъ, пока искусство досужихъ не слило словъ въ пѣсню и не обязало извѣстнымъ своеобразнымъ напѣвомъ. Въ Россіи этой пѣсни не поютъ (да здѣсь она и неизвѣстна) не потому, чтобы въ Россіи у арестантовъ отнято было право, обусловленное закономъ и освященное обычаемъ,—право просить къ недостающему казенному содержанію посильного прибавка отъ доброхотныхъ дателей,—но по Россіи «Милосердную» замѣняетъ бой въ барабанъ. Этотъ бой ведетъ къ той же цѣли и обезпеченъ тѣмъ же результатомъ, хотя—по сознанію арестантовъ—и съ меньшимъ успѣхомъ.

— Дай-ка намъ (говорилъ мнѣ одинъ изъ бѣгло-каторжныхъ), дай-ка намъ эту «Милосердную» вдоль Россіи: протянуть, дай-ка-то мы бы сюда съ большими капиталами приходили. Барабанъ — не то...

— Хуже? — спрашивалъ я.

— Барабанъ — дѣло казенное: въ барабанъ солдатъ бьетъ. Не всякому это понятно, а у всякого отъ бою этого тоска на сердцѣ. Всякому страшно. Телячья шкура того не скажетъ, что языкъ человѣчій можетъ.

Вотъ что извѣстно о путешествіи арестантовъ съ мѣста родины до мѣстъ заточенія или изгнанія:

Арестанты, сбитые въ Москвѣ въ одну партію и довѣренные конвойному офицеру съ командою, выходятъ еженедѣльно, въ урочной день, изъ пересыльнаго тюремнаго замка.

Очутившись за тюремными воротами на улицѣ, арестантская партія на долгое время затѣмъ остается на виду народа, въ уличной толпѣ. Толпа эта знаетъ про ихъ горькую участь, знаетъ, что арестанты идутъ въ дальную и трудную дорогу, которая протянется на нѣсколько тысячъ верстъ, продолжится не одинъ годъ. Немного радостей сулитъ эта дальная дорога, много горя обѣщаетъ она арестантамъ тѣмъ болѣе, что пойдутъ они пѣшкомъ, въ кандалахъ, пойдутъ

круглой годъ: и на лѣтней жарѣ, и на весенних дождяхъ, и по грязи осенью, и на палящихъ зимнихъ морозахъ. Путь великъ, велико и злоключеніе; тѣмъ пуще и горче оно, что арестантская дорога идетъ прямо на каторгу, значеніе которой въ понятіяхъ народной толпы равносильно значенію ада.

«Тамъ, — думаетъ народъ, — тамъ, гдѣ-то далеко, за Сибирью, взрыты крутыя, поднебесныя горы. Въ горахъ этихъ вырыты ямы, глубиною въ самые глубокіе рѣчные и озерные омуты. Посадятъ въ эти ямы весь этотъ повинный народъ, посадятъ на всю жизнь, одинъ разъ, и никогда ужь потомъ не вынутъ, и не выпустятъ. И будутъ сидѣть они тамъ, Божьихъ дней не распознавая, Господнихъ праздниковъ не вѣдая; будутъ сидѣть въ темнотѣ и духотѣ подлѣ печей, жарко натопленныхъ, среди грудъ каменныхъ, на такихъ работахъ, у которыхъ нѣтъ ни конца, ни сроку, ни платы, ни отдыху. И изноетъ весь этотъ народъ въ скорбяхъ и печаляхъ, затѣмъ, что ужь имъ всякой выходъ заказанъ, и родина отрѣзана, и милые сердцу отняты, да и яма на каторгѣ глубока — глубока, да и запечатана. Съ цѣпи не сорвешься: казна вездѣ найдетъ. Изъ песку веревочки не совьешь, а на чужой дальной сторонѣ помрешь: и кости по родинѣ заплачутъ. И помогъ бы такому неключимому горю, да силы мало. Вотъ вамъ, несчастные горе-горькіе заключеники, моя слеза сиротская, да воздыханье тяжолое, да грошъ трудовой, кровной: авось и онъ вамъ пригодится. Пригодится хлѣбца прикупить, Богу свѣчку за свои мірскіе грѣхи поставить: онъ вамъ и путь управитъ и въ каторжной темной и глубокой ямѣ свѣту подастъ, силы пошлетъ и духъ вознесетъ. Прощайте, миленькіе! Вотъ вамъ и моя копѣйка нещербатая: чѣмъ богатъ — тѣмъ и радъ»!

Собираетъ арестантская партія, идучи по Москвѣ, мірскія подаянія въ примѣтномъ обиліи, и отъ тѣхъ меньшихъ братій, у которыхъ сердечные порывы непосредственны и потому искренни, и у которыхъ заработная копѣйка только насущная, безъ залишка, самому крѣпко нужная. Порывы къ благотворенію въ этой толпѣ ещо не приняли обыденной рутинной формы и ещо не успѣли снизойти до обычая, который всегда предполагаетъ срокъ и мѣру. Порывъ толпы этой не ищетъ случайныхъ возбужденій: онъ ждетъ только напоминанья.

Достаточно одного появленія арестантовъ на улицѣ, одного звука кандаловъ, чтобъ вызвать порывъ этотъ на дѣло, обратить его на безотлагательное примѣненіе. Съ толпы народной сходитъ на арестантскую партію нероскошная дача: тутъ рубль копѣйки не подшибаетъ. Но тѣмъ не менѣе пожертвованія идутъ справа и слѣва, въ Москвѣ: на бѣдныхъ Бутыркахъ, въ богатомъ купеческомъ Замоскворѣчьѣ; на торговой Таганкѣ и въ извощичьей Рогожской. Чѣмъ больше народу на улицахъ, чѣмъ больше благопріятствуетъ погода и время года скопленію народа на площадяхъ и рынкахъ, тѣмъ и подаянія обильнѣе и ощутительнѣе для арестантской артели. Но разобрать трудно, кто подаетъ больше: случайно ли попавшійся на улицу прохожій покупатель, или прикованный къ улицѣ, ради торговли и промысла, постоянный обитатель ея, изъ торговцовъ и барышниковъ, извощикъ, лавочникъ и проч. Едва ли въ этомъ отношеніи не всѣ благотворители равноправны и равносильны; едва ли существуетъ тутъ какая-нибудь примѣтная разница.

Разницы этой должно искать въ другомъ разрядѣ благотворителей, и именно тѣхъ, которые кончили уже свое дѣло на улицѣ, которымъ улица посчастливила барышомъ и капиталомъ. Благотворители эти засѣли теперь въ большіе дома и ведутъ оттуда большія дѣла. Они тоже не лишены сочувствія къ арестантамъ, но за дѣломъ и недосугомъ, ждутъ сильныхъ возбужденій. Жизнь людей этихъ, принужденныхъ искать системы и порядка, проходитъ размѣреннымъ шагомъ, разбитая на дни и недѣли, гдѣ каждому «дневи довлѣетъ злоба его». Есть въ средѣ дней этихъ и такіе, которые, по старому обычаю, по отцовскому завѣту, по житейскимъ случайностямъ, но опять-таки по предварительному и преднамѣренному назначенію, посвящены дѣламъ благотворенія. Источникъ послѣдняго лежитъ въ томъ же чувствѣ и сердечномъ убѣжденіи, которое въ давнія времена застроило все широкое раздолье русской земли монастырями и церквами, и снабдило тѣ и другія громкими звонами, драгоцѣнными вкладами, богатыми дачами. Родительскія субботы и радуницы, страстная недѣля, многіе господскіе и богородичные праздники, издавна обусловлены обязательною хлѣбною жертвою и денежнымъ подаяніемъ въ пользу страждущихъ,

гонимыхъ и заключонныхъ Христа-ради. Обычай этотъ, равно присущій и одинаково исповѣдуемый всѣмъ русскимъ купечествомъ ближнихъ и дальныхъ, большихъ и малыхъ городовъ, особенно святъ и любезенъ тому большинству его, которое, вмѣстѣ со старымъ обычаемъ, придерживается и старой вѣры. Если, съ одной стороны, сочуствіе къ несчастнымъ сильнѣе въ угнетенномъ, и вѣра въ ученіе, по смыслу котораго «рука дающаго не оскудѣваетъ», цѣлостнѣе и опредѣленнѣе въ старообрядцахъ, то съ другой стороны — зажиточная жизнь и матеріяльное довольство, сосредоточенныя въ раскольничьихъ общинахъ и семействахъ, достаточно объясняютъ намъ большія жертвованія въ тѣхъ городахъ и на тѣхъ улицахъ города Москвы, которыя, по преимуществу, обстроены домами купцовъ-старовѣровъ. «Одѣнемъ нагихъ — говорятъ они въ своей пословицѣ — обуемъ босыхъ, накормимъ алчныхъ, напоимъ жаждыхъ, проводимъ мертвыхъ: заслужимъ небесное царствіе»; «денежка-молитва, что острая бритва: всѣ грѣхи сбрѣетъ»; «а потому одной рукой собирай, а другой раздавай», ибо «кто сирыхъ питаетъ—того Богъ знаетъ», а «голаго взыскать: Богъ и въ окошко подастъ». Эти правила-пословицы дошли до насъ отъ давнихъ временъ нашей исторіи, когда народъ нашъ понятіе о ссыльныхъ и тюремныхъ сидѣльцахъ безразлично смѣшалъ съ понятіемъ о людяхъ несчастныхъ, достойныхъ состраданія. Въ одномъ изъ старинныхъ документовъ, характернѣе другихъ рисующемъ положеніе ссыльныхъ (относящемся къ концу XVII вѣка) мы находимъ очевидное свидѣтельство тому, что нашъ народъ издавна обнаруживалъ готовность посильнымъ приношеніемъ и помощью усладить тяжолые дни жизни всякого ссыльнаго.

Протопопъ Аввакумъ, одинъ изъ первыхъ и сильныхъ противниковъ Никона, находилъ и въ Сибири помощь, и отъ воеводской семьи, жены и снохи («пришлютъ кусокъ мясца, иногда колобокъ, иногда мучьки и овсеца»), и отъ воеводскаго прикащика («мучьки гривенокъ съ 30 далъ, да коровку, да овечекъ съ 5—6, мясцо»). На Байкалѣ, незнакомые встрѣчные русскіе люди надѣлили пищей, сколько было надобно «осетровъ съ 40 свѣжихъ привезли, говоря: вотъ, батюшко, на твою часть, Богъ, въ запорѣ, намъ далъ: возьми себѣ всю»; починили ему лодку, зашили парусъ, и на дорогу снаб-

дили всякимъ запасомъ. Въ Москвѣ благодѣялъ самъ царь съ царицею и боярами (пожаловалъ царь 10 рублевъ денегъ; царица 10 рублевъ денегъ; Лука, духовникъ, 10 рублевъ же; Родіонъ Стрѣшневъ 10 рублевъ же; а Ѳедоръ Ртищевъ, тотъ и 60 рублевъ казначею своему велѣлъ въ шапку мнѣ сунуть»).

Это участіе и эта помощь ссыльнымъ—совершенно неизвѣстныя въ западной Европѣ — у насъ чувства исконныя и родовыя. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что чувство благотворенія выросло и укрѣпилось въ народѣ именно въ то время, когда для ссылки назначили такую страшную даль, какова Сибирь, а для ссыльныхъ людей такимъ образомъ усложнили страданія, потребовавъ отъ нихъ большого запаса силъ и терпѣнія. Только при помощи этого благотворного участія, облеченнаго въ форму матеріальной помощи, могли наши ссыльные (и первые и позднѣйшіе) отчасти противостоять всѣмъ вражьимъ силамъ, исходящимъ въ одно время и изъ суровой природы и отъ жестокихъ людей. Въ примиреніи этихъ двухъ враждебныхъ и прямопротиворѣчивыхъ началъ (каковы общественное участіе съ одной стороны и слишкомъ ревностное и черезъ-чуръ суровое исполненіе службы приставами съ другой), въ стараніи восполнять избыткомъ участія однихъ крайной недостатокъ того же у другихъ: во всемъ этомъ провели большую часть своей изгнаннической жизни наши первые ссыльные. Свой опытъ и свои пріемы они успѣли завѣщать и позднѣйшимъ несчастнымъ. Обѣ силы, и враждебная и благодѣющая, успѣли прожить долгіе годы и уцѣлѣть до нашихъ дней, въ томъ цѣльномъ, хотя отчасти, можетъ быть, и въ измѣненномъ видѣ, что насъ уже особенно и не дивятъ денежныя пожертвованія, высланныя въ послѣднее время изъ-за тюремныхъ стѣнъ на помощь страдающихъ, внѣ ихъ, отъ безхлѣбья и голода.

Во всѣ времена нашей исторіи и въ особенности въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій, правительству представлялась возможность крѣпко опираться на добровольныя приношенія жертвователей и даже подчинять раздачу ихъ различнымъ узаконеніямъ. Во всякомъ случаѣ нельзя отрицать того, что родившееся въ народѣ чувство благотворенія преступникамъ, взлелѣяно и воспитано правительствомъ въ такой сильной степени, что когда ему же понадобилось ослабленіе

его,—всѣ мѣры оказывались слабыми и недѣйствительными. Вотъ коротенькая исторія этой неуладицы:

Царь Ѳедоръ узаконилъ выпускать изъ тюремъ сидѣльцовъ по два человѣка на день для сбору подаяній. На этомъ правѣ колодники основывали свои челобитья на имена послѣдующихъ царей, когда встрѣчали прижимки со стороны приставниковъ. Прижимокъ было много и всѣ челобитья тюремныхъ сидѣльцовъ до временъ Петра переполнены подобными жалобами. Петръ, не любившій справокъ съ народными свойствами, недовѣрчивый къ непосредственымъ народнымъ заявленіямъ, и на этотъ разъ призналъ за дѣйствительныя мѣры—крутыя и рѣшительныя: въ 1711 году онъ постановилъ за отпускъ колодниковъ за милостыней—виновныхъ ссылать на каторгу. Жалобы на то, что заключонные «съ голоду и цынги погибаютъ» не прекратились; законъ продолжали обходить; въ Москвѣ водили колодниковъ на связкахъ по городу для прошенія милостыни, и сенатъ (указалъ 20 сент. 1722 г.) принужденъ былъ повторить запрещеніе. Тѣхъ, которые за карауломъ сидя, прокормить себя не могли, стали отправлять въ разныя мѣста: мужчинъ для казенныхъ работъ въ Московскую губернію съ заработными 4-мя деньгами на день для каждаго, а бабъ и дѣвокъ на мануфактурные прядильные дворы, отъ которыхъ шли имъ кормовыя также по 4 деньги на день. Затѣмъ, если «связки» будутъ въ употребленіи—судьи обязывались штрафомъ. Но уже черезъ мѣсяцъ практика вызвала уступку: тамъ, гдѣ нѣтъ казенныхъ работъ (говоритъ указъ 1722 года отъ 17 октября) отпускать для прошенія милостыни по одной, а гдѣ много человѣкъ: по 2 и по 3 связки. Для связокъ употреблять длинныя цѣпи «съ примѣра того, какія на каторгахъ учинены». Собранное подаяніе узаконено дѣлить только между тѣми, которые сидятъ въ государевыхъ дѣлахъ, а не въ дѣлахъ челобитныхъ (содержавшіеся за долги прокармливались на счотъ кредиторовъ). Екатерина I, слѣпо слѣдовавшая всѣмъ предначертаніямъ мужа, узнавъ, что колодники все-таки съумѣли отбоевать святочное право ходить съ 1-го января по 6-е по дворамъ и по улицамъ,—указомъ 1726 г. (23 дек.) предупредила это дозволеніе, запретивъ его и подтвердивши прежніе указы Петра. Подтвержденія затѣмъ слѣдовали одно за другимъ, обре-

мѣняя суды излишними бумагами, стѣсняя колодниковъ и мирволя приставникамъ къ излишней поживѣ отъ поборовъ и взъимокъ. Въ концѣ концовъ при Аннѣ разные приказы въ Москвѣ продолжали отпускать преступниковъ на связкахъ, безъ одежды, въ однихъ вѣтхихъ рубахахъ, «а другіе пытаные, прикрывая однѣ спины кровавыми рубахами, а у иныхъ отъ вѣтхости рубахъ и раны битыя знать». Велѣно отпускать съ добрыми караульными, безодежныхъ кормить тою милостынею, которую соберутъ одѣтые. Въ 1738 г. 8-го февраля) принуждены были снова формально запретить колодникамъ ходить по міру, потому что просятъ ее не только по разнымъ мѣстамъ, но и въ одномъ мѣстѣ собираются по многу (особенно содержащіеся отъ военной конторы въ подложныхъ отдачахъ рекрутъ). Въ 1744 Елизавета (въ указѣ 16 ноября) признавалась, что колодники продолжаютъ собирать подаянія вмѣстѣ съ бродягами нищими, а потому и приказала въ этомъ случаѣ поступать по указамъ. Въ 1753 г. указъ подтвержденъ. По указу 1754 г. (30 марта) опять видно, что колодники нищенствуютъ по старому, ходя на связкахъ и во многомъ числѣ, а по указу 3 ноября 1756 года—что колодники ходятъ въ Москвѣ по церквамъ, «во время совершенія службы», по домамъ, по кабакамъ, по улицамъ и по торговымъ мѣстамъ съ ящиками, на связкахъ, и притомъ пьянствуютъ и чинятъ ссоры. Указами не унялись и прокуроръ сыскнаго приказа Толстой свидѣтельствовалъ, что колодники «дѣйствительно ходятъ пьяными въ разодранныхъ и кровавыхъ рубашкахъ, объявляя, яко бы изъ сыскнаго приказа пытаные и опредѣленные въ ссылку, и просятъ милостыню съ великимъ невѣжествомъ и необычнымъ крикомъ». Шатуновъ велѣно ловить и поступать по указу, а съ караульныхъ брать штрафы. По указу 1761 года видно, что колодники все-таки просятъ милостыни «съ невѣжествомъ». Съ учрежденіемъ Попечительнаго Общества, уже при Александрѣ (въ 1819 г.), шатанье колодниковъ остановлено не насильственными мѣрами, а регулированною благотворительностью. Къ тюремнымъ воротамъ привинчены были кружки для денегъ. Такія же кружки стали прибивать потомъ въ кордегардіяхъ губернскихъ правленій и къ церковнымъ стѣнамъ. Высыпанныя деньги пошли на улучшеніе пищи въ добавокъ къ кор-

мовымъ казеннымъ. Остатокъ шолъ арестантамъ при освобожденіи изъ заключенія и при отправленіи въ Сибирь. Въ тюрьмахъ заведены были артельные столы: отошла охота шататься со спеціальною цѣлію за подаяніемъ. При отправкѣ въ Сибирь арестанты увидѣли, что пожертвованныя деньги употреблялись на покупку для нихъ нужнаго на дорогу. Увлеченный успѣхами такихъ мѣръ, президентъ комиссіи князь Голицынъ ходатайствовалъ уже о новой мѣрѣ, желалъ отъ генералъ-губернаторовъ предписанія, чтобы подаватели не давали денегъ арестантамъ на руки, а опускали бы ихъ въ кружки. Предписаніе дано— разумѣется — съ полною охотою и готовностію, но и ему судьба судила начало новой борьбы съ регулированіемъ доброхотныхъ подаяній, на каковую потрачено столько же напрасныхъ силъ, какъ свидѣтельствуетъ разсказанная нами исторія. Выдачу милостыни въ руки сверхъ той, которая уже опущена во внутреннія и наружныя тюремныя кружки, мы видимъ въ наши дни въ той же неприкосновенной цѣлости, не ослабленною, не побѣжденною, во всеоружіи несокрушимаго народнаго закона, однимъ изъ тѣхъ обычаевъ, которые безсильны не только искоренять, но и ослаблять всяческіе законы, распоряженія и предписанія. Такъ между прочимъ еще въ 1767 г. замѣчено было, что подаяніе колодникамъ не выдается, а зачисляется въ кормовую дачу, — велѣно наблюдать, чтобы изъ подаянія въ руки каждаго колодника доходило не болѣе 3 коп. на день. Если затѣмъ явится остатокъ, то на него снабжать нужною одеждою. Не смотря однакожъ на это и на то, что по закону арестантъ не имѣетъ права имѣть при себѣ деньги (и для этого установлены обыски), не смотря на то, что давній опытъ указалъ на ненадежнаго посредника съ завистливымъ и алчнымъ окомъ, — жажда благотворительности не устаетъ и не прекращается. Даже какъ будто возрастаетъ она по мѣрѣ того, какъ усложняются противодѣйствующія силы и неблагопріятныя причины.

Обусловливая свое религіозное чувство всякими подкрѣпляющими правилами, взятыми отъ св. Писанія и изъ вѣковыхъ вѣрованій, жертвователи изъ торгующаго сословія Россіи, помимо урочныхъ, обязательныхъ дачъ, идутъ на благотвореніе и въ другія времена, но не иначе, какъ возбужденные и вызванные какимъ-нибудь внѣш-

нымъ признакомъ, напоминаньемъ. Арестантская партія въ этихъ случаяхъ прибѣгаетъ, по волѣ и дозволенію начальства, къ единственному, доступному имъ средству. Въ Россіи — это барабанный бой, производимый конвойнымъ барабанщикомъ; въ пути по Сибири—пѣніе пѣсни «Милосердной», производимое всею путешествующею артелью арестантовъ. Въ Москвѣ, гдѣ, по сознанію всѣхъ ссыльныхъ, идутъ особенно обильныя и богатыя подаянія, вызовы эти тѣмъ болѣе необходимы, что маршрутъ идетъ стороною отъ тѣхъ улицъ, гдѣ по преимуществу сгруппировались домами тароватые богачи. Имена, отчества и фамиліи богачей-благотворителей помнятъ ссыльные и на каторгѣ. Вотъ что я слышалъ тамъ:

— Въ нашей партіи на каждаго человѣка по тридцати рублей привелось, и все съ Москвы одной. Мы на первомъ этапѣ дуванъ дуванили (дѣлежъ дѣлали). Пр—въ да С—въ такія жертвы кладутъ, что вся партія дивится. Пр—въ въ Преображенскомъ далъ всѣмъ ситцу на рубахи, да по три рубля на брата, да въ Богородскомъ наказалъ дать серпянки на штаны и по рублю денегъ.

— Москва подавать любитъ: меньше десятирублевой рѣдко кто подаетъ. Именинникъ, который выпадетъ на этотъ день, — тотъ больше жертвуетъ. И не было ещо такого случая, чтобы партія какая не везла за собой изъ Москвы цѣлой возъ калачей; мы наклали два воза. Съ офицеромъ былъ такой уговоръ: на улицахъ останавливаться дольше, за пять часовъ остановки сто рублей самому Ивану Филатьичу (офицеру) и 10 рублей Семену Миронычу (ундеръ былъ).

— Владиміръ—городъ (сказывали мнѣ другіе каторжные) всѣхъ городовъ хуже: подаяніе сходитъ малое. Вязники Владиміра лучше, но тоже не изъ щедрыхъ. Нижной Вязники перехвасталъ: на Нижномъ Базарѣ жертва большая. И нѣту городовъ богаче и къ нашему брату арестанту сердобольнѣе, какъ Лысково село, Казань городъ, Кунгуръ, Екатеринбургъ, Тюмень; а все отъ того, что въ городахъ этихъ старовѣровъ много живетъ. На подаянія они не скупятся....

— Я вотъ (грѣшный человѣкъ!) хмѣлемъ еще зашибаюсь, а и то въ дорогѣ накопилъ ста два рублей и сюда принесъ: съ тѣмъ и жизнь свою каторжную началъ, а накопилъ бы и триста, кабы не хамло

пьяное Поселенцы каторжныхъ бережливѣй, такъ тѣ и по пятисотъ рублей накопляютъ.

Помимо этихъ доброхотныхъ подаяній и казенныхъ кормовыхъ копѣекъ, выдаваемыхъ арестантамъ на руки, партіи иныхъ сторонніхъ доходовъ имѣютъ уже немного. Собственныя арестантскія деньги передъ отправленіемъ отбираютъ въ губернскомъ правленіи и отправляютъ впередъ ихъ въ Тобольской приказъ съ почтою; у ссыльныхъ, вмѣсто своихъ скопленныхъ денегъ, только квитанціи. Во время остановокъ по тюрьмамъ, арестанты получаютъ иногда подаянія натурой, съѣстными припасами, но отъ этого все-таки артельному капиталу не прибавокъ, при всемъ желаніи и стараніи арестантовъ. Существуетъ для партій ещо одинъ доходъ денежной, но доходъ этотъ, при крайной оригинальности и неожиданности своей, случайной и не всегда вѣрной и благонадежной.

Извѣстно, напр., что за нѣсколько верстъ до большихъ губернскихъ городовъ на встрѣчу партіи выѣзжалъ бойкій на языкъ, ловкій и юркій въ движеніяхъ молодецъ, въ сибиркѣ и личныхъ сапогахъ, который обыкновенно оказывался прикащикомъ или повѣреннымъ того купца, который снимаетъ казенной подрядъ на поставку арестантамъ зимней одежды. Молодецъ этотъ обыкновенно находился въ короткихъ и дружескихъ отношеніяхъ съ партіоннымъ офицеромъ и съ вѣдома его велъ такое дѣло, которое ему привычно и для арестантовъ выгодно. Онъ предлагалъ арестантамъ продать ему имѣющееся на нихъ теплое платье, обыкновенно полушубки, полученные немного времени тому назадъ и въ недальномъ губернскомъ городѣ, при поступленіи въ пересыльную партію. Давалъ онъ немного, но давалъ наличныя деньги, и при этомъ бралъ даже и крѣпко подержанные полушубки, замѣняя ихъ тою рванью, которую привозилъ съ собою и изумляя только однимъ, именно, необыкновенною ловкостью въ покупкѣ, умѣньемъ сойтись и убѣдить арестанта на сдѣлку, для него и для нихъ выгодную. Весь процессъ перекупки совершался въ какихъ-нибудь три или четыре часа, и притомъ не смотря на количество пересыльныхъ: обстоятельство, приводившее всѣхъ въ изумленіе. Выѣзжая на бойкомъ рысачкѣ, молодецъ этотъ успѣвалъ привезти и сдать купленныя вещи хозяину, хозяинъ отвезти и сдать

податливому начальству прежде, чѣмъ оно успѣетъ осмотрѣть партію, прежде чѣмъ партія эта придетъ въ городъ. Дальше дѣло немудрое. Полушубки, подвернутые въ казну ловкимъ перекупнемъ, поступали опять на тѣ же плечи, съ которыхъ третьяго дня собраны, даже рѣдко исправленные, рѣдко измѣненные къ лучшему.

— По крайности обнашивать не приходится: меньше полушубокъ отшибаетъ той дрянью и запахомъ, безъ которыхъ ни романовскимъ, ни казанскимъ овчинамъ не жить — думаютъ арестанты и остаются довольными.

— Хоть и рискованное дѣло прикащикъ обдѣлалъ, а все же я рубль на рубль нажилъ: и слава Богу! въ коммерціи нашей безъ этого нельзя — думалъ въ свою очередь плутоватый подрядчикъ, самодовольно разглаживая бороду и отпаривая животъ дешовымъ и привычнымъ чаемъ и всякими трактирными благодатями.

— Къ казенному жалованью не лишной придатокъ получить дѣтишкамъ на молочишко — смекали про себя третьи, и, довольные другъ другомъ, вели подобныя операціи не одинъ годъ и не въ одномъ мѣстѣ.

Вели подобныя операціи съ полушубками и безъ огульнаго участія всѣхъ ссыльныхъ, предлагая принять артельному старостѣ въ большой кучѣ даже и такіе коротенькіе и узенькіе, что и на подростковъ-ребятъ не годятся. Вся суть дѣла на этотъ разъ заключалась въ томъ, чтобы соблюсти форму, и записать вещи въ расходъ. У ссыльныхъ большею частію полушубки хорошіе, ибо обношены и не смердятъ: съ таковыми-то пожалуй ему и разставаться жалко, а полученные вновь арестанты имѣютъ право продать тутъ же; тотъ же подрядчикъ охотно ихъ покупалъ, чтобы опять всучить ихъ въ тюремный цейхгаузъ *).

Словомъ — довольны всѣ дважды, но разумѣется довольнѣе

---

*) Подъ Тобольскомъ въ подсопорье мошнѣ ссыльныхъ существовалъ такой обычай: на послѣдней станціи кандалы у посельщиковъ покупали заранѣе, потому что, по приходѣ въ городъ, здѣшнія желѣза обыкновенно велѣли снимать и бросать въ кучу, которая разумѣется никогда не провѣрялась.

всѣхъ оставались арестанты, и потому, что видѣли заботливость начальства (какова она ни на есть), и потому, главное, что имѣли капиталъ въ размѣнной ходячей монетѣ. Она имъ нужна, нужна до зарѣзу и крайной безвыходной необходимости. Для арестантовъ по дорогѣ много соблазновъ: и предугаданныхъ, и неожиданныхъ. Одинъ этапной командиръ нѣкогда держалъ, напр., кабакъ (и поэтому этапъ его, помимо казеннаго, носилъ другое названіе — пьянаго) и разсчиталъ правильно: давая изъ личныхъ выгодъ возможную свободу партіи, онъ заставлялъ ее упиваться и пропиваться до нитки, до послѣдняго алтына. Арестанты тѣмъ охотнѣе дѣлали это, что вскорѣ за этапомъ пьянымъ выходилъ на дорогу новый богатый городъ Кунгуръ, щедрый на милостыню и подаянія. Тѣ и другіе пополняли истощонные капиталы, которые вскорѣ и опять усиливались денежными дачами отъ старообрядцовъ въ Екатеринбургѣ и Тюмени. Въ Тюмени наприм. пожертвованія въ большіе праздники Рождества и Пасхи столь велики, сытны и обильны, что этапные арестанты платили смотрителю деньги, чтобы на эти дни не выпускалъ дальше, а далъ бы возможность поѣсть шанегъ, яицъ, кислаго молока и всего того, за что въ другихъ мѣстахъ и дальше приводится платить собственныя и довольно большія деньги.

Деньги, всесильныя, могущественныя, творящія чудеса, деньги освѣщали этапный путь, богатый мракомъ, спасали арестантовъ отъ множества непредвидѣнныхъ бѣдствій. Безъ денегъ и на этапахъ началась бы каторга; безъ нихъ тяжела бы стала путевая жизнь, подневольная и зависимая. Знаютъ это начальники—и берутъ, знаютъ это арестанты—и даютъ деньги за все, за что потребуютъ уже установившійся обычай и безпредѣльный, безграничный, безсовѣстный произволъ. Произволъ и обычай сдѣлали то, что этапная жизнь арестанта сцѣплена была изъ разнаго рода притѣсненій и вымогательствъ. Тутъ мы видимъ цѣлую систему, которая за долгое время успѣла установиться и опредѣленно выясниться. Выяснилась она, по нашему крайному разумѣнію, въ такой формулѣ: всякой человѣкъ по всяческому праву ищетъ свободы; но лишонный ея — ещо сильнѣе и настойчивѣе. Отъ тебя зависитъ моя свобода. Полной свободы ты мнѣ дать не можешь; не въ твоихъ это силахъ, не въ твоемъ это

правѣ; ты самъ мало свободенъ. Но ты человѣкъ тертый, бывалый, а потому смѣлый. Дашь себѣ немножко труда, и можешь удѣлить намъ частицу, кусочекъ этой свободы. Смѣлости и рѣшимости тебя не учить; а намъ все равно; мы съумѣемъ обмануть себя, не разъ обманутые въ жизни, и частицу твоего права и твоей свободы примемъ за цѣлое. Но ты не хочешь, отчасти не можешь, дать намъ этого даромъ. Ты просишь вознагражденія за ту рѣшимость, за ту жертву, которыми рискуешь ради меня: возьми! Возьми, сколько потребуешь, сколько это въ силахъ нашихъ! Но дай намъ подышать этой волей хоть на тотъ же пятакъ или грошъ, какими оцѣнилъ ты эту волю. Знаемъ, что мы обманываемъ себя; знаемъ, что завтра же придется намъ горько и слезно посмѣяться надъ собой, болѣзненно пожалѣть о затраченныхъ деньгахъ; попенять на себя за малодушіе: птичьяго-де молока захотѣли. Но сегодня мы хотимъ забыть о кандалахъ и о заднихъ и переднихъ этапахъ. Сегодня мы только люди, имѣющіе деньги, а завтра, пожалуй, варнаки, чалдоны, храпы. Но сегодня мы пьемъ и пляшемъ во всю ивановскую, потому что добыли на этотъ разъ за деньги непокупное, завѣтное наше право.

Покупаютъ арестанты все; даже право на подаяніе не всегда достается имъ даромъ, и оно иногда требуетъ со стороны партіи денежной жертвы. Денежныя жертвы со стороны арестантовъ пойдутъ потомъ въ безконечность, но начало имъ все-таки въ самомъ началѣ пути.

Ещо въ Москвѣ, тотчасъ по выходѣ партіи ссыльныхъ изъ пересыльнаго тюремнаго замка, бывалые этапные начальники спѣшили заявлять и объяснять тѣ начала, которыми будутъ руководствоваться они сами, а потомъ всѣ остальные товарищи ихъ, ближніе и дальные, этапные командиры.

— Какими васъ, ребята, улицами вести? — спрашивалъ бывало свою партію опытный этапный.

— Хорошими, ваше благородіе! — отвѣчали бывалые изъ арестантовъ.

— Соблаговолите въ барабанъ бить, и прохладу дайте—прибавляли опытные изъ нихъ.

— Прохлада 50 рублей стоитъ; барабанъ столько же. Стало, ров-

но сто на меня, да десять на ундеровъ, по рублю на рядовыхъ, согласны-ли?—говорилъ офицеръ.

— Идетъ!—отвѣчали бывалые изъ арестантовъ, съ полною готовностью, когда на дворѣ праздникъ и не стояла глухая лѣтняя пора; и начинали торговаться, если на ихъ сторонѣ не было такихъ сильныхъ и благопріятныхъ условій.

Свѣжіе, мало опытные арестанты задумаются, удивятся такому риску, такой рѣшимости, зная, «что изъ казенной семитки такихъ денегъ не выкроишь, хоть всѣ иди въ складчину»; но не дойдутъ еще до заставы Рогожской, сомнѣнія ихъ разобьются. Партія пойдетъ медленнымъ, примѣчательно медленнымъ шагомъ, и пойдетъ притомъ не тѣми улицами, которыя ведутъ прямо въ Рогожскую заставу и по маршруту, но тѣми, которыя по преимуществу наполняются торгующимъ народомъ или обставлены домами купцовъ-благотворителей (имена этихъ благотворителей помнятъ ссыльные и на каторгѣ, а дома ихъ хорошо знаютъ и командиры и сами арестанты). Идетъ партія въ неизмѣнномъ, разъ нарисованномъ и навсегда установленномъ порядкѣ: впереди ссыльно-каторжные въ кандалахъ; въ срединѣ ссыльно-поселенцы, безъ оковъ ножныхъ, но прикованные по рукамъ къ цѣпи почетверо; сзади ихъ, также прикованныя по рукамъ къ цѣпи идутъ ссылаемыя на каторгу женщины; а въ хвостѣ неизбѣжный обозъ съ больными и багажомъ, съ жонами и дѣтьми, слѣдующими за мужьями и отцами на поселеніе. По бокамъ, и впереди, и сзади идутъ неизбѣжные конвойные солдаты, и ѣдутъ отрядные конвойные казаки. Смотрите на картину эту въ любую среду (часа въ 4 пополудни), въ Петербургѣ, у Владимірской (хоть напр., въ Кузнечномъ) или въ Демидовомъ переулкѣ; послѣдите ее за Москвой, за Екатеринбургомъ; посмотрите на нее въ Тобольскѣ; все одна и та же, разъ заказанная и нарисованная картина, только, можетъ быть, кое-когда окажется пробѣлъ на мѣстѣ казаковъ. Въ этихъ картинахъ, со временъ Сперанскаго, замѣчательно постоянство и однообразіе.

Привычный, не разъ присмотрѣвшійся, усмотритъ пожалуй во всей этой форменности нѣкоторую фальшь и натянутость, которая стягивается и вытягивается во время прохода партіи городами, и

распускалась, развертывалась свободнѣе за городомъ въ полѣ. Такъ, конечно, это и должно быть. Разглядѣть не трудно, что эта подтянутая форма и поддѣльный порядокъ существуютъ только для Россіи и въ Россіи*); по Сибири арестанты ходили вольнѣе, свободнѣе и распущенніе. Тамъ за парадным порядкомъ не гонялись, чѣмъ премного обязывали арестантовъ, которые довольнѣе дорогами сибирскими, чѣмъ русскими, и прибавляли:

— До Тюмени идемъ, несемъ кандалы на помочахъ, а помочи надѣваемъ прямо на шею — по-россійски. И давятъ кандалы шею, давятъ плечи, а имъ и безъ того на ходу тяжело: все онѣ ноютъ. По Сибири несемъ кандалы на ремешкѣ, на поясу — по-сибирски легче!

— По Сибири вольнѣе идемъ, легче и думаемъ. А думаемъ такъ: если, молъ, начальники къ тебѣ милостивѣй стали, значитъ въ свою сторону пришолъ; и если, молъ, не совсѣмъ она тутъ, то теперь уже близко.

— Сибирь тѣмъ хороша, что врать не велитъ. Въ Расеѣ смиреніе напускай, — за угломъ дѣлай, что хочешь; въ Сибири иди какъ хочешь и каковъ ты есть, не притворяйся: не заставляютъ.

— Въ Россіи думаютъ, что ты самый худой человѣкъ, коли «часы потерялъ, а цѣпочкой обзавелся», а въ Сибири знаютъ, что мы не хуже другихъ, не лучше другихъ! Живутъ и на волѣ люди хуже тебя, а идешь ты на канатѣ за тѣмъ только, что проще другихъ — глупѣе, говорить надо; значитъ — попался, хоронить концовъ не умѣлъ...

До Тобольска партіи шли въ полномъ составѣ, т. е. такъ же, какъ снимаются съ мѣстъ: женщины отъ мужчинъ не отдѣлялись, давая такимъ образомъ возможность видѣть почасту на подводахъ,

*) Одному художнику, желавшему уловить характерный безпорядокъ путешествующихъ арестантовъ, такъ и не удалось положить основы для будущей картины. Выѣзжалъ онъ и въ поле, радѣлъ ему и конвойный офицеръ, но арестанты все-таки вытягивали мертвый солдатскій фронтъ, выстраивали шеренги. Художникъ принужденъ былъ ограничиться личной фантазіей и далъ картину, мало напоминающую этапный растахъ въ его настоящемъ, правдивомъ видѣ.

слѣдующихъ за партіей, мужчинъ и женщинъ, сидящими вмѣстѣ. Понимающіе дѣло знали, что это — счастливыя четы любовниковъ, успѣвшихъ за долгую дорогу перемолвиться, и войти въ сношенія между собою и съ этапными. Съ послѣдними для того, чтобы имѣть возможность пріобрѣсти право припанять за собственныя деньги лишную подводу. Любовнымъ изъясненіямъ не препятствуетъ при этомъ то, что почасту подвода нанимается въ складчину и стало-быть на однѣ сани садятся по двѣ и по три любящихъ пары. По сознанію знатоковъ, женщины-преступницы вырабатываютъ на этапахъ особое душевное свойство, которое мѣшаетъ имъ любить одного и служить на такой долгой срокъ, какой полагался для перехода партіи до Тобольска. Этапная любовница особенной любви къ супружескимъ узамъ не показывала; она рѣдко остается вѣрною тому, кто первый подвелъ подъ ея преступное сердце мину и немного подольше любитъ развѣ только того, кто съ ловкостью соединяетъ важную и существенную доблесть. Доблесть эта для ссыльной женщины заключается въ бережливости, а послѣдняя обезпечиваетъ всегда туго-набитый денежный карманъ. Большинство женщинъ идетъ въ Сибирь за поджоги или за убійство дѣтей, а оба эти преступленія вызываются ревностью и обусловливаютъ въ ссыльной женщинѣ присутствіе пылкихъ страстей. Страсти эти съ одной стороны послужили къ погибели и ведутъ на каторгу, съ другой—изъ пересыльной женщины дѣлаютъ легкую добычу для аматёровъ. Любители эти — по большей части этапные солдаты (на полуэтапахъ, напр., бабы— по уставу—почуютъ въ солдатской караульнѣ), меньшая половина— товарищи-арестанты. Впрочемъ не рѣдки случаи и постоянства въ любви въ формѣ даже какъ будто гражданскаго брака въ тѣхъ случаяхъ, когда защемитъ женское сердце тотъ молодецъ, который сосланъ безъ срока на каторгу, а стало быть не имѣетъ права вступать въ бракъ раньше 11 лѣтъ. Тѣмъ не менѣе эти связи нельзя не считать въ числѣ главныхъ причинъ, что съ этаповъ не бѣгутъ и крѣпко держится народъ обоего пола за невеселой канатъ.

Наблюдающіе за томскимъ острогомъ согласно свидѣтельствуютъ о томъ, что пересыльные арестанты, пользуясь удобствомъ размѣщенія оконъ, выходящихъ на дворъ противъ бани, цѣлые часы про-

стаиваютъ на одномъ мѣстѣ, любуясь издали на моющихся въ банѣ арестантокъ. Подкупъ для достиженія желаемой цѣли почти всегда дѣйствителенъ; иногда употребляется и насиліе. Въ тюремномъ острогѣ арестанты ловко прячутся за двери, чтобы выждать выхода женщинъ; женщины настойчиво лезутъ къ мужчинамъ и артелями (человѣкъ въ 20) дѣлаютъ правильныя вылазки, особенно въ больницу. Одинъ фельдшеръ попробовалъ помѣшать; ему накинули на голову платокъ и щекотали до тѣхъ самыхъ поръ, пока ему не удалось вырваться, изъ весьма опаснаго для жизни положенія, словомъ—пока онъ постыдно не бѣжалъ. Въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ сами смотрители способствуютъ свиданіямъ мужчинъ и женщинъ и берутъ за это рубль сер.

Этапы во всякомъ случаѣ представляютъ больше удобствъ для сближеній на случай любовныхъ интригъ. Такъ объясняютъ и сами арестанты:

— А не выгоритъ дѣло,—не удадутся хлопоты?

— Тогда мы въ разбивку идемъ.

— Что-жъ это значитъ?

— Въ большомъ городу или на хорошемъ этапѣ къ лазарету пристроиваемся. Господа дохтура къ нашему брату жалостливы: отдыхать позволяютъ. А то, такъ и фелшаровъ покупаемъ: эти люди дешовые, на деньги слабые.

— Ну, а дальше что?

— Въ лазаретѣ ждешь—павѣдываешься, когда больше бабъ набралось, женская партія изъ Тобольска проходитъ. У смотрителя тюремнаго выпросишься, три рубля серебромъ подаришь ему успѣхаради: онъ тебя къ женской партіи и припишетъ, на то законъ есть. И пойдешь съ бабами. Дорого это, да что дѣлать?! Фелшаръ, однако, дешевле смотрителя. Этотъ за четвертакъ на койку положитъ, за двугривенный выпуститъ *).

---

*) Замѣчено, что женщины родили, до прихода въ Тобольскъ, дорогой. Придя въ приказъ, просили вступить въ бракъ или назначить въ одну губернію съ возлюбленнымъ. «Были даже неоднократные примѣры, что оставившіе на родинѣ жену или мужа съ дѣтьми и нелишонные всѣхъ правъ

— Кто до женскаго полу охотникъ (разсказывали намъ многіе другіе арестанты), тому траты большія; тому денегъ надо много. Деньги ему надо на подводы; надо всякому солдату дать; офицеру— статья особенная. Опять же на водку изведетъ онъ денегъ двойное, а не то и тройное количество. Смотрите-ка: во сколько ему дорогато обойдется! А дорога дальная, трудная. По Сибири денежныя подаянія меньше, все больше харчомъ да вздохами. Коли не скопилъ денегъ въ Россіи, въ Сибири не наживешь. Такъ и знай!

— Въ Сибири наживаютъ деньги одни только майданщики (т. е. откупщики) *). Майданщику и баба другой стороной кажетъ: въ ней онъ пользу видитъ и по портняжному дѣлу. Во всякой рухляди каторжному большая нужда настоитъ.

— Кто́ же шьетъ, когда въ партію не попадутъ бабы?

— Пьянаго народу въ партіи всегда больше бываетъ, чѣмъ трезвыхъ. Такихъ совсѣмъ почти нѣтъ. А пьетъ народъ, такъ и пропивается, а затѣмъ и забираетъ въ долгъ у майданщика и табакъ и водку. А забралъ, такъ и плати чѣмъ сможешь, кто какое ремесло съ собой унесъ: портной ты—иглой ковыряй; сапожникъ — дратву въ зубы, и все такое. Въ каждой партіи рѣдкій кто ремесла не знаетъ: и ужь во всякой партіи по каждой части найдется дотòчникъ. Такъ это всѣ майданщики и разумѣютъ, и припасъ покупаютъ мастерамъ сами, въ деревняхъ, у крестьянъ. Оттого у майданщиковъ навсегда деньгамъ водъ большой; майданщикъ первый богачъ въ свѣтѣ. Копѣйка у него сильная, да и та алтынным̀ъ гвоздемъ прибивается. Такіе ужь и люди на это дѣло идутъ, особенные.

Въ Тобольскѣ ожидаетъ этапныя партіи тюрьма и въ ней отдыхъ.

состоянія и слѣдовательно не расторгнутые въ бракѣ, просили при жизни ещо кого-либо изъ супруговъ о вступленіи въ новый бракъ съ лицомъ, въ одной партіи идущимъ» — свидѣтельствуетъ одна оффиціальная бумага. По закону: до Тобольска женщинамъ не позволено выходить замужъ,—и ни въ какомъ случаѣ не дозволяется бракъ каторжной женщинѣ съ идущимъ на поселеніе.

*) Это—денежные и ловкіе изъ арестантовъ, снимающіе подряды на содержаніе и продажу водки, картъ, съѣстного и пр. Но объ нихъ подробно скажемъ въ своемъ мѣстѣ, въ слѣдующей главѣ.

Тобольская тюрьма самая большая, самая просторная изо всѣхъ существующихъ въ Россіи, по пути арестантовъ. Отдыхъ или пребываніе въ этой тюрьмѣ, самое продолжительное изо всего времени, назначаемаго для растаховъ (отдыховъ отъ 2 до 5-ти недѣль). Въ Тобольскѣ, какъ извѣстно, со времени учрежденія сибирскихъ губерній, по проектамъ гр. Сперанскаго, существовалъ Приказъ о ссыльныхъ, учрежденный вмѣсто «Общаго по колодничьей части Присутствія», бывшаго до 1823 года въ городѣ Тюмени *). Приказъ занимается сортировкою всѣхъ ссыльныхъ по разрядамъ, назначаетъ опредѣлительно мѣста ссылки, провѣряетъ частные статейные списки и составляетъ новые. Истрачивая на все это примѣтное количество времени, приказъ такимъ образомъ даетъ арестантамъ нѣкоторую возможность перевести духъ, придти въ сознаніе, сообразить прошедшія и отчасти будущія обстоятельства жизни. Тобольская тюрьма, однимъ словомъ, играла весьма важную роль во всей этапной жизни арестантовъ. Знающіе люди примѣчаютъ, что арестанты выходили оттуда опытнѣе; артели ихъ устроивались плотнѣе и прочнѣе. Тюрьма эта, богатая событіями разнаго рода и вида, дающая обильный и разнообразный дневникъ происшествій, являлась чѣмъ-то центральнымъ, какимъ-то высшимъ и важнымъ мѣстомъ, гдѣ арестанту преподается всякая наука, дается всякое поученіе, столь необходимыя для исключительнаго его положенія, для его новой жизни, въ новой странѣ и при новыхъ условіяхъ быта. Рядомъ съ разбивкой по отдѣламъ, по разрядамъ, за тюрьмой идетъ все тотъ же порядокъ, какой былъ установленъ на прежнихъ этапахъ, но съ тою только разницею, что теперь порядокъ этотъ имѣетъ уже опредѣленныя, законченныя формы и правила. Рядомъ съ правомъ Приказа назначать пересыльныхъ арестантовъ на разныя городскія работы, существовалъ побѣгъ и изъ тюрьмы и съ работъ этихъ. Вмѣстѣ со строгостью тюремнаго заключенія и надзора шло объ-руку дѣланіе фальшивой серебряной монеты, составленіе фальшивыхъ видовъ, паспортовъ и печатей. Тюрьма тобольская, не смотря на то, что

*) Сюда же обратно въ прошломъ году переведенъ Приказъ изъ Тобольска на настоящее свое мѣсто, по справедливости.

играла какъ-будто неопредѣленную роль, какъ мѣсто временного помѣщенія, какъ бы роль проходного, только постоялаго двора, — важна была для проходящихъ партій главной стороной: коренной и самостоятельной наукой—наукой жизни въ ссылкѣ, на каторгѣ, на поселеніи, на тѣхъ же этапахъ. У тюрьмы тобольской своя исторія, оригинальная и поучительная,—исторія, могущая служить прототипомъ для всѣхъ россійскихъ тюремъ. Это—резервуаръ, куда стекались всѣ нечистоты, скопившіяся во всѣхъ другихъ русскихъ тюрьмахъ. Ее и на каторгѣ разумѣютъ въ томъ же смыслѣ, какъ разумѣютъ Москву другіе города, торгующіе тѣмъ же товаромъ, по тѣмъ же самымъ пріемамъ и законамъ. Тобольская тюрьма сама даже нѣкогда исполняла роль каторжнаго мѣста и соблюдала въ своихъ стѣнахъ прикованныхъ на цѣпь, къ тачкѣ, и проч.

Въ тобольской тюрьмѣ арестантскія партіи дѣлились на десятки, для каждаго десятка назначался особый начальникъ — десятскій; надъ всѣми десятскими—главнокомандующій староста, выбираемый всею партіею. Приказъ о ссыльныхъ утверждалъ выборъ и затѣмъ уже ни одинъ этапный офицеръ не имѣлъ права смѣнить старосту, развѣ только пожелаетъ этого вся путешествующая община арестантовъ. Староста этотъ обыкновенно собираетъ подаянія, когда несутъ таковыя по пути; онъ же ходитъ съ конвойнымъ по дворамъ тѣхъ селеній, гдѣ стоитъ этапъ и когда назначена въ немъ днёвка.

Изъ тобольской тюрьмы арестантъ выходилъ богачомъ, съ запасомъ новыхъ свѣдѣній насчотъ своего общественнаго значенія и съ запасомъ новыхъ вещей насчотъ казеннаго интереса. Въ мѣшкѣ у него появлялись двѣ рубахи, двое портовъ; на плечахъ новый армякъ—зипунъ изъ толстаго сѣраго сукна, съ желтымъ либо краснымъ тузомъ или двойкой на спинѣ и съ единошорстнымъ родичемъ—штанами и на ногахъ бродни—не сапоги и не калоши—обувь сибирскаго изобрѣтенія и вкуса, простая, но недолговѣчная, либо коты т. е. мелкіе башмаки, начиненные бумагой*). На зимнее время движимое имуще-

*) Въ этомъ случаѣ гражданскіе арестанты не могутъ надивиться и наплакаться тому предпочтенію, которое оказывается военнымъ арестантамъ. Эти вмѣсто котовъ - какъ извѣстно—получаютъ сапоги.

ство его ещо больше возрасталъ въ силу требованій суровой страны: на плечи — душистый тулупъ, на руки варежки и голицы, на ноги суконныя портянки, на голову треухъ — ту уродливую шапку на манеръ башлыка, которую любятъ въ дорогѣ, по глухимъ мѣстамъ Россіи, старики-попы и торгующіе крестьяне. Лѣтняя казенная шапка изъ сѣраго сукна безъ козырька, открывающая затылокъ и уши, дѣлаетъ изъ арестанта чучелу. Имущество это арестантъ можетъ уберечь, можетъ и продать кому угодно, — охотниковъ много: тотъ же конвойный солдатъ, свой братъ торговецъ-майданщикъ, крестьянинъ спопутной деревни и проч. Тулупъ идетъ не свыше двухъ рублей, но бываетъ и дешевле полтинника; цѣна бродней колеблется между трехгривеннымъ и двумя двугривенными, рукавицы (т. е. шерстяныя варежки и кожаныя голицы вмѣстѣ) не свыше двугривеннаго. Продаютъ больше по частямъ, но можно и все разомъ, особенно если подойдетъ дорога подъ большой губернской городъ. Тамъ разговоръ извѣстный: скажешь, что потерялъ, проѣлъ, товарищи украли; выпорютъ за это непремѣнно, или для ускоренія взысканія побьютъ по зубамъ, но накажутъ непремѣнно, потому что арестанту безъ этого прожить невозможно, а новыми вещами снабдятъ также непремѣнно, потому что казнѣ безъ этого нѣтъ иного выхода, было бы нечего дѣлать. Одёвка такимъ образомъ производилась въ каждомъ губернскомъ городѣ, а проматываніе вещей существуетъ во всей силѣ, не смотря на указы, изъ которыхъ первый изданъ былъ ещо въ 1808 году; продавались даже кандалы, т. е. сибирскіе фунтовъ 10—12 вѣсомъ и обмѣнивались у мѣстныхъ барышниковъ на 5 и 4-хъ фунтовые. Барышники за недостающее количество желѣза до вѣсу казенныхъ доплачивали арестантамъ по взаимному договору.

Тобольская тюрьма на этапной путь производитъ то вліяніе, что составу партій давала иное направленіе. До сихъ поръ шли по Россіи всѣ вмѣстѣ, отсюда пойдутъ отдѣльно: каторжные — своей партіей, посельская партія особо, женщины, по указу 1826 года, также въ своей, отдѣльной партіи. Потомъ, на дальнѣйшемъ пути, арестанты умѣли эти партіи спутать и намѣченный законнымъ уставомъ видъ измѣняли по своему уставу, но въ Тобольскѣ объ сортировкѣ

усердно хлопотали. Разъ въ недѣлю выходили оттуда либо кандальная, либо женская и потомъ посельская, либо такъ: первая кандальная; первая, вторая, третья посельскія; потомъ женская, опять посельскія: четвертая, пятая; вторая кандальная и потомъ опять четыре-пять посельскихъ: одна за другою по-недѣльно. Идущіе въ кандалахъ шли вольно, отдѣльно; посельщиковъ по три, по четыре пары приковываютъ къ цѣпи въ наручникахъ по-двое. Наручникъ этотъ изобрѣтенъ командиромъ отд. корп. внутр. стражи, генераломъ Капцевичемъ, и былъ утвержденъ 1 марта 1832 года. Для него потребовалась цѣпь,—прежде ходили прикованными къ пруту. Прутъ оказался неудобнымъ: при ходьбѣ рука каждаго терлась объ его собственный наручникъ, который не всегда приходился по рукѣ. Высокіе люди тащили вверхъ малорослыхъ, а эти тянули руки высокихъ внизъ; слабые за сильными не поспѣвали. Отъ безпрестаннаго тренія, на рукахъ появлялись опухоли и раны; на прикрѣпленныя къ пруту руки нельзя было надѣвать рукавицъ. Холодъ отъ желѣза причинялъ ужасныя мученія, тѣмъ болѣе, что нельзя было дѣлать руками этими никакихъ движеній, чтобы согрѣться. Унтеръ-офицеръ, сопровождающій партію, не имѣлъ права, во время пути, отворять замка, укрѣпленнаго на концѣ прута. Ключъ отъ замка хранился въ особомъ ящикѣ, за казенною печатью, изъ-подъ которой могъ быть вынутъ только по прибытіи въ этапъ, гдѣ находился офицеръ. Слѣдовательно, если заболѣвалъ одинъ изъ арестантовъ въ дорогѣ, то должно было всѣхъ вмѣстѣ сажать на повозку. На ночлегахъ арестанты не имѣли нужнаго покоя, ибо движеніе одного чувствовали всѣ прочіе, прикрѣпленные къ пруту. Каждый разъ, когда нужно было одному изъ нихъ выходить ночью на дворъ, — всѣ товарищи должны были его сопровождать. «Ужасъ и уныніе — свидѣтельствуетъ оффиціальный актъ, — замѣчаемые въ арестантахъ въ то время, когда дѣлались приготовленія прикрѣплять ихъ къ пруту, всеобщая радость и благодарность, возсылаемыя къ благодѣтельному начальству, когда отправляютъ ихъ порознь, въ кандалахъ, явно убѣдили въ томъ, что прутья для нихъ, безъ всякаго сравненія, отяготительнѣе кандаловъ». Прутья, просуществовавшіе восемь лѣтъ (съ 1824 года), были замѣнены цѣпью различной длины (отъ 11

вершковъ до 1½ аршина). На цѣпи теперь другое горе: бойкіе на ногу тянутъ заднихъ тихоходовъ; остановится одинъ за нуждой — всѣ должны стоять и дожидаться, а сковываютъ иногда человѣкъ по восьми, по десяти. Но арестанты и этотъ способъ съумѣли, медленнымъ хожденіемъ (при чемъ нельзя распознавать перваго виноватаго), до того обезобразить, что сами конвойные охотно перестаютъ примѣнять его. Они хорошо знаютъ, что надо пройти въ день до стоянки верстъ 30 и больше. Утромъ вышли, — надо ночевать на полуэтапѣ; опять день идти, чтобы попасть на этапъ. Здѣсь днёвка—дается отдыхъ (растахъ, по тамошнему). На третій день опять путь-дорога до ночевки на полуэтапѣ и днёвки на этапѣ. А тамъ и пошла писать эта медленная путина, долговременная ночевка до мѣста назначенія. Пойдемъ вслѣдъ за арестантами.

Выйдемъ изъ тобольской (а теперь изъ Томской) тюрьмы, чтобы слѣдовать за арестантами снова вдоль этапнаго пути, у котораго конецъ ещо не ближній и во всякомъ случаѣ дальше, чѣмъ для самаго дальняго преступника находится теперь мѣсто его родины. Вотъ что мы слышимъ:

На первомъ привалѣ и отдыхѣ арестанты устроиваютъ въ средѣ своей отдѣльную и самостоятельную артель, которая имѣетъ такой же смыслъ, значеніе и важность, какія имѣютъ всяческія артели, успѣвшія поглотить въ себя все работающее населеніе, во всѣхъ углахъ и странахъ нашего отечества. Устраиваемая на первомъ привалѣ, арестантская артель существуетъ затѣмъ во все время этапнаго пути и существуетъ самостоятельно и отдѣльно отъ той, которая установлена и поощряется закономъ. Не уничтожая, даже не ослабляя смысла и значенія той, которая сочиняется въ Тобольскѣ, по приказу чиновниковъ, эта новая артель въ то же время имѣетъ особенный, самобытный характеръ, съ которымъ плотнѣе и сильнѣе дружится путешествующій преступникъ. Она тоже не требуетъ особыхъ нововведеній, измѣненій и улучшеній; она тоже является въ готовой формѣ, Богъ-вѣсть, когда придуманной, но до сихъ поръ свято соблюдаемой. Арестанты такую артель любятъ и безъ нея не только не ходятъ по этапамъ, но не живутъ и въ тюрьмахъ. Эта артель—жизнь и радость арестантской семьи, ея отрада и покой. Въ

казенной артели полагается староста; въ арестантской—откупщики, *майданщики*: вотъ въ чемъ вся разница этихъ двухъ артелей, повидимому, ничтожная, но въ сущности огромная.

Образованію арестантской артели предшествуютъ торги, со всѣми признаками этого обычнаго вида коммерческихъ операцій. Торги производятся на отдѣльныя статьи: 1) содержаніе водки; 2) содержаніе картъ, съѣстныхъ припасовъ; 4) одежныхъ вещей и проч. (иногда въ примѣчательной подробности). Къ торгамъ допускается всякій, безъ различія, но выигрываетъ только тотъ конечно, у котораго потолще другихъ мошна, который самъ бывалъ въ передѣлкахъ, и дѣло торговли ему и знакомое, и привычное. Это большою частью люди бережливые, скопидомы, у которыхъ замерзло въ сердцѣ всякое поползновеніе на соблазнъ; для которыхъ и въ тюрьмѣ жизнь не безпорядочна, не разбита отчаяніемъ, а несетъ тѣ же живыя струи и рисуется съ тѣми же оттѣнками, какъ и жизнь на свободѣ. Бѣднякъ и разочарованный на такое дѣло не пойдутъ, но не выпустятъ его изъ своихъ рукъ тѣ, которые и на свободѣ маклачили торговлей, и по этапамъ съумѣли уберечь и припрятать кое-какую конѣйку.

Откупныя статьи поступаютъ по большой части въ одинѣ-двои руки, но если идетъ большая партія (напр. свыше ста человѣкъ), торги становятся дробными. Въ одинѣ руки сдаютъ право на содержаніе картъ, костей, юлки и другихъ игорныхъ принадлежностей; въ другія руки поступаетъ торговля табакомъ, водкой и всѣми возбуждающими сластями и удовлетворяющими наслажденіями; въ третьи руки идетъ торговля харчомъ и доставка съѣстныхъ припасовъ. Дробность эта иногда бываетъ еще мельче, но во всякомъ случаѣ торги устанавливались обыкновенно не на всю дорогу отъ Тобольска до каторги. Одни торги существовали до Томска, гдѣ впервые разбивалась партія и на первомъ же этапѣ за Томскомъ устроивались новые торги, до Краснoярска; въ Красноярскѣ — до Иркутска; въ Иркутскѣ уже вплоть до Нерчинска. По Сибири ходятъ партіи человѣкъ въ 200 и болѣе *). Заплативши артелѣ нѣсколько рублей, а иногда и

*) Законъ ограничиваетъ число людей въ партіяхъ во внутреннихъ губерніяхъ отъ 20 до 60 и въ сибирскихъ отъ 50 до 60, 100 и болѣе. Между

десятковъ рублей за право торговли, откупщики-майданщики обязаны уже имѣть все, по первому затребованію арестантской общины. Часть денегъ, полученныхъ съ откупщиковъ этихъ, дѣлится поровну между всѣми остальными; другая, меньшая, сдается на руки казеннаго старосты, который обязанъ, на правахъ казначея, блюсти эту сумму какъ зѣницу ока. На эти деньги староста, съ согласія цѣлой артели и съ ея разрѣшенія, покупаетъ всякія льготы у этапныхъ начальниковъ (офицера или унтеръ-офицера): право пропѣть «Милосердную» и собрать въ спопутной деревнѣ на артель деньги и съѣстные припасы,—право сходить въ баню на этапѣ, иногда выкупаться въ рѣкѣ, сбѣгать въ кабакъ откупщику или его подставному помощнику,—снять кандалы на честное варнацкое слово и принанять, сверхъ казенной, на артельныя деньги лишную подводу, куда садятся сла-

---

тѣмъ среднее число людей въ партіяхъ при еженедѣльной (50 разъ въ году) отправкѣ по этапамъ бывало:

Отъ Полтавы до Харькова . . .	30
» Харькова до Воронежа . .	34
» Воронежа до Тамбова. . .	40
» Тамбова до Пензы	43
» Пензы до Симбирска . . .	47
» Симбирска до Казани . . .	69

Въ Казани же присоединялась и московская партія (изъ ссыльныхъ окрестныхъ губ.), пополненная петербугскою (изъ арестантовъ финляндскихъ, остзейскихъ, литовскихъ, псковскихъ и олонецкихъ). Московская (соединенная) партія расла такъ:

Отъ Москвы до Владиміра . . .	72
» Владиміра до Нижняго. . .	80
» Нижняго до Казани. . . .	85

Въ Казани такимъ образомъ собиралось уже 154 арестанта; въ Дебесахъ (куда сходятся изъ Вятск., Волог., Костр., Оренб. и друг. губ.) число ссыльныхъ среднимъ счотомъ бывало 171.

Отъ Дебесъ до Перми	178
» Перми до Кунгура . . .	182
» Кунгура до Камышлова . .	189
» Камышлова до Тюмени . .	194
» Тюмени до Тобольска . .	220

бые и больные и складываются, снятыя для облегченія въ дорогѣ со всей партіи, кандалы *).

— Гдѣ же панимаютъ подводы?

— Сами этапные лошадей держатъ: солдаты тѣмъ и живутъ. Живутъ тѣмъ же и господа офицеры.

— Да справедливъ ли этотъ послѣдній сказъ?

— На правду-то дѣло пойдетъ, такъ мы (арестанты) и отвѣтить не знаемъ какъ, кто изъ насъ лучше: тѣ ли кто водятъ, али тѣ, что ходятъ. Подъ Казанью былъ этапъ и прозывался пьянымъ; пьяный и былъ: тамъ спаивали всѣ партіи. Въ Енисейской губерніи другой такой этапъ стоялъ и офицеръ жилъ. У него было пять дочерей, а при нихъ онъ кабакъ содержалъ. Мы—люди гиблые, а душа въ насъ все та же: на всякую сласть соблазновъ не отняли и силушки не хватаетъ сладить съ духомъ.

— Прислушайтесь:

«Вышли мы изъ Тобольскаго городу, и не отошли верстъ десяти—слышимъ: кричитъ этапный, который шолъ съ нами:

— Староста!

Подбѣжалъ къ нему староста.

— Спроси партію, по скольку дастъ за статейные списки?

Спросилъ староста партію; отвѣчаютъ:

— Давай по пятаку съ рыла.

— Мало, отвѣчаетъ. Пускай-де даютъ по гривнѣ! — и отослалъ старосту.

Тотъ къ артели.

— Давай по восьми копѣекъ!

Не беретъ: безъ запросу-де.

---

*) На тѣ времена, когда по малолюдству партіи не сладится откупъ, и не будетъ майданщика, обязаннаго оберегать арестантскія удовольствія, запроданныя на откупъ, — на тѣ времена карточные игроки на этапахъ защищались политникомъ противъ унтеръ-офицера. За 10 — 15 коп. съ майдана охотно берутся защищать игру часовые и тогда ведутъ подходы за себя противъ унтера. Впрочемъ, подробности тюремной жизни дадутъ намъ дальше возможность объяснить этотъ вопросъ въ болѣе полномъ, оконченномъ и опредѣленомъ видѣ.

— Ну, чортъ съ нимъ, отсчитывай ему, по гривнѣ.

Развязали мошны, отсчитали деньги, передали старостѣ. Развернули намъ бумагу и вычитали каждому куды и какъ. А знаемъ: даромъ долженъ сдѣлать; даромъ доведетъ до тѣхъ мѣстъ, кому какое уготовано. Надо бы было намъ слышать это самое въ приказѣ. Тамъ не сказали, а тутъ зудъ беретъ: всякому впередъ знать о себѣ хочется. Всякому это лестно. Вотъ тутъ первый соблазнъ. Приказъ сказывать долженъ, да захотѣлъ онъ, видно, помирволить офицеру: нинъ быть дѣлу такъ! А бывало дѣло, и не одинъ разъ бывало такое дѣло. Этапный начальникъ тоже человѣкъ бѣдный».

— То ли бываетъ!!—говорили другіе ссыльные. И кто знаетъ, съ чего это; оттого ли, что такъ подобаетъ, или по какому по другому закону: мы не домекались. А слыхали не разъ, какъ звалъ офицеръ старосту и наказывалъ: «Староста! а что бы партіи-то этапнаго начальника яичками попотчивать». Приходилъ староста въ партію, объявлялъ.

— Можно!—сказывали и отбирали человѣкъ съ десять, самыхъ голосистыхъ. Пѣвуны эти шли по деревнѣ, пѣли заунывную «Милосердную»; на пѣсню выносили яица, а изъ яицъ господинъ начальникъ яичницу себѣ стряпалъ и кушалъ въ полное свое удовольствіе.

Изъ дальнѣйшихъ разсказовъ и распросовъ мы узнаемъ, что съ офицерами и другими провожатыми партія старается жить ладно и во всемъ имъ угождаетъ. Въ свою очередь и офицеръ, глазъ-на-глазъ поставленный съ преступниками, обязанъ мирволить и подлаживаться къ общему тону арестантской артели, чтобы не лопнуло звено въ казенной цѣпи и она бы не разсыпалась. Этапному офицеру сдѣлать это не трудно, потому что ему самому трудиться не надобно: до него все придумано, испробовано и подогнано въ самую мѣру. Онъ самъ искалъ этого мѣста и получилъ его въ награду за долгое терпѣнье, какъ древній русскій воевода, и съ тою же самою прямою цѣлью. Обманывать и обманываться тутъ не для чего: дѣло всему міру извѣстное. Малаго ребенка объ этомъ спросите—и тотъ съумѣетъ отвѣтить. Тутъ чѣмъ ни замазывай—подгрунтовка сейчасъ окажется, не тѣмъ, такъ другимъ краемъ. Инвалидныя мѣста въ недавную старину тѣмъ и славились, что лучше крѣпостной деревни были. Хо-

роши были инвалидныя команды вообще, да и этапныя таковы же въ частности. Между тѣмъ, не трудно было распознать человѣку, что вотъ и ещо житейская задача — влачить и ладить утлое житейское судно свое между ножомъ и артельнымъ полуштофомъ, между крупными ругательствами и десяткомъ яицъ за кротость права и уживчивость. Законъ уступокъ не знаетъ, на него надѣяться нечего; если по закону: когда убѣжитъ поселенецъ—накажетъ солдата командиръ, но за то если убѣжитъ каторжный—военный судъ, какъ снѣгъ на голову. Опять же законъ больше себя очищаетъ, съ силами твоими не всегда справляется: велитъ прилагать стараніе къ поимкѣ бѣглыхъ и воровъ, которые укрываются вблизи дороги, или по крайней мѣрѣ быть для нихъ страшными своею дѣятельностію и поисками. Законъ въ то не входитъ, какъ приспособить желаніе его и гдѣ взять для исполненія его возможность, досугъ и силы. Хорошенько поглядишь на дѣло—и-видишь, что жизнь даритъ только двѣ крайности: либо въ стремя ногой, либо въ пень головой; сегодня—деньги на приварокъ отъ артели, изъ доброхотныхъ подаяній, если дано ей посильное послабленіе; завтра — всѣ въ лѣсъ убѣгутъ, если нажилъ человѣкъ крутой нравъ и натрудилъ сердце, а за то ему: лишеніе годового оклада жалованья, судъ, клейменая отставка.

Вотъ тѣ искусственныя крѣпы, какими спутываются набалованные бродяжествомъ и тюрьмой люди съ тѣми людьми, у которыхъ сердито сердце отъ житейскихъ неудачъ, а пожалуй и отъ той же забалованности. Арестанты забываютъ на время пути по этапамъ свою бродячую повадку; приставники въ свою очередь должны поступиться кое-какими изъ своихъ личныхъ правъ. Въ итогѣ у тѣхъ и другихъ выходитъ круговая порука, взаимное обязательство жить между собою мирно и ладно. Отсюда замѣчательная случайность: арестанты съ этаповъ и съ этапной дороги почти никогда не бѣгутъ. Бываютъ примѣры, но очень рѣдко, и тѣ выпадаютъ большею частію на Забайкалье, на мѣста, сосѣднія каторгамъ или на пустынныя въ родѣ странъ за-ленскихъ *); а, кажется, чего бы легче и удобнѣе: у самой

*) Пустыни по тракту въ Якутскъ и дальше до Охотскаго края и Камчатки съ двумя винокуренными и однимъ солеваренным Охотскимъ за-

дороги такая лѣсная треща, что стоитъ вскочить въ нее — и собаками не сыщешь, особенно если не зимнее время, не лежитъ снѣгъ глубокими сугробами, а стоитъ весна-красна или лѣто жаркое, трава-мурава шелковая, а промежъ ней всякое коренье сладкое и ягоды рдяныя. Стоитъ, сговорившись всѣмъ, крикнуть «уру», чтобы вся партія разомъ схватилась съ мѣста и брызнула что вода изъ чана, въ разныя стороны: что тутъ какихъ-нибудь 20-30 конвойныхъ противу ста или полутораста предпринять могутъ? И на плечахъ-то у нихъ старыя кремневыя ружья съ осѣчкой! Да не въ томъ дѣло.

— Бѣжать съ этапа невыгодно,—увѣряютъ бывалые арестанты. Да и артель наша такого дѣла не терпитъ. Умѣлые начальники такъ сказываютъ: «Дѣлайте, братцы, что хотите, а мнѣ чтобы ни одного бѣглаго въ партіи не было. Урвется который — всю партію къ цѣпи прикую». А наложатъ цѣпь: для нашего брата ни въ которое время хорошо не бываетъ. Лѣтомъ эта цѣпь суставы ломаетъ; зимой отъ цѣпи всѣ кости ноютъ. На нашей партіи одинъ разъ стряслось такое дѣло: наложили. На морозѣ цѣпь настыла, холоднѣе самаго морозу стала, и чего-чего мы на переходъ-отъ этотъ не напримались! Мозгъ въ костяхъ, кажись, замерзать сталъ, — таково было маетно и больно, и не въ людскую силу, и не въ лошадиную!.. *).

«У насъ (говорили другіе ссыльные), изъ нашей партіи единожды бѣжалъ молодой да не бывалый — горяченькій. Іокнуло сердце и суставы затрещали прежде времени. Думали: цѣпи не минуемъ, а зима во всей силѣ. Собрались мы въ кучу, потолковали, померекали, пришли къ начальнику:

— Такъ молъ и такъ, ваше благородіе. А вы намъ сдѣлайте эту милость: пустите на поиски! Мы вамъ этого бѣглаго сыщемъ, что-

---

водомъ издавна служили исключеніемъ для этого правила. Въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшнаго столѣтія ссыльные организовались очень часто въ большія разбойничьи шайки. Въ 1832 г. высшее Правительство знало, что при вниманіи конвойныхъ въ небольшомъ числѣ, ссыльные дѣлали побѣги и производили грабежи, а потому указомъ 26 февр. установило на этомъ пространствѣ въ 400 верстъ три этапа.

*) Освобождали отъ *каната*, т. е. цѣпи желѣзной, за 2 коп. съ человѣка, каковыя деньги удерживались изъ кормовыхъ.

бы вамъ со счоту не сбиваться и передъ начальствомъ своимъ не отвѣтствовать.

— Ладно! говоритъ.

Офицеръ былъ старый: свое дѣло зналъ, да зналъ онъ и нашего брата; чутокъ былъ на варнацкое слово *).

— Ступайте! говоритъ. И конвойныхъ намъ не далъ. Пошли мы отъ своей артели; пошли на ея страхъ; сами изъ себя и сыщиковъ выбрали. Въ лѣсу сдѣлали облаву. Проходили ночь, много утра на другой день взяли. Въ полуденъ черезъ сутки сошлись, гдѣ сказано, и къ начальнику привели прибылого да новенького: бѣжалъ отъ насъ молодой парень лѣтъ восемнадцати, а наши ребята старика сгребли, лѣтъ пятидесяти. Старикъ — бродяга былъ, на бѣгахъ, а бродягъ въ сибирскихъ лѣсахъ, что пня: не искать стать.

— Не того привели! сказываетъ офицеръ.

— А вамъ, молъ, ваше благородіе, не все равно?!

Подумалъ начальникъ; согласился принять этого. Былъ-бы, значитъ, счотъ вѣренъ; а тамъ наводи справки, на чьемъ этапѣ смѣна сталась....

— Ну, а старикъ? спрашивалъ я.

— Ломался, упирался на первыхъ порахъ: дѣло извѣстное. Мнѣ-де, слышь и погулять хочется, и кого-де вы ещо мнѣ подставите: можетъ каторжного, можетъ безсрочного... и въ лѣсу-де мнѣ не въ примѣръ лучше, чѣмъ съ вами... Сказывалъ много: всѣмъ намъ слова его смѣшны даже сдѣлались.

— Ты, молъ старъ человѣкъ, а глупъ очень. Чортъ тебѣ мѣшаетъ въ Иркутскѣ сказаться: я-де не я, по ошибкѣ за другого въ списокъ включонъ. Тамъ начнутъ казенныя справки дѣлать, а ты

---

*) Варнацкое слово, варнацкая честь — условныя названія хорошо извѣстнаго сибирякамъ новаго элемента въ народномъ духѣ. Основаніе его лежитъ на тѣхъ же самыхъ данныхъ, какими руководствуются купцы, вѣря на честное слово, по одной накладной, товары вощикамъ, а смыслъ самыхъ словъ сдѣлается окончательно понятнымъ, когда обнажатся въ послѣдующихъ нашихъ разсказахъ тюремныя тайны. Слово *варнакъ*, *чалдонъ*— бранныя прозвища, адресуемыя сибирскими старожилами всѣмъ бѣглымъ изъ тюремъ, съ заводовъ и съ мѣста поселенія и водворенія.

сиди въ теплѣ. На морозѣ-то молъ, дуракъ, хуже, да и не на всякой день харча промыслишь, а въ острогѣ казенный.

Подумалъ старикъ, — сдаваться сталъ. Сказываетъ:

— Не осерчало бы начальство которое...

— А тебѣ молъ съ нимъ дѣтей крестить! Пущай серчаетъ, пущай справляется: не что ему дѣлать, начальству-то твоему: вишь пожалѣлъ!... Ты думаешь, на спину-то тебѣ оно крестъ повѣситъ за то, что ты волкомъ-то по лѣсамъ бродилъ? Этого, братъ, баловства и въ Расеѣ не любятъ.

Старикъ опять подумалъ, а мы ему ото всей артели рубль серебромъ положили: согласился. И пошолъ этотъ старикъ съ нами. Послѣ будетъ сказываться непомнющимъ. Такъ его начальство и писать вездѣ и всегда станетъ.»

Обычай мѣняться именами, любовь къ псевдонимамъ, на этапахъ сильнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ каторжныхъ. Иногда за самое ничтожное вознагражденіе соглашается бобыль-поселенецъ сказаться каторжнымъ для этаповъ, чтобы объявиться потомъ поселенцомъ вблизи самой каторги, когда облагодѣтельствованный имъ, прикрытый его званіемъ каторжникъ, остался далеко назади и гдѣ-либо въ волости воспользовался болѣе легкими и льготными правами посельщика. Обычая этого не остановило и строгое рѣшеніе закона, повелѣвающаго поселенца съ псевдонимомъ оставлять на каторжной работѣ 5 лѣтъ, а каторжному, по наказаніи на мѣстѣ ста ударами лозъ, къ двадцатилѣтнему сроку прибавлять еще пять лѣтъ. Обмѣнъ именами не прекратился и между поселенцами, не смотря на то, что обоимъ предстояло пробыть за то на заводской работѣ по два года.

Другой случай, переданный намъ очевидцомъ, поразительно доказываетъ отсутствіе въ арестантской партіи стремленій къ побѣгу и возможность существованія такихъ стремленій при томъ плотномъ устройствѣ артели, въ какомъ неизбѣжно шествуетъ каждая партія.

Дѣло было около Тюмени. Партія состояла изъ трехъ сотъ человѣкъ. Пришла она въ полу-этапъ, всегда тѣсный и непомѣстительный. Цѣлью сдѣлки было желаніе партіи идти слѣдующія лишнія версты, чтобы отдохнуть въ этапѣ, и отдохнуть подольше, съ зачетомъ выиграннаго времени. Офицеръ согласился. Партія пошла впередъ послѣ

коротенькаго отдыха. Съ дороги, вопреки ожиданіямъ, бѣжали трое. Офицеръ собралъ партію въ кругъ, выбранился, выкорилъ всѣхъ, раскаялся въ своемъ довѣріи и крѣпко пригрозилъ. Партія почуствовала неловкость своего положенія и всю отвѣтственность приняла на себя. Тѣмъ же путемъ облавы, черезъ выбранныхъ доточниковъ-скороходовъ и бывалыхъ бродягъ, но также безъ конвойныхъ, добыли арестанты къ слѣдующему утру всѣхъ троихъ бѣглецовъ своихъ. Привели ихъ къ начальнику. Офицеръ возъимѣлъ желаніе наказать и, не встрѣтивъ со стороны товарищей противодѣйствія, далъ каждому по сту розогъ.

— Теперь позвольте намъ самимъ ещо раздѣлаться съ ними, просила вся артель и, получивъ согласіе, прибавила отъ себя каждому ещо *по пятисотъ розогъ*, да такихъ горячихъ, что жестокость ихъ изумила самого, привычнаго къ тѣлеснымъ наказаніямъ, этапнаго офицера.

Третья партія въ жаркій іюльскій день соблазнилась на озеро холодное: искупаться захотѣла. Получивъ дозволеніе, сняла кандалы, разбрелась по берегу (партія была довольно большая), насладилась запретнымъ удовольствіемъ, на сборномъ пунктѣ явилась вся до послѣдняго человѣка. На Борщовскомъ хребтѣ (въ Забайкальѣ) отъ строгаго офицера изъ слѣдующей четвертой партіи бѣжало сразу 6 человѣкъ, и товарищи искать не ходили.

Но чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Взаимныя отношенія арестантовъ и конвойныхъ примѣтно усложняются и каждая партія раскажетъ непремѣнно не одинъ случай вымогательствъ съ одной стороны, сильной и надзирающей, и не одинъ случай уступокъ со стороны слабой и подчиненной. Конвойные не упускаютъ нималѣйшаго повода, чтобы сдѣлать съ арестантовъ поборъ, и изобрѣтательность ихъ въ этомъ отношеніи изумительна.

Въ большей части случаевъ придирки солдатъ носятъ какой-то отчаянный, злобный характеръ. Этапный солдатъ, получающій отъ казны около 3 руб. въ годъ, какъ будто хочетъ наградить себя за многотрудную службу свою и немудреный уходъ за арестантами крохами тѣхъ, за кѣмъ надзираетъ. Словно цѣлую жизнь онъ не ѣлъ, и вотъ теперь, въ боязни умерѣть голодною смертію, хватаетъ зря, что по-

падется, не гнушается никакой скверной, не боится грѣха, что вотъ и нищаго сгребъ въ ослѣпленіи и изступленіи ума своего и деретъ съ его голыхъ плечъ послѣдній кошель. На практикѣ выходитъ такъ, что гдѣ солдаты линейные — тамъ и каторга, но гдѣ сибирскіе казаки (какъ напр. въ Восточной Сибири), тамъ и пѣсня другая. Казакъ не ѣлъ крупы, не жилъ въ казармѣ, не получалъ въ приварокъ палки, а потому, умягчившись на мирныхъ деревенскихъ работахъ, на мягкомъ воздухѣ—нравомъ кротче и къ арестантамъ жалостливѣе; на желанія ихъ податливѣе и уступчивѣе. За казаками арестантамъ лучше. Послушайте — и судите.

Одна этапная партія кончаетъ въ Сибири дневку. Рано по-утру она слышитъ обычную команду: «вставай!» На дворѣ четыре часа ночи; морозъ во всей силѣ утренника, а дѣло зимнее. Въ казармѣ этапной холодно до того, что у арестантовъ зубъ не попадаетъ на зубъ.

Началась суматоха: «въ дорогу собирайся!» Грохочетъ барабанъ обычный сказъ: «по возамъ!» Выходи на дворъ. Возней въ суматохѣ согрѣваются, по командѣ—собрались. Выведены на дворъ. Надо бы слушаться барабана, укладывать мѣшки на подводы и садиться больнымъ на возы; а тамъ барабанъ замолчалъ: раздается команда словесная: «полы мыть!»

— Устали мы, изныли всѣ. Да и не наше дѣло.

— Кто дрянилъ, тотъ и чиститъ: вездѣ это такъ. Мой полы — таково положеніе.

— Положенія такого не слыхали и не видали: смотри на стѣнѣ. Начальство притѣснять не велитъ.

— Это въ прошломъ году было сказано. Нынче другой годъ идетъ и положенія потому новыя.

— Гдѣ онѣ?

— Приколотить не успѣли.

— Покажи ихъ!

— Въ другой разъ приходи: посмотришь.

И затѣмъ унтеръ-офицеръ отбираетъ изъ партіи, вмѣсто обычной переклички, троихъ или четверыхъ самыхъ говорливыхъ. При этомъ смежныя ворота запираются; ружья беретъ конвой подъ прикладъ и дѣлаетъ цѣпь. Выбранные выводятся впередъ и получаютъ

въ руки шайки съ холодной водой; вода дается холодною затѣмъ, чтобы мыть приводилось больше, чтобы партія стояла на холоду и неподвижно на одномъ мѣстѣ дольше. А комнатъ въ казармѣ пять-шесть, а грязи налипло за цѣлый годъ, если не больше: и не видать конца поломойной работѣ. Партіи придется ждать долго; иззябнетъ она вся, измерзнетъ; думаетъ и надумается. Ворота хоть заперли, подъ прикладъ взяли, но осталась лазейка,—зовутъ арестанты старосту.

— Поди, староста, спроси: сколько положенія по нòвому закону. Чортъ съ ними!..,

— По грошу съ брата!

И конецъ дѣлу, и обычная по положенію стройка во фрунтъ въ двѣ шеренги; конвойные въ авангардѣ, арріергардѣ и съ боковъ. Барабанъ бьетъ генералъ-маршъ: выходи рядами, а тамъ ужь иди какъ хочешь. На новомъ этапѣ опять порядокъ послѣ того, какъ разобрали котомки: опять фронтъ въ двѣ шеренги. На правомъ флангѣ—каторжные, въ центрѣ—поселенцы; на лѣвомъ флангѣ—бабы. На новомъ этапѣ опять поборы: «маршъ» къ нимъ на встрѣчу!

Новый видъ поборовъ столько обыкновененъ и общеупотребителенъ, что безъ него и не идти, кажется, арестантской партіи, пока существуютъ эти этапы и живутъ на этихъ этапахъ солдаты, и жестокіе, и сребролюбивые отъ самаго Томска до Сахалина.

Партія желаетъ получить баню по положенію и по закону.

— Баня въ починкѣ!—отвѣчаютъ имъ.

— Въ починкѣ была, братцы, прежняя; тамъ указали на вашу.

— Указъ не приказъ; да и мы на ту стать указать вамъ умѣемъ; нѣтъ у насъ бани; ступайте дальше—тамъ баня новая.

— Да можетъ и она въ починкѣ. Законъ велитъ топить баню каждую субботу.

— А по копѣйкѣ съ брата положите, такъ и наша поспѣетъ, какъ нибудь законопатимъ...

Почешутся арестанты, подумаютъ, да и велятъ старостѣ развязать мошну съ артельными деньгами, ибо знаютъ, что—по закону—могутъ хòдить въ баню и мыть бѣлье, «но не иначе, какъ съ позволенія этапнаго начальника (!?)».

Недозволеніе огня—новая статья солдатскихъ доходовъ, въ осо-

бенности около ссыльныхъ изъ дворянъ *), а вмѣстѣ съ этимъ запрещеніемъ и невозможность самимъ, для ускоренія, ставить самовары,—предполагаетъ новый, непредвидимый расходъ для ссыльныхъ путешественниковъ.

Но до сихъ поръ солдаты, а вотъ и настоящіе этапные начальники, по тѣмъ несомнѣннымъ даннымъ, которыя попадаются въ слѣдственныхъ дѣлахъ и оффиціальныхъ бумагахъ разнаго рода **).

Первый примѣръ:

Арестантъ, на спросѣ въ Томскѣ показалъ, что у него одинъ этапный начальникъ взялъ въ займы 15 руб. сер. — и не отдалъ. Навели справки, написали батальонному командиру и получили отвѣтъ, что деньги съ офицера взысканы и отправлены по принадлежности къ мѣсту нахожденія кредитора.

Другой примѣръ оправданъ не однимъ десяткомъ случаевъ:

Во многихъ этапныхъ зданіяхъ пропадали казенныя вещи, большею частью желѣзныя, имѣющія передъ прочими бо́льшую цѣнность: дверныя петли и скобы, печныя заслонки и душники; а на одномъ этапѣ исчезли даже цѣликомъ новыя сосновыя двери. Наведены были справки; оказалось, что всѣ эти вещи проданы торговцамъ и продавали ихъ сами этапные командиры.

— И нѣтъ никакихъ средствъ искоренить это зло! — говорили намъ люди знающіе, заинтересованные этимъ дѣломъ, какъ люди, ремонтирующіе этапныя зданія.

— А подумать, пріискать! — было у насъ на умѣ, но знающіе люди предупредили отвѣтомъ:

---

*) Тюремныя предписанія между прочимъ превратно поняли свойства огня, не дозволивъ его въ первобытномъ видѣ, но разрѣшивши пользованіе имъ въ видѣ угольевъ: ссыльнымъ изъ дворянъ не позволяютъ ставить самовары, но подаютъ ихъ съ угольями и уже не боятся опасности поджоговъ. Арестанты изъ дворянъ — какъ извѣстно — пользуются передъ другими еще тѣмъ преимуществомъ, что освобождаются отъ оковъ и могутъ проѣдать въ сутки 15 коп., тогда какъ другіе должны быть сыты только на 10 коп., хотя бы эти другіе и живали въ ненасытныхъ извощикахъ.

**) Этапные начальники обязаны провожать партіи, если въ ней больше 80 человѣкъ.

— Придумать могли одно только: душники закладывать кирпичомъ; вмѣсто заслонокъ рогожу мочоную вѣшать, а двери и безъ скобокъ живутъ...

Третій случай:

Въ Пермской губерніи, почтовымъ трактомъ отъ Екатеринбурга къ Москвѣ, тянется небольшой обозъ съ чаемъ, съ пятью-шестью возчиками. Сзади партіи ѣдетъ на подводѣ въ одну лошадку офицеръ. По обыкновенію господинъ этотъ кричитъ арестантамъ: — Давайте по два рубля съ человѣка и дѣлайте, что хотите.

Состоялось согласіе; учинилась сдѣлка, отсчитаны деньги: арестанты бросились на возы всей партіей; сорвали нѣсколько цибиковъ (т. е. мѣстъ). Возчики сбѣжались въ кучу, бросились отбивать награбленное, но конвой сдѣлалъ цѣпь — не пустилъ. Награбленый чай въ сосѣднемъ городѣ сбытъ былъ темными путями черезъ надежныхъ людей; деньги получены натурой, раздѣлены по-ровну на каждаго человѣка. Затѣялось слѣдствіе, тянулось долго и много....

Таковы бывали начальники смирные, а бываютъ и сердитые:

— Иной придетъ будить партію да увидитъ, что нашъ братъ-нѣженка распустился на ночь, чтобы слаще спать: кандалы съ ногъ спустилъ для легкости; подавай штрафныя деньги по положенію. А положеніе это онъ въ трубѣ углемъ пишетъ...

— Бывало и вотъ что: у меня отъ морозу лицо опухло. Увидалъ это этапный офицеръ, въ рыло съѣздилъ.

— Ты (говоритъ) клейма вытравляешь.

— И не думалъ, ваше благородіе: морозъ со мной пошутилъ.

Затопалъ ногами, закричалъ зычнымъ голосомъ:

— Плетей подавай!

Дать мнѣ ему было нечего: вздулъ меня. Другой, денежный, откупился отъ такой же напасти. Саломъ бы гусинымъ смазать надо, и сало подъ рукой: всякій этапный солдатъ сало это на тотъ случай держитъ; а суньсяѣ—четвертакомъ за махонькій кусочекъ не отдѣлаешься. Не дашь: начальству подъ страхъ подведетъ; а дать—не изъ чего. По Сибири нашъ братъ идетъ совсѣмъ безъ денегъ. Тамъ деньгами помогаютъ мало; больше живьемъ да харчами.

Четвертый случай:

Послѣ извѣстнаго омскаго дѣла, когда тамошные ссыльные поляки затѣяли крупной побѣгъ черезъ Киргизскую степь, — началось передвиженіе ихъ по Сибири. Между прочими составлена была партія изъ 30 поляковъ, находившихся въ Троицкомъ солеваренномъ заводѣ (близъ Канска) и, закованная въ кандалы, отправлена была въ Нерчинскъ. Въ Иркутскѣ, увеличенная новоприбывшими, она выведена была изъ острога для дальнѣйшаго путешествія. Окружонные конвоемъ со всѣхъ сторонъ, поляки очутились въ одной партіи съ прочими преступниками. Этимъ выбрили полъ-головы тутъ же, на тюремномъ дворѣ; тоже самое хотѣли сдѣлать и съ поляками. Впрочемъ конвойный офицеръ согласенъ былъ взять по 60 коп. съ каждой головы, чтобы избавить ихъ отъ операціи, отъ которой освобождалъ политическихъ преступниковъ давный обычай. Поляки, не имѣя денегъ и желанія подчиняться капризамъ конвойнаго, сдѣлали нѣсколько рѣшительныхъ и крупныхъ замѣчаній, въ отвѣтъ на которыя офицеръ выслалъ впередъ цирюльника съ тупой бритвой и грязной бритвеницей. Первый, къ которому подошолъ солдатъ брадобрѣй (полякъ Венярскій) ударилъ цирюльника въ ухо, а когда послѣдній сорвалъ съ него шапку, взялъ его за шиворотъ и бросилъ отъ себя съ замѣчательной силой. Всѣ солдаты, при видѣ такого поступка,—съ крикомъ «поляки бунтуютъ» кинулись на остальныхъ. Началась общая, серьозная свалка, которую прекратилъ самъ губернаторъ, явившійся въ острогъ по призыву. Офицера посадилъ онъ на гауптвахту, — поляковъ отправилъ дальше небритыми. Когда эта партія пришла въ Верхнеудинскъ, тамошный полицмейстеръ распорядился прогнать съ тюремнаго двора всѣхъ продавцовъ и продавицъ съѣстнаго, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы поляки, идущіе партіей, не имѣли свиданія съ живущими въ городѣ. Для большаго обезпеченія себя, онъ даже заперъ ихъ въ казематахъ на замки, а между тѣмъ о пищѣ не распорядился. Одинъ повстанецъ изъ жмудяковъ выломалъ двери въ своемъ номерѣ и высвободилъ товарищей изъ другихъ номеровъ, чтобы общими усиліями докричаться и доискаться пищи. Начался шумъ и прежній крикъ: «поляки бунтуютъ». Прибѣжалъ полицмейстеръ и далъ разрѣшеніе на очередной выходъ съ конвойнымъ въ городъ за припасами. А за бунтъ въ острогѣ отом-

стилъ—говорятъ—тѣмъ, что дальше отправилъ польскую партію окружонною крестьянами съ кольями и собаками. Подъ такой обороной—какъ говоритъ преданіе — прошли они всю братскую степь, и только въ г. Нерчинскѣ конвой былъ уменшонъ и принялъ обычный форменный видъ.

Пятый случай:

Идетъ по этапамъ арестантъ бывалый и тертый, изъ бродягъ. Дорогой онъ, по обыкновенію, крѣпко промотался; надо добыть денегъ покруппѣе и побольше. Нехитрая штука въ займы взять у старосты или въ артели; мудреная штука взять деньги у офицера и взять безъ возврата. Попробовать надо: такого случая на этапахъ не слыхивали. Задумалъ арестантъ про себя и товарищамъ объ этомъ передалъ. Выслушали тѣ, посмѣялись: выдумка понравилась. Рѣшили всѣ стоять за одно, помогать ему, а на несчастной случай выручить. И пошло дѣло въ ходъ такимъ образомъ: пускаетъ арестантъ между спутниками слухъ, что добылъ онъ контрабандное золото въ порошкѣ, по случаю. Штука дорогая, да онъ, бѣдный заключеникъ, не стоитъ за цѣной, и продалъ бы съ радостію, да не кому; ходячее-де серебро для него лучше. Въ лавку снести — конвой не велитъ, а начальству своему онъ не прочь передать за все, за что ему будетъ угодно взять. Пошолъ этотъ слухъ отъ арестанта къ другому, дошолъ до конвойныхъ солдатъ, а изъ устъ солдатскихъ попалъ и въ офицерскія уши. Разгорѣлся офицеръ на легкую добычу; приставъ къ арестанту:

— Продай!

— Извольте!

Взялъ офицеръ золото, отнесъ къ серебряннику (дѣло было въ Томскѣ), показалъ мастеру:

— Гдѣ взяли?

— У арестанта.

Подумалъ серебряникъ, смекнулъ—и отвѣтилъ:

— Золото. Покупайте его, давайте что ни спроситъ.

— А купишь его у меня?

— Отчего не купить? Зайдите на обратномъ пути, когда прово-

дите партію: теперь денегъ нѣтъ, да и свидѣтели близко, а тогда куплю.

Проводилъ офицеръ партію, пришолъ къ серебрянику.

— Ступайте, ваше благородіе, въ котельной рядъ: тамъ не возьмутъ ли? Порошокъ вашъ—тертая сущая мѣдь, безъ обману. Золото бываетъ не такое.

Приводя всѣ эти частные случаи, объясняющіе взаимныя отношенія арестантовъ и провожатыхъ, мы брали ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ они попадались намъ, и не составляемъ связной и общей картины, потому что не имѣли на то права. Право наше безсильно и потому еще, что приведенные примѣры частные: сегодня одинъ случай,—завтра другой. Одинъ за другой не отвѣчаетъ, одного за другимъ ни предвидѣть, ни ожидать невозможно. Каждый имѣетъ свой характеристическій оттѣнокъ, одинъ на другой не похожъ, и если нѣтъ крупныхъ противорѣчій и отрицаній, то потому, что мастера-художники одни и тѣ же, одной и той же школы. Для картины кладется все-таки одинъ только грунтъ прочный: все другое для насъ мало опредѣлилось. Краски накладываются такой грубой кистью, что въ рисункѣ не ожидаешь ни изящества, ни полноты, ни законченности. Мастера, правда, умѣлые и досужіе, но, какъ владимірскіе богомазы, они на работѣ не спѣлись, въ пріемахъ не условились, идутъ особнякомъ, на двѣ стѣны и смѣны: одинъ пишетъ лица, другой только одежду: «долишное». Работа раздвоилась. Одинъ пишетъ, что̀ можетъ, другой—что̀ хочетъ: нѣтъ, стало быть, ни лица, ни образа. Иногда вмѣшивается третій и тогда совсѣмъ уже нельзя распознать не только деталей, но и общаго въ картинѣ...

Записокъ пересылаемые арестанты не ведутъ, да и вести не могутъ: бумага, перо и чернила для преступника — плоды запрещоные. Отрывочные разсказы ведутъ къ одному—къ вѣрѣ на-слухъ и къ такому заключенію, что только на взаимныхъ договорахъ и условіяхъ и можетъ существовать вся эта гниль и путаница отношеній. Пока существуетъ этапная система препровожденія ссыльныхъ въ томъ видѣ, въ какомъ она есть теперь—характеръ этихъ отношеній измѣниться не можетъ. Язва слишкомъ застарѣла для того, чтобы прочить ей благопріятный исходъ. Такія язвы медицина лечитъ только

хирургическимъ ножомъ. Накладывать пластыри, дѣлать мѣстныя и поверхностныя перевязки — значитъ обманывать себя и больныхъ. Больные сами хорошо это знаютъ и въ выводахъ не затрудняются.

— Какъ вы водку въ тюрьмѣ достаете? — спрашивалъ я одного изъ арестантовъ.

— Штофъ водки стоитъ на волѣ 80 коп.; дамъ солдату 1 р. 60 к.—принесетъ.

Т. е. таковъ законъ, таково положеніе; иначе и быть не можетъ, иначе никогда и нигдѣ не бывало и не будетъ.

— Арестантское дѣло такое (объясняли мнѣ другіе преступники): не согласенъ одинъ—другого попроси; этотъ заупрямился—третьяго попробуй. На четвертомъ не оборвешься, посчастливитъ: соблазнится четвертый. Такого и примѣра не запомнимъ, чтобы четыре солдата вмѣстѣ всѣ каменные были.

Только крѣпкая и давняя практика даетъ такіе смѣлые и рѣшительные выводы и заключенія. Язва продолжаетъ гнить, а между тѣмъ болѣзнѣ далеко еще до кризиса и до благопріятнаго исхода. Арестанты все-таки продолжаютъ говорить и думать свое.

— Этапы старые, холодные: ихъ не починяютъ; солдаты на нихъ народъ перемытой, перетертой: ихъ и не смѣняютъ. Хорошихъ—говорятъ — въ Сибири найти никакъ не возможно. Нашему брату оттого не легче. Тутъ нашъ братъ поневолѣ черезъ хлѣбъ калачъ достаетъ, и много на это денегъ изводитъ. Этапные себя соблюдаютъ, да и мы глядимъ въ оба, чтобы и наша кроха нигдѣ не пропадала. Рука руку моетъ: обѣ чисты бываютъ.

— Ребята! — говоритъ одинъ офицеръ своей партіи. Мнѣ надо поспѣвать къ сроку по важному дѣлу. Пойдемте дальше на этапъ, безъ остановокъ, сразу. Дѣло небольшое: всего 12 верстъ.

Арестанты прошли уже пятнадцать верстъ; офицеръ не изобидѣлъ; смирный былъ человѣкъ. Пора стояла лѣтняя, время теплое. Посулилъ офицеръ накормить за это горячими щами на собственной счотъ; обѣщалъ достать мяса на этапѣ.

— Ладно, братцы! Пойдемъ дальше. Ведите ваше благородье!...

Зимнее время сулитъ другое и судитъ иначе. Между городами Нижнеудинскомъ и Красноярскомъ гдѣ-то сгорѣлъ этапъ (кажется,

Камышедской *). Сгорѣлъ онъ осенью, на зимніе холода. Починить и поправить его не успѣли; а между тѣмъ на вольныя квартиры становить арестантовъ запрещено, подъ строжайшею отвѣтственностью. Вести ихъ дальше—силы не позволятъ: вмѣсто 25 верстъ придется сдѣлать 60—пространство не въ силахъ человѣческихъ плечъ и ногъ. Что тутъ дѣлать? Одинъ командиръ надумалъ наскоро опростать уцѣлѣвшія отъ пожара этапныя конюшни. Арестанты помѣщеніемъ остались какъ будто довольны и безропотны, не смотря на то, что на дворѣ стояла глухая, морозная осень, которую въ Россіи свободно называютъ зимою. На покушеніе вести дальше, слѣдующая партія отвѣчала крикомъ, обѣщаніемъ употребить съ своей стороны насиліе, хотѣла разбѣжаться.

— Человѣколюбіе и справедливость арестанты ободряютъ — наивно замѣчалъ мнѣ одинъ изъ этапныхъ.

— Да кто ихъ не любитъ? — хотѣлъ я замѣтить ему; но, зная, что не всѣ знаютъ объ этихъ доблестяхъ и довѣряютъ имъ, — записалъ въ дневникъ свой слѣдующія строки:

«Деревянные этапы и полу-этапы, за долгое стояніе со времени постройки своей, производившейся въ Сибири между 1824 и 1830 годами, пришли въ такую ветхость, что современный ремонтъ даетъ возможность исполняющимъ строительскія обязанности класть большія деньги въ карманъ и большія, по дешовыя заплаты на старыя и гнилыя прорѣхи. Дѣло, естественнымъ образомъ, отъ этого не выигрываетъ. Не тесомъ обшивать и потомъ проходиться по этой обшивкѣ казенной желтой или сѣрой краской, а выстроить вновь, и совсѣмъ уничтожить эти утлые, гнилые и холодные сараи. Вотъ прошла только одна недѣля послѣ того, какъ поправленные этапы сданы были ремонтеромъ пріемной коммисіи, я вижу 10 этаповъ такихъ (вижу зимой), и во всѣхъ углахъ намело снѣгу, намерзли такъ называемые зайчики. Въ одномъ углу даже цѣлая груда снѣгу, сбитая вѣтромъ по всей длинѣ этапной казармы, подъ нарами. Не по-

*) На случай подобныхъ этому затрудненій этапный солдатъ обязанъ—по закону—носить въ ранцѣ провіантъ на два дня.

мѣшали вѣтру и досчатыя заплаты; не помѣшали злу и надзоръ комиссіи и ревизія ея. Предатель-вѣтеръ выдаетъ дѣло въ наготѣ.

«И другое горе: этапы противъ прежнихъ плановъ и соображеній сдѣлались тѣсны, неспособны вмѣщать всего количества проходящихъ арестантовъ. Въ пяти - шести комнатахъ на этапахъ, въ трехъ на полуэтапахъ, приводится иногда помѣстить до 500 человѣкъ. Арестанты ложатся на полъ, чуть не другъ на друга, валятся подъ нары, гдѣ ихъ встрѣчаетъ сквозной, сырой и холодный вѣтеръ.

«Во всякомъ случаѣ лежащимъ на нарахъ всегда такъ тѣсно, что они едва поворачиваются и полагаютъ обыкновеннымъ явленіемъ, если многіе, прицѣпившись на краю наръ, лежатъ поперегъ другихъ товарищей, прямо и непосредственно у нихъ на ногахъ. И вотъ отсюда новое злоупотребленіе въ ущербъ общаго арестантскаго интереса: бывалые и опытные изъ нихъ платятъ солдатамъ нѣсколько денегъ, чтобы ѣхать впередъ товарищей. Отъ 8 до 15 коп. съ человѣка платятъ за то, чтобы сѣсть на подводу и прибавляютъ четыре коп. съ человѣка, чтобы подшибить шаткую совѣсть инвалиднаго солдата, и уѣхать денежнымъ и желающимъ на этапъ впередъ другихъ *). Здѣсь счастливые и занимаютъ мѣста лучшія, мѣста на печи, на нарахъ. Продѣлки подобнаго рода такъ часты и денежныя вымогательства со стороны солдатъ столь обыкновенны, что арестанты, не придавая имъ особеннаго значенія, смотрятъ на нихъ, какъ на дѣло законное, неизбѣжно роковое. Услаждая себя потомъ въ разсказахъ объ этомъ всѣмъ желающимъ вѣдать, арестанты и тогда относятся къ прошлому со всѣмъ равнодушіемъ и безъ всякой озлобленности. Вообще требовательные на равноправность общую по идеѣ артельнаго устройства и нетерпѣливые, неуступчивые при поползновеніяхъ на привилегію,—арестанты въ этихъ случаяхъ отчасти измѣняютъ своимъ обычнымъ правиламъ. Только одни кандальные, т. е.

*) Иногда право обижать товарищей покупается желающими за меньшую плату, но въ такомъ случаѣ не иначе, какъ передъ самымъ этапомъ и тѣми, которые пѣшествуютъ. Солдатъ отбираетъ охотниковъ и ведетъ ихъ впередъ другихъ, конечно, пѣшкомъ.

ссылаемые на каторгу, остаются имъ неизмѣнно вѣрны. У этихъ право удобно помѣститься въ казармѣ предоставляется тому, кто ловчѣе, кто шибче бѣгаетъ. Принято за правило бросаться въ кандальную казарму опрометью тотчасъ послѣ того, какъ перекликали ихъ по списку и произвели осмотръ (если не успѣли или не догадались откупиться): нѣтъ ли денегъ, трубокъ, ножей».

Я въ крѣпко-морозный день зашолъ въ одинъ спопутной этапъ за Томскомъ, часъ спустя послѣ того, какъ въ него вошла партія, и увидѣлъ безобразную картину безпорядочнаго размѣщенія арестантовъ, какъ овечьяго гурта, какъ стада: большая часть путешественниковъ толпилась около топившейся печи. Одинъ взгромоздился на уродливое громадное чудовище-печь и свѣсилъ свои ноги въ кандалахъ.

— Пошолъ прочь!—ожесточенно и грозно закричалъ на него вошедшій вмѣстѣ со мною офицеръ, не этапный, но имѣвшій на подобное приказаніе нѣкоторое право.

Я изумился его смѣлости; поражонъ былъ его крикливостью, и рѣшился робко замѣтить ему свое простое:

— Пусть погрѣется!

— Помилуйте!—продолжалъ кричать офицеръ. Кандалами замазку околачиваетъ, кирпичи обламываетъ, печъ портитъ. Не успѣешь выбѣлить, опять замазывай.

— Но здѣсь холодно, даже морозно.

— Казармы старыя, обветшалыя!—замѣтилъ съ своей стороны этапный командиръ.

— Не вѣрьте, ваше благородье! послышался иной голосъ изъ толпы, сзади. Печъ-то они затопляютъ передъ тѣмъ, какъ партіи придти: вонъ и дрова не прогорѣли. Всю недѣлю этапъ холодный стоитъ: его въ два дня не протопишь.

Крикливый офицеръ опять закричалъ; силился оправить товарища по оружію; но рѣчь арестанта была выговорена. Его искали, но, за многолюдствомъ и тѣснотой толпы и ловкостью говоруна, его не нашли.

Зло этапнаго холода остается все-таки зломъ и живою струною, которая звучитъ при самомъ ничтожномъ уколѣ, при малѣйшомъ

прикосновеніи къ ней. Звучитъ она одно, хотя и въ разныхъ тонахъ:

— Стынешь - стынешь дорогой-то, а придешь — и согрѣться негдѣ! — замѣчали кроткіе. Умѣренные прибавляли къ тому слѣдующее:

— Трубу закроемъ: угаръ такой, что головы на плечахъ не держишь. Случалось, другіе опивались этимъ угаромъ до смерти. Не закрыть трубы — зубъ не попадаетъ на зубъ; цыганскій потъ обезсилитъ.

— Куда ни кинь—вездѣ клинъ (заключали озлобленные). Въ маленькихъ полу-этапахъ навалятъ народу въ казармѣ — не протолкаешься. Окна двойныя, съ рѣшотками — не продохнешь. Есть въ дверяхъ окошечко: открыть бы! Такъ солдатъ снаружи защолкнулъ. «Отвори, молъ, служивый, — сдѣлай милость!» — Давай, слышь, грошъ!—«Возьми, чортъ съ тобой!» Вотъ наше дѣло какое!

Заѣзжалъ я на этапы и теплой порой, въ весеннее время, и писалъ въ дневникъ на ту пору такія строки:

«Сазановскій этапъ (между Тобольскимъ и Тюменью).

Въ этапныхъ казармахъ, по случаю весенней бездорожицы и задержки на Иртышѣ, скопилось 230 человѣкъ арестантовъ. На небольшомъ и тѣсномъ этапномъ дворѣ, образуемомъ обыкновенно съ одной стороны арестантской казармой, съ другой—офицерскимъ флигелемъ, выходящимъ на улицу, и съ двухъ остальныхъ—острожными палами (бревенчатымъ тыномъ), на дворѣ этомъ происходилъ рѣшительный базаръ. Кругомъ двора сидѣли бабы, дѣвки, дѣвчонки, солдаты. Передъ каждымъ и каждой лежали разные продукты и товары: творогъ, молоко, квасъ, щи, каша, пироги. Какой-то солдатъ продаетъ всякую мелочь: мыло, пуговки, петельки, и сладкое: конфекты, изюмъ, пряники.

— Кто это покупаетъ? спросилъ я солдата.

— Поселенцы своимъ ребятенкамъ, да мало.

Вижу: несетъ одинъ бритый арестантикъ съ тузомъ на спинѣ, въ кандалахъ, несетъ ковшикъ съ квасомъ и шаньгу (колобокъ).

— Сколько заплатилъ?

— По три копѣйки серебромъ.

На крылечкѣ поселенецъ, съ семьею,—впятеромъ хлѣбаютъ молоко (на дворѣ стояли послѣдніе дни Святой недѣли). Я спросилъ и его о цѣнѣ припасовъ.

— Гривенникъ далъ: вишь великіе дни идутъ, захотѣлось.

А получаетъ отъ казны только $3^1/_2$—6 коп., а иногда и меньше, потому что количество кормовыхъ зависитъ отъ справочныхъ цѣнъ на хлѣбъ въ данной губерніи и хотя цѣны мѣняются въ теченіи года, но положеніе казенное на круглой годъ остается одно и тоже. Продавцы этого не принимаютъ въ расчотъ и соображеніе; берутъ все, что̀ вздумаютъ и что́ захотятъ. Контроля нѣтъ; наблюденій и не бывало. Продавцы эти (преимущественно женщины—жоны тѣхъ же этапныхъ солдатъ, рѣдко деревенскія бабы, иногда сами солдаты, въ особенности отставные изъ этапныхъ), дѣйствуютъ огуломъ, шайкою, предварительно сговорившись, между собою условившись *): 50 коп. сер. (по ихъ таксѣ) стоитъ $1^1/_2$ фунта варенаго мяса неопредѣленнаго вида, сомнительной доброты; 25—35 коп. берутъ онѣ, эти бабы-торговки, за чашку щей, которые и названіе носятъ щей арестантскихъ, купоросныхъ, и слывутъ вездѣ съ такимъ приговоромъ: «наши щи хоть кнутомъ хлещи: пузыря не вскочитъ и брюха не окормятъ» **). При покупкахъ подобнаго рода арестанты обыкновенно дѣлаютъ складчину, человѣка по два, по четыре вмѣстѣ и «хоть немножко да похлѣбаешь горяченькаго, а безъ того на сухомяткѣ просто бѣда!»—замѣчаютъ они и жалуются всегда на посто-

*) Изъ прежней исторіи этаповъ видно, что сперва вольныхъ торговцовъ не пускали; торговали сами офицеры, но по многимъ жалобамъ, что «офицеры берутъ вдвое противъ вольной цѣны» торговать офицерамъ запретили. Однако злоупотребленіе не уничтожилось и только прикрылось маской, особенно тамъ, гдѣ этапы стоятъ далеко отъ селеній.

**) Высокія цѣны объясняютъ тѣмъ, что торговцы сами покупаютъ право на торговлю у этапныхъ начальниковъ и невсегда безъ прижимокъ. Приходившія партіи нерѣдко заставали ещо крикливый финалъ переторжки, а бывали и такіе случаи, что торговцы долгое время оставались на улицѣ передъ офицерскимъ флигелемъ. Ундерамъ обыкновенно платитъ не больше 1 коп. сер. каждый торговецъ, а иногда просто за всѣ разы отпотчуетъ водкой или пивомъ на деревенскомъ праздникѣ.

янную рѣзь въ желудкѣ, на продолжительную и сильную одышку и проч.

— По Сибири однако все-таки харчъ подешевле—толкуютъ другіе. По Пермской губерніи тоже сходныя цѣны живутъ; ѣдимъ слаще: покупаемъ дичъ, варимъ и жаримъ ее; а вотъ по Казанской—просто приступу нѣтъ ни къ чему.

— Отъ казны на этапъ (говорилъ мнѣ этапный офицеръ) ничего не полагается, кромѣ тепла и свѣчъ: но и свѣчи прежде клали на цѣльную ночь, а теперь только до зари, до зари только...

И послѣднія слова офицеръ старается громче выкричать, можетъ быть для пущаго внушенія арестантамъ, что вотъ-де я и стороннимъ людямъ тоже, что и вамъ сказываю; а можетъ быть, и оттого громко говоритъ этапный, что на дворѣ творится рѣшительный базаръ, со всѣми признаками сходокъ подобнаго рода: крикомъ, шумомъ, гамомъ. Все это слилось, по обыкновенію, въ одинъ гулъ. Въ этапномъ базарѣ было только то особенное, что звенѣли цѣпи, да покупатели были безъ шапокъ, съ бритыми на половину головами и съ желтыми тузами на спинахъ.

Мы пошли по казармамъ. Ихъ было шесть, какъ и прежде, какъ несомнѣнно увидимъ и впереди, потому что ни въ чомъ нѣтъ такого однообразія и постоянства, какъ въ устройствѣ этаповъ: изобразить одинъ,—значитъ всѣ описать.

Два дома: одинъ окнами на улицу для офицера и команды, другой внутри на дворѣ, окруженный частоколомъ, для арестантовъ. Посмотрѣть съ фасу: стоитъ желтенькій домикъ, въ серединѣ крылечко, съ боковъ примыкаетъ частоколъ; въ немъ также по серединѣ широкія ворота: правыя на арестантскій дворъ, лѣвыя на конюшенной дворъ, отдѣленный отъ перваго частоколомъ. Войдешь крылечкомъ въ пролетъ сѣней въ сквозной корридоръ наружной казармы и знаешь: въ правой половинѣ двѣ комнаты, изъ которыхъ ближную прокуриваютъ тютюномъ этапные солдаты, дальную—конвойные казаки. Въ лѣвой половинѣ двѣ комнаты для этапнаго офицера, завѣдующаго двумя ближними полуэтапами; тамъ же его прихожая и кухня. На этапѣ, кромѣ офицера, живетъ еще коморникъ — сторожъ и уже больше никого.

Войдешь корридоромъ на дворъ: вотъ и арестантская казарма чуть не на самомъ носу, и совершенно противъ первой, той же длины и того же плана, т. е. также она раздѣлена на двѣ половины и каждая половина на двѣ казармы: правая и лѣвая для идущихъ на поселеніе. Двѣ заднія казармы (правая и лѣвая) раздѣлены поперечной стѣной на двѣ поменьше; изъ нихъ стало четыре маленькихъ: въ одной направо — женщины, налѣво — запоздавшіе на этапъ поселенцы. Въ двухъ заднихъ помѣщаются кандальные, т. е. ссыльно-каторжные. Чтобы попасть къ нимъ, надо обойти кругомъ всей казармы и попадать дверями съ внутренняго фаса ея. Тамъ узнаешь, что правѣе арестантской казармы дворъ называется женскимъ, а домишко на цемъ—баней.

Оглядимся въ казармѣ.

Въ одной и той-же помѣщены были и холостые и женатые поселенцы на общій соблазнъ. Ссыльно-каторжные отдѣлены; но отсюда въ Тобольскъ пойдутъ и тѣ и другіе и женщины, въ общей кучѣ, не дѣлясь, не дробясь, какъ шли они изъ Россіи.

Въ казармахъ поразилъ насъ возмутительно-дурной запахъ, хотя на то время открыты были окна. Болѣе тяжолымъ и съ трудомъ выносимымъ запахомъ отшибали тѣ казармы, въ которыхъ помѣщались женщины. Съ женщинами въ одной казармѣ жили дѣти.

— Бѣдныя дѣти!—говорилъ мнѣ со вздохомъ ко всему привыкшій, ко многому въ жизни равнодушный этапный офицеръ.

— Зимой, продолжалъ онъ, на дѣтей смотрѣть страшно: коченѣлыя, испитыя, больныя; кашляютъ; многія кругомъ въ язвахъ; сыпь на всѣхъ...

Но ещо не столько опасны язвы физическія, сколько тѣ, которыя упадаютъ на мягкое дѣтское сердце отъ сосѣдства съ такими взрослыми. Впрочемъ не лучше участи дѣтской участь и взрослыхъ арестантовъ, которымъ путь до Тобольска тянется иногда около года. Лишенія и болѣзни неизбѣжны и встрѣчаютъ ихъ вездѣ, во всякое время года. Тобольская тюремная больница наполняется каждою зимою больными отмороженіемъ членовъ (gangrio) до антонова огня; тюменскую и екатеринбургскую тюремныя больницы нашолъ я (въ апрѣлѣ 1862 года) наполненными, до тѣсноты, больными ти-

фозной горячкой*). Арестанты обязаны идти 500 верстъ въ мѣсяцъ, не разбирая никакой погоды. Только двѣ распутицы, и то по поводу вскрытія и остановки рѣкъ (весенняя и осенняя) задерживали проходящія партіи въ тюрьмахъ и на этапахъ. На мой проѣздъ по тюменскому тракту на одномъ скопилось 250, на другомъ 230; на третьемъ 280 человѣкъ. Въ Тобольской тюрьмѣ собралось до двухъ тысячъ; въ тюменскомъ острогѣ до полуторы тысячи**).

Удивительно ли, что при такомъ накопленіи арестантовъ, такая духота въ казармахъ и такое зловоніе, когда стѣны успѣли прогнить цѣликомъ, когда большая часть зданій построена на мѣстахъ болотистыхъ, когда многіе этапы, въ половодье, очутятся стоящими на острову, залитые со всѣхъ сторонъ водой, когда вода эта на полъаршина въ глубину застаивается и промзгнетъ на самыхъ этапныхъ дворахъ, въ самыхъ этапныхъ зданіяхъ.

Въ особенности нестерпима казарменная духота и сильно зловоніе, когда арестанты, въ ненастную погоду, приходятъ всѣ мокрые. Ночью, когда ставятъ парашу, т. е. ночную кадку, казарменная атмосфера перестаетъ имѣть себѣ подобіе. По словамъ очевидца: «смрадъ отъ этой параши нестерпимой! И эти несчастные, какъ будто стараются, какъ можно болѣе выказать отвратительную сторону своего человѣчества. Они такъ сказать закаливаются здѣсь во всѣхъ порокахъ. Между ними всегда шумъ, крикъ, карты, кости, ссора или пѣсни, пляска. Боже, какая пляска! Однимъ словомъ, тутъ истинное подобіе ада!»

Понятно, почему Тобольская тюрьма тяготится множествомъ

---

*) Вотъ средній выводъ изъ цифръ въ трехлѣтней сложности. Изъ 9,500 человѣкъ (среднее годовое количество ссыльныхъ, проходящихъ черезъ Тобольскъ) задерживаются по болѣзни въ дорогѣ до Нерчинска 1,260. Изъ нихъ 260 умираютъ, что составитъ 0,027 съ долями всего числа ссыльныхъ. По прибытіи въ Тобольскъ, во время содержанія въ тюремномъ замкѣ, въ теченіи года, умираютъ изъ пересыльныхъ арестантовъ до ста человѣкъ. Въ числѣ главнѣйшихъ арестантскихъ болѣзней на этапахъ самая обычная—венерическая, чаще приносимая изъ Россіи и нерѣдко пріобрѣтаемая въ дорогѣ.

**) Эти остановки произошли вслѣдствіе половодья рѣкъ Тобола и Иртыша. Въ 1860 году разливъ Иртыша собралъ на одномъ изъ тюменскихъ этаповъ 512 человѣкъ.

больныхъ острыми болѣзнями; понятно, что въ такихъ случаяхъ и самая смертность увеличивается за недостаткомъ фельдшеровъ и лекарствъ *). Къ чистотѣ и опрятности зданій приставники изъ солдатъ не пріучены. Большая часть изъ нихъ не живетъ при мѣстахъ. Солдаты присылаются женатыми, а потому на новомъ мѣстѣ спѣшатъ поскорѣе обзавестись собственнымъ домомъ и хозяйствомъ. Заплативши 15, 18, 20 рублей за цѣлую избу, солдатъ отдаетъ ей все свое свободное время и потомъ маклачитъ около арестантовъ торговлей и продаетъ имъ за 3 к. кринку молока, за три жареныхъ рыбки беретъ 6 коп.; за фунтъ хлѣба $1^1/_2$ и копѣйку за небольшую чашку промзглаго, съ плесенью, квасу. Въ этомъ — всѣ отношенія приставниковъ къ проходящему люду, и затѣмъ все для себя и для собственнаго хозяйства. Семейнымъ солдатамъ положено отводить земли подъ поля и сѣнокосы, но военный человѣкъ на мирныя и кропотливыя занятія нейдетъ, предпочитая имъ крохоборливыя, но настойчивыя вымогательства и поборы съ проходящихъ арестантовъ. Полей солдаты не пашутъ, хлѣба не сѣютъ; сѣнокосные луга отдаютъ въ кортомъ. Припомнимъ при этомъ, что каждый этапный солдатъ, исправляя казенную службу, долженъ пройти пѣшкомъ 100 верстъ въ недѣлю; въ годъ (50 недѣль) больше 5 тысячъ и во весь срокъ службы (отъ 15 — 20 лѣтъ) обязанъ обработать 75 — 100 тысячъ верстъ! О правильномъ и прочномъ хозяйствѣ тутъ нечего думать: много-много, если хозяйка солдата съумѣетъ обзавестись огородомъ, капусту съ котораго во щахъ продаетъ она потомъ дорогою цѣною тѣмъ же арестантамъ **).

---

*) Кромѣ больницъ при большихъ тюрьмахъ въ городахъ, больницы устроены еще черезъ каждые три этапа при четвертомъ. Вмѣсто лекарей въ этапныхъ больницахъ фельдшера, которые, также какъ и больницы, носятъ только званіе, не отличаясь надлежащими качествами. Благодаря этимъ заведеніямъ и трудностямъ путешествія, бываютъ случаи, что вмѣсто года нѣкоторые арестанты попадаютъ на мѣсто назначенія года черезъ четыре.

**) Насколько выгодна торговля около арестантовъ, можно судить изъ того, что напр. на Вилижанской этапъ торгующія бабы приносятъ съѣстные припасы изъ деревень верстъ за 6 и за 8.

На одномъ полу-этапѣ встрѣтилъ я двухъ солдатъ сторожей. Полу-этапъ былъ пустъ, хотя сосѣдніе этапы были биткомъ набиты *). Одинъ изъ солдатъ былъ семейный, и такъ какъ вблизи не было селенія, то онъ помѣщался съ семьей на полу-этапѣ. Въ комнатѣ его уютно и опрятно, на стѣнѣ виситъ конская сбруя:

— Лошадку, говоритъ, держу. Двоихъ дѣтей кормить надо; въ работу лошадку пускаю, отдаю мужикамъ.

— А что же арестантовъ на ней не возишь?

— Никакъ нѣтъ! Я около арестантовъ не поживляюсь, отвѣчалъ солдатъ на вопросъ мой и лгалъ. Лгалъ сколько потому, что селеніе было далеко, столько и потому, что чѣмъ же дѣтей кормить, чѣмъ же самому заниматься? Усталыя партіи нуждаются въ конныхъ подводахъ и особенно на вторую половину пути, и именно отъ полу-этапа. Да и кто же отъ денегъ прочь?...

Не совралъ солдатъ на этотъ разъ въ одномъ только, что и на этомъ полу-этапѣ бываетъ огромное стеченіе арестантовъ и что всю громадную массу ихъ поведутъ тѣ же 20 конвойныхъ (немного больше, немного меньше), наряжаемыхъ обыкновенно отъ этапа. Къ этому числу прибавятъ четырехъ казаковъ конвойныхъ, и на взаимномъ довѣріи, на взаимныхъ уступкахъ и одолженіяхъ, пойдетъ огромная толпа преступниковъ съ такимъ ничтожнымъ числомъ конвойныхъ. Три дня слаживаются съ одними конвойными; на четвертой, поступая въ распоряженіе новой команды, смотритъ партія какъ бы не потерять чего-нибудь своего и у этой.

Дальше мы знаемъ, что дневки или рàстахи (черезъ два дня въ

---

*) Устройство полу-этаповъ проще, но за то они и неудобнѣе. Здѣсь съ фасу видишь только стойкомъ торчащія заостреныя на верху бревна и середи ихъ огромныя ворота съ низенькой, пробитой въ нихъ и непомѣрно захватанной калиткой. Изъ-за острія палей торчатъ трубы и крыши. Войдя туда, узнаемъ, что по правую руку отъ воротъ,—караулка, по лѣвую, также въ углу, конюшня. Середи двора стоитъ казарма меньше этапной, но съ поперечнымъ корридоромъ, на который глядятъ четыре двери: изъ нихъ трое ведутъ въ большія комнаты для поселенцовъ; четвертая выходитъ изъ заднихъ узенькихъ сѣнецъ. Тамъ дверь въ № 4, куда запираютъ кандальныхъ и такимъ образомъ держатъ ихъ ночью подъ двумя замками.

третій) мало помогаютъ дѣлу, мало подкрѣпляютъ силы путешественниковъ; самой законъ на крайные случаи, въ губернскихъ городахъ напр. дольше 6-7 дней держать не велитъ; за остановки ссыльныхъ на пути, велитъ наказывать какъ за укрывательство бѣглыхъ. Арестанты, пришедшіе въ Тобольскъ (почти всѣ до единаго), обыкновенно жаловались на общую слабость во всемъ организмѣ, на ломоту въ ногахъ, на сильное удушье. Ревматизмъ такой частой и неизбѣжной гость, что почти получилъ названіе этапной болѣзни. Сверхъ того, у мужчинъ открываются грыжи, у женщинъ маточныя болѣзни *). Понятно, отчего Приказъ о ссыльныхъ вынужденъ бываетъ большое число приходящихъ преступниковъ назначать въ разрядъ такъ называемыхъ *неспособныхъ*. Неспособные эти, составляя особый классъ людей въ составѣ сибирскаго населенія, не платятъ податей и повинностей, обременительны для обществъ, на большую половину бродятъ, и весь классъ людей этихъ дѣйствительно *неспособный*.

Самое направленіе этапнаго пути, Богъ вѣсть когда и кѣмъ намѣченнаго, въ настоящее время, при современныхъ требованіяхъ, не выдерживаетъ никакой критики. Намъ выставляютъ множество неудобствъ; высказываютъ примѣчательное количество справедливыхъ сѣтованій. Тратилось лишное число государственныхъ суммъ, лишное количество человѣческихъ силъ, излишное число верстъ и пространствъ. Въ древнія времена, когда ближайшій сибирскій путь шолъ въ Тобольскъ на Вологду и черезъ Верхотурье, крюкъ для ссыльныхъ былъ конечно значительнѣе; но и теперь, когда повернули его на Пермь черезъ Екатеринбургъ, путь для ссыльныхъ не сдѣлался настоящимъ. Арестанты идутъ далеко въ сторону отъ тѣхъ сибирскихъ трактовъ, которые проложила себѣ коммерція, всегда соблюдающая пространства и время, всегда намѣчающая короткіе и прямые пути вездѣ, гдѣ-бъ то ни было, даже и въ нашей безпре-

*) Ежегодное среднее число больныхъ въ тобольскомъ тюремномъ лазаретѣ 1/5 часть слишкомъ всего пересылаемаго количества (изъ 11 тысячъ 2,070 больныхъ). Изъ этой 1/5 части умираютъ въ годъ 163 человѣка. Весной каждая партія оставляла больныхъ на пути между Тюменью и Тобольскомъ человѣкъ по 10 среднимъ счотомъ.

дѣльной и дикой Сибири. Арестанты не идутъ тамъ и почтовыми трактами, которые обыкновенно длиннѣе купеческихъ, но короче казеннаго этапнаго. Такъ, напр., съ Тюмени партіи преступниковъ, вмѣсто того, чтобы черезъ Барабинскую степь идти прямо на Томскъ, сворачивали на Тобольскъ по старому преданію и шли прямо на сѣверъ, подвергаясь по зимамъ неблагопріятному, зловредному вліянію сѣверныхъ вѣтровъ и непогодъ. Если упорно стояли эти послѣдніе долгое время (что́ случается замѣчательно часто), арестанты приносили въ Тобольскъ всѣ поголовно одышку, колотье въ груди, отмороженые носы, щоки, отвалившіеся пальцы. Изъ Тобольска партіи шли на Тару, совершая огромный новый излишекъ пространствъ, и шли въ тоже время по мѣстамъ мало населеннымъ, климатически и экономически неблагопріятнымъ. Одинъ Иртышъ партіи переходили нѣсколько разъ, безъ всякой нужды и какъ будто для однихъ только излишныхъ издержекъ на пути, какъ будто для того только, чтобы своими посѣщеніями поддержать быстро упадающую славу древняго и нѣкогда очень большого города Тобольска. Теперь съ перенесеніемъ Приказа въ Тюмень, все это — слава Богу—уничтожалось *). Не говоримъ также о томъ излишкѣ перехо-

---

*) Нѣкогда черезъ Байкалъ перевозили ссыльныхъ на судахъ сибирскаго флота, выстроенныхъ на Иркутской верфи—единственное облегченіе въ старыя времена и единственно полезное примѣненіе флота. Иркутское адмиралтейство—какъ извѣстно—существовало только 30 лѣтъ. Дѣйствія его выразились тѣмъ—по словамъ одного анонимнаго автора, оставившаго рукопись—что бригъ, вылетѣвшій изъ Ангары на просторъ Байкала, по непостижимому невѣжеству штурмана, который былъ назначенъ командиромъ этого судна, съ пустымъ трюмомъ, безъ баласта, тотчасъ же перевернуло порывомъ вѣтра. Сибиряки, видя такую неудачу европейскихъ пріемовъ мореплаванія, убѣдились ещо плотнѣе въ томъ, что ихъ Байкалъ знать—не чета другимъ разнымъ морямъ и океанамъ, и что единственные мореходы, какіе умѣютъ валандаться въ этомъ морѣ, остаются все-таки до скончанія вѣка, ихъ любимые, доморощенные аргонавты съ сопцами. Адмиралтейство снабжалось не только бракомъ вещей, но и чиновъ. Оно двигалось, суетилось, 30 лѣтъ чело обширную переписку, мѣняло своихъ владыкъ и наконецъ пришолъ васъ—оно скончалось. Ссыльныхъ продолжали водить пѣшкомъ по непролазной Кругоморской дорогѣ или перевозить на обыкновенныхъ байкальскихъ судахъ, у которыхъ кузовъ въ родѣ бочонка, представляющій между

довъ, которые, напр., принуждены дѣлать поселенцы, назначенные въ округа: Тюменскій, Ялуторовскій, Курганскій и Туринскій, и обязанные такимъ образомъ идти старымъ пройденнымъ путемъ назадъ изъ Тобольска, куда они ходили только ради одного Приказа о ссыльныхъ и оттого сдѣлали отъ 435 до 517 верстъ лишнихъ. Не говоримъ уже о неудобствахъ этапныхъ помѣщеній, о той мучительной трудности, съ какою сопряжонъ неблагопріятный во всѣхъ случаяхъ образъ пѣшаго хожденія, и проч., проч. Не говоримъ мы обо всемъ этомъ потому, что во 1-хъ, много объ этомъ говорено въ недавное время въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ, а во 2-хъ и потому, что мы видимъ теперь облегченіе арестантамъ тяжести этапнаго пути. Когда выяснилось дѣло въ дальнѣйшихъ подробностяхъ, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что значеніе Тобольска померкнетъ передъ значеніемъ другого города, Тюмени, того самаго, изъ котораго—по проэкту гр. Сперанскаго — перевели «по колодничьей части Присутствіе» въ Тобольскъ и переименовали его тамъ въ «Приказъ о ссыльныхъ». Вѣруемъ въ одно, что способъ препровожденія ссыльныхъ безполезенъ и далеко не оправдывалъ тѣхъ ожиданій, которыя клали на него въ началѣ двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія, когда совершалось, по проектамъ графа Сперанскаго, преобразованіе сибирскихъ губерній.

Возвратимся назадъ, къ тѣмъ же этапамъ, каковыхъ по одной Сибири считалось 60, да сверхъ того ещо 64 полуэтапа.

Этапную жизнь собственно арестанты любятъ, хотя она и представляетъ цѣпь стѣсненій и вымогательствъ, и любятъ они ее пото-

---

тѣмъ всѣ неудобства неповоротливой рѣчной барки. Единственная мачта позади судна; парусъ глупъ до нельзя; вмѣсто руля ужасной величины весло, величаемое сопцомъ, которое ворочать съ удовольствіемъ могъ бы развѣ одинъ только Галіафъ. Этотъ сопецъ съ трудомъ ворочаетъ своего левіафана, у котораго передняя часть тѣла въ два раза длиннѣе задней. Наконецъ въ довершеніе всего румпель этого уродливо громаднаго руля самый коротяій, такъ что придуманъ какъ бы нарочно для того, чтобъ и два галіафа не могли управиться. Эти суда движутся только по вѣтру. Теперь къ услугамъ ссыльныхъ кое-какіе пароходы, которые съ трудомъ оправдываютъ здѣсь свою всесвѣтную славу.

му, можетъ быть, что она какъ будто ближе къ свободной жизни, дорогой для всякого человѣка. Съ этапами арестанты разстаются неохотно. Я видѣлъ ихъ наканунѣ каторги и могу свидѣтельствовать, что въ лицахъ, въ поступи, въ тонѣ «Милосердной» и видится, и чуется гнетущая тоска и отчаяніе. То и другое объясняется близостью мѣста, при одномъ воспоминаніи о которомъ у всякого сжимается сердце; не всякій съумѣетъ собрать силы и показаться наблюдателю сохранившимъ твердость духа, а тѣмъ болѣе храбрымъ въ поступкахъ и поступи. Арестанты приходятъ на каторгу безъ денегъ, рваные, голые, безъ надежды и безъ родины.....

Медленно подвигается партія къ заводу, молчаливая, окружонная всяческою форменностью. Ещо за нѣсколько верстъ надъ арестантскими головами уже прогремѣла команда: «приформиться!» — по которой всѣ должны быть по мѣстамъ, всѣ въ кандалахъ и при котомкахъ. Всѣ должны приготовиться какъ-бы къ какому великому таинству.

Вотъ партія на мѣстѣ. Мѣстное начальство принимаетъ арестантовъ по списку.

— Надо кандалы расковать! — говоритъ оно на томъ основаніи, что дорожныя кандалы возвращаются конвойнымъ; на каторгѣ надѣваютъ новыя.

— Да ужь завтра сдѣлаемъ это! сегодня не успѣемъ всѣхъ очистить и опять запаять — замѣчаетъ пріемщикъ въ простотѣ сердца.

— Расковать недолго! — объясняетъ этапный офицеръ, бывалый и много-смекающій, и проситъ:

— Мнѣ очень нужно спѣшить назадъ: позвольте сейчасъ!

И въ радости сердца, что и ещо одну партію сбылъ съ рукъ благополучно и не лишился, за отсутствіемъ бѣглыхъ, годового жалованья въ награду (по положенію), этапный офицеръ велитъ партіи снимать кандалы и въ два-въ три часа очищаетъ всѣ ноги.

Мало-опытный горный офицеръ удивится, видя, что арестанты снимаютъ кандалы, какъ сапоги, но бывалый и догадливый знаетъ, что на всякіе замки существуютъ отмычки, и что чѣмъ больше стѣсненія и строгости, тѣмъ больше исканій противоборства, а рѣдкое исканіе у настойчивыхъ и сильныхъ людей не вѣнчается успѣхомъ.

Къ тому же, арестантская партія дѣйствуетъ огуломъ, артелью. Въ ней сто головъ, сто умовъ.

Пришли рабочіе люди слабыми, болѣзненными, отвыкшими отъ труда, а нѣкоторые даже и вовсе къ нему неспособными; но — что всего важнѣе — большая часть изъ нихъ глубоко испорчена нравственно. Иные пришли сюда, за болѣзнями и остановками, на четвертой годъ по выходѣ изъ Россіи; но пришли во всеоружіи долгаго опыта. Приспособляйте ихъ къ работѣ и доглядывайте: все это мастера, но на особую стать, все это такіе рабочіе, какихъ уже въ другихъ мѣстахъ не встрѣчается!

Въ тюрьмѣ и на каторгѣ преступники скажутся въ иныхъ находкахъ и изобрѣтеніяхъ, и тамъ съумѣютъ они перехитрить природнымъ умомъ то, что̀ прилаживается умомъ искусственнымъ, поддерживается внѣшнею, грубою силою. На чьей сторонѣ окажется побѣда — просимъ выслушать.

ГЛАВА II.

НА КАТОРГѢ.

Моя поѣздка на строгую перворазрядную каторгу.—Нижній промыселъ на Карѣ.—Первыя впечатлѣнія и встрѣчи.—Иванушко-дурачокъ на каторгѣ.—Нѣмецъ-идіотъ.—Разбойникъ въ водовозахъ.—Поэтъ на каторгѣ.—Каторжное жилье.—Цынга.—Каторжные.—Каторжныя работы.—Смотрители.—Раскомандировки.—Казенные порядки.—Тюремныя пѣсни.—Взаимныя отношенія тюремныхъ сидѣльцовъ.—Община въ тюрьмѣ.—Арестантскій староста.—Доносщики.—Товарищество.—Смотритель и арестантъ Сенька.—Майданъ.—Тюремныя карты и карточная игра.—Азартныя игры.—Волка.—Юрдовка.—Едно.—Бѣгунцы.—Тюремный языкъ (argot).—Откупные тюремные законы.—Правила майдана.—Великій скандалъ.—Кабаки въ тюрьмѣ.—Водка тюремная.—Хитрость.—Влазное.—Тюремный капиталъ.—Парашники.—Рогожка.—Тюремные артисты и художники.—Оборотни.—Тюремные герои и историческія лица.—Тумановъ и живая пирамида.—Искуственно-развиваемыя арестантскія болѣзни.—Притворщики.—Тюремная аристократія и чернь.—Утка.—Каторжныя забавы.

Въ началѣ декабря, темною ночью, подъѣзжалъ я къ Нижнему Карійскому промыслу, одному изъ центральныхъ мѣстъ, предназначенныхъ для работъ тѣхъ ссыльно-каторжныхъ, которые, по судебнымъ приговорамъ, назначаются въ такъ называемые Нерчинскіе рудники.

Дорога шла въ сторону отъ рѣки Шилки густымъ хвойнымъ лѣсомъ; вовсе неразчищенная, мало-приспособленная къ проѣзду, но въ то же время (сколько можно судить по ныркамъ, т. е. ухабамъ) крѣпко подержанная, дорога эта казалась торною. Вѣтви деревьевъ

хлестали по лошадямъ, совались къ намъ въ сани: надо было изловчаться, чтобы не потерять глазъ, не исцарапать лица. Къ тому же дорога до того была узка, что мы принуждены были снять у саней отводы, хотя въ то же время сани наши были приспособлены именно для такихъ окольныхъ, мало-наѣзженыхъ дорогъ, и сани эти уже успѣли съ достоинствомъ выдержать испытаніе слишкомъ на тысячѣ верстъ.

Темнота и густота лѣса усиливали наши несчастія: мы налезали на пни и съ трудомъ съ нихъ снимались; сани безъ отводовъ валились въ первую глубокую и покатую выбоину. Провожатые мои ворчали и сердились.

— Ужь во-истину дорога каторжная, замѣчалъ одинъ.

— Оттого и каторжная, что ведетъ на каторгу! острилъ другой.

— Такъ-то, парень, поглядишь,—толковалъ первый: дорога на каторгу какъ бы узенькая, а подумаешь—такъ она выходитъ больно широкая.

— Туда-то широкая, мудрствовалъ второй, а оттуда-то опять узенькая. Попасть легко, а не вырвешься.

— Сказано, милой человѣкъ: не отпирайся ни отъ сумы, ни отъ тюрьмы.

И разговоръ кончился обоюднымъ вздохомъ.

Тишина и темнота давали широкій просторъ воображенію: рисуй что хочешь, но не дальше заданной темы. Вотъ впереди то самое мѣсто, гдѣ соединяются вмѣстѣ всѣ тяжкіе преступники, высланные изъ Россіи, всѣ убійцы, разбойники и грабители. Работа на этихъ казенныхъ золотыхъ промыслахъ полагается самою высшею мѣрою наказанія для всѣхъ подобнаго рода злодѣевъ. Съ ослабленіемъ въ послѣдній десятокъ лѣтъ серебряннаго промысла въ нерчинскихъ горныхъ заводахъ и за уничтоженіемъ разработки рудниковъ руками ссыльныхъ преступниковъ,—Карійскіе промыслы (Верхній, Средній, Нижній и Лунжакинскій) представляли единственный матеріалъ для изученія истиннаго значенія такъ-называемой каторги. Я поѣхалъ туда съ удвоеннымъ нетерпѣніемъ, тѣмъ болѣе, что во всемъ нерчинскомъ краѣ только при этихъ четырехъ промыслахъ (да еще при

Петровскомъ желѣзномъ заводѣ) остались тюрьмы собственно каторжныя.

Ночь была до того темна, что мы съ великимъ трудомъ могли распознать, гдѣ кончился лѣсъ и начался перелѣсокъ. Запахъ жилого мѣста, не смотря на жгучій морозъ, вскорѣ далъ намъ знать, что селеніе у насъ уже на носу; а вотъ и самая каторга гдѣ-то тутъ же и очень близко. Откуда-то вырвался звонкій выкрикъ и раскатился въ морозномъ воздухѣ длинною трелью, которой, казалось, и конца не было. Во всякомъ случаѣ, вела эту ноту здоровая грудь съ ненатружонными легкими. На окликъ послѣдовалъ отвѣтъ, который также со звономъ разсыпался въ разрѣжонномъ воздухѣ по горамъ и заглохъ только въ перелѣскѣ. У третьяго оборвалась нота безъ трелей: голосъ осѣкся отъ морозной струи, судорожно захватившей крикливое горло. Оклики посыпались одинъ за другимъ; кричащіе, что пѣтухи, играли въ перегонку, кто кого лучше и чище споетъ: и такихъ очень много. Значитъ мы на каторгѣ, но распознать за темнотою ничего не можемъ.

Успѣваемъ припомнить прошлогоднее событіе, разсказъ о томъ, какъ на этихъ самыхъ промыслахъ, изъ какой-то тюрьмы вырвался одинъ звѣрь и въ одну ночь, въ разныхъ домахъ, зарѣзалъ пятерыхъ и въ томъ числѣ погубилъ мать съ двумя младенцами, такъ, изъ любви къ чужой крови, безъ всякого повода и причины. На душѣ становится не совсѣмъ покойно: воображеніе говоритъ, что впереди насъ звѣринецъ, наполненный кровожадными и голодными звѣрями; къ тому же, звѣринецъ этотъ плохо сколоченъ, дурно и не крѣпко запертъ; но разсудокъ старается увѣрить въ томъ, что, вѣроятно, и здѣсь полагается недремлющій сторожъ, имѣется укротитель. Теперь, въ неопредѣленной темнотѣ, всего этого распознать мы не можемъ,— завтра навѣрное увидимъ.

Тяжолыя, гнетущія сердце мысли не покидаютъ насъ и въ уютной, теплой квартирѣ, до самаго утра, до разсвѣта. Пойдемъ же смотрѣть, что̀ день укажетъ. Вотъ мы и на улицѣ.

Направо и налѣво сильно-подержанныя, покривившіяся, утлыя хаты; онѣ идутъ въ порядкѣ, изъ порядковъ образуется улица одна, другая, пятая. Передъ нами цѣлое селеніе, которое только тѣмъ и от-

личается отъ шилкинскихъ и другихъ, что оно бѣдное, старое, совсѣмъ не подновляемое. Нѣкоторые дома, какъ мазанки, грязноваты снаружи, заборы полуобрушенные; видно, голь и бѣдность строились тутъ; видно, она же и теперь тутъ живетъ. Но селеніе это, какъ извѣстно, казенное: вотъ неизмѣнной хлѣбный и соляной амбаръ, съ неизбѣжнымъ часовымъ, товарищи котораго, а можетъ быть и самъ онъ кричалъ такъ усиленно и настойчиво-громко цѣлую прошлую ночь. Но гдѣ же тюрьма, частоколъ, острогъ — жилище главныхъ хозяевъ селенія? Смотрю кругомъ — и не вижу. Вижу опрятнѣе другихъ чистенькій домикъ, — вѣроятно, начальника промысла, пристава; вижу другой, почти такой же, можетъ быть, смотрителя тюремнаго. Но гдѣ же тюрьма, когда кругомъ обыкновенные обывательскіе дома, свободные отъ часовыхъ и караула?

— Вонъ и тюрьма! говорятъ мнѣ, указывая на одинъ изъ домовъ, наружной постройкой похожій на обыкновенныя деревянныя сибирскія казармы. Домъ этотъ и я принялъ за казарму, не разглядѣвши только въ окнахъ ея желѣзныхъ рѣшотокъ, отсутствіе которыхъ въ другомъ сосѣдномъ домѣ характеризовало настоящую, дѣйствительную казарму. Близость тюрьмы объяснялась отчасти сосѣдствомъ гауптвахты, нѣсколькими физіономіями въ папахахъ, принадлежащихъ сибирскимъ казакамъ.

Но кто же эти люди, которые идутъ мнѣ навстрѣчу? Люди эти безъ кандаловъ; стало быть, не тюремные сидѣльцы, и, по всему вѣроятію, выслужившіе свой срокъ ссыльно-каторжные. Вѣжливо предупреждаютъ они поклонъ нашъ, снимая шапки и кланяясь. А вотъ и сами преступники, побрякивая кандалами, творятъ свое домашное дѣло: сопровождаемые часовымъ, несутъ они вдвоемъ на палкѣ ушатъ, накрытый тряпками. Изъ ушата этого валитъ паръ и щекочетъ обоняніе знакомымъ запахомъ національнаго «горячаго», извѣстнаго въ казармахъ подъ названіемъ купоросныхъ щей. И эти преступники вѣжливо снимаютъ намъ шапку: смѣшно намъ за вчерашніе грезы и страхи, и готовы мы оправдаться только тѣмъ, что свѣтъ дневной всякіе страхи гонитъ.

— Хотите вы видѣть каторжнаго: вотъ вамъ первый изъ нихъ!

говоритъ мнѣ приставъ промысла, обязательно вызвавшійся познакомить меня со всею подробностью своей службы.

— Иванушко, поди-ко сюда! кричалъ онъ встрѣчному.

Изъ воротъ сосѣдняго дома вышелъ человѣкъ въ рваной шапчонкѣ, со всклоченной рѣденькой бороденкой. Шея его была голая; армячишко совсѣмъ слезъ съ плечъ, и даже рубаха подъ нимъ была рваная. На ноги этого человѣка я уже и рѣшимости не имѣлъ посмотрѣть. Иванушку всего подергивало; голова не твердо держалась на плечахъ; отъ то приклонитъ ее къ правому плечу, то быстро отдернетъ къ лѣвому. Лѣвое плечо ходуномъ ходитъ, и самого Иванушку какъ-будто всего ведутъ судороги, какъ-будто чувствуетъ онъ, что всѣ его конечности не на своихъ мѣстахъ, и онъ употребляетъ теперь всѣ усилія, чтобы вправить ихъ кости въ чашки: въ надлежащія и пристойныя мѣста. Видно, тяжело Иванушкѣ носить свою головушку, да и съ остальнымъ тѣломъ мудрено ему ладить; а, повидимому, онъ не тяготится этой работой; на дворѣ слишкомъ тридцать градусовъ мороза, а у него оба плеча буквально голыя.

— Работа каторжная такъ его изуродовала? Въ серебряныхъ фабрикахъ наглотался онъ ртутныхъ паровъ и качаетъ теперь головой? Принялъ что-нибудь такого внутрь, по совѣту доброхота-злодѣя, чтобы умягчить для себя ядовитую болѣзнь или тяжесть каторги, и тѣмъ записать себя въ разрядъ неспособныхъ?

— Ни то, ни другое, ни третье! отвѣчаютъ намъ. Иванушку сюда именно такимъ и прислали, готовымъ.

Иванушко былъ передъ нами.

— Гдѣ ты былъ? ласково спрашивалъ его приставъ.

— Снѣжку отгребалъ: покормили за то! отвѣчалъ Иванушко и брызгалъ. Голова какъ будто ещо сильнѣе заходила на плечахъ. Лѣвое плечо такъ и приподнялъ онъ до самыхъ ушей.

— А кто ты такой? продолжалъ разспрашивать приставъ.

— Я — божій человѣкъ! гнусливо растянулъ старичокъ.

— Какъ прозываешься-то?

— Поселенцомъ велятъ зваться.

— Откуда ты родомъ?

— Съ Вятки родомъ.

— За что присланъ-то сюда?

— Я и самъ незнаю. Мнѣ бы ужь домой идти надо. На родину пора.... Тамъ у меня тятька съ маткой остались.

— Да вѣдь ужь нельзя тебѣ возвращаться-то....

— Можно, говорятъ вонъ тамъ.

Иванушко указалъ рукой на тюрьму.

— Надо, слышь, только бумагу этакую достать; безъ бумаги-де не пропустятъ и назадъ вернутъ. Дай ты мнѣ такую бумагу, чтобы мнѣ въ Расею уйти, сколько прошу!! (и въ послѣднихъ словахъ послышался упрекъ).

— Всякой разъ обращается онъ ко мнѣ съ этой просьбой! — объяснялъ мнѣ приставъ потомъ, когда мы оставили Иванушку.

Вотъ что мы слышали потомъ объ Иванушкѣ. Въ статейныхъ спискахъ (которые сопровождаютъ всякаго ссыльнаго, какъ паспортъ и аттестатъ), онъ показанъ приговореннымъ въ ссылку за скотоложство; самъ онъ разсказываетъ, что присланъ сюда за расколъ; знающіе люди увѣряли, что расколъ усугубилъ только степень наказанія. Но дѣло станетъ понятнымъ и яснымъ, если представить себѣ, что Иванушко родился *боженикомъ* (и не только къ какой-нибудь умственной, догматической работѣ, но и ни къ какой валовой домашной былъ неспособенъ), и попалъ за то въ пастухи. Обездоленный идіотизмомъ (непомѣшавшимъ, однако, развиться въ немъ грубымъ, извращеннымъ животнымъ инстинктамъ), онъ въ скотскомъ стадѣ впалъ въ тотъ грѣхъ, который увелъ его въ самое дальное мѣсто поселенія. Ближніе судьи судили въ немъ отвлеченную идею; дальніе вершители не видали въ глаза подсудимаго. Приговоръ былъ подписанъ, и вотъ приведенъ въ исполненіе. Надъ Иванушкой въ тюрьмѣ смѣются; посмѣшищемъ онъ былъ и во всю дорогу по этапамъ; всѣ его любятъ, всѣ его учатъ, кто чему можетъ, и хорошому, и худому; ходитъ онъ по чужимъ дворамъ просить милостыню; объ одеждѣ онъ не заботится; одѣнутъ другіе, онъ полагаетъ, что это такъ и слѣдуетъ: и спасибо не скажетъ. На Карѣ Иванушко человѣкъ неспособный и совсѣмъ лишній.

— Дай мнѣ такую бумагу, чтобы мнѣ въ Расею можно уйти! проситъ онъ меня, придя ко мнѣ на квартиру.

— Далъ бы я тебѣ такую бумагу, да дать не могу.

— А мнѣ въ тюрьмѣ сказали, что можешь.

— Далъ бы я тебѣ, Иванушко, такую бумагу, которая бы тебя въ богадѣльню увела и тамъ оставила, да не въ силахъ я!

— Въ богадѣльню бы мнѣ хорошо.

— Хорошо, Иванушко, такъ хорошо, что тамъ тебѣ только и мѣсто! Лечить бы тебя — вылечили. Здоровый бы вышелъ, дѣвку полюбилъ. Полюбилъ бы ты дѣвку, женился на ней.

— Нѣту! Я дѣвокъ смерть не люблю: въ дѣвкахъ-то чертидьяволы сидятъ.

И Иванушко мой заплевался, разворчался; сердитъ сталъ не въ мѣру. Самыя судороги его пошли примѣтно-учащеннѣе и озлобленнѣе. Иванушко былъ просто идіотъ и притомъ, по свойству многихъ больныхъ болѣзнями нервными, имѣлъ одно больное мѣсто (антипатію), прикосновеніе къ которому вызывало ожесточенные припадки. Иванушко, по общимъ сказамъ, не любилъ два-три слова и, смирный вообще, при напоминаніи словъ этихъ онъ выходилъ изъ себя, бросалъ чѣмъ ни попало въ равныхъ себѣ и знакомыхъ и бѣгалъ отъ неровней и незнакомыхъ, какъ это онъ сдѣлалъ и со мною. Сдѣлались ли слова эти ненавистными больному съ самого того времени, когда онъ уразумѣлъ практическій смыслъ ихъ, или напротивѣли они ему до омерзѣнія отъ частаго напоминанія въ насмѣшкахъ досужихъ и праздныхъ товарищей — рѣшить теперь трудно. Иванушко во всякомъ случаѣ былъ вѣренъ антипатіи къ словамъ ненавистнымъ и во все время на каторгѣ не измѣнилъ себѣ ни одного раза. Безконечно жалко Иванушку, который, вмѣсто богадѣльни, попалъ на каторгу и страшно за него, когда знаешь, что въ сосѣдствѣ съ нимъ живутъ люди настоящіе каторжные. Не прилипнетъ къ нему злодѣйская грязь по причинѣ крайней неподатливости его почвы, но и не вылечатъ его здѣсь отъ болѣзни, для которой въ медицинѣ нашлись бы кое-какія облегчающія снадобья *).

---

*) Петръ I подобныхъ безумцевъ велѣлъ отправлять въ монастыри. Екатерина I этотъ указъ подтвердила, велѣвъ отправлять по надлежащемъ въ Тайной канцеляріи наказаніи въ 1727 г. Анна Ивановна, въ 1735 г., пре-

— А вотъ и другой экземпляръ ссыльно-каторжнаго! говорилъ мнѣ карійскій приставъ, указывая на высокаго старика, сѣдого какъ лунь, тщательно выбритаго и чистенько одѣтаго. Старикъ приковалъ мое вниманіе необыкновенно правильными чертами лица; въ глазахъ его еще было много жизни, и во всѣхъ чертахъ лица много мягкости и ничего злодѣйскаго ни во взглядѣ, ни въ улыбкѣ; даже и верхняя челюсть не была развита въ ущербъ остальнымъ частямъ лица. Глядѣлъ онъ бодро, честно и открыто; шолъ смѣло и увѣренно. Сложенъ онъ былъ превосходно и даже той сутулости, которая характеризуетъ всякого ссыльнаго, битаго кнутомъ, и даже той запуганности, которая заставляетъ прятать взоръ куда-нибудь въ сторону, въ уголъ, мы въ немъ не замѣтили. Наконецъ, той робости, которая велитъ скидать шапку всякому встрѣчному (что такъ любятъ и привыкли дѣ-

---

ступниковъ лишившихся разсудка велѣла также отсылать въ монастыри «къ неисходному ихъ тамо содержанію и крѣпкому за ними смотрѣнію». Въ 1860 году, кромѣ моего знакомаго, извѣстны были еще два дурачка, изъ которыхъ одинъ помѣшанный нѣмецъ изъ Риги. Присланъ былъ за поджогъ архива, жилъ въ Горной (въ 4 верстахъ отъ Благодатскаго рудника), все время былъ убѣжденъ въ томъ, что живетъ въ 4 миляхъ отъ Риги. Очень часто тайкомъ скрывался, принимая Нерчинскій заводъ за Ригу, рвался и кричалъ, когда его брали для возвращенія на мѣсто водворенія. Здѣсь либо шатался по улицамъ, либо погружонный въ молчаніе, вперялъ свой неподвижный взоръ въ даль, останавливая его на какой-либо точкѣ. Изъ прошлаго осталось одно воспоминаніе объ отцѣ во фракѣ, при чемъ онъ всегда простодушно смѣялся. Говорили, что онъ сошолъ съума еще въ Ригѣ вскорѣ послѣ того, какъ его суженая вышла замужъ за другого. Другой сумасшедшій, также признанный неспособнымъ къ работамъ шатался тамъ же въ рубахѣ, сшитой изъ лоскутьевъ, которые бились отъ вѣтру. Цѣлые дни носился онъ съ корзинкой, наполненной куклами, тряпками и другой ненужной дранью, принимая все это за имущество, которое тщательно берегъ изъ боязни, чтобы не украли. Присланъ былъ изъ Костромской губ. неизвѣстно за что. Ходилъ по окрестностямъ и искалъ работы и, не находя таковой, занимался покупкой тряпокъ, не покидая надежды найти работу. Надъ нѣмцомъ любилъ подсмѣиваться и не удостоивалъ его разговоромъ, называя его дуракомъ. Нѣмецъ почиталъ блаженствомъ получить трубку табаку; Костромичъ былъ доволенъ, когда накормятъ его. Костромичъ любилъ ходить безъ шапки, нѣмецъ носилъ громадную шляпу, и сквозъ одежду его также сквозило голое тѣло.

лать всѣ, просидѣвшіе долгое время въ каторжной тюрьмѣ) — въ старикѣ нашемъ также замѣтно не было. Внѣшній видъ расположилъ меня въ его пользу, и я готовъ былъ усумниться въ подлинности и вѣроятіи рекомендаціи пристава; но послѣдній настаивалъ на своемъ:

— Три года въ Акатуѣ на цѣпи сидѣлъ.

И самъ старикъ расказывалъ потомъ:

— Въ Калугѣ, на родинѣ, почту мы ограбили и почтальона съ ямщикомъ убили.

И откуда онъ взялъ столько хладнокровія, чтобы совершенно спокойно выговорить эти послѣднія слова изъ расказа своего.

— А за что́ тебя на цѣпь посадили? — спрашивалъ за меня приставъ.

— Сами знаете, ваше благородье! — отвѣчалъ старикъ: и мягкая, кроткая улыбка пробѣжала по лицу его. Улыбка эта, можетъ быть, въ то время меня обманула; но я и теперь за нее. Далеко ходить въ оправданіе ея; но лицо старика при дальнѣйшихъ распросахъ оставалось невозмутимо-спокойнымъ. Думалъ-ли онъ на тотъ разъ, что передъ прямымъ, непосредственнымъ своимъ начальникомъ скрываться нечего: онъ все знаетъ. Или сообразилъ онъ, что нѣтъ грѣха сознаться въ томъ преступленіи, которому минула законная давность, и тяжесть котораго давно уже искуплена цѣпью и одиночнымъ заключеніемъ, сосредоточивающимъ всѣ помыслы въ самомъ себѣ,— старикъ обо всемъ этомъ вслухъ не сознался; но повѣдалъ другое:

— На цѣпи я сидѣлъ за то, что изъ тюрьмы бѣжалъ, на дорогѣ бурятскую юрту ограбилъ и одного братскаго задушилъ.

И опять хладнокровный тонъ въ показаніи, какъ будто во свидѣтельство того, что старикъ теперь не боится за себя. Знать «умыкали бурку крутыя горки».

— Взялъ я его къ себѣ въ водовозы, и не нахвалюсь стараніемъ и усердіемъ; запиваетъ иногда, но очень рѣдко — говорилъ мнѣ приставъ. У нашего начальника жила въ кормилицахъ женщина, сосланная сюда за убійство собственнаго ребенка, и исполняла свою обязанность съ такой любовью, что иная мать не прилагаетъ столько нѣжности и ласки къ собственному дѣтищу. Мы объяснили

это порывами раскаявшейся натуры, жаждавшей искуственною, подогрѣтою любовью замыть кровавый грѣхъ ужаснаго преступленія,— но баба эта насъ обманула. Теперь она осталась нянькою при многихъ дѣтяхъ, и вотъ уже четвертой годъ такая же неустанная, безсонная, честная и нѣжная работница.

Третій, Мокѣевъ, и также случайно попавшійся намъ на глаза былъ именно изъ тѣхъ боязливыхъ и робкихъ, которые привыкли прятать свой взлядъ, привыкли быть замкнутыми и неоткровенными на любой изъ вызывовъ вашихъ. Ссыльный этотъ писалъ, напр., стихи, и одно время исполнялъ даже обязанность полковаго піиты: написалъ по заказу начальства пѣсню на отправленіе первой экспедиціи, снаряженной для завоеванія Амура. Онъ же сочинилъ цѣлую тетрадку виршей, посвященныхъ описанію всяческаго быта ссыльнаго въ тюрьмѣ и за тюрьмою. Я долго упрашивалъ его подѣлиться плодами его досуговъ, въ разсчотѣ встрѣтить въ немъ одного изъ тѣхъ сочинителей пѣсенъ, которые приготовляютъ на тюремной обиходъ казарменныя новыя пѣсни въ замѣнъ старыхъ народныхъ, но получилъ отвѣтъ, что стихи онъ забылъ, а тетрадку зачитали товарищи. При дальнѣйшихъ просьбахъ, я добился только обѣщанія принести на-дняхъ; ждалъ я недѣлю и тетрадки все-таки не получилъ. Мокѣевъ пришолъ въ Нерчинскіе заводы *по дѣлу объ ограбленіи и умерщвленіи* какого-то купца, гдѣ-то въ степныхъ губерніяхъ, и принесъ съ собой рекомендательныя письма. По письмамъ этимъ онъ оказался виновнымъ только въ томъ, что былъ при убійствѣ свидѣтелемъ, но не участникомъ. Письма говорили между прочимъ и то, что онъ, нося веселое званіе купеческаго сына или брата, велъ въ то же время и жизнь, приличную этому званію, т. е. ничего не дѣлалъ, кромѣ кутежей, ничего не видѣлъ, кромѣ трактировъ и погребковъ. Онъ жилъ такимъ образомъ долго и весело, пока не истощились отцовскія деньги. Недостатокъ денегъ вывелъ его изъ трактира въ кабакъ. Въ кабакѣ онъ попалъ на развеселыхъ товарищей, которые образовали шайку, имѣвшую намѣреніемъ поправить свои обстоятельства и подсластить пропойную жизнь на чужія средства. Средствомъ для этого друзья придумали грабежъ на большой дорогѣ. Желая ограничиться грабежомъ, они сгоряча и въ противо-

борствѣ совершили убійство, но безъ участія Мокѣева, хотя и въ его присутствіи. Какъ соучастникъ и другъ убійцъ, не давшій во время знать начальству о преступленіи, онъ отъ товарищества судомъ выдѣленъ не былъ, и вмѣстѣ съ ними попалъ на каторгу. Сюда, когда онъ освободился изъ тюрьмы, богатые родные присылали ему деньги. На деньги, при посредствѣ промысловаго начальства, вознаградившаго его тѣмъ снисхожденіемъ и участіемъ, которыхъ не получилъ онъ отъ судей, Мокѣевъ успѣлъ затѣять кое-какую торговлю. Торговалъ онъ удачно и деньги наживать началъ, да вдругъ вспомнилъ о своемъ бездольѣ и родинѣ—и запилъ. Запой сокрушилъ всѣ его средства; новыя присылки денежной помощи шли въ кабакъ. Сколько ни валили потомъ щебня въ болото: гати не сдѣлали; разъ прососавшаяся вода по знакомому ложу смывала всѣ преграды. На время (и только на время) пріостановилась-было вода на мельницѣ, не рвала гати и обѣщала по ней прямое и надежное русло туда, куда надо: Мокѣевъ полюбилъ вольную казачку, полюбился и ей,—и женился. Торговля опять пошла на ладъ; колеса на мельницѣ завертѣлись: мука была и покупателей было довольно, да вдругъ загулъ, и опять прорвало плотину. Суетилась жена, хлопотали сосѣди, суетились и хлопотали много и долго, а добились одного только, что больной сталъ пить не загулами, а запоемъ, что, какъ извѣстно, и безнадежно и неизлечимо. Сталъ Мокѣевъ человѣкомъ убитымъ и потерянымъ, и скрежещетъ теперь зубами на свою шаль и дурь, и жену любитъ и всѣми сосѣдями былъ бы любимъ за кроткій податливый нравъ, да слабость свалила и не позволяетъ встать на ноги. Мокѣевъ теперь на все рукой махнулъ.

— Ничего съ нимъ не подѣлаешь, — говорила жена его: самый безпутный человѣкъ! пѣсни писать пуще прежняго началъ, станетъ тебѣ читать какую,—слезой прошибетъ. Лучше бы ужь въ гробъ скорѣе ложился да гробовой доской накрывался. Вотъ и вчера пьянехонекъ домой пришолъ и завтра такой же будетъ.

Но отдѣльно взятыя, случайныя личности мало значутъ. Живя на свободѣ, онѣ могли утратить много того, чѣмъ отличается настоящій каторжный, да и жизнь на свободѣ, хотя и подлѣ самыхъ воротъ каторги — далеко не каторга. Про людей, вышедшихъ изъ

тюрьмы и самые сосѣди многого не скажутъ: многое забыли они, многое стараются забыть, зла не помня. И сами мы намѣрены не біографіи писать: мы хотимъ видѣть каторгу.

Каторги, однако, мы видѣть не могли. Постоянные холода, стоявшіе все время ниже 30°, — и человѣколюбіе горныхъ офицеровъ задержали работы на разрѣзѣ до благопріятнаго времени. Каторжныхъ изъ тюрьмы не выпускали, кромѣ нарядовъ на легкія и недолговременныя работы. Тѣмъ лучше: стало-быть, мы увидимъ тюрьму въ полномъ составѣ и сборѣ. Идемъ туда.

Вотъ эта тюрьма Нижняго Карійскаго промысла у насъ передъ глазами. На тюрьму, въ томъ смыслѣ, какъ бы хотѣло представлять наше воображеніе, она не похожа. Нѣтъ даже и того казеннаго вида, какимъ поражаетъ всякій старый этапъ по сибирскимъ дорогамъ. Нѣтъ этихъ заостренныхъ сверху бревенъ, плотно приставленныхъ одинъ къ другому, чорныхъ, погнившихъ; нѣтъ и этихъ огромныхъ воротъ по серединѣ, съ низенькой захватанной калиткой и двумя полуразвалившимися будками по обѣимъ сторонамъ скрипучихъ, громадныхъ, тяжолыхъ воротъ, которыя отворяются только два раза въ недѣлю, чтобы проглотить и потомъ выбросить проходящую партію. Карійская тюрьма глядитъ рѣшительной казармой, и многомного если она похожа на такую, гдѣ существуетъ такъ называемая сибирка, кутузка—мѣста для временнаго полицейскаго ареста. Снаружи, казарма эта очень ветхая, и даже не видать, чтобы она была недавно починена; рѣшотки ржавыя, крыльцо погнившее, крыша полинялая; но за то все остальное, обрядовое, въ совершенномъ порядкѣ и надлежащей форменности.

— Ефрейтора! закричалъ надъ нашимъ ухомъ часовой солдатъ, стоявшій у наружной двери.

Явилось требуемое лицо. Наряжены были еще двое конвойныхъ съ ружьями и пущены впередъ.

— Старосту!—закричалъ сзади насъ въ свою очередь ефрейторъ.

Явился и староста, съ бритой на половину головой, съ угодливостью въ лицѣ, съ судорожными движеніями во всемъ тѣлѣ, какъ будто готовый летѣть, растянуться въ воздухѣ по первому призыву и приказу начальника.

Передъ нами отворилась дверь, и словно изъ погреба, въ которомъ застоялась нѣсколько лѣтъ вода и не было сдѣлано отдушинъ, насъ облила струя промзглаго, спершагося, гнилого воздуха, теплаго правда, но едва выносимаго для дыханія. Мы съ трудомъ переводили послѣднее; съ трудомъ могли опомниться и придти въ себя, чтобы видѣть, какъ суетливо и торопливо соскочили съ наръ всѣ закованныя ноги и тотчасъ-же, тутъ подлѣ, вытянулись въ струнку, руки по швамъ, по-солдатски. Многіе были въ заплатанныхъ полушубкахъ въ накидку, на сколько успѣли; большая часть просто въ рубашкахъ, которыя когда-то были бѣлыя, но теперь были грязны до невозможности. Мы все это видѣли, видѣли на этотъ разъ большую казарму, въ серединѣ которой въ два ряда положены были деревянныя нары; тѣ же нары обходили кругомъ, около стѣнъ казармы. Видъ извѣстный, неизбывный во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ держатъ людей для казенной надобности въ артелѣ, въ ротахъ, въ батальонахъ. На нарахъ валялись кое-какія лоскутья, рвань, тоненькіе какъ блинъ матрацы, измызганные за долгой срокъ полушубки, и вся эта ничтожная, неимѣющая никакой цѣны и достоинства собственность людей, лишонныхъ доброго имени, лишонныхъ той же собственности. Вопіющая, кричащая бѣдность и нагота кругомъ насъ, бѣдность и несчастіе, которыя въ добавокъ ещо замкнуты въ гнилое жилище, окружены гнилымъ воздухомъ, дышатъ отравой его до цынги, ступаютъ босыми ногами съ жосткихъ наръ на грязный, холодный и мокрый полъ. Нечистота пола превзошла всякое вѣроятіе: на немъ пальца на два (буквально) накипѣло какой-то зловонной слизи, по которой скользили наши ноги, не разъ ходило сильное властью и средствами начальство,—и не замѣтило, а если и замѣтило—то навѣрное забыло. Половина смрада въ казармѣ копилась на полу и наполнила потомъ всю ее до самого потолка, который также оказался неспособнымъ отправлять свою трудную службу. Отворялись и форточки — и не помогали дѣлу ни мало; топятся и уродливыя огромныя печи и оказываются безсильными. И вся сила спасенія не въ планочкахъ, которыя мы, набалованные повадкой, охотно прибиваемъ ко всякому мѣсту, которое сквозитъ, свиститъ и просвѣчиваетъ, не въ загрунтовкѣ мѣстъ, которыя проболѣли до того, что заразились

гноемъ и сочатся гнилой, порченой кровью: вся сила — въ коренной перетрускѣ старого и въ рѣшительномъ созданіи новаго. На прежномъ мѣстѣ, пожалуй, но свѣжая казарма должна быть, во что бы то ни стало, и притомъ не по старому образцу и не старыми балованными руками сдѣланная, а по образцамъ новымъ, руками не запачканными, но чистыми, не выверченными изъ вертлюговъ на безполезныхъ работахъ, но здоровыми и сильными, которыя зла не творили, а за добромъ давно тянутся и всякому живому гуманному движенію давно уже распростерли горячія объятія *). Но еще долго проживутъ каторжные въ своихъ вонючихъ и сырыхъ норахъ, пока и до нихъ добѣжитъ лучъ свѣта по казеннымъ инстанціямъ, послѣ множества бумажныхъ справокъ и выправокъ.

— А дай-то Богъ, чтобы поскорѣе время шло — говоритъ каторжный, въ ожиданіи тюремнаго срока содержанія и старательно

---

*) Лѣтомъ 1857 года въ тюрьмахъ карійскихъ гнѣздилась повальная и смертная цынга. Люди заболѣвали отъ великихъ усиленныхъ работъ ради историческихъ *ста пудовъ золота*, когда всѣ ссыльные каторжные сгруппированы были здѣсь и размѣщены въ тѣсныхъ и сырыхъ помѣщеніяхъ. Въ результатѣ было то, что свыше тысячи человѣкъ умерло, да въ архивахъ свидѣтельство мѣстнаго лекаря. Онъ писалъ, что причина тому «больше всего обветшалость острожныхъ зданій, въ особенности же зависящая отъ того сырость внутри оныхъ». Мѣрою къ исправленію лекарь полагалъ — просушку зданій, а для того совѣтовалъ на два лѣтнихъ мѣсяца открывать окна или лучше всего вовсе выставить рамы до 20 числа августа. «Для осушенія болотистаго грунта полезно было бы провести по близости около оныхъ тюремъ канавы. Для будущаго лѣта запасти нынѣшнимъ соленій черемши (дикаго чесноку)». Прошло десять лѣтъ и на Карійскихъ промыслахъ тѣ же порядки, тѣ же тюрьмы, а съ ними та же цынга съ раннихъ весенних мѣсяцовъ до глубокихъ осеннихъ. Вотъ сравнительная таблица больныхъ цынгою по мѣсяцамъ: къ апрѣлю цынготныхъ 37, заболѣваетъ вновь 2; къ маю 39, вновь 4; къ іюню заболѣваетъ вновь 11, выздоравливаетъ 7; къ іюлю заболѣваетъ вновь 26, выздоравливаетъ 3, умираетъ 1; въ августѣ выздоравливаетъ 8. Въ октябрѣ, изо всего числа остается больныхъ только 7 человѣкъ. Замѣчательно, что рѣдкій изъ пріѣзжихъ, хотя бы велъ и регулярную жизнь, не заболѣваетъ цынгою, много черезъ годъ. За цынгой и отъ нея нерѣдки случаи гнилости во рту (водянаго рака.) Кислое молоко (простокиша), вино настоенное березовыми почками, табакъ, дикій хрѣнъ—обыкновенныя домашныя средства.

клеитъ онъ и терпѣливо ладитъ себѣ балалайку или скрипку, ради утѣхи и возможнаго сокращенія досаднаго, безполезнаго времени тяжолой, скучной каторжной жизни.

Снялъ онъ намъ съ гвоздочка скрипку свою, далъ осмотрѣть, дернулъ смычкомъ по струнамъ: — ничего!

— Пѣсни къ этой скрипкѣ голосомъ не подладишь, а плясать можно.

— За что̀ ты попалъ сюда? спросилъ я первого попавшагося мнѣ на глаза арестанта.

— Лошадь сворovалъ, много чужой лошадь сворovалъ! отвѣчалъ татаринъ.

— А ты за что̀?

— Заграницной матеріи наси евреи возили..... — началъ-было выясняться передъ нами обитатель западной русской границы, да перебилъ его другой досужій и знающій:

— А кто̀ контрабанду черезъ границу возилъ и въ таможенную стражу изъ ружей стрѣлялъ, двухъ солдатъ положилъ на мѣстѣ?

Смолчалъ еврей.

— А ты за что̀?

— А я, ваше сіятельство, совсѣмъ понапрасну. Спрашивалъ я у начальства—ничего не сказали. Наказаніе получилъ, сюда привели; ей-Богу, лопни глаза мои! занапрасно попалъ.

И арестантъ забожился, а въ рѣзкомъ акцентѣ его выяснился для насъ цыганъ, пришедшій сюда, по всему вѣроятію, за что-нибудь по-крупнѣе конокрадства: можетъ быть за грабежъ на большой дорогѣ, подлѣ которой стояли родичи его таборомъ.

— Не хотите ли — предлагаютъ намъ — задаться задачей пройтись по губерніямъ: спросите изъ любой представителя, — изъ всякой можемъ представить. Выбирайте наугадъ!

Подвернулась первою на память Кіевская, — нашлись цѣлыхъ трое. Прошлись по Волгѣ отъ вершины до устья, отозвались отъ каждой изъ девяти губерній по одному: на Симбирскую выкрикнули опять трое.

— Такъ и должно быть — поясняютъ намъ: изъ густо населенныхъ губерній захлопнетъ наша западня всегда не меньше одной

пары, и при этомъ всегда больше другихъ отличаются юго-западныя, а изъ приволжскихъ — Симбирская. Впрочемъ, больше идутъ и погуще даютъ преступленія губерніи ближнія къ Сибири: Оренбургская и особенно Пермская; изъ Вятской — поменьше. Изъ Финляндіи и инородцы чаще попадаютъ на поселеніе и если являются къ намъ, то не прямо съ родины, а уже съ мѣстъ поселенія. Замѣчаемъ, что Тобольская губернія преступнѣе всѣхъ и сердитѣе.

— Можемъ утѣшить васъ вотъ чѣмъ: изъ губерній глухихъ и лѣсныхъ, каковы Архангельская, Вологодская и Олонецкая, мы на столько рѣдко получаемъ къ себѣ паціентовъ, что я вотъ въ 12 лѣтъ ни одного не принялъ оттуда, людей этихъ мѣстностей не знаю и родовъ болѣзней ихъ объяснить себѣ не могу. Изъ инородцовъ не видимъ вовсе лопарей, самоѣдовъ, остяковъ и тунгусовъ: въ Березовѣ даже и тюрьмы не существуетъ. Татаринъ идетъ къ намъ, заурядъ со всѣми, обвиненный по роду тѣхъ преступленій, которыя водятъ на каторгу. Кавказскіе горцы идутъ за грабежи, а киргизы, кромѣ этого, ни въ какомъ уже иномъ преступленіи и не завиняются: баранта у нихъ — племенная добродѣтель, какъ у голодныхъ горцовъ набѣгъ. Еврей рекомендуется больше контрабандистомъ; цыганъ мы привыкли понимать за конокрада, и ужь давно цыганъ проговорился, что краденая лошадь не въ примѣръ дешевле купленой обходится. Другіе инородцы для насъ безразличны.

— Женщины приходятъ къ намъ за убійство дѣтей, но чаще— за поджоги. Поджогъ также преступленіе дѣтей. Стариковъ мы знаемъ, какъ кровосмѣсителей и растлителей; получали ихъ также за ересь и расколъ.

Разбирая преступниковъ по возрастамъ, мы имѣемъ таблицу, которая говоритъ намъ, что сосланные до 40 лѣтъ составляютъ 0,65 всего количества, отъ 40 до 50 лѣтъ 0,2; отъ 50 до 60 лѣтъ 0,8 и выше 60 лѣтъ 0,025.

— Соображая по состояніямъ и по отношенію ссыльныхъ къ общей числительности того и другого сословія, мы можемъ увѣренно сказать и доказать, что преступленія тяжкія, ведущія прямо къ намъ, всего чаще совершаются мѣщанами и солдатами — сословіями искусственно созданными. Они, вмѣстѣ съ другими, значительно облегча-

ютъ тяжесть упрека, который привыкли валить на крестьянъ, и въ сильной степени ослабляютъ въ общей цифрѣ обвиненіе ихъ въ чорныхъ и тяжкихъ преступленіяхъ. Вотъ не угодно ли вамъ будетъ провѣрить слова наши хоть на промыслахъ нашихъ, хоть пожалуй—и здѣсь въ тюрьмѣ.

Узнавать въ короткихъ, скороспѣлыхъ вопросахъ мы не рѣшились, да къ тому же и не имѣли этого въ виду, а задавали вопросы по вызову со стороны пристава и для того, чтобы сдѣлать что нибудь въ отвѣтъ на любезную предупредительность и имѣть больше времени осмотрѣться, познакомиться съ наружнымъ видомъ каторжной тюрьмы. Спрашивать самихъ арестантовъ объ ихъ преступленіяхъ намъ казалось неловкимъ и неделикатнымъ (мы въ этомъ и каемся теперь). Да притомъ же, давно и хорошо извѣстно, что они никому и никогда не говорятъ истинной причины ссылки, стараясь затемнить ее окольнымъ показаніемъ или новымъ сочиненіемъ; къ правдѣ не пріучили ихъ прежнія слѣдствія наши, и отбили всякую охоту тюремные обычаи и тюремная наука.

Распросы свои мы прекратили, въ расчотѣ и съ надеждою серьознымъ изученіемъ провѣрить наблюденія нашихъ проводниковъ (чего мы и достигли впослѣдствіи). На этотъ же разъ рѣшились прекратить и самое пребываніе въ тюремной казармѣ, гдѣ уже оставаться становилось не въ мочь головѣ и легкимъ (голова разболѣлась, грудь защемило): до того съ непривычки удушливо-тяжела была тюремная атмосфера! Какимъ же образомъ живутъ въ ней люди, что они успѣваютъ тамъ дѣлать и чѣмъ вознаграждаютъ себя за эти лишенія и мученія? Вотъ вопросы, разрѣшеніе которыхъ мы принуждены были искать на сторонѣ, узнавать отъ людей, близко стоящихъ къ этому дѣлу, и если не слишкомъ заинтересованныхъ имъ, то и не совсѣмъ чуждыхъ. Отъ нихъ мы узнали многое. Все это многое мы провѣрили отчасти собственнымъ наблюденіемъ (насколько это позволяли обстоятельства), отчасти выяснили себѣ по архивнымъ бумагамъ, по разсказамъ самихъ ссыльныхъ, по свидѣтельствамъ ихъ приставниковъ. Все, что досталось намъ въ добычу, несемъ на общій судъ и вниманіе.

Всѣхъ ссыльно-каторжныхъ, находившихся въ то время на Ка-

рійскихъ промыслахъ, насчитывалось около 1200 человѣкъ (во всемъ же нерчинскомъ округѣ до 4 тысячъ). Всѣ карійскіе содержались въ четырехъ тюрьмахъ и размѣщены были почти въ одинаковомъ числѣ въ двухъ тюрьмахъ при Среднемъ и Нижномъ промыслѣ; въ меньшемъ числѣ въ тюрьмѣ Лунжанкинскаго промысла, и самое меньшее, сравнительно число помѣщено было въ тюрьмѣ Верхняго промысла. Эта послѣдняя тюрьма находилась прежде въ самомъ селеніи, но по удаленіи промысловыхъ работъ (въ 1850 году) она перенесена на новое мѣсто, вверхъ по теченію золотоносной рѣки Кары, на одну версту отъ центра промысла, къ подножію горы. Въ тюрьмѣ этой 8 комнатъ, изъ которыхъ каждая способна вмѣщать не болѣе 50 человѣкъ. Средняя тюрьма, построенная въ 1851 году, находится въ самомъ селеніи (Средне-Карійскомъ), и походитъ на первую; лицевая сторона ея также не забрана палями. Лунжанкинская тюрьма, по удаленіи промысловыхъ работъ, перенесена въ 1856 году вверхъ по рѣчкѣ, давшей свое названіе промыслу, за три версты, и поставлена на мѣстѣ, называемомъ Коврижка. Это—самая маленькая изо всѣхъ тюремъ (только съ двумя комнатами), но за то прочнѣе прочихъ: при ней службы ещо весьма удовлетворительны *).

Вотъ оффиціальное топографическое описаніе тюремъ, которое потребуетъ ещо отъ насъ дополненій.

Каждая тюрьма имѣетъ при себѣ непосредственнаго начальника, должностное лицо государственной службы, смотрителя. Каждому смотрителю дается помощникъ, извѣстный подъ именемъ тюремнаго надзирателя. Кромѣ того каждая тюремная артель выбираетъ изъ среды себя старосту (на 40 человѣкъ арестантовъ полагается одинъ такой выборный). Староста получаетъ отдѣльный нумеръ отъ прочихъ, и онъ же вмѣстѣ съ тѣмъ и артельный экономъ, обязанный заботиться о пищѣ, и помощникъ надзирателя (субъ-инспекторъ), обязанный быть комнатнымъ соглядатаемъ и фискаломъ. Старосты этихъ такимъ образомъ въ каждой тюрьмѣ, судя по числу заключон-

*) Нижній промыселъ отъ рѣки Шилки и устья р. Кары находится въ разстояніи 15 верстъ; Нижній отъ Средняго въ 5 верстахъ: Средній отъ Верхняго въ 3 хъ.

ныхъ, находится 3, 4 и 5 человѣкъ. Надъ ними полагается ещо одинъ наѣольшій, старшій староста, который на тюремномъ языкѣ называется общимъ.

Такова должностная іерархія и тюремная бюрократія. А вотъ какова и вся процедура ихъ обязанностей, въ краткихъ и общихъ чертахъ, набросанныхъ однимъ изъ смотрителей карійскихъ тюремъ. «Смотритель, — говоритъ онъ, — завѣдуетъ, какъ хозяйственною, такъ и письменною частію. Надзиратель заботится о пищѣ и объ одеждѣ арестантовъ и кромѣ всего этого ведетъ отчотность. Поутру, въ назначенные часы для работъ, онъ идетъ на *раскомандировку* въ тюрьму. По приходѣ съ караульнымъ урядникомъ строитъ всѣхъ арестантовъ въ строй, дѣлаетъ перекличку по имѣющейся у него табели, чтобы узнать всѣ ли арестанты на лицо (точь-въ-точь, какъ дѣлалось это на этапахъ). Кончивъ таковую, сдаетъ партіи военному караулу, наряженному въ конвой. По уходѣ арестантовъ на работу, онъ выдаетъ старостамъ провизію на день, слѣдующую по положенію, которая принимается заблаговременно имъ отъ коммисара промысловъ *). Окончивъ все это, идетъ въ канцелярію тюремнаго смотри-

---

*) Каждому арестанту полагается по фунту мяса лѣтомъ и по 3/4 ф. въ прочее время, 1/4 ф. крупы и 10 золот. соли. Правда, что они ѣдятъ и щи и картофель, и лукъ, но за то все это покупается на собственныя арестантскія деньги, зарабатываемыя въ праздничные дни. На это же идутъ и тѣ деньги, которыя получаются артелями за перевозку тяжестей на артельномъ рогатомъ скотѣ, и тѣ проценты, которые накопляются съ разныхъ ссудъ, выдаваемыхъ частнымъ лицамъ изъ артельной экономической суммы (въ 1860 г. остатки ея простирались до 2781 р. 26 3/4 к.). Весь доходъ тюрьмы состоитъ изъ платы, зарабатываемой арестантами въ праздничные дни. Каждый изъ нихъ получаетъ въ мѣсяцъ изъ окладовъ: рабочіе по 75 к. и мастеровые третьей статьи—1 р., второй—1 р. 50., первой—2 р. Казна даетъ отъ себя только кормовыя деньги 5 к. въ сутки и 4 ф. печонаго хлѣба. Лѣтомъ, во время промысловъ, идетъ 5 ф. хлѣба и по 1 ф. мяса. Больнымъ выдается половинный окладъ платы безъ кормовыхъ и провіанта; остальная часть удерживается въ уплату лазаретной пищи. По выпускѣ изъ тюрьмы, слѣдующая изъ артельныхъ сумма выдается каждому на руки. «Точно также и тѣмъ, которые хорошимъ поведеніемъ заслужили довѣріе, покупаются одежныя вещи и припасы смотрителемъ. Одежда приготовляется при промысловомъ цехѣ и выдается на сроки. На два съ половиной мѣсяца: холщо-

теля, разводитъ арестантовъ по работамъ по имѣющемуся у него журналу (*о выводѣ арестантовъ на работу*), и въ оном̀ъ отбирается росписка съ военнаго караула относительно принятія арестантовъ на работы, а потомъ уже составляется кормчая табель, въ коей показывается число людей, ушедшихъ на работу, и пища употребленная для нихъ. Съ нею идутъ на рапортъ къ смотрителю. Вечеромъ, когда арестанты сойдутъ съ работы, надзиратель дѣлаетъ счотъ, всѣ ли приведены съ работъ, и по завѣркѣ кладетъ о принятіи свою росписку въ вышеупомянутомъ журналѣ».

Приводя эти строки, мы съ намѣреніемъ остановились на тѣхъ подробностяхъ, какія даютъ онѣ намъ. Повидимому, не можетъ быть ничего однообразнѣе жизни арестантовъ, и не даромъ у нихъ существуетъ поговорка: каторжный — «хлѣбъ кончалъ, сухарь кончалъ, казенной службы не могъ кончать». Но тѣмъ не менѣе, заключонные всегда находятъ средства разнообразить свою жизнь, и первое утѣшеніе представляетъ имъ пѣсня. Дѣйствительно, тюремный сидѣлецъ поетъ на каторгѣ съ великаго горя кручинныя пѣсни и любитъ онъ въ досужій часъ эти пѣсни. Съ любовію бросается онъ и на дѣланныя, сочиненныя; поетъ онъ и тѣ, которыя искренно вылились у какого-нибудь горемыки въ крайную минуту искренняго, неподкупнаго вдохновенія *).

Въ какой бы формѣ ни привелось выливать свое тюремное горе, которое главнымъ образомъ сказывается въ лишеніи свободы, испытывается въ недостаткѣ участія со стороны милыхъ сердцу, какъ бы

вая рубаха, суконные порты, три пары юфтевыхъ чирковъ (вм. сапоговъ) и пара рукавицъ. На годъ поступаютъ арестанту: шинель сермяжнаго сукна и поддевка сукменная». Расчитано примѣрно, что содержаніе всякаго арестанта на артельныя деньги обходится въ годъ въ 33 руб. 22 коп. «Но рѣдко случается (особенно въ лѣтнее время при разрѣзныхъ работахъ), чтобы арестанты вынашивали одежду въ срокъ, особенно чирки и рукавицы, которыя отъ гальки и мокроты глины не служатъ и двухъ недѣль».

Свѣдѣнія эти мы взяли изъ описанія тюремъ Шилкинскаго округа, сдѣланнаго однимъ изъ смотрителей этихъ тюремъ.

*) По возможности полный сборникъ тюремныхъ пѣсенъ (на большую часть сибирскихъ, на меньшую русскихъ) читатель найдетъ въ Приложеніи къ этому тому.

строго ни преслѣдовалась пѣсня, арестанты часто поютъ пѣсни хоромъ, а въ одиночку всегда, каждый вечеръ:

Бывало у соколика времячко:
Леталъ-то соколъ высокохонько,
Высокохонько леталъ по поднебесью;
Ужъ-то онъ билъ-побивалъ гусей-лебедей,
Гусей-лебедей, утокъ сѣрыихъ.
А нонѣ соколу время нѣту:
Сидитъ-то соколъ во поимани,
Во той во золотой клѣточкѣ,
На серебряной сидитъ на шосточкѣ,
Рѣзвы его ноженьки во опуточкахъ.

или:

Перекрѣпъ-то, перезябъ я, добрый молодецъ,
Стоючи подъ стѣнкой бѣлокаменной,
Глядючи на городъ на Катаевской.
У города воротцы крѣпко заперты,
Они крѣпко заперты воротцы — запечатаны;
Караульные солдатушки больно крѣпко спятъ,
Крѣпко больно спятъ солдатушки — не пробудятся
Одна лишь не спитъ красна дѣвица,
Красна дѣвица — королевска дочь.
Брала она со престолику короночку;
Надѣвала ее на свою буйну головушку,
Ещо брала со престолику златы ключи,
Отмыкала-отпирала каменну тюрьму,
Отпускала невольничковъ-подтюремщичковъ.

Но пока «красная дѣвица — королевская дочь» въ воображеніи только, а «златы ключи на престоликѣ» въ пѣснѣ хороши отвлеченнымъ смысломъ своимъ и безъ всякого практическаго примѣненія: ворота тюремныя дѣйствительно крѣпко заперты, и караульные солдаты всю ночь не спятъ. Бдительность дозора ихъ, приправленнаго крѣпкимъ и строгимъ наказомъ, до того сильна и закончена въ мельчайшихъ своихъ подробностяхъ, что и для арестантовъ нѣтъ другого исхода, кромѣ покорности, подчиненія и надежды не на настоящее, а на будущее. Конечно, покорность эта только временная и подчиненіе условное, но арестанты все-таки видятъ строгость надзора, неумолимость наказанія за проступки и ищутъ утѣшенія, по свойству че-

ловѣческой природы, въ другихъ путяхъ и средствахъ. Средства эти они находятъ въ собственной натурѣ, въ натурѣ русскаго человѣка, и гнету и преслѣдованіямъ сверху сопоставляютъ сильный оплотъ и противодѣйствіе снизу, въ средѣ своей. Противоборство это заключается въ такъ-называемой артелѣ тюремной, въ арестантской общинѣ. Община эта ладится плотно, очень скоро и просто. Правила для нея Богъ-вѣсть когда и кѣмъ придуманы, но уже приняли опредѣленную и законченную форму. Форма эта, по долгому опыту, состоятельна при практическомъ примѣненіи, а существованіе ея не подлежитъ сомнѣнію. Арестанты этого не скрываютъ и, можетъ быть, утаивая мелкія подробности, объявляютъ общія черты, по которымъ можно составить приблизительное описаніе. Описаніе это мы основываемъ на разсказахъ самихъ преступниковъ и провѣряемъ свѣдѣніями, сообщенными намъ тюремными приставниками на словахъ и въ оффиціальныхъ бумагахъ.

Одна и таже участь, равная степень наказанія, поразительное до мельчайшихъ подробностей сходство житейской обстановки — все это естественнымъ образомъ помогаетъ сближенію, дѣлаетъ это сближеніе не только возможнымъ, но даже и совершенно необходимымъ, по силѣ закона: «дружно—не грузно, а врозь—хоть брось». Сближеніе это, при одинаковой степени нравственнаго развитія и душевнаго настроенія, совершается тѣмъ скорѣе, чѣмъ вѣроятнѣе усталость и уступка со стороны противодѣйствія. Сближеніе становится прочнымъ и дѣйствительнымъ по мѣрѣ того, какъ преслѣдованіе дѣлается озлобленнѣе, а стало быть и бездарнѣе и недальновиднѣе. Пользуясь всякимъ благопріятнымъ моментомъ, тюремная община, не вѣдающая усталости, не желающая отдыха, накопляетъ внутри себя силы и притомъ въ такомъ количествѣ, что, при напорѣ ихъ, поневолѣ должны уступить всякія внѣшнія противоборства, хотя бы они и велись систематически. Кажется, сколько глазъ слѣдятъ за преступниками, сколько законовъ, правилъ и постановленій обрушилось на нихъ въ теченіи недолгаго времени, и все-таки тюремная община живетъ своею самостоятельною, особною жизнію. Она цѣла и самобытна, не смотря даже и на то, что тюрьма не вѣчная, неизбывная квартира, что она скорѣе постоялый дворъ, гдѣ однѣ лица смѣняются другими но-

выми. Правила для тюремной общины какъ-будто застываютъ въ самомъ воздухѣ; какъ-будто самыя тюремныя стѣны пересказываютъ ихъ. Преемственная передача убѣжденій, жизнь старыми преданіями, на вѣру, едва ли сильнѣе въ другой какой общинѣ.

Закономъ для всякой арестантской артели полагается выборный изъ среды преступниковъ—*староста*. Онъ прежде всего заботится о приготовленіи пищи товарищамъ и въ этомъ отношеніи можетъ быть названъ экономомъ. Въ его рукахъ скопляется вся сумма денегъ, образуемая изъ доброхотныхъ подаяній: вотъ и казначей. Староста — отвѣтственное лицо за проступки всей артели передъ начальствомъ, которое обязываетъ себя глядѣть на него, какъ бы на лицо оффиціальное и должностное, а по уставу—даже и утверждаетъ его въ этомъ званіи. Въ случаѣ, если бы онъ рѣшился скрыть какое-нибудь преступленіе, затѣянное арестантами, задумалъ бы не сказать о проступкѣ одного изъ нихъ: за все—про все отвѣчаетъ онъ, староста. Отвѣчаетъ онъ своей спиной, но не лишеніемъ мѣста: лишить его званія, отрѣшить отъ должности начальство безъ согласія всей артели не можетъ, точно также, какъ выборный въ старосты, изъ уваженія къ общинѣ, дѣлающей ему такую честь и довѣріе, отказаться отъ должности не имѣетъ права. Условія взаимнаго уваженія, основаннаго съ одной стороны на довѣріи и съ другой на благодарности, одинаковую имѣютъ силу и въ обществѣ преступниковъ, какъ и во всякомъ другомъ.

Такимъ образомъ староста, стоитъ между двухъ огней. Та и другая сторона заявляетъ на него свои права, та и другая требуетъ исполненія обязанностей, а обязанности эти, или скорѣе угожденія, въ сущности своей діаметрально противоположныя другъ другу. Какъ быть? Какъ выпутаться?

А на что же существуетъ община? отвѣтимъ мы на эти два вопроса также вопросомъ. Тюремная община держитъ своего старосту въ границахъ, положенныхъ его обязанностямъ: позволяетъ ему принимать съѣстные припасы и подаянія, хранить артельныя деньги и только. Этимъ власть его и ограничивается: и тѣни нѣтъ вліянія на нравственную сторону заключонныхъ. Арестанты опасаются навязать себѣ агента своихъ блюстителей, и потому отъ старосты требуется

чрезвычайной осторожности, глубокой осмотрительности. Всякій изъ нихъ долженъ знать, что множество глазъ заботливо слѣдятъ за всѣми его дѣйствіями и съ особеннымъ вниманіемъ за сношеніями его съ тюремными властями. Малѣйшая ошибка (простая, преднамѣренная), и староста смѣняется.

— Я бывалъ свидѣтелемъ (разсказывалъ мнѣ одинъ изъ заключонныхъ), какъ смѣняемыхъ старостъ прогоняли сквозъ строй жгутовъ (наказаніе, по сказанію самихъ виновныхъ, могущее поспорить съ таковымъ же оффиціальнымъ наказаніемъ, послужившимъ первому образцомъ и примѣромъ). Смѣщонный староста подвергается за тѣмъ общему презрѣнію, самому тяжкому изъ всѣхъ нравственныхъ наказаній, какія только могутъ быть придуманы въ мѣстахъ заключенія. Въ старостахъ, по избранію арестантовъ, чаще всего является тотъ изъ нихъ, который и у свободныхъ людей носитъ прозваніе сквозного плута, и который прошолъ въ тюрьму сквозъ огонь и воду и мѣдныя трубы, а въ тюрьмѣ съумѣетъ не остаться межъ двухъ наголѣ, напоитъ и вытрезвитъ, обуетъ и розуетъ.

Такимъ образомъ, ябеда, доносъ — самое нестерпимое изо всѣхъ тюремныхъ преступленій. Хотя ябедникъ и доносчикъ — тамъ явленіе очень рѣдкое, но тѣмъ не менѣе бывалое, и если больного этою трудно-излечимою болѣзнію не вылечатъ два испытанныхъ средства (каковы жгуты и презрѣніе), то его отравляютъ растительными ядами (обыкновенно дурманомъ). Къ исключительному средству этому прибѣгаютъ примѣчательно рѣдко и въ такомъ только случаѣ, когда начальство не имѣетъ средствъ или не сдается на просьбы товарищей и не перемѣститъ виновнаго въ отдѣльной покой или (если есть) въ другую тюрьму.

Товарищество соблюдается свято и строго и въ тюрьмѣ, какъ соблюдается оно, напр., во всѣхъ закрытыхъ заведеніяхъ, гдѣ также часто мелкій проступокъ возводится на степень преступленія, гдѣ также излишная строгость вызываетъ неизбѣжную скрытность, какъ единственное подручное орудіе протеста. Въ этомъ отношеніи у корпусовъ, пансіоновъ и институтовъ сходство въ пріемахъ съ пріемами тюремными поразительно. Грани сходятся, и только въ результатахъ они естественнымъ образомъ должны расходиться — и расходятся.

Преступники идутъ дальше, по пути преслѣдованія виновныхъ, идутъ смѣлѣе и рѣзче, какъ то и подобаетъ людямъ крѣпкаго житейскаго закала, сильныхъ и крупныхъ характеровъ.

Арестанты виноватаго (но не уличеннаго) товарища ни за что и никогда не выдадутъ. Уличенный, но не пойманный съ поличнымъ, въ преступленіи своемъ никогда не сознается, и не было примѣра, чтобы пойманный въ извѣстномъ проступкѣ выдалъ своихъ соучастниковъ: онъ принимаетъ всѣ удары и всю тяжесть наказанія на себя одного. Равнымъ образомъ, если арестантъ попался и попался съ поличнымъ, оказался совершенно виновнымъ, и смотритель его наказываетъ, арестанты довольны и не препятствуютъ исполненію приговора, слѣпо вѣруя, что наказаніе научитъ ихъ товарища другой разъ быть осторожнѣе, заставитъ его потомъ концы хоронить подальше и повѣрнѣе.

Стремясь къ согласію и возможной дружбѣ, заботясь объ единодушіи, какъ главныхъ основаніяхъ всякаго товарищества, тюремная артель не терпитъ строптивыхъ, черезъ-чуръ озлобленныхъ, сутягъ и всякаго рода людей безпокойныхъ. Бывали примѣры, что арестанты огуломъ жаловались начальству на такихъ озорниковъ, прося объ удаленіи ихъ изъ своей среды. Не рѣшаясь прибѣгнуть къ средствамъ, приложимымъ къ ябедникамъ (на томъ предположеніи, что наушничество—неисправимое зло), они оставались довольны, если безпокойнаго товарища запирали въ отдѣльную камеру на одиночное заключеніе. Озлобленнаго и безпокойнаго человѣка арестанты, по долгому опыту, считаютъ исправимымъ, и—говорятъ — не ошибаются; удаленные на время «злыдни» очень часто возвращались потомъ въ тюремную семью тихими, кроткими и примиренными. Одиночное заключеніе арестанты ненавидятъ и боятся его пуще всѣхъ другихъ. Разъ извѣдавши его, всѣми мѣрами они стараются избѣжать въ другой разъ. Для всякаго арестанта дорога тюремная артель, мила жизнь въ этой общинѣ; оттого-то всѣ они съ такимъ стараніемъ и такъ любовно слѣдятъ за ея внутреннимъ благосостояніемъ: удаляютъ безпокойныхъ и злыхъ, исключаютъ наушниковъ, обставляютъ непререкаемыми правилами, сурово наказываютъ своимъ судомъ виновныхъ, а судъ тюремный, какъ мы сказали — самый неумолимой и жестокой.

На сколько сильно и крѣпко товарищество—вотъ примѣръ (первый, подвернувшійся на память изъ сотни другихъ). Дѣло было на одномъ изъ заводовъ Восточной Сибири (на какомъ именно, не упомню).

Тюремный смотритель сердитъ былъ на арестанта за его дерзкія грубости, за непочтеніе къ особѣ начальника, за что-то, однимъ словомъ, такое, чего никакъ не могъ забыть и умягчить въ своемъ сердцѣ смотритель. Арестантъ былъ ловокъ, увертливъ: смотритель, при всѣхъ стараніяхъ, поймать его не могъ, а между тѣмъ хотѣлось удалить непріятеля изъ завода и удалить такъ, чтобы онъ его помнилъ.

Смотритель призываетъ къ себѣ другого арестанта и начинаетъ уговаривать его допытаться: кто такой преслѣдуемый и ненавистный ему преступникъ, и если перемѣнилъ онъ свое имя и живетъ подъ чужимъ, то уйдетъ прямо на золотые Карійскіе промысла, т. е. въ самую каторгу.

— Я бы допытался, ваше благородіе, да мнѣ жизнь еще не надоѣла: сами знаете наши порядки. Тяжелы такія дѣла!

— Я тебѣ въ нихъ защитникъ и покровитель.

— Если такъ, то было бы изъ-чего начинать дѣло.

— Вотъ тебѣ три рубля.

— Такъ неужели я товарища-то своего продамъ такъ дешово. Да и на три рубля, что я могу сдѣлать?! ни обуви купить, ни одежды завести.

Стали толковать, торговаться—на десяти рубляхъ сер. порѣшили дѣло. Беретъ арестантъ деньги, идетъ въ тюрьму и прямо къ товарищу:

— А я, братъ, тебя смотрителю продалъ: сказалъ, что ты чужое имя носишь; вотъ и денегъ десять рублей получилъ. Раздѣлимъ пополамъ. А ты меня выручи: нѣтъ-ли здѣсь въ селеніи на тебя кого похожаго? Не осрами передъ смотрителемъ!

— Шолъ одинъ въ пересыльной партіи похожъ на меня, да и живетъ-то онъ здѣсь на заводѣ: фамилія Клыгинъ.

— Клыгинъ!—рапортовалъ подговоренный смотрителю. Справился тотъ въ статейныхъ спискахъ: примѣты подходятъ (да и мно-

го-ли такихъ примѣтъ въ казенныхъ паспортахъ, каковыхъ нельзя было бы примѣнить ко всякому въ особенности и ко всѣмъ остальнымъ разомъ).

Наскочилъ смотритель на врага своего: радъ-радехонекъ. Тотъ отрекается, идти на дальную каторгу не хочетъ, слѣдствія проситъ: «мало ли-де чего на свѣтѣ не бываетъ: я самъ своего двойника въ пересыльной партіи видѣлъ, да онъ и теперь живетъ на заводѣ, здѣсь». Даютъ очную ставку: смотритель дѣйствуетъ смѣло, въ разсчотѣ на купленаго доносчика. Очная ставка съ мнимымъ двойникомъ не состоялась. Смотритель остался въ дуракахъ; наскочилъ на своего довѣреннаго:

— Зачѣмъ ты оболгалъ?

— Пошутить захотѣлось надъ вашимъ благородіемъ, что̀ я стану таить теперь по пустому?!..

И долго и громко смѣялась тюрьма надъ этой выходкой. Многіе о ней и теперь не забыли и мнѣ расказали.

На сколько арестанты блюдутъ тайны своей артели и стерегутъ ея интересы, узнаёмъ также изъ множества примѣровъ. Вотъ одинъ изъ нихъ, болѣе характерный и смѣлый.

— Былъ у насъ (расказывалъ мнѣ одинъ изъ ссыльныхъ, жившій въ послѣднее время въ Иркутскомъ соловаренномъ заводѣ), былъ у насъ при тюрьмѣ унтеръ-офицеръ сердитый, тяжолый и неподкупный. Такіе люди несносны. Арестанты рѣшились его удалить во что бы то ни стало; но какъ это сдѣлать? Надо было найти смышленаго человѣка. Ходили за нимъ недалеко. Содержался вмѣстѣ съ нами изъ бродягъ—Сенька: ловкій на всѣ руки и калачъ тертый съ солью. Ни надъ чѣмъ онъ не задумывался и на жизнь легко смотрѣлъ. Въ Россіи ходилъ по ярмаркамъ съ Петрушкой—фокусы показывалъ. Не посчастливилось тамъ, — въ Москвѣ жуликомъ долго былъ: ловко платки изъ кармана таскалъ, часы обрѣзывалъ. Ограбилъ тамъ церковь—въ Сибирь попалъ. Къ этому Сенькѣ и обратились арестанты:

— Помоги — говорятъ: смѣни ундера!

— Ладно, говоритъ. Сѣчь меня будутъ, такъ положите ли по двѣ копѣйки за розгу съ артели?

— Идетъ!—говорятъ, и смотрятъ, что будетъ.

Ходитъ Сенька по казармѣ, ходитъ, бурлитъ, ко всѣмъ привязывается: притворяется пьянымъ. Увидалъ это ундеръ: донесъ смотрителю. Пришолъ смотритель и спрашиваетъ:

— Гдѣ взялъ водку, кто принесъ?

— Вотъ онъ! говоритъ Сенька—и показываетъ на ундера.

— Врешь, говоритъ смотритель; не вѣрю — не таковской человѣкъ этотъ ундеръ.

Божится Сенька.

— Дохни!

Дохнулъ Сенька такъ, что какъ будто и въ самомъ дѣлѣ въ сосѣднемъ кабакѣ двери отворили.

— Розогъ! закричалъ смотритель.

Сенька мигнулъ товарищамъ: «Считайте-де братцы, а я васъ самъ повѣрять буду, чтобы потомъ не отжилили!»

Стали считать: пятьдесятъ розогъ насчитали.

Смотритель опять спросилъ: «врешь-де, собачій сынъ!» Побожился Сенька и снова драть его стали. Ещо пятьдесятъ розогъ сосчитали: по счоту на серебро два рубля приводилось съ артели. Артельному кошелю тяжело стало—закричали арестанты Сенькѣ:

— Будетъ, Сенька! Проси, шельмецъ, прощенія!

Не проситъ.

— Кто принесъ вина?

— Этотъ самый ундеръ.

Опять положили. Арестанты громче шумъ подняли:

— Сказывай, Сенька, ну, тебя, къ чорту! (много-де артельскихъ денегъ изводишь и самъ-де того не стоишь).

Лежитъ себѣ Сенька подъ вторую сотню. Арестанты ещо громче зашумѣли: «тебѣ-де дьяволу ничего, шкура-то у тебя барабанная, стало—привычная, да артельнымъ то деньгамъ изъянъ большой.

Сенька стоитъ на своемъ: ундеръ принесъ. Получилъ двѣсти—всталъ; всталъ и говоритъ:

— Сказывалъ я вамъ, что сказывалъ; не повѣрили вы мнѣ, ваше благородье! Осмотрите-ко ундера: можетъ, онъ и четушку-то (косушку) ещо не успѣлъ спрятать.

Послушался смотритель совѣта его: осмотрѣлъ ундера и въ ранцѣ у него нашолъ ту посудину (успѣлъ-таки ловко подложить свою вещь Сенька, умѣвшій таскать изъ тѣхъ же кармановъ и всякихъ ручныхъ мѣшковъ чужія вещи).

Артель достигла цѣли: ундера убрали. Сенька получилъ свои четыре рубля серебромъ. Смѣялись всѣ долго и ещо пуще полюбили всѣ Сеньку.

Вообще, не скупясь ни на какія средства, не задумываясь ни передъ какими препонами, тюремная артель строго блюдетъ свою тайну, старательно прячется за завѣсой ея, у которой, если приподнять одинъ только уголокъ—мы увидимъ вотъ что:

Во всякой тюрьмѣ (русской и сибирской) существуетъ такъ называемый *майданъ*. Это въ тѣсномъ смыслѣ подостланная на нарахъ тряпка, полушубокъ или просто очищенное отъ этой вѣтоши мѣсто на нарахъ, на которомъ производится игра въ карты, кости, въ юлку и около котораго группируются всѣ игроки изъ арестантовъ. По тюремной примѣтѣ—пословицѣ: на всякаго майданщика по семи олуховъ.

Игра, какъ извѣстно, есть одна изъ самыхъ прилипчивыхъ и упорныхъ страстей между преступниками. Безпрестанная боязнь быть открытыми (не смотря на существованіе сторожей у дверей) заставляетъ преступниковъ торопливо играть и въ волненіяхъ душевныхъ, разжигаемыхъ игрой, находить самыя любезныя имъ наслажденія, самыя пріятныя и дорогія имъ утѣхи. Существованіе азартныхъ игръ присущо тюрьмамъ всего земного шара *).

---

*) Вотъ что говоритъ Fregier въ своемъ сочиненіи «Des classes dangereuses» о французскихъ тюрьмахъ: «Арестанты, привыкшіе въ одинъ моментъ терять плоды недѣльной работы, доводятъ свою страсть къ игрѣ до того, что ставятъ на-конъ хлѣбъ, которымъ должны кормиться мѣсяцъ, два-три мѣсяца. Но что всего удивительнѣе: между арестантами встрѣчаются такіе, которые, во время раздачи порцій оказываются нетерпѣливыми, даже жадными, тѣ, которые рвутъ хлѣбъ изъ рукъ и потомъ легко примиряются съ лишеніемъ пищи, проигранной въ карты. Прибавлю послѣднюю черту, показывающую до какой степени помѣшательства можетъ доводить разумное существо страсть къ игрѣ. Врачи центральнаго дома Mont-Saint-Michel

Право содержать майданъ въ нашихъ тюрьмахъ отдается съ торговъ, независимо отъ содержанія другихъ оброчныхъ статей (о чемъ мы будемъ говорить ниже). Откупщикъ майдана бываетъ большею частію самый бережливый изъ арестантовъ, скопидомъ и во всякомъ случаѣ обладающій извѣстнымъ капиталомъ. Онъ называется *майданщикъ* и если не пользуется уваженіемъ и любовью арестантовъ, то во всякомъ случаѣ находится подъ покровительствомъ артели. Въ средѣ ея онъ всегда найдетъ такихъ голышей, которые за нѣсколько копѣекъ становятся на стражу и оповѣщаютъ играющихъ о приближеніи опасности (играютъ обыкновенно по ночамъ). Для этого существуютъ въ тюрьмахъ условныя выраженія, особенныя слова.

— *Стрёмà!* кричитъ сторожъ въ нерчинскихъ тюрьмахъ.

— *Вода идетъ!* оповѣщаетъ сторожъ въ тобольскомъ и другихъ спопутныхъ сибирскихъ острогахъ.

И майданъ исчезъ: свѣча погашена, карты спрятаны, такъ что самый опытный смотритель не найдетъ ихъ. А уйдетъ дозорщикъ (*стрема*, *вода*), — и опять пошли переходить съ рукъ на руки и *курынчà* (мѣдныя деньги, по тюремному названію) и *сàры* (т. е. бумажки и серебро, которое водится во всѣхъ видахъ, даже иностранные талеры, пятифранковики, старинные цѣлковые, и проч.).

— «Таланъ на майданъ!» — желаетъ арестантъ играющему въ карты товарищу: «шайтанъ на гайтанъ!» — шутливо отвѣчаетъ этотъ.

— «Давай въ святцы смотрѣть», говоритъ другой арестантъ третьему, желая натравить его на игру. «Быковъ гонять» на условномъ тюремномъ языкѣ значитъ въ кости играть, бросать пару обыкновенныхъ игральныхъ квадратныхъ костей (со значками въ точкахъ до 6-ти). «Свѣтомъ вертѣть», «головой крутить» — въ юлку *) играть.

наблюдали за однимъ преступникомъ, который игралъ съ такимъ увлеченіемъ, что, лежа въ больницѣ, ставилъ на-конъ порцію бульона и вина, когда тотъ и другое были крайне необходимы для возстановленія его растраченныхъ силъ. Этотъ несчастный умеръ отъ истощенія силъ».

*) *Юлку* дѣлаютъ изъ говяжьихъ костей, которыя распиливаютъ кручоной суровой ниткой, постоянно смачивая ее въ растворѣ золы и березоваго угля.

«Хамло пить» зоветъ арестантъ товарища, когда онъ досталъ водки и желаетъ угостить ею. *Дыму* желаетъ купить арестантъ, когда табаку захочетъ курить, — и куритъ его теперь въ папиросахъ или лучше сказать въ тюрикахъ, свернутыхъ изъ самой толстой бумаги, ибо чѣмъ толще бумага, тѣмъ мягче махорка. Бумага краденая, табакъ купленый (у майданщика); иногда и бумагой торгуютъ, но чаще добываютъ ее изъ тѣхъ книгъ, которыя раздаютъ для чтенія члены попечительныхъ о тюрьмахъ комитетовъ (всякой другой сортъ бумаги—плодъ, закономъ воспрещонный въ тюрьмахъ). Папиросы ещо тѣмъ хороши, что прячутся ловко: да и налетишь съ ней на дозорщика, такъ не жаль разставаться, а трубокъ—ненапасная пропасть переводится. Трубки держатъ только тамъ, гдѣ дозоръ посходнѣе и пристава попроще.

Арестантъ мастеритъ самъ или у другихъ покупаетъ *змѣйку*, когда намѣренъ перепилить тюремную рѣшотку въ окнѣ или дужку замка на кандалахъ, ради побѣга. Кандалы называются *ножные брушлеты* (браслеты); кнутъ — *лыко*, или съ добавленіемъ *адамово* лыко. *Заводская собака лаетъ*—остритъ ссыльный рабочій, когда звонитъ колоколъ, призывающій на работу.

Бѣглый идетъ на тюремномъ языкѣ подъ названіемъ *горбача* (за ношу, которая всегда имѣется у него сзади, на спинѣ). «Гляди въ *маршлутъ*: долго ли намъ идти?» говоритъ горбачъ своему товарищу, когда не желаетъ заходить въ спопутную деревню за милостыней и надѣется найти въ этомъ маршлутѣ (т. е. буракѣ или, по сибирски, туезѣ) достаточное количество запасу для прокормленія себя.

Бѣжитъ арестантъ изъ тюрьмы «къ генералу Кукушкину на вѣсти» или просто «кукушку слушать»; но нерѣдко сходитъ только «простокишки (т. е. простокваши) поѣсть», т. е. дойдетъ до Верхнеудинска и, возвращонный оттуда опять на Кару, осмѣивается въ этомъ послѣднемъ выраженіи товарищами. Бѣжитъ арестантъ, не

Одинъ пилитъ, другой подливаетъ щолокъ. Счотъ у юлки особенный: 9—лебедь, 11—лебедь съ пудомъ, 5—пѣтушки, 4—чеква и пр.,—такъ у клубныхъ игроковъ въ лото и у бостонистовъ (6 — филадельфія, 8 — индепандансъ и пр.).

думая о послѣдствіяхъ, и самъ остритъ и смѣкаетъ, что «лиха бѣда нагнуться (подъ плети), а не лиха бѣда отдуться».

Въ тюрьмѣ арестантъ умоляетъ строгихъ по виду, на самомъ дѣлѣ податливыхъ сторожей, «привести мазиху» (т. е. женщину) и не щадитъ никакихъ денегъ; а на волѣ старается «краснаго пѣтуха пустить», въ отмщеніе той деревнѣ, въ которой покусились схватить его, бѣглаго, и представить по начальству, т. е. спѣшитъ «пожаръ въ ней сдѣлать». «Берись за жуликъ» (т. е. за пожъ), кричали арестанты, когда поднимали бунтъ противъ приставниковъ.

Вотъ почти всѣ тѣ слова, которыя находятся въ тюрьмахъ въ оборотѣ; едва ли есть больше, потому что нѣкоторыя изъ приведенныхъ нами крайне случайныя, мало употребительныя, другія отзываются легкой насмѣшкой, третьи легко и просто замѣняются самими сторожами, какъ принято, напр., въ тобольскомъ острогѣ, гдѣ сторожа, по увѣренію ссыльныхъ, особенно дешевы. Тамъ, если кричатъ со двора: «унтеръ-офицеръ!» значитъ «вода», начальникъ идетъ: берегись! Кричатъ ефрейтора: продолжай майданъ, — идутъ люди неопасные, свои, купленые. Часть условныхъ тюремныхъ словъ, судя по внѣшнымъ знакомымъ признакамъ, введена московскими жуликами или петербургскими мазуриками; другая часть, по всему вѣроятію, оставлена арестантамъ въ завѣщаніе волжскими и другими разбойниками, не такъ давно наполнявшими тюрьмы Сибири и Забайкалья *).

Майданъ въ сибирскихъ тюрьмахъ принимаетъ болѣе обширные размѣры, а потому и откупная цѣна на него, по торгамъ, значительно выше, чѣмъ та же во время путешествія арестантовъ по этапамъ. Во время этаннаго пути майданъ, какъ мы уже выше сказали, снимается за Тобольскомъ на время, необходимое арестантской партіи для того, чтобы дойти до Томска. Въ Томскѣ опять торги до Красноярска; въ Красноярскѣ до Иркутска (самая меньшая цѣна майдана) и въ Иркутскѣ до Нерчинскихъ заводовъ (самая большая цѣна майдана). Принимая въ расчотъ большее или меньшее количество верстъ

*) О тюремномъ словарѣ см. статью въ Приложеніи къ этому тому (Приложеніе II).

(а стало быть и время), необходимое для путешествія, арестантская община, при сдачѣ майдана, имѣетъ также въ виду и большее или меньшее число желающихъ и могущихъ вести игру. Потому за продажу картъ полагается откупная плата отъ 15 до 30 руб. Майданщикъ обязуется при этомъ поставлять игрокамъ и освѣщеніе въ видѣ сальныхъ свѣчей. Деньги эти вносятся въ общую артельную кассу и сдаются на руки выборному старостѣ (онъ иногда бываетъ и майданщикомъ, но рѣдко, хотя въ старосты арестанты иногда стараются выбирать денежнаго, слѣдовательно и вліятельнаго до нѣкоторой степени). Чаще всего сдаютъ карточный откупъ въ тѣ же руки, въ которыхъ находится откупъ съѣстныхъ припасовъ, какъ тому лицу, которое въ тюремной общинѣ носитъ названіе харчевника. Условія откупа и выгоды, гарантирующія майданщика картъ, полагаются слѣдующія:

1) За карты, требуемыя въ круговую игру, платится играющими въ первый разъ 30 коп.; во второй—20 коп., въ третій—10 коп.; затѣмъ обыгранныя карты отдаются для игры даромъ, безплатно, грошовымъ игрокамъ, для которыхъ на тюремномъ саркастическомъ языкѣ имѣется прозваніе *жигановъ*.

2) Съ тѣхъ игоръ, которыя идутъ рука на руку, взыскивается всякой разъ 10 коп. съ выиграннаго рубля, за вычетомъ возвращонныхъ проигравшему.

Въ тюрьмахъ городскихъ карты, чрезъ сторожей, покупаются у торговцовъ: иногда новыми, иногда играными; наружныхъ достоинствъ не требуется, были бы только очки примѣтны, а самыя карты до невозможности засалены и обмочалены. Но въ тюрьмахъ, помѣщонныхъ не въ городахъ (каковы, напр., всѣ каторжныя и заводскія тюрьмы), карты дѣлаются самими арестантами. При этой операціи самую серьозную трудность—приготовленіе фигуръ—обходятъ условнымъ пріемомъ въ размѣщеніи очковъ, и достигаютъ цѣли тѣмъ, что валета дѣлаютъ изъ двойки, даму изъ четверки, короля изъ тройки—словомъ изо всѣхъ тѣхъ картъ, которыя выкидываются при игрѣ въ три листика. Къ двойкѣ придѣлываютъ два очка, по одному на верху слѣва и внизу справа, рядомъ съ существующими; въ четверкахъ прибавляютъ по одному очку на верху и

внизу, въ серединѣ готоваго ряда. Своеобразная четверка служитъ такимъ образомъ за валета, а оригинальная, условная шестерка— за даму. Короля рисуютъ вновь изъ тройки: стираютъ старыя очки и намѣчаютъ новыя, располагая значки ромбомъ по четыре наверху и по четыре внизу. Я пріобрѣлъ одинъ экземпляръ этихъ *чалдонокъ* (такъ называются самодѣльныя карты), но онѣ сдѣланы всѣ до одной заново изъ простой сѣрой писчей бумаги, проклеенной простымъ столярнымъ клеемъ. Исподки выкрашены подъ одинъ цвѣтъ (красный); чорные очки наведены краской изъ сажи съ клеемъ (иногда чернильными орѣхами съ купоросомъ); красные изъ мелкаго кирпичу съ тѣмъ же клеемъ. Форматъ картъ для удобства почти вдвое мельче обыкновенныхъ. Но мой экземпляръ великолѣпный: очки наведены какъ бы какой-то печатной формой. Я видѣлъ другія несравненно грубѣйшей работы. Повидимому, карты работаны на-спѣхъ, подъ множествомъ зоркихъ глазъ, и притомъ въ самой строгой тюрьмѣ, можетъ быть, именно, въ военной омской (крѣпостной) тюрьмѣ. Красные очки выведены кровью и даже сажа для чорныхъ очковъ растворена на той же крови. Такими жертвами покупается право игры!

И сколько ещо у арестантовъ выходовъ, если конфискуются, по несчастію, всѣ карты. Удобоскрываемыя кости, на случай конфискаціи, замѣняются *юлкой*. Отнимутъ юлку—въ тюрьмахъ есть дешовая и простая игра въ шашки, доска для которыхъ всегда готова на нарахъ; но въ особенности подручна игра въ такъ-называемые— *бѣгунцы*, игра извѣстная во всей Россіи. Бѣгунцы родятся въ волосахъ, выпускаются на стекло, смазанное саломъ, въ кругъ или на бумагу съ двумя концентрическими кругами. Разомъ всѣхъ бѣгунцовъ выпускаютъ въ меньшій кругъ. Чья осилитъ кругъ прежде другой: тотъ и выигрываетъ. Побѣжденную казнятъ тутъ же на мѣстѣ преступленія; побѣдительницу сажаютъ опять въ старое убѣжище: въ перушко. Двѣ переползутъ въ одно время — конъ или ставка пополамъ.

Игроки нарочно составляютъ такіе звѣринцы, тщательно сберегаютъ и держатъ при себѣ всегда на-готовѣ. Также всегда на-готовѣ и во всякое время къ услугамъ простѣйшій способъ игры въ *петлю*: заложившій банкъ беретъ въ руки веревку или нитку и дѣлаетъ изъ

нихъ нѣсколько петель. Желающіе сорвать ставку стараются попасть въ петли пальцомъ такъ, чтобы одна изъ нихъ защемила палецъ (или палочку) и сдѣлался узелъ. Но и здѣсь бываетъ подтасовка: въ ловкихъ рукахъ фокусника всѣ петли срываются и никогда узла не схлёстываютъ.

Изъ игоръ карточныхъ самая употребительная въ Россіи *подкаретная*, или *въ три листика* съ фальками и бардадымами; но самая любимая—*едно*, въ Сибири составляетъ нѣкоторый родъ видоизмѣненія первой, съ разницею въ счотѣ очковъ по уговору: тузъ считается либо за 14, либо за одинъ очокъ, король всегда 13, дама 12 и валетъ 11. Существуетъ ещо игра *юрдовка*, иначе *зерня*, основанная на игрѣ въ оставшіяся отъ выброски карты: двойки, тройки, четверки и пятерки. Именемъ этой игры назвалась отдѣльная слободка на Нижномъ Карійскомъ промыслѣ по дорогѣ въ Средній. Назвалась она такъ потому, что при началѣ промысла на Карѣ на этомъ мѣстѣ собирались записные картежники изъ каторжныхъ и вели сильнѣйшую зерню (игру). Господствуетъ она въ нерчинскихъ тюрьмахъ, гдѣ, какъ извѣстно, арестанты проигрываютъ все: одежду казенную, отъ полушубка до онучки, паекъ до послѣдней крошки и зерна, хлѣбъ, соль, по пословицѣ: «рубль и тулупъ и шапка въ гору» *).

---

*) Тобольскій острогъ, по поводу преслѣдованія картъ, сохранилъ разсказъ о слѣдующемъ весьма характерномъ случаѣ (передаемъ его по возможности такъ, какъ онъ записанъ въ тюремной хроникѣ): «27 іюня (1849 г.), по окончаніи вечерней повѣрки и запора во всѣхъ казармахъ и секретныхъ камерахъ арестантовъ, смотритель, чуствуя себя, послѣ дневныхъ трудовъ ослабѣвшимъ въ силахъ, намѣренъ былъ успокоиться сномъ и потому, въ 11 часовъ ночи, пригласивъ къ себѣ на ужинъ караульнаго офицера прапорщика Спб. лин. бат. № 1 Тидемана и, по окончаніи онаго, пожелавъ доброй ночи, осторожнаго и благополучнаго наблюденія за постовыми караулами, разстался съ нимъ въ началѣ 12 часовъ и послѣ того, раздѣвшись, легъ въ постель и въ ту же минуту уснулъ. Въ продолженіи каковаго сна смотрителя, самаго кратчайшаго (т. е. сна), упомянутый офицеръ, подойдя къ окну кухни смотрительской, въ коей тогда послѣ ужина случилось ещо быть его женѣ, требовалъ сказать смотрителю о замѣченной часовымъ картежной игрѣ въ казармѣ кандальныхъ арестантовъ. Жена

3) Съ *майдана никто безъ выигрыша не уходитъ:* такъ, напр., одинъ пускаетъ въ игру на-конъ три рубля и всѣ проигралъ: выигравшій обязанъ возвратить ему третью часть (т. е. рубль), по правилу, Богъ вѣсть когда и кѣмъ постановленному и свято соблюдаемому во всѣ времена и всѣми арестантами. Точно также выигравшій казенныя вещи (платье, рубашку, сапоги и проч.) обязанъ ихъ

смотрителя, пожалѣвъ разбудить мужа, распорядилась отдать ключъ отъ упомянутой казармы г. Тидеману съ покорнѣйшею просьбою потрудиться въ сказанную казарму безъ надзирателей или приставниковъ комнатныхъ не ходить да и замѣченныхъ имъ арестантовъ, играющихъ въ карты, не брать или шуму съ ними въ ночное время не заводить, сказавъ притомъ, что съ виновными утромъ поступитъ, какъ должно, самъ смотритель. Г. Тидеманъ, уважая, хотя и неумѣстный женскій, но предупредительный для него же совѣтъ, приказалъ своимъ караульнымъ позвать дежурныхъ надзирателей. «Самъ рѣшился стремглавъ броситься въ казарму, чтобы врасплохъ захватить игравшихъ». Случилось однако же не такъ. Это распоряженіе заставило въ ту же минуту встревожить всѣхъ въ казармѣ арестантовъ, въ коей находилось ихъ 126 человѣкъ, крикомъ и ужаснымъ стономъ лежавшихъ у самыхъ дверей отъ причины непомѣрной духоты голыми, которыхъ бросившіеся караульные должны были, по необходимости крайной тѣсноты топтать по чемъ приходилось сапогами и безъ сомнѣнія, падая чрезъ нихъ, причинять имъ съ досадою побои и кулаками, отчего еще болѣе увеличился крикъ, сколько отъ лежавшихъ предъ дверьми на полу, по причинѣ чувствуемой ими боли, столько и отъ находившихся подъ нарами и на нарахъ (изъ жалости своихъ товарищей), безвинно переносимыхъ отъ солдатъ побой. При увеличившемся же крикѣ, г. Тидеманъ принужденъ былъ изъ казармы бѣжать, а за нимъ и солдаты, которыми былъ выпихнутъ одинъ каторжный (Мухановъ), котораго, стоявшіе на дворѣ солдаты съ ружьями, избили при г. Тидеманѣ прикладами до такой степени, что онъ былъ брошенъ въ казарму почти безъ памяти, что еще прежде взволновало каторжныхъ до такой степени, что караульные, боясь дальнѣйшихъ происшествій, поспѣшили приперѣть дверь». Разбудили смотрителя,—прибѣжалъ: солдаты жердями приперли дверь и идти не совѣтуютъ, убьютъ-де. Смотритель не послушался: избитаго отправилъ въ больницу, гдѣ ему пустили кровь. Каторжныхъ уговорилъ быть покойными и не шумѣть. Потомъ дѣлалъ осмотръ: въ двухъ секретныхъ камерахъ, замѣтивъ потушеный огонь, велѣлъ зажечъ свѣчи. Затѣмъ началъ ссору съ офицеромъ, когда послѣдній потребовалъ его къ себѣ и обозвалъ бабой при тѣхъ же нижнихъ чинахъ, на что смотритель «хотя и съ вѣжливостью, но рекомендовалъ ему себя не бабой, а старшимъ его службой».

возвратить проигравшему безплатно по истеченіи нѣкотораго времени, достаточнаго, по соображеніямъ арестантовъ, для того, чтобы охолодить горяченькаго и удержать его отъ опаснаго азарта. Неисполнившій этого правила во многихъ тюрьмахъ лишался права на всякой выигрышъ, т. е. принужденъ былъ самъ запереть себѣ двери къ игрѣ. Правила эти, столько же предупредительны на случай могущихъ быть ссоръ, споровъ, драки и, можетъ быть убійства, сколько придуманы онѣ въ видахъ круговой поруки, на случай, если бы всѣ игрецкія деньги перешли въ однѣ руки къ счастливому, и такимъ образомъ остановили бы игру. На другой день, вчера проигравшійся и получившій на руки свою третью часть, пускаетъ ее опять на-конъ, и если проигрываетъ, то снова получаетъ свою третью часть изъ рубля (33 коп.) и играть въ тотъ день больше не имѣетъ права (да съ нимъ уже и не станутъ). На третій день онъ опять при деньгахъ и при правѣ на игру, т. е. на четвертый день обезпеченъ 11-ю коп. и т. д. Перестанетъ онъ играть, раззорившись въ пухъ, если онъ не почотное лицо въ средѣ арестантовъ; и играетъ въ безконечность, если онъ аристократъ острога, т. е. бродяга—человѣкъ бывалый и тертый, а потому находящійся у всѣхъ на почотѣ.

4) *Бродягамъ майданщикъ обязанъ вѣрить всегда на* $1^1/_2$ *руб. сер.*, хотя бы они ничего за душой своей не имѣли. Эта фантастическая сумма, никогда не облекаемая въ существенной матеріалъ денежной, имѣетъ все-таки наглядное значеніе въ видѣ порціи вина для пьяницъ, и въ видѣ возможности участвовать въ игрѣ на кредитъ. Достаточно бродягѣ поставить на майданъ кирпичъ или просто собственный кулакъ, чтобы подъ видомъ этихъ вещественныхъ знаковъ шолъ въ кругѣ и въ круговой игрѣ и его отвлеченный, кредитованный майданщикомъ, капиталъ въ $1^1/_2$ руб. сер. Играющій долженъ вѣрить бродягѣ, хотя бы онъ и проигралъ свои полтора цѣлковыхъ; въ отвлеченномъ понятіи они не пропадаютъ и все-таки остаются въ кредитѣ. Не захочетъ вѣрить банкометъ—всѣ выигранныя деньги отдавай: таково уже тюремное правило; станетъ упираться—его повалятъ огуломъ и всѣ деньги отнимутъ. На это арестанты просты и къ тому же слѣпо вѣрятъ бродягѣ на его *честное варнацкое слово*, а за словомъ этимъ (но не за дѣломъ) ни

одинъ бродяга не постоитъ. Кончается срокъ откупа обыкновенно разъ въ мѣсяцъ. Остаются за бродягами долги; долги эти пропадаютъ, прощаются должникамъ по закону, хотя бы ихъ было и 50 человѣкъ. Весело шумятъ бродяги въ казармѣ и самые порывистые и малодушные изъ нихъ прыгаютъ на одной ногѣ и приговариваютъ на своемъ тюремномъ условномъ языкѣ: «лахманъ долгамъ, долгамъ лахманъ!» При новомъ откупщикѣ, для бродягъ опять идетъ кредитъ въ $1^1/_2$ руб., и такимъ образомъ идетъ онъ въ безконечность, а потому майданщики, снимая подрядъ и сходясь въ откупной платѣ, при установленіи цѣны, принимаютъ въ соображеніе и эти безпроигрышныя бродяжьи права. Не бываетъ *лахману*, исключаются эти статьи права и закона, только въ такомъ случаѣ, когда садится на майданъ бродяга,—человѣкъ такой же почотный и также уважаемый всею тюремною общиною.

5) Если играетъ бродяга съ бродягой, то проигравшійся получаетъ не треть проиграннаго, а уже цѣлую половину. Изъ этой половины, по окончаніи игры, бродяга спѣшитъ заплатить всѣ свои долги по крайному своему разумѣнію и безъ всякихъ обязательствъ; можетъ, однако, и не заплатить (что, впрочемъ, рѣдко бываетъ), ибо все-таки имѣетъ право играть въ другой разъ на свои вѣчные полтора цѣлковыхъ. Бродяга можетъ и украсть у майданщика деньги, хотя это и почитается нѣсколько предосудительнымъ: иной товарищъ обзоветъ при случаѣ, выкоритъ. Но смѣло можетъ бродяга воровать вино у майданщика; въ этомъ до сихъ поръ ни одинъ преступникъ ничего не находитъ позорнаго, столько же и потому, что откупщикъ питейнаго майдана не пользуется ничьимъ расположеніемъ и даже презирается, какъ мытарь и стяжатель неправильно пріобрѣтаемыхъ каторжныхъ варнацкихъ грошей. Впрочемъ воровство—не тюремный, не арестантскій порокъ; напротивъ даже—тюрьма противъ этого непріятеля объявлена въ вѣчномъ осадномъ положеніи. Оба стана всегда на-готовѣ: когда одна половина смотритъ, гдѣ у другой слабое мѣсто и у каждаго изъ нападающихъ чешутся руки на все безъ разбора (на деньги, на рухлядь, на съѣстное, на всякую бездѣлушку отъ осколка стекла до клочка бумаги, пригоднаго на папироску), въ тоже время другая стѣна высматриваетъ каждую щель и, пользуясь оплошностью нападаю-

щаго, заручается всякой замысловатой и секретной хоронушкой, чтобы отвести чужіе глаза отъ соблазна и уберечь отъ нихъ свою наживную, несчастную собственность. Въ особенности тщательно убережаютъ деньги, подвязывая ихъ подъ мышками, закладывая въ выдолбленные каблуки сапоговъ (при чемъ послѣдніе и не снимаютъ на ночь), зашиваютъ деньги въ канты, въ бѣлье и проч., и проч. Впрочемъ и тутъ не всегда достигается цѣль — и воръ у вора дубинку крадетъ, воръ вору терпитъ. Украденныя вещи сначала спрячутъ, такъ какъ у жидовъ, что не найдется тѣхъ человѣческихъ силъ, которыя могли бы ихъ отыскать, а потомъ тѣмъ же жидовскимъ способомъ пускаются по этапной дорогѣ и напр. кіевскія вещи надо уже искать не ближе Иркутска. Воровство въ тюрьмахъ не дѣлается повальнымъ потому, что арестанты умѣютъ наблюдать другъ за другомъ: лишонные по суду права на недвижимую и стѣсненные въ правахъ на движимую собственность, они поколебались только въ разумѣніи истиннаго значенія ихъ и спутались, но понятія о собственности несовсѣмъ утратили.

6) Содержаніе питейнаго майдана существуетъ, обыкновенно, какъ отдѣльное тюремное откупное учрежденіе: питейный майданщикъ рѣдко принимаетъ на себя содержаніе картъ; но старается иногда захватить въ свои руки содержаніе съѣстныхъ припасовъ. За право продажи вина беретъ община въ артельной капиталъ обыкновенно отъ 30 до 60 руб., имѣя въ виду то, что майданщикъ будетъ продавать водку чайными чашками (120 штукъ въ ведрѣ): за каждую чашку будетъ брать или 30 или 50 к. с., а средній расходъ вина—по давнимъ соображеніямъ и расчоту—простирается въ большомъ острогѣ до одного ведра въ сутки. Всякій болѣе или менѣе значительный выигрышъ сопровождается попойкою; ни одинъ праздничный день безъ нея не обходится. Существуютъ во множествѣ такіе аматёры, которые, кромѣ водки, уже ни въ чемъ не находятъ для себя утѣхи! Сколько въ тоже время ни существуетъ постановленій, чтобы арестанты не имѣли при себѣ денегъ и инструментовъ, не употребляли водки (объ открытіи водки, кажется, всякій разъ доносится министру), не играли въ карты и не имѣли сношеній съ женщинами: всѣ эти постановленія остаются безъ дѣйствія, всѣ мѣры ничтожны

противъ ухищреній арестантской общины и откупа продолжаютъ существовать и процвѣтать. Появленіе въ тюрьмахъ водки и другихъ запретныхъ вещей обезпечивается подкупностью сторожей-приставниковъ. Сплошъ и рядомъ тюремные смотрители въ своихъ рапортахъ по начальству, со всею откровенностію, разсказываютъ о подобныхъ событіяхъ. «У часоваго, стоявшаго у воротъ замка, нашли завернутый въ «постовой» тулупъ или въ броню сермяжную, по выраженію одного юмористическаго стихотворенія (туезъ, т. е. буракъ) съ виномъ, котораго было болѣе $^1/_4$ ведра». «Принесла вино арестантка, бывшая въ прачкахъ, выпущенная изъ острога ефрейторомъ за рубль серебромъ.» Въ другомъ случаѣ арестантъ изъ чиновниковъ, вѣчно пьяный и во хмѣлю безпокойный выявилъ унтеръ-офицера, который закупалъ вино заранѣе, хранилъ на вышкѣ кордегардіи и вечерами передавалъ покупку во второй этажъ и секретной корридоръ, приставляя къ окну лѣстницу. Въ третьемъ случаѣ былъ купленъ сторожъ, ходившій съ ящикомъ за лекарствами для больныхъ арестантовъ въ аптеку. Разъ онъ споткнулся, упалъ, уронилъ ящикъ, разбилъ склянки и распустилъ такой винной запахъ, какъ будто спиртную бочьку откупорилъ. Слѣдствіе обнаружило, что сигнатурки были поддѣльныя; прилаживалъ это дѣло на сторонѣ (на волѣ) одинъ подкупленный доточникъ, и что сторожъ носитъ въ лазаретъ, вмѣсто лекарствъ водку, уже не первой мѣсяцъ, и проч. и проч. Туезами пользуются какъ посудой объемистой и общеупотребительной, и гдѣ уже, какъ въ аду строго,—прибѣгаютъ солдаты къ ружейнымъ стволамъ для укрытія водки.

7) За продажу припасовъ (куда входитъ также и табакъ *) и сласти) платится отъ 5 до 10 руб. въ мѣсяцъ, смотря по числу потребителей. При продажѣ этой статьи назначается обязательная такса

*) Табакъ, впрочемъ, идетъ иногда, при большой массѣ арестантовъ, отдѣльнымъ майданомъ на откупъ. За право продажи нюхательнаго и курительнаго табаку, откупщикъ платитъ въ артель отъ 2 до 3 руб. Обязательная такса очень умѣренная; покупка изъ осторожности и въ виду конфискаціи производится по мелочамъ: берутъ на одну трубку (или что тоже, папиросу), много на три разомъ. Вся торговля майданщиковъ самая дробная.

ся для всѣхъ жизненныхъ припасовъ, употребляемыхъ въ острогѣ. Дивиденду назначается не болѣе 20%. Майданщикъ и этой статьи, какъ и двухъ остальныхъ (игорной и водочной), обязанъ вѣрить бродягамъ на завѣтные и неизмѣнные 1^1_2 рубля. И у этого майданщика бываетъ долгамъ *лахманъ*, когда откупъ переходитъ въ руки другого. Но существуютъ и исключенія: если майданщикъ понесетъ какіе-нибудь случайные, непредвидѣнные артелью убытки, тогда долги становятся для всѣхъ обязательными. Они вычитаются потомъ при общемъ дѣлежѣ какихъ-либо случайныхъ доходовъ (каковыми бываютъ обыкновенно подаянія), или долги эти переходятъ къ слѣдующему майданщику, а этотъ выплачиваетъ уже ихъ своему предшественнику.

Всякій новичокъ, поступая въ острогъ и въ тюремную общину, обязанъ внести извѣстное количество денегъ, такъ называемаго *влазнаго*. Крестьянинъ и всякаго свободнаго состоянія человѣкъ вноситъ единовременно 3 руб. сер.; поселенецъ (т. е. идущій на поселеніе)—50 коп.; бродяга—3 коп. *). Вообще же всякій неопытный и неискусившійся новичокъ, поступая въ тюрьму, дѣлается предметомъ насмѣшекъ и притѣсненій. Если у него замѣтятъ деньги, то стараются ихъ возможно-больше выманить; если онъ довѣрчивъ и простосердеченъ—его спѣшатъ запугать всякими страхами, уничтожить въ немъ личное самолюбіе и самосознаніе. Доведя его до желаемой грани, помѣщаютъ обыкновенно въ разрядъ чернорабочихъ, т. е. станутъ употреблять на побѣгушки, въ сторожа майдановъ: карточнаго и винаго; заставятъ выносить ночное ведро, такъ называемую *парашу*, или чистить отхожія мѣста (что, какъ извѣстно, лежитъ на обязан-

*) Взносъ влазнаго—остатокъ весьма древняго обычая, перешедшій изъ рукъ властей къ арестантамъ и уничтоженный ещо въ концѣ XVII-го вѣка, когда воспрещонъ былъ этотъ поборъ съ «колодниковъ, приводимыхъ на тюремной дворъ и за рѣшотку, чтобы въ томъ бѣднымъ людямъ тяготства и мучительства не было». Въ Тобольскомъ острогѣ и эта статья сбора *влазнаго* со вновь-поступающихъ отдавалось иногда на откупъ. Взявшій ее вносилъ отъ 2 до 3 руб. въ мѣсяцъ и обязывался на свой счотъ нанимать профосовъ, но пользовался за себя и за своихъ помощниковъ двойною противъ другихъ дѣлежкою.

ностяхъ самихъ арестантовъ) *). Слабые сдаются, но твердые начинаютъ вдумываться и задумываться; а кончаютъ тѣмъ, что обращаются за совѣтомъ къ бывальцамъ. У этихъ на деньги и водку нѣтъ ничего завѣтнаго и запретнаго: милости просимъ! Правилъ немного, но всѣ приперты крѣпко, стоятъ твердо, незыблемо и нерушимо. Вотъ они: «за товарищей горой; свято хранить тайны, и если нѣтъ выходу, подопрутъ рогатиной въ уголъ, старайся впутывать въ вину свою и свое дѣло побольше такихъ арестантовъ, у которыхъ денегъ много, которые богаты; и путай ихъ больше, сколько возможно больше: начальники деньги любятъ; начальниковъ за деньги всегда можно купить. Твоихъ, голышъ, денегъ не хватитъ, а богатые начальника купятъ непремѣнно, и примѣровъ такихъ не было, чтобы арестанты начальниковъ своихъ не подкупали. А купятъ, такъ тебя и на цѣпь не посадятъ и въ кучумку не запрутъ; самое большое, что на розгахъ дѣло сойдется; а любятъ тебя богатые товарищи, такъ и того не будетъ.»

Второе дѣло для новичка: заставь себя полюбить! Полюбятъ, не выдадутъ, да еще уму-разуму научатъ. Научатъ, какъ врать на показаніяхъ, если живешь въ тюрьмѣ подсудимыхъ; научатъ, какъ оговаривать и куда, въ какія дальныя мѣста отправлять за справками, чтобы такимъ образомъ отдалить время наказанія или ослабить мѣру его, и проч. На этотъ предметъ, какъ извѣстно, существуетъ въ тюрьмахъ особая самостоятельная наука; имѣются профессора-законники, которымъ позавидовали бы московскіе стряпчіе, имѣвшіе притоны свои около часовни Иверской. Около законниковъ своихъ новичокъ-арестантъ, въ весьма непродолжительное время, становится тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть, т. е. арестантомъ. Его трудно ловить на слѣдствіяхъ, его мудрено спутать на очныхъ ставкахъ, его

---

*) Эта часть также иногда отдается на отдѣльный откупъ, какъ и право собирать влазное. Новичокъ, чтобъ откупиться отъ параши, платитъ въ артель, обыкновенно отъ 3 до 5 руб. сер.; опытные и тутъ попадаютъ на 50 коп.; но бродяги вносятъ только 3 коп. Право топить баню артель также продаетъ одному лицу, называемому банщикомъ. Стоитъ право 2—3 р., а гарантія этихъ денегъ заключается въ устройствѣ за условную (и довольно высокую) плату любовныхъ свиданій.

не устрашишь тюрьмой и въ самой каторгѣ онъ уже не видитъ того страха, какимъ преисполнялось его тревожное воображеніе съ самаго ранняго возраста, а потомъ...

Потомъ вновь-поступившій, безъ руководства и объясненій, понимаетъ уже весь внутренній смыслъ тюремнаго быта на практикѣ, въ самомъ теченіи дѣлъ, и, черезъ недѣлю, онъ—полноправный членъ этой общины, у которой существуютъ свои тенденціи, свои правила, какъ многомогущій рычагъ и двигатель.

Артельный капиталъ, образуемый такимъ образомъ изъ оброчныхъ статей, простирается отъ 50 до 100 руб., которые обыкновенно и дѣлятся поровну между всѣми арестантами.

При этомъ выдается двойная дележка старостѣ и *парашникамъ*. Новички при этомъ обдѣляются: сидящимъ недѣли двѣ — ничего не даютъ. Утроенная часть (за троихъ) полагается палачу. Ему, сверхъ того, выдается *на рогожку* изъ общей кассы (образуемой добровольными подаяніями и неприкосновенной до конца тюремныхъ сроковъ); выдается *на рогожку* всегда, когда отправляютъ къ наказанію бродягу. Кромѣ того, палачъ считаетъ «рогожкой» и всѣ тѣ подаянія, которыя сходятся къ преступнику на то время, когда ведутъ послѣдняго изъ тюрьмы на эшафотъ, къ мѣсту торговой казни.

Деньги, уходящія изъ острога вонъ, на покупку вина, картъ и съѣстныхъ припасовъ, пополняются преимущественно вновь поступающими арестантами *). Принявши мѣры противъ возможно-круго-

---

*) Мы не говоримъ уже о тѣхъ деньгахъ, которыя попадаютъ съ воли въ острогъ и въ руки искусниковъ, владѣющихъ какимъ-либо мастерствомъ или досужествомъ, на издѣлія, нужныя или ненужныя тамъ, за острожными стѣнами. Водятся въ тюрьмахъ такіе искусники, которые отлично приготовляютъ игрушки, бездѣлушки: изъ лучинокъ или тоненькихъ планочекъ мастерятъ такихъ голубковъ, которыхъ ни одинъ купецъ средней руки не задумается для украшенія подвѣсить въ серединѣ потолка гостиной или залы. Дѣтскія игрушки въ особенности отличаются замысловатостью и тщательной отдѣлкой изъ хлѣба, изъ вываренной говяжьей кости. Мудрено вообразить себѣ какое-либо мѣстечко или городокъ сосѣдній съ каторжною тюрьмой, гдѣ бы не показывали какихъ-либо мастерскихъ издѣлій арестантовъ, преимущественно столярныхъ и токарныхъ. Въ Сибири пользуется сильною извѣстностію повсюду Цезикъ, успѣвшій побывать и пожить во

вого и постояннаго перелива денегъ изъ рукъ въ руки въ тюремныхъ стѣнахъ, арестанты безсильны противъ неизбѣжнаго выхода ихъ за стѣны тюремныя или въ руки приставниковъ. Въ сибирскихъ же тюрьмахъ прибылыхъ денегъ отъ подавателей бываетъ очень мало, по той причинѣ, что сибирскіе купцы даютъ больше натурой: молокомъ кислымъ, булками, калачами, солониной, и прочими припасами, большею частію порченными, каковые арестанты либо бросаютъ, когда подарокъ обзавелся червями, либо съѣдятъ, когда приношеніе только духъ даетъ.

Арестанты, въ видахъ усиленія денежнаго обращенія въ общинѣ своей, принуждены бываютъ искать побочныхъ средствъ и путей. Путей этихъ очень много, и за ними слѣдить очень трудно, но извѣстно напр., что тобольскій острогъ искони славился мастерствомъ приготовлять фальшивую монету серебряную (изъ олова) *). Рубль продается обыкновенно за 30 копѣекъ и караульные солдаты охотно

многихъ тюрьмахъ. Въ этомъ человѣкѣ тюремное досужество дошло до своего апогея и выразилось уже въ замѣчательномъ искусствѣ лѣпныхъ работъ. Работа Цезика для сибиряка предметъ серьознаго значенія и высокой цѣны въ нравственномъ и матеріальномъ значеніи слова: въ особенности рѣдки и цѣнны стали его работы со смертію мастера, самого старика, сосланнаго сюда въ 1830 году изъ Литвы во время польскаго мятежа. За недостаткомъ его работъ, которыми кичились и хвастались самые богатые и изысканные кабинеты золотопромышленниковъ и сибирскихъ начальниковъ, стали охотливо удовлетворяться работами его сына, но уже почти ничего не имѣющими общаго съ художественными работами отца. И за эти работы продолжаютъ платить хорошія деньги. Старикъ передалъ сыну секретъ составлять различныхъ сортовъ и цвѣтовъ глину, завѣщалъ нѣсколько образчиковъ лѣпныхъ фигуръ, силуэтовъ и проч., но у насъ съ собой въ могилу тотъ секретъ, который оживлялъ всѣ его работы, прыскалъ на нихъ живою водою смысла и значенія. Въ истинномъ широкомъ значеніи слова отецъ Цезикъ художникомъ не былъ, но искусство дѣлать миніятюрныя работы дѣйствительно достойно всякого изумленія, особенно если вѣрить преданію, увѣряющему въ томъ, что нѣкоторыя работы производилъ онъ въ тюрьмѣ, не имѣя ничего остраго—по общему тюремному положенію—осколкомъ стакана, обломкомъ гвоздя и проч.

*) Чтобъ дольше и прочнѣе держалась ртуть на оловѣ, приготовленный для монеты оловянный кружокъ арестанты кладутъ въ ротъ на цѣлую ночь, чтобы такимъ образомъ отдѣлить съ него окись.

берутъ эти деньги за таковую плату для сбыта темнымъ киргизамъ, остякамъ и татарамъ. Вторую статью дохода и въ томъ же тобольскомъ острогѣ составляла продажа фальшивыхъ печатей и видовъ; печать состояла въ цѣнѣ между полтинникомъ и рублемъ, а видъ продавался отъ одного до трехъ рублей серебромъ. Продается между собою все, что продать можно и въ этихъ случаяхъ расходуются больше другихъ прихотливые; такъ напр. продаются на нарахъ мѣста съ краю, какъ самыя удобныя, а потому и соблазнительныя среди общей и всегдашней тюремной тѣсноты. Цѣна за мѣсто стоитъ между 2 коп. и 1 рублемъ. Продавшій мѣсто спитъ уже на полу. Иркутскій острогъ придумалъ новую статью откупа, воспользовавшись тѣмъ обстоятельствомъ, что за водою для арестантовъ надо было ходить чуть не за версту: на рѣку Ушаковку. Воду эту арестанты сдали на откупъ водоносамъ, а въ водоносы записались тѣ два компаньона, которые исключительно стали заниматься этой работой и затѣмъ неустанно таскали воду цѣлый день съ утра до вечера. (Воды на большой острогъ требуется много). Во время этихъ прогулокъ оба возмѣщали съ большимъ избыткомъ тѣ два-три рубли, которые внесены ими въ артель за право,—подаяніями, полученными на переходахъ до рѣки и тюрьмы отъ всякихъ благотворителей, клавшихъ въ руки гроши и копѣйки добровольно или по вызову, по просьбѣ самихъ арестантовъ *). Для мастеровыхъ и ремесленниковъ въ сибирскихъ тюрьмахъ, за примѣтнымъ недостаткомъ въ Сибири людей такихъ, всегда находится работа и лишнія деньги въ тюремные капиталы, про домашній обиходъ. Арестанты работаютъ дурно, на-спѣхъ, казенными испорченными инструментами, но хорошо и то, когда нѣтъ ничего, а тѣмъ болѣе, что и плата арестанту на волѣ властей и начальства: ближайшему даромъ, дальнѣйшему за полцѣны. Все-таки это игры не останавливаетъ; пріобрѣтенію вина и иныхъ сластей благопріятно даже и въ томъ случаѣ, если мастеровыхъ мало, но подрядчикамъ настоитъ нужда въ поденныхъ работникахъ. Если арестанту и гривенникъ одинъ дадутъ за день—онъ поворчитъ и на другой день охотливо лезетъ въ казенную шинель или полушубокъ, чтобы и этотъ гривенникъ изъ рукъ не

*) Во время Святой недѣли откупъ воды сдавался рублей за семь.

выскочилъ и можно было подышать вольнымъ воздухомъ, въ кабакъ забѣжать, а пожалуй на рискъ и совсѣмъ убѣжать въ лѣса темные, дебри дремучія.

Всѣхъ этихъ удобствъ почти не вѣдаютъ и измыслить что-нибудь подходящее собственно-каторжныя тюрьмы не могутъ. Эти тюрьмы, напр. карійскія — самыя бѣдныя своими домашними внутренними средствами и здѣсь проигрывается и пропивается все казенное: и одежда и даже пища. Тюремныя деньги свободно выплываютъ на волю. На Карійскихъ промыслахъ деньги на вино и вещи на чужой обиходъ сбываются тѣмъ бывалымъ тюремщикамъ, которые вышли изъ тюрьмы на такъ называемое пропитаніе и на краю селенія, въ особой слободкѣ обзавелись домкомъ-лачужкой, а въ ней и *юрдовкой*, т. е. заведеніемъ, удовлетворяющимъ всѣмъ арестантскимъ нуждамъ и аппетиту на вино и харчи, на игру и мазихъ. Вещи, сбываемыя сюда всегда въ наличности, уходили, хотя и на наличныя деньги или на обмѣнъ, ухо на ухо,—уходили, разумѣется далеко ниже своей стоимости, напр., шинель, стоившая въ казнѣ 2 руб. 17 коп., отдавалась въ юрдовкахъ за 75 коп. и самое большее—за полтора рубля. Передача вещей вольнымъ людямъ производится тамъ во время работъ, на разрѣзѣ, но часто и непосредственно и въ самыхъ торговыхъ и промышленныхъ заведеніяхъ.

Въ каторжныхъ тюрьмахъ сходство пріемовъ и правилъ съ тюрьмами русскими и сибирскими пересыльными поразительно: и въ нихъ бродяга—почотный человѣкъ, любимое и нѣжное дѣтище всей тюремной общины, хотя въ каторжной онъ уже и носитъ прозваніе *оборотня* — не въ смыслѣ звѣря миѳическаго, но по тому обстоятельству, что бродяга, попавшій на нерчинскую каторгу былъ уже когда-то здѣсь, жилъ въ одной изъ здѣшнихъ тюремъ и теперь *оборочень* (обращонъ), возвращонъ назадъ послѣ получоннаго имъ наказанія гдѣ-нибудь въ Россіи или въ той же Сибири.

Въ бродягѣ товарищи видятъ человѣка много испытавшаго на своемъ вѣку, много видавшаго и потому опытнаго: за многочисленныя страданія ему уваженіе отъ сердца, за его опытность почтеніе изъ практическаго разсчота самимъ поучиться. Возводя бродягу въ идеалъ тюремнаго быта, тюремные сидѣльцы любуются въ немъ образомъ

мученика, страдальца (и при томъ многострадальнаго). Арестанты убѣждены, что одна часть совершонныхъ имъ преступленій невольная, сдѣланная отъ простоты, другая часть ему приписана судьями, о чомъ онъ узналъ только тогда, когда уже очутился въ тюрьмѣ. Знаютъ арестанты, что для товарища ихъ и въ будущемъ нѣтъ ничего отраднаго и живаго. Въ силу этихъ положеній идеалъ бродяги для всѣхъ любезенъ, и всѣ относятся къ нему съ любовью и простосердечіемъ, сколько по преданію и предразсудкамъ тюремнымъ, столько же и потому, что въ участи бродяги провидятъ свою будущую. Типъ этотъ и въ свою очередь выработывается такъ кругло и опредѣленно, что съ какой стороны не подходи къ нему, арестантъ вездѣ встрѣтитъ черты, ему любезныя и понятныя. Бездольная жизнь по тюрьмамъ, таскапье по этапамъ—породили въ бродягѣ непониманіе, отчужденіе, даже отвращеніе ко всякого рода собственности. Онъ не цѣнитъ и воруетъ чужую, не питаетъ никакой привязанности, не понимаетъ и своей личной собственности (арестанты давно уже выговорили про себя: «ѣдимъ прошеное, носимъ брошенное, живемъ краденымъ»). Бродяга сдѣлался простосердеченъ и добръ до того, что если у него завелись деньги: ступай къ нему смѣло всякій — отказа не получитъ. Бродягѣ ничего не нужно; бродяга потерялъ къ себѣ всякое уваженіе и себя не цѣнитъ ни въ грошъ, ни въ денежку. Вотъ за это-то и цѣнятъ его другіе, такіе же какъ онъ бездольные и скорбные люди, которые сами черезъ годъ — много черезъ два бѣгутъ съ каторги, сдѣлаются такими же бездомными бобылями, бродягами. У бродягъ нѣтъ никогда денегъ (и это новый поводъ къ сочуствію къ нимъ), но за то они богаты сердцомъ и въ сущности люди не злые, хотя иногда и озлобленные. Тюремные сидѣльцы, впрочемъ, и не требуютъ этой мягкости, и по особому складу ума своего и понятій, готовы полюбить въ бродягѣ и противоположный образъ — злодѣя, лишь бы только злодѣй этотъ удовлетворялъ главнымъ требованіямъ: былъ человѣкомъ твердаго нрава и несокрушимаго характера, былъ преданъ товариществу, общинѣ, былъ ловокъ на проступки и умѣлъ концы хоронить, никого не задѣвая и не путая; не дѣлалъ бы никакихъ уступокъ начальству, преслѣдовалъ бы его на каждомъ шагу, на сколько то въ его тюремныхъ средствахъ, и вымогалъ отъ него

всякими средствами льготы (не себѣ, а товарищамъ); а главное умѣлъ бы смотрѣть легко и на жизнь, и на себя самого. Во имя этихъ доблестей, объ его старыхъ грѣхахъ никто не помнитъ, никто не знаетъ, да и знать не хочетъ: довольно — если отъ теперь добрый молодецъ удалой, хотя бы въ родѣ Коренева (который обязываетъ насъ отдѣльнымъ разсказомъ).

Арестанты, по свидѣтельству всѣхъ стоявшихъ къ нимъ близко, неохотно и очень рѣдко разсказываютъ о своихъ похожденіяхъ, объ злодѣйствахъ же никогда. Когда бывали попытки,—то вся община строго приказывала смѣльчаку молчать. Бывали случаи, что арестанты разсказывали о своихъ похожденіяхъ легковѣрнымъ, всегда съ крайностями и циническимъ увеличеніемъ мнимыми подвигами, но дѣлали это въ надеждѣ большаго вознагражденія за свои разсказы. Возвратясь къ своимъ, разсказчики эти вслухъ всѣхъ глумились надъ легковѣріемъ любопытныхъ.

Арестанты, окружонные и вещественною и нравственною грязью, сами дѣлаются циниками и затѣмъ уже озлобленно питаютъ отвращеніе къ тѣмъ людямъ и тѣмъ постановленіямъ, которые, доведя ихъ до преступленія, лишили свободы. Выработывая свои правила, часто смѣшныя, рѣдко несправедливыя, они въ правилахъ этихъ бываютъ жестоки и всегда оригинальны. Такъ напримѣръ: не привыкши хвастаться своими преступленіями и видѣть въ нихъ какое-нибудь удальство, арестанты все-таки съ большимъ уваженіемъ относятся къ тому изъ бродягъ, который испробовалъ уже кнутъ и плети, стало быть, повинснъ въ сильномъ уголовномъ преступленіи. Такіе бродяги почотнѣе кроткихъ; имена ихъ дѣлаются именами историческими, какъ бы имена героевъ, на манеръ Суворова, Кутузова, Паскевича. Такимъ образомъ, тобольская тюрьма помнитъ имена бродягъ: Жуковскаго, Туманова, Островскаго (просидѣвшаго на стѣнной цѣпи въ Тобольскѣ десять лѣтъ), Коренева; нерчинскія тюрьмы: Горкина, Апрѣлкова, Смолкина, Дубровина, Невзорова и др. Память о нихъ переходитъ изъ артели въ артель съ приличными разсказами и легендами, а такъ какъ легенды эти имѣютъ много жизненнаго смысла и силы, то онѣ въ то же время служатъ поучительнымъ образцомъ и руководствомъ.

Чтобы судить о степени вліянія на артель тюремную этихъ бродягъ изъ злодѣевъ, мы приводимъ одну изъ множества легендъ, сказывающую, въ тоже время, до какой степени плотно и прочно тюремное товарищество. Дѣло — говорятъ — происходило въ Тобольскомъ острогѣ, въ старомъ, стоявшемъ на обрывѣ, надъ оврагомъ (нынѣшной новой замокъ построенъ на берегу Иртыша).

Живетъ въ тюрьмѣ, въ ожиданіи судебнаго приговора, одинъ изъ бродягъ — Тумановъ. Много преступленій скопилось на его головѣ; отъ многихъ онъ отвертывался, впутывалъ разныхъ лицъ, затягивалъ слѣдствія на цѣлый годъ и подъ шумокъ судопроизводства жилъ себѣ въ тюрьмѣ, припѣваючи, пользуясь всякими ея благодатями. Къ концу года Тумановъ сообразилъ, что время его близко, раскинулъ умомъ — вышло, что быть рѣшенью скоро и рѣшенье выйдетъ немилостивое, отъ военнаго суда. Ему ли, старому бродягѣ-законнику, не знать того, что шпицрутеновъ изломанной спинѣ его не миновать. Онъ и число палокъ сосчиталъ впередъ, не хуже любого законника. Разсказалъ онъ объ этомъ соузникамъ и попечалился имъ. Не шутя и чуть не черезъ слезы, высказалъ онъ имъ, что все это надоѣло ему крѣпко. Онъ говорилъ имъ: «братцы, для меня кнутъ бы ещо ничего: не люблю я солдатскихъ палокъ, да и нерчинская каторга дѣло бывалое. Вся бѣда въ томъ, что каторга эта стоитъ далеко; скоро ли съ каторги этой выберешься. А ужь мнѣ и это надоѣло: два раза уходилъ оттуда. Не надоѣла мнѣ мать-Россія: въ ней дураковъ больно много, и народъ въ ней простъ, и нашему брату лучше тамъ жить, способнѣе. Какъ ни-какъ, а мнѣ уходить отъ каторги надо дальше, ближе къ Россіи. Пособите братцы. Вся моя просьба: больше молчите теперь, а смекайте дѣло послѣ. Такъ или этакъ, а бѣжать мнѣ надо! Такъ это дѣло я порѣшилъ въ себѣ и средства придумалъ: вы только не мѣшайте—объ одномъ прошу!»

Было за этимъ Тумановымъ художество: умѣлъ онъ фокусы показывать,—дѣло, собственно вниманія нестоющее и въ тюрьмѣ пригодное въ досужій часъ, какъ праздничная забава. Поиграй оловянными рублевиками—товарищи посмотрятъ; глотай горячую смолу — они подивятся; привѣсь смѣшливому товарищу замокъ къ щекѣ—посмѣются. Да и не учащай этого дѣла, не налегай на него: дуракомъ

почтутъ, уваженіе всякое потеряешь: въ тюрьмѣ живетъ народъ угрюмый, серьёзный, формалистъ и рутинёръ большой.

Тумановъ такъ и поступалъ до сихъ поръ. Но съ нѣкотораго времени арестанты замѣчать стали, что Тумановъ началъ старыя штуки припоминать, новыя выдумывать, и даромъ ихъ не показываетъ. Кто смотрѣть желаетъ—давай деньги. Смекнули это арестанты и, памятуя наказъ и просьбу, помогать ему стали. Отгородили ему мѣсто на нарахъ; занавѣску придѣлали изо всякой рвани; солдатъ повѣстили, что у нихъ теперь «кіятры» будетъ Тумановъ показывать. Театръ въ Тобольскѣ дѣло рѣдкостное, любопытное: охотниковъ много нашлось. Со своихъ товарищей Тумановъ бралъ грошъ, съ солдатъ пятакъ. Копились у него деньги, но росла и слава, лучи которой сначала достигли до караулки, а потомъ хватили и до квартиры смотрителя. Приходилъ и онъ, старичокъ, съ семействомъ; похвалилъ Туманова и заплатилъ ему четвертакъ за посмотрѣнье. Не великое дѣло четвертакъ — дальше четушки водки его не вытянешь: велика сила, что смотритель его далъ. Теперь можно вести себя посмѣлѣе, бить на вѣрняка. Тумановъ и началъ бить.

Ни съ того, ни съ сего началась въ казармахъ возня и ломка; Тумановъ командуетъ всѣми; ставитъ одного къ стѣнѣ, другого къ нему на плечи; поставитъ двухъ рядомъ и опять къ нимъ одного на плечи. Цѣлое утро возится Тумановъ съ арестантскими ногами: и на одной оставляетъ многихъ и чуть у другихъ изъ вертлюговъ не выворачиваетъ. Въ казармѣ пыль столбомъ, смѣхъ и шумъ. Сторожа смотрятъ на все это, ничего не подозрѣваютъ, думая: казеннаго добра арестанты не портятъ, стекла не бьютъ, штукатурку не обламываютъ, пусть себѣ ломаются. Тумановъ съ арестантами: стало быть, потѣшное что-нибудь надумали. Дѣло же подходитъ къ празднику: намъ же арестанты забаву готовятъ, насъ хотятъ тѣшить. Придетъ къ нимъ и начальство смотрѣть: благо разъ уже удостоило. Молчали солдаты.

Подошли тѣмъ временемъ праздники. Пошолъ по казармамъ слухъ, что Тумановъ намѣренъ дать «чрезвычайное и небывалое представленіе»: пройдетъ онъ съ шестомъ и изобразитъ живую пирамиду; но такъ какъ дѣло это въ казармахъ сдѣлать неспособно—потолокъ

помѣшаетъ, то и не худо бы представить все это на тюремномъ дворѣ, на просторѣ; позволитъ ли только начальство, т. е. смотритель?

— Пусть, говоритъ—представляютъ! Я самъ приду посмотрѣть.

— А нельзя ли (просятъ) на томъ дворѣ, который къ задамъ идетъ, земля тамъ глаже и дѣлать способнѣе?

— Можно (велитъ передать), можно и на задахъ сдѣлать.

Назначенъ день представленія. На выбранномъ мѣстѣ арестанты скамеечку для начальства приладили: обѣщалось начальство прибыть не одно, а съ гостями. Сбѣжался на представленіе чуть ли не весь острогъ: прибѣжали солдаты изъ караулки, хоть однимъ глазкомъ посмотрѣть; дежурный офицеръ явился въ киверѣ и чешуйки разстегнулъ. Ждали гостей начальника и его самого — дождались.

Шли сначала мелкіе фокусы изъ такихъ, которые уже видѣли; были такіе, которыхъ не видывали. Дошло дѣло до пирамиды; стали ее ладить: стала пирамида, что одинъ человѣкъ, словно изъ мѣди вылитая. Взгромоздился на самой верхъ Тумановъ; шестъ въ руки взялъ. Пошла пирамида неразрывной стѣной.... Тумановъ шестомъ заигралъ. Шла пирамида тихо, торжественно. Туманову снизу полушубокъ бросили, подхватилъ и не оборвался, новую штуку показалъ: на ногахъ устоялъ. Арестанты закричали, гулъ подняли. Дежурный офицеръ, изъ выгнанныхъ кадетъ, захлопалъ въ ладоши, чтобы показать свое столичное происхожденіе передъ дурами изъ гостей смотрительскихъ. Всѣ, однимъ словомъ, остались довольны.

А пирамида шла себѣ дальше, не шелохнувшись, а Тумановъ стоитъ себѣ выше всѣхъ, выше стѣны тюремной. Держится пирамида ближе къ стѣнѣ, подошла къ углу; остановилась. Глянули зрители на верхъ: нѣтъ Туманова, только пятки сверкнули. Пока опомнились (а опомнился первымъ смотритель), пока побѣжали черезъ дворъ (а дворъ очень длинный); сбили команду, побѣжала команда кругомъ острога, а острожная стѣна еще длиннѣе: прошло времени битыхъ полчаса. Стали искать — и слѣдовъ не нашли; шла битая тропинка круто подъ гору, ускоряя шагъ и поталкивая, и вились цѣпкіе, густые кусты, которымъ не было конца; а тамъ овраги, глубокіе овраги пошли въ пустыя мѣста, чуть ли не до самой Тюмени. Чортъ въ этихъ оврагахъ заблудится, дьяволъ въ этихъ кустахъ увидитъ.

И зачѣмъ тропа, и зачѣмъ овраги, когда, можетъ быть, лежитъ Тумановъ подъ стѣной съ изломанной ногой, съ отшибеннымъ легкимъ? Оглядѣли то мѣсто по примѣтамъ: и трава отошла, и ничьего и никакого слѣду не видно. Полезли на стѣну, — увидѣли, что и стѣну арестанты ловко и предусмотрительно обдумали: стѣна была ординарная въ этомъ углѣ, тогда какъ во всѣхъ другихъ и на всемъ дальномъ пространствѣ она была двойная. И на стѣнѣ нѣтъ Туманова. Нашли только на гвоздѣ его большую, кудельную бороду. Для смѣху ее Тумановъ привязывалъ. Взяли это отребье, принесли къ смотрителю. Смотритель рапортъ написалъ по формѣ; бороду къ рапорту приложилъ и припечаталъ, а самъ поѣхалъ съ докладомъ къ губернатору.

Генералъ разсердился, раскричался на смотрителя. Вырвалъ у него изъ рукъ не рапортъ, а куделю, приложилъ кудельную бороду къ бритому подбородку смотрителя, да и вымолвилъ:

— Вотъ велю привязать тебѣ, дураку, эту бороду и станешь ты ходить съ ней до гробовой доски. Ну, зачѣмъ ты мнѣ принесъ ее, а не привелъ бѣглаго? Зачѣмъ? Отчего? Почему?...

Кричалъ начальникъ долго, а Тумановъ тѣмъ временемъ былъ уже далеко.

— Пошехонцы въ трехъ соснахъ заблудились — сказываютъ; а нашему брату, бродягѣ, два дерева дай, только два дерева дай: мы такъ спрячемся, что десять человѣкъ не найдутъ. Дѣло это для насъ плёвое, потому, какъ мы на томъ стоимъ, все въ лѣсахъ живемъ, все около деревьевъ этихъ водимся: одно слово — лѣсные бродяги.

Вотъ что разсказываютъ сами бродяги, которые знали Туманова лично, но что̀ съ нимъ сталось дальше—разсказывать не могли: не знали. Знали только то, что генералъ простилъ смотрителя и далъ арестантамъ возможность ещо не одинъ разъ надъ нимъ посмѣяться.

— Смѣшной былъ человѣкъ—смотритель этотъ! разсказывали мнѣ. Дуракъ не дуракъ, а съ роду такъ. Бѣжалъ у насъ одинъ арестантъ черезъ трубу изъ нужнаго мѣста; бѣжалъ и тоже слѣдъ простудилъ. Сказали смотрителю; пришолъ онъ въ тюрьму, зашолъ къ

намъ въ казарму подсудимыхъ, зашолъ и головкой сѣденькой помахиваетъ.

— Этакая (говоритъ) скотина, въ какое мѣсто полезъ!.. И какъ ему въ голову это пришло?

— И какъ ребята, лезъ онъ туда, окаянный?!

— Головой (думаемъ): ногами неспособно.

— Перепачкался поди весь!

— И что за охота, что за охота собачьему сыну — лезть?! Чортъ,—дьяволъ толкалъ его, распроклятаго. Что за охота!!

Головушкой трясетъ старичокъ и все одно слово повторяетъ. Мы глядѣли—глядѣли на него, да такъ и фыркнули всей казармой. Самъ-молъ ты дуракъ, сѣдой чортъ! Не знаешь, что и крѣпка твоя тюрьма, да чортъ ли ей радъ? Воля-молъ лучше боли; коли отвага кандалы третъ, такъ она-де и медъ пьетъ.

Но какъ ни сильна эта отвага, побѣги собственно изъ казематовъ совершаются рѣже, и притомъ, какъ замѣчено, на побѣгъ рѣшается удалой и бывалой, и притомъ изъ тюремъ такъ называемыхъ пересыльныхъ. Правда, что арестантъ не опуститъ ни одного случая малѣйшей оплошности конвойныхъ, особенно за стѣнами острога на работахъ, и бѣжитъ; но все-таки побѣгъ не единственный выходъ изъ бездолья каторжнаго. Существуютъ и другіе пути, которыми идутъ арестанты къ призрачной свободѣ, и подкопомъ подъ тюрьму завоевываютъ временное облегченіе участи. Случаями этими особенно богаты собственно каторжныя тюрьмы.

Казенная работа изо-дня въ день, одна и та же, до возмутительно однообразныхъ и мелкихъ подробностей, по-мимо физическаго истомленія, истощаетъ всѣ нравственныя силы и, какъ вампиръ, высасываетъ послѣдній запасъ терпѣнія даже и въ тѣхъ, у которыхъ мягкость нрава, нерѣшительность характера и слабодушіе — прирожденныя черты характера. Такимъ людямъ до побѣгу далеко. Малодушные выбираютъ другія средства и, небогатые вымысломъ и смѣлостью, кидаются на ближайшее.

Лѣтомъ арестантъ надрѣзываетъ (во время работъ) чѣмъ-нибудь острымъ (осколкомъ стекла, кусочкомъ желѣза, кремнемъ) кожу на какой-нибудь части своего тѣла (больше на половыхъ органахъ) и въ

свѣжую рану пропускаютъ свой или конскій волосъ. Добившись мѣстнаго воспаленія, нагноенія, онъ идетъ къ лекарю, фельдшеру и попадаетъ въ госпиталь за сифилитика. Туда же идутъ арестанты съ распухшими щеками по зимамъ, когда, по ихъ опыту, стоитъ только наколоть внутри щеки булавкой и выставить щоку эту на морозъ. На Карійскихъ промыслахъ очень часто, во время утреннихъ раскомандировокъ по работамъ, попадаются арестанты съ озноблеными пальцами на рукахъ. Наблюденія и розысканія убѣждаютъ въ томъ, что арестанты, обыкновенно ночью, смачиваютъ какой-нибудь палецъ подручною жидкостью и достаточно нагрѣтый и теплый палецъ мгновенно спѣшатъ высунуть въ форточку окна на морозъ. Опыты подобнаго рода арестанты любятъ учащать, на томъ основаніи, что во-время незахваченный озноб скоро ведетъ за собою пораженіе отмороженнаго члена антоновымъ огнемъ, и отрѣзанный лекаремъ палецъ спасаетъ несчастнаго отъ исполненія полнаго числа уроковъ. Вотъ почему въ числѣ запретныхъ вещей арестанты любятъ добывать всякія ѣдкія, разъѣдающія жидкости *)

---

*) Сюда докторъ Кашинъ (Московская медицинская газета 1860 года) относитъ известь и колчеданъ, а также и шерсть. «Другіе арестанты—говоритъ онъ—производятъ язвы приложеніемъ къ тѣлу листьевъ прострѣла (anemone pulsatilla)». Для распознаванія язвы такого рода докторъ совѣтуетъ перевязывать ихъ самому врачу, подъ бинтъ подкладывать вощоную бумагу и всю повязку припечатывать. Употребленіе вощоной бумаги необходимо для того, чтобы арестантъ не раздражалъ язвы иглой, которую онъ пропускаетъ въ такомъ случаѣ чрезъ наложенную повязку. Сдѣланныя иглою отверстія сейчасъ можно видѣть на бумагѣ. «Къ притворнымъ болѣзнямъ арестантовъ и ссыльныхъ, говоритъ далѣе г. Кашинъ, относятся также слѣпота, сведеніе конечностей и падучая болѣзнь; но во всемъ этомъ весьма легко удостовѣриться при нѣкоторомъ вниманіи и ловкости. При слѣпотѣ я подносилъ къ глазу свѣчу или иглу, сказавъ, что хочу дѣлать операцію, и обманъ открывался скоро. Въ притворныхъ сведеніяхъ стоитъ только сдѣлать значительный ударъ ладонью по верхнему плечу или по ляшкѣ — и больной отъ боли выпрямлялъ конечности. Отсутствіе пѣны и сведеніе большого пальца внутрь ладони служитъ вѣрнымъ распознавателемъ притворной падучей болѣзни; также внезапныя вспрыскиванья холодной водой и чувствительность при уколѣ иглой какой-нибудь части тѣла. Но за то чесотка (scabies)—непремѣнная принадлежность тюремъ; язвы отъ скорбутнаго худосочія и ревматической боли отъ тренія кандалами; также сифилисъ въ

Вытяжкой сонной одури они дѣлаютъ искусственную слѣпоту: пуская жидкость въ глазъ, увеличиваютъ (расширяютъ) зрачки и, выставляя глазъ кверху при осмотрѣ, кажутся какъ бы дѣйствительно слѣпыми. При помощи жжоной извести съ мушкой или купоросной кислоты вытравляли клейма, но не совсѣмъ удачно: оставалась бѣлизна и большіе шрамы. Это—старый способъ. Также старъ и нерчинскій способъ вызывать на мѣстѣ клейма мѣстное воспаленіе, а потомъ нагноеніе посредствомъ травы прострѣла (на щекахъ) и прижиганья трутомъ (на лбу). Трутъ обычное народное средство при заволокахъ, въ особого вида фонтанеляхъ (едно) и проч. замѣненъ былъ новымъ средствомъ ляписомъ (lapis infernalis), на покупку котораго не щадили большихъ денегъ. Новѣйшій, самый послѣдній способъ уничтожать клейма, теперь уже отмѣненный, вѣрнѣе достигалъ цѣли: помогала высокая трава съ желтыми цвѣточками (ranunculis acris), растущая тутъ же передъ глазами, на острожныхъ дворахъ. Обваривши клейменыя мѣста кипяткомъ, бьющимъ ключомъ, немедленно прикладывали эту траву и, вынесши жестокую пытку отъ боли, достигали цѣли тѣмъ, что траву эту держали на обваренномъ мѣстѣ не долго (не болѣе получаса). Рука краснѣла, и если припухала при этомъ, то творогъ прекращалъ страданія и воспаленіе: выходило ровно и гладко, словно во младенчествѣ мать ошпарила *).

Принимая на тощахъ столовую ложку *прошки* (нюхальнаго табаку), арестанты достигли того, что ихъ клали въ больницу, принимая за начальные припадки серьозной болѣзни происходившее отъ того отравленіе, сопровождаемое тошнотою, блѣдностью кожи, біе-

---

страшныхъ формахъ и часто первичныя язвы не на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ показано, а circa anum или же in recto, какъ слѣдствія педерастіи. Называютъ эту болѣзнь хомутомъ (насадили хомутъ – заболѣлъ). Скорбутъ, дисентеріи и тифъ—болѣзни очень обыкновенныя. Озноблѣнія и отмороженія отъ недостатка обуви и вслѣдствіе побѣговъ и бродяжества—явленія столько же частыя, что и ихъ можно считать обыкновенными не только на этапахъ, но и въ тюрьмахъ. Замѣчено неоднократно воспаленіе глазъ (ophtalmia carceralis), зависящее отъ сѣроводороднаго газа, какъ домашняго продукта собственнаго арестантскаго издѣлія.

*) См. доктора Кривошапкина «Описаніе Енисейской губерніи».

ніемъ жилъ и общею слабостью. Принимавшіе цѣлую деревянную ложку толчонаго стручковаго перцу съ сахаромъ, добивались грыжи и пили потомъ на тощакъ по таковой же ложкѣ соку изъ рѣпчатаго луку, когда грыжа надоѣдала и дѣлалась непужною. Той же грыжи добивались тѣ, у которыхъ достаточно было смѣлости на то, чтобы проглотить серебро, и столько терпѣнія въ надсадѣ и прыганьяхъ, чтобы, долго натуживаясь, добиться-таки желаемой гостьи. Въ разсчотѣ на глухоту, кладутъ въ ухо смѣсь, въ родѣ кашицы, изъ травянаго соку, меду и гнилого сыра; послѣдній, разлагаясь, вытекаетъ наружу жидкостью, по дурному запаху и бѣлому цвѣту, весьма удовлетворительнаго характера. Порошкомъ, наточеннымъ въ древесныхъ дуплахъ червякомъ, дуютъ въ глаза желающему спекулировать бѣльмомъ, которое, однако, скоро проходитъ.

Хорошій флюсъ—для арестантской практики также не мудреное дѣло: стоитъ надѣлать внутри щеки уколы иглой, пока не хрустнетъ (но не прокалывать насквозь), а затѣмъ, зажавши носъ и ротъ, надувать щоку до флюса: щека раздуется, покраснѣетъ: на рожистое воспаленіе это очень похоже. Чтобы вылечить — стоитъ проколоть щоку снаружи насквозь и выпустить воздухъ.

Стягивая подъ колѣнкомъ кожу въ складки (съ захватомъ жилъ) и продѣвая сквозь морщины свиную щетину на иголкѣ, добивались искусственнаго сведенія ноги: щетина оставалась въ жилахъ. Распаривши ногу въ банѣ и вынувъ щетину,—можно и въ бѣги уйти *). Сушатъ ногу отъ колѣна до ступни тѣмъ, что подъ самымъ колѣномъ перетягиваютъ саржевымъ или шолковымъ платкомъ и помачиваютъ водой, и проч., и проч.

Впрочемъ нѣкоторые арестанты наивны, какъ школьники, и идутъ на смотръ къ доктору, наколовши булавкой десны и ноздри и принявъ кровь на рубашку, увѣряютъ въ кровохарканіи; другіе (гемороидалисты) подвязываютъ животъ и жалуются на спазмы. Од-

*) Вмѣсто щетины, для этой же цѣли берутъ нитку изъ дерева, называемаго волчье лыко; кончикъ нитки оставляютъ наружѣ, чтобы послѣ вытянуть, ибо лыко не щетина, держать долго нельзя: дѣлается краснота и приключается большой жаръ.

нако, въ тѣхъ и другихъ случаяхъ легко достигаютъ цѣли; доктора, уступаютъ ихъ настоятельнымъ заявленіямъ на отдыхъ и, обманутые и необманутые, застаиваютъ у ссыльныхъ рабочихъ нѣсколько времени, давая имъ перевести духъ и расправить натружонные члены на больничныхъ койкахъ. За то и арестанты считаютъ ихъ своими первыми благодѣтелями и на поселеніи всегда съ любовью вспоминаютъ объ нихъ.

Замѣчательно, что подобнаго рода притворщики (по личному признанію самихъ арестантовъ) въ тюремной іерархіи занимаютъ невидное мѣсто. Это плебсъ—чорный народъ, народъ который возбуждаетъ въ товарищахъ состраданіе въ такомъ только исключительномъ случаѣ, когда подлогъ ихъ обличится, не достигши цѣли. Сами они, по большей части, не заботятся о возвышеніи своего нравственнаго уровня, мало блюдутъ за своими паденіями и довольны бываютъ тѣмъ униженіемъ, въ какое съумѣютъ поставить ихъ товарищи-аристократы изъ бродягъ. Ихъ обыкновенно называютъ жиганами. Роль ихъ тогда бываетъ незавидна и была бы тяжела для нихъ, если бы они въ тоже время не были (за недостаткомъ практической изобрѣтательности) крайними бѣдняками, голышами. Конечно, въ тюрьмѣ найдутся средства кое-какъ добыть кое-какія деньги, но для того требуется униженіе, а разъ-униженному далеко до уваженія, даже и до такого, какимъ, напр., пользуются бродяги. Бродяга скорѣе вытерпитъ всякую невзгоду, вынесетъ, на обтертыхъ и привычныхъ плечахъ, всякую каторжную работу; разъ десять обманетъ сторожей и пристава, и смотрителя, но до крайняго униженія своей личности не дойдетъ. Бродяга не унизится предъ богатымъ, не пойдетъ онъ по заказу его *уткой* *), не согласится, когда заломается арестантъ-

*) Въ числѣ игръ, выдуманныхъ арестантами въ тюрьмахъ для общаго и частнаго (по заказу богачей) развлеченія, чаще другихъ употребляется — *утка*. Желающему быть общимъ посмѣшищомъ и получить за то, смотря по обоюдному договору, пятачокъ серебра или гривенникъ, арестанты связываютъ на спинѣ обѣ руки веревкой и такимъ образомъ, чтобы между ладонями можно было укрѣпить сальную свѣчку. Свѣчка эта зажигается. Нанятый шутъ обязанъ, не погасивши огарка, ползти на б, юхѣ съ одного края казармы до другого и по тому грязно-скользкому полу, каковъ, напр.,

богачъ, чувствуя въ карманѣ деньги, и велитъ подать ему воды, принести какую-нибудь вещь, чтобы за такую услугу, за удовлетвореніе празднаго каприза, выдать прислужившемуся грошъ или пятакъ.

Настоящій бродяга на столько практикъ, чтобы не быть трусомъ и побѣжденнымъ, и на столько свободенъ онъ и непобѣжденъ, что готовъ попасть опять на старое каторжное пепелище, но предварительно побывши въ бѣгахъ. Въ бѣга, однимъ словомъ, идутъ только тѣ люди, которые одарены волей и характеромъ, точно также какъ въ госпиталь ложится только живой мертвецъ, побѣжденный и безнадежный.

Изъ нерчинскихъ тюремъ (да и вообще изъ тюремъ Восточной Сибири) побѣги совершаются замѣчательно часто и въ огромномъ числѣ. Какія обстоятельства предшествуютъ и какими случайностями обставляются побѣги — этимъ всего болѣе обрисовывается каторжный бытъ,—и мы объяснимъ всѣ подробности, относящіяся къ побѣгамъ, въ слѣдующей главѣ.

въ тюрьмѣ Нижне-карійскаго промысла, гдѣ эта игра въ большомъ употребленіи. Проползъ потѣшникъ на брюхѣ, не погасивши свѣчки, онъ получаетъ договоренную монету; погасилъ на дорогѣ — даромъ всѣ труды пропадаютъ.

— Да еще и попадаетъ, сверхъ того!—прибавляли мнѣ раскащики.

— Бьютъ?

— Бить не бьютъ, а поднимутъ на глумъ, да такъ, что въ этотъ разъ битье-то, пожалуй, лучше бы...

Замѣчательно, что всѣ тюремныя забавы — какъ и быть впрочемъ слѣдуетъ — грубаго дѣла и большею частію основаны на испытаніи крѣпости зубовъ, волосъ, кожи и проч., на манеръ семинарскихъ бурсъ. Таковы между прочимъ и тѣ игры, которыя извѣстны напр. въ петербургскомъ острогѣ: масло ковырять, покойника отпѣвать, пальто шить, колокола лить, на оленяхъ катать, присяга на вѣрноподданство по замку, киршинъ портретъ, жгуты, голоса слушать, и проч. Въ сибирскихъ тюрьмахъ любимая забава прилѣпить спящему къ подошвѣ голой ноги смазанную саломъ бумагу и зажечь ее.

ГЛАВА III.

ВЪ БѢГАХЪ.

Нерчинскія горы и богатство ихъ.—Серебро.—Зерентуйскій рудникъ.—Внутренность рудника.—Рудниковая каторга.—Штольна.—Шахта.—Лихтлогъ.—Несчастія на каторгѣ этого вида.—Рудниковый хозяинъ.—Заводскіе служители.—Что такое каторга?—Каторга золотыхъ промысловъ.—Заводская каторга: солеваренная и винокуренная.—Ул.чшенія на каторгѣ.—Побѣги съ каторги во всемъ разнообразіи способовъ.—Побѣги изъ тюремъ пересыльныхъ.—Побѣги изъ каторжныхъ тюремъ.—Бѣглый на балу.—Побѣгъ цѣпнаго.—Голый бѣглецъ.—Пособники.—Побѣги съ каторги.—Варнакъ и чалдонъ.—Лиса.—Побѣги на уру.—Самый крупный побѣгъ.—Хоронушки.—Приготовленія къ побѣгу.—Время побѣговъ.—Первые шаги въ бѣгахъ.—Неудачи.—Помощъ караульныхъ.—Часовые въ бѣгахъ.—Рбиліе побѣговъ.—Варнацкая дорога.—Звѣрское мщеніе.—Сыщики.—Бурята.—Похожденія и злодѣйства бродягъ.—Медвѣди.—Пристано-держательство.—Заимки.—Старовѣръ Гурій Васильевъ.—Преслѣдованія.—Кандалы.—Лѣсная пища во всемъ разнообразіи.—Сарана.—Горбачи.—Изліеніе цѣлой шайки бродягъ.—Губернаторъ Рупертъ.—Сыщикъ Карымъ.—Убіенныя горы.—Коурой.—Безопасныя бродяги.—Левицкій на Ленѣ и въ нерчинской каторгѣ.—Кяхтинскій мѣщанинъ.—Бродяги на Байкалѣ, на Ангарѣ, подъ Иркутскомъ, на Барабѣ, за Камнемъ (Ураломъ), подъ Казанью, въ Петербургѣ.—Бывальцы.—Бродяжья судьба въ дорогѣ.—Сибирскіе притоны и обычаи.—Предѣлы бродяжества.—Вооружонные черкесы въ бѣгахъ.—Черкесы въ степи.—Бродяги въ Астрахани.

Отъѣзжайте отъ такъ-называемаго Большого Нерчинскаго завода верстъ на десять (хоть, напр., по направленію къ Зерентую, на сѣверъ), — выберите возвышенное мѣсто на попутной горѣ и оглянитесь назадъ. Полный, широкій кругозоръ неба, къ которому такъ

привыкаетъ глазъ на безбрежныхъ сибирскихъ степяхъ и пустыняхъ, на этотъ разъ уменьшился больше чѣмъ на половину, и отливаетъ вверху неопредѣленнымъ, примѣчательно-тусклымъ свѣтомъ. Живыя и рѣзкія вѣчныя краски его потускнѣли, истощивъ свою силу передъ тѣмъ, что уменьшаетъ округлость и полноту небеснаго горизонта, что заслоняетъ отъ насъ больше чѣмъ половину его, и что распласталось теперь внизу. Непрерывной грядой и цѣпью тянется тамъ сплошная стѣна горъ, подтянувшихся одна къ другой и сплотившихся вмѣстѣ. Форма этихъ горъ и этой цѣпи, на первой взглядъ, поражаетъ чѣмъ-то оригинальнымъ, своеобразнымъ и незнакомымъ, но, всмотрѣвшись, узнаешь однако кое-какія черты знакомыя, выясняешь кое-гдѣ опредѣленные образы.

Море, казалось намъ, свободное и безпредѣльное море, всколебалось до самаго дна въ то время, когда внутри его скопилась громадная сила и поверхность его, не выдержавъ напора внутренней силы, широкимъ и порывистымъ взмахомъ, разбилась на густыя и широкія волны. Волны эти разметались въ прихотливо-разнообразныхъ группахъ, гдѣ простому глазу и издалека примѣтны даже и брызги густые и мелкіе, сбившіеся на хребтахъ волнъ, и самая волна, во всю длину ея, вздувшаяся до того состоянія, когда ей предстоитъ одна возможность уничтожиться отъ собственной тяжести и исчезнуть во вновь набѣжавшей. И вотъ, въ это-то самое время, когда внутренная сила, управляющая волнами, готова была на новой напоръ снизу и на ту же работу на верху,—взволнованное и разсерженное море вдругъ онѣмѣло и застыло. Черты и краски, готовыя исчезнуть безъ слѣда, чтобы уступить мѣсто инымъ и свѣжимъ, стали теперь вѣчными и неизмѣнными. Мало такихъ картинъ на всемъ широкомъ просторѣ Россіи, хотя и много тамъ горъ, холмовъ и пригорковъ; мало такихъ горъ и по внутреннему достоинству, по внутреннему богатству ихъ, какъ горы Нерчинскаго края, хотя и есть въ Россіи Уралъ, Колыванскія и Кузнецкія горы. Серебромъ наполнены ихъ горныя нѣдра; по золотому песку текутъ выходящія изъ горъ этихъ рѣки, и увалами, своеобразнымъ видомъ отливаютъ всѣ эти горы потому именно, что обладаютъ онѣ такимъ особеннымъ даромъ, что стоитъ за ними громадное, до сихъ поръ ещо вполнѣ не оцѣ-

ненное преимущество. Некрасивы онѣ, когда подойдешь къ нимъ слишкомъ близко. Сумрачны издалека эти каменныя горы, голыя, скудныя растительностью, силу которой какъ будто взобрали въ себя, обездоливъ поверхность, внутреннія богатства, подспудныя, подземныя сокровища этихъ горъ. Но видъ на группу, на всю сплошную массу Нерчинскихъ горъ издали, не теряетъ всего обаянія и всей своей прелести, подкупаемой сверхъ того тѣмъ представленіемъ, какое даютъ практическія наблюденія. Къ нимъ-то мы и подходимъ теперь, опираясь на тѣ данныя, которыя добыты горной наукой.

Нерчинскій горный округъ, на половину обслѣдованный, но далеко ещо не вполнѣ разработанный, представляетъ одно изъ сильныхъ и богатыхъ мѣстъ въ свѣтѣ, по разнообразію всякого рода горныхъ породъ: металловъ и минераловъ. Окрестности Петровскаго завода и Тункинскія горы, въ западной половинѣ Забайкалья, богаты магнитнымъ желѣзнякомъ. Тотъ же желѣзнякъ находится на восточной сторонѣ Яблоноваго хребта, раздѣляющаго Забайкальскую область на двѣ половины: по рѣкамъ Урову (впадающему въ рѣку Аргунь) и по Тайнѣ (притоку рѣки Газимура). Горы между Нижней и Средней Борзей столь богаты тѣмъ же магнитнымъ желѣзнякомъ, что тамошніе жители называютъ ихъ не иначе, какъ «желѣзною цѣпью». Системы рѣкъ Витима и Чикоя (въ западной половинѣ Забайкалья) и Карійская и Шахтаминская системы (въ восточной половинѣ) давно уже извѣстны разработками золота. Въ этой послѣдней части вездѣ, гдѣ господствуютъ гранито-сіениты, почти-сплошная золотоносная система; таковы розсыпи: Лунжанка, Казакова, Култума, Солкоконъ, Тайна, Быстрая и другія. Въ 1855 году, поисковая казенная партія нашла золото и въ западной части Нерчинскаго округа, въ глухомъ, необитаемомъ югозападномъ углу, ограниченномъ китайскою границею и Яблоновымъ хребтомъ, раздѣляющимъ округъ на двѣ, почти равныя половины. По рѣкѣ Прямой Бальджѣ, при шурфовкѣ, найдены благонадежные признаки, и по рѣкамъ: Чинаю, Безъимянной и Хорую нѣсколько слабѣе (золото мелкое, тертое). Слабые знаки получены ещо по рѣкамъ: Елатую, Каролу, Долтондѣ, Цагано, Іоруханy и Бираю, и богатыя розсыпи, послужившія къ быстрымъ и серьознымъ обогащеніямъ, когда дозволена была добыча частнымъ людямъ

въ началѣ 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія и когда золото найдено на рѣкѣ Нерчѣ, почти подъ самымъ городомъ Нерчинскомъ. Золото—однимъ словомъ—оказалось вездѣ тамъ, гдѣ господствуютъ сланцы. Какъ только эти послѣдніе уступаютъ мѣсто гранитамъ, тамъ, вмѣстѣ съ этимъ, исчезаетъ и самая золотоносность. Шахтама и Култума, сверхъ содержанія золота, обѣщаютъ добычу ртути, обладая большимъ количествомъ киновари; въ Нерчинскомъ горномъ округѣ—единственное въ Россіи мѣсто нахожденія олова. Всѣ горныя покатости къ югу отъ системы притоковъ рѣки Шилки по системамъ притоковъ Аргуни, съ давнихъ временъ, даютъ въ замѣчательномъ избыткѣ серебро, которое прославило Нерчинскій округъ. Это—самый главный продуктъ земныхъ сокровищъ Нерченскихъ горъ, и нерчинскіе заводы обязаны главною добычею его съ той самой поры, когда край этотъ, одинъ изъ богатыхъ серебромъ въ цѣломъ свѣтѣ, сдѣлался собственностью Россіи. Серебряные рудники открыты здѣсь давно и въ примѣчательномъ обиліи.

Въ 1722 году, императоръ Петръ I, именнымъ указомъ своимъ, велѣлъ всѣхъ, освобожденныхъ отъ каторжныхъ работъ въ Россіи и назначенныхъ къ ссылкѣ въ Сибирь въ дальные города, посылать въ Дауры на серебряные заводы; въ 50-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія разработка серебряныхъ рудъ пріостановлена и на нынѣшное время значительно, противъ прежняго, ослаблена. Нерчинскій же горный округъ, съ его розсыпями и промыслами золотыми и съ его заводами, до сихъ ещо поръ представляетъ для насъ интересъ ссыльнаго мѣста, а потому мы и останавливаемся на немъ, какъ на мѣстѣ работъ, предназначенныхъ для ссыльно-каторжныхъ.

Вотъ одинъ изъ такихъ серебряныхъ рудниковъ (Зерентуйскій) у насъ передъ глазами. Онъ открытъ въ 1825 доду вмѣстѣ съ Благодатскимъ. Толщина его не болѣе 2 саженъ, мѣсторожденіе заключается въ извѣстнякѣ, падаетъ почти вертикально и наполнено преимущественно талькомъ, въ которомъ желѣзисто-свинцовыя охры со свинцовымъ блескомъ и бѣлою свинцовою рудою попадаются небольшими гнѣздами. Въ пудѣ руды $^1/_2$ золотника серебра и 1 фунтъ свинцу, но, черезъ промывку, руды обогащаются серебромъ до $1^1/_2$ золотника и свинцомъ до 4 фунтовъ. Работа начата шахтой

и продолжалась гезенгами и дворами въ 34 саженной глубинѣ. Для движенія воздуха углублена шахта въ висячемъ боку мѣсторожденія *).

Мы у подошвы горы, которая отлого (тянигусомъ—по сибирски) взбирается въ высь и тамъ, гдѣ-то не на виду у насъ, сливается съ другими горами, а можетъ быть и съ цѣлою грядою горъ. Гора наша, по наружному виду, ничѣмъ не отличается отъ окрестныхъ: тѣ же голыши и камни, обѣщающіе скудную растительность въ живое время, тоже обиліе моху и по мѣстамъ примѣчательно-ничтожное количество снѣгу, когда все кругомъ завалено имъ. Разница одна: у нашей горы, позади насъ и не въ дальномъ разстояніи, раскинулось довольно-большое селеніе со старыми, гнилыми домами, разбросанными въ безпорядкѣ и доказывающими наружнымъ видомъ своимъ, что хозяева ихъ самые бѣдные и несчастные люди во всемъ свѣтѣ: нѣтъ ни одного дома, который говорилъ бы даже о кое-какомъ достаткѣ. Селеніе это казенное и приписано къ руднику; въ горѣ нашей находится самый рудникъ серебряный, давно уже существующій, какъ сказано выше.

Прямо передъ нами бревенчатый сарайчикъ, по мѣстамъ обшитый досками и однимъ краемъ своимъ вплотную примкнутый къ горѣ у самой подошвы ея. Досчатая дверь вводитъ насъ въ этотъ теплой и натапливаемой домикъ; здѣсь предлагаютъ намъ снять шубу на томъ основаніи, что безъ нея будетъ свободнѣе ходить по руднику, гдѣ — говорятъ, теплѣе, чѣмъ въ этомъ домикѣ, тепло, какъ въ банѣ. Но, помня, что на дворѣ слишкомъ 30° мороза, мы не рѣшаемся разстаться съ шубой (въ чемъ однако пришлось намъ потомъ раскаяться)- Намъ надѣваютъ на шею, на длинной веревкѣ, плоскій фонарь съ зажженой свѣчой, и мы направляемся въ то чистилище,

---

*) Дворы — обыкновенныя горизонтальныя работы (орты и форшлаги) проводимые непосредственно одинъ надъ другими. Они всегда идутъ по рудамъ и употребляются болѣе для выемки ихъ на очистку, также и для преслѣдованія ихъ по паденію. Сначала ведутъ по рудѣ обыкновенный горизонтальный ходъ, укрѣпляемый временною или фальшиваю крѣпью изъ двухъ стоекъ и перекладa на 1 — 2 сажени; потомъ эту крѣпь замѣняютъ настоящею.

о которомъ съ самого дѣтства слыхали такъ много страшнаго. Вотъ за этой-то новою дверью (и опять досчатою) — думалось намъ на тотъ разъ — тѣ каторжныя норы, гдѣ мучилось столько «несчастныхъ» и погибло въ нихъ безъ слѣда и воспоминаній. За ней-то, за дверью этой, одинъ изъ тѣхъ рудниковъ, о которыхъ ходятъ по всей Россіи такіе мрачные и страшные разсказы. И теперь мы съ трудомъ отдѣлываемся отъ непріятнаго чувства боязни, безсознательнаго страха и тоски, до такой степени неодолимыхъ, что были моменты, когда мы готовы были оставить наше намѣреніе и вернуться назадъ изъ опасенія не подвергать себя крупнымъ и тяжолымъ впечатлѣніямъ. Потребовалось энергическое усиліе воли, чтобы направиться дальше за эту таинственную дверь, и, разъ рѣшившись идти впередъ, мы принудили себя безропотно подчиниться провожатымъ, но непріятное чувство душевной тяжести и безотчотнаго сердечнаго трепета насъ не покидаютъ. Отворилась дверь, — словно въ адъ, и истинное подобіе его представилось намъ тотчасъ же, какъ только глаза наши встрѣтили за дверью непроглядный, мертвенный сумракъ; къ тому же по нѣсколькимъ ступенямъ мы опустились внизъ, на нѣсколько аршинъ ниже подошвы горы. Высокая гора, всей массой, всей громадой своей стояла теперь надъ нами, усиливая тяжесть нашихъ впечатлѣній. Мы—въ горѣ, подъ землей,—словомъ—мы въ рудникѣ.

Слишкомъ рѣзкій, крайній переходъ отъ дневного свѣта прирудниковой свѣтлицы—передней во мракъ самого подземелья, не позволяетъ глазамъ нашимъ что-либо видѣть, что-либо понять изо всего того, что́ творится передъ нами, сзади насъ, по бокамъ. Мы слышимъ голоса, но они кажутся намъ такими глухими и робкими, что какъ будто и они, какъ и нашъ голосъ, выходятъ изъ сдавленной и натружонной груди. Гдѣ-то впереди, какъ волчьи глаза, мелькаютъ огоньки, но свѣтъ ихъ, поглощаемый густотой окрестнаго мрака, до того слабъ, что кажется особеннымъ, рудниковымъ. Висящій на груди у насъ фонарь нашъ дѣластъ не больше того: свѣтъ его чуть брезжится, ударяетъ въ спину проводниковъ, освѣжая двѣ-три заплаты на полушубкахъ. При повóротахъ въ сторону, свѣтъ сальной свѣчки успѣваетъ обнаружить въ себѣ присутствіе силы на

столько, что мы различаемъ досчатыя стѣны мокрыя, сырыя, и такія же доски наверху, на потолкѣ. И когда глазъ успѣлъ приноровиться, мы — что называется — оглядѣлись: предъ нами и позади насъ оказался несомнѣнный корридоръ, такой же точно, какъ и тѣ, до которыхъ такіе охотники петербургскіе домовладѣльцы и архитекторы, доказывающіе этимъ безсиліе своей изобрѣтательности и несостоятельность своей науки; этотъ корридоръ намѣревался доказать противное. Онъ былъ такой же узкій и теплый, и въ такомъ же прямомъ направленіи тянется куда-то вдаль. Мы идемъ ни ниже, ни выше, идемъ также свободно и теперь, какъ шли сначала, и идемъ какъ будто уже много саженъ, не одинъ десятокъ саженъ и — останавливаемся. Передъ нами третья дверь и обитый досками корридоръ кончился.

— Что это значитъ?

— Корридоръ (отвѣчаютъ намъ) — тунель этотъ называется *штольней*. Та часть штольни, которую мы прошли и которая сверху, снизу и съ боковъ забрана досками, уже выработана и къ дѣлу не годится. Рабочіе въ ней только для того, чтобы положить досчатыя заплаты тамъ, гдѣ старыя доски прогнили до слезъ. Разработывается вотъ эта...

Отворили дверь,,—и мы снова погрузились во мракъ, который кажется намъ еще гуще и непроглядиѣе. Мы съ трудомъ передвигаемъ ноги, которыя на каждомъ шагу встрѣчаютъ какія-то рытвины, какіе-то камни, и между ними, по самой серединѣ дороги нашей, тянется цѣлый жолобъ. По бокамъ, въ стѣнахъ — каменныя глыбы; наверху, на потолкѣ такіе же голые, неправильной формы, обитые камни: и тѣ и другіе на ощупъ холодны, сыры, слизисты, фонарная свѣча на большей части изъ нихъ освѣщаетъ ржавчину, окиси. Ощущенія становятся еще тяжелѣе: каменныя груды начинаютъ давить насъ нравственно всей тягостью внѣшняго вида своего, и мы снова съ трудомъ владѣемъ собою при объясненіяхъ.

— Это известнякъ и глинистый сланецъ—подпороды, а вотъ и самая порода—наше богатство; изъ нея-то мы добываемъ достославное серебро, которое и въ нашихъ рукахъ стало въ рѣдкость, какъ—говорятъ—рѣдко оно и у васъ, въ Россіи.

Черезъ груды этихъ подпородъ и между глыбами породы пробираемся мы дальше; начинаемъ примѣтно уставать: намъ становится не только жарко, но даже душно (напрасно мы не оставили шубы въ прихожей свѣтлицѣ). Духота, наполняющая на этотъ разъ штольню, напомнила намъ ту насыщенную влагой атмосферу бани, когда разрядился паръ, въ обиліи сорвавшійся съ каменки. Въ духотѣ этой (думалось и выговорилось нами)—одинъ изъ видовъ каторги, и духота эта, между прочимъ, полагалась одною изъ мѣръ наказанія нѣкогда работавшимъ здѣсь преступникамъ: духота эта едва выносима.

— Отворите дверь!—закричалъ одинъ изъ проводниковъ въ отвѣтъ на замѣчаніе наше.

Крѣпкая струя морознаго воздуха мгновенно и съ неудержимой силой ворвалась въ штольню, и выхватила и унесла впередъ въ широкое отверстіе шахты, весь тотъ удушливой и гнилой воздухъ, который до этой поры тяготилъ насъ. Пока задняя входная дверь стояла открытою, мы съ трудомъ удерживали на головахъ шапки: до того была сильна тяга воздуха, которая, имѣя для насъ значеніе сквозного вѣтра, становилась уже излишною, и дѣлалась опасною для здоровья. Пока мы подвигались дальше, въ штольнѣ опять накопилось достаточно теплоты, чтобы снова жаловаться на шубу.

Въ одномъ мѣстѣ, влѣво отъ насъ, изъ штольни потянулся глухой и тупой, безъ пролета, корридоръ, никуда не выводящій, и въ отличіе отъ штольни, на горномъ языкѣ извѣстный подъ именемъ *лихтлога*. Свѣтъ фонаря освѣтилъ намъ его начало и изнылъ въ той густотѣ мрака, которую не разрѣжалъ ни разу лучъ солнечнаго свѣта, и съ которою ведетъ по временамъ борьбу свѣтъ шестериковыхъ сальныхъ свѣчъ въ фонаряхъ рабочихъ.

Войти въ лихтлогъ мы не рѣшились и не пошли туда по той простой причинѣ, что лихтлогъ — таже штольня, только поперечная, боковая, безъ выхода: боковая оттого, что увела ее туда серебряная жила, ударившаяся въ бокъ отъ основной, давшей направленіе штольнѣ, а безъ выхода лихтлогъ потому, что на тупомъ концѣ его оборвалась надежда на добычу: серебра стало меньше, и дальнѣйшая работа не

обѣщала возврата затраченныхъ силъ и капитала. Штольня повела насъ дальше и прямо, одинъ лихтлогъ остался въ сторонѣ направо; другой — налѣво.

Каменныя груды съ боковъ и надъ ними, неукрѣпленныя искусствомъ и сдерживаемыя только силою взаимнаго тяготѣнія и упора, — грозятъ опасностью. Вода, въ избыткѣ просачивающаяся между камнями, усиливаетъ представленіе этой опасности для насъ, непривычныхъ, безсильныхъ схватить всѣ подробности дѣла и на тотъ разъ понять всю систему предосторожностей. Мы радуемся за каждый шагъ, который завоевываемъ при выходѣ изъ штольни и небезсознательно вздрагиваемъ, въ боязни за себя, когда слышимъ предостереженіе провожатыхъ спрататься на бокъ, гдѣ нибудь около стѣнки, въ первое попавшееся углубленіе въ ней. Примѣръ тому видимъ на всѣхъ нашихъ спутникахъ, и, спрятавшись какъ умѣли и успѣли, мы вздрагиваемъ во второй разъ отъ сильнаго удара, который глухимъ и тупымъ раскатомъ потрясъ всю штольню и исчезъ безъ эха и отголоска.

— Что это такое?

— Забой дѣлали: взрывъ произведенъ.

Ощущаемъ пороховой запахъ, видимъ впереди себя новую вспышку и тотчасъ новый глухой стукъ взрыва, и снова ощущаемъ запахъ пороха. Идемъ къ тому мѣсту и видимъ, или лучше слѣпо различаемъ на полу какія-то диры, видимъ буравы въ рукахъ рабочихъ, намъ объясняютъ:

— Буравъ вертитъ въ землѣ скважину, и оттого скважинѣ этой даемъ названіе буровой. Она заряжается порохомъ; порохъ рветъ часть грунта, выхватываетъ тѣ камни, которые мѣшаютъ намъ прокладывать жолобъ. Жолобъ этотъ по срединѣ пола штольни надобенъ намъ для стока воды. Вода одолѣваетъ наши работы безгранично; оставить ее на собственный произволъ и не выводить вонъ, — значитъ поступиться всѣмъ рудникомъ: вода зальетъ его, какъ залила уже всѣ разработанные и покинутые или по волѣ начальства, или по тому, что они уже и сами по себѣ перестали служить свою полезную службу.

— Жолоба для стока воды мы закрываемъ досками, чтобы легче хо-

дить и работать: жолобъ облегчитъ работы въ забояхъ; полъ облегчитъ перевозку руды въ тачкахъ по штольнѣ до шахты.

— Но гдѣ же каторга, гдѣ тѣ работы, которыя мы привыкли считать самыми тяжолыми, называть каторжными?

— Такихъ работъ нѣтъ въ рудникахъ. Здѣсь мы даемъ молотокъ и ломъ. Молоткомъ рабочій обиваетъ породу, освобождаетъ ее отъ сопровождающихъ ненужныхъ намъ подпородъ; ломомъ вынимаемъ ту глыбу, которую намъ нужно, и которую указываетъ и объясняетъ знающій дѣло распорядитель работъ. Глыба эта подается на ломъ, когда молотъ съумѣлъ хорошо распорядиться около нея. Вынутая изъ своего мѣста она кладется на носилки или въ тачку и рабочій везетъ одинъ или несетъ съ товарищемъ къ бадьѣ, спущенной на дно широчайшей трубы, идущей отъ вершины горы до самой подошвы ея и называемой *шахтой*. Когда рабочій опростаетъ свою ношу, то кричитъ на верхъ; бадью верхніе рабочіе поднимаютъ воротомъ на самой верхъ горы. Тамъ опоражниваютъ бадью, складывая руду на носилки. Тачекъ рабочіе не любятъ и предпочитаютъ имъ носилки, всегда предполагающіе товарища, когда и трудъ раздѣленъ и есть съ кѣмъ перекинуться разговоромъ. Добытую породу сносятъ верхніе рабочіе въ указанное мѣсто въ кучу, изъ которой она уже поступаетъ для сортировки въ такъ-называемую рудораздѣльную свѣтлицу. Выйдемъ черезъ шахту на верхъ, я вамъ и это все покажу.

И вотъ до насъ начинаютъ добираться лучи дневного свѣта, падающіе сверху. Свѣтъ нашего фонаря блекнетъ: мы стоимъ подъ крутой деревянной лѣстницей; мы взбираемся по этой отвѣсно поставленной лѣстницѣ съ широко-разставленными приступками, съ обязательно-неизбѣжными перилами. Лѣстница плотно придѣлана желѣзными закрѣпами къ каменной стѣнѣ шахты. Съ трудомъ и надсаживая грудь, при помощи перилъ, поднимаемся мы на верхъ, и съ трудомъ переводимъ дыханіе, очутившись на первой площадкѣ. Площадка эта однимъ краемъ опять уходитъ въ сырой и непроглядно-мрачной лихтлогъ, идущій параллельно нижней штольнѣ и составляющій въ рудникѣ какъ бы второй этажъ его. Другой конецъ площадки обрывается въ ту огромную яму, которая прорыта до самой подошвы горы до дна той штольни, въ которой мы были, и освѣ-

щается такой же широкой, какъ нижняя яма трубой, составляющей ея продолженіе и выходящей на верхушку горы. Отдохнувши, осиливаемъ вторую лѣстницу, такую же отвѣсную и крутую, такую же неподатливую, съ такими же крѣпко захватанными перилами,—снова устаемъ до изнеможенія и съ радостію узнаемъ на второй площадкѣ, что конецъ мученіямъ близокъ. Узнаемъ здѣсь, что зерентуйская шахта, которая кажется намъ теперь глубокимъ и широкимъ колодцомъ, имѣетъ глубины 24 сажени: первая лѣсница 11 саженъ, вторая 13; что бревенчатый сарай надъ шахтой—колодцомъ сооруженъ уже на крайней вершинѣ горы, что вся зерентуйская штольня длиною въ 160 саженъ, но что дѣлаютъ новую — «Надежду», которая будетъ еще больше, еще длиннѣе, но въ другомъ мѣстѣ *).

Отрадно было, по выходѣ изъ шахты, взглянуть на свѣтъ Божій; весело было вздохнуть свѣжимъ, хотя на этотъ разъ и крѣпко-морознымъ воздухомъ, и еще краше и веселѣе глядѣли теперь на насъ со всѣхъ сторонъ окрестные валуны — эти застывшія морскія волны, и еще сумрачнѣе, тяжелѣе и каторжнѣе показалась намъ вся темная мгла подземельевъ — штоленъ, лихтлоговъ и тяжолый полумракъ шахты.

Цѣлыми десятками лѣтъ, не одной тысячью преступныхъ и непреступныхъ рукъ, рылись эти каторжныя подземелья, и рудникъ, оцѣненный десятками тысячъ рублей, неизмѣримо высоко поднимается въ цѣнѣ отъ того множества слезъ и стоновъ, которые вызваны были среди сумрачныхъ каменныхъ стѣнъ на тяжолой опасной работѣ, и которые ввѣрены были тѣмъ же бездушнымъ стѣнамъ и тѣмъ же безгласнымъ и холоднымъ камнямъ. Черезъ чистую и свѣжую ключевую воду проходитъ все то золото, которымъ покупается цѣлый свѣтъ, и только въ немногихъ мѣстахъ въ ключевой водѣ этой примѣшиваются и мутятъ и темнятъ эту воду горькія слезы несчастныхъ;

*) На проведеніе штольни «Надежда» было предположено, по смѣтѣ, истратить до 60 тысячъ руб., хотя, по дальнѣйшимъ соображеніямъ, она должна стоить дороже и цѣна ея ляжетъ между 60-ю и 100 тысячами рублей сер. Время окончательнаго приготовленія ея до конечной выработки будетъ простираться по крайней мѣрѣ до *пятидесяти* лѣтъ.

но все серебро, накипѣвшее въ нѣдрахъ земныхъ, добытое въ сибирскихъ рудникахъ, прошло черезъ горькія и также ключомъ-бьющія слезы несчастныхъ. И сколько смертей, нежданныхъ, негаданныхъ накидывалось тамъ, въ этихъ темныхъ и сырыхъ подземельяхъ, на терпѣливую, замѣчательно-выносливую и крѣпкую натуру русскаго человѣка, хотя на этотъ разъ и обездоленную крутымъ житейскимъ переломомъ и крѣпкимъ, большою частію непредвидѣннымъ несчастіемъ.*).

Опустятъ работника въ полусвѣтъ шахты, проведутъ его въ непроглядной мракъ штольни,—вездѣ одно: таже сосредоточенная, кропотливая, тяжолая работа, съ которою и самая пѣсня, плохо прилаживаясь, не дружно живетъ. Дружно живетъ одинъ вымыселъ; сильно работаетъ одно только воображеніе, досужее рисовать по готовымъ образцамъ все, что́ угодно. Ему ли оставлять свою работу и поступаться свободой, въ то время, когда все является ему на помощь и содѣйствіе: мракъ кругомъ и только тусклый мерцающій полусвѣтъ

---

*) Извѣстенъ между прочимъ слѣдующій трагическій случай, — въ рудникѣ «Тайнѣ» около Газимурскаго завода въ одномъ изъ наибольшихъ за Байкаломъ. Въ одной изъ штоленъ этого рудника работали трое: два поляка и русскій. Разложенный на днѣ шахты огонь, при запертыхъ дверяхъ, наполнилъ весь корридоръ убійственнымъ сѣрнымъ газомъ. Дымъ валившійся изъ этого отдѣленія достигъ и того, гдѣ эти трое кирками обивали оловянно-серебряную руду, соединенную съ сѣрою. Будучи не въ состояніи дольше оставаться въ атмосферѣ, насыщенной газами, поляки по лѣстницѣ поднялись на свѣжій воздухъ. Одинъ изъ поляковъ, видя, что товарищъ — русскій остался внизу и долго не выходитъ, крикнулъ ему сверху, чтобы поспѣшилъ выбираться, иначе непремѣнно погибнетъ. Не получивъ отвѣта, полякъ Рожанскій сошолъ по лѣстницѣ внизъ и едва успѣлъ ступить на дно штольны, какъ упалъ безъ чувствъ, отравленный сѣрными газами. Товарищъ его (Вржосъ) въ безпокойствѣ и съ боязнію выжидалъ земляка и, не дождавшись, поспѣшилъ спуститься въ рудникъ и нашолъ обоихъ товарищей въ безпамятствѣ лежащими на полу. Онъ схватилъ прежде всего земляка своего и понесъ по лѣстницѣ. Чувствуя приступы отравы, онъ собиралъ послѣднія силы, дошолъ уже до половины лѣстницы, но здѣсь силы его оставили, онъ опрокинулся съ крутизны навзничъ и разможжилъ свою и товарища голову о камни. Чрезъ нѣсколько дней потомъ лазившіе на дно штольни нашли три трупа. Одинъ изъ нихъ обхватилъ рукою другого. Оставалось одно: похоронить обоихъ въ одномъ гробу.

около, да неожиданный блескъ, яркая вспышка гдѣ-то вдалекѣ и въ томъ подземельѣ, гдѣ всякій звукъ, всякій стукъ молотовъ возвращается назадъ усиленнымъ, но не разбросаннымъ, тупымъ эхомъ, подчасъ извращеннымъ, смотря по тѣмъ условіямъ, въ какихъ находится на то время слухъ и воображеніе. Паденіе водяныхъ струй и капель со стѣнъ и потолка, трескъ осколковъ породъ и шлепанье глиняныхъ глыбъ, шумъ забоевъ, грохотъ отъ взрывовъ, каждый легкій шорохъ — все это даетъ пищу одиноко-поставленному и предоставленному самому себѣ воображенію. Раздражается оно неизбѣжно и раздражается съ тою быстротою и силою, на которыя способно суевѣрное воображеніе всякаго русскаго рабочаго, и будетъ преисполняться каждый изъ нихъ сусвѣрнымъ страхомъ и неестественными представленіями, потому что всякое движеніе, всякій шагъ въ подземельѣ представляется въ иномъ видѣ, отдается неправильнымъ и извращеннымъ отголоскомъ. Работы въ забояхъ, мракъ лихтлоговъ, полусвѣтъ шахты, при слабомъ освѣщеніи фонаремъ, удлиняющемъ и укорачивающемъ тѣни людей и окружающихъ предметовъ по прихотливому произволу, существованіе большихъ и крупныхъ крысъ, которыя любятъ возиться, пищать, грызть, шумѣть и больше всего поживляться около сальныхъ огарковъ въ фонаряхъ и называются *хозяиномъ*: все это объясняетъ существованіе множества разсказовъ и о домовомъ — рудниковомъ хозяинѣ, и о лѣшомъ — врагѣ человѣка и здѣсь, въ этихъ каторжныхъ норахъ. Съ безчисленнымъ множествомъ разсказовъ о нѣжити — нечистой силѣ — выходятъ оттуда рудниковые рабочіе, суевѣріе которыхъ вообще сильнѣе здѣсь, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Такъ наприм., на этомъ же зерентуйскомъ рудникѣ, подлѣ самой шахты двѣ горы, изъ которыхъ одну прозвали Шумихой, а другую Звонухой (за какіе-то непонятные и хорошо неизслѣдованные *шумъ* и *звонъ*, происходящіе около нихъ и въ нихъ при извѣстныхъ вѣтрахъ), ссыльные и вольные рабочіе считаютъ страшными и указываютъ на нихъ, какъ на несомнѣнное гнѣздилище вражьей нечистой силы. Ночные страхи здѣсь дѣятельнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, потому что въ рудниковыхъ подземельяхъ вѣчная ночь, какъ питательное начало, и дѣйствительнѣе уже по тому одному, что рабочіе на цѣлый день, со своей пищей, уходятъ сю-

да въ густой мракъ, а кончаютъ работу и выходятъ на вольной воздухъ, когда уже точно такой же мракъ покрываетъ землю и облекаетъ собою все живущее на ней жизнью некаторжною.

Каторжна жизнь рудниковаго рабочаго и по тому, что она безплатная, обязательная, казенная и потому еще, что подвергается случайностямъ, недалека отъ несчастій и граничитъ съ нечаянною, скоропостижною смертію.

«Диркой бьетъ»—кладетъ на смерть и увѣчитъ рабочаго при быстромъ нечаянномъ взрывѣ буровой скважины, сопровождаемомъ неизбѣжными камнями, осколки которыхъ брызжутъ по сторонамъ съ быстротой и силой. Эта опасность для неопытныхъ рабочихъ на каждомъ шагу, потому что на каждомъ шагу эти буровыя скважины, и по тому, что при спѣшныхъ работахъ на каждой шагъ не напасешь осторожности и оглядки, если и та и другая не обратились въ привычку.

«Горой давитъ» рудниковаго рабочаго таже оплошность, тоже нѣумѣнье, а часто и невозможность спохватиться во время,—именно въ то время, когда онъ *сдѣлалъ подработку* молоткомъ своимъ подъ породу, и отломятся отъ нея плохо-слипшіяся или хорошо отбитыя груды известняка или глинистаго сланца. «Горой» этой и увѣчитъ, и давитъ до смерти.

— Хорошъ первый конецъ, когда изувѣчитъ, потому что начальство уменьшитъ уроки или совсѣмъ избавитъ отъ нихъ, а лучше всего — послѣдній конецъ. Съ нимъ все гладко, и душа твоя уже не томится потомъ. Ахудая смерть—лучше каторжной жизни,—говорили рудниковые рабочіе въ то время, когда они не были освобождены отъ заводскихъ работъ и работали рядомъ съ каторжными. Разница была одна, у каторжныхъ за содѣянныя преступленія положены были сроки, у заводскихъ служителей — работа была безсрочная, и то только по тому, что они родились отъ такихъ же заводскихъ служителей или подзаводскихъ крестьянъ. Бывали случаи, что послѣдніе нарочно дѣлали преступленіе, чтобы сдѣлаться каторжными, а стало быть попасть въ рабочіе срочные.

Говорили намъ и другіе, но другое:

— Мы, когда за молотокъ да за лопату, то и молитва у насъ

одна на умѣ: авось - молъ и надъ нашими воротами взойдетъ солнышко. Старики наши, помираючи, наказывали намъ: «кривыхъ нѣтъ во святыхъ, дѣти милыя; мы каторжные, да и вы такіе же, потому что наше отродье. Не работать нельзя: работайте! Тяжела работа—не бѣгите! Извѣстна пословица: «не зовутъ вола пиво пить, зовутъ вола воду возить». Возите воду, потому что и ваши дѣти возить ее также станутъ: съ тѣмъ и живите!...

Внуки дожились однако до того времени, когда сняли съ нихъ несправедливое обязательство, а самые рудники каторжными покинуты: работа послѣднихъ направлена на казенные золотые промысла и на казенные: винокуренные, солеваренные и желѣзодѣлательные заводы. Каторжные въ Восточной Сибири жили при заводахъ: Александровскомъ винокуренномъ и Иркутскомъ солеваренномъ (въ Иркутск. губ.), и въ Забайкальѣ: при заводѣ желѣзномъ Петровскомъ, на пріискахъ верхнемъ, среднемъ и нижнемъ Карійскихъ, на Шахтаминскомъ и Казаковскомъ, на заводахъ Лужанскомъ и Акатуевскомъ. Всѣ остальныя работы на рудникахъ находятся въ рукахъ вольнонаемныхъ рабочихъ. Десять лѣтъ тому назадъ они ещо работали на три смѣны: двѣ недѣли по 12-ти часовъ въ день,—третью педѣлю получали на отдыхъ. За то, что имѣвшіе достатокъ горные служители брались на собственныхъ лошадяхъ возить руду съ рудниковъ въ Кутомарскій рудникъ, при которомъ плавильная печь и въ Александровской заводъ, гдѣ устроена лабораторія, они получали льготный часъ. Работавшіе на рудникахъ ходили на работу иногда верстъ за десять, прихвативши съ собой хлѣба и овощей, и ѣли всухомятку; на ночь опять плелись домой къ горяченькому кирпичному карымскому чаю, ко щамъ и печкѣ. За работу вознаграждались одинаковымъ съ поселенцами содержаніемъ (по 50 к. въ мѣсяцъ, на золотыхъ промыслахъ по 2 р., на Кудеѣ—самомъ богатомъ и надежномъ, недавно открытомъ, плата въ мѣсяцъ доходила до 5 руб.). Къ этой платѣ, сверхъ того, казна прибавляла ещо по два пуда муки. Разница у заводскаго служителя съ каторжнымъ состояла ещо въ томъ, что первый могъ обрабатывать землю, имѣть кое-какое хозяйство... Но вернемся къ ссыльнымъ и къ тѣмъ каторжнымъ, которые работаютъ на Карійскихъ золотыхъ промыслахъ и на заводахъ, и посмотримъ, какъ выноситъ всякую каторгу

русскій человѣкъ на своихъ могучихъ плечахъ, и какъ примиряется со всею тяжестью ея, со всѣми невзгодами и злополучіемъ.

Новичокъ-арестантъ, приходящій на крайнюю каторжную работу — на карійскіе золотые промыслы — назначается обыкновенно «хвосты убирать». Хвостами называются тѣ пустые, ненужные пески, которые остаются на разрѣзѣ послѣ промывки золота и отъ которыхъ золото уже отдѣлено: вода, унеся пески, какъ вещество легчайшее, и не сладивъ съ крупинками золота — веществомъ тяжелѣйшимъ, оставила ихъ осѣвшими на днѣ промывного жолоба. Уборка хвостовъ или пустыхъ песковъ—работа каторжная и потому, что требуетъ усиленныхъ уроковъ и нѣкоторой поспѣшности, чтобы принять съ дороги старую ненужную дрянь и дать мѣсто новой драгоцѣнности,—и потому хвостовая работа тяжела главнымъ образомъ тѣмъ, что не заключаетъ въ себѣ и не дастъ того, чѣмъ красна всякая работа. Она мало питаетъ сознаніе, что въ трудѣ этомъ заключаются тѣ же животворные, осязательные и наглядные результаты, какъ и во всякомъ другомъ трудѣ рукъ существа разумнаго и мыслящаго. Этотъ трудъ на хвостахъ какъ будто даже безполезно истрачиваетъ физическія силы и безъ того значительно истощенныя и, во всякомъ случаѣ, нисколько не укрѣпляетъ духъ, не поддерживаетъ жизни его. Носить цѣлые дни съ ранняго утра до поздняго вечера пустые пески, носить ихъ по заказу, на урокъ, въ виду наказанія за неисполненіе полной задачи и безъ всякаго существеннаго и нравственнаго вознагражденія на случай честнаго исполненія долга и обязанности: дѣло равносильное и равноправное древнему монастырскому наказанію—толочь въ ступѣ воду. Сверхъ того сознаніе, что вся эта работа направлена ни ближе, ни дальше, какъ къ безцѣльному сооруженію на крутыхъ рѣчныхъ берегахъ новыхъ береговъ, цѣлыхъ горъ песчаныхъ, такъ называемыхъ *отваловъ*, сознаніе это безпредѣльно мучитъ и терзаетъ несчастныхъ арестантовъ, твердо убѣжденныхъ и сознательно убѣждаемыхъ въ томъ, что исполняютъ они тѣ самыя работы, которыя по всѣмъ правамъ принадлежатъ воламъ, лошадямъ, животнымъ.

Во всякомъ случаѣ, въ уборкѣ хвостовъ промысловые рабочіе полагаютъ настоящую, воловью, тяжолую каторгу. Замѣчено тамъ,

что новички, поступившіе на работу для уборки хвостовъ,—первый день выдерживаютъ ее, съ большимъ трудомъ исполняя полный урокъ; на второй день — за ними всегда остается недоимка и право наказанія за неуспѣхъ дѣла. Но если непредусмотрительный, малоопытный, или мстительный и горячій приставъ, въ наказаніе за упущеніе, рѣшится назначить новичка на хвосты въ третій разъ, то на четвертый день онъ смѣло можетъ вычеркивать всѣхъ тѣхъ арестантовъ изъ промысловыхъ списковъ. Къ такимъ заключеніямъ пришли сами пристава послѣ долгихъ наблюденій и многочисленныхъ опытовъ; а наблюденія эти и опыты слагаютъ одно заключеніе, даютъ одинъ общій выводъ, что уборка хвостовъ на золотыхъ промыслахъ—самое сильное и дѣйствительное наказаніе для провинившихся, и повторенное одинъ разъ оно уже имѣетъ характеръ истинной каторги.

Соловаренная каторга вся тяжела; тяжела она больше всего для организма, которому представляются многотрудныя задачи, особенно въ сибирскихъ заводахъ, построенныхъ на старый образецъ: чорно и грязно, старо и грубо. Прежде, когда гнали человѣческою силою разсолъ изъ соляныхъ источниковъ по жолобьямъ и поднимали бадьями въ бунфы посредствомъ насосовъ — солеваренная каторга была настоящая, тяжелѣе и мрачнѣе всѣхъ. Сильные качали насосы на высокихъ каланчахъ иногда при 30° морозу, одѣтыми въ казенную рвань; насосы были первобытной формы, какъ на простыхъ баркахъ, однако требовали, при каждомъ движеніи, силы и поклона всѣмъ тѣломъ почти до земли. Разсолъ долженъ былъ пробѣгать по жолобьямъ безпрерывно; платье на рабочихъ сначало мокло отъ брызговъ, потомъ замерзало. Рабочій, отбывъ свою смѣну, все стоя на ногахъ, дѣйствительно побывалъ на каторгѣ. Тяжолая качалка такъ утомляла троихъ людей, обязанныхъ урокомъ свыше ста раскачиваній, что они часто падали на мѣстѣ въ безпаматствѣ отъ крайняго истощенія силъ. Журавцы были замѣнены ручными насосами въ 1836 г. Къ насосамъ, для большаго облегченія работы, придѣланы маятники, —стало легче: балансиръ маятника стали поталкивать отъ себя уже меньшее количество рукъ съ наименьшими усиліями; люди могли это дѣлать, сидя въ особо-прилаженныхъ крытыхъ бесѣдкахъ. Затѣмъ

постарались (1838 г.) къ насосамъ приспособить лошадиную силу и двѣ лошади стали дѣлать то, что прежде производили двѣнадцать человѣкъ. Но и послѣ такихъ приспособленій для каторжныхъ осталось довольно мѣста, чтобы видѣть ясно, что силъ ихъ не щадятъ и не цѣнятъ, о человѣческомъ достоинствѣ ихъ не заботятся и ихъ тѣло почитаютъ не выше лѣсной гнилушки. Жаръ, который скопляется въ томъ сараѣ, гдѣ варится соль въ громадномъ чренѣ или сковородѣ, становится во время горячихъ и спѣшныхъ работъ до того тяжолымъ и невыносимымъ, что арестанты принуждены скидать съ себя все платье и работать голыми до обильнаго пота. Но и при этихъ условіяхъ духота и жаръ до того неодолимы, что каждый рабочій обязанъ выбѣгать изъ варницы въ бревенчатую холодную пристройку, плохо мшоную и безъ печки, гдѣ такимъ образомъ ожидаетъ мокрое и потное тѣло рабочаго свѣжій, морозный, уличной температуры воздухъ. Многія варницы отъ неправильнаго устройства пролетовъ, накопляли такой дымъ, что рабочіе, для поправленія огня не могли и по землѣ ползать. Въ вѣтряное время они задыхались; на лучшій конецъ добивались безвременнаго страданія и боли глазъ, и до потери аппетита. Малѣйшій порѣзъ какого-нибудь члена, на разъѣдающихъ соляныхъ парахъ варницы, производитъ опасныя жгучія раны. Присоединяя къ нимъ неизбѣжную простуду, при быстрой и крайной перемѣнѣ температуръ, мы встрѣчаемъ тотъ положительный фактъ, что рѣдкій рабочій выдерживаетъ больше двухъ мѣсяцовъ: многіе уходятъ въ госпиталь, всегда наполненный больными ревматизмомъ, тифомъ, потерею апетита: но ещо большое число рабочихъ, неуспѣвшихъ заболѣть или поправившихся отъ болѣзни, уходитъ въ лѣсъ и въ бѣга при первомъ благопріятномъ случаѣ, на какіе особенно щедръ и богатъ иркутскій солеваренный заводъ или такъ называемое иркутское Усолье. На немъ и по другимъ статьямъ каторжной жизни — примѣчательная неустойка. Казенный срокъ, назначенный для арестантской одежды крайне несостоятеленъ: таская сырую соль, въ важню, на плечахъ, арестанты скоро изнашиваютъ платье, такъ что за 80 к. сер., полагаемыхъ въ мѣсяцъ, и признаковъ нѣтъ возможности обезопасить себя даже заплатами на прогнившія диры. Безъ воровства въ такихъ случаяхъ не проживещь и пособія чужой и пре-

имущественно казенной собственности (какова на этотъ разъ продажная соль) никакъ уже не обойдешься. И въ концѣ концовъ все-таки нѣтъ возможности видѣть пущей нищеты и рвани, какъ на каторжныхъ рабочихъ соловаренныхъ заводовъ.

На винокуренныхъ заводахъ степень каторжной тяжести видоизмѣняется; значеніе каторги своеобразнѣе. Тамъ круглый годъ тяжело *жиганамъ*, обязаннымъ подкладывать дрова въ печь и, стало быть, цѣлыя сутки стоять у огня въ тѣсномъ подвалѣ, среди нестерпимой духоты, около удушливаго печнаго жара. Здѣсь значеніе каторги сходствуетъ съ тѣмъ, которое даетъ соляная варница и получаетъ разительное подобіе, когда припомнимъ то обстоятельство, что каторжный рабочій — не вольнонаемный; по отношенію къ нему нѣтъ уже никакихъ уступокъ ни вынужденныхъ, ни естественныхъ: возвышенной платы онъ не потребуетъ, отъ тяжолой работы не откажется и не посмѣетъ заявить открыто и гласно всѣ тѣ права, о которыхъ всегда готовъ напомнить свободный человѣкъ, вольный рабочій, старожилъ — сибирякъ-крестьянинъ. Зимою, во время холодовъ, заводская винокуренная каторга, всей своей тяжестью, налегаетъ на *заторщиковъ*, обязанныхъ чистить квашни, промывать въ нихъ прилипшее къ стѣнкамъ этого огромнаго ящика тѣсто, когда намоченныя руки знобитъ ѣдкимъ, невыносимымъ ознобомъ, когда рабочій, отъ пребыванія въ пару, постепенно охлаждаемомъ, успѣваетъ даже *закуржавѣть*, т. е. покрыться инеемъ до подобія пушистой птицѣ. Послѣдствія извѣстны врачамъ и даже дознаны на практикѣ: это постоянная дрожь во всемъ тѣлѣ, отсутствіе аппетита и лихорадка, которую сначала больные презираютъ, а оттого вгоняютъ въ тѣло глубоко и близятъ послѣднее къ гробовой доскѣ. Нерѣдко накрывала послѣдняя рабочихъ, опущенныхъ въ лари, гдѣ бродила брага, прежде чѣмъ выходилъ оттуда весь углеродный газъ, накопившійся во время броженія браги: рабочіе эти тамъ задыхались и ихъ на другой день выносили оттуда уже мертвыми, холодными трупами.

— Въ теплую погоду (говорятъ намъ) заторщикамъ лучше, но за то тяжело бываетъ *ледоколамъ* и *ледорѣзамъ* (первые мельчатъ

льдины, для охлажденія чановъ съ дрожжами и сусломъ, на рѣкѣ, вторые—на заводѣ). Постоянная сырость, всегдашная мокрота гноятъ платье и, давая въ результатѣ почти тѣ же болѣзненные припадки, портятъ и ослабляютъ самый крѣпкій организмъ. Въ историческомъ очеркѣ каторжныхъ заведеній, читатель увидитъ и другія тяжести каторжнаго сверла во всѣхъ подробностяхъ (см. томъ III).

Винокуренные заводы также богаты побѣгами и не меньше всѣхъ другихъ родовъ и видовъ каторги. Вся же каторга, мрачная по тому значенію и смыслу, что она подневольная и трудная, потому не сулитъ никакихъ льготъ и не даетъ никакихъ вознагражденій, становится невыносимою, когда рабочій, придя не домой, а въ казенную казарму, видитъ только одну наготу и босоту, видитъ безпредѣльное количество такихъ же точно дней и ночей впереди, безъ просвѣта и радостей. Рваныя казенныя тряпки отъ чорныхъ и сырыхъ, трудныхъ и тяжолыхъ работъ, ветшаютъ еще скорѣе, чѣмъ отъ надлежащаго употребленія, вопреки назначеніямъ и срокамъ урочныхъ положеній. Починяя ихъ насколько хватитъ терпѣнія, умѣнья и силъ, каторжный рабочій знаетъ одно, что новое платье обяжетъ его новыми неоплатными казенными долгами, которые потянетъ заводское и промысловое начальство изъ ничтожныхъ заработанныхъ денегъ, и во всякомъ случаѣ возьметъ свое изъ артельнаго капитала. Въ силу этого, артельный капиталъ отъ такихъ вычетовъ всегда находится въ томъ положеніи, что представляетъ собою полное ничтожество. И между тѣмъ ни это платье, неспособное даже прикрывать наготу, ни ремесло или мастерство, пріобрѣтенныя на родинѣ и неприложимыя здѣсь за казенными работами, рабочаго не спасаютъ, ему не помогаютъ.

— Пощупаю ноги, посовѣтуюсь съ бывалыми, улучу минуту, да и прощай каторга: можетъ быть навсегда, но во всякомъ случаѣ на долгое время.

И бѣгутъ арестанты съ каторги не десятками, и не сотнями, а тысячами.

Прислушавшись къ разсказамъ арестантовъ, присмотрѣвшись въ заводскихъ архивахъ къ оффиціальнымъ дѣламъ и бумагамъ,—мы

приходимъ къ слѣдующимъ общимъ и частнымъ чертамъ всѣхъ вообще побѣговъ изъ тюремъ и съ каторги *).

Изъ тюремъ бѣгутъ очень рѣдко (сравнительно) и стараются убѣжать только такіе арестанты, которые посажены на много лѣтъ и притомъ въ одинокую, тѣсную и душную темницу. — «До чего не доводило ихъ отчаяніе, стремленіе добиться свободы, выйдти на вольной воздухъ!» — замѣчаетъ одинъ изъ наблюдавшихъ за этимъ дѣломъ, — и продолжаетъ: «нѣтъ конца росказнямъ объ этомъ: кто перепилилъ толстую желѣзную рѣшотку перочиннымъ ножомъ и спустился на изорванной въ полосы простынѣ; кто подрылся подъ полъ, выбрасывая землю щепотками въ оконцо, чтобы скрыть свою работу; кто ушолъ, переодѣтый; кто въ неволѣ открылъ на досугѣ назначеніе египетскихъ пирамидъ; кто составилъ себѣ чернила изъ ржавчины отъ желѣзныхъ запоровъ и изъ крѣпкаго чая и на измятомъ лоскуткѣ бумажки, въ которой завернутъ былъ этотъ чай, написалъ трагедію въ 5-ти дѣйствіяхъ. Опять иной, услыхавъ отдаленный стукъ въ тюрьмѣ своей, заключивъ изъ этого, что у него есть сосѣди, отдѣленные отъ него толстыми каменными стѣнами и, полагая, что одинъ изъ близкихъ ему товарищей, можетъ быть, содержится тутъ же, вздумалъ подать ему о себѣ вѣсть счотными ударами половой счотки въ каменной полъ. Чрезъ нѣсколько времени, онъ вызвалъ отвѣтъ. Товарищи поняли другъ друга и разговаривали такимъ образомъ, означая каждую букву такимъ числомъ ударовъ, сколько ей принадлежитъ счотомъ по занимаемому ею мѣсту. Но вскорѣ и третій, незванный собесѣдникъ, вмѣшался въ этотъ разговоръ и испортилъ все дѣло... Словомъ — конца нѣтъ этимъ крайне-занимательнымъ похожденіямъ!» — замѣчаетъ В. И. Даль (Казакъ Луганскій) въ одномъ изъ своихъ разсказовъ.

---

*) При этомъ считаемъ нелишнимъ замѣтить, что разсказывая о своихъ похожденіяхъ, бродяги обыкновенно старались обойти молчаніемъ начальную и основную причину несчастія, приведшаго ихъ въ Сибирь, увѣряя обыкновенно, что они сосланы за бродяжество, хотя бы и числились въ ссыльно-каторжныхъ. Въ самомъ тонѣ насъ поражало всегда изумительное хладнокровіе, не допускавшее увлеченій: мученіямъ своимъ на походѣ не придаютъ повидимому никакой цѣны и значенія.

Чернила изъ ржавчины съ чаемъ дѣлали тѣ изъ государственныхъ преступниковъ, которые въ 1825 году содержались въ двухъ крѣпостяхъ: петропавловской и шлиссельбургской. Сидѣвшіе въ первой измыслили писать къ роднымъ исторію впечатлѣній недѣли, двухъ и даже мѣсяца и приловчилися писать это въ такой сжатой формѣ и такимъ мелкобисернымъ почеркомъ, что на это потребовалось особое искусство и долгая подготовка: всѣ впечатлѣнія надо было писать и можно было уписать единственно только на тѣхъ маленькихъ лоскуткахъ бумаги, въ которые завертывались содовые порошки, выписываемые докторомъ для освѣженія (иной бумаги въ казаматы не допускали). Сидѣвшіе во второй крѣпости (шлиссельбургской) получали, съ дозволенія начальства, апельсины, а въ нихъ, вмѣсто сладкой мякоти, тщательно завернутыя кучки писемъ, свѣжей и чистой бумаги, бумажныя деньги, чернила, перья и проч. Въ Петропавловской стукомъ въ полъ щеткою одинъ заключонный узналъ, что въ сосѣдяхъ у него находится авторъ «Горе отъ ума», самъ въ свою очередь живущій въ ближнемъ сосѣдствѣ (только за досчатою перегородкою) съ евреемъ,—содержателемъ почты между сѣвернымъ и южнымъ тайными обществами. О трусливомъ поведеніи еврея онъ успѣвалъ передавать товарищу столь забавныя свѣдѣнія, что слушателю приходилось нѣсколько разъ сбиваться со счоту ударовъ, чтобы кататься отъ смѣху и въ концѣ концовъ узнать, что авторъ «Горе отъ ума» возъимѣлъ твердое намѣреніе, если освободится, написать новую комедію подъ названіемъ «Жидъ въ тюрьмѣ» (обѣщаніе впрочемъ неисполненное).

Переодѣтымъ уходилъ изъ иркутскаго острога еврей во франтовскомъ костюмѣ для того, чтобы нашутить шутокъ въ благородномъ собраніи. Онъ побылъ тамъ, вынулъ изъ кармана прокурора сто рублей, столько же у предсѣдателя губернскаго правленія, у начальника края часы, но въ дверяхъ, уходя, столкнулся съ другимъ евреемъ, угрожавшимъ выдать его, если не подѣлится добычей. Подѣлившись чѣмъ успѣлъ, еврей-арестантъ направился на улицу, а тотъ, который остался въ собраніи, былъ обысканъ, когда спохватились обворованные, и указалъ на виновника. Полицейскіе бросились въ острогъ и въ тотъ секретный номеръ, изъ котораго ловкій воръ ушолъ въ

собраніе, и въ которомъ вмѣсто себя онъ положилъ охотника изъ арестантовъ. Видя номеръ занятымъ и повѣривъ обманному отвѣту допрошеннаго, полиція въ тюремныхъ воротахъ встрѣтила настоящаго—жильца секретнаго каземата, подъѣхавшаго на извощикѣ. Еврей оттого не умѣлъ схоронить концы, что изъ собранія заѣхалъ въ кабакъ кутнуть, обмѣнявши опасныя вещи на безопасныя деньги, а столкнувшись съ полиціей въ воротахъ, поспѣшилъ выбрасывать вещи на землю.

О примѣненіи египетскихъ пирамидъ мы разсказали, о всѣхъ же другихъ пріемахъ, приспособляемыхъ къ побѣгамъ изъ тюремъ, въ сибирскихъ имѣются слѣдующія несомнѣнныя данныя.

Какъ всѣмъ извѣстно и какъ мы сказзли сейчасъ, въ сибирскихъ тюрьмахъ существуетъ одиночное заключеніе, которое понимается тамъ обыкновенно, какъ временная мѣра наказанія и только для закоренѣлыхъ и неисправимыхъ злодѣевъ. Заточеніе это — къ несчастію — до сихъ еще поръ сопровождалось приковываніемъ на цѣпь.

Одинъ изъ такихъ «цѣпныхъ» лежалъ съ цѣпью въ госпиталѣ большого Нерчинскаго завода, когда еще содержались при этомъ заводѣ ссыльные. «При осмотрѣ утромъ одного дня» на койкѣ больного нашли одну цѣпь и замокъ. «Внутри замка, за пружину, зацѣплена была петля, ссученая изъ холщовыхъ нитокъ, надерганныхъ изъ простыни». Бѣглый, какъ видно по дѣлу, не найденъ, но сторожа-солдаты получили кажды по 50 ударовъ палками.

Въ томскомъ острогѣ содержались два арестанта въ секретныхъ казематахъ; подъ окномъ, у наружной стѣны, по обыкновенію, находился часовой. Однажды одинъ изъ этихъ часовыхъ замѣтилъ, что надъ головой его пролетѣло что-то тяжолое и бѣлое. Едва онъ успѣлъ опомниться, какъ опять пролетѣло что-то другое, но также бѣлое и тяжолое. Это *что-то* на этотъ разъ показалось ему человѣкомъ. Часовой смекнулъ и выстрѣлилъ; выстрѣлилъ въ сторонахъ, наугадъ, однако произвелъ шумъ, вызвалъ тревогу. Прибѣжалъ караулъ; сбѣжались люди, охотники до всякихъ скандаловъ,—сдѣлали облаву: обыскали всѣ окрестныя мѣста. Подлѣ тюремной стѣны нашли голаго человѣка съ переломленой ногой. Голый человѣкъ оказался

однимъ изъ секретныхъ арестантовъ; тѣло его было намазано саломъ, чтобы ловчѣе могло оно выскользнуть изъ рукъ преслѣдователей. Тоже сдѣлалъ, по его словамъ, и товарищъ его, — и оба они вмѣстѣ изрѣзали казенное платье на ленты, изъ суконныхъ лентъ скрутили веревки; веревки приладили къ рѣшоткѣ, рѣшотка была подпилена. Спускаясь внизъ, арестанты въ это время предварительно раскачивались для того, чтобы усиленный размахъ далъ имъ возможность перелетѣть черезъ стѣну, которая приходилась вблизи каземата. Пойманному не посчастливилось прыжкомъ на землю по ту сторону стѣны: онъ получилъ опасный вывихъ; товарищъ его успѣлъ-таки бѣжать, но вскорѣ былъ пойманъ, узнанъ и приведенъ на допросъ:

Спрашивали:

— Гдѣ ты былъ въ то время, когда сдѣлана облава и вся окольность острога оцѣплена: дальше бѣжать было нельзя и некуда?

Отвѣчалъ:

— Я сидѣлъ все время въ колодцѣ. Идутъ солдаты около — я окунусь въ воду, голову спрячу; они отойдутъ — я голову высуну и надышусь. Одежду бросилъ мнѣ съ возу проѣзжій крестьянинъ.

Вопроса о томъ, какимъ образомъ была перепилена рѣшотка и быть не могло: одинъ изъ бѣжавшихъ арестантовъ былъ портной и, по занятію своему и съ дозволенія начальства, имѣлъ приличные ремеслу своему инструменты. При осмотрѣ покинутаго имъ наперстка нашли тутъ пилу, сдѣланную изъ часовой пружины и тщательно, мастерски сложенную и уложенную.

Въ омскомъ острогѣ одна арестантка рѣшилась бѣжать изъ секретнаго каземата, вылучивъ ту минуту, когда подъ тюремнымъ окномъ ея проходила корова. Баба разсчитала прыжокъ свой такъ ловко, что угодила животному прямо на спину. Испуганое животное понесло бѣглую отъ сторожей и преслѣдователей, но не унесло далеко.

Въ омскомъ же острогѣ мы видѣли арестанта — сухого какъ жимолость, цѣпкаго и ловкаго какъ обезьяна, который съумѣлъ пролезть изъ ретирднаго мѣста въ узкую щель, оставленную между сосѣдними стѣнами и незадѣланную въ томъ предположеніи, что щель эта не представляла опасности. Водосточная труба помогла ему изъ

второго этажа спуститься на дворъ, со двора подняться на крышку стѣны, окружающей всѣ осторожныя строенія и взобраться на нее по водосточной трубѣ сарая. Всѣми своими маневрами, арестантъ привелъ слѣдователей и свидѣтелей въ изумленіе и возбудилъ въ первыхъ недовѣріе. Чтобы убѣдить ихъ въ истинѣ хитросплетенныхъ показаній, бродяга не затруднился повторить эту операцію во второй разъ и, на глазахъ чиновниковъ, продѣлалъ свой фокусъ съ прежнимъ блескомъ, со всею ловкостью акробата, и опытнаго и бывалаго: между тѣмъ этотъ бѣглый былъ не старше 15 лѣтъ отъ роду и принадлежалъ по роду жизни и сословію къ мѣстнымъ мѣщанамъ.

Всѣ эти случаи указываютъ на смѣлость въ сочиненіи замысловъ, иногда доходящую даже до дерзости. Но въ одиночку бѣгутъ весьма рѣдко. Побѣги изъ тюремъ задумываются обыкновенно нѣсколькими арестантами, приводятся въ исполненіе маленькою артелью, которая также, какъ и всякая другая артель, атаманомъ крѣпка, т. е. предполагаетъ зачинщика и руководителя. Въ большой части случаевъ, это—бывалый и опытный, т. е. бродяга. Успѣхъ побѣга обыкновенно обезпечиваютъ сторонніе пособники, участники замысла или по подкупу, или по потворству, нерѣдко по глупости и тупости сторожей, между которыми особеннымъ ротозѣйствомъ отличаются казаки изъ бурятъ.

Мудрено найти бѣжавшаго арестанта, знающаго всѣ ходы и выходы, но не мудрено различить во всей этой сумятицѣ тюремнаго дѣла главныхъ виновниковъ, подкупныхъ и привычныхъ, глуповатыхъ и тертыхъ, умѣлыхъ и на путанныя показанія, готовыхъ и на наказаніе розгами, тѣмъ болѣе, что рѣдкій изъ этихъ сторожей самъ не битъ уже шпицрутенами гдѣ-нибудь въ Россіи, въ какомъ-нибудь гарнизонномъ батальонѣ. Въ Россіи тюремная исторія также обильно наполняется побѣгами, и мы надѣемся впослѣдствіи доказать и то, что если имѣются въ Россіи такія мѣстности и города, гдѣ правительство признало излишнимъ содержать тюрьмы (какъ напр., въ Березовѣ, Тобольской губерніи, а въ Вельскѣ вовсе уничтожена тюрьма въ прошломъ году), но за то вездѣ тамъ, гдѣ постоянно содержатся въ тюрьмахъ арестанты—изъ тюремъ этихъ бѣгутъ. Скажемъ больше:

можно смѣло биться объ закладъ, что нѣтъ въ Россіи ни одной тюрьмы, изъ которой бы не сдѣлано было побѣговъ.

Но какъ ни крѣпка та или другая тюрьма, какъ ни слабо значеніе всѣхъ сибирскихъ трактовыхъ, пересыльныхъ тюремъ, какъ мѣстъ временнаго заключенія (на небольшое число подсудимыхъ и на большое пересыльныхъ арестантовъ), побѣги изъ этихъ тюремъ относительно рѣже. Побѣги отсюда не представляютъ такого интереса и не встрѣчаютъ такой трудности, какими живутъ и дышутъ настоящія каторжныя, нерчинскія тюрьмы.

Съ каторги бѣгутъ несравненно въ большемъ числѣ, хотя отчасти при тѣхъ же условіяхъ, т. е. не столько изъ самыхъ казематовъ, сколько съ работъ; не столько въ одиночку, сколько въ товариществѣ. Здѣсь уже не ощупъ и выжиданіе перваго благопріятнаго, подвернувшагося подъ руку случая, а систематическое знаніе, заправленное давнишней подготовкой и умѣньемъ. На этотъ разъ уже и причины другія.

Изъ пересыльной тюрьмы бѣжитъ арестантъ, какъ малый ребенокъ, куда — и самъ не всегда хорошо знаетъ, бѣжитъ оттого, что въ заточеніи жить не хорошо, не нравится ему: авось въ лѣсу будетъ лучше, авось оттуда и удастся куда-нибудь выбраться. Онъ бы и не бѣжалъ, еслибы не сманивали товарищи, не улыбались поощрительно на побѣгъ сторожа и приставники. Говорятъ, что за тюрьмой все лучше; за бѣглымъ не гоняются, а еще хлѣбомъ кормятъ, да и не Богъ вѣсть что́ сдѣлаютъ, когда изъ бѣговъ поймаютъ: можно тогда сказаться непомнющимъ, поступить въ это хваленое и достопочтенное званіе, которое у насъ имѣетъ такое широкое приспособленіе. Бѣглаго изъ пересыльной тюрьмы скоро ловятъ, его слабѣе наказываютъ: самое большое преступленіе его въ бѣгахъ—мелкое воровство, пьянство; онъ нерѣдко самъ является на судъ и кается. Одинъ такой и въ томъ же Тобольскѣ, весною 1863 года, не пришолъ въ острогъ съ работы съ двумя другими. Поздно вечеромъ онъ стучался въ острожныя ворота и былъ впущенъ на общій смѣхъ арестантамъ и для показанія на допросѣ о томъ, что двое товарищей его бѣжали, что что самъ онъ напился вмѣстѣ съ ними, но покрѣпче ихъ, пьянымъ выспался въ кустахъ, утромъ опохмѣлился, денекъ погулялъ, а те-

перь вотъ и пришолъ домой, не зная, куда идти и чего искать ему въ бѣгахъ. Другихъ ловятъ и уличаютъ: въ 1851 г. въ Тобольской тюремной книгѣ записано: «расходчикъ по экономической части Петръ Андреевъ, 9 дек. въ 11 часовъ по полуночи идя въ острогъ, увидѣлъ впереди идущаго арестанта безъ конвоя, но что несъ — непримѣтно. Войдя во дворъ—спросилъ: куда ходилъ? Тотъ сознался, что только сходилъ въ питейный домъ, и выпилъ вина $^1/_4$ штофа съ позволенія часоваго, стоящаго у воротъ, который его какъ впередъ, такъ и обратно пропустилъ». Арестантъ былъ татаринъ. Часовой показывалъ, что къ буткѣ его приступило много арестантовъ и онъ не могъ усмотрѣть, когда прошолъ одинъ изъ нихъ; но почему онъ допустилъ большое скопище арестантовъ къ посту своему, объ этомъ доказать не могъ.» Арестанты такой категоріи даже не отвыкли еще путать другихъ, не выучились скрывать свои пристани; они еще оговариваютъ своихъ благодѣтелей, оффиціально называемыхъ пристанодержателями; они еще не умѣютъ прятаться такъ, чтобы удивлять находчивостью судебныхъ слѣдователей и тюремныхъ допросчиковъ.

Не таковъ бѣглый съ каторги: тертый калачъ, мятые бока, *варнакъ* — по-сибирски, *чалдонъ* — по-каторжному. У этого другая цѣль и другая снаровка, иные пути, но пути намѣчены вѣрно и ладно и твердо изучены; онъ на нихъ не заблудится, его не спутаетъ никакой законникъ, не запутаютъ никакія трущобы: ни географическія, ни юридическія. Варнакъ берется за дѣло побѣга, какъ за важное, политическое; онъ, какъ артистъ, смѣло постоитъ за свое искусство: и въ лѣсу онъ, какъ рыба въ водѣ, а въ ремеслѣ своемъ, какъ виртуозъ и мастеръ. Бѣглеца тюремнаго поищутъ два-три человѣка только для виду, ради службы и начальства, да и само начальство на такихъ невинныхъ гулякъ одной рукой машетъ, а другой вычеркиваетъ ихъ имена изъ списковъ содержавшихся и помѣтитъ въ числѣ бѣжавшихъ. Но бѣжитъ варнакъ — бѣглецъ съ каторги: за нимъ для поимки сбивается и посылается цѣлая облава конныхъ и пѣшихъ, отправляются впередъ и назадъ, во всѣ стороны, кучи повѣстокъ и извѣщеній. Бѣжалъ изъ карійской тюрьмы Иванъ Петровичъ Дубровинъ, и черезъ часъ объ этомъ знали всѣ обитатели всѣхъ четырехъ промысловыхъ селеній; на всѣхъ, безъ изъятія, на-

палъ паническій страхъ; тревогу били; по ночамъ не спали: всѣ словно ждали какого-то дива и чуда. На четвертый день Дубровинъ не замедлилъ выказаться: онъ убилъ въ одной изъ крайнихъ избъ одного изъ промысловыхъ селеній женщину съ двумя малютками ни за что, ни про что, изъ одного желанія потѣшить свою злодѣйскую душу. Приходилъ онъ втроемъ и далеко не ушолъ отъ каторги, а грабилъ потомъ съ шайкой своей всѣхъ живущихъ, проѣзжающихъ и проходившихъ по рѣкѣ Шилкѣ. А поймали Дубровина, — то мало того, что приковали его на цѣпь, ему надѣли ещо на руки *лису* *), чтобы и подниматься съ мѣста ему было трудно. А такихъ, какъ Дубровинъ, на истинной каторгѣ не мало. Но объ нихъ — потомъ, о другихъ — теперь.

За Байкаломъ живетъ въ народѣ преданіе, что Петровскій заводъ преимущественно богатъ побѣгами, что тамъ у тюремныхъ сидѣльцовъ ведется особенный обычай бѣгать изъ тюрьмы *на уру*, не въ одиночку, а цѣлымъ огуломъ. На сколько справедливъ первый слухъ, доказываютъ намъ архивныя бумаги, которыя зачастую говорятъ одно и тоже, что «всѣхъ здѣшнихъ мѣстъ гораздо болѣе чинятся побѣги въ лѣтнее время изъ Петровскаго завода». На сколько справедливъ второй слухъ, архивныя дѣла не даютъ для того опредѣленныхъ данныхъ, но народные разсказы настойчиво увѣряютъ въ томъ, что побѣги «на уру» производились оттуда довольно часто, что арестанты при этомъ, чтобы устранить наблюденіе и привести въ смятеніе конвойныхъ, кричатъ всей казармой ура, какъ на сраженіи: надо цѣпь пробить, а тамъ уже легко станетъ; тамъ либо панъ, либо палъ. Рѣшившіеся бѣжать, по знаку того, который подпилилъ рѣшотку и мигнулъ соузникамъ, хватаются за собственныя рубашки, рвутъ ихъ на клочки, обматываютъ этими тряпками кандалы (чтобъ не стучали) и бѣгутъ черезъ окно, предполагая, что рѣшившіеся остаться товарищи ихъ, криками ура, отвлекутъ на себя вниманіе стражи. Сами бѣглецы въ тоже время производитъ тотъ же крикъ вслѣдъ за другими. Подобныя попытки—прибавляютъ народные разсказы—всегда

*) Лиса — желѣзная полоса въ полтора или два пуда вѣсомъ.

вѣнчались полнымъ успѣхомъ, и конвойные не могли хватать бѣглецовъ также по тому обстоятельству, что голые арестанты успѣвали предварительно намазывать все тѣло свое саломъ или масломъ. Архивъ Петровскаго завода, при тщательномъ просмотрѣ, не подтвердилъ народныхъ слуховъ, которые обыкновенно складываются въ преданіе и въ цѣльной разсказъ изъ множества частныхъ случаевъ; но вѣроятно слухи эти имѣютъ основаніе въ былomъ, незанесенномъ въ оффиціальную бумагу изъ личныхъ разсчетовъ и соображеній начальства (чего не бываетъ на каторгѣ!) Тѣмъ не менѣе архивныя дѣла Дучарскаго завода (теперь упраздненнаго) представляютъ одинъ подобный случай, доказывающій, что побѣги огуломъ, во многолюдствѣ бѣглецовъ — не миѳъ, который во всякомъ случаѣ могъ служить поводомъ и лечь въ основаніе народной легенды. Дѣло случилось 8 іюня 1815 года: изъ тюрьмы сдѣланъ былъ капитальный и серьозный побѣгъ; изъ *двадцати* заключенныхъ бѣжало *четырнадцать* человѣкъ. Событіе это обставлялось такими подробностями.

При дучарской тюрьмѣ на всякія потребы и нужды находилось восемь человѣкъ караульныхъ солдатъ. Передъ тѣмъ, какъ посадить всѣхъ этихъ арестантовъ на цѣпь, четверо солдатъ отворили рѣшотчатую дверь, а за ней и тюремную, ведущую въ казематъ. Не успѣли солдаты опомниться, какъ арестанты накинулись на нихъ всей массой; сначала захватили четырехъ переднихъ, а вслѣдъ затѣмъ и остальныхъ четырехъ — заднихъ. У тѣхъ и у другихъ цѣпные арестанты отняли тесаки, вырвали штыки изъ ружей, связали всѣхъ крѣпкими веревками и заперли за рѣшотку. Четырехъ переднихъ, сверхъ того, избили полѣньями; унтеръ-офицера связаннымъ бросили въ уголъ казармы. Четырнадцать арестантовъ, выйдя изъ каземата, изломали въ сѣняхъ чуланъ, взяли тамъ ружья, патроны и порохъ. По мѣрѣ того, какъ проходившіе обходомъ солдаты являлись въ тюрьму, ихъ также вязали и сажали къ прочимъ за рѣшотку. Сигналы подавалъ и приказанія кричалъ арестантамъ одинъ изъ нихъ. Затѣмъ, когда всѣ караульные были перевязаны, всѣ четырнадцать скрылись. Пришли урочные часы смѣны; къ дверямъ тюрьмы явился свѣжій часовой, ничего не смѣкавшій, ничего не подозрѣвающій. Рас-

положившись у дверей, часовой слышитъ разговоры, прислушивается: голоса выходятъ глухіе, изъ подполья; часовой спрашиваетъ:

— Кто въ подпольѣ?

— Унтеръ-офицеръ Плотниковъ.

Съ трудомъ открываютъ на-глухо заколоченную западню подполья, выпускаютъ оттуда 12 человѣкъ солдатъ, а затѣмъ бьютъ тревогу въ заводской колоколъ. На набатъ сбѣгается народъ; сбиваютъ облаву, дѣлаютъ окольный обыскъ, но безуспѣшно. Въ Уровское правленіе скачетъ нарочный повѣстить о принятіи должной осторожности и съ приказаніямъ «немедленно отправить людей, сколько можетъ для поисковъ». Правленіе снаряжаетъ также облаву: 12 человѣкъ вооруженныхъ крестьянъ идутъ на охоту и, соединившись съ заводскою командою, преслѣдуютъ бѣглыхъ варнаковъ въ пади (горной долинѣ), называемой Широкою, устьемъ своимъ выходящей къ рѣкѣ Урову. Въ пади этой сдѣлались примѣтны слѣды: измятая трава, пепелъ отъ свѣжихъ теплинъ; на слѣдахъ видятъ и самихъ бѣглецовъ. Завязывается перестрѣлка: у одного крестьянина, на первыхъ выстрѣлахъ, подстрѣлена лошадь и убитъ на повалъ одинъ бѣглый. Тѣмъ и кончилась вся эта встрѣча, не имѣвшая, по неудобству мѣстности, большого успѣха. Между тѣмъ наступила ночь: ссыльные разсыпались по непроходимымъ чащамъ. На другой день искали ихъ опять, но не нашли; только черезъ три дня поручикъ Рикъ напалъ на слѣды. Шесть человѣкъ бѣглыхъ скрыты были въ сѣнѣ уровскаго зимовья крестьяниномъ, взявшимъ съ бѣглыхъ за печоный хлѣбъ 10 рублей. У деревни Подозерной, въ колкѣ *), поручикъ Рикъ завязалъ съ бѣглецами перепалку: четырехъ изъ нихъ положилъ на мѣстѣ, троихъ захватилъ живыми. Остальныхъ на этотъ разъ найти не могли и уже черезъ пять дней поймали ихъ на воровствѣ, на мельницѣ, и когда бѣглые вырвались и побѣжали, снарядили за ними погоню и въ пади Каменкѣ опять завязали съ ними перестрѣлку. Еще двое бѣглыхъ были убиты, третій скрылся въ густой трещѣ лѣса и его ни убить, ни схватить не могли....

---

*) Колокъ — сырое мѣсто въ пади съ густою растительностью, среди слабой растительности въ окрестностяхъ.

Таковы подробности едва ли не самого большого побѣга изо всѣхъ нерчинскихъ тюремъ. На немъ какъ будто оборвались, запнувшись, всѣ другія попытки подобнаго рода. Отчаяніе каторги искало другихъ путей; заключонные производятъ другія вылазки, скромныя, подспудныя.

Задумавши побѣгъ, арестанты нерчинскихъ тюремъ прежде всего хлопочутъ о запасѣ, прежде всего смотрятъ на конецъ, не заботясь особенно о началѣ. Оно въ свое время объяснится само и по большей части явится обставленное средствами готовыми, рѣдко нежданными и случайными. Заручаясь новой, свѣжей, нерванной одеждой, арестанты въ тоже время затягиваются въ неоплатные казенные долги, которые въ круговомъ разсчотѣ дѣлаютъ чрезъ то побѣгъ неизбѣжнымъ, единственнымъ средствомъ очистить свою чалдонскую совѣсть и покончить разсчоты съ тяжолой каторгой. Обыкновенно эта хлопотливая заботливость о запасѣ теплой и новой одежды принимается соузниками за сигналъ на молчокъ. Вторымъ яснымъ признакомъ твердо выясненнаго рѣшенія признается то, когда задумавшій побѣгъ начинаетъ заводить особенную пріязнь съ тѣми товарищами, которые завѣдуютъ съѣстными припасами, и съ тѣми каторжными бабами, которыя завѣдуютъ кухней: близкія интимныя отношенія, наскоро слаживаемыя и на время устанавливаемыя при помощи водки, считаются въ особыхъ случаяхъ достаточно-обезпечивающими средствами. Сношенія эти въ тюрьмахъ, гдѣ рука руку моетъ и оттого обѣ бываютъ чисты, сношенія эти не трудны и передъ законами дружбы святы и самостоятельны. Дѣло слаживается очень скоро, безъ задержки даже и на такомъ тормазѣ, который, по смыслу казенныхъ учрежденій, поставляется въ лицѣ арестантскаго старосты. Староста — свой братъ, самъ не разъ уже вкусившій сладость побѣга, не разъ уже отвѣдавшій бродяжьяго брашна. Онъ это дѣло понимаетъ и дѣлу этому никогда не противникъ; такихъ ужъ людей и выбираютъ арестанты въ это званіе. Къ тому же опытный бѣглецъ съумѣетъ самъ ловко повести дѣло и никогда не затянетъ въ тину допросовъ и слѣдствій; самъ все приметъ на себя и концы запрячетъ. Имѣющій намѣреніе бѣжать, готовъ сократить свой паекъ, ѣстъ очень мало; порціи свои копитъ, не беретъ изъ кухни ни хлѣба, ни мяса, а при-

спѣетъ часъ, выпроситъ то и другое гуртомъ: хлѣба ковригу фунтовъ въ 25, мяса полоть со свою голову; возьметъ все это и спрячетъ. Спрячетъ онъ добро свое въ хоронушку, безъ которой ни одна тюрьма не живетъ, да и жить не можетъ, а хоронушка затѣмъ и потайное мѣсто, чтобы ни одинъ дозорщикъ не осквернилъ ее своимъ нелегкимъ чорнымъ глазомъ. Хоронушекъ этихъ въ каторжныхъ (да и во всякихъ) тюрьмахъ больше, чѣмъ въ окольныхъ лѣсахъ лисьихъ и собольихъ норъ; а деревянная тюрьма, каковыми бываютъ всѣ собственно каторжныя тюрьмы, удобнѣе для такого рода тайниковъ тюрьмы каменной.

Хоронушки эти обыкновенно устраиваются въ подпольѣ, по большей части около печей или за печками, подъ половицами, съ ловко прилаженными и замаскированными покрышками. Въ каменныхъ острогахъ (каковы губернскіе и уѣздные пересыльные) хоронушки дѣлаются въ самыхъ стѣнахъ. Въ Томскомъ напр., въ одномъ мѣстѣ, около наръ, стоило только вынуть одинъ кирпичъ, чтобы увидѣть огромную пустоту, нѣкогда (прм постройкѣ), вмѣсто щебенки и кирпичей, наполненную щепами. Щепы отъ времени и сырости сгнили и образовали огромную хоронушку, въ которую могла свободно помѣститься вся громадная острожная собственность, а на этотъ разъ въ ней сберегались инструменты всякаго рода, посуда съ водкой въ стеклянной сосудахъ всѣхъ общепринятыхъ величинъ, ножи, карты, табакъ и проч. Тайникъ этотъ закрывался ловко-прилаженной доской, покрашенной тою же краской, какая желтѣла на стѣнахъ. Въ Тобольскомъ острогѣ у одного изъ прикованныхъ на цѣпь нашли такой же тайникъ въ стѣнѣ напротивъ печи и въ немъ три ножа, два подпилка, зубрило, шило, 5 оловянныхъ и мѣдныхъ печатей и кипы всякаго рода бумаги. Въ Тюменской тюрьмѣ, въ кухнѣ подъ квашней, нашли нѣсколько вынутыхъ кирпичей для пустоты, въ которой пряталась водка, и такъ далѣе—въ безконечность...

Заручаясь такимъ образомъ съѣстнымъ на первые самые трудные дни побѣга, арестанты скопляютъ въ неопредѣленные сроки и деньги. Для таковыхъ хоронушки устраиваются около себя, и деньги зашиваются въ воротѣ рубашки, въ воротѣ казенной куртки, гдѣнибудь въ полушубкѣ, подъ стельками, въ подошвѣ сапога и въ вы-

долбленныхъ каблукахъ его. Тогда весь секретъ состоитъ только въ томъ, чтобы уберечь накопленное отъ воровскаго глаза, ибо — какъ извѣстно—тюрьма собственности не признаетъ и воруетъ на обѣ руки и всякими способами. Чтобы вѣрнѣе увеличить копилку новымъ приращеніемъ, арестантъ ложится въ госпиталь, не беретъ денегъ за пищу, наполняетъ ее въ заработныхъ грошахъ за предыдущіе мѣсяцы на текущіе, и во всякомъ случаѣ на больничной койкѣ онъ въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ былъ на казарменныхъ нарахъ, гдѣ — какъ извѣстно — раскладываютъ карточный майданъ, соблазняютъ виномъ и иными сластями.

Такъ или иначе, бывалый арестантъ безъ денегъ и провизіи съ каторжнаго мѣста не снимается. Самый опытный и не одинъ разъ бывалый уходитъ изъ тюрьмы одинъ: всѣ остальные и въ большей части случаевъ подговариваютъ товарищей—спутниковъ; а новичокъ нуждается въ вожакѣ: «безъ запѣвалы-де и пѣсня не поется». Для побѣгу выбираютъ всегда теплую пору и бѣгутъ обыкновенно весной, когда закукуетъ кукушка (отсюда и выраженіе «идти на-вѣсти къ Кукушкину генералу» или «кукушку слушать, какъ поетъ»). Бѣгутъ во множествѣ лѣтомъ, рѣже къ осени и холодному времени, и только отчаяніе и дерзкая рѣшимость уводятъ арестантовъ, холодами, на зимніе палящіе морозы *). Во всякомъ случаѣ весеннее время и лѣтняя пора всего больше красны на каторгѣ побѣгами даже и изъ такихъ тюремъ, откуда бѣгутъ всего меньше: каковы Карійскія и

*) Вотъ что, между прочимъ, разсказываетъ въ подтвержденіе нашего свѣдѣнія хроника Петровскаго завода о числѣ бѣжавшихъ, среднимъ счотомъ, по мѣсяцамъ: въ январѣ изъ ссыльно-каторжныхъ 2, въ февралѣ 10, въ мартѣ 4, въ апрѣлѣ 65, въ маѣ 35, въ іюнѣ 32, въ іюлѣ 21, въ августѣ 10, въ сентябрѣ 28, въ октябрѣ 11, въ ноябрѣ 12, въ декабрѣ ни одного. Числовыя данныя побѣговъ по другимъ тюрьмамъ идутъ почти въ той же прогрессіи, на измѣненіе которой, конечно, имѣютъ вліяніе климатическія условія: до нѣкоторой степени эти цифры можно считать барометрическимъ указателемъ, что такой-то зимній мѣсяцъ въ такомъ-то году былъ крѣпко морозенъ и такой-то весенній былъ также холоденъ, какъ въ данномъ примѣрѣ мартъ и декабрь. Устоялъ декабрь съ оттепелями — цифра побѣговъ подцвѣтилась; бѣжало много въ январѣ: значитъ теплый стоялъ, и тому подобное.

Александровскаго винокуреннаго завода, но и изъ такихъ, которыя особенно чаще и сильнѣе опрастываются, какъ напр. остроги Петровскаго желѣзнаго и Иркутскаго солеваренаго заводовъ.

Самый побѣгъ для каторжныхъ, когда готовы всѣ путевые запасы, не мудренъ:

— Была бы охота (говорятъ сами бродяги), а на что — такъ надо спрашивать—человѣку и голова въ плечи ввинчивается?

— А на что и солдаты такіе къ намъ приставлены, что, либо плутъ хуже нашего, либо дуракъ такой, что только сваи имъ вбивать. Слушайте!

Года два тому назадъ (т. е. въ 1859 году), на одномъ изъ карійскихъ промысловъ послано было нѣсколько человѣкъ арестантовъ на работу. При нихъ, по уставу и по обычаю, находились конвойные: одинъ изъ штрафныхъ солдатъ, назначенныхъ на Амуръ, но неперевернутыхъ въ забайкальскіе казаки, а другой — молодой парень изъ тѣхъ старожилыхъ заводскихъ крестьянъ, которыхъ въ 40-хъ годахъ переименовали въ казаки по имени только, но не въ самомъ дѣлѣ.

Пришли арестанты съ конвойными на работу. Солдатъ изъ штрафныхъ говоритъ товарищу, конвойному изъ казаковъ:

— Поди-ко, землякъ, зачерпни водицы, что-то отъ щей нутро жжотъ, а я посмотрю за арестантами. Да шинель-то сними, а не то на офицера наткнешься: обругаетъ, изобьетъ; въ отвѣтѣ будемъ оба.

Тотъ такъ и сдѣлалъ: сходилъ на Кару за водой, вернулся назадъ. Сидитъ на старомъ мѣстѣ одинъ арестантъ:

— А другіе гдѣ?

— Да гулять ушли: тебя не спросились.

— Какъ такъ!

— Да этакъ. И я бы съ ними ушолъ: крѣпко звали, да отдумалъ; имъ-то было *вдоль по каторгѣ* (т. е. безъ сроку), а мнѣ вотъ сроку года два до конца осталось: не стоитъ!

— А шинель моя гдѣ?

— Затѣмъ-то тебѣ ее и оставить велѣли, что шинель твоя на

одного арестантика поступить должна, на рыжаго-то. На него она и поступила: повѣрь мнѣ!

Вскорѣ прошли на промыслахъ слухи, что идетъ-де по почтовому торному тракту, идетъ днемъ и ночью, по направленію къ городу Читѣ, солдатъ съ сумой и съ ружьемъ и ведетъ съ собой трехъ арестантовъ.

— Куда-де, землякъ? — спрашивалъ купецъ, поставлявшій на арестантовъ муку.

— Вотъ въ Читу на допросъ арестантовъ веду.

Черезъ двѣ недѣли палъ новый слухъ отъ другого торговца, вернувшагося съ верхнеудинской ярмарки: идетъ-де солдатъ подъ Верхнеудинскомъ и ведетъ съ собой только одного арестанта. Ведетъ онъ его также на допросъ — какъ самъ сказывалъ—въ Верхнеудинскъ: изъ бѣговъ-де поймалъ.

— Такъ и уведетъ (думали на Карѣ), уведетъ и самъ уйдетъ бѣглый солдатикъ съ бѣглымъ арестантомъ прямо въ Россію или куда имъ надо, гдѣ имъ лучше понравится, если не попадутъ на какой нибудь рожонъ. Да едва-ли-де: въ Сибири дороги тоже торныя живутъ—да и глухи бываютъ,—кромѣ купцовъ и проѣзду никому почти нѣтъ; кромѣ бродягъ да бѣглыхъ съ заводовъ и прохожихъ другихъ не видать, да разъ въ недѣлю арестантская партія кандалами прозвонитъ; обозы чайные тоже не во всякое время ходятъ: по дорогѣ простору много.

Случай въ Читѣ сдѣлался извѣстенъ даже въ Петербургѣ. Тамошные гарнизонные солдаты не только выпускали на ночь арестантовъ, но и сами ходили съ ними на грабежъ въ городѣ и сосѣднихъ селеніяхъ. Передъ свѣтомъ аккуратно возвращались: одинъ — на часы, другой въ заточеніе. Виновныхъ велѣно было строго наказать, но наказаніе не остановило преступленія. Солдаты снова произвели нѣсколько кражъ и украденныя вещи спрятали на гауптвахтѣ. Офицеры оказались по слѣдствію потворщиками. Ещо въ 1836 году генералъ-губернаторъ Броневскій свидѣтельствовалъ, что нравственность тѣхъ казаковъ, которые обращались при полиціи и въ частомъ прикосновеніи съ ссыльными, была рѣшительно потрясена.

Бываютъ на каторгѣ другія дѣла и другого рода и вида побѣги,

когда одинъ старается перехитрить другого, не разбирая (какъ въ данномъ случаѣ) того, что валитъ этого другого себѣ подъ ноги, въ яму. А такъ какъ борьба эта ведется на взглядъ и на счастье, почти въ темную, то и ходы ея разнообразны и мудрены до того, что понять ихъ и услѣдить за всѣми ставками нѣтъ почти никакой возможности. Сами бродяги таятся, слѣды свои тщательно прячутъ, рѣдкіе разсказываютъ кое-какія подробности, но всегда, конечно, оставляютъ про себя и для товарищей всю суть, всю подноготную. Самое вѣроятное, самое неоспоримое одно только, что каторга даетъ обильное количество побѣговъ.

Всѣхъ бѣглыхъ по всему Нерчинскому округу за 10 лѣтъ (съ 1847 по 1857 годъ) считалось 2841 человѣкъ такихъ только, которые за побѣги наказаны были на заводахъ. Сверхъ того бѣжало ещо 22 женщины, которыя были пойманы и также наказаны на заводахъ. Къ 1 января 1859 года, т. е. за 11 лѣтъ, во всѣхъ нерчинскихъ заводахъ считалось въ бѣгахъ не возвращонными: 508 человѣкъ горныхъ служителей и 3104 ссыльныхъ и ссыльно-каторжныхъ; такъ что, по сравненію съ количествомъ всего сосланнаго населенія, въ бѣгахъ ровно 24%. Таковъ учотъ общаго горнаго управленія въ валовыхъ цифрахъ. Частныя исчисленія также краснорѣчивы, хотя мы и придерживаемся цифры собственно ссыльно-каторжныхъ и не принимаемъ въ разсчотъ поселенцовъ (объ этомъ дальше, въ своемъ мѣстѣ). Знаменитый Петровскій желѣзодѣлательный заводъ, единое изъ дѣтищъ того же Нерчинскаго горнаго округа, тоже считалъ свою усышку и утечку. Къ 1-му сентября 1851 года у него нашлось въ бѣгахъ, тоже въ десятилѣтней сложности всѣхъ бѣглыхъ 740 мужчинъ и 5 женщинъ. Къ 1-му января 1852 года (т. е. въ два осенних и одинъ зимній мѣсяцъ) успѣло бѣжать ещо 26 человѣкъ: стало всего въ неустойкѣ 771 вольная душа. Изъ этого числа поймано только 19 человѣкъ, исключено за десятилѣтнею давностію 31; осталось—стало быть—въ бѣгахъ 716 мущинъ и 5 женщинъ. Нѣкоторое число таковыхъ онъ имѣетъ получить назадъ подъ названіемъ оборотней, возвращонными изъ Россіи въ той цифрѣ, которая выясняется въ Тобольскомъ Приказѣ о ссыльныхъ. Тамъ, между прочимъ, навѣрное утверждаютъ и несомнѣнно доказываютъ, что число при-

гнанныхъ обратно въ Сибирь на каторгу и поселеніе, съ 1833 по 1845 годъ, двѣнадцать тысячъ шестьсотъ пятьдесятъ два человѣка (въ томъ числѣ 345 женщинъ) и что однихъ каторжныхъ въ теченіе десяти лѣтъ (съ 1838 по 1847) принято изъ Россіи—возвращонными чрезъ Тобольскъ 2446 мущинъ и 27 женщинъ. Конечно, между ними не всякій укажетъ на то, съ какой онъ бѣжалъ каторги; бродягами давно уже приспособленъ способъ сочиненія псевдонимовъ, вѣнчающихся общимъ мѣстомъ «непомнящихъ родства» *).

Чѣмъ и какъ обставляются побѣги съ каторги — мы объяснимъ нѣсколькими очерками, сообщонными частію интересовавшимися этимъ дѣломъ, частію самими заинтересованными въ немъ. Разрядъ послѣднихъ разбивается для насъ на двѣ категоріи. Къ первой и главной мы относимъ тѣхъ бывалыхъ бродягъ, которые снимаются

---

*) Обязуясь подробнымъ изслѣдованіемъ вопроса о бродягахъ во всемъ его многостороннемъ и широкомъ развитіи, мы на этотъ разъ продолжимъ наблюденія наши надъ цифрами бѣглыхъ съ заводовъ сибирскихъ и беремъ намѣренно года на выдержку, не подчиняя ихъ системѣ, и при этомъ указывая первые попавшіеся намъ на глаза. Такъ напр. на Александровскомъ винокуренномъ заводѣ съ 1 января 1846 года по 1-е ноября 1859 бѣжало съ работъ 1013 мущ. и 19 женщ. Изъ этого числа домашними средствами поймано (а въ томъ числѣ—конечно—и добровольно пришло въ зимнее холодное время) только 277 мущ. и 4 женщ. Въ 1833 году бѣжало изъ этого завода 633 чел.; въ 1834—770; въ 1835—754; въ 1836—591; въ 1837—293 въ 1838—32; въ 1839—76; въ 1840—40; въ 1841—71; въ 1842—82; въ 1843—98. Уменьшилась въ послѣдніе года цифра побѣговъ, оттого, что въ заводъ стали меньше присылать рабочихъ и замѣтно ослабѣлъ тюремный надзоръ съ уменьшеніемъ командъ, обращонныхъ на другіе заводы. Въ 1843 году изъ 98 человѣкъ возвращено было только 8. Изъ Успенскаго винокуреннаго завода (Тобол. губ.) въ 1860 г. бѣжало каторжныхъ 160 человѣкъ, да весной слѣдующаго года успѣло удрать ещо новыхъ 22. Бѣглые по другимъ заводамъ Восточной Сибири стояли въ такомъ количествѣ:

Въ 1837 году изъ Иркут. солев.	363;	Троицк. винок.	181; Селенгин. солевар. 38
— 1838 — — — —	238	— —	164 — — 74
— 1839 — — — —	248	— —	206 — — 36
— 1840 — — — —	359	— —	171 — — 28
— 1841 — — — —	136	— —	79 — — 27

Все это, конечно, въ десятилѣтней сложности съ увеличеніемъ цифры отъ новыхъ побѣговъ, съ уменьшеніемъ ея за вычетомъ по закону десятилѣтней давности.

съ мѣста для пути дальняго елико-возможно и не спуста: они знаютъ дорогу, и дорога эта, издавна пробитая тропа эта, называется *варнацкой дорогой*, имѣетъ опредѣленное направленіе по лѣсамъ, по жилымъ и нежилымъ мѣстамъ и опытнаго бродягу уводитъ далеко, уводитъ въ Россію. Истинный варнакъ снимается съ мѣста для того, чтобы, по возможности, подольше пожить на своей волѣ, старается по мѣрѣ силъ не возвращаться на каторгу, искусно замѣтая слѣды свои или, если уже оборвется счастіе, то запишется въ оборотни, но не скоро. Къ другой категоріи бродягъ мы относимъ тѣхъ ссыльно-каторжныхъ, которые бѣгутъ на авось, иногда просто прогуляться, побродить въ лѣсу и на волѣ, «единственно для отбывательства отъ казенныхъ работъ», какъ привыкли выражаться оффиціальныя бумаги. Такого рода бѣглые—жиганы, мелкота—зачастую не уходятъ дальше Байкала, сходятъ только «простокишки (простокваши) поѣсть», т. е. изъ Верхнеудинска возвращаются назадъ на каторгу, гдѣ ихъ и травятъ товарищи этой насмѣшкой. Наступающіе холода на измызганную за-лѣто, въ ходьбѣ по лѣсамъ, казенную одежду, незнаніе дороги, пріемовъ и правилъ бродяжьяго дѣла—все это такихъ мелкихъ бродягъ, безъ всякаго участія и усердія со стороны полицейскихъ начальствъ, сгоняетъ на каторгу. Такіе бродяги съ первыми осенними морозами являются въ ближайшій городъ и на судъ съ повинной головой, съ покорными руками и ногами. Похожденія таковыхъ немногосложны.

Бѣгутъ они, при первой открывшейся возможности, на угадъ, куда глаза глядятъ, бѣгутъ обыкновенно шайкой въ томъ предположеніи, что на людяхъ и смерть красна. Если бѣгутъ безъ вожака, то стало быть путаются, наталкиваются на множество случайностей и, въ большей части случаевъ, не выдерживаютъ — попадаются. Вотъ что разсказывалъ одинъ изъ таковыхъ:

«Бѣжали мы, втроемъ, съ «хвостовъ» на Среднемъ промыслѣ. Ходили цѣлую ночь и прошли ка-быть много.

— Верстъ—молъ, братцы, десятка два будетъ?

— Будетъ—слышь.

Стало свѣтать, а мы въ пади какой-то.

— Идемъ-молъ, товарищи, куда насъ падь эта поведетъ.

— Валяй!—говорятъ—перекрестившись!

Шли-шли падью: селенье какое-то передъ собой увидали,—испужалися.

— Не назадъ ли товарищи?

— Чего назадъ? гляди все впередъ, затѣмъ вѣдь и ушли. Разбирай: какое жилье!

Поднялся я на гору, глядѣлъ-глядѣлъ:

— Лѣшой-молъ насъ, ребята, водитъ, да и лѣшой-то не нашъ, а казенной, промысловой—знать.

— Чего-де такъ?

— Поглядите-тко: никакъ къ Верхнему промыслу пришли.

Стали разглядывать, примѣты распознавать, такъ и есть: Верхній промыселъ, и тюрьма ихняя, и разрѣзъ тутушной, и пристава домъ увидали.

— Пойдемъ-молъ, ребята, туда: спокаемся, а тамъ поживемъ, повыспросимъ, дороги узнаемъ. А что-то, молъ, мы и бродяжить-то не умѣемъ: не рука знать!

Стали мы толковать; стали промежъ себя спорить. И ночи-то жаль терять за-напрасно, и тюрьму-то мы видимъ впереди подъ горой и разрѣзъ: жолоба по рѣчкѣ-то, по Карѣ-то этой, обозначились. Чортъ-молъ съ вами, а теперь у насъ день; пойдемъ лѣсомъ. Бери лѣвѣй!—ворочать не станемъ.

Такъ и рѣшили, а пошли опять наугадъ, пошли лѣвѣй да и взяли прямо. И шли мы ещо день. Ночью спали. На пятые сутки животъ тосковать началъ. Сказалъ я объ этомъ товарищамъ.

— И у насъ, слышь, тоскуетъ.

— Да по комъ?

— Не по артельномъ же, слышь, хлѣбѣ; а надо полагать: захотѣло брюхо получше чего,—надо быть горячаго.

— Ягоды бы ему дать хорошо: неспѣсиво оно! (шутимъ это).

— А гдѣ се возьмешь, ягоду-ту эту? Лѣса стоятъ все какіе-то не такіе. Кочки между деревьями-то да трясины, и густымъ-прегустымъ мохомъ затянуло все: идешь словно по перинѣ, а ягодъ нѣту. А брюхо-то съ голодухи такъ и выворачиваетъ словно рукавицу.

Станемъ себя утѣшать, разговаривать, а оно, брюхо-то, нѣтъ-

нѣтъ да и завостъ: ровно въ немъ на колесахъ ѣздятъ. Тошно ему стало: голосъ подаетъ.

Идемъ впередъ. Заборъ увидали. Стали оглядываться: нѣтъ ли жилья какого? Слышимъ, одинъ товарищъ заревѣлъ, заревѣлъ: словно съ него, живого, лыки драли. Мы кинулись, — смотримъ: въ яму какую-то провалился и зѣваетъ по-медвѣжьему. Вынули мы его.

Другой товарищъ смекнулъ:

— Это-де, братцы, для козуль настораживаютъ. Вонъ, въ воротахъ-то бревно на волоскахъ повѣсили. Чуть упадетъ, то и раздавитъ. Много-слышь нашего брата, не вѣдая, этакъ жизнь свою кончали. Хорошо еще, что товарищъ въ яму попалъ, а не въ ворота прошолъ.

Перелѣзли мы черезъ заплотъ (огородъ) дальше, а въ ворота не пошли. Сталъ намъ товарищъ разсказывать, какъ бревно такъ ловко прилажено, что козуля пролезетъ въ ворота да дотронется только до бревнушка—тутъ и смерть ея. Вышли мы въ поле. Въ полѣ стадо барановъ ходитъ, а при нихъ пастухъ мальчишко. Увидалъ онъ насъ—бросился опрометью прочь отъ насъ. Мы его звать—не слушаетъ. Мы божиться—сталъ подходить. Кричитъ намъ:

— Не убьете?

— Нечѣмъ-молъ, дуракъ экой: смотри, пустые идемъ. Дашь намъ ѣсть—еще денегъ тебѣ дадимъ.

— Я не дамъ: боюся васъ! А подойдите-де, сами возьмите: вонъ подъ кустомъ хлѣбъ лежитъ.

Я пошолъ. Нашолъ тряпичку, развернулъ, хлѣбъ увидалъ, схватилъ его въ обѣ руки: хотѣлъ сожрать его въ три раза, такъ ужь и глазами намѣтилъ, какъ надо и зубы наложилъ, да вспомнилъ товарищей. Такъ у меня словно хлѣбъ-отъ кто оторвалъ отъ рта. А умомъ-то мекаю: не стану-молъ ѣсть, дѣлиться велятъ; зачѣмъ и идемъ-то мы вмѣстѣ, и другой кто такъ не сдѣлаетъ. Думаю это, а ѣсть еще пуще мнѣ тотъ хлѣбъ захотѣлось; запахъ-отъ его слышу, такъ животъ-отъ мой и заворчитъ, и заворочается въ нутрѣ-то. Стало мнѣ на умъ всходить, что не донести мнѣ хлѣба, съѣмъ я его, а тамъ пущай они приколотятъ меня за то. Тутъ то-

варищи-то и закричали, а я стою на томъ-же мѣстѣ, гдѣ хлѣбъ взялъ. Закричали товарищи-то, стало мнѣ другое на умъ приходить: съѣмъ одинъ—сытъ буду; съ товарищами подѣлю—никто сытъ не будетъ, коврига-то малая. Сдумалъ я такъ-то, стиснулъ краюху зубами, зажалъ глаза, духъ забралъ въ себя да ужь и не помню, какъ припустилъ бѣжать. Бѣжалъ я что было силы, во всѣ лопатки. Прибѣжалъ къ товарищамъ: берите-молъ, да и мнѣ оставьте!

Раздѣлили хлѣбъ по ровну: дальше пошли. Опять бредемъ цѣлой день. Къ вечеру деревенька помеледилась.

— Пойдемъ, товарищи, въ крайную избу: будетъ маяться-то намъ.

— Стучись, товарищъ!

Постучались мы—впустили. Мужичокъ, не старый, сидитъ и таково ласково смотритъ на насъ: спрашиваетъ:

— Съ Кары, ребята?

— Съ Кары-молъ, дядюшка.

— Которые сутки не ѣли?

— Пятые сутки крохи не видали.

— Садись (говоритъ), ребята за столъ!

Сѣли. Вынулъ онъ щей изъ печки; налилъ ихъ въ чашку, хлѣба туда накрошилъ, далъ постоять, ложку взялъ: вы-де сами, ребята, не притрагивайтесь, меня слушайте. Зачерпнулъ онъ щей съ хлѣбомъ—мнѣ далъ. Опять зачерпнулъ ложку — товарищу поднесъ, и такъ всѣхъ одѣлилъ по одной и по другой. Мы еще попросили — не далъ. Отошолъ отъ стола и чашку со щами спряталъ. Спрашиваетъ:

— Вы, ребята, однако впервые надо быть?

— Что-молъ такое въ первые?

— Бѣжите-то?

— Не случалось-молъ ни разу о сю-пору: впервые бѣжимъ.

Усмѣхнулся.

— Однако ложитесь (говоритъ) спать теперь. Дамъ я вамъ ещо этихъ щей—разорветъ брюхо, помрете. Много-де ко мнѣ заходило вашего брата. Я это дѣло знаю, какъ поступать.

Уложилъ онъ насъ спать въ подъизбицѣ. Спали мы крѣпко; какъ легли, такъ и заснули, и на умъ не пришло поопаситься. Да и то думать надо: намъ на ту пору все равно было, что стариковы щи хлѣбать, что заводскую березовую кашу; чортъ побери все. Однако проснулись на волѣ. Старикъ опять щей вынесъ; по три ложки намъ далъ и тѣ не вдругъ, а въ очередь. Опять насъ спать уложилъ. Поднялись мы опять,—онъ насъ накормилъ до-сыта и на дорогу далъ намъ хлѣба и совѣтъ:

— Ступайте вотъ теперь прямо! На пути вамъ будетъ распадокъ; дорога пойдетъ прямо въ него — не ходите: тутъ казаки ловятъ. Берите лучше въ правую падь. Тамъ далеко есть заимка; въ ней казакъ живетъ. Хлѣба не сѣетъ: хлѣбъ не растетъ, бѣлкуетъ: ходитъ съ ружьемъ за бѣлкой, за козулей ходитъ, пасти поѣдныя и огородныя ставитъ. Казакъ этотъ охотно нанимаетъ вашего брата, варнака, въ работу да плотится за послугу свинцомъ. Такъ вы это помните и на носу зарубите!

Послушались мы приказу: въ лѣвую падь не ходили, пошли въ правую и въ заимку постучались, силушки нашей не хватило; ѣсть стало нечего, весь хлѣбъ вышелъ, а днемъ спали, по ночамъ шли. Да можетъ-молъ старикъ по насерду на этого казака сказывалъ. Зашли. Казакъ ласковый такой, встрѣтилъ, угощаетъ, суетится:

— Сейчасъ же, на ваше счастье, козулю убилъ: ѣшьте!

Покормилъ онъ насъ, сговаривать сталъ:

— Оставайтесь: кормить васъ буду, вы только работайте, и работа-то легкая. А спрячу-де васъ такъ, что никакой сыщикъ не доберется. Бывалое дѣло!

Говоритъ — улещаетъ, все норовитъ, какъ бы за самое сердце наше ухватить, да мы помнимъ стариковъ наказъ — на соблазнъ сдаваться не хотѣли. Проспали мы ночь. Поутру рано ушли такъ, что онъ и не примѣтилъ; спалъ ещо. Подъ вечеръ смотримъ: догоняетъ онъ насъ верхомъ на лошади, и винтовка у него за спиной торчитъ. Сталъ подъѣзжать, винтовку на руку взялъ, стрѣлять захотѣлъ: прицѣливается. Бросились мы со всѣхъ ногъ на него, всѣ трое. Одинъ сгребъ его сзади, оборвалъ ремень и винтовку отнялъ.

Поднялъ онъ коня на дыбы,—ускакалъ. Въ сумерки опять догоняетъ и винтовка въ рукахъ у него другая. Кричитъ намъ издали:

— Отдайте винтовку мою!

— Не подходи! отвѣчаемъ. Мы сами въ тебя палить станемъ, убьемъ.

Толковалъ онъ съ нами долго; а винтовки мы ему все-таки не отдали. Онъ повернулъ коня назадъ, а намъ вслѣдъ пригрозилъ:

— Такъ ли, не такъ ли, а вашу-де вину и свою обиду на другихъ варнакахъ вымещу.

Съ тѣмъ онъ и уѣхалъ. Въ одной нади мы на народъ наткнулись; опознались: бѣглые съ Петровскаго завода сказались. Сговорились мы идти всѣ вмѣстѣ: стало насъ 12 человѣкъ; веселѣй ка-быть стало и страху не въ примѣръ меньше. Разложили мы огонь, теплину сдѣлали; товарищи ушли въ лѣсъ поискать ягоды, либо кедровыхъ орѣховъ, а то есть курчаватая такая сарана—корень ея больно сладокъ: ѣдимъ мы ее и сыты бываемъ. На нее намъ въ тюрьмѣ бывальцы указывали: ищите-де ее и ѣшьте, не бойтесь! Я остался у огня, а на огонь медвѣдь вышелъ. И ружье есть, да пороху нема. Цѣлился я въ него—не испужалъ, а на меня же полѣзъ. Началъ я бѣгать кругомъ огня: на огонь-отъ не полѣзъ; тоже и самъ сталъ ходить за мной, и все наровилъ лапой сгрести меня. Однако, усталъ медвѣдь — въ лѣсъ ушолъ. Товарищи вернулись,—пошли мы дальше. Опять огонь разложили; смотримъ, опять надо быть тотъ же медвѣдь къ намъ изъ лѣсу вышелъ и цѣлое дерево въ охапкѣ несетъ. Мы за большое дерево тутъ подлѣ спрятались, а кто и на самое дерево влѣзъ. Подошолъ онъ къ огню, хватилъ изо всей медвѣжьей силы: погасить хотѣлъ, да только искры по сторонамъ полетѣли, да головешка больно высоко подпрыгнула. Осердился онъ, сталъ огонь загребать лапами и такъ-то старался! Тутъ одинъ товарищъ догадался: подошолъ къ немъ сзади, да такъ-то хватилъ его по заднимъ ногамъ толстой палкой-что онъ ажъ-показалъ намъ какъ салазки умѣетъ дѣлать: даромъ что былъ не ученый и съ татарами въ Расеѣ на цѣпи не хаживалъ. Полежалъ это онъ, поревѣлъ, да и надумалъ хорошее дѣло черезъ голову кувыркаться: — ушолъ, значитъ. На третьи сутки опять онъ

брелъ за нами слѣдомъ, на четвертые — опять пужалъ, на пятые, какъ отсталъ, такъ ужъ больше и не показывался *).

На шестые сутки попали мы на казаковъ.

— Это вы-де, сказываютъ, въ нашей деревнѣ казака убили?!

Схватили насъ казаки — и представили!»

Въ разсказѣ этомъ, имѣющемъ поразительное сходство со всѣми другими, для насъ яснѣе другихъ, важнѣе прочихъ одна подробность: это—именно готовность Сибирскихъ крестьянъ принимать и обогрѣвать ссыльныхъ. Въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ столько же и чувство состраданія къ голому и голодному искателю приключеній—чувство, завѣщанное отцами, закрѣпленное ихъ примѣромъ и поваженное дол-

---

*) На тему встрѣчъ съ медвѣдемъ вотъ ещо одинъ разсказъ бѣглаго:

— Идемъ, отдавшись на волю Божію. Иной разъ, кромѣ зайцовъ, рѣдко кто изъ живыхъ встрѣчается; а ингодь нашъ братъ и на медвѣдя напарывается. Мнѣ разъ встрѣтился: было ружье у меня. Надо бы его поставить на сошку, да стрѣлять ему въ сердце, такъ зарядъ-отъ у меня былъ бѣличей. Выстрѣлъ разсердилъ только. Да дерево мнѣ на боку подвернулось — спрятался. Сталъ онъ меня ловить, а я успѣлъ изъ-за пояса топоръ выхватить: хотѣлъ рубить по лапамъ, да онъ всякой разъ сдогадается и отобьетъ топоръ. Попятился разъ, сгребъ въ лапы пень, положилъ его къ дереву, притащилъ другую корягу, третью, четвертую и опять полѣзъ на меня. Разсудилъ лѣсное чудище, что пни помѣшаютъ мнѣ бѣгать. Да и я не у него учился: черезъ пни прыгалъ, да успѣвалъ и отталкивать, временемъ тѣмъ, изъ-подъ ногъ своихъ. Свечерѣло: медвѣдь уходился, да и я весь въ мылѣ. Стали мы отдыхать оба. Онъ отошолъ и легъ на землю: голову положилъ на пень, глаза навелъ на меня. Онъ лежитъ, да и я стою, не шевелюсь, думаю: шевельнись я—и онъ вскочитъ. Легонечко, пріемовъ надо быть въ 20, такъ и этакъ крадучись отъ звѣря, успѣлъ я зарядить ружье; наступила ночь и темно стало. Зарядилъ я ружье. Востокъ закраснѣлъ, а тамъ и разсвѣло, и медвѣжьи глаза не такъ стали страшны. Успѣлъ я поставить ружье на сошку и не снимался съ мѣста, чтобы не огорчить его. Тихимъ манеромъ, ему не въ примѣту, сталъ я наклоняться къ прикладу, а глазъ съ него не свожу. Такъ вотъ поѣдомъ и ѣдимъ другъ дружку буркалками-то своими. Обманулъ я его, выстрѣлилъ. Онъ словно угорѣлый, метнулся на меня, хватился о дерево такъ, что то застонало даже. Растянулся. Я опять зарядилъ всѣмъ зарядомъ, что было его у меня: смекаю то, что опять, хитрый человѣкъ, обманывать меня выдумалъ, мертвымъ прикинулся. Я рѣзнулъ по немъ полнымъ зарядомъ въ другой разъ, да онъ ужъ и не сказывался. А я дальше пошолъ...

гимъ опытомъ, сколько и экономическія причины и условія сибирскаго быта, передъ которыми безсильны и ничтожны всякія угрозы и страхи быть на судѣ и въ отвѣтѣ за укрывательство бѣглыхъ, за *пристанодержательство*, *передержательство*. Сибирскій хозяинъ изъ крестьянъ и казаковъ всегда затрудненъ и всегда сильно нуждается въ работникѣ, которыхъ особенно мало въ Забайкальѣ, обездоленномъ тремя тягами: привлеченіемъ большого числа рабочихъ на Амуръ на казенныя работы, наймами ихъ на частные (витимскіе и чикойскіе) золотые промыслы, а въ тоже время и въ извозъ подъ чаи, ходившіе въ огромномъ количествѣ изъ Кяхты. Между тѣмъ, бѣглый, съ самыхъ давнихъ временъ, очень дешовый рабочій: за одни харчи, изъ-за одного хлѣба, онъ готовъ работать все лѣто и на страдѣ въ лугахъ, и на пожняхъ въ поляхъ. Входя въ экономическія сдѣлки, становясь въ условія кругового обязательства, оба (и наемщикъ и батракъ) остаются въ одинаковой отвѣтственности и передъ судомъ и закономъ, и передъ личною собственностью. Обычай этотъ такъ простъ и долговѣченъ, что держатся его съ самаго начала заселенія Сибири ссыльными и не только обыватели ближнихъ къ каторгамъ мѣстъ, но и дальные жители Западной Сибири, Урала и проч. Случаи мести, затѣваемой бродягами по временамъ, и вынуждаемой отказомъ въ гостепріимствѣ, въ видѣ подпуска краснаго пѣтуха (т. е. пожара), держатъ этотъ обычай на стòрожѣ и во всегдашной готовности облекаться въ фактъ. Факты же эти до такой степени общи и часты, что ими преисполнены разсказы самихъ бѣглыхъ и всѣ оффиціальныя бумаги архивовъ. Отработывая у наемщиковъ урочное время, бродяги идутъ себѣ дальше пытать счастія, искать новыхъ приключеній, и большинство изъ нихъ съ голодухи скорѣе ограбятъ какой-нибудь казенный транспортъ (почту, напр.), чѣмъ вскинутся на чемоданъ проѣзжаго. Сибирскія дороги отличаются безопасностью въ сравненіи со всѣми русскими дорогами, хотя могли бы и имѣютъ право отличаться противоположнымъ свойствомъ. Отбиваются бродяги и совершаютъ убійства только въ такомъ крайномъ случаѣ, когда встрѣчаютъ вооруженное нападеніе, озлобленность и жестокость со стороны нападающихъ. Предательство вызываетъ месть, и месть эта является тѣмъ жесточе и немилостивѣе, чѣмъ преступнѣе и испор-

ченіе сердца бродягъ. Случаи такого рода, повторяемъ, рѣдки. Голодъ тутъ играетъ немаловажную роль, и бродяга собственно въ сибирскихъ странахъ — мирный путникъ, не рѣшающійся никого обидѣть, изъ боязни самому быть обиженнымъ.

У нѣкоторыхъ страсть къ бродяжеству принимаетъ форму какого-то особаго рода помѣшательства, со всѣми признаками настоящей серьезной болѣзни, которая требуетъ радикальныхъ средствъ, мучитъ и преслѣдуетъ больного, какъ какая-нибудь перемежающаяся лихорадка, имѣя форму болѣзни періодической. Въ Петровскомъ заводѣ имѣлся одинъ изъ такихъ, извѣстный всѣмъ содержавшимся тамъ государственнымъ преступникамъ и памятный многимъ до сихъ еще поръ. Привычка шататься развилась въ немъ въ такую болѣзнь, что съ каждой весной онъ начиналъ непремѣнно испытывать ея тяжолые, упорные припадки. Онъ начиналъ всѣхъ бояться, дѣлался задумчивымъ, молчаливымъ, равнодушнымъ ко всему, его окружающему; старался уходить куда-нибудь въ уголъ, прятался въ укромныя и темныя мѣста. На работахъ онъ испытывалъ тоску, которая доводила его до истерическихъ слезъ. Слезы эти и тоска разрѣшались обыкновенно тѣмъ, что онъ улучалъ-таки время—и убѣгалъ. Больной пропадалъ обыкновенно все лѣто; къ осени появлялся въ заводъ оборваннымъ, исхудалымъ, но веселымъ. Лицо его было исцарапано, руки и ноги въ синякахъ и въ занозахъ: знакъ, что больной гулялъ не просто, не жилъ въ наймахъ по заимкамъ (иначе принесъ бы мозоли), но, совершая свои экскурсіи, прятался отъ людского глаза въ лѣсныхъ чащахъ. Въ послѣднемъ онъ даже подсмотрѣнъ былъ товарищами, вѣрившими, что все его удовольствіе, самое главное наслажденіе состояло въ томъ, чтобы во все лѣто не видать никого, и вся забота хлопотливо направлена была къ тому, чтобы хоронить свои слѣды отъ всякого. Отшельникъ этотъ на все лѣтнее время отвыкалъ отъ хлѣба и легко примирялся съ дикою пищею, употреблялъ ягоды (бруснику, малину и боярку) и разные коренья и травы (черемшу, сарану, мангирь и бѣлый корень, называемый козьимъ звѣробоемъ). Приходя отъ травъ въ крайное безсиліе, онъ изрѣдка приближался къ селеніямъ или на страды и воровалъ хлѣбъ, очень рѣдко выпрашивалъ его и довольствовался имъ только какъ лакомствомъ.

Возвращаясь съ прогулокъ въ заводъ по доброй волѣ, принужденный лишь наступающими крѣпкими осенними холодами, противъ которыхъ не могла устаивать его оборванная, измызганная одежда — отшельникъ все-таки по положенію получалъ наказаніе розгами. Наказаніе это онъ не вмѣнялъ ни во что, и для болѣзни своей не считалъ его ни за хирургическое, ни за терапевтическое средство. Затѣмъ онъ всю осень и зиму весело жилъ на работахъ; работалъ за двоихъ послушливо и безпрекословно, такъ что всѣхъ приводилъ въ удивленіе, но трудился такимъ образомъ только до весны, до кукушки. Но лишь только снова начинала она свою завѣтную, немудреную пѣсню, арестантъ начиналъ испытывать прежніе припадки, столько же мучительные и невыносимые. Шесть лѣтъ ходилъ онъ такимъ образомъ въ лѣсъ и пріучилъ тюремное начальство смотрѣть на его дѣла сквозъ пальцы, снисходительно. На седьмую весну пришолъ отшельникъ къ смотрителю, упалъ ему въ ноги, — и проситъ:

— Ваше благородье! Кукушка кукуетъ—уйду. Слышать не могу, соблазняетъ: уйду. Либо прикажите связать, либо на цѣпь къ стѣнкѣ приковать и лису наложить, либо сдѣлайте что хотите. Не въ терпежъ мнѣ это дѣло стало: я что нибудь самъ надъ собой сдѣлаю.

Сердобольный смотритель послушался: посадилъ его на цѣпь, предварительно, уже для личнаго удовольствія, задавши ему впередъ все то количество розогъ, которое ежегодно слѣдовало ему осенью, по возвращеніи изъ отшельничества послѣ созерцательной жизни.

Просидѣлъ арестантъ время припадковъ на цѣпи: осень и зиму прожилъ на свободѣ и не бѣгалъ, а также вмѣстѣ со всѣми работалъ. На слѣдующую весну онъ опять пришолъ къ смотрителю съ той же мольбой, а на третій годъ ужъ не являлся къ нему и въ лѣсъ не бѣгалъ.

Но вотъ примѣръ особаго вида:

Въ 1808 году, въ Удинской округъ присланъ былъ на поселеніе, за бродяжество, изъ Екатеринбурга старообрядецъ Гурій Васильевъ. Весной 1815 года онъ, съ двумя товарищами старообрядцами, бѣжалъ на Амуръ съ намѣреніемъ основать скитъ, и для этого поселился близъ Албазина въ пещерѣ около устья р. Урсы. Зиму съ 1815 на 1816 годъ они провели здѣсь, но весной ихъ схватили манчжуры

и привели къ начальству въ Айгунъ. Здѣсь манчжуры предлагали имъ обрить бороду и принять подданство, какъ-де сдѣлали это многіе изъ бѣглыхъ русскихъ, проживающихъ въ Китаѣ *). Старовѣры не согласились. Манчжуры, во исполненіе трактата, черезъ Цицикаръ и Хайларъ представили ихъ на нашу границу въ Цурутухайтъ. Отсюда пригнали ихъ на старое мѣсто жительства въ Удинской округъ. Гурій Васильевъ не выдержалъ, и по привычкѣ къ уединенной жизни, въ 1818 году бѣжалъ снова на Амуръ и, пойманный лѣтомъ слѣдующаго года, тѣми же путями и средствами, выданъ былъ тамъ же. Его на этотъ разъ наказали плетьми и назначили на каторжныя работы въ Нерчинскомъ Большомъ заводѣ. Въ 1822 году Гурій Васильевъ снова получилъ возможность бѣжать и пробрался опять на Амуръ и снова въ ту же пещеру на р. Урсѣ. Здѣсь, питаясь кореньями, дичью и рыбою, жилъ до слѣдующей весны (1823 г.), но, боясь старой исторіи, на маленькой лодкѣ изъ береста, рѣшился спуститься внизъ по Амуру. Не проплылъ онъ и ста верстъ по теченію, какъ снова былъ схваченъ манчжурами и увезенъ въ Айгунъ. На этотъ разъ манчжурскія власти въ Россію его не отправили, но, отдавши подъ присмотръ, отпустили жить въ городѣ на волѣ, вмѣнивъ ему въ обязанность обученіе манчжурскихъ мальчиковъ русскому языку. За это кормили его и одѣвали и вообще содержали въ довольствѣ. Въ 1826

---

*) Бродяжьи пути не имѣютъ конца; дороги ихъ не пересѣкаютъ никакія препятствія: кяхтинскій мѣщанинъ Карпъ Патюковъ, наказанный кнутомъ и сосланный, пришолъ на родину изъ Охотскаго порта, не смотря на то, что путь ему лежалъ уже по настоящимъ строгимъ пустынямъ. Путь на Амуръ въ бродяжьей практикѣ издавна былъ дѣломъ обычнымъ, и Гурій Васильевъ съ товарищами — не первый и не послѣдній странникъ на востокъ, совсѣмъ въ противоположную сторону отъ обычной россійской дороги бродягъ. Якобію, собиравшему свѣдѣнія объ Амурѣ, въ началѣ нынѣшнаго столѣтія, бѣглые могли дать самыя точныя свѣдѣнія: «Плыли на Амуръ отъ Горбицы 15 лѣтнихъ ночей, а днемъ лежали въ закрытыхъ мѣстахъ. Пойманы китайцами въ виду отъ устья; по поимкѣ ведены были многими селеніями до городовъ Цицигара и Мергеня, лежащихъ въ сторону отъ Амура; а отъ онаго поворотися къ востоку между полуденнымъ кочевьемъ мунгалъ до Калара ровными и гладкими мѣстами; изъ Калара же выданы на Цурухайтѣ. Въ дорогѣ были 10 дней, по ночамъ стояли», и проч.

году онъ, по распоряженію айгунскихъ властей, отправленъ былъ, вмѣстѣ съ другими, внизъ по теченію Амура на рыбную ловлю. Жестокое обращеніе съ нимъ приставниковъ заставило его бѣжать на маленькой лодкѣ (вѣткѣ) внизъ по Амуру. «Пройдя сліяніе рѣки Сунгари съ Амуромъ (показывалъ Гурій), я былъ внѣ всякой опасности, ибо народъ янты (гольды), обитающій по Амуру, уже не зависитъ отъ манчжуръ и китайцовъ. Продолжая путь свой далѣе по Амуру, съ помощію туземцовъ, къ осени достигъ земли гиляковъ, гдѣ остановился на зимовку». Отъ гиляковъ Гурій узналъ, что къ сѣверу отъ Амура живутъ тунгусы, а потому, весною 1827 года, вышелъ онъ изъ рѣки, на гиляцкой лодкѣ, въ Охотское море. Слѣдуя вдоль берега и, не доходя 30 верстъ до устья рѣки Тугура, остановился у тунгусовъ на зимовку, и вмѣстѣ съ ними, къ веснѣ 1828 года, прибылъ въ Удской острогъ *).

Таковы мирные пути и короткія дороги бродягъ; такова кроткая сторона ихъ замысловъ, направленныхъ къ освобожденію себя отъ работъ ради отдыха и въ виду мало-выясненныхъ цѣлей **). Но не

---

*) На этихъ показаніяхъ Гурія Васильева генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Лавинскій — какъ извѣстно — основывалъ свои виды на пріобрѣтеніе рѣки Амура ещо въ 1822 году, т. е. за 20 лѣтъ до гр. Муравьева. На проектъ и представленіе его—разрѣшенія изъ Петербурга не послѣдовало. Министръ финансовъ, въ 1833 году, отвѣчалъ: «Мнѣ кажется, что всякое предпріятіе плавать по р. Амуру безполезно, и въ отношеніи подозрительности китайцовъ опасно, поелику мы не имѣемъ ни силы, ни намѣренія обладать тѣмъ краемъ, а безъ обладанія имъ нельзя думать о судоходствѣ и о торговлѣ, а потому безъ этого и не слѣдуетъ что-либо затѣвать». Вообще показанія бѣглыхъ, побывавшихъ за китайской границей во многомъ послужили къ объясненію Амура и другихъ странъ, сосѣднихъ Забайкалью. Такъ въ 1806 г. Д'Овре изъ посольства Головнина пользовался на Кличкинскомъ рудникѣ свѣденіями отъ бродягъ Дунаевскаго и Прусакова, бывшихъ за границей.

**) Нѣкоторымъ охотникамъ пошататься на волѣ безъ дальныхъ цѣлей удавалось сходить въ бѣга (судя по офиціальнымъ бумагамъ) разъ по восьми; другимъ счастливило одиннадцатью разами, а за нѣкоторыми, но въ крайныхъ исключительныхъ случаяхъ, заводское начальство считало (самое впрочемъ большое) восьмнадцать прогулокъ. Служители больше шести разъ не бѣгали и дольше двухъ мѣсяцовъ въ бѣгахъ не отдыхали.

такова другая, къ которой мы, въ свою очередь, должны подойти, памятуя, что въ бродягахъ для насъ ясно видится особый видъ, первая и главная категорія бывалыхъ: тѣхъ, которыхъ прозвалъ сибирскій народъ варнаками и чалдонами. За такими бродягами существуютъ поиски, имѣлись когда-то особыя команды: противъ нихъ сильно озлобленъ народъ, живущій на Харинской степи и около, извѣстный у сибиряковъ подъ именемъ братскихъ, а вообще — подъ названіемъ бурятъ. Народъ этотъ еще не перешолъ отъ степной жизни къ мирнымъ осѣдлымъ занятіямъ, еще не выработалъ въ себѣ кроткихъ нравовъ землепашца.

Во имя этихъ и другихъ причинъ подробности побѣговъ съ каторги принимаютъ иной характеръ, въ которомъ нѣтъ уже свѣтлыхъ сторонъ, и краски картины становятся рѣзче и ярче. Роли измѣняются: съ одной стороны видимъ ожесточонныхъ преслѣдователей, съ другой — кровавыхъ мстителей за обиду и преслѣдованія. Бурятъ становится олицетворенною карою, какъ бы орудіемъ невѣдомаго ему карающаго закона. Бродяга становится *варнакомъ*, *чалдономъ*.

Почти сто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ буряты перешли изъ монгольскихъ степей на русскую сторону и перемѣнили имъ только названіе (изъ бурятъ въ братскихъ), но въ сущности они сами остались тѣми же, какими были. Дикая жизнь въ степи съумѣла задержать въ нихъ въ первобытномъ нетронутомъ видѣ все то, чѣмъ пахнула на ихъ отцовъ дичъ Гоби или Шамо. Харинская и другія степи не выгнали этого вонъ, а еще можетъ быть подбавили имъ звѣринаго духа. Во всякомъ случаѣ это вѣрно по отношенію къ предмету, насъ занимающему: бродяги шатаньемъ, воровствомъ и грабежами своими бурятъ раздражаютъ; къ тому же побѣги бродягъ обязали бурятъ новымъ родомъ службы, требующей и труда и отвѣта.

Съ мѣстъ своей родины буряты принесли, между многими характерными племенными чертами, два зоркихъ маленькихъ глаза, которые хотя не глубоко помѣстились подъ узенькимъ бритымъ лбомъ и спрятались въ одутлово-толстыхъ и скуластыхъ щекахъ, но видятъ такъ далеко и хорошо, что ни одинъ зарядъ изъ винтовки не бьетъ мимо и не пропадаетъ даромъ. На винтовкѣ теперь, какъ на лукахъ нѣкогда (и не такъ еще давно) у бурята все мастерство и досужество;

на выстрѣлахъ изъ нея вся надежда насущнаго пропитанія; а степнякъ голъ да и привыкъ брать добычу тамъ, гдѣ она подвертывается, не разбирая средствъ и не загадывая о послѣдствіяхъ. Для замысловатыхъ измышленій и мудреныхъ отвлеченій въ кочевьяхъ плохая наука, да и степь — не городское поприще. Чтобы жить — надо ѣсть, чтобы кормить себя и своихъ—надо промышлять, и если нѣтъ ничего въ запасѣ, какъ и бываетъ у бурятъ нѣкоторыхъ родовъ, кромѣ зоркаго глаза, то винтовка и пуля—самые лучшіе и важные друзья и пособники. Чтобы ѣсть и кормить—надо бить козулю и птицу. Чтобы одѣться въ пестрой халатъ и прикрыть бритую голову китайской шапкой съ красной кистью—надо стрѣлять соболей, бѣлокъ и лисицъ, а если доведется случай, глазъ на глазъ, въ глухомъ мѣстѣ, безъ свидѣтелей русскихъ, встрѣтить бѣглаго, то можно и его подстрѣлить. «Худенькой бѣглой лучше доброй козы» — давно уже выговорилъ братскій человѣкъ, и эта поговорка его отшибаетъ въ переводѣ такимъ дико-практическимъ смысломъ: «съ козули снимешь одну шкуру, а съ бѣглаго двѣ или три» (т. е. полушубокъ, азямъ и рубаху).

Все это въ Сибири и въ Забайкалѣ давно извѣстно, а самимъ бродягамъ ещо и съ подробностями. Густыя бурятскія кочевья бродяги стараются обходить, а за Байкаломъ потому а спѣшатъ запастись провизіей, что общая варнацкая дорога идетъ сначала по необитаемымъ мѣстамъ. Такими-то мѣстами вблизи карійскихъ промысловъ идетъ она гораздо сѣвернѣе почтоваго тракта прямо на село Торгинское (Торгу) и отъ него хребтами на Читу. Изъ окрестностей Читы бѣглые идутъ на Витимъ и Баргузинъ, но чаще на югъ въ окрестности Петровскаго завода. Окрестности Петровскаго завода и даже самый заводъ считался у бродягъ любимымъ мѣстомъ отдохновенія. Архивныя дѣла завода даютъ много доказательствъ тому, что въ кабакахъ и притонахъ его попадались бѣглые съ нерчинскихъ заводовъ и изъ тюремъ карійскихъ. Въ окрестностяхъ его бѣглецы находили друзей въ бурятскихъ ламахъ, въ семейскихъ раскольникахъ. Около послѣднихъ селеній извѣстенъ былъ даже, на Мукыртѣ, кедровникъ (кедровый лѣсъ)—любимый притонъ всѣхъ бѣглыхъ изъ Петровска-

го и другихъ нерчинскихъ заводовъ. Этотъ Мукыртъ въ показаніяхъ ссыльныхъ играетъ частую роль.

Рѣка Хилóкъ выводитъ бѣглыхъ къ устью своему, т. е. на рѣку Чикой, которая въ свою очередь направляетъ глухую бродяжью дорогу на собственное устье или на такъ-называемую стрѣлку, т. е. на рѣку Селенгу *). Дѣлая такой крюкъ, ради бурятъ и собственной безопасности, бродяги попадаютъ такимъ образомъ къ тому же Байкалу и направляются на Тунку, чтобы обойти его. Иногда они рискуютъ переплывать на краденыхъ, забытыхъ рыбаками лодкахъ чрезъ Байкалъ и входятъ въ истóкъ Ангары. Къ Иркутску они подтягиваются довольно близко и дальше за нимъ, по тайговымъ лѣсамъ Иркутской губерніи, придерживаются вблизи почтоваго тракта. На немъ мы ихъ пока и оставимъ,

Опытный бывалецъ ещо раньше освобождаетъ свои ноги отъ «ножныхъ браслетъ», предварительно разбивая кандалы камнемъ или желѣзнымъ заводскимъ ломомъ, а чтобы скрыть отъ надзирателей разбитыя мѣста, заливаютъ ихъ на время свинцомъ. Особенно наичаще поступаютъ такъ варнаки на Петровскомъ желѣзодѣлательномъ заводѣ, гдѣ все нужное подъ руками (и огонь и заливка). Кандалы бросаются въ первомъ же лѣсу подъ кустомъ: въ первомъ же сопутномъ селеніи бродяга является уже правымъ и чистымъ. Опытный приходитъ по большей части къ знакомымъ крестьянамъ, съ которыми раньше успѣлъ свести дружбу, или идетъ по рекомендаціи и указанію болѣе опытнаго бывальца. До Харинской степи онъ почти безопасенъ и не боится за себя, если «маршлутъ» его полонъ, т. е.

---

*) Бѣглые каторжные изъ Кутомарскаго завода обыкновенно ходятъ привычнымъ путемъ на р. Унду и бредутъ по Онону на тотъ же Чикой, гдѣ отдыхаютъ или направляются дальше на Семейскихъ, Тарабогатайскую волость, сказываясь у раскольниковъ то поселенцами, то пропитанными. Вообще у бѣглыхъ всегда имѣется одно безопасное мѣсто—притонъ для отдыха; таковымъ, кромѣ Мукырта съ кедровникомъ, считалась нѣкогда рѣка Хилокъ. При этомъ разсказываютъ, что когда разъ бѣжало съ завода двое и для поимки ихъ отправили туда бурятъ,—буряты забрали тамъ 15 человѣкъ разныхъ варнаковъ и, приведя ихъ связанными, говорили: «вотъ бачька, начальникъ, пятнадцать голова за два голова».

въ буракѣ (или, по сибирски, въ туезѣ) имѣется провизія, заготовляемая его личною предусмотрительностью. На крайной случай и лѣсъ предлагаетъ свои благодати: кромѣ пастей съ козулями и силковъ съ птицами, каковыя могутъ быть только случайнымъ пріобрѣтеніемъ, лѣсная растительность все лѣто къ ихъ бродяжьимъ услугамъ; изъ грибовъ: рыжики, бѣлые грибы, боровики, масляники, которые такъ удобно печь, и такъ пріятно ѣсть съ солью. Сухіе грузди (по-сибирски), сыроѣжки (по-русски) растутъ большею частію въ березникахъ, ѣдятъ ихъ охотно сырыми, по сибирскому обыкновенію. Въ низкихъ мѣстахъ умѣлый глазъ всегда различитъ въ другой травѣ малиноваго цвѣта перо, длиною около полуаршина, съ половины расширяющееся въ зеленый полосатый листъ, шириною въ вершокъ: это—достославная по всей Азіи черемша (дикій чеснокъ—allium ursinum). Сибиряки ее солятъ и квасятъ и въ избыткѣ заготовляютъ въ прокъ, какъ лекарство, излечивающее цынгу и предохраняющее отъ дальнѣйшаго зараженія; бродяги ѣдятъ ее въ сыромъ видѣ съ тѣмъ же очень пріятнымъ ощущеніемъ въ собственномъ вкусѣ, но съ отвратительнымъ впечатлѣніемъ на обоняніе тѣхъ, кто не вкусилъ ея *).

Кромѣ черемши сибирскіе лѣса предлагаютъ бродягамъ и другія съѣдобныя благодати, для отысканія которыхъ выучиваются пріемамъ еще въ тюрьмахъ, гдѣ таковыя свѣдѣнія сообщаются охотливо и даромъ, и каторжные нужныя имъ ботаническія свѣдѣнія пріобрѣли долгимъ путемъ опыта и послѣ многихъ злоключеній **).

---

*) Ягоды черемша (prunus padus) темныя съ большими косточками и терпкія—спеціальное средство для сибирскихъ приправъ. Черемша дозрѣваетъ въ августѣ, но вообще въ сентябрѣ набирается сладости. Сладость эта утрачивается во время приготовленія для пироговъ, когда ягоду толкутъ вмѣстѣ съ косточками; на зиму сушатъ. Сборъ черемши—одна изъ самыхъ оживленныхъ и любимыхъ прогулокъ сибирячекъ; ходятъ за ней всегда большими толпами.

**) Былъ такой случай: одинъ ссыльный, работавшій въ лѣсу, накопалъ кореньевъ и принесъ въ тюрьму Большого Нерчинскаго завода полакомиться, подспорить лѣснымъ злакомъ тюремное варево. Товарищи стали ѣсть, невѣдомый корень показался пряным, возбудилъ сомнѣніе: задумались. Одинъ надоумилъ:

Общеупотребительная и любимая пища бродягъ въ лѣсахъ такъ называемая мунгала (монг. слово), т. е. монгольская жимолость (lonicera mongolica), растущая обыкновенно кустарникомъ при рѣчкахъ, въ падяхъ (долинахъ) и по берегамъ, съ чорными длинными ягодами, у которыхъ мясистый бѣлокъ и стѣнка плодника скорлуповатая; листья имѣютъ непріятный запахъ, кора обладаетъ вяжущимъ свойствомъ. Изъ ягодъ оказываютъ услугу чаще другихъ брусника и боярка-ягода (crataegus oxyacantha) *), тернъ, имѣющій красныя вкусныя и сладкія ягоды. Изъ сладкихъ кореньевъ ищутъ мангирь—родъ дикаго чеснока (allium) и бѣлый корень, называемый также козьимъ звѣробоемъ (hypericum?), растущій на холмахъ и сухихъ мѣстахъ. Въ особенности же и по преимуществу ищутъ бѣглые растенія крупныхъ формъ курчавой пурпуроваго цвѣта сараны, предполагающаго всегда сладкую луковицу мучнистаго свойства, очень пріятную на вкусъ и весьма питательную. Померанцово-красноватое растеніе это устилаетъ горы отъ подошвы до вершины. Шесть листочковъ ея вѣнчика выгибаются какъ бы поля китайской шляпы, а шесть прутиковъ, сидящихъ кругомъ красиваго стебелька, раскидавшись по землѣ, придаютъ ей красивый колеръ. Другіе сорты лиліи,

---

— Не ѣшьте, братцы, не тотъ ли это корень, отъ котораго уже и на Благодатскомъ рудникѣ были худыя послѣдствія.

Бросили. Въ видахъ предостереженія прибѣгли къ обычному тюремному рвотному: стали пить воду съ табакомъ. Товарищи, вновь пришедшіе съ работы и не слыхавшіе предостереженія, наѣлись — и двое изъ нихъ умерли.

*) Боярка—кустовое ягодное дерево, горный кустарникъ изъ рода терновыхъ. Еще Juniperus Sabinea, или казачья можжуха, казачій можжевельникъ. Пользованію подобными растительными корнями русскіе люди въ Сибири выучились у туземцовъ-инородцовъ, въ особенности у Бурятъ. Отъ свободныхъ русскихъ людей знаніе перешло и въ тюрьмы. Бѣглые отъ бурятъ часто пользуются ихъ національными кушаньями, изъ которыхъ наичаще указываютъ пойманные бѣглые на *арцу*. Арца эта есть ни что иное, какъ національное кушанье бурятъ, всегда имѣющееся въ любой юртѣ въ котелкѣ надъ огнемъ: гуща, оставшаяся отъ того молока, изъ котораго выгнали водку. Гуща эта въ видѣ арцы пряжена съ мукой. Коровье молоко, разъ пропущенное сквозъ кубъ, даетъ водку слабую и терпкую; пропущенная два раза похожа бываетъ вкусомъ на картофельную водку.

какъ букеты по ковру, усѣявшіе муравы, въ іюнѣ и іюлѣ украшаютъ онѣ всѣ, болѣе открытыя, долины и горы, взбираясь даже на значительныя высоты и скалы. Таковы: стелющаяся стройная лилія обыкновенной породы Lil. Spectabile (по туземному погодойка), съ нарядными чашевидными цвѣтами, Lil. Hemerocalis flava—волчья сарана лимоннаго цвѣта, которая во множествѣ ростетъ на покатостяхъ. Всѣ эти лиліи здѣсь цвѣтистѣе и плодовитѣе, чѣмъ гдѣ либо въ Европѣ, а въ Алтаѣ онѣ ещо пышнѣе. Сарана или собственно луковица дикихъ лилій (lilium Martagon) составляетъ предметъ постоянныхъ исканій и заботливости полевой мыши-экономa — очень маленькаго животнаго, роющаго подъ лугами ходы съ большими камерами. Мышь-экономъ (avricola oeconomus)—трехъ видовъ: красноватыя или бурыя и сѣрыя; однѣ побольше, другія маленькія, разбиваясь на зиму парами, вдвоемъ успѣваютъ нарыть изъ твердой земли такое количество клубней сараны, что нерѣдко въ трехъ камерахъ гнѣзда находятъ юкагирскія, якутскія и братскія женщины фунтовъ 24—30. Составляя пріятную приправу къ ужину инородцовъ, поспѣваютъ эти клубни на обѣдъ и завтракъ къ варнакамъ, находящимся въ бѣгахъ съ запасомъ знаній ловко отыскивать подземныя постройки запасливой мыши, чтобы воспользоваться добромъ, собраннымъ ея трудами *). Этотъ корень совершенно безопасенъ, и если къ услугамъ бѣглыхъ предлагаетъ лѣсъ и корни Carlinoe acaulis

*) У этого сорта сараны—желтоватая луковица. Инородцы ее сушатъ, истираютъ въ мучной порошокъ и либо пекутъ въ золѣ въ видѣ лепешекъ, либо варятъ съ просомъ; сибирскіе же старожилы изъ русскихъ людей приготовляютъ сарану въ формѣ киселей, каши и соуса. Есть ещо два вида сараны: одинъ Lil. avriacum съ бѣлой луковицой 3/4 вершка длины, и 1/2 вершка въ діаметрѣ, сладкаго, мучнистаго вкуса, растетъ на сухихъ полянахъ. Второй родъ lil. tenuifolium съ луковицей помельче первой, растетъ на скатахъ и у подошвы горъ. Обѣ съѣдобны, но Hemerocallis flava—волчья сарана — ядовитая. Узнаютъ гдѣ мышиныя норы, стукая по землѣ ногами; часть найденнаго оставляютъ самимъ хозяевамъ; большую отбираютъ обыкновенно осенью. Въ норахъ горностаевъ также находятъ коренья эти, но горностаи не сами ихъ запасаютъ, а отнимаютъ у мышей. У горностаевъ камчадалы вынимаютъ сараны также по нѣсколько десятковъ фунтовъ.

и кедровые орѣхи, то за то соблазняетъ и персиками (собственно дикимъ миндалемъ (amygdalus nana) и полевымъ макомъ (papaver hrocas), излишное употребленіе которыхъ производитъ либо головную боль со рвотою, либо тошноту съ поносомъ. Изъ ягодъ голубица слегка пьянитъ, а моховка *) при неумѣренности влечотъ тѣ же послѣдствія тошноты, поноса и рвоты,—и бѣглые все-таки тянутся къ селеніямъ за привычнымъ хлѣбомъ, каковой и находятъ—по завѣтному сибирскому обычаю, извѣстному цѣлой Россіи—на подоконникахъ избъ, выложеннымъ на ночь съ молитвою опасливой и запасливой хозяйкой.

Зная все это, а также и то главнымъ образомъ, что у братскихъ ждетъ либо пуля, либо петля, опытные бродяги идутъ осторожно, только по ночамъ; днемъ спятъ они въ опасныхъ мѣстахъ и идутъ днями лишь по лѣснымъ трущобамъ. Приготовляясь къ путешествію по послѣднимъ, опытные обыкновенно (и непремѣнно) постараются стащить топоръ: топоръ — первый бродяжій другъ и покровитель. Топоръ поможетъ и огонь развести, топоромъ можно положить и зарубку на деревьяхъ, по которымъ задніе, какъ по пробитой тропѣ и по вѣхамъ, пройдутъ впередъ и не заблудятся. Грамотные остряки вырѣзываютъ даже имена, годъ, мѣсяцъ и число прохода своего. Бывалый бродяга, не обтесавши дерева извѣстнымъ способомъ, не пройдетъ ни за что, а по затесамъ и зарубкамъ этимъ только и можно ходить и выходить изъ трущобъ сибирскихъ громадныхъ лѣсовъ. Въ степи бродягамъ ночью зоѣзда стожаръ свѣтитъ и путь указываетъ, а вечерняя заря съ утренней ни на востокъ не направитъ, ни въ китайскую сторону не собьетъ: на востокѣ можно съ голоду

---

*) Моховка (ribes procumbens) растетъ посреди негодой травы на мѣстахъ высокихъ и мокрыхъ, въ колкахъ, низенькими кустиками, со сладкими ягодами, похожими на крыжовникъ. Около рѣчекъ и въ колкахъ, въ мокрыхъ же мѣстахъ, растетъ на небольшихъ кустикахъ смородина чорная и красная; около ключей и рѣчекъ на высокихъ кустахъ жимолостка, поспѣвающая къ Петрову дню, шипшика — крупная ягода, красноватая, длинная съ большой косточкой внутри; пріятная на вкусъ, сладкая и мучнистая; малина, клюква, брусника, костеника, рябина, черемуха, княженика, морошка—обыкновенныя сибирскія ягоды.

умереть отъ безлюдья (да и такой путь никуда не выводитъ), на югѣ китайцы привыкли возвращать ссыльныхъ обратно, передавать ихъ въ руки начальства. Оттого-то опытные бродяги никогда со своей варнацкой дороги не сбиваются; оттого-то, по своимъ путямъ, бывалые изъ нихъ съ Кары въ Читу попадаютъ пѣшкомъ въ семь дней, тогда какъ и почта по всей дорогѣ раньше четырехъ сутокъ рѣдко когда поспѣваетъ. Только въ случаѣ крайняго голода и недостатка провизіи бывалый бродяга рѣшится въ Забайкальѣ зайти въ незнакомое селеніе; жилыя мѣста онъ обходитъ, какъ волкъ, но пуще всего боится и съ особенною осторожностью крадется около Братской степи, боясь встрѣчи съ бурятами. Одинъ такой шолъ въ сторонѣ отъ улуса, прикрываясь кустами, но не укрылся отъ зоркаго степняка. Рысьи глаза бродягу замѣтили; бурятъ съ намѣченнымъ ружьемъ приблизился на нѣсколько шаговъ. Бродяга упалъ на колѣна и, сложивъ на груди руки, молилъ о пощадѣ, обѣщая все, что имѣлъ на себѣ. Бурятъ склонился на просьбу и когда условились они о цѣнѣ, бродяга поползъ ко врагу на колѣняхъ, не переставая ублажать его плаксивымъ голосомъ, ласковыми словами и, вдругъ схвативъ съ земли камень, угодилъ имъ въ голову всадника. Оглушонный бурятъ выпустилъ изъ рукъ ружье—бродяга схватилъ его, стащилъ врага съ коня, убилъ, и на лошади уже проѣхалъ впередъ остальную часть степи.

Другой разъ кандальная партія, идучи трактомъ къ Нерчинску, разбила конвой, забрала ружья, порохъ и патроны и нѣсколько мѣсяцовъ держала почтовый трактъ въ осадномъ положеніи. Сосѣднихъ бурятъ пригласили на помощь для поимки, сдѣлали облаву, но трусливый народъ этотъ не посмѣлъ прямо напасть на вооружонныхъ людей. Изъ цѣлой большой облавы нашлось только двое отважныхъ. Согнувшись на лошадяхъ степнымъ обычаемъ такъ, что справа заслонены были головами лошадей, два смѣльчака, вооружонные одинъ ружьемъ и пистолетомъ, другой лукомъ и стрѣлами, маневрировали по степи, пригнувшись къ одному боку лошади и стрѣляли одинъ за другимъ въ ретировавшихся бродягъ. Первый выстрѣлъ попалъ въ атамана шайки, другими уложены были нѣкоторые изъ бѣглецовъ. Остальные отстрѣливались и бурятъ съ лукомъ былъ убитъ. Однако

смерть предводителя и нѣкоторыхъ товарищей ослабила смѣлость остальныхъ и охоту отбиваться. Облава тѣмъ временемъ сблизилась въ кругъ и забрала всѣхъ оставшихся бродягъ безъ бою.

Между бурятами ведутся такіе молодцы, которые иногда цѣлью жизни своей поставляютъ охоту за горбачами (а горбачъ — тотъ же бродяга съ неизмѣнною котомкою на спинѣ). Эти звѣри изъ монгольскаго племени отыскиваютъ жертву по огоньку, по костру, который разводятъ бродяги по сибирской привычкѣ, чаще для того, чтобы обогрѣться или сварить себѣ грибовъ, кашицу или обогрѣть и дать отойти деревенѣющимъ отъ ходьбы членамъ.

Засвѣтился этотъ огонекъ въ сторонѣ, далеко отъ жилого мѣста, въ дикомъ лѣсу, и идетъ по этому мѣсту варнацкая дорога,—бурятъ налетаетъ,—выстрѣломъ кладетъ одного; на всемъ лошадиномъ скаку заряжаетъ свою винтовку во второй разъ—кладетъ другого и затѣмъ третьяго, если этотъ не успѣлъ бѣжать. Лопатина (носильное платье бродяги)—награда буряту за выстрѣлы, а мертвыя тѣла уберетъ начальство земское (если натолкнется) или съѣдятъ волки (если нанюхаютъ).

Въ то время, когда производилось заселеніе Забайкалья назначенными изъ Россіи переселенцами съ зачотомъ за рекрута (и производилось весьма неудачно), промыселъ на горбачей былъ дѣломъ привычнымъ и недиковиннымъ.

— Гдѣ мущины? — спрашивалъ одинъ проѣзжій бабу, случайно остановившись въ одной избѣ по красноярскому тракту.

— На горбачей пошли — отвѣчала хозяйка тѣмъ тономъ, какъ будто они пошли «губы ломать» (т. е. грибы собирать) и объяснила затѣмъ:

— Вчера ходили, промыслили только одного, да бѣднаго: пожившились лопатинкой одной. Въ прошломъ году у одного нашли подъ стельками въ сапогахъ 50 рублей.

---

*) Иркутскій губернаторъ Рупертъ велѣлъ—говорятъ—загонять 13 человѣкъ такихъ охотниковъ на смерть, и съ той поры грабежи и разбои, систематически веденные, прекратилась на долго, но не совсѣмъ. Въ 1805 году бродяги ночью, за 50 верстъ до Иркутска, напали на одного изъ свиты

Другой изъ такихъ ловцовъ проходившихъ по волѣ варнаковъ считалъ на своей совѣсти до ста человѣкъ, изъ которыхъ меньшая половина была имъ перевязана и предоставлена живыми (въ чаяніи получить за то назначенную казенную награду въ 3 руб. сер.); остальная, бо́льшая половина была перебита и ограблена. Сыщикъ, какой-то Грудинкинъ, по представленію начальства (говоритъ забайкальское преданіе) имѣлъ, за поимку ста бѣглыхъ, золотую медаль на шеѣ.

— И теперь бурятъ, увидѣвъ на бѣгломъ порядочную одежду, сократить его жизнь не задумается — увѣряютъ старожилы.

— На рваную лопать теперь братскіе мало прозираются—добавляютъ сами ссыльные, но тѣ и другіе, старожилы и ссыльные, держатъ въ памяти слѣдующее событіе изъ быта бродягъ, по разсказу одного изъ нихъ.

«Шли мы втроемъ. Верстъ тридцать отошли отъ завода (Петровскаго). Въ одномъ распадкѣ увидали сыщика изъ карымовъ *); по лицу признали его: тотъ надо быть самый, про котораго товарищи въ тюрьмѣ сказывали и велѣли бояться. «А увидите-де его,—прячьтесь скорѣй: человѣкъ этотъ сердца не имѣетъ и пощады не вѣдаетъ». Да и сами мы знаемъ повадку бурятъ, коли встрѣтитъ нашего брата безъ ружей, а самъ сидитъ на конѣ: либо захочетъ живыми взять и голыхъ представить, тогда велитъ перевязать другъ дружку, третьяго спу-

---

посольства въ Китай гр. Головкина (на камеръ-юнкера Гурьева), ограбивъ котораго оставили и его самого и людей его привязанными къ деревьямъ. По донесенію Головкина, ссыльные бродили тогда по Сибири тысячами безъ пріюта и средствъ къ существованію. Не такъ давно, въ Ачинскѣ, судился крестьянинъ за 14 убійствъ, произведенныхъ надъ горбачами. По сознанію его, онъ изо всѣхъ 14 только у одного нашолъ 25 рублей; съ остальныхъ поживился только носильнымъ платьемъ-лопатиной. Попался онъ въ убійствѣ родного дяди,—убійствѣ, обставленномъ ужасными подробностями. Изъ спины убитаго, убійца вырѣзывалъ ремни, а внутренности его, какъ веревки, вытаскивалъ и наматывалъ себѣ на руку»!!!

*) *Карымы* — забайкальскіе креолы, образовавшіеся отъ помѣси русскихъ съ бурятами, монголами и тунгусами. Таковы почти всѣ жители При-аргунскаго края; на р. Чикоѣ нѣкоторые карымы успѣли уже сдѣлаться осѣдлыми. На р. Аргуни они почти исключительно занимаются контрабандою, отчего во всемъ Забайкальѣ кирпичный чай носитъ еще придаточное названіе карымскаго.

таетъ самъ; либо велитъ сѣсть на колоду рядомъ, отъѣдетъ въ сторону да пулей изъ винтовки пронижетъ всѣхъ троихъ разомъ, и трупы на волковъ покинетъ въ полѣ. Въ его это волѣ. Такъ у насъ въ тюрьмахъ всѣ объ этомъ сказываютъ.

«Вспомнили про это про самое, какъ встрѣтились съ нимъ глазъ на глазъ, успѣли только другъ на дружку взглянуть да перемигнуться; всѣ одно разомъ надумали: удирать-де надо, нечего тутъ артель плотить; всякъ самъ по себѣ ищи спасенья. И прыснули мы въ разныя стороны, сколько силы хватило. Бѣжимъ.

«Я бѣгу безъ оглядки,—кажись пуще всѣхъ: золъ я былъ бѣгать-то, и на каторгѣ за то большія похвалы получалъ. Вижу я это и чувствую: бѣгу. Слышу: выстрѣлъ щолкнулъ; одного, молъ, товарища порѣшилъ окаянный; да котораго?... Сдумалъ я это, а самъ все бѣгу и не распозналъ съ горяча-то, что лѣсъ пошолъ. Опять выстрѣлъ слышу: послѣдняго, молъ, товарища съѣлъ проклятый бурятъ (даромъ народъ этотъ ни одного выстрѣла по теряетъ: къ тому наповаженъ). За мной теперь — значитъ — чередъ состоитъ.

«Глянулъ я въ сторону, а тутъ буря надо быть дерево вырвала съ кориемъ и яма обозначилась. Шмыгнулъ я туда и сталъ прятаться, ноги подбирать, всего себя въ комокъ укладывать такъ, чтобы и на мѣстѣ меня не знать было. И все мнѣ кажется, что нога на свѣту. Я тутъ и духъ притаилъ: молчу и не дышу, и думаю. Разное думаю, а уши держу на самой макушкѣ, и кажись весь животъ-отъ свой въ себя забралъ: чуть не замеръ я тутъ на этомъ дѣлѣ. Опомнюсь: топотъ лошадиный слышу, словно вотъ въ самое-то ухо лошадь ѣдетъ. У меня и свѣтъ помутится и дрожь проберетъ; я опять приду въ себя и опять думаю: вотъ-вотъ ухватитъ онъ меня на арканъ и въ торокà вскинетъ, а вскинетъ онъ меня—надо быть потому, что ужъ на товарищахъ-де кровяную пасть свою натѣшилъ. Вспомню я все это, опять у меня подопретъ въ груди, опять не переведу духу. Глаза не видятъ, въ ушахъ зазвенитъ, такъ что тошнить даже стало. Приду въ себя, сгребусь за шею: нѣту веревки. Стану опять прислушиваться, уши надрывать—опять топотъ слышу. Ишь, думаю, разлакомился чортовъ сынъ! — ищетъ! Мало, молъ, тебѣ двухъ-то, и моя лопатина понадобилась. Глянулъ я на себя,

смѣхъ подступать сталъ: лопатина-то рваная, заплата заплату ищетъ, дира на дирѣ. Смѣхъ меня взялъ—и что смѣшно стало—самъ не знаю. Отъ смѣху-то этого что-ли, ка-быть легче стало и страхъ прошолъ. Сталъ озираться: въ какое-молъ такое мѣсто угодилъ: корешки висятъ и яма способная; медвѣдь-молъ тутъ безпремѣнно жилъ всю зиму и лапу сосалъ. Сдумалъ я это, и опять смѣхъ меня пробралъ!... Прислушался опять — замеръ топотъ. Вздохнулъ я тутъ отъ самаго донушка и крестъ на себя положилъ. Теперь молъ я полежу тутъ, пущай уѣдетъ; раздѣнусь.... Такъ я и сдѣлалъ.

«Дождался я въ ямѣ ночи, переспалъ. Проснулся на утрѣ, свѣтло ужъ было; — ѣсть захотѣлъ, такъ я ѣсть захотѣлъ, что въ ямѣ лежать ка-быть стыдно стало: вылѣзъ. Пойду-молъ дальше — что будетъ. Поднялся на хребетъ, все лѣсомъ иду; первая мнѣ на глаза метнулась березка молоденькая: стоитъ передо мной съ очей на очи. Дай-ко попробую на ней свою силу — сколь отощалъ? Вздумалъ—рванулъ, съ корнями вырвалъ: обрадовался. Значитъ во мнѣ еще есть сила и идти могу и подраться могу, коли доведется мнѣ такой случай.

«Иду я дальше, обламываю на ходу съ березки вѣтки, корни у ней оборвалъ — стала палка съ комлемъ, здоровая такая. Сталъ упираться на эту палку: идти легко и пріятно. Дорога вывела меня на самой хребетъ, на вершину. Озираюсь кругомъ: лѣсъ вижу, деревья рѣденько растутъ, а къ низу все голый камень и березникъ тамъ совсѣмъ изнылъ, такъ все и видно черезъ него. Вижу въ одной падди дымокъ закурился, винтомъ такимъ стоитъ далеко отъ меня. И какъ увидѣлъ я этотъ дымокъ, — словно меня въ спину-то толкнулъ кто, и по ногамъ урѣзалъ. Присѣлъ я на корточки, ползти началъ, за деревьями прятаться, выползъ изъ-за деревьевъ, камни пошли: межъ камнями на брюхо легъ и поползъ ближе къ дымочку, подъ гору. Поглядѣть мнѣ захотѣлось, кто тамъ. Долго ползу, тихо ползу; сталъ подползать—различаю: огонь развелъ бурятъ, а не варнаки наши. На огнѣ бурятъ пищу себѣ варитъ: коня на арканѣ привязалъ къ дереву; винтовку прислонилъ къ огню; я припалъ за камень,—думалъ завалиться тутъ и не ползти дальше, ну ихъ—къ чорту! Да глянулъ я изъ-за камня-то, а бурятъ-отъ повернулся на

тотъ разъ рожей: я такъ и сѣлъ назадъ. Вздрогнуло сердце и застукало, въ ушахъ опять зазвенѣло, въ рукахъ и ногахъ дрожь забила: тотъ самый карымъ, котораго надо, и лошадь его! Радость такъ и разлилась по всему по мнѣ и въ косточкахъ мозгъ занылъ: я глаза какъ уперъ въ него, такъ и не сводилъ съ него: онъ самый! Теперь ты въ моихъ рукахъ, только бы вотъ спрятаться-то мнѣ поладнѣе: постой ужо! Знаю я вашу бурятскую повадку: теперь вотъ ты нажрешься падали-то своей—спать ляжешь безпремѣнно и сѣдло себѣ подъ голову подложишь: всѣ вы таковы!

«Вздумалъ я такъ-то, прилегъ за камень, большой такой камень выбралъ: подожду-молъ, когда ты спать ляжешь. Пустилъ я на него глазомъ, такъ точно: поѣлъ, свернулся; подъ голову, можетъ, и одежу-то моихъ товарищей подложилъ, мягко ему: зубъ даже у меня на тотъ разъ скрипнулъ. Легъ братской и винтовку положилъ себѣ къ боку: меня-молъ вспомнилъ. Помни!...

«Раза три порывался я къ нему, да все на умъ приходило: не крѣпко заснулъ, пробудится. Пусть заберетъ сна по больше, распластаетъ суставы-то захрапитъ. Рванулся я въ четвертые, и лѣзъ на него не долго: тутъ онъ весь передъ мной, какъ на блюдѣ, обозначился. Оторвалъ я винтовку къ себѣ, схватился самъ я на ноги, рѣзнулъ его, что было силы во мнѣ, палкой по головѣ, да за арканъ его. Попробовалъ арканъ—не крѣпокъ что-то показался мнѣ. Снялъ свой кушакъ, закрутилъ назадъ руки, ноги связалъ, подтащилъ его къ дереву, привязалъ его поперегъ. Отошолъ отъ него—и любуюсь.

«Братской въ себя пришолъ: заговорилъ. Проситъ, обѣщаетъ:

— Отпусти, сдѣлай милость! Хлѣбъ возьми, винтовку возьми, лошадь!

— Я-молъ и безъ твоего спросу возьму все это.

— Денегъ возьми съ меня!

— И это возьму (думаю), если есть у тебя; а нѣтъ, такъ и денегъ твоихъ не надо.

Онъ говоритъ, а я не слушаю.

— Отпусти, слышь, меня: ловить васъ не стану и зарокъ такой на себя наложу.

— Не шути-молъ, чортовъ сынъ, — не обманешь. Гдѣ тутъ хлѣбъ у тебя: показывай, бурятская рожа.

На торокà показалъ.

— Крупа гдѣ?

И крупу показалъ.

«Сталъ я кашицу себѣ варить. Онъ меня молитъ, а я и слушать его не хочу, радуюсь. Сварилъ я каши — ѣсть ее сталъ, а онъ все воетъ. Поѣлъ я, котелокъ выпросталъ дò-суха; взялъ да ещо полòй его вытеръ сухо-на-сухо. Наломалъ хворосту, огонь подживилъ, затрещало: дымъ такой пошолъ. Далъ я этому дыму прочиститься. Пустой котелокъ подвѣсилъ на огонь, сталъ его калить. А товарищи съ ума нейдутъ, а братская противная рожа смотритъ тутъ...

«Раскалился мой котелокъ до краснаго цвѣта. Снялъ его съ огня, какъ онъ былъ, красный-раскрасный, да и надѣлъ я его братскому замѣсто шапки, на голову: по самыя плечи пришлося»... *).

Такова забайкальская легенда, разсказываемая вездѣ, съ нѣкоторыми мелкими добавленіями. Но вотъ и оффиціальное дѣло, до сихъ поръ памятное всѣмъ старожиламъ и взятое нами цѣликомъ изъ архива Нерчинскаго Большого завода.

Крестьянинъ Бурцовъ жнетъ въ Козловской пади рожь. Въ деся-

---

*) По другому варіанту расказа дѣло было такъ: Бѣглаго поймали трое бурятъ (онъ хоть и спрятался, но его примѣтили): привязали къ дереву. Сами стали ѣсть и разговаривать по своему. Изъ разговора ихъ бѣглый понялъ, что они хотятъ поживиться его лòпатью, а его убить. За тѣмъ поѣли, напились араки (рисовой китайской водки); спать легли. Привязанный ссыльный, замѣтивъ ножъ, забытый ими — сталъ измышлять какъ бы высвободиться, достать ножъ. Ловкими поворотами и напряженіями мышцъ ему удалось опуститься, по дереву ниже, ближе къ корню, къ землѣ и ножу Здѣсь ему удалось высвободить одну ногу и доткнуться ею до ножа и, послѣ мучительныхъ усилій, придвинуть ножъ къ себѣ, ногою поднять его съ земли и перерѣзать имъ веревки такъ, что освободилась рука одна, а тамъ стало быть и весь онъ всталъ на ноги, освободился. Первымъ дѣломъ его было зарѣзать этимъ ножомъ одного спавшаго бурята, за тѣмъ второго. Надъ третьимъ, рѣтившимъ его смерть, вознамѣрился потѣшиться: въ свою очередь привязалъ его къ дереву и продѣлалъ все то, чтò расказано выше и съ тѣми же самыми подробностями въ основной легендѣ.

томъ часу вечера къ нему скачутъ на лошадяхъ трое ссыльныхъ изъ Кутомарскаго завода и строго приказываютъ Бурцову варить имъ ѣсть.

— При мнѣ котла не имѣется, отвѣчалъ Бурцовъ: онъ въ юртѣ *), гдѣ мочую.

— Вотъ тебѣ конь: скачи!

Бурцовъ сѣлъ и ускакалъ. Не проѣхавъ десятины, онъ увидѣлъ сосѣда, боронившаго пашню; подозвалъ его къ себѣ и успѣлъ вымолвить:

— Ко мнѣ пріѣхали три человѣка гостей изъ злодѣевъ. Какъ бы съ ними поправиться?

Сосѣдъ совѣтовалъ:

— Ты поѣзжай назадъ къ нимъ и, какъ можно, мѣшкай: я поѣду и повѣщу нашихъ.

Бурцовъ возвратился «къ онымъ вояжирамъ» съ котломъ и началъ варить имъ картофель. Одинъ изъ ссыльныхъ поспѣшилъ спросить его:

— А кто къ тебѣ подходилъ?

— Ко мнѣ подходилъ крестьянинъ Чирковъ и спрашивалъ: «кто къ тебѣ пріѣхали трое на коняхъ?» И я сказалъ такъ, какъ вы приказали: что казенные люди у меня въ гостяхъ—просятъ ѣсть.

Ссыльные повѣрили.

«Потомъ Бурцовъ, прося у нихъ позволенія идти молотить, съ тѣми мыслями, когда его гости увидятъ себѣ облаву отъ повѣстителей, не прекратили бы его, Бурцова, жизнь.

«Черезъ часъ времени прискакалъ Чирковъ съ тремя крестьянами, которые и кричали бродягамъ:

— Вставайте и раздѣвайтесь до́-нага! Ножи бросайте!

«Но отъ такого внезапнаго нападенія оные ссыльные, не оробѣвши, схватились за свое оружіе: за топоръ, косу и за жердь; кинулись стремглавъ на оныхъ, и при первомъ боѣ ссыльный Никифоровъ замахнулся косой на крестьянина Чиркова. Чирковъ, имѣвши

*) Собственно не юрта, а обыкновенный балаганъ или шалашъ.

въ рукахъ стягъ, отвелъ поразительный замахъ косою онымъ стягомъ и, отъ пересѣченія косы на двое оный стягъ переломился и въ горячности не помнитъ Чирковъ, кто ему проломилъ въ то время голову и чѣмъ—не знаетъ.»

Увидя упавшаго на землю Чиркова, двое крестьянъ ускакали въ деревню. Ссыльные Никифоровъ и Коурой бросились на третьяго крестьянина Бурцова: одинъ съ топоромъ, а другой—съ косой. Но въ это время пришедшій въ себя Чирковъ схватился съ земли, на которой лежалъ ошеломленнымъ, осколкомъ стяга ударилъ Коураго въ голову такъ сильно, что тотъ сунулся лицомъ въ землю и выронилъ изъ рукъ отнятое у крестьянъ оружіе. Ружье это подхватилъ третій крестьянинъ (Обуховъ).

Пользуясь суматохой, третій ссыльный (извѣстный Забайкалью разбойникъ и пѣсенникъ) Горкинъ скрылся, а Никифоровъ успѣлъ вскочить на лошадь въ то время, когда Коурой пришолъ въ себя, поднялся съ земли, ухватился за полушубокъ сидѣвшаго на лошади товарища и саженъ пять тащился за нимъ. Стащивши такимъ способомъ Никифорова съ лошади, Коурой, вмѣстѣ съ нимъ, повалился на-земь. Первымъ опомнился Никифоровъ; вскочилъ на ноги, выронилъ косу и мгновенно выхватилъ ножъ. Тоже, въ свою очередь, сдѣлалъ и крестьянинъ Обуховъ. Лошадь очутилась между ними; и тотъ и другой, стараясь чрезъ нее достать другъ друга ножами, наносили взаимныя раны. Больнѣе другихъ пришлось Никифорову, который въ азартѣ закричалъ Коурому: «не выдавай: руби топоромъ!» Но въ это время Коурой успѣлъ уже схватиться съ Чирковымъ, который дубиной отбивалъ его удары. Тогда же Бурцовъ успѣлъ зарядить ружье, выхваченное у Чиркова и пулей, попавшей въ правой бокъ на вылетъ, положилъ на мѣстѣ Никифорова. Коурой, воспользовавшись минутой, «видя неустойку», сѣлъ на лошадь и ускакалъ.

Обуховъ остался при мертвомъ, а Чирковъ «палъ на коня» и пустился въ погоню за Коурымъ хребтами до такъ называемой горы Убіенной *). Потерявши слѣдъ и истощивши свои и лошади силы,

*) *Убіенныхъ* горъ и хребтовъ въ Сибири не мало. За тѣмъ же Байка-

Чирковъ принужденъ былъ вернуться назадъ въ деревню, которая находилась верстахъ въ пяти отъ мѣста побоища. Туда же Обуховъ привезъ убитаго и «положилъ въ яму въ дабинной ветхой рубашкѣ и портках». На полѣ битвы слѣдственная коммиссія нашла трофеи и записала въ дѣло такъ: «бѣлая даха, голубой конь: правое ухо провернуто трубкой, сѣдло — некрашеная деревяга безъ стремянъ, потникъ ветхой, сивая кобыла вдовы Дружихи, уведенная изъ Кутомарскаго завода въ ночное время, съ худымъ сѣдломъ и потникомъ, худой кушакъ съ маленькимъ ножомъ;» Всѣ эти вещи принадлежали ссыльнымъ. У крестьянина Чиркова, при осмотрѣ, оказались три раны.

Если прибавить къ этому еще три-четыре дѣла, сопровождавшіяся также убійствами (не менѣе ожесточенными) и также грабежами (не менѣе смѣлыми), то на этомъ и завершатся всѣ рѣзкія злодѣйства бродягъ въ Забайкальскомъ краѣ *).

Въ остальной Сибири дѣянія бѣглыхъ становились опасными во всѣхъ тѣхъ безлюдныхъ и голодныхъ мѣстахъ, гдѣ имѣли неосторожность указывать каторжнымъ какія-либо работы. Всѣмъ памятна разбойничья шайка, собравшаяся изъ тѣхъ каторжныхъ, которые посланы были на закладку соляной варницы (теперь уже не дѣйствующей) на пустынномъ пространствѣ за Леной. Жестокое обращеніе при всевозможныхъ физическихъ и матеріальныхъ лишеніяхъ вызвали частые побѣги. Убійства и поджоги вскорѣ наполнили весь край тревогой и страхомъ. Въ лѣсахъ приленскихъ бѣглые собрались въ грозную шайку разбойниковъ, хорошо вооружонную и потому имѣвшую возможность долгое время держаться на Ленѣ. На лодкахъ съ дву-

---

ломъ подлѣ Селенгинска одна такая гора названа такъ потому, что у подошвы ея буряты напали на конвой, сопровождавшій посольство Головина, въ 1689 году, ѣхавшаго въ Китай. Произошла сильная стычка. Головинскихъ солдатъ буряты крѣпко тѣснили. На подкрѣпленіе ихъ вышелъ изъ Селенгинска гарнизонъ подъ начальствомъ ссыльнаго малороссійскаго гетмана Многогрѣшнаго, который и разбилъ бурятъ. Съ тѣхъ поръ селенгинскіе братскіе — настоящіе братскіе: мирные сосѣди города.

*) Между прочими ссыльно-каторжный Егоръ Григорьевъ разбойничалъ съ шайкою изъ 7-ми человѣкъ; братскихъ клали на огонь и жгли, допытываясь денегъ. Въ дѣлѣ его были сильно замѣшаны семейскіе раскольники.

мя пушками бродяги гуляли по широкому раздолью рѣки, богатой извилинами и заливами, защищонными древесными корнями и подручною непроходимою лѣсною трещой. Изъ этихъ притоновъ они нечаянно нападали на деревушки, не защищонныя и не приготовленныя къ отпору, и на жителей, давно уже обмѣнявшихъ военныя орудія на земледѣльческія. Приленскія деревни представляли для разбойниковъ вѣрную и безопасную добычу. Страхъ обуялъ весь приленскій край. Разбойники начали нападать уже на остроги и города; въ одномъ острогѣ успѣли даже выдержать отчаянную свалку съ мѣщанами, но побѣдили: дома сожгли, имущество разграбили. Начальство спохватилось, стало принимать возможныя мѣры: выслали солдатъ, собрали облавы, шайка была разбита и разсѣяна; разбойники переловлены, отданы подъ судъ и въ 1801 году наказаны кнутомъ и посажены на цѣпь въ тюрьмахъ нерчинскихъ рудниковъ. Между ними попался ссыльный (не за политическое, а за уголовное преступленіе) полякъ Левицкій, дожившій до 50 годовъ нынѣшняго столѣтія. Человѣкъ этотъ въ послѣдующей жизни успѣлъ представить собою такой характерный типъ неугомоннаго и непосѣдливаго бродяги, что мы рѣшаемся остановиться на немъ и разсказать со словъ знавшихъ его и бесѣдовавшихъ съ нимъ.

«Левицкій, посланный на работы въ нерчинскихъ рудникахъ, снова урвался въ бѣга: независимый характеръ его не долго могъ носить каторжное ярмо. Послѣ различныхъ приключеній, руководимый счастьемъ и удачами: то пресмыкаясь, какъ дикій звѣрь, въ лѣсу, то снова прокрадываясь, какъ разбойникъ, на дорогу, Левицкій добрался до Каспія, здѣсь былъ схваченъ, снова битъ кнутомъ и присланъ въ рудники». Изъ рудниковъ онъ учинилъ третій побѣгъ, на этотъ разъ въ Китай, чрезъ Монголію, гдѣ нѣсколько грабежей его вызвали облаву; облава замкнула его въ подвижную колонну и измученнаго и проголодавшаго взяли безъ сопротивленія и представили въ пограничной караулъ. Такъ какъ побѣги за китайскую границу сильно отягощали русскихъ властей большими хлопотами и длинною перепискою, а еще больше платежами за покраденое вдесятеро (согласно мирному трактату), то и раздраженіе начальства на таковыхъ бѣглыхъ отражалось наибольшею строгостію наказа-

нія. Левицкій не посмотрѣлъ и на это: въ четвертый разъ онъ убѣжалъ изъ рудниковъ и бѣгалъ до тѣхъ поръ, пока отъ кнута и палокъ не согнулась его маленькая фигура, а изодранное тѣло не представлялось сшитымъ изъ различныхъ лоскутковъ кожи. Въ 1832 г. польскіе изгнанники 1831 года зазнали своего оригинальнаго земляка уже сѣдымъ старикомъ, уволеннымъ отъ работъ, но продолжавшимъ непосѣдливо таскаться по всему Забайкалью за кускомъ хлѣба, зарабатываемымъ различными способами. Вѣчный бродяга таскался по горамъ и лѣсамъ съ мѣшкомъ за плечами и бубномъ. Въ мѣшокъ онъ складывалъ куски руды, либо шерлы, которые потомъ и продавалъ; бубномъ подыгрывалъ пѣсни, и пѣснями подспорялъ работу, пронзительно-тонкимъ голосомъ вызывая воспоминанія о родинѣ въ полузабытыхъ польскихъ пѣсняхъ. Мѣшокъ и бубенъ были съ нимъ неразлучны. Разъ натолкнувшись на земляковъ своихъ, на вопросъ ихъ о томъ, чѣмъ содержитъ себя?—отвѣчалъ: милостыней людей, о которой не проситъ. На предложенную милостыню согласился, получилъ хорошее обезпеченіе, — но благодѣяніями не воспользовался. Чрезъ нѣсколько недѣль пребыванія въ домѣ изгнанниковъ, Левицкій выскочилъ, какъ обваренный кипяткомъ, собралъ рвань свою, взялъ мѣшокъ съ рудой и бубенъ, и сказавши «Bądzcie mi-tu zdrowi serce ojczyzno!» пустился на старую дорогу бродяжества! Остановившись въ какой-нибудь деревнѣ, заводилъ школку и нѣсколько недѣль училъ крестьянскихъ ребятъ, но, разсердившись и поворчавши на ребятишекъ, бралъ мѣшокъ съ рудой, разгонялъ школу свою и, ударяя въ бубенъ маршъ на погребеніе, покидалъ деревню. Крестьяне, по звуку въ бубенъ, узнавали, что учитель опять почуялъ въ себѣ волка. Хотя такимъ образомъ отъ деревни до деревни, вездѣ училъ, но вездѣ жилъ недолго». Однажды въ култуминскій заводъ пріѣхалъ горный начальникъ Татариновъ. Все селеніе торжественно настроилось къ пріему его и когда онъ спалъ самымъ пріятнымъ образомъ, «раздался стукъ въ бубенъ: Левицкій выбивалъ: генеральный маршъ. Безпокойство, причиненное имъ, привело его къ отвѣту. Ему грозили разбить бубенъ. Левицкій отвѣчалъ: «вы начальники людей, а не бубновъ. Меня накажите и расшибите, но бубна не трогайте. Ежели хватитъ совѣсти бить старика—бейте,

но берегитесь моего бубна». Левицкаго рекомендовали чудакомъ и гнѣвъ начальства смягчили: начальникъ далъ ему рубль и отпустилъ безъ наказанія». Получая деньги, бродяга спѣшилъ напиться пьянымъ. Разъ не имѣя на себѣ ничего, кромѣ своихъ рваныхъ тряпокъ, свалился на морозѣ въ 25°, но не замерзъ, а отморозилъ только пальцы, которые, придя домой, самъ же и поспѣшилъ отрубить топоромъ. Добравшись изъ Шилкинскаго завода до Акатуя познакомился тамъ съ арестантомъ изъ Московской губерніи, богатыремъ по росту и силѣ, и къ тому же хвастливымъ. Богатырь приглашалъ на поединокъ, обѣщая полштофа тому, кто поборетъ, но никто не являлся. Левицкій, остановясь въ это время на площади, принялъ вызовъ, и, какъ Давидъ, пошолъ на Голіафа. Молодой арестантъ сбросилъ съ себя армякъ и, засучивъ рукава рубахи, гордо ожидалъ противника. Левицкій, тѣмъ временемъ смѣясь и пошучивая, неожиданно перевернулся и всталъ на рукахъ, поднявъ ноги кверху и, перевернувшись во второй разъ, стрѣлой бросился на противника, ударилъ его каблукомъ въ переносье, потомъ схватился на ноги и быстро повалилъ подъ себя, озадаченнаго и испуганнаго силача. «Такова-то была старость этого человѣка, истаскавшаго свою жизнь въ бродяжествѣ! Къ прочимъ свойствамъ его должно отнести рѣзко бросавшееся въ глаза безвѣріе, религіозный индеферентизмъ. Онъ любилъ спорить со священниками и показывалъ глубоко испорченную душу. Прекословилъ всякому, священниковъ и церковниковъ хваталъ за рясы и говорилъ: «нѣтъ Бога!» Кто готовъ былъ войти съ нимъ въ споръ, тѣхъ охотно подчивалъ и ублажалъ чѣмъ могъ этотъ Вольтеръ въ лохмотьяхъ. При этомъ паденіи онъ однако съумѣлъ уберечь съ давнихъ временъ неуступчивость, гордость и уваженіе къ собственному достоинству. На свои лохмотья онъ смотрѣлъ, какъ король на пурпуръ. Злодѣйствъ своихъ совсѣмъ не стыдился. Въ началѣ 60-хъ годовъ объ немъ уже не было слышно: навѣрно онъ умеръ гдѣ-нибудь въ лѣсу, либо на дорогѣ къ какому-нибудь повому ханаану, которые во всю жизнь казались ему не тѣми, все ни по немъ, всѣ безъ соблазновъ на осѣдлость. Неволя не сломала и не переиначила характера, но сдѣлала то, что въ зловонной ея атмосферѣ человѣкъ потерялъ внутреннія достоинства, достигъ

до совершеннаго уничиженія и только на лучшій конецъ сталъ чудакомъ и не разучился пѣть пѣсни отчизны.

За Байкаломъ, большею частію, дѣянія бѣглыхъ оканчиваются мелкимъ воровствомъ, на которое идутъ они, по силѣ обстоятельствъ, вынуждаемые голодомъ первопутья и предусмотрительностію для успѣха и облегченія дальнѣйшихъ странствій *). Вотъ почему архивныя дѣла съ примѣчательною подробностію повѣствуютъ о похищеніяхъ бѣглыми лошадей. Похищеніе крестьянскихъ лошадей—самое обыкновенное и частое преступленіе бродягъ, идущихъ мелкими партіями, свидѣтельствующихъ этимъ о томъ, что они не на шутку собрались въ дальную дорогу, а вовсе не для легкой потѣхи пошалить-покататься и развлечь скуку одиночнаго тоскливаго сидѣнья въ заперти. Сибирь переполнена разсказами проѣзжихъ, которые сводятся почти всѣ на одно: на проселкахъ, въ угрюмой окрестности, натолкнулись на шайку бродягъ. Разбойничьи лица, осанки, наружность показывали смѣлость и отвагу. Здѣсь они у себя, въ лѣсу, на волѣ, оборванные, съ топорами и ножами за поясомъ: нападутъ, ограбятъ и убьютъ. Бродяги робкими голосами попросили подаянія. Такъ дѣлаютъ зашедшіе далеко. Не такъ поступаютъ начинающіе путь свой. Хорошо обдумавшая побѣгъ, бывалая партія съ того начинаетъ первые шаги на пути, что подстережетъ какого-нибудь ротозѣя или просто одинокаго человѣка и ограбитъ. То и дѣло заводскіе слѣдователи записываютъ такія показанія:

«Находились мы при шурфовкѣ въ Акатуевскомъ рудникѣ, въ зимовьѣ: бѣжали оттуда. Пошли лѣсами къ Алгачинскому руднику

---

*) Впрочемъ на этотъ случай въ тюрьмахъ сложилась и выговорилась такая притча:

— Чтожъ, батька (спрашиваетъ сынъ у отца), ты меня посылалъ на добычу: вонъ я мужика зарѣзалъ и всего-то луковицу нашолъ.

— Дуракъ, луковица!—анъ копѣйка. Сто душъ, сто луковицъ: вотъ-те и рубль!..»

Кстати: въ Сибири бродяжество до того за обычай, что даже въ сказкахъ (разумѣется, заимствованныхъ изъ Россіи) похожденіе героевъ сказочныхъ переведены на бродягъ и въ этомъ отношеніи сибирскія сказки являются съ значительными варіантами.

(ночью скрывались въ чащахъ). Не доходя рудника, увидѣли въ колкѣ человѣка, собирающаго таловое лыко для приготовленія въ казну ужищовъ: отняли у него ружье съ порохомъ и пулями. Зашли въ падь, называемую Талмякъ; тутъ, при сженіи угля, находился отставной служитель: подождали мы,—пріѣхалъ товарищъ на лошади: мы лошадь украли. Когда оба заснули: украли мы хлѣба 4 коврыги, картузъ, шинель, кушакъ и юфтевые чарки (родъ сапоговъ). Пошли на пашню: выпрягли двухъ лошадей изъ сохъ; въ одной пади «Янки» отняли у крестьянина сѣдло. Въ лѣсу встрѣтились съ 4 человѣками, бѣжавшими изъ Кутомарскаго завода. Отъ него пошли въ Донинской хребетъ и у деревни того же имени остановились. Я съ другимъ товарищемъ отправленъ былъ въ деревню для воровства коровы, но, увидѣвъ ѣдущихъ съ рудой конвойщиковъ, мы ударились въ другую сторону хребта, гдѣ у встрѣтившагося крестьянина выпросили хлѣба. Онъ намъ далъ хлѣба, и его мы не трогали», и проч.

А то и такъ (по архиву Петровскаго завода): «бѣглые съ Кары, на р. Шилкѣ выстроили избу и зимовали въ ней. Весной согласились бѣжать дальше: въ ближной деревнѣ украли лошадей; одну лошадь отняли у встрѣтившагося имъ на дорогѣ братскаго. Въ одной пади жили съ недѣлю; товарищи по-знати сходили въ Петровской заводъ и привели оттуда, для пропитанія своего, корову», и проч.

Съ другой партіей бѣглыхъ встрѣтились конные буряты; бѣглые бросились на нихъ и всѣхъ съ лошадей поснимали, а сами сѣли и ускакали. Спѣшенные братскіе пришли въ заводскую петровскую контору жаловаться и между прочимъ разсказывали о томъ, что бродяги, взмостившись на братскихъ коней, кричали имъ вслѣдъ: «можно васъ, братскихъ, легко намъ убить, такъ какъ мы-де уже каторжнаго званія люди».

— Безъ воровства и не пройдешь—толкуютъ сами бѣглые: что́ украдешь—тѣмъ и поживешь: ѣшь прошеное, носишь брошеное, живешь краденымъ. Какимъ бы способомъ нашъ братъ могъ такія большія дороги дѣлать и такіе подвиги совершать? — Отъ Нерчинска до Москвы дойти—не мутовку облизать.

Показанія эти находятъ себѣ оправданіе и въ архивныхъ кладовыхъ, въ формальныхъ дѣлахъ. Вотъ между прочимъ изъ множе-

ства другихъ случаевъ, одинъ образчикъ (найденный нами въ Кяхтѣ), образчикъ признанія, сдѣланнаго бѣглымъ, задавшимся одною изъ труднѣйшихъ задачъ бродяжества: изъ Охотскаго порта въ Кяхту.

Являетъ признаніе мѣщанинъ кяхтинскаго общества, наказанный за преступленіе кнутомъ и сосланный въ ссылку въ Охотскій портъ; а въ чемъ—тому слѣдуютъ пункты:

«По конфирмаціи главной команды въ 1800 году сосланъ я былъ въ ссылку и препровожденъ подъ карауломъ, чрезъ земскія правительства, и по приводѣ въ городъ Якутскъ сданъ былъ дворянскому засѣдателю и со онымъ былъ отправленъ, въ числѣ прочихъ преступниковъ 350 человѣкъ, для чищенія дороги къ рѣкѣ Маѣ, за присмотромъ казаковъ безъ всякихъ крѣпей. Слѣдуя къ рѣкѣ Маѣ, въ іюнѣ мѣсяцѣ укравъ у якутовъ ружье и пять котиковъ, изъ партіи бѣжалъ одинъ и въ хребтахъ сошолся съ таковыми жъ ссыльными, всего шестью человѣками и съ ними шолъ хребтами и лѣсами 45 дней, питаясь украденными въ разныхъ мѣстахъ у промышленныхъ тунгусовъ звѣринымъ мясомъ. Вверхъ по р. Алдану, нашли мы на бѣглыхъ тунгусовъ 4 человѣкъ. Здѣсь товарищи отъ меня отстали; а съ тунгусами согласясь, которые и вывели меня на Амуръ-рѣку къ устью, впадшему въ море, называемому разливу, гдѣ жительствуютъ арачоны, и сами остались въ томъ мѣстѣ, а я оттоль пошолъ одинъ по жилью, а гдѣ есть арачоны, то зайдя ко онымъ, вытребуя пищи, называлъ себя промышленнымъ и заблудшимъ человѣкомъ, которые мнѣ показывали путь, какимъ образомъ можно выдти къ р. Горбицѣ. По словамъ ихъ вышелъ я ко оной, покралъ тутъ со степи лошадь; доѣхалъ на оной до г. Нерчинска ночью, переночевалъ у отставнаго солдата Семена (а *ихъ* прозывается — не знаю). А оттоль ѣхалъ братскими улусами и мелкими деревнями, и отъѣхавъ отъ Нерчинска верстъ съ 200, переѣхалъ за границу; промѣнялъ тамъ мунгаламъ имѣвшіеся при мнѣ 5 котиковъ и винтовку, покраденные у якутовъ, за которые вымѣнялъ серебра съ 16 ланъ и чунчу (дешовую шолковую китайскую матерію). По вымѣнѣ оныхъ вещей слѣдовалъ до здѣшной крѣпости (Селенгинска) извѣстными мнѣ мѣстами, а укрывался въ домѣ матери. Сверхъ того воровства чинилъ: въ 1-хъ, тол-

мача Анжинка быка шерстью бураго и безхвостаго; во 2-хъ, четырехъ лошадей; въ 3-хъ, двѣ лошади; въ 4-хъ, двѣ же лошади и всѣ оныя, также и прежную лошадь, на которой ѣхалъ, провелъ и за границу, потаенными мѣстами и продалъ за наличныя деньги, мунгаламъ (монголамъ) за сто руб., съ которыми прежде до ссылки имѣлъ дѣло. Вчерашняго числа, примѣрно по полудни часу въ 8-мъ, пришедъ въ здѣшную крѣпость и въ стоящемъ за выѣзжею рогаткою кабакѣ подъ окномъ выпилъ вина за три раза по 10 коп., а узналъ ли сидѣлецъ — знать не могу. И оттоль, мимо рогатки и гобвахты прошолъ къ дому тетки подъ окно и просилъ у нее хлѣба. На вызовъ мой вышелъ изъ избы какой-то служивой и отъ онаго я бѣжалъ, а гдѣ служивой остался, я уже не знаю. Потомъ уже въ другой или третій разъ пришедъ къ дому тетки, вызвалъ ее на дворъ и въ то время выбѣжали изъ двора, а сколько человѣкъ не упомню: втащили меня въ избу, а оттоль взятъ на гобвахтъ. А имѣвшій на мнѣ лабашакъ (полушубокъ), камзолъ и котомку съ деньгами, кто съ меня снялъ или я самъ сбросилъ—того за пьянствомъ не упомню». Признаніе это Карпъ Патюковъ учинилъ «чрезъ посаженіе въ деревянную колодку и устращивали посаженіемъ же въ большую колоду и желѣза» (добавилъ къ дѣлу писарь).

Разсчитывающіе на дальную дорогу бывалые бродяги весьма нерѣдко запасаются фальшивыми паспортами. Мастерятъ ихъ сами въ тюрьмахъ, покупаютъ и на сторонѣ у знающихъ это мастерство людей, крадутъ по ночамъ и у тѣхъ счастливыхъ товарищей, которые успѣли запастись ими. Попадаютси иногда на томъ, что полуграмотный писарь выставитъ очень крупный номеръ, длинную цифру, но чаще пропускаютъ ихъ безъ паспорта вездѣ тамъ, гдѣ бродяжье дѣло за великой обычай. Съ паспортомъ бродяга — разумѣется — всѣми мѣрами уклоняется оттого, чтобы не встрѣтиться съ опасными и гибельными случайностями, которыя могли бы повернуть заработанный путь на обратную. Выгоднѣе для бродяги пробраться безъ задержекъ на широкой просторъ матушки-Сибири и тамъ уже подвергнуться всѣмъ неожиданностямъ и случайностямъ бродячей жизни; полезнѣе совершить мелкое воровство, вынужденное голодомъ и крайностію, чѣмъ прежде времени лишить себя тѣхъ удобствъ,

которыя такъ легко достаются въ предѣлахъ Восточной и Западной Сибири. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что многіе бѣглые, не доходя ещо до Байкала, погибаютъ: кто заблудится въ глухихъ тайговыхъ мѣстахъ и умретъ тамъ съ голода; кто дерзко довѣрившись утлой лодкѣ, потонетъ на бурливомъ безпокойномъ Байкалѣ-морѣ, «отправится на дно омулей ловить» *); иного изломаетъ медвѣдь въ лѣсу, отощавшаго и измученнаго тѣмъ болѣе, что горы и отроги Яблоноваго хребта такъ многочисленны, перевиты и перепутаны, такъ много въ нихъ фальшивыхъ падей, обманчивыхъ колковъ, что

---

*) Кромѣ извѣстной пѣсни, сочиненной какимъ-то опытнымъ стихотворцомъ, существуютъ цѣлые расказы неподдѣльные, изъ которыхъ намъ кажется искреннѣе и характернѣе другихъ нижеслѣдующій, а потому мы и приводимъ его со всѣми подробностями:

— Бѣгутъ трое и доходятъ до р. Селенги, на берегу которой видятъ готовый плотъ, приспособленный для кяхтинскаго хлѣбнаго транспорта. Плотъ этотъ бѣглые спускаютъ на воду и плывутъ на немъ рѣкой въ устье, т. е. въ озеро Байкалъ. На Байкалѣ ихъ встрѣтилъ попутный вѣтеръ, направлявшій ихъ прямо на Николаевское селеніе и Лиственичную станцію. На серединѣ озера вѣтеръ перемѣнился, и плотъ поволокло въ противоположную сторону къ Баргузину и грозило затащить въ мертвый и безлюдный уголъ Байкала, къ Душкачану. Для бродягъ настуиили третьи сутки голода и холода: вѣтеръ знобилъ ихъ истощонныя постомъ тѣла и съ успѣхомъ боролся съ ихъ оборванною и измызганною одеждою. Пловцы пришли въ крайное изнеможеніе. Одинъ изнылъ совсѣмъ, мучился—крѣпился, и не выдержавъ напора бѣдствій, на глазахъ товарищей, спустился въ воду, и потонулъ.

— Мы перекрестились оба. Къ вечеру и другой мой товарищъ опустился слѣдомъ за нимъ. Я опять перекрестился. И мнѣ туда же лежала дорога, да знать здоровъ и крѣпокъ былъ, да на родинѣ, въ деревнѣ, можетъ старуха-мать за меня Богу молилась. Прибило мой плотъ къ берегу. Я вышелъ на берегъ и пошолъ брести на удачу. Увидалъ дымокъ звѣровщика—русскаго. Подошолъ къ нему, спокаялся: накормилъ. «Живи-де у меня въ работникахъ». — Ладно! И жилъ я у него въ сторожахъ, въ его промысловой избѣ. Да скучно мнѣ стало: онъ уйдетъ въ лѣсъ бѣлковать, а мнѣ и говорить не съ кѣмъ. Пѣсни какія зналъ,—всѣ перепѣлъ: надоѣло. А опять говорить не съ кѣмъ, и слова перекинуть не съ кѣмъ: хозяинъ и собакъ всѣхъ уводилъ съ собой. Ушолъ я отъ него: пойду-ка, молъ, къ своимъ старымъ товарищамъ на заводы. На дорогѣ мнѣ бурята попались, связали меня и привели на Кару. Тамъ мнѣ—дѣло извѣстное — розогъ надавали, сколько влѣзло, и указали жить не по своей, а по ихной волѣ».

и самый опытный бродяга имѣетъ полное право растеряться, придти въ отчаяніе, потерять рѣшимость и твердость духа и—заблудиться или провалиться. Нѣкоторые бродяги, счастливо одолѣвшіе лабиринтъ лѣсовъ и горъ,—сейчасъ же за ними попадаютъ въ новыя опасныя мѣста съ правомъ умереть съ голоду на обширной Братской степи, гдѣ самъ бурятъ ѣстъ плохо, живетъ разбросанно и все стремится встать жильемъ по окрайнамъ степи поближе къ жильямъ русскимъ и къ лѣсамъ, а стало быть и къ водѣ. Не лучше и дальше, если попадетъ онъ на такъ называемую кругобайкальскую дорогу или кругоморской путь, идущій безлюдными мѣстами, съ которыми вотъ уже сколько лѣтъ не можетъ сладить искусство сибирскихъ инженеровъ и старанія подрядчиковъ! О многихъ бродягахъ высылаются только глухіе рапорты многихъ уѣздныхъ полицейскихъ властей, что вотъ найденъ въ такомъ-то «зимовьѣ неизвѣстный бродяга замершимъ», на такой-то «заимкѣ, въ банѣ, столько-то умершихъ—вѣроятно отъ угара». Великое множество бродягъ представляется въ заводъ и на судъ въ саняхъ и телѣгахъ съ отмороженными руками и ногами, окоченѣвшими на морозѣ до смертельной агоніи. Серьезныхъ ушибовъ и разныхъ вывиховъ бродяги уже въ счотъ не ставятъ: дѣло обыкновенное, каждому набѣжать приводится. Рѣдкій изъ вернувшихся не вывихнулъ либо руки, либо ноги; не зашибъ спины, либо боковъ и груди.

Но какъ ни значительно число погибшихъ въ Забайкальѣ,—все-таки еще очень много ихъ является за Байкаломъ на безконечныя хлопоты земскимъ властямъ, на безпокойство мирнымъ и честнымъ обитателямъ изъ сибирскихъ старожиловъ по деревнямъ и селамъ, по городамъ уѣзднымъ и губернскимъ. Трудно одолѣвать бѣглымъ забайкальскія пустыни; бродяги по сю-сторону Байкала, въ мѣстахъ погуще населенныхъ, считаютъ себя почти внѣ всякой опасности: уже на югѣ Иркутской губерніи, и даже вблизи губернскаго города, они становятся смѣлѣе, развязнѣе. Въ окрестностяхъ города Иркутска у нихъ какъ бы первая станція, съ продолжительнымъ отдыхомъ. Здѣсь они набираются и новыми силами, и новыми свѣденіями и паспортами; а смѣлы и развязны становятся на столько, что даже пошаливаютъ. У самого города Иркутска, на такъ называемомъ

«Островѣ Любви» (противъ московскаго перевоза черезъ Ангару) найдены были дѣлатели фальшивыхъ видовъ, матеріалами для которыхъ служили аттестаты и прочіе документы, выкраденные изъ присутственныхъ мѣстъ. У пойманныхъ отобраны были паспортныя бланки, указы на отставку нижнихъ чиновъ и печать конторы иркутскаго военнаго госпиталя. У подгородныхъ крестьянъ то и дѣло случается такого рода горе. Приходятъ къ нимъ наниматься въ работу неизвѣстные люди. Рабочій дорогъ, крѣпко нуженъ такъ, что ужь и такой обычай установился, чтобы приручить его къ себѣ крупнымъ задаткомъ (безъ задатку въ Сибири никто шагу не дѣлаетъ). Даютъ задатки большіе, пойдутъ предъявлять виды въ полиціи, а виды тамъ сплошъ и рядомъ оказываются фальшивыми, но при этомъ зачастую только опытный полицейскій глазъ различаетъ поддѣлку отъ настоящаго. Получившіе задатки—само собою разумѣется—богаты. Мы помнимъ два случая, изъ которыхъ въ одномъ поплатился поселенецъ 26 руб. задатка, въ другомъ крестьянинъ 10 руб., представившій въ полицію оставленные имъ въ обезпеченіе документы, написанные одною рукою и завѣренные одинаковыми печатями. Бросились по горячимъ слѣдамъ и на 19 верстѣ отъ Иркутска (на московскомъ трактѣ) настигли виновныхъ, сознавшихся въ составленіи фальшивыхъ видовъ, въ поддѣлкѣ печатей, въ перемѣнѣ именъ, побѣгѣ съ золотыхъ промысловъ и въ совершеніи различныхъ кражъ въ Иркутскѣ. Кражи въ Иркутскѣ—явленіе обычное и притомъ совершаются съ поразительною ловкостью и изобрѣтательностью.

Прибрежные жители Ангары каждой весной, тотчасъ же по проходѣ льда въ рѣкѣ, видятъ плывущіе мимо маленькіе, на-скоро сплоченные плотики, шириною бревна въ три-четыре, связанные ветлами и на нихъ груду ветоши (прошлогодней травы), какая-нибудь носильная рвань и по два—по три человѣка рабочихъ. Это—бродяги, пустившіеся искать себѣ счастія на бойкой водѣ этой замѣчательно быстрой и оригинальной рѣки (пороги они обходятъ пѣшкомъ и ниже ихъ дѣлаютъ новые плоты). Быстрота теченія, усиленная ещо сверхъ того весенней водой, позволяетъ бродягамъ доходить до такой смѣлости, чтобы плыть подъ самыми окнами каторги (каковъ, напр., иркутскій соловаренный заводъ) и даже отдыхать на заимкахъ

въ самой ближной окольности ея. Начальство заводовъ, обремененное опекою и надзоромъ за собственными каторжными, равнодушно смотритъ на проѣзжихъ съ чужой каторги и, страдая недостаткомъ людей въ собственныхъ заводскихъ командахъ, находится даже въ невозможности преслѣдовать прибылыхъ и новыхъ. Въ тѣхъ только случаяхъ, когда губернское начальство, напр., казенная палата задастъ большой заказъ на вино или соль, а рабочихъ рукъ не достаетъ (своихъ заводскихъ рабочихъ много въ бѣгахъ), заводское начальство командируетъ солдатъ для осмотра сосѣднихъ заимокъ и— отъ этого маневра — всегда въ барышахъ. Солдаты въ одинъ разъ приводятъ человѣкъ по 12—по 15 бѣглыхъ, изъ которыхъ обыкновенно цѣлая половина проситъ одной только милости: задержать ихъ на заводѣ и не пересылать на нерчинскую каторгу, откуда сбѣжали они и куда не хотѣли бы возвращаться. Немалая часть бѣглыхъ уходитъ дальше, и, добравшись до золотыхъ пріисковъ частныхъ людей, живутъ тамъ лѣтъ по 8—по 10, получая денежную плату, хотя и ничтожную.

Въ глухое время бродягъ обыкновенно ловятъ рѣдко, а потому рѣдкій проѣзжій по сибирскому тракту, въ любомъ мѣстѣ до Урала, не встрѣтитъ артели бродягъ человѣкъ въ 5—6 (а иногда и до 30-ти вмѣстѣ), скромно пробирающихся по направленію къ Россіи, съ котомками за плечами, съ сапогами про запасъ. Таковыми рекомендовали намъ понимать тѣхъ нашихъ встрѣчныхъ, которые пять разъ перерѣзали намъ дорогу отъ Екатеринбурга до Иркутска, и которые— по туземнымъ примѣтамъ—тѣмъ отличаются отъ невинныхъ путниковъ, что имѣютъ про всякій случай, на дневную пору, робкій, запуганный видъ и рѣдко находчивы до того, чтобы снять проѣзжему шапку, какъ дѣлаютъ это поголовно всѣ сибиряки не изъ бѣглыхъ. Туезъ (буракъ) у пояса, да топоръ за поясомъ, нищенское одѣяніе: старыя измызганныя сермяги, за плечами мѣшки; да блѣдныя, изнуренныя лица съ синими кругами подъ глазами считаются также въ числѣ обычныхъ бродяжьихъ признаковъ. Нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, если они попадаются вблизи Уральскаго хребта: эти прохожіе все-таки на большую половину бродяги, бѣглые съ заводовъ, которымъ смиренство и кротость помогли одолѣть всѣ соблазны: и Красноярскъ, и

Томскъ. Красноярскъ — говорятъ бѣглые — строгій городъ и не мастеръ ютить у себя вольныхъ охотниковъ, свободныхъ путешественниковъ; Томскъ — такой городъ, гдѣ нѣкогда былъ для вольнаго житья бродягъ широкой просторъ при помощи разныхъ случайно-сложившихся обстоятельствъ. Томскъ и въ самомъ дѣлѣ одинъ изъ такихъ городовъ, гдѣ дѣятельность полиціи больше всѣхъ сибирскихъ городовъ находится въ затрудненіяхъ, и гдѣ меньше всего частная собственность находилась въ безопасности. Хроника полицейской практики, по поводу убійствъ, кражъ, грабежей и мошенничества всякаго рода въ городѣ Томскѣ, обильно испещрена весьма крупными и яркими чертами. Судя по хроникѣ этой, Томскъ какъ будто центральное мѣсто для отдохновенія ссыльныхъ въ родѣ огромнаго постоялаго двора, а городскія задворья нѣчто даже въ родѣ базара или даже ярмарки *). Зашалившись, наигравшись и отдохнувши здѣсь,—счастливые изъ бѣглыхъ идутъ дальше съ тѣмъ же смущеннымъ видомъ и кроткимъ сердцемъ, мало обращая вниманія на ѣдущихъ на встрѣчу, не поднимая даже глазъ на нихъ, какъ бы появленію ихъ отъ давней привычки не придаютъ въ этихъ мѣстахъ своихъ никакого значенія. Въ крайнихъ случаяхъ они приближаются къ кошевѣ, просятъ милостыни и только въ самыхъ крайнихъ и очень рѣдкихъ случаяхъ рѣшаются грабить и убивать. Да къ этому и большой нужды не предвидится; бродяга въ этихъ мѣстахъ уже сытъ, да и весьма близокъ къ цѣли странствій. Бараба живетъ домовито, и по ней на каждыхъ 20 верстахъ вытянулись людныя деревни, которыя и сыто ѣдятъ, и въ рабочемъ, при богатствѣ угодій, нуждаются. Къ тому же нынѣшные жильцы этого коммерческаго тракта сами либо дѣти, либо внуки такихъ же несчастныхъ и ссыльныхъ людей. Въ такихъ мѣстахъ бродяги не задумываются безбоязненно входить въ самыя деревни и подъ

---

*) Но и для Томска бывали строгія времена, и бродяги — говорятъ — подходя къ городу, стали освѣдомляться: кто правитъ полиціей и если-де все еще, Петька Л.....—то ну его къ чорту!—и ходить нечего, не рука!...» Однако послѣ него въ 1863 году, въ первые три дня Святой недѣли, полиція нашла семь труповъ, изъ которыхъ нѣкоторая часть лежала подлѣ разграбленныхъ лавокъ.

видомъ нищихъ и богомольцовъ выпрашивать подъ окнами плаксивымъ голосомъ на напѣвъ «Милосердной»: «милостивые наши отцы и матушки, не оставьте несчастныхъ прохожихъ! Христа ради подайте намъ милостынку.» Если прежніе крестьяне не ловили бродягъ изъ состраданія къ нимъ: «пущай-де идутъ себѣ съ Богомъ, зачѣмъ мы станемъ обижать несчастненькихъ, — на то у нихъ свое начальство есть»,—то барабинскіе жители и тѣ, которые живутъ благодушно и богато по Иртышу и дальше, — умѣютъ издавна обращать слово въ дѣло. Въ этихъ деревняхъ и селахъ милостынею несчастненькому обязываетъ себя всякая домовитая и сердобольная хозяйка, выставляя за окно на улицу на особой полочкѣ первый подвернувшійся подъ руку харчъ и хлѣбъ въ достаткѣ. Пропадетъ этотъ хлѣбъ и харчъ съ окна и полочки — хозяйка сотворитъ благодарственную молитву, крестъ на себя положитъ и опять поищетъ остатковъ и выставитъ за окно новую и свѣжую провизію. Такъ ведется дѣло искони и по всѣмъ спопутнымъ для бродягъ деревнямъ не только въ Сибири, но даже и кое-гдѣ въ Россіи *). Давно практикуемый въ Россіи обычай сѣять горохъ и рѣпу около дороги на помощь и лакомство для прохожихъ,— въ Сибири сталъ обязательнымъ въ такой степени, что продукты эти уже и не сѣютъ иначе, какъ у самаго полотна проѣзжей дороги, у самыхъ пѣшеходныхъ тропъ про нужду бродягъ и въ отвращеніе вѣроятныхъ бѣдъ отъ голодныхъ. Сибирская рѣпа вкусна и крупна, а потому у дороги всегда выщипана, во имя закона соединять пріятное съ полезнымъ.

Оправданіе этому явленію можно искать въ такой же живой симпатіи простолюдиновъ средней и южной Италіи къ бандитамъ—этимъ изгнанникамъ, поставленнымъ внѣ закона и ушедшимъ въ горы раз-

*) Прежде обычай этотъ былъ повсемѣстенъ, теперь онъ ослабѣлъ отъ преслѣдованій и внушенія, и полочку съ хлѣбомъ велятъ искать теперь прямо и безъ церемоніи въ самой избѣ на красномъ столѣ, а ночлежное ложе въ подъ-избицѣ. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію то, что, поселившись въ лѣсныхъ землянкахъ, бродяги зачастую выходятъ въ деревни просить милостыню на правахъ нищихъ, либо погорѣлыхъ. Сбившіеся въ большія артели бѣглые рѣшались даже затѣвать по деревнямъ пѣніе пѣсни «Милосердной» по образцу этапныхъ партій.

бойничать; въ недовѣріи къ правосудію судебной власти, во многомъ несогласной съ юридическими понятіями и обычаями самого народа. Находите ее въ чувствѣ народнаго самосохраненія, желающаго предупредительной дачей отвратить вѣроятный фактъ сердитаго и смѣлаго нападенія голодающаго и, въ случаѣ отпора, мести его за неудачу; находите причину таковой благотворительности въ христіанскомъ чувствѣ сердоболія къ несчастной братіи, которую незлопамятный народъ нашъ перестаетъ считать преступною, коль скоро преступленіе выкуплено карой и очищено возмездіемъ, хотя и заслуженнымъ, но все-таки обращающимъ вора и душегубца въ жертву, возбуждающую состраданіе. Можетъ быть, и вѣрнѣе всего, главная причина покровительства и защиты бродягъ въ путешествіи—во всѣхъ этихъ чувствахъ вмѣстѣ взятыхъ, но не въ нынѣшной любви къ удалымъ добрымъ молодцамъ, а именно въ той тоскѣ о памяти временъ «шатанья» — тоскѣ, которая до сихъ поръ громко сказывается и сильно заявляется въ безчисленномъ множествѣ видовъ бродяжества. Значительная часть ихъ обусловлена даже кореннымъ законнымъ дозволеніемъ, и самая большая половина обезсилила законъ и живетъ помимо его прочно и крѣпко. Бродяжествомъ жила Русь далеко послѣ тѣхъ временъ, когда плотили ее въ государство; бродягами разширила она свои предѣлы и ими же отстояла свою независимость отъ дикихъ кочевыхъ ордъ, напиравшихъ на нее съ востока и юга. Бродяги колонизовали сѣверъ, завоевали Сибирь, населили Донъ и Уралъ, когда еще это слово не получило настоящаго своего значенія и нынѣшные бродяги носили названіе «гулящихъ, пришлыхъ, вольныхъ людей». Не умалило этого народнаго коренного свойства искать способныхъ и выгодныхъ мѣстъ на свободномъ и широкомъ раздольѣ земли своей и Московское государство, когда ослаблено было экономическое и государственное значеніе Филиппова заговѣнья и уничтоженъ крестьянскій выходъ на Юрьевъ день. Бродяжество, вольный переходъ съ однихъ земель на другія и теперь живетъ въ народѣ, какъ одно изъ коренныхъ началъ его быта и движетъ народомъ на всѣхъ путяхъ, хотя и подъ другими именами, съ иными оттѣнками. Проявилось въ немъ и святое религіозное чувство; почувствовали въ элементахъ его нужду для себя и торговля, и ремесла, и промыслы, и самая обще-

ственная жизнь успѣла уже выродить настоящихъ бродягъ, въ европейскомъ смыслѣ этого слова, и на нихъ пока затворилась. Бродяжеству еще долго приведется жить на Руси и въ народѣ. Народъ нашъ ещо не сидитъ плотно на той территоріи, которую получилъ онъ въ наслѣдство отъ отцовъ и дѣдовъ. Какъ нѣкогда эти усиленно тянулись сначала на сѣверъ и востокъ, такъ въ наши дни замѣтно явленіе въ противоположную сторону. Посмотрите на югъ, съ какою быстротою растутъ тамъ бѣдныя татарскія деревушки въ громадные города, какъ Одесса, Маріуполь, Бердянскъ, Херсонъ, Ростовъ, Азовъ, Таганрогъ и десятки подобныхъ.

Замѣчено, что большая часть бѣглыхъ не заходитъ дальше предѣловъ Западной Сибири. Чаще другихъ посылаютъ иркутскій, нижнеудинскій, канскій и каинскій земскіе суды, но всѣхъ чаще ялуторовскій (Тобольской губерніи), и рѣже другихъ ишимскій и курганскій (той же губерніи), хотя сюда-то по преимуществу и направляются бродяги, желающіе попадать на Волгу и въ южную Россію *). Весною 1866 г., по поводу одного убійства, сдѣлали тщательные розыски около Омска и въ недѣлю наловили 180 бродягъ. Замѣчено, что особеннымъ усердіемъ и настойчивостію на побѣги отличаются мусульмане (татары и горцы), съ тупымъ равнодушіемъ выживающіе каторжные сроки, но бѣгущіе тотчасъ на родину, лишь только выпустятъ ихъ на пропитаніе или на поселеніе. Такое явленіе подмѣчено было начальствами и вызвало сенатскій указъ, который установилъ, вслѣдствіе безпрестанныхъ побѣговъ изъ Сибири сосланныхъ на каторгу магометанъ, такихъ преступниковъ изъ губерній: Казанской, Симбирской, Пермской и Оренбургской отправлять на будущее время въ финляндскія крѣпости. Впрочемъ, судя по цифрамъ сосланныхъ мусульманъ послѣ изданія этого указа, послѣдній не примѣнялся въ

*) Бѣглые изъ Успенскаго винокуреннаго завода (Тобольской губерніи) наладили и завоевали себѣ путь въ Россію по направленію на г. Челябу, а оттуда уже на Уфу и дальше, куда кому вздумается. Этапной дороги по Россіи боятся, ходятъ дорогами малоторевыми, но по Сибири зачастую, говорятъ, ночуютъ на этапахъ, въ самыхъ полуэтапныхъ зданіяхъ, пользуясь прежнимъ знакомствомъ и побратимствомъ съ солдатами.

полной силѣ: мусульмане ближайшихъ къ Сибири губерній бѣгали назадъ, пользуясь близостію мѣста и удобствомъ прикрытій; бѣгали и черкесы, безсильные совладѣть съ острыми припадками опасной болѣзни «тоски по родинѣ». Извѣстный путешественникъ по Сибири Аткинсонъ въ непроходимыхъ окрестностяхъ Алтынъ-Куля и долины Біи встрѣтилъ партію въ 40 человѣкъ такихъ бѣглыхъ черкесовъ:

«Занимаясь въ розсыпяхъ промывкою золота, черкесы съумѣли тайно припрятать небольшое количество золота, на которое добыли себѣ необходимое оружіе и снаряды къ нему. То и другое было спрятано ими въ одной отдаленной пещерѣ, находящейся въ дикой, недоступной мѣстности. Въ условленный день они бѣжали всѣ разомъ изъ разныхъ рудниковъ, гдѣ были распредѣлены по работамъ, и довольно удачно соединилась въ пещерѣ. Потомъ они успѣли захватить киргизскій табунъ, изъ котораго выбрали себѣ хорошихъ скакуновъ, принудивъ пастуховъ быть ихъ проводниками черезъ Саянской хребетъ. Лѣсъ служилъ имъ палаткою, лѣсная дичъ—пищею. Конечно, голодъ и нужду приходилось имъ терпѣть очень часто, но надежда поддерживала смѣлыхъ горцевъ. Наконецъ, все-таки они достигли такихъ мѣстъ, гдѣ проводники сказали имъ, что дальше не знаютъ, куда вести ихъ. Черкесы отпустили проводниковъ и пустились далѣе на угадъ. Ужасныя, крутыя пропасти Алтая и дикіе горные потоки принуждали ихъ къ безконечнымъ обходамъ и переходамъ, и до того сбили съ толку, что они, наконецъ, попали въ трущобы Алтынъ-Куля. Тутъ-то у нихъ и произошла стычка съ обитавшими тамъ калмыками. Хотѣли ли послѣдніе захватить ихъ въ плѣнъ и потомъ выдать русскимъ, или черкесы, вынуждаемые крайностію, прибѣгли къ насилію, этого нельзя было узнать; результатъ былъ однако тотъ, что нѣсколько калмыковъ было убито, и аулъ ихъ былъ преданъ пламени. Обстоятельство это послужило сигналомъ къ заключительному акту трагедіи. Быстро разнеслась вѣсть о появленіи вооруженныхъ людей и, переходя изъ аула въ аулъ, достигла, наконецъ, съ подобающимъ преувеличеніемъ до казачьяго поста Сандипскаго. Случилось, что командовавшій въ форпостѣ офицеръ былъ тогда немного болѣе обыкновеннаго веселъ, по случаю праздника.» Долго не размышляя и не теряя времени на безполезныя думы, онъ тотчасъ же от-

правилъ въ Барнаулъ нарочнаго съ тревожнымъ извѣстіемъ. Извѣстіе пришло въ то время, когда развеселый Барнаулъ приготовлялся къ предстоящимъ баламъ и святочнымъ увеселеніямъ: сказали, что три тысячи азіятовъ идутъ мѣшать этимъ удовольствіямъ и вмѣсто паркетнаго вальса могутъ заставить кружиться въ пескѣ на арканѣ. Весь городъ пришолъ въ страшное смущеніе. Новые вѣстники изъ долины Біи говорили, что войска состоятъ изъ семи тысячъ человѣкъ, а другіе даже увѣряли, что всего десять тысячъ, снабженныхъ ружьями и проч. Между тѣмъ дѣло кончилось, по словамъ Аткинсона, слѣдующимъ образомъ:

«Всѣ общества калмыковъ, населявшихъ долину рѣки Біи и окрестности Алтынъ-Куля, соединились и, зная отлично всѣ ущелія и тропинки, сначала преградили черкесамъ пути ко спасенію, а потомъ загнали ихъ въ такую трущобу, откуда не было никакого выхода. Когда, наконецъ, черкесы приблизились на разстояніе ружейнаго выстрѣла, между ними и калмыками завязалась смертельная перестрѣлка. Скрываясь въ засадѣ, калмыки были въ очевидныхъ выгодахъ передъ черкесами и могли стрѣлять въ нихъ почти въ упоръ. Черкесы такъ и падали одинъ за другимъ отъ мѣткихъ выстрѣловъ своихъ озлобленныхъ враговъ. Къ вечеру того дня число черкесовъ съ 40 уменьшилось до 15, которые, побросавши своихъ лошадей, пытались-было по острымъ камнямъ и утесамъ выползти изъ ущелья. Не перекусивши въ цѣлый день ни крошки и совершенно выбившись изъ силъ, они принуждены были провести ночь на голыхъ камняхъ, подъ открытымъ небомъ. Когда разсвѣло, черкесы пустились карабкаться дальше и уже доползали до маленькаго лѣсочка, какъ вдругъ на встрѣчу имъ раздался ружейный залпъ засѣвшихъ въ лѣсу калмыковъ: трое черкесовъ пали мгновенно, а ещо пятеро были подстрѣлены на бѣгахъ. Отчаянная погоня возобновилась опять. Чрезъ нѣсколько времени осталось въ живыхъ только четверо черкесовъ, которые успѣли скрыться въ лѣсу. Наконецъ, кажется, сами стихіи рѣшились принять участіе въ борьбѣ. Небывалая по страшной ярости буря разразилась громомъ, молніей, снѣжной вьюгой и всяческими невзгодами. Калмыки принуждены были поспѣшно отступить, предоставивъ рѣшенію высшихъ силъ конецъ этого печальнаго акта.

Четыре дня длилась буря съ бураномъ и ни единая живая душа не слыхала потомъ ничего объ остальныхъ четырехъ черкесахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что они вскорѣ потомъ погибли отъ голода, холода и страшно мучившей ихъ жажды».

Не лучше этой участь и всѣхъ другихъ горцовъ, имѣющихъ обыкновеніе, вопреки общимъ бродяжьимъ порядкамъ, направляться въ киргизскія степи, а между прочимъ и тѣхъ, о которыхъ существуетъ въ Сибири такая легенда:

Нѣсколько бѣглыхъ горцовъ брели томимые голодомъ и жаждою по необитаемой степи киргизовъ. Но судьба была на столько къ нимъ милостива, что указала имъ въ одномъ мѣстѣ верблюда. Приблизившись къ нему, они нашли его живымъ и привязаннымъ къ кургану. На курганѣ лежало все то, что имъ было надо: кусокъ жаренаго мяса, чашка варенаго риса, чашка кумысу и еще кое-что изъ съѣдобнаго, а между прочимъ кошма (войлокъ), халатъ, башмаки и еще что-то носильное. Все это свидѣтельствовало о томъ, что бѣглые пришли на могилу киргиза, здѣсь погребеннаго съ любимыми вещами и ѣздовымъ верблюдомъ. Бѣглые потребили все съѣстное и, замѣтивъ во взглядѣ верблюда что-то умоляющее, печальное и, почувствовавъ въ сердцѣ участіе къ нему, безъ сомнѣнія обреченному на голодную смерть, отвязали верблюда и пустили на волю, а сами, въ свою очередь, отправились дальше. Верблюдъ пошолъ за ними. Прибавляя шагъ и разсчитывая въ верблюдѣ найти предателя, бѣглые прятались за песчаные холмы, чтобы скрыться изъ глазъ его, но не достигали цѣли. Припадая къ рытвинамъ, они ложились и отдыхали: преслѣдовавшій ихъ верблюдъ также ложился и отдыхалъ. Но лишь только они поднимались, пускались въ путь дальше, разсчитывая, что верблюдъ спитъ и не видитъ, — верблюдъ, вѣроятно движимый чувствами признательности за спасеніе, также поднимался съ мѣста своего ночлега, вытягивалъ свою длинную шею и, пользуясь широкимъ кругозоромъ ровной степи, выглядывалъ своихъ спасителей и пускался слѣдомъ за ними въ догонку. Разъ даровавши ему жизнь, бѣглые изъ личныхъ разсчотовъ не рѣшались пресѣчь ее и такимъ образомъ сами попали на арканъ киргизовъ, нашедшихъ могилу соотчича святотатственно ограбленною и рокового верблюда отвязан-

нымъ. Бѣглые были связаны и представлены въ Омскъ для того, чтобы разсказать въ тамошней пересыльной тюрьмѣ эти приключенія свои. Въ Нерчинскихъ заводахъ начальники ихъ изъ опыта и многолѣтнихъ наблюденій вывели то замѣчаніе въ добавокъ ко всему, что бѣглые мусульмане довольствуются тѣмъ, что сходятъ подышать воздухомъ родныхъ горъ и долинъ, и снова возвращаются на каторгу, какъ бы считая для себя постыднымъ и грѣховнымъ дѣломъ обходить судьбу и бороться съ нею собственными, людскими средствами. Не даромъ же они покорялись ей во все время, назначенное для каторжныхъ работъ и пустились въ бѣга только потому, что сняли съ ногъ путы и дали достаточно свободы, чтобы ею воспользоваться и полечиться отъ неизбѣжной тоски по родинѣ.

Конечно, не дѣлаютъ такъ бѣглые изъ русскихъ преступниковъ. У этихъ свободнаго, произвольнаго возвращенія не замѣчено; напротивъ, бѣглые русскіе въ большинствѣ своемъ стараются не только добраться до родного попелища, но и забѣжать дальше и, если возможно, пожить повеселѣе и почуднѣе. По Сибири, въ пятидесятыхъ годахъ, двое ссыльныхъ, подъ видомъ ревизора-генерала, ѣздили по городамъ съ фальшивыми паспортами и наводили на всѣхъ чиновниковъ страхъ и ужасъ. Поссорившись между собою, пошли опять въ каторжныя тенета. По Тобольску долгое время ходилъ юродивый, бывшій у тамошнихъ дамъ въ великомъ почетѣ: его кормили, ублажали, считали святымъ человѣкомъ. Мужья, справившись съ карманами, стали подозрѣвать его и слѣдить за нимъ, особенно за длинными, грязными волосами, которые безобразно закрывали все лицо юродиваго. Навели справки, сдѣлали легонькій осмотръ: на лицѣ святоши оказались невытравленныя каторжныя клейма, а юродивый—бѣгло-каторжнымъ изъ тюменскихъ купеческихъ сыновей. Въ 1863 году, бѣглый солдатъ пермскаго батальона Софроновъ, подъ видомъ и званіемъ капитана турецкаго флота и полковника де-Северина, шалилъ по Сибири: въ Тобольскѣ не совсѣмъ удачно, въ Тарѣ съ пріобрѣтеніемъ значительныхъ суммъ взаймы; въ Томскѣ съ приглашеніемъ на балы и обѣды. Въ Красноярскѣ въ немъ усумнились, заковали въ кандалы, посадили въ секретную чижовку и пригрозили плетями. Съ одного изъ этаповъ за Красноярскомъ Софроновъ опять

бѣжалъ, опять надѣлъ гусарскій мундиръ и снова мошенничалъ направо и налѣво до Иркутска. Въ Иркутскѣ опять его заковали и сослали дальше, преградивъ ему путь къ дальнѣйшимъ обманамъ и самозванству. Ни съ приглашеніемъ, ни безъ приглашенія онъ уже никогда и ни къ кому не ѣздилъ, не бралъ взаймы денегъ и не измышлялъ ловкихъ и неловкихъ надувательствъ. Словомъ, проказъ бродягъ по Сибири не оберешься.

Но на этомъ для опытныхъ и терпѣливыхъ бѣглыхъ не конецъ; нѣкоторымъ удается пожалить и попроказничать и въ самой Россіи, которая въ этомъ отношеніи не строже Сибири. Въ Россіи пути каторжныхъ безпредѣльно широки и длинны. Какъ нѣкогда въ нихъ находили для себя много питательныхъ и готовыхъ началъ всѣ тѣ систематическіе разбои (особенно волжскіе), которые ещо въ началѣ нынѣшняго столѣтія были сильны, такъ и теперь въ этомъ элементѣ заключено ещо не мало опасности, и онъ самъ въ себѣ представляетъ ещо много живучей силы и дѣятельности.

Когда, во время разбоевъ Быкова подъ Казанью, и послѣ ареста его въ тамошномъ тюремномъ замкѣ, потребовалось поискать и найти бѣжавшаго его товарища и самаго главнаго злодѣя Чайкина, городская полиція сдѣлала повальный по городу обыскъ. Обыскъ этотъ не съумѣли сдѣлать внезапнымъ, значительно огласило его само общество, принявшее живое участіе въ розыскахъ товарищей изъ шайки разбойниковъ, и сама полиція рылась по кабакамъ и тайникамъ долгое время и все-таки успѣла въ самомъ городѣ Казани (съ 10 августа по 15 сентября) найти 17 человѣкъ бѣглыхъ и безпаспортныхъ. Одни оказались бродягами, непомнящими родства, другіе отлучившимися безъ дозволенія начальствъ и шатавшимися по городу безъ опредѣленной цѣли. Между ними *третья часть, девять человѣкъ* оказалось бѣжавшими изъ Сибири съ *каторжныхъ работъ*. Таковыми же были и сами: Дмитрій Ивановъ Быковъ и Севастьянъ Васильевъ Чайкинъ, бѣжавшіе въ 1845 году вмѣстѣ изъ Иркутскаго соловареннаго завода, а Ѳедоровъ изъ Нерчинскаго.

Въ 1849 году, 23 іюня, дано имъ было по тысячѣ пятисотъ ударовъ шпицрутенами, съ намѣреніемъ отправить въ каторжную ра-

боту безъ срока, но, бывъ отправлены въ лазаретъ, оба 25 числа померли отъ воспаленія легкихъ.

Извѣстный Гусевъ, нѣсколько разъ бѣгавшій изъ Сибири, разбойничалъ подъ Саратовомъ и въ самомъ городѣ святотатственно ограбилъ соборъ. Такой же веселой пѣсенникъ и несомнѣнный поэтъ Кармелюкъ разбойничалъ на Волыни, и только измѣнѣ и подкупу обязанъ былъ тѣмъ, что его убили въ хатѣ его возлюбленной.

Когда въ Астрахани, на волжскихъ рыбныхъ промыслахъ, велѣно было привести въ извѣстность количество рыбаковъ, не имѣющихъ паспортовъ, и земскими властями произведенъ былъ учотъ всѣмъ людямъ на всѣхъ ватагахъ,—число бѣглыхъ выяснилось въ громадную цифру пятнадцати тысячъ. Близъ той же цифры полагаютъ число безпаспортныхъ на рыбныхъ ловляхъ Азовскаго и Чернаго морей. Полиціи городовъ приморскихъ находятся во всегдашныхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ при стремленіяхъ охранять частную собственность гражданъ среди такого наплыва всякаго сброда людей, гдѣ почасту: кто съ борку, кто съ сосенки, кто прямо-таки съ нерчинской каторги. Всегда подобный фактъ становится явнымъ, лишь только полиція, по какому-либо возбужденію, усилитъ свою дѣятельность, напряжотъ свое вниманіе и старательнѣе осмотрится кругомъ себя. Въ Астрахани до сихъ поръ памятенъ человѣкъ, нѣсколько недѣль свободно ходившій по тамошнимъ исадамъ (рынкамъ) съ подвязанными щеками, которыя потомъ оказались клейменными штемпелевыми точечными знаками, и видимо мирный обыватель—бѣгло-каторжнымъ. И едва ли гдѣ частная собственность наименѣе находится внѣ опасности, какъ именно въ тѣхъ городахъ, гдѣ безрыбье въ извѣстное время обусловливаетъ возрастаніе многолюдья въ извѣстныхъ мѣстахъ. Нѣкоторые города въ этомъ отношеніи получили даже крупную общественную извѣстность читателямъ нашихъ газетъ, обращающихъ вниманіе на болѣе характерныя иногородныя корреспонденціи. Не мудрено такіе города распознать и выдѣлить.

Вообще путь сибирскихъ бѣглыхъ по Россіи замѣчательно великъ, безконечно разнообразенъ подробностями и обстановкою, и въ

разнообразіи своемъ и тягучести какъ-будто даже и конца не имѣетъ. Обрываясь для однихъ, менѣе счастливыхъ и смѣлыхъ, онъ идетъ далеко для другихъ, взысканныхъ слѣпымъ счастіемъ. Для ссыльно-каторжнаго Быкова онъ шолъ черезъ кабакъ, два года тянулся по деревнямъ оренбургскаго тракта, оборвался на разбояхъ въ Спасскомъ и Лаишевскомъ уѣздахъ Казанской губерніи, и подъ городомъ Казанью, и повернулъ-было снова туда же, назадъ, на каторгу, но вдругъ пересѣкся по причинамъ, отъ самого Быкова не зависящимъ. Для бѣгло-каторжнаго Попова путь этотъ вышелъ на ветлужскія помѣстья, вывелъ этого смѣлаго искателя приключеній въ Петербургъ въ честь и славу, гдѣ тоже счастіе дало ему во владѣніе чинъ большой, два дома большихъ и большія кучи денегъ; оборвался этотъ путь на сенатѣ и опять повернулъ съ нимъ же, невоздержнымъ и зарвавшимся на удачахъ счастливцомъ, на каторгу: снова туда же, откуда приходилъ онъ за этими предательскими подачками слѣпого счастья.

ГЛАВА IV.

НА ПРОПИТАНІИ.

Испытующіеся.—Воздержные.—Невоздержные.—Казенные порядки и степени облеченія.—Прикованные къ тачкамъ.—Прикованные на стѣнную цѣпь.—Колоколъ.—Сумашествія.—Акатуй.—Тамошные цѣпные.—Секретные.—Каторжныя селенія и жители.—Юрдовки.—Теребиловки.—Фабрики фальшивыхъ паспортовъ.—Горные служители.—Торговля краденными металлами.—Желтая пшеничка.—Карымы.—Фабрикантъ червонцовъ.—Соколовъ.—Успенская фабрика.—Бумажныя фальшивыя деньги.—Каторжныя болѣзни.—Пропитанные.—Исправившійся каторжный.—Шатанье и воровство.—Увольненіе отъ работъ.—Каторжныя дѣти.—Пѣсня.

Прежде, чѣмъ ссыльный пріобрѣтетъ себѣ право выдти на *пропитаніе*, поступить въ разрядъ такъ-называемыхъ *пропитанныхъ*, ему предстоитъ еще много степеней и разрядовъ. Вотъ этотъ порядокъ по оффиціальнымъ бумагамъ, правиламъ и предписаніямъ. Начинаемъ съ каторги на заводахъ.

Всѣ ссыльно-рабочіе, по прибытіи въ заводъ, поступаютъ въ разрядъ *испытующихся*. Они живутъ въ казармахъ, свободные отъ оковъ, подъ ближайшимъ дозоромъ надзирателя и непосредственнымъ наблюденіемъ смотрителя; довольствуются пищей въ артели; лѣтомъ, лучшіе увольняются для обработыванія огородовъ; правомъ отдыха *пользуются* только въ табельные дни. Поступившимъ изъ партій дозволяется жить въ квартирахъ *воздержныхъ*. Эти воздержные пользуются слѣдующими правами и преимуществами: могутъ строить для себя дома, могутъ пользоваться землею для хлѣбопашества, сѣнокосовъ, огородовъ, заниматься скотоводствомъ.

Неимѣющіе собственныхъ домовъ могутъ пускать ихъ въ казенныя работы, за установленную плату. Для отдыха и поправленія быта своего пользуются всѣми воскресными и табельными днями. «Но если бы кто, изъ употребляемыхъ по мастерствамъ въ цехахъ, принадлежащіе ему дни отдыха посвятилъ, по назначенію начальства, казенной работѣ, таковой за эти дни имѣетъ право на двойной плакатъ *) и въ обоихъ случаяхъ пользуется отпускомъ провіанта сполна опредѣленнымъ пайкомъ». Изъ этого разряда воздержныхъ назначаются надзиратели по разнымъ цѣхамъ. Ссыльно-рабочіе этого разряда, какъ пріобрѣвшіе право на снисходительное вниманіе начальства къ лучшему устройству ихъ быта, увольняются въ страдное (рабочее) время для полевыхъ работъ, смотря по мѣрѣ надобности, для заготовленія корма скоту и уборки лѣса. Сверхъ того, дабы болѣе исправить ихъ нравственность и укоренить благонравіе тѣхъ изъ этого разряда, которые отличаются своимъ поведеніемъ, будутъ подавать примѣръ своимъ сотоварищамъ. — предоставляется управляющему право (на основаніи утвержденной для него инструкціи и высочайшаго указа, даннаго правительствующему сенату въ 10-й день октября 1821 г.) исключать изъ ссыльныхъ и помѣщать въ мастеровые, производя въ подмастерья и мастера, если искусствомъ своимъ сдѣлаются того достойными, съ распространеніемъ на нихъ и дѣтей ихъ всѣхъ правъ, мастеровымъ присвоенныхъ. И чтобы отличить этотъ разрядъ самымъ наружнымъ видомъ, то немолодымъ изъ нихъ дозволяютъ носить бороды. За прожитіе на заводѣ совершенно безпорочно, съ должнымъ прилежаніемъ къ работѣ и покорностью къ начальству, ссыльно-рабочимъ прибавляется, сверхъ положеннаго плаката, по роду работъ, ежемѣсячно: проведшимъ пять лѣтъ — по 50 коп., проведшимъ 10 лѣтъ — по

*) Плакатъ или жалованье ссыльно-рабочій получаетъ по трудамъ и искусству; задѣльную же плату по успѣху въ урочной работѣ. Въ Александровскомъ винокуренномъ заводѣ, ссыльные получаютъ 3 руб. асс. въ мѣсяцъ и два пуда муки. Въ Усольѣ, холостые по 2 пуда муки, женатые по 3 пуда, и дѣти, до 12 лѣтъ, по 1 пуду, съ вычетомъ изъ жалованья по 20 и по 10 коп. асс. за пудъ, и всѣ состоятъ на задѣльной платѣ, доходящей до 50 руб. сер. въ годъ. На нерчинскихъ заводахъ мѣсячный плакатъ 60 к. и на соловаренныхъ до 80 к.

1 руб., и за 15 лѣтъ *выпущать ихъ на собственное пропитаніе*. Воздержные получаютъ плакатъ на руки, другая же половина поступаетъ въ сохранный артельный капиталъ, которому ведется отчотная книга.

Но тѣ рабочіе, которые въ разрядѣ испытующихся окажутся «нравственности неблагонадежной, поведенія недобропорядочнаго и сомнительнаго, склонны къ побѣгу и замѣчены въ нерадѣніи къ устройству своего быта», образуютъ третій разрядъ, которому оффиціальное предписаніе даетъ названіе *невоздержныхъ*. *Невоздержными* называются всѣ тѣ рабочіе, которые выпущены послѣ наказанія за побѣги, воровства, драки и прочія неуголовныя преступленія, оканчиваемыя наказаніемъ по полицейскому разбирательству. Въ разрядъ невоздержныхъ поступаютъ и тѣ, которые исключены изъ разряда воздержныхъ за проступки, «замѣченные неоднократно въ невоздержности отъ пьянства, ссоръ, дракъ и грабежей», и тѣ ссыльно-каторжные, которые присылаются въ заводы впредь до полученія справокъ, и тѣ, наконецъ, ссыльные, которые сдѣлали въ Сибири преступленія, какъ изъ поселенцевъ, такъ и изъ рабочихъ, находящихся въ другихъ заводахъ. Невоздержные содержатся въ казармахъ скованными и также получаютъ содержаніе въ артели. Право отдыха имѣютъ они только въ высокоторжественные табельные дни. Тѣ изъ нихъ, которые «совершенно погасили послѣднюю искру совѣсти, истребили не только желаніе, но даже и намѣреніе къ исправленію, дѣлали вторичные изъ заводовъ побѣги, замѣчены неоднократно въ воровствахъ, мошенничествѣ, обманахъ, въ подговариваньи другихъ къ побѣгамъ и подобныхъ пакостяхъ, — словомъ по распутству своему неподающіе никакой надежды къ обузданію», образуютъ четвертый разрядъ заводскихъ ссыльно-рабочихъ, разрядъ *неисправимыхъ*.

Неисправимые содержатся также въ казармѣ и въ особой артели, и также, наравнѣ съ невоздержными, скованы; но съ тою разницею, что для предупрежденія побѣговъ, ихъ обязали замыкать на ночь. Головы этихъ ссыльныхъ на половину должны быть выбритыми; на работу выводятся они не иначе, какъ за военнымъ карауломъ. Мѣрою исправленія для нихъ полагается: кандалы, которыя они

должны носить полгода (тогда какъ невоздержные носятъ ихъ только два мѣсяца).

Оба эти разряда невоздержныхъ и неисправимыхъ не получаютъ въ собственное распоряженіе изъ плаката ни копѣйки; заработки ихъ записываются въ особую шнуровую книгу и истрачиваются смотрителемъ на одежду для нихъ. Неисправимые только черезъ годъ, при хорошемъ поведеніи, имѣютъ право поступать въ разрядъ испытующихся; въ противномъ случаѣ, управляющіе заводами имѣютъ право (не испрашивая даже позволенія губернскаго начальства) отсылать неисправимыхъ въ нерчинскіе горные заводы.

Время содержанія въ нерчинскихъ рудникахъ (а стало быть и въ тамошныхъ заводахъ *) постановлено Сводомъ Законовъ въ слѣдующей подробности. Безсрочные арестанты (перваго разряда) должны пробыть въ тюрьмѣ 8 лѣтъ; присужденные къ работамъ на срокъ отъ 15 до 20 лѣтъ (1-го разряда) живутъ въ тюрьмѣ четыре года; назначенные на срокъ отъ 12 до 15 лѣтъ (2-го разряда) — въ тюрьмѣ два года; каторжные третьяго разряда (отъ 6 до 8 лѣтъ) живутъ въ тюрьмѣ полтора года; осужденные на срокъ отъ 4 до 6 лѣтъ — въ тюрьмѣ живутъ годъ. Подающіе въ теченіи этого времени надежду на исправленіе поведеніемъ своимъ и трудолюбіемъ, перемѣщаются въ разрядъ *исправляющихся* и находятся уже подъ полицейскимъ присмотромъ. Ссыльно-каторжные перваго разряда черезъ три года, а третьяго разряда черезъ годъ послѣ поступленія въ разрядъ исправляющихся, могутъ, съ разрѣшенія горнаго начальства или казенной палаты, получать дозволеніе жить не въ острогѣ, а въ комнатѣ заводскихъ мастеровыхъ. Могутъ даже построить для себя домъ на землѣ, принадлежащей заводу и вступить въ бракъ (но оба эти дозволенія красивы только на бумагѣ, но не на самомъ дѣлѣ, какъ увидимъ впослѣдствіи).

Тюремный надзоръ обусловленъ также особыми правилами и пред-

---

*) Нерчинскіе рудники, какъ извѣстно, извлекали серебристыя и серебристо-свинцовыя руды, а заводы занимались выплавкою свинца и серебра. При этомъ на мышьякъ, сюрьму, цинкъ и киноварь не обращалось никакого вниманія: серебро и золото слѣпили глаза.

писаніями, которыя, въ главныхъ своихъ чертахъ, сопровождаются слѣдующими подробностями на бумагѣ и отчасти на дѣлѣ:

«По прибытіи на заводъ, ссыльные, долженствующіе поступить въ извѣстные разряды и содержаться въ острожныхъ казармахъ, принимаются во всякое время, какъ днемъ, такъ и ночью, не исключая воскресныхъ, праздничныхъ и торжественныхъ дней». То же самое разумѣется и о тѣхъ ссыльныхъ, которые, проживая на заводѣ, внѣ острога, по распоряженію заводскаго начальства, должны поступить въ острогъ. Пріемъ производится при караульномъ офицерѣ или унтеръ-офицерѣ смотрителемъ острога, который записываетъ въ шнуровую книгу число и мѣсяцъ поступленія, имя и прозваніе ссыльнаго, разрядъ его, отъ кого присланъ и по какому преступленію или изъ партіи, примѣты его, собственныя вещи и деньги, отбирая ихъ отъ ссыльнаго, буде находятся. По пріемѣ врачъ свидѣтельствуетъ тогда же или непремѣнно на другой день. Въ случаѣ болѣзни, ссыльный отсылается въ больницу. Свидѣтельства врача записываются въ книгу. «Число находящихся въ острогѣ людей, какъ закованныхъ, такъ и безъ оковъ, должно быть вполнѣ извѣстно караульному офицеру. Деньги, отобранныя у арестантовъ, записываются въ книгу; ссыльный, хозяинъ ихъ, если грамотный, подписывается. Принятыя деньги запечатываются въ пакетъ, который, вмѣстѣ съ другими, хранится въ заводской кладовой, а прочія вещи—въ кладовой при острогѣ, въ общемъ ларѣ или сундукѣ. Ключи отъ всего этого, а также припасы и прочее, приготовляемое на счотъ артельной суммы (какъ обувь и одежда), и на счотъ сохраннаго капитала, хранятся у смотрителя острога. «Когда ссыльный долженъ выбыть вовсе изъ острога, по переводѣ въ высшій разрядъ или, по заслужонному довѣрію, для житья на квартирѣ, слѣдующія ему по разсчоту деньги выдаются на руки. Ссыльные въ острогѣ размѣщаются, сколько возможно, безъ тѣсноты, а подсудимые или присужденные по какому-либо наказанію отсылаются изъ острога на заводскую гауптвахту. Часовые въ острогѣ не должны стоять внутри комнатъ, но въ дверяхъ, корридорахъ и другихъ мѣстахъ, гдѣ окажется удобнымъ и чтобы они всегда имѣли въ виду ссыльныхъ».

Въ острогѣ «не дозволяется имѣть бумагу, чернила, карандаши

и т. п. и писемъ отъ нихъ не принимать, не дозволяя и получать таковыя. Не дозволять игры въ карты, въ шашки, кости и никакія другія; также не дозволять играть ни на какихъ инструментахъ. Строго запрещается курить табакъ. Всегда запрещаются всякаго рода рѣзвости, произношеніе проклятій, божбы, укоровъ другъ другу, своевольства, ссоръ, брани, разговоровъ, соблазнительныхъ пѣсенъ, хохота и т. п. Виновнаго смотритель отдѣляетъ отъ другихъ въ особое помѣщеніе (карцеръ), опредѣляя самую умѣренную и меньше другихъ пищу, отъ одного до шести дней включительно, на хлѣбъ и воду».

Рисуя этими подробностями отчасти бытовую сторону тюремной жизни, предписанія и предначертанія начальства дальше идутъ въ сторону отъ предписаній, смыслъ которыхъ истекаетъ изъ законоположеній. Выходя на собственную дорогу, предполагающую практическую подготовку, предначертанія ихъ являются уже самостоятельными, заключаютъ въ себѣ интересъ практическій. При внимательномъ изслѣдованіи мы видимъ совсѣмъ другое. Какъ бы отыскавши въ своихъ воспоминаніяхъ, нащупавши въ своихъ представленіяхъ знакомые образцы, начальство тюремное не задумалось, по милымъ образцамъ корпуснаго дѣтства, рисовать дальше наивныя и простосердечныя картины тѣхъ же порядковъ, какіе введены во всѣхъ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ. На сколько правила эти ушли отъ практическаго примѣненія, мы знаемъ изъ второй главы этого тома. На сколько они незамысловаты и красиво приглажены на бумагѣ, но безжизненны и недѣйствительны, увидимъ сейчасъ.

Предписывая «ссыльнымъ брить бороды чрезъ инвалиднаго цирюльника, также волосъ длинныхъ не запускать, а стричь ихъ, по обыкновенію, пристойно, по солдатски, а подозрительнымъ и склоннымъ къ побѣгамъ брить половину головы», мѣстное начальство въ дальнѣйшемъ теченіи предначертаній впадаетъ въ идиллію и пишетъ такія картины: «Ссыльные въ острогѣ встаютъ поутру, лѣтомъ и зимою, за часъ до пробитія звонка, призывающаго на работу. Караульный офицеръ, вмѣстѣ съ острожнымъ смотрителемъ и нарядчикомъ, идутъ по камерамъ и дѣлаютъ перекличку. Вставшій ссыльный, умывшійся и спрятавшій койку подъ нары, чешется; комнаты метутся. Когда послѣднія будутъ выметены и вычищены, читается внятно, во

всеуслышаніе, утренняя молитва и всѣ ссыльные должны стоять смирно, не разговаривать и ни подъ какимъ предлогомъ не лежать при этомъ. По совершеніи молитвы дается завтракъ, исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней, на первой и на страстной недѣлѣ и вообще въ продолженіе великаго поста по средамъ и пятницамъ. Какъ колоколъ возвѣститъ время работъ, нарядчикъ объявляетъ нарядъ по работамъ, кто чѣмъ долженъ заниматься во время дня, для чего ссыльные выводятся во дворъ острога, гдѣ вновь производится перекличка при военномъ караулѣ. Скованные отдаются конвойнымъ, нескованные сдаются на руки десятникамъ и потомъ отправляются на работы мѣрнымъ шагомъ, по три въ рядъ: караульные впереди, позади и по сторонамъ, въ приличномъ разстояніи; военные съ заряженными ружьями, а десятники съ палками».

Таково начало этой тюремной эпопеи во вкусѣ всяческихъ плацовъ и всякихъ корпусовъ и пансіоновъ. Отступленій почти нѣтъ. Нить повѣствованія порвалась два раза: въ первый—для того только, чтобы сказать, что «на дворѣ нельзя терпѣть сору, а нужно выметать оный, выносить и сваливать на отведенное нарочно для сего мѣсто», и во второй разъ оборвалась повѣствовательная нить ради слѣдующаго: «часто ссыльные, пользуясь ночнымъ временемъ, употребляютъ оное для злыхъ замысловъ, дабы воспрепятствовать сему. Острожный смотритель по часту обязанъ, въ ночное время, по нѣскольку разъ осматривать комнаты ссыльныхъ».

Затѣмъ снова идетъ потокъ порядковъ въ такихъ выраженіяхъ: «Когда звонъ колокола извѣститъ обѣденное время, каждый долженъ сдать приставникамъ инструменты счотомъ и тѣмъ же порядкомъ (т. е. по три въ рядъ) отправляются въ острогъ, гдѣ строго дѣлается перекличка, и, послѣ молитвы, всѣ садятся за столъ обѣдать благопристойно и не разговаривая между собою. Послѣ обѣда читается благодарственная молитва и допускается отдохновеніе. Когда пройдетъ часъ отдохновенія, тогда повѣщается о томъ колоколомъ». Для вечера тотъ же порядокъ: «По окончаніи ужина, спустя полчаса и когда со столовъ уберется посуда и прочее, караульный офицеръ дѣлаетъ перекличку. Въ камерахъ огонь долженъ быть до тѣхъ поръ, пока не запрутъ всѣхъ по вечерней перекличкѣ, и послѣ зари и по выходѣ изъ

комнатъ надзирающихъ за ссыльными ни подъ какимъ видомъ огня въ комнатахъ не оставлять».

Послѣ всего уже сказаннаго нами прежде, мы считаемъ излишнымъ для себя и читателей нашихъ говорить о томъ: на сколько непохожа картина, нарисованная на бумагѣ, на ту, которая возможна, при существующихъ порядкахъ тюремныхъ, на дѣлѣ. Сильно ошибется тотъ, кто найдетъ въ прописанныхъ порядкахъ какое-нибудь сходство съ тѣми, которыми хвалятся и славятся тюрьмы улучшенныхъ системъ (пенитенціарной съ обѣтомъ молчанія и пенсильванской—одиночнаго заключенія). Призрачное сходство въ началѣ можетъ привести на этотъ разъ развѣ только къ тому заключенію, что и мы не прочь похвастаться тамъ, гдѣ этого желаютъ и требуютъ. На самомъ же дѣлѣ на всѣхъ затѣяхъ лежитъ печать худо-скрытой непрактичности, во всѣхъ дѣлахъ — явная безплодность начинаній, способная довести до отчаянія, но доводящая только до равнодушія, отъ котораго и проистекаетъ цѣлый рядъ безплодныхъ мѣръ и цѣлая цѣпь недоразумѣній, крупныхъ ошибокъ и повсемѣстныхъ неудачъ. Послѣдуемъ за разскащикомъ далѣе.

«Конвойные обязаны наблюдать, чтобы ссыльные не учинили утечки, не просили по улицамъ милостыни, не останавливались для сего противъ домовъ, не заходили ни въ какія публичныя мѣста, не позволять имъ въ пути пить вино, не дозволять принимать ни отъ кого изъ проходящихъ какія бы ни было вещи или оружіе. Въ праздничные дни и въ воскресные, если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, нѣсколько человѣкъ, по очереди, должны собираться въ церковь, подъ присмотромъ караула. Ворота острога во всякое время бываютъ заперты, но когда приходятъ въ острогъ чиновники и другіе, имѣющіе на то дозволеніе, или же когда приводятся ссыльные, то обо всякомъ приходящемъ дается знать караульному унтеръ-офицеру, который потомъ отпираетъ ворота и впускаетъ пришедшаго; если посторонній, то осматриваетъ: не имѣетъ ли при себѣ какихъ вредныхъ орудій. Впрочемъ послѣ зари отнюдь ворота не отпираются ни для кого, кромѣ острожнаго надзирателя. Посѣщеніе посторонними ссыльныхъ въ казармахъ дозволяется не иначе, какъ при острожномъ смотрителѣ и воинскомъ караулѣ, которые должны наблюдать, чтобы, подъ

видомъ свиданія, не было проносимо вина, пищи, платья, писемъ, орудій и т. п.».

Но настоящая тюремная жизнь ведетъ свои порядки и выработала свои законы.

Счастливые и умѣлые ссыльные искали утѣшенія и воли въ бѣгахъ; несчастные и меньше опытные оставались въ рукахъ начальства, подчиняясь различнымъ опытамъ исправленія. Перчинскія тюрьмы для неисправныхъ предлагали крутыя, рѣшительныя мѣры. Мѣры эти оставлены были тамъ во время нашего посѣщенія, а потому, пользуясь случаемъ, скажемъ объ нихъ нѣсколько словъ. Приковка къ тачкѣ и къ стѣнной цѣпи — вотъ пока тѣ средства исправленія, которыя придуманы были въ самыхъ строгихъ и самыхъ крайныхъ мѣстахъ ссылки и заточенія. Второе наказаніе обусловлено, сверхъ того, необходимостью одиночнаго заключенія, столь ненавидимаго русскими преступниками, по замѣчаніямъ всѣхъ, близко-стоящихъ къ этому дѣлу. Когда пронесся объ этой мѣрѣ слухъ по Сибири—всѣ ссыльные пришли въ ужасъ.

Приковываютъ на цѣпь обыкновенно на пять лѣтъ (но бывали случаи и десятилѣтняго заточенія *). Люди эти въ работу не употре-

*) Такъ напр., по отчотамъ Петровскаго завода видно: что въ 1851 году тамъ было четверо прикованныхъ на *десять* лѣтъ, хотя приковывали обыкновенно, по положенію, на *пять* лѣтъ. Всѣхъ прикованныхъ тамъ былъ въ сентябрѣ 1851 года 15 человѣкъ такихъ, которые успѣли уже посидѣть на цѣпи въ Минусѣ, Енисейскѣ и Красноярскѣ. 30-го ноября 1851 года цѣпныхъ было 12-ть человѣкъ и между ними мужъ съ женой за смертоубійство. Женѣ, неимѣвшей одежды, выдали рубаху и юбку (холщовыя), чарки и платье, хотя Забайкальское областное правленіе и рѣшило выдать имъ только нижное платье, «ибо-де оно одно только и необходимо». У нихъ въ Газимурскомъ селеніи жила дочь. Прикованные супруги просили милости перевезти ихъ изъ Петровскаго завода ближе къ дочери, именно въ Акутай; дозволили. На время пути (9 дней) положили выдать по 63 коп. ($3^1/$ коп. въ сутки) на каждаго. Акутай спеціально предназначался впослѣдствіи для таковыхъ несчастныхъ. Въ утѣшеніе сострадающимъ участи ихъ сохранилъ онъ преданіе о первомъ приставѣ этого рудника. Приставъ, говорятъ, спускалъ своихъ цѣпныхъ съ цѣпи погулять недѣли на три—на четыре, и они, возвратившись, аккуратно вносили половину добычи. Кто не исполнялъ заказа, того приставъ сажалъ въ подземельѣ собственной квартиры (и подземелье показывали).

бляются; какъ великой милости просятъ они, во время заточенія, награды подышать свѣжимъ воздухомъ, хотя бы и съ приправою самой трудной и тяжолой работы. Освобожденные, по истеченіи положеннаго срока, отъ содержанія на цѣпи (приколачиваемой къ стѣнѣ), или отъ тачки, на всю жизнь затѣмъ содержатся въ острогѣ въ вѣчныхъ ножныхъ *кандалахъ*. Заключонные въ ножныя желѣза, они также не употребляются въ работы. Какъ милость, позволяютъ имъ копаться въ огородахъ каземата, или дѣлать что-нибудь внѣ камеры и, при томъ въ то время, когда всѣ другіе уведены на работы. Иногда содержаніе на цѣпи пробовали замѣнять заключеніемъ въ темной комнатѣ, но арестованные просились на цѣпь. Статейные списки людей этихъ обыкновенно наполнены всякаго рода преступленіями, гдѣ убійства по нѣскольку разъ перемѣшаны съ побѣгами, разбоями, кражами, перемѣною имени, и тому подобнымъ. Содержаніе таковыхъ казнѣ обходилось дешевле, чѣмъ содержаніе всѣхъ другихъ арестантовъ, сколько и потому, что имъ выдавали только нижное платье, столько же и потому, что пища полагалась имъ скуднѣе, въ уменьшонной пропорціи. Такъ напр., въ Акатуѣ положено было выдавать въ сутки каждому по $2^1/_2$ фунта печонаго хлѣба, раздѣляя его на части: къ завтраку, обѣду и ужину. Цѣлой порціи давать вдругъ не велѣно. Вмѣсто приварка и для питья выдавали только одну воду. По разсчоту, сдѣланному въ 1847 году, каждый такой арестантъ обходился казнѣ въ годъ 43 руб. 68 коп. сер. *), считая въ томъ числѣ цѣпь, освѣщеніе, мыло, мытье бѣлья, дрова, кромѣ однако расходовъ на военную команду. Содержаніе это производилось большею частію на счотъ губернской, а не заводской казны, и заводы принимали ихъ къ себѣ только въ такомъ случаѣ, когда имѣлся свободный казематъ. Часто, впрочемъ, отказывали, а потому рѣдкая изъ сибирскихъ тюремъ (и въ особенности тобольская) не имѣла при стѣнахъ своихъ подобнаго рода несчастныхъ. Акатуйская тюрьма (изъ перчинскихъ), при рудникѣ этого имени, долго имѣла своею ис-

*) Имъ полагалось: два чарка (обуви), 2 аршина холста на онучи, шинель сермяжная, двѣ холщовыхъ рубашки, двое портовъ и провіанту по $1^1/_2$ пуда въ мѣсяцъ.

ключительною спеціальностію помѣщеніе арестантовъ подобнаго рода. Тамъ замѣченныхъ въ дурныхъ поступкахъ сажали въ отдѣльную комнату. Для исполненія церковнаго обряда исповѣди и св. причастія иногда ихъ отковывали, иногда нѣтъ; а иногда, и весьма нерѣдко, арестантамъ въ этомъ отказывали. Цѣпь обыкновенно дѣлалась въ три аршина длиною, изъ звеньевъ одинаковой величины съ ножными кандалами, вѣсомъ вся въ $5^1/_2$ фунтовъ. Въ Петровскомъ заводѣ арестанты обыкновенно отходили на всю длину цѣпи, которая давала имъ возможность класть шею на порогъ двери и выставлять голову въ корридоръ. А такъ какъ цѣпные помѣщены были въ то время въ опустѣлыхъ казематахъ, выстроенныхъ для декабристовъ, гдѣ нѣсколько комнатъ выходило въ корридоръ, то эти цѣпные придумали на бездѣльѣ развлеченіе. Одинъ разсказывалъ сказку, остальные его слушали; за тѣмъ начиналъ другой, третій и т. д., по очереди. Лишенные этого права, содержавшіеся въ акатуйской и другихъ нерчинскихъ тюрьмахъ, въ тоскѣ одиночества устремляли обыкновенно главное вниманіе свое на казематъ. Комнаты ихъ поражали необыкновенною опрятностію и поразительной чистотой: нары, стѣны, полы, самая цѣпь были вычищены, вымыты, выскоблены, нерѣдко разрисованы. Одинъ арестантъ всю одежду свою разошилъ кантиками и шнурками чрезвычайно прихотливо и замысловато, на манеръ гусарскихъ мундировъ. Нѣкоторые просили себѣ пѣтуха, кошку и считали для себя самымъ жестокимъ и сильнымъ наказаніемъ, когда за какую нибудь провинность отнимали у нихъ этихъ перпатыхъ и мохнатыхъ товарищей-благодѣтелей. Вообще замѣчено было при этомъ, что тоска одиночества и безвыходность заключенія порождала въ заключонныхъ небывалыя до того способности: многіе выучивались шить, дѣлались сапожниками, рѣзчиками. Одинъ изъ прикованныхъ къ тачкѣ съумѣлъ такъ ее раскрасить и разукрасить разными фигурами, что приводилъ многихъ въ изумленіе, но затѣмъ, при всякомъ появленіи главнаго заводскаго начальника, съ горькими мольбами, съ непритворными слезами на глазахъ, неотступно и отчаянно просилъ отковать отъ красивой тачки, приговаривая:

— До того надоѣла, напротивѣла она мнѣ, что глаза бы мои на нее не глядѣли! Тошнитъ даже!..

Случаи конечныхъ помѣшательствъ были, судя по отчотамъ, рѣдки, а случаевъ самоубійствъ хотя и насчитывается за все время двадцати лѣтъ немного, но за то въ архивѣ нерчинскаго большого завода сохранилось много указаній на покушенія: цѣпные доставали острыя оружія, ножи и проч. и порывались зарѣзаться. Между прочимъ сохранился слѣдующій актъ:

Прикованнымъ въ Акатуевскомъ рудникѣ на стѣнную цѣпь давали положенные въ сутки $2^1/_2$ фунта печонаго хлѣба и воду вмѣсто приварка и для питья. При этомъ велѣли наблюдать, какое вліяніе заточеніе это «будетъ имѣть на умственное состояніе (душевныя силы) и на физическое состояніе (тѣлесныя силы)». Вскорѣ донесено было, что ссыльные, прикованные къ стѣнѣ, въ силахъ и духомъ замѣчательно ослабѣваютъ. «Не имѣя движенія, у нихъ на лицѣ сдѣлалась блѣдность; по временамъ чувствуютъ во внутренностяхъ одувъ и давленіе, а потомъ колотье; произносятъ слабый органъ голоса (?) и при проходѣ, сколько цѣпь позволяетъ, дѣлается головокруженіе». Опытъ подобнаго рода производимъ былъ въ теченіи двухъ лѣтъ, 1847 и 1848, и въ показаніяхъ врачей слышался все одинъ и тотъ отзывъ, т. е., что прикованные въ силахъ слабѣютъ.

Лиса—желѣзная полоса въ $1^1/_2$ пуда вѣсомъ, надѣваемая къ рукамъ для того, чтобы цѣпной не могъ ходить по своей канурѣ, полагается самою высшею, конечною, послѣднею мѣрою наказанія, равносильнаго европейской висѣлицѣ. Люди, подвергшіеся наказаніямъ этого рода, весьма рѣдко выходили на свободу впослѣдствіи и только нѣкоторымъ удавалось, черезъ долгую и длинную градацію смягченій, доходить до вожделѣннаго званія такъ называющихся испытующихся.

Акатуй для цѣпныхъ и секретныхъ выбранъ былъ не даромъ; сосредоточивали ихъ здѣсь не безъ задней мысли: мрачнѣе этой мѣстности нѣтъ уже другой во всемъ Забайкальѣ. На Аленуѣ кончается долина Газимура, начинается другая, принадлежащая какой-то рѣчкѣ, которой даже и имени не дано. Горы заслоняютъ эту долину съ обѣихъ сторонъ, но горы эти безжизненны и однообразны до тоски. На дорогѣ деревушка Кукуй; при выѣздѣ изъ нея дорога въ гору, съ которой чернѣется съ юга и востока цѣлый лабиринтъ чор-

ныхъ и синихъ горъ, съ накинутымъ на ихъ могучія плечи чорнымъ плащомъ, представляемымъ густыми лѣсами, покрывающими пòкати и подошвы. Въ долинахъ господствуетъ гробовая тишъ и мракъ; на горахъ то и дѣло глазъ встрѣчаетъ мертвые голыши, охотливо являющіеся на смѣну лѣсной растительности. Горы то одиноко водружены въ дно долинъ, то цѣпляются другъ за друга рядами, очень рѣдко пересѣкаемыми новыми долинами. Въ дали ряды горъ кажутся безконечными и видимыя глазу представляются уже бѣлымъ облакомъ. Не мелькаетъ птица, не слыхать звѣринаго голоса, не видать нигдѣ ни креста, ни избы. Съ горы опять спускъ въ долину, похожую на всѣ остальныя,—затѣмъ въ третью, также не оживленную ни встрѣчнымъ человѣкомъ, ни случайной избушкой. Опять подъемъ на гору и только уже съ этой горы глазъ примѣчаетъ селеніе, но не видитъ ни трубъ, ни дыму. Новая гора заслоняетъ видъ, начинающій веселить и радовать и только съ этой третьей спопутной горы становится виднымъ въ глубокой, мрачной и тѣсной долинѣ кладбище съ деревянными крестами на пригоркѣ—подушечкѣ; за кладбищемъ вытягиваются двѣ длинныя улицы съ почернѣлыми и погнившими избенками и клѣтями. За селеніемъ одиноко стоитъ знаменитая, страшная даже въ Сибири — тюрьма Акатуя: два каменныхъ флигеля и одинъ деревянный *).

---

*) Акатуйскій рудникъ, первый, открытъ въ 1815 году при кряжѣ, раздѣляющемъ рѣки Газимуръ, Унду и Ононъ-Борзю въ отрогѣ горъ, отдѣлившимся отъ него и проходящемъ на юго-востокъ между источниками Акутцомъ и Кунгужею. Гора, заключающая мѣсторожденіе, довольно крута и покрыта лѣсомъ, въ ней въ известнякѣ заключена серебряная жила, весьма убогая свинцомъ и руды акатуевскія на столько сухи, что для извлеченій металла подспаривались богатыми култуминскими. Впослѣдствіи открыты были поверхностныя руды и въ рудникѣ (первомъ) углублена Златоустовская шахта на 7 саженъ и Благодатская на 9½ саж. Во второмъ акатуевскомъ рудникѣ, открытомъ въ 1822 году, углублена была третья шахта—Тимофеевская. При выломкѣ мягкихъ и сплошныхъ рудъ употребляли кайла, во всѣхъ же пріискахъ добыча съ жильною породою была кайловая же, но производилась съ помощію пороха. Въ зимнее время сюда присылались ссыльно-рабочіе люди изъ заводовъ Александровскаго и Газимурскаго: Акутай нѣкогда подавалъ большія надежды. Онъ лежитъ на той

Кромѣ цѣпныхъ бывали еще такъ называемые секретные арестанты. Этихъ содержали въ особыхъ чуланахъ; надзоръ за ними былъ необыкновенно строгъ: случалось кому заболѣть и приставы отправляли ихъ изъ состраданія въ госпиталь, высшее начальство давало приставамъ сильнѣйшій выговоръ съ прописку въ формуляры и приказывало больныхъ возвращать въ чуланъ и лечить ихъ тамъ. Одинъ секретный попробовалъ выдти изъ госпиталя и побродить въ цѣпяхъ по улицамъ,—велѣно за то приковать его къ стѣнѣ на цѣпь. Другого выпустили изъ каземата въ казарму служителей поиграть въ кости, — виновнаго часового солдата били за пропускъ плетьми и велѣли написать вѣчно въ работу, хотя солдатъ и клятвенно свидѣтельствовалъ, что «выпустилъ съ простоты, взятки не бралъ и между игравшими никакихъ безпорядковъ не происходило». Солдатъ былъ наказанъ, не смотря на то, и ближайшее начальство оправдало его тѣмъ, что солдату-де «усмотрѣть за ними хитро, ибо онъ бываетъ больше въ посылкахъ, нежели при заводѣ, отчего ему и невозможно помнить всѣ тюремныя положенія».

Существованіе кругового кредита и взаимнаго довѣрія закрѣпленныхъ такими же неразрывными связями узничества и обусловленныхъ одинаковостью положенія, какія понятны только въ тюрьмахъ и ссылкѣ, а также дешевизна и обиліе строительныхъ матеріаловъ и, главное, бережливость, умѣющая и въ заточеніи копить деньги, помогаютъ иногда, хотя и въ рѣдкихъ случаяхъ, ссыльному, выпущенному изъ тюрьмы, обзаводиться собственнымъ хозяйствомъ. Безъ всякаго сомнѣнія, хозяйство это почти только призрачное, и возможность житейскаго обезпеченія далека отъ существенности; тѣмъ не менѣе всѣ селенія ссыльныхъ примѣтно застроены, всѣ тюрьмы каторжныя окружены большимъ количествомъ домовъ, множествомъ улицъ. Большой Нерчинскій заводъ — цѣлый городъ, передъ которымъ городъ Нерчинскъ уступаетъ въ величинѣ и населенности. Хорошаго и сильнаго соперника этому городу мы встрѣчаемъ даже въ

возвышенности, которая составляетъ высочайшую точку рудоносной части Нерчинскаго округа и даетъ начало тремъ рѣкамъ: Ундѣ, Газимуру и Ононъ-Борзѣ.

Петровскомъ, Александровскомъ и Усольскомъ заводахъ. Городъ Селенгинскъ гораздо меньше любого изъ промысловъ Карійскихъ. Каждый изъ упраздненныхъ Нерчинскихъ заводовъ (Кутомарскій, Зерентуйскій, Благодатскій и друг.) представляютъ людныя селенія, съ которыми мудрено спорить любой изъ большихъ казачьихъ деревень. Правда, что селенія эти не прочны, жильцы ихъ ненадежны и искусственно вызванныя селенія эти все-таки не прибавляютъ цвѣта сибирской колонизаціи и не увеличиваютъ мѣстнаго населенія въ желаемой степени, какъ увидимъ впослѣдствіи. Но правда, что строенія этихъ казенныхъ мѣстъ ссылки ветхи и печальны наружнымъ видомъ своимъ и, какъ полузабытыя птичьи гнѣзда, полураскрытыя и покинутыя звѣриныя норы, приводятъ всякаго свѣжаго человѣка въ уныніе, наводятъ тоску. Тѣмъ не менѣе строеній этихъ очень много. Настойчиво лѣпятся они по окольнымъ горамъ, устойчиво застаиваются въ падяхъ, распадкахъ и оврагахъ этихъ каменныхъ, богатыхъ рудами, горъ. Нѣтъ между ними пустыхъ; рѣдкій изъ нихъ не набитъ до возможной тѣсноты жильцами изъ несчастныхъ. Несчастіе и круглая бѣдность—неизбѣжные сосѣди этихъ жилищъ, непремѣнные гости каждаго изъ нихъ. Въ рѣдкомъ изъ домовъ не живутъ эти обычные и тяжолые гости, и во всякомъ случаѣ въ ближайшемъ сосѣдствѣ и по преимуществу съ тѣми изъ ссыльныхъ, которые успѣли обсемениться, сдѣлаться окончательно осѣдлыми, ради дѣтей и собственности. Для людей этихъ окончательно заросла дорога къ побѣгамъ вдаль; но къ преступленіямъ мелкимъ и проступкамъ невольнымъ остаются на этомъ пути проходы и обходы, и бываютъ иногда лазейки и выходы. «Безнадежная бѣдность, сказалъ одинъ французскій криминалистъ, также способна ненавидѣть законъ, какъ чрезмѣрное богатство презирать его». Примѣняя этотъ выводъ къ тѣмъ изъ ссыльныхъ, которые прошли чрезъ тюрьмы, этапы и каторгу, и которые выселяются въ домы около заводскихъ и промысловыхъ мѣстъ заточенія, мы не удивляемся, если встрѣчаемъ вездѣ особые кварталы, носящіе названіе Теребиловокъ, Юрдовокъ, Слободокъ, Кукуевъ и проч.

Кварталы эти или слободки также неизбѣжны и также необходимы для всякаго заводскаго и промыслового селенія, какъ для каж-

даго большого города слободы: солдатскія, архіерейскія, стрѣлецкія и проч. Здѣсь селится крайная бѣдность, въ дешовыхъ и старыхъ домахъ; сюда идетъ жильцомъ всякій и всякая, кому незнакомъ прямой и честный трудъ, для которыхъ легкія, хотя и рискованныя работы—самое любимое и знакомое средство для пропитанія. Здѣсь помѣщается явный развратъ и темный промыселъ, направленный на пріобрѣтеніе чужой собственности. Бродяги и мелкіе мошенники—обитатели этихъ подгородныхъ слободъ въ Россіи; арестанты, вынущенные на пропитаніе — жильцы этихъ, на половину врытыхъ въ землю и обмазанныхъ глиной, лачугъ, какія во множествѣ группируются на выѣздахъ изъ казенныхъ заводскихъ селеній. *Юрдовками* называются эти притоны (для игръ въ юрдовку и др.) въ селеніяхъ Карійскихъ золотыхъ промысловъ и въ Петровскомъ желѣзодѣлательномъ заводѣ; *Теребиловкой* называется такая же слободка въ Александровскомъ винокуренномъ заводѣ.

— Существуетъ и у насъ такое мѣсто, — увѣряли меня въ Иркутскомъ Усольѣ. Сюда всякій житель подбирается ужъ такой...

Такой житель обыкновенно женится при первой возможности, порывисто, безрасчотно, долго надъ этимъ не задумываясь. Если неохотно и почти никогда не пойдетъ за ссыльнаго дочь вольнаго человѣка, т. е. казака или крестьянина-старожила, то ссыльно-каторжная женщина, пришедшая въ заводъ, охотно бросается на шею первому, предложившему ей руку и сердце, и съ большою охотою выходитъ замужъ за того, который живетъ не въ тюрьмѣ, а на пропитаніи или на поселеніи. Становясь женой, ссыльная дѣлаетъ двойную услугу: съ одной стороны, приковывая мужа къ обогрѣтому мѣсту, она, на сколько можетъ и умѣетъ, заметаетъ ему путь къ побѣгу и крупному преступленію; съ другой стороны сама освобождается отъ оковъ и, поселившись въ теплой до духоты избѣ, забываетъ о побѣгѣ и бродяжничествѣ по морозамъ, дождямъ и грязи *). Вѣрность супружескому ложу не составляетъ для ссыльной

*) Въ отчотахъ о бѣглыхъ чрезвычайно мало видно женщинъ и нѣтъ ни одного показанія на то, чтобы онѣ возвращались обратно. Разсказываютъ, что тѣ изъ бродягъ, съ которыми увяжется какая-нибудь ссыльно-ка-

женщины добродѣтели, не входитъ въ кругъ ея завѣтныхъ обязанностей, не вынесена ею изъ прошлой жизни, и въ особенности изъ недавней на этапахъ. и не вошла въ ея убѣжденіе, какъ незыблемое и неподкупное начало. Мужу до дѣлъ жены нѣтъ нужды; у мужа свои дѣла, радіусы которыхъ всѣ сходятся на одномъ пунктѣ пріобрѣтенія средствъ къ жизни, и если жена стремится къ той же практической цѣли, то она и права, и свободна, и бита бываетъ только подъ пьяную руку, по одному капризу, изъ одного желанія напомнить ей о подчиненности. Понятіе объ этой подчиненности безразлично, безсознательно и лишное бремя тамъ, гдѣ существуютъ иные законы, гдѣ вырабатывались иные нравы, непонятные для жителей правильно-организованныхъ мѣстъ.

Теребиловскій житель, котораго счастье и случай вывели изъ тюрьмы на свое пропитаніе, не задумывается искать средствъ къ этому тамъ, гдѣ ему легче это сдѣлать, гдѣ всѣ пути ему привычны и извѣстны до подноготной. Въ теребиловку идетъ всякій, кому хочется попытать счастія въ большой игрѣ. Карточная игра, очутившись на большомъ просторѣ и совершенной свободѣ, идетъ крупнѣе, смѣлѣе и безразсчотнѣе. Игра въ юрдовкахъ и теребиловкахъ обставляется всякимъ доступнымъ комфортомъ; содержатели игорныхъ домовъ держатъ водку въ большомъ обиліи, способны доставить и средства къ исполненію чувственныхъ удовольствій. Все, что подъ сильнымъ страхомъ и за крѣпкимъ надзоромъ творится въ темныхъ и грязныхъ тюрьмахъ, здѣсь въ не менѣе темныхъ и грязныхъ домахъ совершается на распашку, въ обширныхъ размѣрахъ.

Въ теребиловку идетъ, для всяческихъ наслажденій, тюремный сидѣлецъ, подкупившій сторожей или за ихъ глазами ускользнувшій съ работы. Въ теребиловкахъ группируются въ шайки всѣ тѣ изъ тюремныхъ сидѣльцовъ, которые выпущены на пропитаніе. Находятъ они его въ своихъ небольшихъ артеляхъ, для которыхъ то и

торжная женщина, непремѣнно когда-нибудь и гдѣ-нибудь убиваютъ ее, чтобы такимъ образомъ уничтожить неизбѣжнаго, слабаго, склоннаго на соблазнъ доносчика и докащика темныхъ и нечистыхъ дѣлъ и преступленій бродяжества! Впрочемъ, это только слухи; на самомъ дѣлѣ мало въ бѣгахъ женщинъ потому, что ихъ разбираютъ замужъ на расхватъ.

занятіе, которое легче, вѣрнѣе даетъ деньги, хотя бы занятіе это и требовало непрямыхъ путей риска, смѣлости, дерзости. Смѣлость города беретъ; она же въ заводскихъ юрдовкахъ собираетъ деньги на дневное пропитаніе.

Въ теребиловки идетъ всякой изъ тѣхъ тюремныхъ, которому надоѣла каторга и соблазняетъ вольная жизнь въ бѣгахъ и бродяжествѣ. Въ этихъ притонахъ всегда найдется такой мастеръ, который шолъ изъ рѣзчиковъ какой-либо столицы, или изъ Екатеринбурга, гдѣ былъ гранильщикомъ, или изъ нижегородскихъ селъ Павлова и Ворсмы, гдѣ выучился слесарному мастерству и искусству рѣзьбы на камняхъ и металлахъ. Люди на бездѣльѣ, при нуждѣ и соблазнахъ, не прочь отъ всякаго предложенія, лишь бы только оно обезпечивало имъ насущный день. Мастера эти отъ аляповатыхъ печатей и темныхъ гербовъ доходятъ до Цезика, который осколкомъ перочиннаго ножичка вырѣзалъ на камняхъ замѣчательно красивые миніатюрные ландшафты, дѣлалъ фальшивыя бумажки, которыя съ трудомъ отличали отъ настоящихъ, и мастерилъ вазы, усыпанныя мелкими мушками и другими насѣкомыми, за которыя любители платили большія деньги.

Пріобрѣтая вновь и совершенствуясь въ тюрьмахъ, на досугѣ и при руководствѣ, въ разныхъ знаніяхъ и мастерствахъ, эти люди за тюрьмою, внѣ стѣнъ ея, даютъ художествамъ своимъ практическое примѣненіе; на свободѣ пускаютъ въ оборотъ и на пользу тѣмъ, которые жаждутъ, ищутъ и просятъ знаній этихъ. Бродяга, задумавшій совершить дальный побѣгъ, по возможности въ Россію, и желающій обезпечить его большимъ успѣхомъ, идетъ въ теребиловку и здѣсь за рубль, за два рубля серебромъ получаетъ такой видъ, который ведетъ его свободно по забайкальскимъ селеніямъ и уводитъ далеко, если набалованныя руки не стащатъ чужого, гдѣ-нибудь въ селеніи на воровствѣ, гдѣ-нибудь за селеніемъ на грабежѣ *).

*) Въ фальшивыхъ билетахъ ссыльные обыкновенно прописывались посельщиками или крестьянами, а потому и плата вслѣдствіе того была перемѣнная (за посельщика 3 руб., за крестьянина 5 руб. сер.) Нерѣдко билеты эти мастерились на цѣлую артель вдругъ, въ нѣсколькихъ экземплярахъ.

Бродяга, привыкшій бродить лѣтомъ по заводскимъ окрестностямъ ради страсти къ приключеніямъ, ради неодолимаго желанія подышать волей въ тѣхъ же теребиловкахъ и юрдовкахъ, если пожелаетъ на всякій случай обезопасить прогулку, можетъ получить билетъ съ помѣткою ему какъ поселенцу или какъ бы отпущенному на пропитаніе. Малоопытныхъ, небывалыхъ въ теребиловкахъ, съумѣютъ зазвать, съумѣютъ выучить и направить.

— Не нужно ли тебѣ вида на свободное прожитіе? спрашиваетъ одинъ такой мастеръ ссыльно-каторжнаго Денежкина (въ одномъ изъ слѣдственныхъ дѣлъ, попавшихъ намъ въ руки въ Петровскомъ заводѣ).

— Какъ бы не надо — отвѣчаетъ на это ссыльный. Да гдѣ возьмешь?

— Есть ли у тебя деньги?

— Есть, да немного.

— А если два рубля найдется, то и довольно.

Въ кабакѣ заводскомъ совершена была передача вида и учинены литки, на которые ссыльный истратилъ еще 50 коп. сер.

Счастливый и новый бродяга съумѣетъ потомъ во-время изловчиться съ этимъ видомъ, предусмотрительно показать его тому, кто мало видитъ, спрятать отъ опытнаго глаза и ограбить того, кто за собой не смотритъ. Такой бродяга и пограбленое нигдѣ не прячетъ, нигдѣ его не сбываетъ иначе, какъ въ тѣхъ же заводскихъ юрдовкахъ и теребиловкахъ, и вырученныя деньги нигдѣ не пропиваетъ, какъ въ тѣхъ же утлыхъ мазанкахъ, и водку нигдѣ не беретъ, какъ въ томъ же заводскомъ кабакѣ, и пьетъ ее со своимъ же братомъ покровителемъ и руководителемъ.

Такъ говорятъ архивныя дѣла, такъ говорятъ настоящіе живые факты. Слѣдствія и обыски сказываютъ потомъ, что дѣлатели употребляютъ печати чаще свинцовыя, рѣже мѣдныя (приготовляемыя на мѣдномъ пятакѣ, у котораго вытирается одна сторона подпилкомъ); что печати, вслѣдствіе того, часто бываютъ больше надлежащей величины, что оттискъ такого рода печатей прочнѣе, потому что коптятъ ихъ на жжономъ берестѣ. Одинъ мастеръ подобныхъ издѣлій, чтобы вѣрнѣе скрыть преступленія, бумагу для видовъ по-

купалъ не въ лавкахъ, у торговцовъ, а у школьниковъ, и покупалъ дешево—за волосяныя колечки, приготовляемыя женою этого ссыльнаго. Другой приготовилъ и выдалъ билетъ, но проставилъ крупный, длинный нумеръ и такимъ образомъ (и можетъ быть безъ всякаго злого умысла) сгубилъ пріятеля. Повальный обыскъ у третьяго изъ теребиловскихъ открылъ въ углу между поломъ и стѣной, подъ половицей, фунтъ олова, два небольшихъ подпилка, малое зубрило, пять готовыхъ печатей и шестую начатую, на мѣдной двухкопѣечной монетѣ, у которой вытерты были обѣ стороны: на одной уже красовалась надпись «Козмодемьянской градской думы», на другой начата была другая «Черноярской градской думы». Четвертый попался на пути въ мастера фальшивыхъ бумажекъ, а именно съ двумя небольшими деревянными циркулями, съ желѣзными проволочными шпильками, съ двумя долотцами изъ иголокъ, съ бумажной печатью, срѣзанной съ конверта, «съ роговой костью» и проч. и проч. *).

Казенныя бумаги, выводя наружу эти грѣхи, въ то же время даютъ намъ свидѣтельства и указанія, что не одни только пропитанные и поселенцы, своей семьей или своей шайкой, бываютъ участниками прегрѣшеній. Не ушло бы ихъ дѣло далеко, и не много бы выиграло оно само по себѣ, если бы они не находилось подъ непосредственнымъ покровительствомъ тѣхъ людей, которые пользуются свободой и ея выгодами.

Вотъ какой случай (болѣе другихъ характерный) разсказываетъ намъ одно архивное дѣло.

---

*) Разсматривая подобныя дѣла въ достаточномъ количествѣ, выносишь такое убѣжденіе, что не однѣ теребиловки занимались мастерствомъ приготовленія фальшивыхъ паспортовъ. Ссыльные во множествѣ дѣлаютъ указанія на Тарабоготай и другія селенія, такъ наз. семейскихъ, гдѣ были мастера, конкурировавшіе съ заводскими, но слабо: билеты, тамъ приготовленные, часто предавали ссыльныхъ въ руки земскихъ, потому что были плохо сдѣланы. Между тѣмъ билетъ, написанный и выданный въ Петровскомъ заводѣ, выкраденъ былъ у бѣглаго, изъ рукавицы, ссыльнымъ въ Успенскомъ заводѣ (Тобольской губ.) и отнятъ у послѣдняго и задержанъ вмѣстѣ съ нимъ уже въ Лаишевѣ (Казанской губ.).

Два шмельцера играютъ съ однимъ ссыльнымъ въ карты. Ссыльный выигрываетъ, требуетъ деньги.

— Я тебѣ деньги заплатилъ, и ты поди вонъ изъ моего дома! — отвѣчалъ одинъ изъ шмельцеровъ, и гонитъ выигравшаго въ шею.

«Ссыльный закидался по избѣ, схватилъ ножъ, бросился съ нимъ въ сѣни», но не нашолъ тамъ проигравшихся и убѣжавшихъ партнеровъ».

По поводу покушенія на убійство, завязалось дѣло. Слѣдствіе обнаружило, что у этихъ шмельцеровъ былъ въ квартирѣ открытый и гласный игорный домъ, неизвѣстный только одному начальству, что вольные заводскіе служители эти держали настоящія печатныя, а не дѣланыя карты, что при этой роковой игрѣ водка была обычнымъ угощеніемъ.

«Когда между шмельцеромъ и ссыльнымъ завязалась драка, другой шмельцеръ уговаривалъ товарища:

— Ежели бы ты добрый служитель былъ, то ты бы Исаева, какъ ссыльно-каторжнаго, билъ бы и давно выгналъ вонъ, коему и законъ, если онъ пойдетъ въ судъ, не велитъ вѣрить».

Судъ приговорилъ ссыльнаго Исаева, задѣтаго за самую щекотливую струну сердца, хорошо извѣстную по чувствительности ея всѣмъ горнымъ, наказать 50-ю ударами плетей, а служителей судъ оставилъ безъ всякаго наказанія *).

---

*) Участь горнаго служителя, облегчонная современнымъ намъ положеніемъ, прежде далеко не обезпечивала его быта. 12-ти-лѣтній сынъ служителя поступалъ уже на работы, хотя бы и легкія, хотя бы и въ лѣтнее время: въ 18 лѣтъ его уже впрягали, наравнѣ съ каторжными, въ настоящую службу, каковую онъ обязанъ былъ продолжать 25 лѣтъ, если поступалъ изъ рекрутъ, и 35, если былъ сыномъ заводскаго служителя или родился отъ ссыльно-каторжнаго во время нахожденія отца въ работахъ, или же солдата прежде-бывшаго горнаго батальона. Такимъ образомъ служитель, получая одинаковое жалованье и содержаніе съ ссыльно-рабочимъ, разнился тѣмъ, что работа для него была почти-безсрочною, тогда какъ ссыльно-каторжный имѣлъ въ перспективѣ самый долгій срокъ двадцатилѣтній. Тѣже дѣла и тѣхъ же архивовъ переполнены разсказами о случаяхъ побѣговъ съ работъ горныхъ служителей. Пойманные на допросахъ по-

Возвращаясь къ теребиловкамъ и юрдовкамъ, а съ ними вмѣстѣ и къ тѣмъ родамъ и видамъ промышленности, которая должна обезпечивать существованіе жителей этихъ слободокъ, мы встрѣчаемъ новые виды торговли и промысла. Промыселъ этотъ ведется въ мелкихъ размѣрахъ, слишкомъ исключителенъ по своей спеціальности, но тѣмъ не менѣе находится въ рукахъ пропитанныхъ поселенцовъ и самихъ ссыльно-каторжныхъ. И опять-таки промыселъ этотъ не имѣлъ бы приложенія и выхода, если бы не встрѣчалъ на сторонѣ людей покровительствующихъ, рукъ поддерживающихъ. Мы говоримъ о контрабандѣ казенныхъ золота и серебра. Украсть то и другое ссыльному не мудрено,—въ особенности золото; спрятать украденное ещо легче: самые тщательные обыски тутъ ничего не дѣлаютъ. Крадутъ всего чаще при разработкѣ розсыпи, да тогда и легче: усмотрѣть за рабочими, растянутыми на большомъ пространствѣ или спущенными во мракъ шахты, нѣтъ никакой возможности; труднѣе красть при промывкѣ, гдѣ и глаза приставниковъ смотрятъ зорче и самъ весь на виду. Здѣсь крадутъ уже сами надзиратели, а потому арестантъ — лишній человѣкъ, долженъ воспользоваться добычею при первоначальныхъ работахъ: не попадется ли самородокъ. Самородки же попадаются рѣдко и достаются только самымъ счастливымъ; но и въ этомъ случаѣ счастье нашедшаго дальше кабака въ теребиловкѣ не простирается. Не несетъ онъ находки въ контору, хотя и знаетъ, что конторамъ велѣно платить по рублю за золотникъ, но знаетъ также и то, что вѣшаютъ тамъ на вѣскахъ, ему непонятныхъ и обсчитываютъ. Съ купцомъ сходнѣе дѣло: съ нимъ и поторговаться можно и выпить съ него магарычъ на его же счотъ, и пропить — проиграть полученныя деньги тотчасъ же: куда ихъ беречь и пря-

---

казывали единогласно, что «побѣгъ учинили въ единое отбывательство казенныхъ работъ съ тѣмъ предпріятіемъ, сколько возможность позволитъ, пробыть отъ оныхъ празднымъ». Они совершали въ бѣгахъ преступленія для того, чтобы получить наказаніе плетьми или шпицрутенами и быть записанными въ разрядъ ссыльно-каторжныхъ, т. е. срочныхъ горныхъ работниковъ. Правда, что мелкія преступленія въ бѣгахъ оцѣнивались, по поимкѣ, уменьшеніемъ жалованья, назначеніемъ на усиленныя работы, розгами, но нѣкоторымъ сразу удавалось прямо попадать на каторгу, на срокъ.

тать: въ казармѣ товарищи украдутъ. Большія деньги въ тюрьмѣ— бѣда: иной злодѣй убьетъ, пожалуй, измученный соблазномъ и завистью.

Украденныя серебро и золото обыкновеннымъ путемъ ссыльно-рабочіе, за ничтожную плату, сдаютъ на надежныя руки въ теребиловки. Здѣсь знакомымъ путемъ найдетъ его заводскій служитель и передастъ въ руки казака, выбирая при этомъ (чтобы скрыть слѣды) казака такого, который былъ въ заводѣ при промыслѣ проѣздомъ, и который знакомъ уже съ этимъ дѣломъ и привыкъ къ нему. Для передачи краденаго, ссыльные казакамъ рѣдко предпочитаютъ кого другого; часто употребляютъ на это дѣло солдатъ и всегда прибѣгаютъ къ болѣе вѣрному посредству, т. е. служителямъ. Попадая такимъ образомъ, черезъ третьи въ четвертыя руки, покраденое «хищническое» золото въ порошкѣ и серебро въ слиткахъ *) отвозится казакомъ изъ завода. Никогда самъ казакъ не пуститъ его дальше въ ходъ; передачею краденаго занимаются исключительно ихъ жоны и дочери, для которыхъ передача контрабанды—привилегированный промыселъ и притомъ такой, который женщины (по долгимъ опытамъ, съ незапамятныхъ временъ) производятъ съ большимъ успѣхомъ, съ большою чистотою отдѣлки. Процессъ этотъ, по разсказамъ, совершается весь такимъ образомъ.

Контрабандное золото везетъ баба обыкновенно завязаннымъ тщательно въ бумажку и тряпочку и зарытымъ въ крупу или муку. Доѣзжая до условленнаго, примѣтнаго мѣста въ лѣсу, близъ дороги, контрабанда прячется подъ кустомъ, подъ деревомъ. Кустъ и дерево должны отличаться условными, извѣстными всѣмъ контрабандистамъ примѣтами. Сама баба съ возомъ отправляется къ главному покровителю капиталисту, къ купцу или торгующему крестьянину.

— *Желтую пшеничку* привезла: не купишь ли? Купецъ пони-

*) Не только казакамъ, но и бурятамъ за Байкаломъ и киргизамъ за-Алтаемъ хорошо извѣстенъ способъ плавки, въ особенности серебра. И тѣ и другіе инородцы украшаются сами и украшаютъ жонъ кольцами, запястьями, серьгами. На сѣдлахъ, на газахъ (трубкахъ), на огнивахъ серебряныя оправы—ихъ собственнаго издѣлія.

маетъ дѣло, но притворяется, старается замаскировать себя и отправляетъ продавицу къ другому:

— Тотъ не возьметъ ли? — На него указываютъ слухи; а я такимъ дѣломъ не занимаюсь. Мнѣ не надо!

Этотъ «тотъ», всегда агентъ этого главнаго купца, обязанный сбивать съ золота цѣну, но также ещо не покупщикъ, отсылаетъ бабу къ третьему:

— У меня денегъ нѣтъ, а тотъ охотился.

Третій обыкновенно платитъ деньги послѣ многихъ проволочекъ и притѣсненій; платитъ большею частію такую цѣну, какую захочетъ, и всегда выговариваетъ:

— Мои деньги малыя; да мнѣ *благодѣтель* поможетъ, а я ему зароблю.

И, сказывая при словѣ «благодѣтель» его имя, третій агентъ даетъ тѣмъ знать, чтобы все-таки и на будущій разъ баба относилась къ нему и шла этимъ рядомъ мытарствъ, истощая терпѣніе, ослабляя цѣну и доходила опять до него, до этого третьяго.

Этотъ третій идетъ обыкновенно за бабой вонъ изъ селенія, къ показанному мѣсту, примѣты котораго общи и общеприняты (нѣкоторыя даже открыты и начальствомъ); беретъ онъ золото и отвозитъ его къ своему благодѣтелю. Дѣло послѣдняго держать около себя такихъ вѣрныхъ, надежныхъ и опытныхъ казаковъ, у которыхъ имѣются бойкія, приспособленныя къ провозу контрабанды, лошадки. Лошади эти бѣгаютъ безъ дороги, не затрудняются въ лѣсахъ, не задумываются надъ рѣками. Вплавъ черезъ рѣку Аргунь лучшіе забайкальскіе контрабандисты, *аргунскіе казаки* (русскіе и карымы), отвозятъ покраденое золото, «жолтую пшеничку», къ монголамъ. Здѣсь, въ степи, въ условномъ мѣстѣ, золото пріятелями-монголами охотно промѣнивается на кирпичный и всякій чай. Тѣмъ же путемъ риска, съ торопливостью, ночью ввозится чай въ большія селенія и сбывается на руки купца-благодѣтеля. Въ крупныхъ выгодахъ и тѣ и другіе, и контрабанда процвѣтала и усиливалась по мѣрѣ обремененія кяхтинской торговли высокими, стѣснительными пошлинами *). На мѣ-

*) Золотникъ золота продается купцамъ за 1½ руб., иногда за 2 руб. (въ казнѣ онъ стоитъ 3 руб. 57¾ коп.). Монголы даютъ за этотъ золот-

стахъ сбыта золота монголамъ совершаются обыкновенно шумныя попойки на китайской водкѣ (араки); на мѣстахъ пріобрѣтенія и добычи золота — бываютъ неудачи и крупныя несчастія.

Одинъ торговецъ выгодно поставляетъ въ казну мясо, съ нѣкоторымъ даже убыткомъ для себя. Начальство смекало дѣло, но, имѣя въ виду казенную пользу, молчало до времени. Въ одинъ годъ торговца этого заведенія контрабандисты обманули, подсунувши ему второпяхъ мѣдный слитокъ, гальванически-позолоченный, за сомородокъ. Купецъ купилъ его, отдалъ наличныя деньги, выѣхалъ изъ промысловаго селенія; продавецъ доказалъ на него. На дорогѣ купецъ былъ схваченъ, обысканъ, заплатилъ штрафъ и на слѣдующій годъ на торги не явился и контрабанду бросилъ.

Не бросили контрабанду другіе. На молодую, вновь открытую золотую розсыпь Кудею прежде всего потащились ловкіе продавцы съ платочками, ситцами и другими красными товарами для жолтой пшенички. Это—недавно: а давно—Шилкинскій заводъ былъ центромъ операцій, производимыхъ надъ карійскимъ золотомъ (очень высокой пробы). Сюда пріѣзжали покупатели изъ окрестныхъ селеній по временамъ; мѣстные купцы такимъ дѣломъ не занимались, довольные тѣмъ, что, оберегая нравственность ссыльныхъ въ Карѣ, — по обычаю всѣхъ золотыхъ промысловъ и по закону, — не дозволили торговли. Вся она для карійскихъ сосредоточилась въ Шилкинскомъ заводѣ, гдѣ купцы на первыхъ порахъ наживали на товарахъ своихъ рубль на рубль. Дѣлъ объ золотѣ и серебрѣ въ архивахъ много. Уличали, подозрѣвали и ловили торговцовъ изъ ссыльныхъ евреевъ, подозрѣвали и (въ 1848 году) пріѣзжавшихъ на заводы венгерцовъ и другихъ иностранцовъ для мелочной разносной торговли, съ загра-

---

никъ десять кирпичей чаю (по 70 коп. за кирпичъ), т. е. 7 руб. сер. Въ Нерчинскомъ заводѣ за тотъ же кирпичъ чая даютъ купцы въ лавкахъ, смотря по величинѣ кирпича, 90 коп. и 1 руб. Стало быть на каждомъ золотникѣ главный контрабандистъ выигрываетъ до 8 руб. сер., не считая расходовъ на перевозчиковъ. Съ перенесеніемъ таможни въ послѣднее время въ Иркутскъ, сцена дѣйствій перемѣнилась, но способы дѣйствія едва ли. Во всякомъ случаѣ, на китайской границѣ стало теперь посвободнѣе и поспособнѣе.

ничными товарами, безъ положенныхъ клеймъ или съ поддѣльными пломбами и штемпелями. Торговали они и лекарствами и, пріобрѣтая исключительно одно серебро въ монетѣ и слиткахъ, пускали въ оборотъ фальшивые кредитные билеты. Этимъ заграничнымъ гостямъ не безъ основанія приписываютъ правильную организацію всего по части сбыта золотой и серебряной контрабанды.

Въ 1850 году существовала въ Кяхтѣ слѣдственная коммиссія «для раскрытія вкоренившейся беззаконной торговли съ китайцами золотомъ» *). И въ наши дни указываютъ на одного изъ котрабандистовъ, который ведетъ сильную карточную игру, и на другого, о которомъ у насъ имѣлось слѣдственное дѣло.

Контрабандистъ этотъ, нѣкто Соколовъ, въ 1850 году, уличонъ былъ въ томъ, что пріобрѣтенное золото не сбывалъ за китайскую границу монголамъ, а превращалъ его въ червонцы, и червонцы эти пускалъ въ обращеніе за Байкаломъ, черезъ жену свою. Въ кабакѣ Дучарскаго завода, у цѣловальника, найдены были четыре такія золотыя монеты, которыя отправлены были въ Петербургъ на монетный дворъ для испытанія. Эксперты двора нашли, что золотые не фальшивые, ибо-де, будучи сдѣланы безъ лигатуры, стоятъ выше существующаго курса, — и писали въ Нерчинскій заводъ, что представленные имъ золотые сдѣланы изъ серебристаго золота, а потому цвѣтомъ желтѣе настоящихъ, въ окружности, также «въ надписи буквъ овальнѣе и менѣе явственны; зубчики крайняго ободка толще; вмѣсто звѣздочокъ точки», и проч.

Въ дѣлѣ этомъ участвовали: ссыльно-каторжный Соколовъ при участіи поляка Брановскаго и подсудимаго бродяги Андреева. Соколовъ съ женой, которая передавала монету, объявленъ былъ подъ подозрѣніемъ и переведенъ для жительства въ другой заводъ, Шахтаминскій. Брановскій, разъ уже наказанный кнутомъ за дѣланіе въ

---

*) Сенаторская ревизія, назначенная потомъ, также какъ и кяхтинская коммиссія, въ изслѣдованіи контрабанды золотомъ не имѣли успѣховъ, хотя первая и подпускала подъ перекупщиковъ ловкихъ жидковъ. Попадалась въ сѣти мелкая рыба въ долями или съ золотниками и прогуливалась за то по зеленой улицѣ (ходила сквозъ строй); крупная рыба выскакивала.

тѣхъ же нерчинскихъ заводахъ фальшивыхъ ассигнацій, былъ наказанъ. Бродяга Андреевъ, разъ уже сужденный за продажу поселенцу Чернову золота около $1^1/_2$ фунта и наказанный за то шпицрутенами черезъ 500 человѣкъ одинъ разъ, наказанъ 30-ю ударами плетьми за участіе въ дѣлѣ Соколова.

Занятіе контрабандой золотомъ и фальшивой монетой (фальшивыми кредитными билетами) успѣло многихъ обогатить, малую, почти ничтожную только часть обездолить.

Указываютъ на многихъ обывателей въ городахъ, ближайшихъ къ мѣстамъ производствъ и добычи серебра и золота, какъ на людей, основавшихъ свои дѣла на торговлѣ краденымъ, съ разныхъ золотыхъ промысловъ, золотомъ или черезъ распространеніе въ народѣ фальшивыхъ ассигнацій. Указанія идутъ на многіе города въ западной и восточной Сибири. Въ Тобольской губерніи также нерѣдко попадалась золотая монета пробой выше казенной монеты, для которой существовалъ открытый путь на Омскую линію, а оттуда съ караванами въ Бухару, Хиву и Ташкентъ.

Въ Западной Сибири указывали на Успѣнскій винокуренный заводъ (Тобольской губ. Тюменскаго округа, въ 326 верстахъ отъ Тобольска и въ 52 отъ Тюмени), какъ на главную фабрику приготовленія ссыльными фальшивыхъ бумажекъ. Разсказываютъ, что наряженное по этому случаю слѣдствіе кончилось тѣмъ, что одному изъ депутатовъ какая-то старуха подсунула толстую пачку самодѣльныхъ ассигнацій. Слѣдователь началъ съ того времени богатѣть, оставилъ службу, а дѣло было, по обыкновенію, замято и спрятано. Слѣдственныя дѣла обнаруживаютъ при этомъ, что передатчики часто рискуютъ, попадаются въ просакъ; ссыльные часто ихъ надуваютъ; отчего при такомъ рискѣ выигрываютъ больше первые, теряютъ вторые. Случай противуположнаго свойства—большая рѣдкость: ихъ знаютъ на перечотъ и разсказываютъ въ похвалу изобрѣтательности ссыльныхъ, основанной, главнымъ образомъ, на томъ, что операція производится въ потьмахъ и въ попыхахъ, торопливо и на вѣру *).

*) Такъ одному удалось сунуть пачку скверной и мягкой бумаги, обложенную настоящими ассигнаціями только сверху и снизу и связанную ве-

Помимо приготовленія изъ контрабаднаго золота червонцовъ, ссыльные нерчинскихъ заводовъ не отставали передъ множествомъ другихъ мѣстъ въ Россіи и Сибири въ приготовленіи другихъ денегъ —бумажныхъ *). Не всегда подобное приготовленіе имѣетъ безразсчотныя, безразличныя цѣли; были случаи, имѣвшіе политическій характеръ. Такимъ отзывается имѣющееся у насъ въ рукахъ дѣло (1839 года) польскихъ ссыльныхъ 1830 года, затѣянное для освобожденія всего множества сосланныхъ туда поляковъ изъ узъ неволи и тюремнаго заточенія. Дѣлу этому мы даемъ мѣсто въ слѣдующихъ томахъ этаго сочиненія, а теперь снова обращаемся къ тѣмъ ссыльнымъ, которые выпускаются на пропитаніе.

Выпускаются на пропитаніе, или лучше, на отдыхъ тѣ изъ ссыльныхъ, которымъ не посчастливила казенная работа, отняла отъ нихъ послѣднія, растраченныя по дорогамъ и тюрьмамъ физическія силы. Тяжкія страданія, исключительность работъ дѣлаютъ такихъ рабочихъ совершенно безполезными, и притомъ большую часть изъ нихъ. Въ рудникахъ—отравленіе свинцомъ (свинцовая колика и удушье, asthma metalurgica); падучая болѣзнь (épilepsia) — какъ слѣдствіе свинцоваго отравленія какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, грыжи, вслѣдствіе тяжести работъ; узлы (varices), какъ послѣдствія работъ,

---

ревочкою. Счастливому плуту удалось эту пачку сунуть въ торопяхъ и получить 250 руб. только за 45 руб., образовавшихся изъ синенькихъ и красненькихъ, лежавшихъ на верху и въ низу. Этотъ пересыльный арестантъ возбудилъ въ передатчикѣ полную довѣренность къ искусству своему въ приготовленіи «блиновъ» тѣмъ, что данную имъ на пробу (настоящую вмѣсто фальшивой) бумажку размѣняли въ кабакѣ. 250 руб. покупщикъ охотно далъ за 500 фальшивыхъ и вмѣсто ихъ нарѣзался на бумагу газетную.

*) Фабрикація фальшивыхъ ассигнацій была до того сильно распространена въ Нерчинскомъ и вообще въ Забайкальскомъ краю, что горное нерчинское правленіе пробовало-было считать сорты ихъ и записывать,—да и счотъ потеряло. Насчитало оно сортовъ до 25-ти и, видя безполезность работы, вело дальнѣйшій счотъ только для формы по заказу и по привычкѣ. Венгерцы, приходившіе съ товарами и другіе иностранцы, появлявшіеся въ краѣ, распускали фальшивыя деньги заграничнаго дѣла и вывозили краденое русское серебро. Къ тому же и товары развозили безъ таможенныхъ клеймъ и пломбъ, а деньги за нихъ брали все-таки выше сибирскихъ цѣнъ. Ѣздили большими партіями.

производимыхъ стоя, и питья воды, застоявшейся въ рудникахъ; воспаленіе глазъ отъ плохого освѣщенія, мерцающаго полусвѣта и чада отъ плохихъ сальныхъ свѣчъ; переломы и вывихи такіе же частые гости, какъ удушье. Удушье постигаетъ тѣхъ неосторожныхъ рабочихъ, которые, послѣ 12-часовой напряженной работы, вызывающей сильную испарину, выходятъ на холодный воздухъ, пьютъ и ѣдятъ потомъ безъ осторожности и притомъ очень плохо. Въ тюрьмахъ — какъ сказано выше—неизбѣжно посѣщаютъ арестантовъ также воспаленіе глазъ (ophtalmia calcellaris), зависящее отъ сѣро-водороднаго газа, какъ продукта собственныхъ испареній и отдѣленій. Замѣчательно обыкновенны скорбутъ, дизентеріи и тифъ, очень часто язвы отъ худосочій скорбутнаго и ревматическаго (часты наружныя язвы и отъ тренія кандалами); ознобленіе и отмороженіе членовъ отъ недостатка обуви и одежды и какъ слѣдствіе побѣговъ; сифилисъ въ страшныхъ формахъ отъ неправильнаго и безчеловѣчнаго леченія своимъ же братомъ-знахаремъ; чесотка (scabies), какъ неизбѣжная, непремѣнная и вѣчная принадлежность всякихъ тѣсныхъ, сырыхъ и грязныхъ артельныхъ помѣщеній*). Чесотка между горнозаводскими жителями, особенно между дѣтьми, распространена такъ, какъ едва ли гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ. Только работающіе на фабрикахъ (въ сѣрныхъ парахъ) освобождены отъ нея.

Выпускаютъ также ссыльныхъ на пропитаніе въ видахъ экономической мѣры, напр. по случаю неурожаевъ хлѣба, когда казна затруднится снабженіемъ этими припасами, и какъ мѣра награды, неизбѣжная и обусловленная закономъ и обычаемъ для тѣхъ ссыльныхъ, которые покойно выжили тюремный срокъ, но не заслужили еще вождѣленнаго званія поселенцовъ или, по-сибирски, посельщи-

---

*) Въ Кутомарскомъ заводѣ вредное вліяніе мышьяковистыхъ паровъ оказывало свое дѣйствіе на телятъ и потому заводскія бабы отправляли стельныхъ коровъ въ сосѣднія деревни. На людей пары эти имѣли даже благопріятное вліяніе: въ чесночномъ запахѣ мышьяковистой кислоты работали ссыльные и въ Александровскомъ заводѣ (Нерчинскаго края). Заболѣвшіе лихорадкой (упорной) ходили на заводскія фабрики работать и здѣсь излечивались мышьяковистыми парами во время самыхъ параксизмовъ.

ковъ. Уходя на пропитаніе, семейные ссыльные уводили съ собой и дѣтей, но заводское начальство считало ихъ виновными вмѣстѣ съ отцами, возвращало назадъ, назначало въ работы, хотя потомъ само же увѣряло въ форменныхъ бумагахъ, что «водворить сбродъ людей этихъ, сдѣлать изъ пропитанныхъ постоянныхъ работниковъ и домохозяевъ нѣтъ никакой возможности». Ссыльные не-семейные, выходя на пропитаніе, бѣгутъ изъ заводовъ при первой открывшейся возможности къ побѣгу, къ которому нерѣдко представляются случаи при употребленіи на работу внѣ крѣпости, гдѣ дровосѣкъ и проч.

Поступая для житья къ семейнымъ хозяевамъ, которые охотно принимаютъ къ себѣ ссыльныхъ, *пропитанные* (т. е. вышедшіе на пропитаніе), за крайнею ограниченностію казеннаго содержанія, поневолѣ принуждены бываютъ изыскивать мѣры къ пріобрѣтенію денегъ. На винокуренныхъ заводахъ, они, провертывая дыры въ тѣхъ трубахъ, по которымъ идетъ вино, воруютъ спиртъ и полугаръ; на солеваренныхъ—соль; на золотыхъ промыслахъ—золотой песокъ; на желѣзодѣлательныхъ заводахъ — желѣзо, преимущественно во время работъ въ кричной фабрикѣ и т. п. Мелкія воровства и кражи по заводамъ до того обыкновенны, что теперь, послѣ многихъ опытовъ, перестали употреблять всякія опредѣленныя и вѣрныя мѣры: подвернется какой-нибудь случай непредусмотрѣнный, не основанный на разсчотѣ и поразительный по крайной случайности. Объ немъ разсказываютъ, какъ о чудѣ, и разсказъ превращается въ легенду, которая однако изживаетъ въ памяти народа цѣлые десятки лѣтъ. Такъ напр. черезъ тридцать лѣтъ мы получили въ Петровскомъ заводѣ изъ вторыхъ рукъ такую повѣсть, разсказанную самимъ авторомъ казуса.

— «Былъ я воръ отпѣтый, и каковы ни мастера всѣ наши, а я былъ лучше всѣхъ. Иного выпорютъ — онъ и отстанетъ, а мнѣ и розги, что съ гуся вода. Сидѣлъ во мнѣ вороватый чортъ самый сильный и такой притомъ, что никакого мнѣ ладу съ нимъ не было. Увижу что чужое,—сейчасъ у меня заболитъ брюхо и такой таскунъ въ немъ нападетъ, что глазъ не сомкну, куска не съѣмъ, поколь чужая вещь перестанетъ ѣсть глаза и руки отстанутъ чесаться. А таскалъ я все, что подъ руку подвернется; и не надобна другая, да

силенъ чортъ внутри сидитъ: что ни видитъ изъ чужого,—все ему подавай. Сидишь-бывало, задумаешься; о своей судьбѣ перебираешь мысли: дай-ка пойду да стащу что-нибудь, что плохо лежитъ. Разъ пошолъ погулять за заводомъ, поднялся на горку, погулялъ. Свернулъ съ тропинки въ заводъ, къ домнѣ (доменной фабрикѣ); у домны увидѣлъ казенку, гдѣ складываютъ всякія казенныя вещи, у казенки ребятъ увидалъ: наши подъ амбаръ этотъ подкапываются. Мнѣ бы и пройти мимо, уже будетъ съ меня, да чортъ-отъ во мнѣ завозился, и мои мысли разсѣялъ, сталъ толкать меня да подговаривать: «иди, помоги, вдвоемъ имъ не сладить». Пошолъ я къ нимъ: что дѣлаете? — да такъ-де и такъ, казенныя вещи считать и провѣрять пришли.

«Сталъ я имъ пособлять, а тропинка за спиной у меня осталась. Копался я вдвоемъ съ чортомъ втрое сильнѣе товарищей: моя яма глубже всѣхъ и краемъ однимъ совсѣмъ ужъ въ амбарѣ. Сдумалъ я такъ, вскинулъ глаза на товарищей: нѣту ихъ,—убѣжали. Я оглянулся назадъ, а сзади меня стоитъ нашъ начальникъ, тоже погулять вышелъ; стоитъ и молчитъ, и во всѣ глаза на меня смотритъ, а луна на ту-пору такъ и обошла его всего свѣтомъ, даже страшенъ онъ сталъ. Увидалъ я Нестерова, да такъ и обмеръ: человѣкъ онъ былъ суровый, засѣкалъ нашего брата до смерти (за то его и смѣнило начальство). Меня поролъ столько, что я и счотъ потерялъ. Вижу его и смѣкаю: такое-молъ наказаніе придумаетъ мнѣ теперь, о какомъ въ заводѣ наши каторжные ещо и не слыхивали. Слышу, заговорилъ: «Ну-де, я тебя наказывать не стану; палки не донимаютъ; а пусть-де тебя теперь самъ Богъ накажетъ!» Словомъ этимъ онъ такъ и пригвоздилъ меня къ тому мѣсту; какъ я всталъ столбнякомъ, такъ и простоялъ я куда-долго. Онъ ушолъ, а я все наказанія себѣ выжидалъ; думаю: такъ вотъ и разразитъ меня на мѣстѣ. Съ той поры какъ рукой съ меня сняло: убилъ онъ моего чорта. Съ мѣста я сошолъ, какъ изъ бани вышелъ; легко таково».

Ссыльный этотъ пересталъ воровать и сдѣлался однимъ изъ лучшихъ и честныхъ рабочихъ *).

*) Другая арестантская гроза, громившая ссыльныхъ на Карѣ въ пер-

Какъ бы то ни было, но это шатанье по чужимъ дворамъ въ ближнихъ къ заводу селеніяхъ, этотъ мнимый отдыхъ отъ каторги посреди ежечасной заботы о насущномъ хлѣбѣ; этотъ хлѣбъ, горькій и чорствый, дѣлаетъ житье на пропитаніи немногимъ лучше самой каторги. Выходовъ изъ него немного, и всѣ неблагопріятные. Уйти за границу назначеннаго округа въ чужой, не найдя въ своемъ средствъ къ пропитанію, значитъ включить себя въ отдѣлъ бродягъ, строго преслѣдуемыхъ закономъ. Гдѣ-нибудь и когда-нибудь поймаютъ, посадятъ въ острогъ, просудятъ долго, накажутъ и опять отправятъ туда же, или еще дальше того самаго мѣста, откуда вышелъ. Бродить по домамъ заводскихъ рабочихъ, такихъ же голышей и такихъ же несчастныхъ, значитъ не идти дальше мелкой кражи и крупнаго за то наказанія. И чѣмъ дольше длится срокъ, назначенный для этого средняго, неопредѣленнаго, переходнаго состоянія, тѣмъ невыносимѣе становится нравственная пытка, тѣмъ запутаннѣе житейскія обстоятельства, и печальное житейское положеніе свободнаго поселенца кажется уже какимъ-то раемъ и эльдорадо. Большая часть уходитъ въ бѣга; меньшая хитритъ, скрипитъ и ждетъ своего срока и желаннаго дня; самая малая часть запутываетъ себя женитьбой и за ней кое-какъ привязывается къ семьѣ, дому и хозяйству. На заводахъ пропитанный крадетъ чужую лошадь, чтобы поступить въ разрядъ такъ-называемыхъ конныхъ рабочихъ. Лошадь дастъ ему лишній заработокъ, лишную кроху на семью, лишній грошъ на себя, всегда почти вѣрный и неизмѣнный; начальство догадывается о кражѣ, пути ея узнаетъ, но и молчитъ

вое время по открытіи тамъ золотого промысла, напугалъ палача. Карійскій палачъ торговалъ виномъ и поживлялся около каторжныхъ. За виномъ онъ ѣздилъ въ Шилкинскій заводъ и привозилъ его тайкомъ на Кару. Разъ онъ наскочилъ со своей контрабандой на самого. Приведенъ былъ къ нему и до того былъ напуганъ свиданіемъ, что затрясся весь какъ въ лихорадкѣ и не зналъ, что съ собою дѣлать. Начальникъ былъ доволенъ собою, и ограничился короткою сценою: — Боишься ты меня? — спросилъ онъ палача. «Боюсь очень!» — отвѣчалъ тотъ. — А какъ очень? — «Больше Бога!» — отрѣзалъ палачъ — и выигралъ: взысканія не послѣдовало.

объ этомъ злѣ, какъ неизбѣжномъ, давно укоренившемся и имѣющемъ въ большей части случаевъ вѣрный успѣхъ.

У нѣкоторыхъ «пропитанныхъ» страсть къ воровству доходитъ до ужасающихъ предѣловъ, граничитъ съ серьезнымъ помѣшательствомъ и имѣетъ форму положительной, настоящей болѣзни. Одинъ, напр., воспиталъ въ себѣ страсть раскапывать могилы, вскрывать гробы и сдирать съ мертвыхъ тѣлъ одежду. Другіе «пропитанные» на досугѣ дѣлали порохъ и отправляли за китайскую границу (нашли у многихъ порохъ въ плиткахъ). Иные покупали порохъ у китайцовъ, которые-де «продаютъ его не таясь, а чтобы нашимъ пороху у нихъ не покупать, такого-де запрещенія не слыхали».

Мудренѣе вести дѣло тѣмъ ссыльнымъ, которыхъ забросила судьба въ Нерчинскій край и о которомъ люди, близко ихъ наблюдавшіе, пишутъ такія строки: «Ссыльные, пробывъ большею частію двадцать, а съ добавленіемъ срока работъ за побѣги тридцать и болѣе лѣтъ, по истеченіи этого времени освобождаются отъ работъ и водворяются на поселеніе. Но люди эти или воры, или пьяницы; благонадежнѣе изъ нихъ оказываются тѣ, которые просидѣли на цѣпи или пробыли прикованными къ тачкамъ. Иногда бываютъ добропорядочные люди между женатыми; но пьянство — общій порокъ всякаго рода арестантовъ, и бѣдность — удѣлъ каждаго изъ нихъ, до той поры, пока не измѣнится къ лучшему настоящая плохая, отжившая свой вѣкъ, тюремная система. По числительности преступниковъ, по огромному развитію и разнообразію работъ заводскихъ, улучшеніе быта ссыльныхъ, исправленіе нравовъ преступниковъ въ Сибири — дѣло трудное, на мѣстѣ его почти невозможное. Иниціатива этого великаго дѣла, по всѣмъ правамъ, принадлежитъ Россіи, должна начаться и совершаться въ русскихъ тюрьмахъ. Въ Сибири и людей нѣтъ свободныхъ и способныхъ для такого человѣколюбивѣйшаго подвига, и ссыльный въ Сибири только обязательный казенный работникъ, механическая сила, рабочая машина, которая по стольку и цѣнится, по скольку она больше заработываетъ». Таково, по крайней мѣрѣ, это дѣло теперь; не знаемъ, какимъ оно будетъ впослѣдствіи.

Что такое, въ самомъ дѣлѣ, «пропитанный», даже и тотъ, у ко-

тораго отпала охота къ бродяжеству и лѣни, котораго называютъ лучшимъ и исправнымъ? И получивши право на 15 десятинъ удобной земли въ надѣлѣ, равномъ съ крестьянами, онъ все-таки воспитался на спеціальныхъ работахъ такъ, что отбиться отъ нихъ для него нѣтъ разсчота, и едва-ли не происходитъ оттого все его несчастіе. Потому-то выпущенный на пропитаніе, наприм. на винокуренномъ заводѣ, продолжаетъ рубить дрова для печей, топитъ эти самыя печи, чиститъ винничную посуду, приготовляетъ заторы изъ муки, солодъ на гонку вина, качаетъ машиной воду въ сосуды, спускаетъ брагу изъ одного ящика въ другой, качаетъ машиной раку изъ нижней десятни въ верхнюю, приготовляетъ лѣсъ и дѣлаетъ бочки, и проч. и проч. Попадая въ руки контрагентовъ, пропитанные несутъ ещо бо́льшую тяжесть. На одномъ заводѣ мы нашли, что положеніе ихъ въ рукахъ казны было гораздо лучше: пропитанные занимали полицейскія должности; у контрагента они поступали въ конные рабочіе, получали лошадь или деньги, которыя потомъ вычитались у нихъ изъ плаката, а затѣмъ уже наваливалась на нихъ всякая подходящая тяжесть: вези все, что̀ ни наложатъ, а за то ему лишное количество барды для скота, да и только. Эти и дома̀ строятъ и всякія починки исправляютъ, а хлѣбъ получаютъ солодѣлый, тотъ самый, который для винокуренъ такъ пригоденъ и который, само собою, контрагентъ покупаетъ дешевле обыкновеннаго. Но такъ какъ всякое дѣло тѣсно связано съ сознаніемъ труда чорнорабочими, а на сибирскихъ заводахъ принятъ трудъ обязательный, то понятно, что и неудовлетворительность дѣйствій казенныхъ заводовъ является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ. «Въ самомъ дѣлѣ, 60 коп. мѣсячнаго плаката на перчинскихъ заводахъ и 80 на нѣкоторыхъ солеваренныхъ и 40 и 50 на винокуренныхъ не удовлетворяютъ простымъ, животнымъ, не только человѣческимъ потребностямъ и вынуждаютъ рабочихъ прибѣгать къ кражамъ и другимъ проступкамъ и преступленіямъ. Они воруютъ порученные имъ матеріалы, воруютъ производительные предметы заводовъ, крадутъ время и трудъ, принадлежащіе заводамъ и все это считаютъ позволительнымъ, тогда какъ кражи и обманы между собою (у тѣхъ, которые вышли на волю) и рѣдки и самими рабочими сильно преслѣдуются».

На Троицкомъ солеваренномъ заводѣ (Енис. губ., Канскаго округа, въ 193 вер. отъ Канска) на пропитаніе увольнялись отъ работъ только неспособные за старостію лѣтъ и увѣчьемъ и приписывались, вмѣсто богадѣльни къ селеніямъ. На Селенгинскомъ, солеваренномъ же заводѣ (въ 40 вер. отъ города и въ 96 отъ Верхнеудинска), по свидѣтельству одной оффиціальной записки, эти уволенные отъ работъ на пропитаніе, переходя въ мѣста новаго жительства, перепродавали дома свои другимъ рабочимъ, которые, въ свою очередь, дѣлали тоже самое. «Отъ этого каждый, зная неокоренѣлость и шаткость жизни своей на заводѣ и существованія самого завода (который и былъ-таки уничтоженъ), не радѣлъ ни о расширеніи усадебъ, ни о расчисткѣ земель для пашенъ. А пашни, какъ вообще въ краю Забайкальскомъ, требуютъ ещо устройства водопроводныхъ каналовъ для вешной и лѣтней поливокъ, чему также подвергаются и сѣнокосы, если только они не на лугахъ, поливаемыхъ водой».

Когда, въ 1838 г., ссыльныхъ раздѣлили на разряды, время пребыванія въ работѣ было ограничено, а дѣтей рабочихъ велѣно приписать въ крестьяне—всѣ молодыя руки поспѣшили воспользоваться свободой. Всѣ дѣти ссыльныхъ изъявили желаніе выбыть изъ заводовъ. Казенныя палаты ходатайствовали оставить ихъ на прежнихъ мѣстахъ, но просьба ихъ не была уважена и только кое-гдѣ, «по усиленнымъ убѣжденіямъ», нѣкоторые пропитанные согласились жить въ заводахъ по билетамъ отъ волости, а малолѣтки остались при отцахъ на воспитаніи. Но переворотъ 1838 г. подалъ только надежды, облегчилъ участь рабочаго, но быта его не улучшилъ. Правда, заведены были артели для улучшенія продовольствія и установленъ экономическій капиталъ на помощь при домообзаводствѣ, а между прочимъ и при женитьбѣ; но капиталъ до половины наличнаго количества тратился, вмѣсто главной цѣли, на поимку бѣглыхъ, на различныя и частныя иллюминаціи, на сложеніе казенныхъ долговъ съ умершихъ и въ награду ссыльныхъ обувью. Артели удержались только при тюрьмахъ, но и тѣ были такъ непрочны, искусственны и легки въ замыслѣ, что опытомъ своимъ не умудрили ссыльныхъ и не выучили ихъ придерживаться артельнаго на-

чала на волѣ, на пропитаніи. Каждый вышедшій на волю дѣйствовалъ уже самъ по себѣ, а всѣ вмѣстѣ, дѣйствіями своими, сложили то убѣжденіе въ умахъ заводскаго начальства, что таковое переходное состояніе—самое обильное побѣгами, и время это самое удобное для бродяжества.

Нельзя не прибавить къ тому весьма частаго исчезновенія многихъ сибирскихъ заводовъ, которые какъ бы намѣренно начнутъ быстро возрастать въ одномъ мѣстѣ вопреки всякихъ экономическихъ законовъ, какъ произошло въ Западной Сибири (съ винокуренными заводами), или быстро упраздняться, когда экономическія условія края доводутъ до сознанія ихъ вреда, какъ случилось въ Восточной Сибири, гдѣ пали два завода винокуренныхъ въ Иркутской губ. (Николаевскій и Ильгинскій), два въ Забайкальской области (Михайловскій винокуренный и Селенгинскій солеваренный), одинъ въ Енис. губ. (Каменскій) и Тельминская суконная фабрика (въ Иркутской губ.). Исторія у всѣхъ одна: либо быстрое выростаніе цѣнъ на хлѣбъ порождаетъ сильныя и повсюдныя жалобы, либо дурное хозяйство превращаетъ заводы эти въ ветошь. Исторія Тельминской фабрики служитъ прототипомъ. Вызванная искусственно для приготовленія солдатскихъ суконъ, она щолкала челноками до тѣхъ поръ, пока не стала требовать исправленій. Прорвалась дира въ одномъ мѣстѣ, надо бы положить заплату — пишутъ, но отвѣта нѣтъ, а въ это время готова уже другая дира, опять пишутъ и получаютъ разрѣшеніе, но пока — на починку первой. Въ концѣ концовъ пробоинъ и промоенъ накопилось отъ времени такъ много, что ремонтъ сталъ дороже капитальной перестройки за-ново? Надо новый сюртукъ шить. Такъ и сказано о томъ, кому слѣдуетъ. Но тѣ подумали-было выворотить сукно на изнанку, стали считать и оказалось, что выгоднѣе было продать ветошь старьевщику, отступиться. Позвали покупщиковъ; тѣ осмотрѣли, одумались и нашли, что ветошь никуда не годится и покупать ее не стоитъ. А между тѣмъ фабрика приселила и прикормила много рабочихъ: много народу скопилось. Куда его дѣвать? Смотришь, земли забрали старожилы-крестьяне, разумѣющіе сибирскія дѣла по настоящему, а заводъ

изъ ссыльныхъ приготовилъ техниковъ, тотъ знаменитый фабричный народъ, который для поселенческой жизни никуда не годится. Ткачи такъ и остались со вдавленною грудью отъ постояннаго нажиманія ея у станка, сухіе, какъ жимолость, кашляющіе и притомъ гордые сознаніемъ своего достоинства, не позволяющаго ихъ смѣшиваться съ поселенцами-земледѣльцами.

Ссыльные, если сами и уходили на пропитаніе, то дѣтьми своими поступались на пользу заводовъ. И хотя до совершеннолѣтія ихъ не велѣно принимать въ работу, но начальство, соображая то, что ихъ все-таки въ это время кормило казеннымъ хлѣбомъ, брало для работъ гдѣ съ 14, гдѣ съ 12, а не рѣдко и съ 10 лѣтъ. Потомъ хвасталось: «сыновья ссыльно-рабочихъ составляли классъ людей самыхъ способныхъ и употребительныхъ при техническихъ работахъ». По 8-й ревизіи (1834 года) всѣхъ ихъ велѣно было приписать въ крестьяне ближайшихъ селеній и заводы попали на новую бѣду, стали жаловаться: «не смотря на всѣ старанія пріохотить ссыльныхъ къ мѣсту, заводскія селенія не распространялись: по минованіи срока работъ всѣ, выходящіе на собственное пропитаніе, отчислялись отъ заводскаго вѣдомства». Уволеннымъ уже «не производилось ни опредѣленной по заводу платы, *ни хлѣба* даже и въ тѣхъ случаяхъ, если рабочіе отпускались на временное пропитаніе, когда пріостанавливались заводскія работы (на винокуренныхъ, напр., глухое время бездѣйствія тянулось съ 1-го ноября по 1-е марта). А потому отцы, уходившіе на пропитаніе, брали съ собой и дѣтей побираться вмѣстѣ съ ними по-міру. Заводскія начальства требовали ихъ возвращенія, но «пропитанные» старались уходить такъ далеко, что всѣ мѣры оказывались недѣйствительными, и заводы оставались при работахъ изъ вновъ присланныхъ ссыльныхъ и кое-какихъ вольнонаемныхъ *). Результаты извѣстны: вольнонаемныхъ нѣтъ, конныхъ рабочихъ очень мало, дрова

*) На Иркутскомъ солеваренномъ заводѣ отношенія всякихъ заводскихъ рабочихъ разъ выяснились въ такой цифрѣ: ссыльно-рабочихъ 276, пропитанныхъ 311, малолѣтковъ 197, вольнонаемныхъ 9.

приходятъ въ истощеніе, ссыльные бѣгутъ цѣлыми толпами, и заводъ виситъ на волоскѣ, пока не примутъ усиленныхъ мѣръ. А затѣмъ все-таки отвѣтъ одинъ: «водворить изъ сброда этихъ людей постоянными работниками, сдѣлать ихъ домохозяевами и, наконецъ, коннорабочими не представляется къ тому никакой возможности».

Во всякомъ случаѣ, приготовленіе поселенцовъ изъ каторжныхъ чрезъ переходное и странное состоаніе пропитанныхъ, ещо до сихъ поръ не достигло желаемой цѣли и не привело къ тѣмъ результатамъ, которыхъ ожидали и которые казались такими красивыми на бумагѣ. На самомъ дѣлѣ мѣра эта усилила количество бродягъ, увеличила число нищихъ въ Сибири, организовала въ томъ краю цѣлый классъ людей опасныхъ, о которомъ давно пора подумать и позаботиться. Не всегда на пропитаніе уходятъ люди дряхлые и изувѣченные, но и въ этихъ живуща та язва, которая въ силахъ вліять заразительно на здоровые организмы.

Сами ссыльные, долгимъ путемъ страданій, успѣваютъ выработать себѣ кое-какія надежды, заручаются посильнымъ терпѣніемъ и на безвыходности тяжолой жизни умѣютъ ещо складывать пѣсни, выливать въ нихъ свое горе. Въ горѣ этомъ проглядываетъ и надежда, и терпѣніе, и вѣра въ будущее. Въ тюрьмахъ каторжныхъ поется между прочимъ и тякая пѣсня:

Сѣдина ль моя, сѣдинушка,
Сѣдина ль моя молодецкая!
Ты къ чему рано появилася,
Во чорны кудри вселилася?
Ахъ ты, молодость, моя молодость!
Ахъ ты, молодость молодецкая!
Я не чаялъ тебя измыкати.
Ахъ, измыкалъ я свою молодость
Не въ житьѣ-бытьѣ, богачествѣ:
Во проклятомъ одиночествѣ!
Изошолъ-то я, добрый молодецъ,
Съ устья до вершинушки
Всю сибирскую сторонушку:
Не нашолъ-то я, добрый молодецъ,

Ни батюшки, ни матушки,
Ни братцовъ-то—ясныхъ соколовъ,
Ни сестрицъ-то—бѣлыхъ лебедушокъ;
А нашолъ-то я, добрый молодецъ,
Полоняночку—красну дѣвицу.

Пѣсня эта собственно должна принадлежать поселенцамъ, къ житью-бытью которыхъ мы и переходимъ теперь.

ГЛАВА V.

НА ПОСЕЛЕНІИ.

Сибирское населеніе изъ поселенцовъ. — Худая слава. — Безвыходное положеніе. — Отношенія къ старожиламъ. — Бродяжество и шатанье. — Пѣсня. — Испорченность поселенцовъ и причины этого явленія. — Прочнаго водворенія ссыльныхъ не существуетъ. — Безплодность мѣръ. — Первые шаги ссыльнаго. — Вражда туземцовъ. — Богадѣльни. — Посельщики. Неспособные. — Смотрители поселенцовъ. — Воровство. — Свободныя самовольныя поселенія. — Киржаки. — Каменьщики. — Ссыльныя колоніи невѣдомыя и вѣдомыя. — Задичалые поселенцы. — Золотые промыслы. — Поселенцы на пріискахъ въ тайгѣ. — Ялганджи и міряки. — Евреи въ Сибири. — Инородцы въ ссылкѣ. — Русскіе раскольники за Байкаломъ. — Цвѣтущія хозяйства. — Духоборцы. — Уральскіе казаки. — Невинно сосланные и возвращонные. — Поручикъ Козлинскій. — Монахиня. — Странникъ Иванъ Захаровъ Спасовъ. — Перемѣна именъ. — Неправильность распредѣленія ссыльныхъ по Сибири. — Палачи. — Презрѣніе къ нимъ и результаты его. — Кнутъ. — Богачи изъ каторжныхъ. — Чужеземцы въ ссылкѣ.

«Поселенецъ, что младенецъ,—что̀ видитъ, то́ и тащитъ», говоритъ сибирская поговорка, явившаяся результатомъ двухсотлѣтнихъ наблюденій сибиряковъ-старожиловъ (потомковъ промышленныхъ людей, доброю волею пришедшихъ въ Сибирь на жительство) надъ тѣми русскими людьми, которыхъ увела изъ Россіи чужая воля и преступленія и для которыхъ придумано новое названіе поселенцовъ.

«Хоть того лучше посельщикъ (будь самый лучшій поселенецъ): не вѣрь ему!»—выговорилось сибирякомъ другое изрѣченіе, имѣю-

щее смыслъ пословицы, какъ руководящаго житейскаго правила, съ тѣмъ оттѣнкомъ въ смыслѣ, что поселенецъ, названный такъ въ отличіе отъ переселенца (доброю волею покидающаго родину для новыхъ и счастливыхъ мѣстъ), превратился уже въ *посельщика*. Слово «посельщикъ» на языкѣ сибиряковъ-старожиловъ сдѣлалось браннымъ, и поселенецъ, слыша его обращеннымъ къ себѣ, глубоко оскорбляется имъ въ равной степени съ другимъ обиднымъ, бьющимъ прямо въ сердце, и браннымъ сибирскимъ прозвищомъ—*варнакомъ*. Сибирякъ, готовый называть бродягу, бѣглаго съ каторги, человѣкомъ *гульнымъ*, *прохожимъ* и даже признавать его на самомъ дѣлѣ таковымъ, сибирякъ, называющій всякаго ссыльнаго, идущаго въ партіи по этапамъ, не иначе, какъ *несчастнымъ* и даже *болъзненькимъ*,—того же самаго *несчастнаго*, умудренный опытомъ и короткимъ знакомствомъ съ нимъ, обзываетъ уже посельщикомъ, бранитъ варнакомъ и слово «варнакъ» пріурочиваетъ именно къ поселенцу (потому что собственно для ссыльно-каторжныхъ у сибиряка придуманы другія бранныя слова: храпъ, храпъ-майоръ, каторжанъ, *чалдонъ*).

Слову отвѣчаетъ и дѣло. Хорошо извѣстенъ всѣмъ тотъ фактъ, что только такой сторожилъ-сибирякъ не задумается выдать свою дочь за пришельца изъ Россіи, за человѣка изъ поселенческаго сибирскаго люда, только тотъ, который съумѣлъ осилить въ себѣ природное предубѣжденіе и успѣлъ стать внѣ общаго народнаго понятія. Становится поселенецъ зятемъ старожила развѣ только въ томъ случаѣ, когда дѣйствительно честнымъ житьемъ съумѣлъ смыть съ себя безъ слѣда пятно и клеймо, принесенныя изъ Россіи, или на крайній случай такъ заполонилъ сердце красной дѣвицы, что она рѣшилась выдти изъ воли родительской и отдалась доброму молодцу обычнымъ сибирскимъ свадебнымъ способомъ *убъга*. Въ этомъ отношеніи положеніе поселенца дѣйствительно безвыходное, и сваты изъ мѣстныхъ властей, съ казеннымъ способомъ принужденія, до сихъ поръ еще явленіе нерѣдкое, когда имъ вздумается считать его политически-обязательнымъ или экономически-выгоднымъ. Взамѣнъ того, мы видимъ совершенно противоположное явленіе: благодаря предубѣжденію сибиряковъ противъ поселенцовъ, оказывается

множество помѣсей съ инородцами, метисовъ. На Оби русскіе обостячились, на Енисеѣ—отунгузились, на рѣкахъ Ленѣ, Алдонѣ и Маѣ объякутились, а за Байкаломъ явилось цѣлое племя карымовъ отъ матерей бурятокъ и манголокъ, и отцовъ: сибирскихъ казаковъ и русскихъ поселенцовъ. Во второмъ поколѣніи, во внукахъ, во всѣхъ этихъ четырехъ-пяти случаяхъ превращеніе полное, при недостаткѣ освѣжающихъ русскихъ началъ, за безлюдьемъ и удаленіемъ въ тайговой и пустынной глуши людей славянской расы и русской кости. Всякихъ диковинокъ въ Сибири не мало, но отчужденіе сибирскаго старожила отъ русскаго пришельца — тамъ не диковинка. Въ этомъ отношеніи сибирякъ послѣдователенъ и даже злопамятенъ. Не простилъ онъ ишимцамъ стараго грѣха фабрикаціи фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, и до сихъ поръ зоветъ ихъ блинниками (выражаясь ихъ же условнымъ терминомъ, называя фальшивыя бумажки блинами). Не забылъ сибирякъ, что таровцевъ (жителей г. Тары) когда-то Петръ Великій, за упорство въ расколѣ и за бунтъ 1721 года, велѣлъ сажать на колъ, и до сихъ поръ зоветъ ихъ коловичами, какъ туринцовъ самосадошниками (за тайную сидку вина) и курганцовъ—конокрадами. До сихъ поръ енисейцовъ зовутъ сквозниками (за грѣхи, объясненіе которыхъ не укладывается въ печать) и гроболазами, По поводу послѣдняго охотливо разсказываютъ про нихъ такой случай: плыла-де по Енисею барка, остановилась у города; на баркѣ этой гробъ стоялъ и лежалъ въ гробу томъ покойникъ; енисейцы приняли гробъ за ящикъ, покойника—за какіе-нибудь продажные пріисковые товары и, когда заснулъ ночной караульной, они этотъ гробъ съ покойникомъ украли съ барки. Про сосѣдей ихъ, красноярцовъ, у сибиряковъ для укора придуманъ даже цѣлый стихъ, извѣстный въ сибирскихъ странахъ малому ребенку:

Красноярцы
Сердцомъ яры:
Любятъ очень они честь,
Хоть на нихъ козлина шерсть.
Оттого они не сильны,
Что отцы ихъ были ссыльны.

На сколько сильно отвращеніе коренного сибиряка отъ пришель-

ца—ярко свидѣтельствуютъ тѣ факты, что старожилы не только гнушаются принимать и вводить ихъ, посредствомъ браковъ, въ собственныя семейства, но рѣдкій изъ сибирскихъ крестьянъ охотно соглашается взять къ себѣ поселенца даже на простыхъ обязательствахъ работника-казака. Хотя законъ *) и назначаетъ полплаката арестантскаго содержанія старожилу, принявшему къ себѣ поселенца, но законъ этотъ болѣе 15 лѣтъ къ дѣлу не примѣняется. Старожилъ гнушается поселенцомъ и дѣлаетъ для него исключеніе развѣ только въ томъ случаѣ, когда теребитъ нужда и поселенецъ стучится къ нему въ лѣтнее время, когда на уборку хлѣба не хватаетъ хозяйскихъ средствъ, а всю траву скосить ни у одного еще сибиряка-хозяина не доставало собственныхъ, ненаемныхъ силъ. Лѣтомъ сибирякъ поселенца беретъ, зимой гонитъ, но, и принявши его въ рабочую страдную пору, стѣсняетъ во всемъ и обижаетъ чѣмъ ни попало,—старожилъ-сибирякъ за грѣхъ этого не считаетъ, зная и тотъ коренной законъ, что посельщику нѣтъ вѣры и давать ему ее не велѣно». Условную заработную плату хозяинъ охотнѣе даетъ поселенцу передъ праздникомъ и на кабакъ, и притомъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы и водку-то наймитъ выпилъ вмѣстѣ съ хозяиномъ. На необходимое и полезное для работника хозяинъ давать не любитъ; но у него достаетъ соображенія, что если задавать деньги хорошему работнику изъ поселенцовъ исключительно на выпивку и, задавать впередъ этихъ денегъ больше,—поселенецъ запутается въ тѣнетахъ неоплатныхъ долговъ и долго удержится на одномъ мѣстѣ при тѣхъ условіяхъ, которыя ему, разумѣется, весьма не по вкусу, но для сибирскаго сельскаго хозяина весьма на-руку.

Въ притѣсненіяхъ подобнаго рода сибиряки-старожилы послѣдовательны и форма эксплуатаціи чужого труда посредствомъ чрезмѣрныхъ и неправильныхъ задатковъ является въ Сибири особаго рода закономъ даже и у золотопромышленниковъ. Доказательства тому мы увидимъ ниже при послѣдовательномъ разборѣ обоюдныхъ отношеній новыхъ людей къ старымъ, рабочаго къ нанимателю. У самихъ же поселенцовъ выразилось это въ цѣлой пѣснѣ, которую,

*) Ст. 676 Уст. о ссыл., изд. 1857 г.

не смотря на ея искусственность, охотно распѣваютъ въ Сибири повсюду:

Воля грознаго Монарха—
Мы спѣшимъ въ восточной край.
Мы ко рѣчкѣ приходили,
И садились на песокъ;
Тамъ увидѣли—увидѣли
Слѣпаго старичка на бережкѣ.
Не подалеку въ песочкѣ
Посошокъ его стоялъ,
Хлѣба чорнаго кусочекъ
Въ сумкѣ положонъ лежалъ.
—Ужъ ты, старичокъ любезный!—
(Тутъ одинъ изъ насъ спросилъ)
Отчего ты такой блѣдный,
Или свѣтъ тебѣ не милъ?
—Ты дитя ли мое милое!—
(Отвѣчалъ ему старикъ):
Ужъ я тридцать лѣтъ въ Сибири
Я спокою не имѣлъ:
Винокурные заводы
Всѣ состарили меня;
Соловарные заводы
Скрыли бѣлой свѣтъ изъ глазъ.
Отъ крестьянскихъ савотьекъ *)
Все мозоли на плечахъ;
Отъ пузастаго накальства
Все здоровье растерялъ **).

Эта пѣсня едва ли не единственный гласный отвѣтъ самихъ поселенцовъ на всѣ обвиненія, взводимыя на нихъ, но, во всякомъ

---

*) Савотѣйки въ Сибири—небольшія круглыя булки, сѣренькія на видъ и дурныя на вкусъ. Ихъ выкладываютъ на окна для прохожихъ бродягъ; ихъ подаютъ въ окна прохожимъ и ими же кормятъ тѣхъ изъ бродягъ, которые поступаютъ въ работу, оттого-то стрѣлять савотѣекъ—выпрашивать ихъ, на арестантскомъ языкѣ—значить бродяжить; оттого-то и мозоли на плечахъ, что только ими и умѣютъ расплачиваться сибиряки съ бродягами за тяжолыя работы на заимкахъ.

**) Пѣсня эта, говорятъ, сочинена однимъ ссыльнымъ, въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія, вскорѣ послѣ учрежденія этаповъ, по проектамъ и указаніямъ графа Сперанскаго.

случаѣ, она прямѣе и непосредственнѣе силится стать только за тотъ разрядъ ссыльныхъ, которые вышли на поселеніе чрезъ все чистилище, нами уже описанное и для насъ оставшееся теперь назади. Впереди и прямо передъ нами тотъ разрядъ ссыльно-поселенцовъ, который не озлобляла каторга и не портила въ конецъ безтолковая и бездѣльная бродяжья жизнь. На поселеніе, какъ извѣстно, идутъ изъ Россіи непосредственно осужденные на этотъ родъ наказанія ссыльные, по судебнымъ приговорамъ русскихъ судовъ. На такихъ-то по преимуществу «несчастныхъ», на ихъ-то житейской судьбѣ и бытовой обстановкѣ мы намѣрены теперь сосредоточить вниманіе, въ разсчетѣ на частныя видоизмѣненіи и кое-какія отличія, хотя въ общемъ всѣ наши данныя не даютъ намъ никакой возможности рисовать картину самостоятельную и другую. Сами ближайшіе оцѣнщики такого дѣленія не признаютъ, и на тотъ и другой видъ поселенцевъ кладутъ одинаковое подозрѣніе и взводятъ валовое обвиненіе безразлично. Такъ поступаютъ старожилы, которые изъ практики выводятъ даже такое заключеніе, что поселенецъ изъ каторжныхъ, уходившійся, достаточно пошалившій, «надуровавшійся» на своемъ вѣку, — сходнѣе и ручнѣе для работъ, чѣмъ поселенецъ, прямо пришедшій изъ Россіи и предназначенный для тѣхъ же цѣлей свободнаго труда и вольнонаемныхъ работъ. Первый трудолюбивѣе, добросовѣстнѣе второго и требуетъ только кое-какихъ рѣшительныхъ уступокъ и особенныхъ пріемовъ въ отношеніяхъ съ нимъ; второй, какъ необъѣзженный конь, на столько еще дикъ и своеобыченъ, что общепринятыхъ пріемовъ и способовъ дѣйствія никакъ къ нему не приладишь. Какъ въ первомъ замѣчаются задатки къ непремѣнному исправленію, такъ во второмъ — наклонность въ противную сторону: нельзя ли и въ Сибири походить по той же стезѣ, съ которой свыкся, но, по несчастію, сорвался въ Россіи.

Общественное мнѣніе единогласно остановилось на томъ, что поселенцы, приходящіе изъ Россіи и поступающіе на жительство — люди испорченные, никуда и ни къ чему негодные. Мало того: они — язва молодой страны, жаждущей свѣжихъ силъ и честнаго труда. Испорченность, безнравственность ихъ до такой степени сильны, что вредно и гибельно дѣйствуютъ на коренное населеніе, заражая его

своимъ тлетворнымъ ядомъ. Какъ въ сѣверозападномъ краѣ Россіи невозможно найти такого старожила, который не былъ бы глубоко убѣжденъ въ настоятельной необходимости, ради пользы края, въ поголовномъ выселеніи евреевъ въ какія угодно трущобы; такъ, рѣдкій изъ коренныхъ сибиряковъ не желаетъ прекращенія высылки изъ Россіи ссыльныхъ, въ тѣхъ же разсчотахъ на несомнѣнное и даже близкое преуспѣяніе своей родины во всѣхъ отношеніяхъ. Съ общественнымъ мнѣніемъ не идутъ въ противорѣчіе и убѣжденія начальственныхъ лицъ, въ отзывахъ которыхъ по этому дѣлу замѣчается изумительное постоянство и сходство. Еще въ 1835 году одинъ изъ сибирскихъ губернаторовъ печаталъ въ своемъ сочиненіи*) о ссыльныхъ, между прочимъ, слѣдующее: — «Рѣдко случается, въ особенности лѣтомъ, чтобы ссыльный исполнялъ въ точности обязанность свою противъ хозяина и противъ начальства. Онъ беретъ задатокъ, получаетъ одежду и, не смотря на билетъ, уходитъ въ горы и лѣса, воруетъ, мошенничаетъ и живетъ, или едва живетъ; иногда застигаетъ его глубокая зима, и онъ, голодный, замерзаетъ въ пустынѣ; иногда сталкиваются они вмѣстѣ и составляютъ шайки разбойниковъ, отъ 8 до 10 человѣкъ; отбиваютъ винтовки у промышленниковъ, лошадей у поселянъ и, подъ начальствомъ атамана, грабятъ крестьянъ, рѣдко проѣзжающихъ и никогда ничего казеннаго. Такихъ шаекъ бываетъ иной годъ двѣ, три. Они жгутъ домы, пытаютъ на огнѣ хозяевъ и обираютъ все, что́ можно обобрать. Для нихъ-то учреждены ведеты отъ Ачинска до Красноярска. Большая дорога совершенно спокойна, но глухія мѣста подвержены опасности. Казаки, съ помощію крестьянъ, преслѣдуютъ ихъ, уничтожаютъ, ловятъ. Болѣе трехъ лѣтъ не появлялись они въ Енисейской губерніи и рѣшительно съ тѣхъ поръ, когда Высочайшей волѣ угодно было за поимку ихъ наградить одного храбраго крестьянина медалью. Иногда большими толпами бѣгутъ ссыльные къ Россіи, но Сибирь есть тюрьма колоссальная, съ безчисленными полисадами: въ которыхъ-нибудь изъ нихъ бѣглецовъ ловятъ. Это случается по большей части

*) А. П. Степановъ, енисейскій гражданскій губернаторъ, въ извѣстномъ сочиненіи своемъ «Енисейская губернія», Спб. 1835, ч. II.

къ зимѣ, и вотъ, пока идетъ слѣдствіе, пока собираютъ справки, ибо они безпрестанно обманываютъ, ихъ зимняя квартира есть тюрьма.

Тридцать лѣтъ позднѣе (уже въ 1861 г.) печаталось въ одномъ изъ московскихъ ученыхъ изданій*)уже про всѣхъ сибирскихъ поселенцовъ тоже самое, но въ такомъ видѣ:—«Слѣдуя общепринятому порядку, ссыльные, по достиженіи Тобольска, распредѣляются по губерніямъ; въ губерніяхъ они расписываютса по волостямъ и отправляются на мѣста въ сопровожденіи казаковъ, которые, по малочисленности своей, служатъ имъ болѣе провожатыми, нежели конвоемъ. Въ волостяхъ ссыльные распредѣляются по деревнямъ и отправляются туда уже по одиночкѣ или нестройными толпами, безъ всякаго полицейскаго надзора. Получивъ такимъ образомъ полную свободу, которою не умѣютъ пользоваться, они предаются порочнымъ своимъ наклонностямъ: пускаются въ воровство, мошенничество и нерѣдко въ грабительства. Тѣ изъ нихъ, которые по необходимости отыскиваютъ работу, по большей части не исполняютъ своихъ обязанностей ни въ отношеніи къ хозяевамъ, у которыхъ нанимаются, ни въ отношеніи къ начальству; берутъ задатки, получаютъ одежду и обокравъ часто своего хозяина, бѣгутъ отъ него и дѣлаются бродягами. Об ширность и малонаселенность края, лишая мѣстное управленіе всякой возможности преслѣдовать ихъ, въ свое время, даютъ имъ всѣ средства къ укрывательству до тѣхъ поръ, пока наступленіе зимы не заставитъ ихъ сблизиться съ селеніями и искать въ нихъ убѣжища отъ холода и голода. Въ этомъ-то положеніи многіе изъ нихъ погибаютъ въ пустыняхъ, а остальные попадаются въ руки мѣстныхъ властей. Къ зимѣ всѣ тюрьмы наполнены бродягами, начинаются розыски объ ихъ происхожденіи, а между тѣмъ они, обезпеченные человѣколюбивымъ правительствомъ во всѣхъ естественныхъ нуждахъ своихъ, ведутъ праздную жизнь и, передавая одинъ другому свои преступныя похожденія, еще болѣе укореняются въ безнравственности. Къ веснѣ оканчиваются дѣла о бродягахъ; они, ежели не откроется уголовныхъ преступленій, послѣ легкаго полицейскаго на-

*) Чтенія въ Имп. моск. общес. ист. и древ. россійскихъ.

казанія, отправляются прежнимъ порядкомъ въ волости и деревни, къ которымъ положительно никогда не присоединяются и возобновляютъ прежнія безпорядки».

«Крайне трудно (свидѣтельствуетъ А. П. Степановъ) изобрѣсть средства со стороны казны, удерживать ссыльныхъ отъ побѣговъ».

«Въ 1827 году сентября 15-го (говоритъ онъ дальше) утвержденъ проектъ поселенія 5,955 ссыльныхъ въ Енисейской губерніи, имѣющій въ предметѣ, чрезъ усредоточенный надзоръ и занятіе въ хлѣбопашествѣ, удержать преступниковъ отъ побѣговъ и праздности. Поселенія сіи должны заключаться въ 22 деревняхъ; отведена 15-ти-десятинная пропорція прекраснѣйшей земли; изъ сихъ поселеній 6 на большой дорогѣ, остальныя въ сторонѣ; въ каждомъ дворѣ назначено помѣщеніе четыремъ посельщикамъ: тремъ, какъ работникамъ и четвертому, какъ хозяину или кашевару. Онъ приготовляетъ все нужное для своихъ товарищей по домашному хозяйству». «Каждый ссыльный получилъ топоръ — и лѣса пали подъ руками работниковъ поселеній или будущихъ хозяевъ домовъ. Я видѣлъ уже на большой дорогѣ прекрасныхъ пять селеній оконченными, и не могъ ими налюбоваться. Я видѣлъ семь достигающихъ своего конца; я видѣлъ четыре, которые, какъ чертежи, лежали на зеленѣющихся долинахъ по берегамъ Кана»...

«На это дѣло (продолжаетъ второй авторъ) употреблено до 270 тыс. руб. асс. безвозвратно и, сверхъ того, на продовольствіе поселенцовъ до урожаевъ, роздано имъ около 211 тыс. руб. асс., которыя они обязаны были возвратить впослѣдствіи, по частямъ. Но благодѣтельная сія мѣра не достигала цѣли. Посельщики, едва водворенные, оставили, по большей части, свои домы и устремились къ глупой волѣ, бродяжничеству и преступленіямъ. Это служитъ неоспоримымъ доказательствомъ, что безъ дѣйствительнаго хозяйственнаго быта, т. е. безъ семейства, любви къ собственности и надежды на будущее, никакое *свободное* поселеніе существовать не можетъ. Но какъ достигнуть этого, гдѣ взять женщинъ для брачныхъ союзовъ, тогда какъ число ихъ въ Сибири вообще составляетъ только около $^4/_5$ противъ числа мужчинъ, а въ числѣ ссыльныхъ бываетъ ихъ обыкновенно не болѣе $^1/_{10}$ части?»

Между тѣмъ «большинство поселенцовъ не имѣетъ прочнаго домохозяйства и благосостоянія», говоритъ одна изъ позднѣйшихъ не напечатанныхъ, но замѣчательныхъ записокъ о поселенцахъ Томской губерніи *). «Къ причинамъ этимъ можно отнести: 1) нравственную порчу поселенцовъ и пріобрѣтонную ими до поступленія въ Сибирь привычку жить не своимъ трудомъ; 2) бѣдное и безпомощное положеніе поселенцовъ при первоначальномъ ихъ водвореніи въ Сибири, и 3) общее нерасположеніе къ нимъ сибиряковъ-старожиловъ, выражаемое въ бранномъ словѣ: *варнакъ*, *посельщикъ*!» Прислушайтесь къ разсказамъ туземцовъ, провѣрьте ихъ личнымъ внимательнымъ наблюденіемъ, обращайтесь съ запросомъ къ прошедшему и въ оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ сказаніяхъ, ищите отвѣта,—вездѣ и неизбѣжно встрѣчается одинъ непреложный выводъ, что положеніе ссыльнаго поселенца въ Сибири далеко не удовлетворяетъ всѣмъ, даже самымъ снисходительнымъ требованіямъ человѣколюбія и цивилизаціи.

Замѣчательная правда объясненій этого факта, приведенныхъ въ запискѣ, обязываетъ насъ къ подробному разбору всѣхъ трехъ, высказанныхъ ею, положеній.

На вопросъ, гдѣ происходитъ окончательная нравственная порча ссыльныхъ и пріобрѣтается ими привычка жить чужимъ трудомъ? давно уже готовъ отвѣтъ положительный, прочно вкоренившійся въ общественное убѣжденіе и—должно сказать правду—отвѣтъ, не подлежащій сомнѣнію. Спрашивайте оффиціальныхъ наблюдателей, спрашивайте самихъ ссыльныхъ о томъ, гдѣ больше и чаще наталкивались они на случаи совращенія своихъ помысловъ и убѣжденій съ прямого пути чести и долга — вамъ единогласно отвѣтятъ: *въ тюрьмѣ*!

Вникните въ подробности и глубину смысла этого слова, слѣдите за историческою жизнью этого вида государственныхъ учрежденій (по тѣмъ немногимъ даннымъ, которыя кое-гдѣ разбросаны): вездѣ и всегда вы встрѣтите одно, что тюрьма, или по-просту, острогъ—складочное мѣсто всѣхъ тѣхъ нравственныхъ нечистотъ,

*) Записка принадлежитъ Мих. Алекс. Гилярову.

которыя порождаются разложеніемъ кое-какихъ частей общественнаго организма. Складчики и носильщики—это тѣ преступные и порочные люди, которыхъ выдѣляютъ изъ общественной среды для ея же безопасности и которые тѣмъ съ большею охотою и рвеніемъ исполняютъ свою обязанность, что находятъ себѣ слушателей и послѣдователей. Въ этомъ смыслѣ тюрьмы, послѣ воровскихъ притоновъ и домовъ разврата, самые благонадежные и прочные резервуары, куда способнѣе входить и гдѣ легче скопляться всѣмъ гнилымъ и заразительнымъ міазмамъ, характеризующимъ въ извѣстный моментъ, болѣзнь общественнаго организма.

Чего, прежде всего, недостаетъ русскимъ тюрьмамъ; въ чемъ главнѣе всего нуждаются русскіе тюремные сидѣльцы? — Отвѣтъ не труденъ: нашимъ тюрьмамъ недостаетъ правильнаго раціональнаго устройства и сосредоченнаго надзора и вниманія, а заключенные въ нихъ прежде и главнѣе всего нуждаются въ занятіяхъ, въ работѣ. Трудъ—этотъ основной законъ и главный дѣятель нашего существованія, и притомъ такой дѣятель, участіе котораго въ судьбѣ человѣка настолько сильно и важно, что трудъ возвышенъ въ достоинство добродѣтели,—въ нашихъ мѣстахъ заключенія преступниковъ никогда не имѣлъ достаточно-практическаго примѣненія. Трудъ, какъ самая добродѣтель, предохраняющій волю человѣка отъ дурныхъ наклонностей,—въ тюрьмахъ забытъ, какъ забыто и то, что если можно что-нибудь поставить выше самой добродѣтели, — выше встанетъ трудъ, какъ утѣшитель въ нашихъ печаляхъ, какъ всемогущее услажденіе въ нашихъ несчастіяхъ. Тѣми и другими въ избыткѣ преисполнилась жизнь большей части тѣхъ людей, которые сѣли въ тюрьму. На большую половину такихъ людей, эти неудачи и несчастія сложились въ такомъ обиліи, что довели ихъ до преступленія, а затѣмъ лишили свободы.

Съ увѣренностью, основанною на фактахъ, можно сказать, что большая часть тюремныхъ сидѣльцовъ, а въ особенности тѣхъ, которые приговорены на поселеніе—ни что иное, какъ именно жертвы праздности, бродяги. Презрѣніе къ труду выработало изъ этихъ людей особый классъ, организовало ихъ въ самостоятельное цѣлое, обрекло на иной бытъ, не имѣющій ничего сходнаго съ обыкновен-

нымъ, законнымъ и естественнымъ теченіемъ настоящей жизни. Постоянная жизнь въ праздности привела ихъ къ тому, что они лишились всякой предусмотрительности, основанной на заботахъ и запасахъ на будущее и всякой энергіи, за отсутствіемъ которой явилось тупое равнодушіе, отнявшее у нихъ даже тѣнь самостоятельнаго характера. Въ бродягѣ неизбѣжно выяснился первообразъ всѣхъ классовъ злодѣевъ. На почвѣ бродяжества свободно улеглось и возросло всякое злое сѣмя, вредное и враждебное обществу, и бродяга, въ видѣ дерзкаго вора, смѣлаго мошенника, конокрада, контрабандиста сѣлъ въ тюрьму, чтобы оставить въ ней слѣды своей науки и своего опыта и потомъ уже ушолъ въ ссылку на поселеніе, еще болѣе изуродованный и испорченный. Бродягами — людьми легкаго промысла, не требующаго честнаго труда, переполнены наши тюрьмы. У бродяги либо совсѣмъ нѣтъ пріюта и онъ (говоря мѣткимъ выраженіемъ изъ ихъ же искусственнаго языка, ими на досугѣ придуманнаго) — либо куклишъ четырех-угольной губерніи, либо онъ—житель каменнаго мѣшка, студентъ палочной академіи или попрочту обыватель острога. Острогъ достаточно убѣдилъ насъ (даже въ Сибири) въ томъ, что бродяжій духъ повсюду вѣетъ и цѣлостно живетъ во всемъ составѣ нашихъ тюремныхъ учрежденій: внутренній порядокъ общежитія устроенъ по уставу, принесенному непосредственно изъ мошенническихъ ассоціацій, бродяжьихъ товариществъ; въ условномъ тюремномъ языкѣ ясны слѣды того языка, который извѣстенъ у столичныхъ жуликовъ и мазуриковъ подъ именемъ музыки; тѣже игры и способы препровожденія времени; тѣже карты и пріемы игры какъ въ дальныхъ сибирскихъ тюрьмахъ, такъ и въ обѣихъ столичныхъ, въ избыткѣ наполняемыхъ воришками, карманниками и мошенниками. Бродяга въ тюрьмѣ — привилегированное лицо, острожный аристократъ. Именами бродягъ преисполнены списки тобольскаго приказа о ссыльныхъ, и цифра ссылаемыхъ въ Сибирь за преступленія самая большая на сторонѣ такъ называемыхъ непомнящихъ родства, т. е. настоящихъ коренныхъ бродягъ.

Какое же понятіе о трудѣ и какія средства къ полезному взаимодѣйствію могли внести въ тюрьмы эти люди безъ правилъ, безпечные и лѣнивые до самыхъ крайнихъ предѣловъ возможности! И могли ли

они не вліять вредно, не развивать на досугѣ своихъ правилъ, когда и въ тюрьмѣ встрѣчали они безграничный досугъ въ длинные сроки при казенномъ обезпеченіи во всемъ томъ, для чего онъ прежде ходилъ, будучи на волѣ, съ легкими орудіями праздпаго и порочнаго человѣка? Тюрьмы стремились только къ одной цѣли удержать заключонныхъ въ своихъ стѣнахъ (а потому и выстроились предпочтительно каменными и обставлялись вооружонными часовыми), а смотрители старались не уморить сидѣльцовъ съ голода (а потому и руководствуются кое-какими урочными положеніями и пользуются кое-какими подаяніями и жертвами благотворителей). О томъ, чтобы занять сидѣльцовъ дѣломъ и помѣшать испорченной волѣ развивать себя на бездѣльи и праздности — въ тюрьмахъ не думали. Частные опыты, имѣющіе въ общемъ видъ порывистыхъ, временныхъ и неорганизованныхъ предпріятій, давали въ результатѣ только то, что въ одномъ мѣстѣ пріучаютъ всѣхъ къ переплетному мастерству, когда и книги-то въ томъ городѣ читаются лѣниво и мало; въ другомъ хотѣли сдѣлать изъ острога столярное заведеніе въ то время, когда мѣщане этого города были столярами, издѣлія которыхъ пользовались извѣстностью и дешевизною далеко за предѣлами ихъ губерніи. Попадется въ острогъ сапожникъ, на него уже готовы ноги товарищей, которые, въ то время, когда искусникъ точаетъ дратвой — пляшутъ на досугѣ трепака; попадется работа съ воли и стало быть съ платою, въ тюрьмѣ на деньги требованія большія: онъ этихъ денегъ при себѣ и половины не увидитъ. На ближайшее тюремное начальство арестанты работаютъ даромъ повсюду, на высшее губернское и уѣздное—за самое ничтожное вознагражденіе, и работаютъ притомъ самымъ сквернымъ, безтолковымъ и нечестнымъ образомъ, при всегдашномъ вѣроятіи риска на порчу и на пропажу матеріала. Казенныя орудія и инструменты до такой степени не достигали цѣли, что самое прозвище ихъ обратилось въ насмѣшку и заказчикъ, не задумываясь, прощаетъ недостатки работы, когда не только видѣлъ, но даже лишь слышалъ о томъ, что мастеръ работалъ казеннымъ инструментомъ. Обойдите всю Россію, посмотрите слѣды арестантскихъ работъ,—что найдете? — либо канавы, прорытыя въ городѣ для ската воды, теперь засорившіяся, либо бульвары, насыпанные такъ, что они значительно уже по бокамъ

обсыпались и на серединѣ обузились, и обсажены деревьями такъ, что онѣ и худо принялись и нигдѣ не даютъ достаточно густой тѣни. Арестантская работа сдѣлалась синонимомъ работы прахòвой, никуда не годной, оттого, что вся она шла изъ рукъ непривычныхъ, къ труду неохотливыхъ, что вся она шла изъ тѣхъ домовъ, гдѣ праздность и лѣнь—добродѣтель и опыты легкой наживы и ловкаго мошенничества награждаются всеобщимъ одобрѣніемъ, вмѣняются удальцу въ великую честь и славу.

Въ отвѣтъ на то́, что и трудъ ничтоженъ, неправиленъ и непроизводителенъ, что и въ промежуткахъ работъ находятся большія поля и пробѣлы досуга, — арестанты русскихъ тюремъ показали намъ достаточно данныхъ для настоящаго ихъ оправданія и для будущихъ нашихъ поученій. До сихъ поръ наши тюрьмы были мѣстами покоя, лѣни, бездѣйствія, и, подъ тѣнью и защитою этихъ началъ, стали мѣстами порчи, развращенія, уродства. Какъ и слѣдуетъ быть жилищамъ бродягъ, людей подчиняющихъ себя только собственной вслѣ, но теперь заключонныхъ, тюрьмы ведутъ нескончаемую лѣтопись о различныхъ способахъ къ побѣгамъ, т. е. достиженію того самого состоянія бродяжества, которое на этотъ разъ дѣлаетъ уже изъ бродяги искателя приключеній и сильныхъ ощущеній въ самомъ широкомъ значеніи этихъ словъ. До тюрьмы бродяга человѣкъ еще очень терпимый и не всегда опасный; бѣжавшій изъ тюрьмы бродяга—одно изъ звеньевъ въ цѣпи опасныхъ и вредныхъ классовъ населенія. А между тѣмъ, положительно извѣстно, что ни одна изъ русскихъ внутреннихъ тюремъ не можетъ похвалиться тѣмъ, что въ ней не было сдѣлано подкоповъ и не учинено побѣговъ; въ самыхъ счастливыхъ изъ нихъ только-что не каждой годъ случаются эти несчастія. Но для обезпеченія бродяжества надобится на крайній случай паспортъ, како́й-нибудь видъ и хоть на первое время какая-нибудь денежная сумма; и вотъ опять рѣдкая тюрьма не пишетъ въ своихъ ежегодныхъ дневникахъ случаевъ находокъ, при обыскахъ, поддѣльныхъ штемпелей и печатей и ясныхъ слѣдовъ работы: либо фальшивыхъ бумажекъ, либо фальшивой монеты. Въ этой круговой подчиненности и взаимной зависимости одного преступнаго дѣла отъ другаго, уже счастливымъ результатомъ должно полагать то явленіе въ нѣкоторыхъ на-

шихъ тюрьмахъ, когда арестанты начнутъ выпускать на охотниковъ и любителей плоды своихъ работъ въ видѣ голубковъ, искусно сдѣланныхъ изъ лучинокъ, въ видѣ разныхъ бездѣлушекъ точильнаго мастерства, поразительныхъ тщательною и терпѣливою отдѣлкою. Но въ тѣхъ и другихъ, съ одной стороны нельзя не видѣть большаго избытка во времени, истрачиваемомъ на такіе непроизводительные пустяки, а съ другой стороны, нельзя не видѣть и того, что заключенники совсѣмъ не прочь отъ труда, что они все-таки трудятся, хотя трудъ ихъ и не направленъ въ полезную сторону. Кромѣ того, нельзя не видѣть также и того, что руководство и наблюденіе приставниковъ слишкомъ вялы, безцѣльны и непроизводительны, и собственно русскія тюрьмы въ этомъ отношеніи стоятъ по своему уровню даже ниже сибирскихъ.

Вотъ, между прочимъ, къ какимъ выводамъ пришло центральное управленіе (Министерство Внутреннихъ дѣлъ) изъ сравненія свѣдѣній, представленныхъ начальниками губерній о настоящемъ положеніи тюремнаго вопроса *). «Число устроенныхъ мастерскихъ слишкомъ незначительно. Большая часть арестантовъ остается праздною и валяется на нарахъ. Недостатокъ работъ губительно дѣйствуетъ на здоровье заключенныхъ, потому что люди молодые, сильные и здоровые, составляющіе преимущественно тюремное населеніе, питаясь въ иныхъ тюрьмахъ черезъ мѣру сытною пищею, требуютъ постоянной физической дѣятельности и страдаютъ отъ избытка силъ, остающихся безъ приложенія. Говоря о недостаткѣ работъ въ тюрьмахъ, губернскія начальства указываютъ, что чистка камеръ, приготовленіе кушанья, пилка, колка и разноска дровъ, ношеніе воды изъ колодцовъ и нѣкоторыя другія подобныя занятія представляютъ почти единственныя работы въ тюрьмахъ, но они занимаютъ весьма малое число арестантовъ. Наконецъ въ одной тюрьмѣ, весьма обильной населеніемъ, какъ оказалось при осмотрѣ ея, даже пища приготовляется наемными поварами, такъ что арестанты остаются въ полнѣйшей праздности.» Къ причинамъ невведенія въ тюрьмахъ работъ губерн-

*) Сѣверная Почта, № 198-й 1867 года, стр. 791-я, статья VII: «О занятіи арестантовъ работами».

скія начальства относятъ между прочимъ двѣ, которыя—по нашему мнѣнію — должно считать главнѣйшими: 1) «бездѣйствіе ближайшихъ тюремныхъ начальствъ, не дѣлавшихъ даже попытокъ ввести работы до послѣдняго времени»,—и потомъ уже 2) «изобильное подаяніе въ тюрьмахъ, которое, доставляя арестантамъ весьма обильный столъ, отклоняетъ ихъ отъ желанія работать», работать правильнымъ и честнымъ способомъ—прибавимъ мы отъ себя—потому что собственно въ полнѣйшей праздности человѣкъ находиться не можетъ и наши тюремщики показали намъ достаточно родовъ своей работы, поглощающей немало силъ и времени.

Если же дѣло стоитъ за случаями, на которые наталкиваютъ осмотры, то мы можемъ указать на одну такую тюрьму, гдѣ арестанты на досугѣ и ради шалостей устроили въ острожной казармѣ малое подобіе питейному откупу со всѣми его департаментами. Въ разныхъ мѣстахъ обширной казармы найдены были застигнутыя въ расплохъ различныя питейныя выставки: въ одномъ углу питейный майданъ назывался ведерною, въ другомъ углу носилъ прозваніе штофной лавочки, въ третьемъ—распивочной. Конечно, въ ведерной продавали не болѣе косушки, въ штофной производили торговлю стаканами, въ распивочной рюмками. Такое устройство существовало въ этой тюрьмѣ—по сознанію самихъ арестантовъ—не одну недѣлю: до того «недостаточна заботливость о семъ завѣдывающихъ тюрьмами» и до того не «тѣсно помѣщеніе»! Водку доставлялъ въ острогъ тотъ самый сторожъ, который ходилъ съ ящикомъ въ аптеку за лекарствами для больныхъ арестантовъ. На открытіе такого *подвальнаго* натолкнулъ также случай: разъ онъ, проходя мимо начальства, споткнулся и разбилъ склянки. Начальство, ошеломленное спиртнымъ запахомъ, не менѣе удивлено было тѣмъ, что и сигнатурки были поддѣльныя, а поддѣлывалъ ихъ—какъ показалъ на допросѣ сторожъ—одинъ изъ тюремныхъ фельдшеровъ. Вотъ когда догадался смотритель, отчего ото многихъ арестантовъ припахивало, а другіе попадались ему и совсѣмъ пьяными.

«Духовныя назиданія совершаются въ немногихъ тюрьмахъ и весьма рѣдко (свидѣтельствуетъ статья Сѣв. Почты, составленная по оффиціальнымъ даннымъ). Даже тамъ, гдѣ есть церкви и

особые священники, эти послѣдніе всю свою дѣятельность ограничиваютъ обыкновенно совершеніемъ службы въ праздничные дни и вовсе не заб тятся объ исправленіи арестантовъ, не говорятъ имъ ни проповѣдей, ни поученій и вообще далеко не выполняютъ той обязанности, которая лежитъ на нихъ въ отношеніи порученныхъ попеченію ихъ арестантовъ. Директоры тюремныхъ комитетовъ, хотя и принимаютъ въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ на себя обязанность пещись о нравственномъ совершенствованіи арестантовъ, но дѣятельность ихъ, какъ одиночная и совершаемая по преимуществу безъ системы, мало плодотворна. Большинство между ними остается совершенно равнодушнымъ къ дѣлу исправленія преступниковъ. Обученія арестантовъ грамотѣ не было до послѣдняго времени, и лишь только въ недавніе годы заведены въ немногихъ тюрьмахъ школы или, вѣрнѣе, введено обученіе частными лицами изъ благотворительности, безъ всякаго вознагражденія, но и тутъ встрѣчаются затрудненія въ отводѣ помѣщенія. Книги духовно-нравственнаго содержанія находятся въ немногихъ тюрьмахъ, но ихъ арестанты не читаютъ и не хотятъ читать; другихъ же общеполезныхъ книгъ нѣтъ и по правиламъ онѣ не допускаются».

Не только безграмотность заключенниковъ, не только недостатокъ книгъ и отсутствіе духовныхъ назиданій, но вмѣстѣ съ тѣмъ и равнодушіе тюремныхъ попечителей должно полагать въ числѣ коренныхъ причинъ тюремнаго несовершенства. Причины эти только косвеннымъ образомъ оправдываютъ существованіе зла, корень котораго, несомнѣнно, лежитъ въ дурномъ устройствѣ всего дѣла, въ неправильности и безтолковщинѣ отношеній между дозорщиками и дозираемыми и, конечно, главнымъ образомъ не въ одномъ лѣнивомъ отправленіи своихъ обязанностей первыми, но и въ томъ, что обязанностямъ этимъ не придано надлежащаго направленія, духа единства и духа жизни. Живыя на бумагѣ, — правила эти мертвы въ жизни и на практикѣ произвели на противоположной сторонѣ сильный противовѣсъ, выразившійся въ существованіи тюремной общины. Острогъ, воспользовавшись тѣмъ, что враждебная ему сила, вяло дѣйствуя вообще, вооружалась на него урывками, кое-какъ и кое-когда, велъ свою работу систематически и доработался-таки до того,

что организовалъ изъ себя отдѣльный міръ, мало похожій на тотъ, который кишитъ за стѣнами его. Въ тюремной общинѣ выдержанность общаго тона поразительна: «онъ составленъ изъ какого-то особеннаго собственнаго достоинства, какъ будто званіе каторжнаго составляло какой-нибудь чинъ, да еще и почетный» *). Хотя составъ этого міра и не многочисленъ (бываетъ, впрочомъ, въ нерѣдкихъ случаяхъ не меньше 400 душъ населенія), хотя онъ повидимому и изолированъ, какъ отдѣльная община, но для людей, обреченныхъ въ ссылку, въ одной общинѣ перваго острога онъ только начинается; на пути (въ этапахъ) онъ только нѣсколько видоизмѣнился, но въ основныхъ чертахъ остался тѣмъ же, а въ сибирскихъ тюрьмахъ достигъ конечнаго своего развитія. «Недаромъ — говорятъ острожные — чортъ износилъ трои лаптей, чтобъ сбить насъ въ кучу». Всѣмъ своимъ составомъ міръ этотъ противодѣйствуетъ всякимъ начинаніямъ, направленнымъ къ благой цѣли исправленія и въ немъ-то главнымъ образомъ надо видѣть основную причину всѣмъ неудачамъ, испытываемымъ и смотрителями тюремными, и попечительными комитетами. «Замѣчательно то, что въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ (говоритъ наблюдатель, сидѣвшій съ арестантами), я не видалъ ни малѣйшаго признака раскаянія, большая часть изъ нихъ внутренно считала себя правыми. Это фактъ. Конечно, тщеславіе, дурные примѣры молодечества, ложный стыдъ во многомъ тому причиной». Замѣчательно при этомъ также и то, что руководящія жизненныя начала до того выработаны и дѣятельны, что по всѣмъ тюрьмамъ онѣ поражаютъ сходствомъ и въ русскихъ правила тюремной жизни только преподаются новичкамъ. Въ русскихъ тюрьмахъ — однимъ словомъ — начинается та нравственная порча ссыльныхъ, отъ которой въ Сибири не знаютъ чѣмъ защититься. Вотъ почему тамъ въ общее сознаніе прошло то убѣжденіе и желаніе, чтобы исправленіе ссыльныхъ начинать во время содержанія въ острогахъ при судѣ, т. е. въ русскихъ тюрьмахъ. По числительности преступниковъ, по огромному развитію и разнообразію требованій молодой страны, при недостаткѣ свободныхъ и способныхъ людей на такое

*) Ѳ. М. Достоевскій (Мертвый Домъ).

дѣло — въ Сибири исправленіе преступниковъ весьма трудно, даже едва ли возможно.

Мы отчасти видѣли прежде, до какой степени безполезно посылать въ Сибирь преступниковъ, присужденныхъ къ работамъ собственно-каторжнымъ; впослѣдствіи мы увидимъ это еще яснѣе, но теперь остановимся по поводу занимающаго насъ разряда ссыльныхъ—на поселенцахъ. Вопросъ о каторжныхъ, по гораздо меньшей числительности ихъ въ сравненіи съ количествомъ поселенцовъ, намъ кажется нѣсколько менѣе важнымъ, чѣмъ вопросъ о поселенцахъ. Исключительное назначеніе первыхъ — на казенныя работы на промыслахъ и заводахъ, самый способъ примѣненія труда ихъ, подробности содержанія ихъ и ничтожность вознагражденія за трудъ, ясно показываютъ намъ, что ссылка этихъ людей имѣетъ исключительное значеніе мѣры карательной. Ссылкою хотятъ ихъ наказывать; работами безплатными и принудительными имѣютъ намѣреніе привести въ чувство и раскаяніе, да кстати и возмѣстить тѣмъ на нихъ неудовольствіе и презрѣніе общества. Совсѣмъ противоположное предполагается въ судьбѣ ссыльнаго поселенца: его ссылаютъ, чтобы очистить испорченное имъ мѣсто и не дать ему возможности ещо больше вредить обществу. Въ разлукѣ съ родиной ему полагается мѣра взысканія и наказанія, но въ актѣ поселенія его въ новой странѣ видится уже желаніе имѣть въ немъ для новой страны жителя, дѣятеля, современемъ гражданина, впослѣдствіи на честномъ трудѣ селянина и семьянина — честнаго человѣка. Можетъ ли онъ быть такимъ, выйдя изъ русской тюрьмы, пройдя сквозъ мытарства этаповъ и сибирскихъ тюремъ, наглотавшись ихъ смраднаго и заразительнаго духа?

Русская тюрьма (да и всякая) прежде всего отрицаетъ всякую собственность: денегъ держать при себѣ нельзя, а также ни табаку, ни водки; платье казенное, пища казенная и ремесло и искусство — также чужое достояніе. Тюремная община, сложенная, какъ мы сказали, бродягами, людьми ничего не имущими, и руководимая и направляемая ими же, — такъ какъ изъ нихъ состоитъ большинство тюремныхъ сидѣльцовъ, — въ этомъ отрицаніи собственности ушла ещо дальше. Воровство вина у собственниковъ его, табаку у товари-

щей, заручившихся имъ,—не считается за грѣхъ и не вмѣняется въ преступленіе; да и всякое воровство какихъ бы то ни было вещей у зазѣвавшагося соузника до такой степени обычное дѣло, что тюрьма воруетъ поголовно. Бездѣлье породило игру, внезапные обыски денегъ развили пьянство: надо тратить, а то отнимутъ. На пьянство нужны деньги, взять негдѣ: надо красть — либо эти деньги, либо такую вещь, которая стоитъ денегъ и которую охотно покупаетъ свой же братъ арестантъ, умѣющій выпустить ее за тюремныя стѣны *). Обворованный имѣетъ право самъ выслѣдить зазѣвавшагося товарища и на его собственности выместить бѣду свою: въ совмѣстномъ житьѣ такая круговая порука—дѣло понятное. «Я и самъ бы сдѣлалъ такъ»—думаетъ арестантъ, и только слегка ругается для очистки совѣсти. Вотъ почему тюремное воровство безконечно; и эта болѣзнь такъ заразительна, что разъ попавшій на эту стезю,—съ нея не срывается; по пословицѣ: воръ бѣду избудетъ—опять на воровствѣ будетъ. Если и существуютъ въ тюрьмахъ замысловатыя и остроумныя хоронушки и дозволяются собственные сундучки, — воровство тамъ одна изъ сильныхъ и прилипчивыхъ болѣзней, какъ у людей не имѣющихъ никакой движимой и недвижимой собственности, и у которыхъ всякая тряпка въ цѣнѣ. Исключенія въ добрую сторону до такой степени рѣдки, что брать ихъ въ соображеніе мы совершенно не можемъ. Тюрьма есть и школа воровства и первый пробный камень этого незамысловатаго искусства; воровство въ тюрьмахъ доходитъ до изумительной степени совершенства, которому не посвященные въ дѣло съ трудомъ могутъ вѣрить **). Отъ легкаго способа пріобрѣтенія не много шаговъ до страсти къ расточительности послѣ удачи, а потому въ тюрьмахъ собственникъ пропиваетъ все, потому что одновременно развиваются въ немъ и два другихъ недостатка—непреду-

---

*) Таковы на большую часть сосланные за контрабанду; они же — ловкіе поставщики вина.

**) Напр., въ одной изъ сибирскихъ тюремъ арестанты украли лошадь, на которой пріѣхалъ подрядчикъ — поставщикъ съѣстныхъ припасовъ. Арестанты на подрядчика были сердиты и украденную лошадь спрятали подъ поломъ бани, такъ что искать ее тамъ и въ голову придти никому не могло.

смотрительность и вѣра въ случай. Послѣдняя очень пригодна для картежной игры, значительно распространенной въ тюрьмахъ и любимой этими людьми сильныхъ страстей и живыхъ темпераментовъ.

Въ такую-то сферу, подъ вліяніе такихъ-то началъ и правилъ поступаетъ тотъ, кому судьба судитъ потомъ дѣлаться гражданиномъ Сибири, эксплуататоромъ ея богатствъ и сокровищъ! Поступающій изъ бродягъ, разумѣется, не теряетъ присутствія духа; тюрьма его не пугаетъ; время, которое онъ въ ней проведетъ, бродяга сочтетъ за неудачный случай въ его бродяжьей жизни, но вскорѣ и въ томъ успокоится, встрѣчая въ тюремныхъ правилахъ и житейскихъ пріемахъ много знакомаго, много того, чѣмъ онъ и самъ руководился до сихъ поръ. Но трудно овладѣть тюрьмою человѣку, оторванному отъ честнаго крестьянскаго труда какимъ-нибудь несчастнымъ случаемъ, часто невольнымъ и не во всемъ отъ него зависѣвшимъ. Положеніе этихъ людей въ такихъ тюрьмахъ должно преимущественно возбуждать состраданіе и больше всего требуетъ защиты и участія, каковыя къ тому же и дать имъ легче. На сколько не затрудняютъ тюремные обычаи преступниковъ, порождаемыхъ городами, на столько они исключительно и непремѣнно дѣйствуютъ вредно на ссыльныхъ, вышедшихъ изъ деревень и преимущественно попадающихъ на поселеніе (мы это докажемъ впослѣдствіи фактами и цифрами). Остановимся на нихъ.

Пока человѣкъ упорно и крѣпко держался за семейное и общественное право, пока первое обуздывало его примѣрами, а второе — своими учрежденіями, догматами и законами, пока наконецъ трудъ— это самое сильное и вѣрное морализующее начало — увлекалъ его, человѣкъ былъ крѣпокъ обществу, связывался съ нимъ прочно. Но лишь только какое-нибудь внѣшнее враждебное возбужденіе, каковы напр. крайняя и безнадежная нищета, чужіе примѣры, испорченная и безнравственная общественная среда успѣли зародить въ сердцѣ порочную наклонность и ее воспитать—паденіе не далеко. Кто-то давно уже сказалъ, что въ праздномъ человѣкѣ уже зародился опасный: порокъ уже гнѣздится въ сердцѣ и преступленіе ждетъ только урочнаго часу и поводовъ. Та же общественная среда, которая умѣла до сихъ поръ обуздывать человѣка, съумѣетъ разнуздать страсти,

давая изъ себя избытки зла едва ли не въ большемъ количествѣ, чѣмъ сколько давала она добрыхъ примѣровъ и хорошихъ руководствъ. И, терпя въ средѣ своей только порочнаго человѣка, общество уже не терпитъ преступнаго. Преступленіе обязываетъ общество выбросить изъ себя виновнаго и, выбрасывая его вонъ, оно уже отрекается отъ него. Съ этой поры перестаютъ дѣйствовать законы общественные, болѣе уступчивые, мягкіе и терпѣливые. Настаетъ время дѣятельности и проявленія силы другихъ законовъ, для которыхъ уступка, смягченіе и кротость не составляютъ уже обязательнаго и неизбѣжнаго качества. Карающая сила, ищущая возмездія, заступаетъ мѣсто силы много-прощавшей и уступчивой.

Преступникъ, взятый не только изъ среды общества, но и изъ собственнаго семейства, становится въ новое положеніе зависимое, несвободное. Лишонный правъ располагать своею волею, онъ уже заключенникъ, тюремный сидѣлецъ. На первыхъ порахъ эта огромная разница, этотъ крутой жизненный переворотъ для неопытныхъ людей не проходитъ даромъ. Они прежде всего теряютъ всякую волю и обязываютъ себя на исключительное подчиненіе всѣмъ новымъ порядкамъ чужого монастыря. Ихъ даже намѣренно и застращиваютъ взятіемъ особой суммы денегъ, такъ называемаго влазного, поступающаго въ общинный тюремный капиталъ. Отъ нихъ настойчиво требуютъ подчиненія обрядамъ и обычаямъ общины и серьезно преслѣдуютъ и наказываютъ за всякое уклоненіе жгутами, молчаніемъ, лишеніемъ дорогихъ и завѣтныхъ вещей посредствомъ кражи и проч. Стараніе убить волю до такой степени искусно ведется и приспособляется въ тюрьмахъ, что рѣдкіе изъ новичковъ выстаиваютъ, не подчиняясь боевымъ и бывалымъ, каковы бродяги и другіе, не разъ посидѣвшіе въ тюрьмахъ, преступники. Угожденіе товарищамъ, желаніе подслужиться имъ и подчиниться имъ—единственный выходъ и въ тюремныхъ общинахъ, какъ дѣйствителенъ онъ же и во всякихъ другихъ товариществахъ, хотя бы даже и въ корпусныхъ, гимназическихъ и семинарскихъ при прежнихъ положеніяхъ. Человѣкъ съ воли, съ широкаго деревенскаго раздолья, всегда въ этомъ случаѣ играетъ страдательную роль. Замѣчаютъ, что люди подобнаго закала на первыхъ порахъ безропотно покоряются своей участи, покорны и

почтительны къ своимъ начальникамъ и спокойны въ своемъ несчастіи до тѣхъ только поръ, пока пагубные совѣты старыхъ кадетъ, ихъ опасные примѣры и отчаянность не сдѣлаютъ ихъ столько же развратными, какъ и тѣ. Какимъ образомъ совершается такая перемѣна — это тюремная тайна, но фактъ превращенія происходитъ замѣчательно скоро. Посидѣвшій въ тюрьмѣ нѣсколько мѣсяцевъ (что сплошъ и рядомъ случалось при старыхъ судахъ) превращался уже изъ простоплетенаго, добродушнаго человѣка въ скрытнаго, уклончиваго, ловкаго и опаснаго плута. Эта опасность можетъ исчезнуть только тогда, когда правительство, обязанное заботиться о благосостояніи и свободѣ своего народа, удалитъ этого преступника вмѣстѣ съ его товарищами и учителями въ другую и отдаленную страну. Тамъ, имѣя меньше возможности вредить кому-либо, они должны будутъ заняться работой, отказаться отъ своихъ порочныхъ наклонностей, принять убѣжденія болѣе общественныя и правила болѣе нравственныя, подходящія къ назначенію человѣка.

Общество въ такомъ удаленіи порочныхъ людей нашло для себя залогъ собственнаго спокойствія и нѣкоторой безопасности; нравственность много выиграла, потому что ссылка предупредила преступленій больше, чѣмъ всевозможныя наказанія, внушивъ страхъ остальнымъ людямъ, находящимся на пути къ преступленію. Пусть вообразятъ они себѣ то отчаяніе, которое причинила ушедшимъ разлука съ родиной, друзьями и ближними навсегда; между ними могъ попасться мужъ и отецъ, разлученный съ женою и дѣтьми, не пожелавшими слѣдовать въ ссылку. Безъ сомнѣнія, было бы лучше и полезнѣе для человѣчества найти основу преступленій и предупредить ихъ, истребивъ причину въ корнѣ, чѣмъ наказывать преступниковъ: но какъ безполезно стараться уничтожить зло, пока человѣческое сердце служитъ мѣстомъ для страстей, то усиліе отвращать зло — пока единственное къ тому средство, а самый удобный способъ—это ссылка.

Человѣкъ можетъ перенести самую тягостную жизнь, потому что, не смотря на всѣ страданія и несчастія, онъ видитъ возможность избавиться отъ нихъ въ будущемъ и эта надежда его утѣшаетъ. Но мысль потерять навсегда то, что̀ ему дорого,—уже свыше его силъ.

И какой неоцѣненный случай застать его въ этихъ размышленіяхъ. развить въ немъ сознаніе преступленія, если бы наши ссыльные находились въ рукахъ людей, разумѣющихъ и оцѣнивающихъ въ нихъ человѣческое достоинство! То ли бываетъ на самомъ дѣлѣ у насъ въ Россіи, которой сознательно и справедливо завидуютъ европейскія государства, не имѣющія подъ руками такихъ удобныхъ и счастливыхъ мѣстъ для колонизаціи? Наши ссыльные на пути къ раскаянію попадаютъ въ руки, еще сильнѣе увлекающія ихъ къ пороку, а на дорогѣ въ ссылку наталкиваются на новыя искушенія и соблазны, еще болѣе рѣзкіе, грозные и гибельные. Не будемъ же удивляться теперь, послѣ знакомства со всей предшествующей ссылкѣ обстановкой, — тому, что опытные старожилы сибирскіе встрѣчаютъ ихъ недовѣріемъ и даже презрѣніемъ. Поговорки сибиряковъ потому и сильны своимъ смысломъ, что характеризуютъ одну изъ главныхъ чертъ поселенцовъ, благопріобрѣтенную въ тюрьмахъ и развиваемую въ Сибири, на самыхъ мѣстахъ поселенія. Дѣйствительно, рѣдкій поселенецъ свободенъ отъ страсти къ воровству, потому что онъ утратилъ въ тюрьмахъ уваженіе къ чужой собственности и потерялъ въ дорогѣ по этапамъ, отъ безчисленныхъ вымогательствъ, послѣднюю надежду на личную собственность. Поселенецъ не отстаетъ отъ тюремной привычки и на мѣстѣ водворенія, потому что—какъ извѣстно—онъ въ Сибири, по прибытіи изъ партіи на «мѣсто причисленія», пособія не получаетъ и самъ ничего не имѣетъ, кромѣ ветхаго рубища и измызганной обуви, прослужившихъ ему на сотняхъ верстъ. На сколько онъ сохранилъ въ себѣ самоуваженіе, на сколько принесъ онъ съ собою сознанія человѣческаго достоинства—это еще вопросъ, подлежащій большому сомнѣнію, послѣ того какъ привели ссыльныхъ гуртомъ, въ стадѣ, которое и гонятъ къ тому же такъ, какъ будто это не люди, а что-то подобное скотамъ, нѣчто отличное отъ обычныхъ людей. На этапахъ и въ тюрьмахъ нѣтъ особыхъ протестовъ противъ униженія человѣческаго достоинства. Арестанты одѣты такъ, что одежду ихъ, не обинуясь, можно назвать лохмотьями, хотя лохмотья, на всѣхъ ступеняхъ человѣческихъ состояній, больше всего унижаютъ и безчестятъ того, кто покрытъ ими. Пища, которою кормятъ ссыльныхъ, завершая полноту униженія, въ тоже время ка-

чествомъ и количествомъ своимъ не много даетъ задатковъ къ тому, чтобы ссыльный могъ достаточно сберечь въ себѣ силы для предстоящихъ работъ въ Сибири. Вся обстановка подготовительнаго быта какъ бы намѣренно стремится къ тому, чтобы унизить, а по возможности и уничтожить въ человѣкѣ человѣка.

Этапное путешествіе производитъ наклонность къ бродячей жизни даже и въ тѣхъ поселенцахъ, которые не были до сихъ поръ бродягами, и подрываетъ охоту къ болѣе порядочной, осѣдлой жизни. Тюрьмы пріучили поселенца къ грубой и праздной жизни и во всякомъ случаѣ сдѣлали его неспособнымъ къ постоянному усидчивому труду, какого требуетъ и въ правѣ требовать отъ него новая страна, дѣвственная земля, новая и незнакомая бытовая обстановка. Отчужденіе отъ семейной и лишеніе правильно-размѣренной и устроенной жизни въ концѣ довершили ударъ и произвели окончательную порчу надъ этими людьми, которымъ судьба указываетъ быть колонизаторами богатой страны.

Внушаетъ ли кто до ссылки и во время путешествія арестантовъ въ ссылку о тѣхъ обязанностяхъ, которыя ожидаютъ ихъ на новомъ мѣстѣ? Знакомятъ ли ихъ съ тѣми требованіями, которыя тотчасъ же заявитъ новая страна, и даютъ ли даже какое-либо понятіе о Сибири? Вмѣсто того, чтобы каждый день и каждую минуту внушать о предстоящемъ счастіи для тѣхъ, которые честно исполнятъ свой долгъ, основанный на трудѣ и предусмотрительности, — ссыльные остаются въ томъ же убѣжденіи, что ихъ гонятъ въ такую темную безпросвѣтную даль, гдѣ, судя по началу, и ждать лучшаго нечего, и надѣяться на какія-либо льготы и уступки никакъ невозможно. По прибытіи ихъ на мѣста ссылки, принимаютъ ли ихъ лица, спеціально назначенныя для попеченія объ нихъ, долго жившія между преступниками, хорошо изучившія посредствомъ долгаго и пристальнаго наблюденія ихъ характеръ, нравы и привычки, и наконецъ лица, хорошо знакомыя съ требованіями страны, съ сельскимъ хозяйствомъ, съ условіями торговли, съ ходомъ ремеслъ, съ нуждами окольнаго люда? — Напротивъ: дѣятельность и значеніе смотрителей поселенцовъ ослаблены; люди, косвеннымъ и прямымъ образомъ вѣдающіе ссыльныхъ,—люди случайные, весьма часто новые, и во вся-

комъ случаѣ не имѣющіе никакого понятія о томъ, что̀ требуется положеніемъ поселенцовъ. Внимательное изученіе и наблюденіе приведутъ даже къ тому заключенію, что бытъ поселенцовъ оставленъ на произволъ судьбы. Люди, которымъ они ввѣрены, слишкомъ равнодушны къ нимъ даже до того, что въ отношеніяхъ къ ссыльнымъ показываютъ, при постоянномъ равнодушіи, въ моменты вниманія больше раздражительности и несправедливостей, чѣмъ правды и сердечнаго участія. Какъ будто ссыльные — лишное бремя и посторонняя инстанція, которая отвлекаетъ отъ прямыхъ обязанностей по должности, безъ вознагражденія за труды, безъ ежемѣсячнаго жалованья и безъ надежды на награду и отличія. Скажемъ настоящую правду: на всѣхъ дѣлахъ по отношенію къ ссыльнымъ лежитъ печать слишкомъ явнаго равнодушія и распущенности; предупредительныхъ мѣръ никакихъ, карательныхъ очень много, и все дѣло поселенцовъ такъ запутано и въ такомъ заколдованномъ кругѣ, какъ будто изъ него и никакого выхода нѣтъ. Покажемъ все это на фактахъ.

На первыхъ шагахъ въ Сибири, послѣ освобожденія пришельца отъ тюремъ и этаповъ, къ довершенію бѣды испорченнаго ими человѣка, его встрѣчаетъ обязательство податей, наравнѣ съ крестьянами-старожилами, и 50-ти копѣечный взносъ въ экономическую сумму ссыльныхъ; но отъ повинностей поселенцы освобождаются. Такъ установилъ Уставъ о ссыльныхъ 1822 года. — «Поселенцы должны были по уставу платить подати, по прибытіи въ волость, съ перваго генваря; неуплатившихъ во̀-время уставъ велѣлъ отдавать за приличную плату и содержаніе въ работу старожиламъ. Вообще они состоятъ подъ строгимъ надзоромъ, пока не обзаведутся. Для обзаведенія положенъ пятилѣтній срокъ. Если ссыльный въ это время устроился, то причисляется въ крестьяне и поступаетъ подъ обыкновенный земскій надзоръ; причемъ съ перваго по водворепіи года пользуется трехлѣтнею отъ податей и 20-тилѣтнею отъ рекрутства льготою и получаетъ собственныя деньги, которыя имѣлъ онъ при отправленіи въ Сибирь. Если же въ теченіи пяти лѣтъ не обзаведется, то платитъ положенную подать, оставаясь въ прежномъ положеніи». Вотъ чего желалъ гр. Сперанскій и вотъ что оказалось въ

примѣненіи на практикѣ черезъ два-три года, судя по словамъ генералъ-губернатора Восточной Сибири, написаннымъ 20 марта 1825 года:—«Съ 1823 по февраль 1825 поступило въ Енисейскую губернію на поселеніе 5,306 и неспособныхъ 476; всего 5,782. При этомъ найдено, что въ губерніи немного уже остается селеній, къ которымъ можно приселять ссыльныхъ, да и тѣ вскорѣ могутъ наполниться, и въ такомъ случаѣ должно будетъ приступить къ поселеніямъ на счотъ казны. Приселенные ссыльные, бывъ обложены податями, оказываются несостоятельными къ платежу, потому что немногіе изъ старожиловъ могутъ принимать ихъ въ работу и оттого ссыльные, не имѣя ни занятій, ни средствъ къ пропитанію, самовольно переходятъ въ другія селенія и волости, въ которыхъ или работаютъ изъ-за одного хлѣба или проживаютъ праздно, со вредомъ для старожиловъ: мѣры же обыкновенной полиціи не сильны сему поставить преграду». «Нельзя ожидать скораго водворенія ссыльныхъ, ибо сверхъ невозможности выдавать имъ деньги вскорѣ по прибытіи въ волости, они поступаютъ въ мѣста своего назначенія въ ноябрѣ и декабрѣ и, не успѣвъ осмотрѣться, находятся въ обязанности платить подать, къ пріобрѣтенію которой удобно въ Сибири только лѣтнее время, прочее же затрудняетъ ихъ даже и въ пропитаніи. Почему и остаются они у казны въ долгу и едва ли въ продожительнѣйшее время будутъ въ состояніи водвориться». Тоже самое происходило и въ Западной Сибири. Представленія губернаторовъ разрѣшены были тѣмъ, что ссыльныхъ, поступающихъ на поселеніе съ сентября до мая велѣно облагать податями и 50-копѣечнымъ сборомъ съ 1 іюля; поступающихъ же съ мая по сентябрь облагать съ 1 генваря, «дабы они могли воспользоваться рабочимъ временемъ для пріобрѣтенія денегъ на подати». Тогда же разрѣшено выдавать ссыльнымъ собственныя ихъ деньги при началѣ поселенія. Въ отвѣтъ на это двѣсти человѣкъ ссыльныхъ, поступившихъ на приселеніе къ одной изъ волостей Каинской округи, жаловались (и жалоба ихъ дошла до Петербурга) на то, что съ нихъ,—едва лишь они начинаютъ помышлять объ обзаведеніи домами и скотомъ для хлѣбопашества, уже требуютъ подати со всею настойчивостью и, при невозможности уплачивать, продаютъ скудное ихъ достояніе за безцѣнокъ, а сами

они отдаются за малую плату (по 25 и 30 руб.) къ годъ въ работники въ тѣхъ же самыхъ селеніяхъ, къ которымъ причислены, тогда какъ и въ другихъ селеніяхъ могли бы они получать гораздо большую плату. Сенаторы, ревизовавшіе Западную Сибирь, удостовѣрились на мѣстѣ въ крайной и величайшей трудности посельщикамъ, по освобожденіи ихъ изъ тюремнаго заключенія безъ всего, кромѣ полуизношеннаго, оставляемаго имъ казеннаго одѣянія, вдругъ найти средства къ пропитанію домоводствомъ и къ платежу податей, и что «собственно отъ сего многіе изъ нихъ впадаютъ въ уныніе и даже отчаяніе, а нѣкоторые дерзостнѣйшіе, съ того самаго времени, какъ освобождаются изъ тюремнаго заключенія, ищутъ случая къ побѣгу назадъ въ Россію или начинаютъ въ Сибири новыя преступленія, покушенія на воровство, грабежи и разбои». Эта жалоба вызвала льготные годы, и 9 ноября 1832 года постановлено: тѣхъ изъ ссыльно-поселенцовъ, которые обзаведутся, въ теченіи льготныхъ трехъ лѣтъ, хозяйствомъ, записывать въ крестьяне и освобождать отъ податей и повинностей ещо на три года. Неумѣвшихъ обзавестись велѣно облагать поселенческою податью, отдавать за неплатежъ въ работники и продолжать за ними строгій надзоръ; по совершенномъ же водвореніи записывать въ крестьяне, но безъ вторичной льготы.

Неопредѣленность положенія ссыльно-поселенцовъ мѣрами этими все-таки не исправляла и черезъ тридцать лѣтъ послѣ того, намъ приходится убѣдиться въ томъ, что прочнаго водворенія ссыльныхъ не достигнуто. Сибирь до сихъ поръ представляетъ страну, гдѣ бродячіе народы мало-по-малу становятся осѣдлыми, но осѣдлые люди сдѣлались бродячими. Ссыльное населеніе этой страны представляетъ движущуюся массу, постоянно перемѣняющую свое мѣсто, гдѣ ни одинъ индивидумъ не сидитъ спокойно на мѣстѣ. Если у кочующихъ народовъ замѣчается опредѣленный законъ, по которому они совершаютъ свои передвиженія, за то у кочевниковъ изъ осѣдлаго племени людей вмѣсто закона всталъ произволъ и передвиженіемъ ихъ управляетъ какой-то незримый и непонятный рокъ. Только нѣкоторая часть этихъ людей обнаруживаетъ опредѣленное стремленіе на западъ, въ Россію, на родину; остальная безразлично и непосѣдливо бродитъ по всѣмъ сторонамъ Сибири, наполняя ея тюрьмы съ низу

до верху и затрудняя мѣстныя власти до крайней степени. Вотъ что говорятъ правдивыя цифры въ подкрѣпленіе нашей первой мысли. Въ 1833 году принято Сибирью посланныхъ на поселеніе и на житье 5,011 мужч., 970 женщ. — Въ 1838 году возвращено изъ Россіи бѣжавшихъ съ мѣстъ поселенія 995 мужч., 41 женщина (слишкомъ пятая часть всего количества *).

Въ 1834 г. принято посел.	4,919 м.	1,291 ж.;	въ 1839 возвр. бѣж.	727 м.	14 ж.
— 1835 — — —	5,455 —	1,538 —	— 1840 —	— 813 —	20 —
— 1836 — — —	7,251 —	1,357 —	— 1841 —	— 1,067 —	41 —
— 1837 — — —	6,550 —	1,260 —	— 1842 —	— 826 —	23 —
— 1838 — — —	5,221 —	1,177 —	— 1843 —	— 564 —	15 —
— 1839 — — —	6,057 —	1,135 —	— 1844 —	— 574 —	10 —
— 1840 — — —	6,284 —	1,256 —	— 1845 —	— 506 —	28 —
— 1841 — — —	6,203 —	1,129 —	— 1846 —	— 328 —	16 —

Такимъ образомъ, изъ 52,951 мужч. и 11,123 женщ., сосланныхъ на житье и на поселеніе, бѣгали въ Россію 5,800 мужч., 208 женщ., или слишкомъ 10-я часть всего поселенческаго населенія, вновь собраннаго въ Сибири за тѣ же девять случайно нами взятыхъ лѣтъ.

Нѣкогда, въ тридцатыхъ годахъ, подобное яркое явленіе объясняли просто тѣмъ, что «ссыльнымъ не нужно поселеній: ихъ желаніе стремиться къ бродяжеству, глупой волѣ и преступленіямъ», что «побѣги повторяются нѣсколько разъ сряду, пока бѣглецы, узнавъ по опыту невозможность побѣга въ Россію, не сдѣлаются домосѣдами». Теперь намъ нѣтъ нужды прибѣгать къ такимъ голословнымъ выводамъ: мы достаточно видѣли и причину постояннаго скитанья поселенцовъ по чужимъ дворамъ и доказательства слишкомъ яркія для того, чтобы считать побѣги въ Россію не только возможными, но и весьма легкими **). Конечно, всему бы-

*) Года беремъ на выдержку, но въ сопоставленіи ихъ предполагаемъ, что годъ поселенцы жили на новомъ мѣстѣ, годъ добирались до стараго пепелища, годъ удалось имъ прожить подъ угрѣвою и защитою родныхъ; два года посидѣть въ тюрьмѣ за справками и, послѣ долговременныхъ справокъ и стараго суда, черезъ пять лѣтъ снова явиться на осмотръ и учотъ въ Тобольскѣ.

**) Разсказываютъ за достовѣрное люди, лично знавшіе арестанта, бѣ-

ваетъ конецъ: ссыльные поселенцы дѣйствительно дѣлаются, послѣ безчисленныхъ шалостей, преступленій и бродяжества, осѣдлыми. Бываютъ и такіе случаи, что поселенецъ съ перваго раза садится на мѣстѣ, и сидитъ на немъ, не срываясь и не сбѣгая. Но это все частные, отдѣльные случаи; общая картина показываетъ другое. Такъ, напримѣръ, въ теченіи тридцати пяти лѣтъ*) сослано въ Сибирь на поселеніе и на житье 214,583 человѣка (181,822 мужч. и 32,761 жен.), а между тѣмъ сибирскій край не заселяется въ такой мѣрѣ, какъ это необходимо для его собственнаго блага и пользы государства вообще. Съ отмѣною, въ 1753 году, смертной казни въ Россіи, изъ русскихъ губерній отправляется въ Сибирь ежегодно около 10 тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ до 8 тысячъ назначается на поселеніе. Казалось бы, что народонаселеніе Сибири должно значительно увеличиться; но факты не оправдываютъ этого предположенія. Не смотря на естественное умноженіе русскихъ старожиловъ, общее народонаселеніе Сибири давно уже остается въ одномъ и томъ же положеніи. Оно составляетъ теперь только до 3,350,000 душъ, раскинутыхъ на пространствѣ 250,000 кв. миль, и потому

гавшаго въ Ярославскую губ. для свиданія съ семействомъ. Три раза онъ уходилъ изъ Сибири и всѣ три раза дальше Пермской губерніи путь его не простирался. Его ловили, били кнутомъ, отсылали въ рудники; онъ бѣжалъ въ четвертый разъ и уже достигъ до цѣли, сговорилъ жену, явился съ нею къ тамошнему начальству, попалъ въ ярославскую тюрьму, получилъ 60 плетей и снова сосланъ на долгій срокъ каторги, но пошолъ въ Сибирь уже съ женою.

*) Съ 1823 по 1852 и съ 1854 по 1859 годъ. За два года промежуточные и за всѣ послѣдующіе мы не имѣемъ цифръ подъ руками. Въ этомъ числѣ мы, разумѣется, не считаемъ сосланныхъ на каторжныя работы. Число каторжныхъ за извѣстные намъ года возросло до 44,503 человѣкъ (40,357 мужч. и 4,146 жен.) Такимъ образомъ число всѣхъ пришедшихъ въ Сибирь ссыльныхъ (поселенцовъ и каторжныхъ) равняется 259,086 челов. Считая среднимъ счотомъ на недостающіе намъ года только по 8-ми тысячъ на годъ, мы получимъ приблизительную цифру съ 1754 по 1868 годъ всего количества ссыльнаго населенія, которое дала Сибири Россія около девятисотъ тысячъ душъ обоего пола. А такъ какъ число каторжныхъ, по отношенію къ поселенцамъ, составляетъ $^1/_6$ часть, то на одно поселеніе во всѣ 113 лѣтъ поступило въ Сибирь больше *750 тысячъ* человѣкъ.

далеко не соотвѣтствуетъ потребности края. Къ числу многихъ причинъ относятъ также и безнравственность поселенцовъ, ихъ распутную жизнь, а вслѣдствіе того и ту порчу отъ нихъ, которая пускаетъ глубокіе корни даже между старожилами? Одинъ изъ старожиловъ выражаетъ такое сѣтованіе: — «исчезло прежнее простодушіе сибиряковъ, которымъ они такъ славились. Обиліе страны и легкость пріобрѣтенія всѣхъ жизненныхъ потребностей породили лѣность, безпечность, и затѣмъ плутовства всякаго рода сдѣлались главными основаніями ихъ дѣйствій. Отсюда произошло непомѣрное возвышеніе цѣнъ на хлѣбъ и другіе продукты. И все это произошло въ такой странѣ, гдѣ «необыкновенное плодородіе почвы, безъ всякаго удобренія, даже обработанной, даетъ нерѣдко урожаи ржи самъ-15-ть и болѣе, и гдѣ необъятныя пространства тучныхъ пастбищъ покрывались прежде многочисленными стадами разнаго рода скота! Лѣность и нерадѣніе—вотъ главные виновники всего зла, и нужны сильныя мѣры, чтобы остановить эту нравственную болѣзнь. Для этого необходимо: 1) измѣнить въ нѣкоторой степени образъ ссылки и водворенія преступниковъ въ Сибири; 2) изыскать средства къ ихъ занятіямъ, которыя бы принесли большую пользу какъ имъ самимъ, такъ и обществу и государству; 3) принять мѣры къ устраненію, по возможности, безбрачной жизни ссыльныхъ; 4) прекратить бродяжничество между ссыльными, нынѣ въ Сибири находящимися, и 5) устроить всѣ возможныя мѣры къ прекращенію плутовства при всѣхъ сдѣлкахъ и по всѣмъ отраслямъ промышленности.»

Такова картина, представляемая въ настоящее время бытомъ поселенцовъ, когда взглянемъ на нее по пристальнѣе и вникнемъ въ частности.

Ни одинъ ещо поселенецъ не уходилъ въ Россію тотчасъ по прибытіи на мѣсто, — во всякомъ изъ нихъ довольно ещо энергіи, чтобы попытаться: не будетъ ли здѣсь лучше, нельзя ли пожить на на себя и на семью. Даже въ поселенцахъ, пришедшихъ оди

ночками, достаточно убереглось покорности судьбѣ и желанія подчиниться своей участи. Надо весьма пожить въ тюрьмахъ и тамъ поучиться, надо много и сильно осмотрѣться и въ самой Сибири, кругомъ себя, чтобы дерзнуть предпринять такое смѣлое и трудное дѣло, каково обратное путешествіе на дальную родину. Если съ одной стороны чрезвычайно сильно развита и весьма знаменательна въ русскомъ человѣкѣ любовь къ роднымъ мѣстамъ и, при разлукѣ съ ними, желаніе побывать и увидѣть ихъ снова, то съ другой стороны надобится много сильныхъ причинъ, чтобы привести въ исполненіе такое дѣло, которое на глазахъ самихъ же поселенцовъ не всегда удается. Въ рѣдкомъ селеніи нѣтъ такихъ, которые были за то наказаны и, возвращенные опять, водворены съ новыми стѣсненіями при кое-какихъ правахъ и льготахъ (отданы въ работники, записаны въ крестьяне безъ вторичной льготы, съ хорошихъ мѣстъ водворены на худшія, побывали въ заводскихъ работахъ, и проч.). Между тѣмъ не рѣдкость такіе случаи, что бѣгали въ Россію семейные поселенцы и уводили съ собою женъ, дѣтей и родственниковъ, пришедшихъ за ссыльными по собственной волѣ. Конечно, въ большинствѣ случаевъ прочнѣе сидитъ на мѣстѣ семейный поселенецъ, но опять не диковинка тотъ фактъ, что неудачи и несчастія разбиваютъ семью и члены ея расходятся въ разныя стороны искать пищи и заработка, а отецъ-большакъ дѣлается кукушкой въ истинномъ и переносномъ значеніи слова; либо покидаетъ дѣтей въ чужомъ гнѣздѣ, либо бродитъ по лѣсамъ и дебрямъ, *на вѣстяхъ у генерала Кукушкина*. Про одиночекъ изъ поселенцовъ и говорить много нечего. Для нихъ, разумѣется, уже нѣтъ крѣпкихъ путъ, привязывающихъ къ мѣсту; даже и такихъ, не совсѣмъ надежныхъ путъ, какими, повидимому, пользуются семейные ихъ товарищи. Одиночку, а въ особенности вновь прибылаго, старожилъ всегда встрѣчаетъ недружелюбно. Сколько бывало такихъ случаевъ, что поселенецъ, получившій надѣлъ земляпаго участка, отдавалъ его первому охотнику изъ крестьянъ въ кортомъ, а самъ брелъ искать счастья въ чужихъ и дальныхъ людяхъ.

Противъ одиночекъ изъ поселенцовъ ставятъ преграду — какъ мы выше сказали — сибиряки-старожилы, неохотно отдающіе доче-

рей своихъ за поселенцовъ. Правительство издавна хлопотало объ истребленіи этого предразсудка льготами, острасками, наставленіями и внушеніями сунода. Въ 1825 г. женскій вопросъ все таки остановился на пріобрѣтеніи «покупкою или вымѣномъ» отъ сопредѣльныхъ Сибири кочующихъ народовъ дѣтей женскаго пола для вознагражденія недоимки въ западной Сибири женскаго пола. «Пріобрѣтеніе дѣтей — говоритъ сенатскій указъ отъ 11 февраля 1825 г. — удобнѣе рослыхъ, и на будущее время средство сіе упрочиться могло бы съ лучшею удобностію». Довольно употребить для лучшаго успѣха нужную денежную награду тѣмъ, кои таковыхъ женскаго пола дѣтей пріобрѣтать будутъ. Малолѣтныхъ дѣвочекъ, окрестивъ въ православную вѣру, велѣно размѣщать по семействамъ, въ женскомъ полѣ наиболѣе нуждающимся, а чтобы содержаніе ихъ не было тягостнымъ, опредѣлить для каждой потребное денежное и хлѣбное содержаніе до 15 ти-лѣтняго возраста. При выдачѣ за мужъ никогда не принуждать выходить въ тѣ семейства, гдѣ они воспитывались, а предоставлять каждой въ томъ полную свободу. Расходы по этому предмету дозволено употреблять по принадлежности изъ остатковъ сбора на земскую повинность, «яко издержки для общественной пользы потребныя». Въ 1831 году положено было выдавать 150 руб. казенныхъ денегъ каждому старожилу изъ казенныхъ крестьянъ и мѣщанъ, который отдастъ за ссыльно-поселенца свою дочь или родственницу и приметъ зятя для житья и работъ въ собственномъ домѣ: въ 1840 году принуждены были придумать новую мѣру, вызванную неудачею первой. Женщинѣ свободнаго состоянія, вышедшей въ замужество за поселенца, вступающаго въ Сибири въ первый бракъ, велѣно выдавать 50 руб. Поселенцу, вступающему въ первый же бракъ, со ссыльною, выдается отъ казны 15 руб. сер. безвозвратно и 15 руб. сер., въ десятилѣтнюю ссуду, заимообразно. Пробовали заинтересовать и семейства, предоставляя имъ наградныя деньги, если невѣста выходитъ изъ дома, и невѣстѣ самой, если она живетъ отдѣльнымъ хозяйствомъ (указъ 3 мая 1843 г., разъясняющій положеніе 5 апрѣля 1837 г.). Но предначертанія не обезсилили предубѣжденій. Бракъ—этотъ легкій и вѣрный способъ для смягченія сердца, даже у людей жосткихъ, злыхъ и сильно огрубѣвшихъ

въ порокахъ, не способствуетъ ни перемѣнѣ испорченныхъ правовъ у поселенцовъ, не служитъ и основаніемъ надежды, что эти несчастные могутъ воспользоваться благотворными послѣдствіями священнаго союза. Браки поселенцовъ въ Сибири — до того большая рѣдкость, что многимъ туземцамъ приходила въ голову мысль исправить это зло посредствомъ переселенія въ Сибирь публичныхъ женщинъ изъ обѣихъ столицъ и другихъ большихъ городовъ Имперіи, по примѣрамъ, неоднократно повторяемымъ въ царствованіе Екатерины II *). Пособія, выдаваемыя поселенцамъ и ихъ женамъ (по 766 ст. Уст. о ссыл.) для поощренія къ семейной жизни и «для улучшенія домообзаводства», не достигаютъ своего назначенія. Деньги иногда выдаются совершенно бездомнымъ, живущимъ на золотыхъ пріискахъ или въ чужихъ домахъ. Надзора за правильнымъ употребленіемъ денегъ никакого нѣтъ: деньги выдаютъ исправники, которымъ нѣтъ физической возможности наблюдать за тѣмъ, куда истрачены деньги, даже и волостныя правленія не поставлены ими въ подобныя обязательства надзора. Волостныя правленія знаютъ

---

*) Замѣчательно, что предки нынѣшнихъ сибиряковъ, первые пришельцы русскіе, казаки, воровали себѣ женъ въ Россіи, оправдываясь дозволеніемъ царя Грознаго, выраженнымъ въ грамотѣ атаману Кольцу, подписанной дьякомъ Андреевымъ. На эту грамоту ссылались сибиряки въ 1622 г., когда патріархъ Филаретъ вознамѣрился прекратить зло и послалъ тобольскому архіерею Кипріану обличительную грамоту. Филаретъ приказалъ выслать въ Москву эту грамоту, какъ несовмѣстную съ уставами православной церкви, и поставляетъ на видъ: 1) «что въ Сибири не носятъ крестовъ, не хранятъ постовъ, живутъ съ некрещеными женами, кумами и свояченицами; при отъѣздѣ закладываютъ ихъ на срокъ и, не имѣя чѣмъ выкупить, женятся на другихъ; 2) что духовные вѣнчаютъ безъ оглашенія и потворствуютъ воеводамъ, которые краденыхъ въ Россіи дѣвицъ продаютъ въ замужество и заставляютъ при себѣ ихъ вѣнчать. Монахини уходятъ изъ обители и живутъ въ мірѣ». Въ 1637 году прислано было въ Тобольскъ 500 семей и 150 дѣвицъ для женитьбы казаковъ, изъ Вологды, Тотьмы, Устюга и Сольвычегодска. Въ 1728 году, сибиряки начали женъ уже покупать; такъ въ этомъ году дѣлается извѣстнымъ, что русскіе березовцы покупали у остяковъ дѣвочекъ и платили за семилѣтнюю остячку 20 коп. мѣдью. Покупали они и мальчиковъ, и мальчикъ того же возраста стоилъ 25 копѣекъ.

отъ экспедиціи о ссыльныхъ, что деньги назначены къ выдачѣ такому то, а когда и сколько получитъ онъ ихъ — правленіямъ неизвѣстно. Смотрители поселенцовъ не знаютъ даже и того, кому, когда и сколько назначено пособія и сами губернскія правленія, сообщая въ казенныя палаты о выдачѣ денегъ, не имѣютъ свѣдѣній ни о времени, ни о количествѣ выданнаго. Само собою разумѣется, что и деньги эти, переходя изъ рукъ въ руки, значительно сокращаются, мельчаютъ и доходятъ по принадлежности въ уменьшонномъ размѣрѣ (волостные писаря въ Сибири наживаютъ большіе капиталы). Мы знаемъ случай въ Томской губ. (Каинскаго округа), гдѣ вмѣсто 50 р. сер. получено тремя поселенцами только по 112 руб. ассигнаціями, т. е. всего 32 р. сер.: 54 руб. завязли въ карманахъ передатчиковъ *).

Болѣе дѣйствительными мѣрами по усиленію женскаго населенія въ Сибири оказались слѣдующія мѣры: 1) жоны крѣпостныхъ людей, пересылаемыхъ въ Сибирь по волѣ помѣщиковъ, обязаны были слѣдовать за мужьями, хотя бы по рожденію своему они принадлежали къ состоянію свободному съ дѣтьми (Указъ 22 марта 1832). 2) Воспрещено евреямъ слѣдовать въ Сибирь за жонами ихъ, ссылаемыми туда на поселеніе (указъ 1 окт. 1827). 3) Дозволено еврейкамъ слѣдовать за мужьями только съ дѣтьми женскаго пола (указъ 1836 г.). 4) Позволенъ бракъ поселянокъ съ каторжными.

Если такимъ образомъ уходъ поселенцовъ съ мѣстъ водворе-

---

*) Вотъ какова процедура выдачи денежнаго пособія на вступленіе въ бракъ: назначаетъ деньги губернское правленіе и сообщаетъ казенной палатѣ; эта предписываетъ казначейству; казначейство выдаетъ исправнику; исправникъ, если не можетъ выдать поселенцу самъ, — отправляетъ деньги въ волость. Не лучше ли было бы поступать такъ (во избѣжаніе безполезной переписки и излишной проволочки времени): ассигновать на этотъ предметъ ежегодно извѣстную сумму, и тогда назначенныя губернскимъ правленіемъ деньги изъ экспедиціи отсылать прямо въ волостное правленіе, возложивъ на обязанность послѣдняго наблюденіе, а на смотрителей поселенцовъ повѣрку на мѣстѣ, что именно сдѣлано на выданныя деньги, и доносить о томъ экспедиціи? Къ чему тутъ припутанъ исправникъ, когда спеціально для ссыльныхъ учреждены экспедиціи, и смотрители поселенцовъ теперь ни что иное, какъ писцы экспедиціи?

нія въ русскую сторону, вызывается въ одно время и тоскою по родинѣ, и негостепріимствомъ новаго мѣста и новыхъ сосѣдей,— то, вообще, тасканье по чужимъ людямъ и въ сосѣдствѣ вынуждаются другими причинами, въ которыхъ поселенцы также мало повинны и являются страдательными участниками. Въ число бродягъ и въ это званіе, поставляемое въ укоръ поселенцамъ, попадаютъ въ Сибири сплошъ и рядомъ даже тѣ изъ нихъ, которыхъ собственно этимъ именемъ и называть несправедливо. Такъ напр., губернскіе остроги и остроги тѣхъ городовъ, въ которыхъ бываютъ торговые и промышленные съѣзды (въ видѣ ярмарокъ, базаровъ и съѣздовъ для найма на золотые промыслы) часто переполняются, подъ видомъ бродягъ, тѣми изъ поселенцовъ, которые перешли за предѣлы района, дозволеннаго закономъ. Какъ извѣстно, по распоряженію высшаго начальства, поселенцы, по прибытіи на мѣсто, не имѣютъ права отлучаться изъ своей волости въ продолженіи двухъ лѣтъ, полагаемыхъ достаточными для обзаведенія хозяйствомъ. Мѣра эта,—благодѣтельная по принципу, когда сопровождается правильнымъ надзоромъ, — безъ матеріальнаго пособія въ неблагопріятномъ положеніи поселенцовъ, не приноситъ пользы даже и на половину. Для хозяйства нужны деньги и упорный трудъ: у большей части поселенцовъ нѣтъ гроша мѣднаго, а новоприбылымъ и собственныхъ денегъ ихъ не выдаютъ до окончательнаго ихъ водворенія; къ тому же этапы и тюрьмы выучили враждебнымъ труду началамъ. Ссыльный идетъ въ другую волость, гдѣ сильнѣе требованіе на работника, идетъ въ городъ, гдѣ всегда вѣрнѣе заработокъ — и попадаетъ въ тюрьму. Въ тюрьму попадаетъ безъ разбора даже и такой, который шолъ по приглашенію и съ намѣреніемъ непремѣнно заработать деньги для платежа податей и для собственной надобности. Въ томскомъ острогѣ въ концѣ іюля 1858 года сидѣло такихъ поселенцовъ 20 человѣкъ, и такіе мнимые бродяги содержатся нерѣдко отъ 6 мѣсяцовъ до 1 года и болѣе: всѣ—изъ водворенныхъ въ ближайшихъ къ Томску волостяхъ, всѣ—пріѣхавшіе на базаръ и взятые полиціею «за безписменность». Эти люди, просидѣвшіе въ тюрьмѣ лѣтніе мѣсяцы, необходимые для крестьянина, нерѣдко приходятъ

въ крайное разореніе, особенно, если таковой поселенецъ—одинокій человѣкъ. Пока онъ сидитъ въ тюрьмѣ, у него растащатъ и послѣднее достояніе и только лишь вышелъ изъ нея — онъ уже пролетарій насквозь и не плательщикъ никакихъ податей *). Въ томъ же томскомъ острогѣ, пишущій эти строки, въ числѣ этого сорта бродягъ видѣлъ и такого, который при нашемъ появленіи, вслѣдъ за другими, сползъ-было съ наръ, хотѣлъ встать на ноги и тотчасъ же, противъ собственной воли, грохнулся снова на нары. Этотъ несчастной былъ дряхлой старикъ, сугорбой, съ одышкой, весь искалѣченный и до невозможности слабой, какъ можетъ быть слабъ сибирской поселенецъ въ 76 лѣтъ, и уже давно записанный въ разрядъ неспособныхъ. Сидѣлъ этотъ безногій старикъ, этотъ живой мертвецъ, также за бродяжество и отвѣтъ его о причинѣ ареста, сказанный громко и съ кашлемъ, вызвалъ неудержимый хохотъ всей серьозной казармы. Несчастный, вмѣсто богадѣльни, попалъ въ тюрьму!

Изъ богадѣленъ, назначенныхъ для ссыльныхъ поселенцовъ, намъ извѣстны двѣ: обѣ въ Томской губерніи. Выстроенная въ г. Маріинскѣ (недавнемъ селѣ Кіѣ—бойкомъ и достославномъ нѣкогда пунктѣ найма рабочихъ на золотые промыслы) содержится опрятно и даже щеголевато, но въ ней помѣщается только 20 человѣкъ. На 20 же человѣкъ устроена и другая, намъ извѣстная богадѣльня въ Боготолѣ (селеніи Маріинскаго округа). Про третью (и послѣднюю для всей Томской губерніи) богадѣльню въ селѣ Покровскомъ (Каинскаго округа) мы знаемъ то, что она занимаетъ два ветхихъ дома, надѣленныхъ огромнымъ дворомъ, который обнесенъ полуразвалившимся плетнемъ. Но въ этой помѣщаются избранные счастливцы, тогда какъ сотни другихъ «неспособныхъ» терпятъ холодъ и голодъ въ полнѣйшемъ значеніи этихъ словъ.

---

*) Отчего бы взятыхъ на базарѣ не приводить въ экспедиціи для сличенія примѣтъ и для отправки на мѣсто? Двойственность власти и на этотъ разъ усложняетъ дѣло такъ, что отъ обилія подобнаго рода бродягъ ломятся сибирскія тюрьмы и въ усиленной бумажной дѣятельности тонетъ живое и настоящее дѣло.

Въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ находятся волостныя правленія, существуютъ такъ называемыя частныя богадѣльни или, вѣрнѣе сказать, «полуразвалившіяся лачужки, гдѣ лежатъ на клочкахъ соломы полунагіе, въ изорванныхъ рубищахъ, дряхлые и совершенно безпріютные поселенцы безъ всякаго призрѣнія. Кто изъ нихъ можетъ передвигать ноги и бродить по-міру, тотъ собираетъ малые куски для своихъ товарищей, лишенныхъ силъ просить даже милостыню. Здѣсь, такимъ образомъ, бѣдность и нищета являются въ самомъ грязномъ и отвратительномъ видѣ» *). Между тѣмъ обѣ губерніи, Тобольская и Томская, по силѣ указа сената (15 іюля 1853 г.), предписывающаго отсылать всѣхъ поселенцовъ въ Восточную Сибирь, теперь остаются преимущественно при прежнихъ поселенцахъ, дряхлыхъ и слабыхъ старикахъ, которые не только не могутъ обзавестись домами, но и прокормить себя трудомъ рукъ своихъ **).

Разрядъ «неспособныхъ», какъ извѣстно, опредѣляется тобольскимъ Приказомъ о ссыльныхъ, который распредѣлялъ всѣхъ ссыльныхъ поселенцовъ по четыремъ губерніямъ и по пяти категоріямъ (во временные заводскіе рабочіе, въ ремесленники, въ цехъ слугъ, на поселеніе и на житье, и въ неспособные). При этомъ, судя по табели Приказа за 29 лѣтъ (1823 по 1852 г.) замѣчательно то,

---

*) Состраданіе и участіе благороднаго человѣка, написавшаго эти строки, вызвали до нѣкоторой степени облегченіе ихъ участи: 18 поселенцовъ, проживавшихъ въ частныхъ избушкахъ, получили одежду, обувь, бѣлье и дневное пропитаніе. Хлопотами того же лица составлены были проекты о постройкѣ въ волостяхъ домовъ для призрѣнія поселенцовъ.

**) Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта (15 іюня 1859 г.) положило: ссыльно-поселенцовъ, для прекращенія праздности и бродяжества, назначать, по особому судебному приговору, въ казенныя работы по Западной Сибири. Сосланные на житье, впредь до окончательнаго устройства сибирскихъ поселеній и центральныхъ тюремъ, остаются покуда на прежнихъ правилахъ. Переселенные въ порядкѣ административномъ получили право жить исключительно въ Западной Сибири (если сами не пожелаютъ водвориться въ Восточной), могутъ записываться въ городскія и сельскія сословія и, при хорошомъ образѣ жизни, возвращаться даже на жительство въ Россію, только не въ ту губернію, изъ которой удалены и не въ сосѣднія съ нею.

что во временные заводскіе рабочіе изъ всего числа поступило всего больше въ бывшую Омскую область: ремесленниками обильнѣе заручилась Тобольская губернія, слугами она же (своя рука — владыка); на поселеніе и житье больше ушло въ Енисейскую губернію, а на Томскую, въ утѣшеніе, всего больше досталось люду неспособнаго. При этомъ особенно замѣчательно, что на Томскую губернію во всѣ 29 лѣтъ попало только четыре ремесленника. Предѣлы статьи не позволяютъ намъ уходить въ дробныя частности, представляемыя табелями Приказа (смыслъ которыхъ мы разъясняемъ въ отдѣльномъ трактатѣ). Возвращаемся снова къ поселенцамъ, которые уводятъ насъ снова въ сторону и опять на торную дорогу ихъ бездомоваго скитанья и безконечнаго бродяжества. На этотъ разъ, вмѣстѣ съ самими поселенцами, мы радуемся тому счастливому случаю, что нѣкоторымъ удается сразиться со всѣми трудностями и препятствіями перваго обзаведенія, и они заводятся хозяйствомъ и попадаютъ въ число бродягъ только по ошибкѣ, вслѣдствіе недоразумѣній. Другіе, достаточно пошатавшись, находятъ пріютъ, но тамъ, гдѣ ихъ не ожидаютъ и такъ, что въ Сибири ихъ за то не одобряютъ. Но первымъ хуже; вторые счастливѣе. Докончимъ о первыхъ: намъ остается сказать немногое.

Если благоразумному и предусмотрительному поселенцу удается какимъ-нибудь образомъ выстроить свой домъ и обзавестись собственнымъ маленькимъ хозяйствомъ, — онъ и тогда не избѣгаетъ разныхъ притѣсненій; между прочими ему не даютъ въ достаточномъ количествѣ ни земли, ни луговъ. Поселенцы единогласно и повсюду жалуются, что лучшія земли и покосы остаются въ пользованіи старожиловъ, что старожилы постоянно ихъ окашиваютъ и опахиваютъ. Во многихъ мѣстахъ на притѣсненія, дѣлаемыя въ земляныхъ угодьяхъ, жалуются не только поселенцы, но и бѣдные крестьяне-старожилы. На это зло въ Сибири давно сложился крупный типъ міроѣда-богателя. Ерофей Хабаровъ, знаменитый герой Амура, былъ одинъ изъ первыхъ, положившихъ начало и корень такимъ алчнымъ пріобрѣтателямъ и обидчикамъ; знаменитый богачъ К..., ворочавшій въ недавнія (уже въ наши) времена всѣми торговыми и промышленными дѣлами цѣлой половины Забайкалья, всего

Нерчинскаго края — былъ не послѣднимъ. Простодушіе сибирскаго люда привыкло видѣть въ такихъ ловкихъ капиталистахъ не только первыхъ и коренныхъ цѣновщиковъ ихъ труда, но и совѣтниковъ во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ и политическихъ вопросахъ. Если время и ослабило ихъ деспотическую дѣятельность и грозный образъ Хабарова, отнявшаго у поселенца жену и поколотившаго и искалѣчившаго якутскихъ поселенцовъ, присланныхъ въ Киренскъ на его заимку для поселенія,—значительно поблѣднѣлъ теперь и измельчалъ, но все-таки идея его живуща и способы эксплуатаціи чужого труда все тѣ же. Не такъ крупны, грубы и жестоки сдѣлались припадки, но болѣзнь все еще гнѣздится въ организмѣ. Больныхъ такихъ числомъ стало ещо больше и нѣтъ въ Сибири околодка, гдѣ бы какой-нибудь міроѣдъ не путалъ въ своихъ крѣпкихъ тенетахъ и простодушныхъ старожиловъ и беззащитныхъ поселенцовъ. Въ Россіи такіе люди уже не такъ сильны; въ Сибири они ещо поражаютъ силою своего вліянія, прочностію своего положенія, не смотря на то, что со стороны властей дѣлались на нихъ энергическія вылазки, наскакивала коса на камень, но далеко не вездѣ; а Западной Сибири въ этомъ отношеніи счастливилось меньше, чѣмъ Восточной. Тамъ ещо и до сихъ поръ у рѣдкаго изъ купцовъ богатыхъ городовъ, въ родѣ Тюмени, нѣтъ своей деревни, въ которую онъ ѣдетъ какъ въ свое помѣстье, гдѣ его боятся и имъ живутъ. Міроѣды эти, извѣстные каждый въ своемъ околодкѣ подъ шутливымъ прозвищемъ «губернаторовъ», во многихъ мѣстахъ поражаютъ ещо до сихъ поръ крупными дикими чертами, какъ почти все въ этой сильной и дикой странѣ, называемой Сибирью. Обидчики въ родѣ купцовъ Л..., П... и другихъ и для Западной Сибири настолько сильны, что бытъ поселенцовъ, успѣвшихъ водвориться, значительно утѣсненъ и обездоленъ.

Присяжные защитники поселенцовъ, такъ называемые смотрители на столько слабы значеніемъ своимъ передъ богатыми тузами, умѣющими хорошо кормить и угощать, и на столько ничтожны вліяніемъ своимъ, парализованнымъ вмѣшательствомъ болѣе крупныхъ властей, что на нихъ даже и крестьяне смотрятъ съ пренебреженіемъ, — только за то, что они хоть и чиновники, но предстатели

посельщиковъ, *варнаковъ*. Общее, вкоренившееся недоброжелательство къ поселенцамъ до того сильно въ сибирскихъ крестьянахъ, что они, всегда считая ихъ чуждыми своего общества въ дѣлахъ интереса, смотрятъ на нихъ какъ на парій; отсюда, передъ крестьяниномъ поселенецъ всегда виноватъ. Смотрители, вмѣсто того, чтобы быть адвокатами, посредниками въ дѣлахъ поселенцовъ, имѣть строгое наблюденіе за сборомъ съ поселенцовъ податей, принимать мѣры къ устройству ихъ быта, — на самомъ дѣлѣ остаются безъ правъ (которыхъ имъ не дано), а въ своихъ дѣйствіяхъ постоянно встрѣчаютъ оппозицію со стороны земскаго и волостнаго начальствъ. Оттого положеніе смотрителей чисто пассивное. Сибирскій крестьянинъ, привыкшій передъ всякимъ новымъ человѣкомъ снимать шапку, передъ поселенческими смотрителями этого не дѣлаетъ, смѣло оправдываясь тѣмъ, что онъ-де крестьянинъ, а не поселенецъ. Волостныя правленія не исполняютъ никакихъ смотрительскихъ требованій, какъ бы желая, чтобы права смотрителей были болѣе укрѣплены, чтобы административныя и хозяйственныя дѣла поселенцовъ, для пользы и блага послѣднихъ, исключительно были переданы въ ихъ вѣдѣніе, и проч. *). Когда подъ вѣдѣніемъ земской полиціи поселенческія недоимки стали значительно возростать и возбудили серьозную заботу, и когда

*) Какъ-то: увольненіе поселенцовъ на работы и золотые промыслы, выдача билетовъ, сборъ податей, вся отчотность въ денежныхъ суммахъ, заботы о нуждахъ бытовыхъ, въ качествѣ депутата при исковыхъ дѣлахъ между поселенцомъ и крестьянами. И теперь на смотрителей возлагаютъ обязанности, подобныя заведенію алфавитовъ, приведенію въ порядокъ всегда сильно запущенныхъ дѣлъ по поселенческой части, но все это въ формѣ временныхъ обязанностей и частныхъ распоряженій. Права и обязанности смотрителей закономъ совершенно не опредѣлены, а съ 1841 года поселенцы и всѣ дѣла объ нихъ переданы были въ земскія полиціи. Между тѣмъ уже въ 1852 году замѣчено было, что незаконный поборъ за выдачу билетовъ на золотые промыслы началъ въ особенности возвышаться съ тѣхъ поръ, какъ выдача билетовъ перешла изъ вѣдѣнія смотрителей въ вѣдѣніе волостныхъ правленій. До 1841 года злоупотребленій было менѣе, сборъ податей шолъ успѣшнѣе, и недоимка на поселенцахъ начала значительно накопляться съ 1842 года.

изслѣдованы были ближайшія причины (не во многомъ отъ самихъ поселенцовъ зависѣвшія), то замѣчена была одна любопытная. Подати съ поселенцовъ, какъ извѣстно, собираютъ особые сборщики изъ крестьянъ, отличающіеся добросовѣстнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей относительно земляковъ-односельцовъ. По отношенію къ поселенческимъ деньгамъ, въ силу общественнаго положенія поселенцовъ и обыкновеннаго взгляда на нихъ, сборщики податей нерѣдко взысканныя деньги совсѣмъ не представляли, или сдавали въ уменьшенномъ количествѣ, или наконецъ, дѣлали такимъ образомъ, что взысканныя съ поселенцовъ подати вносили за крестьянъ — своихъ родственниковъ или пріятелей. Если крестьяне уплачивали, то сборщики вносили за поселенцовъ, въ противномъ случаѣ оставляли такъ, какъ было дѣло, и на поселенцахъ считалась недоимка увеличенною. Къ тому же волостное начальство, по укоренившемуся съ давнихъ временъ обычаю, собираетъ подати съ однихъ наличныхъ поселенцовъ, нанимающихся на пріиски, при выдачѣ имъ билетовъ, и то не всегда, за цѣлый годъ, а только за половину слѣдующаго. Недоимка ростетъ на безчестье поселенцовъ и на валовое обвиненіе ихъ, а между тѣмъ волостныя правленія сами не исключаютъ изъ списковъ умершихъ, бѣжавшихъ и выбывшихъ разными случаями или оказавшихся, по медицинскому свидѣтельству, неспособными къ работамъ (при чемъ крупнѣе цифра недоимки за умершими, потомъ за неспособными и наконецъ за бѣжавшими). Казначейства считаютъ недоимки также неправильно, насчитываютъ большія цифры; исправный платежъ податей падаетъ не на общество, а на личную отвѣтственность каждаго поселенца; между тѣмъ поселенцы, уличенные въ новыхъ преступленіяхъ, до рѣшенія дѣла, сидятъ въ тюрьмахъ иногда по нѣскольку лѣтъ, податей въ это время не платятъ, а недоимка ростетъ. Между тѣмъ экономическій капиталъ ссыльныхъ, нарастающій отъ взносовъ поселенцовъ и не идущій на нихъ, — огромный (такъ напр., по двумъ губерніямъ: Енисейской и Иркутской, около 300 тысячъ было въ 1862 году *). Изъ этого капитала

*) По отчоту министра внутреннихъ дѣлъ, установленный въ 1822 году

весьма малая часть тратится на леченіе ссыльныхъ въ больницахъ, а добрая доля его прилаживается обыкновенно къ какому-нибудь крупному предпріятію, совершенно стороннему и ничего общаго съ дѣломъ ссыльныхъ не имѣющему (въ родѣ напр. пріобрѣтенія Амура, — яму котораго до сихъ поръ хорошенько завалить не могутъ). Каторжныхъ уволятъ отъ обязанностей, причислятъ къ какой-нибудь волости, на томъ всѣ и заботы покончатъ, а тамъ хоть трава не расти. Стяни что-нибудь, иди въ кабакъ и опять ступай на прежную дорогу, въ каторгу или на заводы, смотря по преступленію или проступку, обличившему тебя, горемыка!...

Преступленія, за которыя судятся поселенцы въ Сибири, группируются болѣе крупною цифрою около такъ-называемаго преступленія «побѣга изъ Сибири»; затѣмъ слѣдуетъ воровство со взломомъ, — преступленіе, которое служитъ обыкновенно коренною причиною ссылки поселенца, а въ Сибири является слѣдствіемъ безвыходности положенія. Затѣмъ поселенцы дѣлаются убійцами, потомъ виновными въ развратномъ поведеніи (въ особенности поселенки), въ побѣгахъ изъ-подъ стражи, во взломѣ тюремъ и въ дѣланіи фальшивыхъ билетовъ *). Число другихъ поселенческихъ преступленій, по количеству своему и сравнительно съ предъидущими, довольно незначительно, чтобы дѣлать какія-либо серьозные выводы. Во всякомъ случаѣ, они не такъ многочисленны, какъ можно бы было ожидать при условіяхъ бродяжьей жизни, при сильно развитомъ въ людяхъ этихъ пьянствѣ и по тому поголовному обвиненію, которое возводятъ на нихъ люди, судящіе не по цифрѣ и скрытому въ ней смыслу, а изъ своекорыстнаго разсчота оправ-

---

сборъ въ экономическій капиталъ ссыльныхъ къ 1864 году по всей Сибири возросъ до 853 тысячъ (см. Сѣв. Почта, 1865, № 245).

*) Въ теченіи 9 лѣтъ (съ 1838 по 1847 годъ) всѣхъ поселенцовъ суждено въ Сибири 6,829 мужч., 301 женщ., — цифра, уступающая однако преступникамъ изъ бродягъ, которыхъ за тѣ же годы осуждено 14,861 мужч., 3,785 женщ. и преступникамъ изъ каторжныхъ по числовому отношенію общаго количества тѣхъ и другихъ; число каторжныхъ въ 6 разъ меньше общаго числа поселенцовъ, но всѣхъ каторжныхъ за тѣ же годы осуждено 2,689 мужч., 30 женщинъ.

дать свою собственную неправильную дѣятельность или совершенное бездѣйствіе. Исканіе одной дикой воли и совершеннаго бездѣйствія, въ которыхъ эти люди находятъ оправданіе себѣ и обвиненіе поселенцамъ, — аргументы крупные и сильные на бумагѣ, — на дѣлѣ не выдерживаютъ критики. Всякій человѣкъ ищетъ для себя лучшаго: таково свойство людской природы и вообще всѣми давно признано, что человѣкъ остается охотно тамъ, гдѣ ему хорошо, охотно работаетъ и трудится, когда его положеніе кажется ему сноснымъ и когда постоянныя неудачи и препятствія не доводятъ его до утраты вѣры въ себя, не уничтожаютъ его бодрости. Не забудемъ, что поселенцы довольно часто приходятъ съ семействами: въ 29 лѣтъ двѣсти тысячъ сосланныхъ на поселеніе лицъ обоего пола увлекли за собою семнадцать тысячъ пришедшихъ по собственной волѣ жонъ, дѣтей и родственниковъ. Въ той же Сибири имѣются доказательства противному, слишкомъ опредѣленныя, но достаточно не изслѣдованныя. Въ Сибири нѣтъ того мѣста, гдѣ бы не жили старовѣры или, по тамошнему, киржаки и гдѣ бы не разсказывали за вѣрное, что рѣдкій изъ этихъ богачей не имѣетъ собственной деревушки, куда онъ ѣдетъ какъ помѣщикъ, и встрѣчается какъ архіерей. Сюда, по завѣту отцовъ, богатые киржаки за удовольствіе полагаютъ для своей души принять всякаго странника и тщательно уберечь его отъ грядущихъ напастей и золъ. Говорятъ, что нѣкоторымъ приходилось прятать и бѣглыхъ каторжныхъ и шатающихся поселенцовъ. При обыскахъ они умѣли откупаться, по древнему способу, котораго не чуждался и самъ Де-Геннингъ — основатель города Екатеринбурга, умѣвшій не брезговать бѣглымъ ссыльнымъ и за крѣпкіе подкупы приселявшій къ новому городу даже бѣглыхъ съ каторги. Около Екатеринбурга и около Тюмени испоконъ-вѣку бывали притоны для бродягъ изъ раскольниковъ.

Въ Сибири же повсюду разсказывается недавній случай находки, однимъ изъ земскихъ чиновниковъ, цѣлаго селенія, нигдѣ въ книгахъ не записаннаго, нигдѣ на картахъ не нанесеннаго, о которомъ ближайшій становой приставъ (по сибирски, засѣдатель) ничего не зналъ, ни отъ кого не слыхалъ.

Для кого же теперь тайна организаціи свободныхъ, или (какъ привыкли выражаться) самовольнымъ поселеній, не говоря о ежемѣсячныхъ приселеніяхъ каторжныхъ къ поселенцамъ и на оборотъ? Кому не ясно, что болѣе счастливыя плодородіемъ и болѣе защищонныя природой и безопасныя мѣста въ Сибири, охотнѣе избираются самовольными поселенцами для свободныхъ поселеній, и, что между ними Алтай по преимуществу облюбленное мѣсто? Въ томъ обширномъ клинѣ благодатной земли, который врѣзался между рѣками Біей и Катунью, стремящимися слиться въ Обь, давно уже ведется эта опасная игра въ ставки новыхъ деревень по народнымъ образцамъ до-петровскихъ временъ, ещо очень живущимъ и хорошо прилаживаемымъ въ Сибири. Для Сибири вопросъ о свободной народной колонизаціи ещо не кончился, хотя, правда и въ Россіи онъ совершенно убитъ только въ серединѣ нынѣшняго столѣтія. Въ Сибири мы сами видѣли, въ 1861 году, десятокъ малороссовъ. пришедшихъ изъ Кіевской губерніи въ нахваленную имъ Сибирь, поискать хорошихъ земель, подъ Омскомъ схваченныхъ за бродягъ и въ омской тюрьмѣ откровенно и простосердечно высказавшихъ намъ то же самое показаніе, какое дали они и по начальству. А сколько сибирскія экспедиціи о ссыльныхъ записали подъ именемъ поселенцовъ, — также въ недавнія и наши времена, —дворовыхъ людей (преимущественно губерній Московской и Пензенской), бѣжавшихъ отъ господъ, и крѣпостныхъ крестьянъ, пришедшихъ изъ густо-населенныхъ губерній на золотые пріиски, полюбившихъ Сибирь больше родины и пожелавшихъ въ ней остаться! Схваченные за бродягъ, посаженные въ тюрьмы и выученные тамъ по дешовому способу показать себя непомнящими родства — они достигали цѣли: наказанные при полиціи, они записывались въ званіе поселенцовъ. Нѣкоторые для вящаго удостовѣренія въ показаніяхъ своихъ дѣлывали на лицахъ искусственные шрамы, чтобы походить на поселенца, освобожденнаго отъ каторжныхъ работъ *).

*) Такимъ же способомъ показанія непомнящими родства, оставались въ Сибири жоны, приходившія повидаться съ мужьями и также заперты въ остроги. Званіемъ непомнящихъ прикрываются бродяги и ссылаются безъ

Внутри Алтая близъ Китайской границы, на правомъ берегу Катуни, при устьѣ рѣки Аколу и на верхней Бухтармѣ до сихъ поръ живутъ инородцы, составляющіе Ойманскую управу. Это—Ойманцы бѣглопоповщинской секты, русскаго происхожденія. Предки ихъ—бѣглые солдаты и заводскіе рабочіе люди. Придя въ Алтай, они бродили съ мѣста на мѣсто, отбивались отъ военныхъ отрядовъ, посланныхъ для ихъ поимки и хотѣли уйти за границу. Но имъ было объявлено въ 1791 году, по ходатайству губернатора, человѣка добродушнаго, прощеніе императрицы Екатерины Второй и дозволено приписаться въ какое-либо податное состояніе. Они избрали инородческое, и коренные русскіе люди славянской крови поселились здѣсь подъ видомъ и именемъ дикарей-инородцовъ! Люди эти, извѣстные подъ именемъ *каменьщиковъ*, живутъ вблизи рудовознаго тракта между Зыряновскимъ рудникомъ и пристанью Иртыша, на протяженіи 70 верстъ, не имѣющемъ никакихъ жилыхъ мѣстъ. Въ прошломъ столѣтіи сюда доступъ былъ крайне затруднителенъ, они довольно долгое время могли поддерживать свое существованіе охотою и разбоями. Бѣжали рабочіе съ женами и дѣтьми, но къ нимъ

наказанія, и только сдѣлавшихъ ложное показаніе сѣкутъ при этомъ. Но требуется много искусства для того, чтобы званіе это оставить за собою: надо хорошо знать увертки и крючки въ уголовныхъ законахъ и сверхъ того запастись духомъ упорства, упрямства, устойчивости и скрытности. Бродяги бываютъ одарены этими качествами въ высокой степени совершенства: они легко и храбро отказываются на очныхъ ставкахъ (если таковыя даютъ имъ) отъ родныхъ, родителей, жены и дѣтей. Неопытные пріобрѣтаютъ эти способности въ тюрьмахъ. Сдѣлавшись арестантомъ, непомнящій бродяга стоитъ внѣ опасности въ томъ смыслѣ, что его уже никто не наказать, ни допрашивать въ тюрьмѣ не имѣетъ права, кромѣ его непосредственнаго начальства, каковы на тотъ разъ прокуроръ и стряпчій. Грубости и дерзости онъ, кромѣ этихъ лицъ, можетъ говорить всѣмъ: оттого-то многіе изъ бродягъ пользуются этимъ правомъ охотно и отводятъ на томъ свою грѣховную душу. Большое количество бѣглыхъ дворовыхъ людей въ поселенцахъ служитъ также одною изъ причинъ, задерживающихъ въ Сибири развитіе земледѣлія и ремеслъ: бывшая дворня гнушается сохи и согласна скорѣе идти въ ямщики, ходить въ лѣсъ на козуль и сохатыхъ. Нѣкоторымъ ямщикамъ счастливится: за Байкаломъ есть такіе, у которыхъ водится троекъ до 15-ти.

успѣли присоединиться разные молодцы-охотники до чужого добра. Сами заводскіе не были людьми съ мирными наклонностями: тяжести работъ, соединенныхъ съ лишеніями голодовки и частыми и суровыми мѣрами взысканія успѣли ихъ озлобить такъ, что ещо до побѣговъ они дѣлали частые проступки. Заводскія селенія раздѣлили на кварталы, учредили непремѣнные денные и ночные караулы; построили будки и при въѣздахъ въ селенія разставили рогатки; предполагали со временемъ окружить всѣ селенія рвами и обставить тѣми же рогатками. Разные «злоумышленные развратники» продолжали склонять заводскихъ и горныхъ людей къ преступленіямъ и побѣгамъ: устройства и безопасности въ селеніяхъ не было. Начальство черезъ сторожей стариковъ, сидѣвшихъ у воротъ, стало знать о всякомъ новопріѣзжемъ въ селеніе, но о прихожихъ соблазнителяхъ все-таки не получало точныхъ и желаемыхъ знаній. Религіозная пропаганда съ соблазнами на вольную жизнь въ темныхъ лѣсахъ и въ безопасныхъ горахъ приготовила вполнѣ независимыя селенія, родъ маленькихъ республикъ. Екатерина, прощая ихъ, принуждена была освободить ихъ сначала отъ всѣхъ налоговъ и только, какъ съ инородцовъ, указала брать небольшой ясакъ шкурками пушныхъ звѣрей. Такая первоначальная осторожность позволила впослѣдствіи обложить ихъ податями наравнѣ съ прочими крестьянами. Къ селеніямъ каменьщиковъ мало-по-малу добровольно присоединялись другіе крестьяне и выселялись изъ своихъ деревень правительствомъ тѣ, которыхъ оно считало благонамѣренными и способными благотворно вліять на независимой духъ коренныхъ поселенцовъ рѣки Катуни и сосѣднихъ дикихъ мѣстъ, безплодностію и безлѣсьемъ живо напоминающихъ степь.

Раскольники сибирскіе унесли съ собой замѣчательный русскій обычай «брести врозь», чтобы сбиваться въ подворища, отдѣльныя поселенія на новыхъ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ церквей. Для этого Алтай и Черныя представляются имъ самыми удобными. Въ Бійскомъ округѣ то и дѣло заводятся новые выселки и созываются новые вольные люди «копити слободы, рыбу ловити и пахоты заводити».— «Сюда привлекаютъ ихъ (пишетъ одинъ сибирскій священникъ), какъ выгоды новаго мѣста и сосѣдство съ кочевыми инородцами,

такъ и пустынная дикая мѣстность, представляющая удобства къ своевольной жизни». Селятся пришельцы между аулами дикихъ инородцовъ, но заселившись, все-таки состоятъ причисленными къ другимъ деревнямъ. По лѣвую сторону р. Біи уже готовы три селенія, выродившіяся изъ семи селеній раскольничьихъ, находящихся въ Бійскомъ округѣ. Въ одномъ изъ новыхъ селеній (Тайнѣ) было тогда уже 20 дворовъ.

Сибирь представляетъ два сильныхъ контраста именно въ томъ отношеніи, по скольку рознится свободное поселеніе отъ принужденнаго, руководимое наемными и неопытными руками казенныхъ людей отъ поселенія, организованнаго самими поселенцами внѣ всякихъ сторонніхъ вмѣшательствъ и независимо отъ теоретическихъ кабинетныхъ соображеній. Въ 1827 г. утвержденъ былъ проектъ поселенія 5955 ссыльныхъ въ Енисейской губерніи, имѣвшій цѣлію, чрезъ усредоточенной надзоръ и занятіе въ хлѣбопашествѣ удержать преступниковъ отъ праздности и побѣговъ. Въ пособіе отъ казны назначено было 479,927 руб.—сумма, имѣвшая двѣ цѣли: первое обзаведеніе и продовольствіе съ засѣвомъ. 269,091 руб. истрачены были на покупку хозяйственныхъ и земледѣльческихъ орудій, лошадей, коровъ и овецъ,—сумма, не подлежавшая возврату. 210,835 руб. предназначены были на пособіе ссыльнымъ для двухгодичнаго продовольствія и закупа семянъ, и подлежала возврату. Въ мартѣ 1829 назначены по близости усадебъ лѣса, указаны сборные пункты для своза провіанта, опредѣлены лица для надзора, отчислено количество ссыльныхъ, нужное для водворенія (за исключеніемъ обзаведшихся хозяйствомъ или принятыхъ старостами). Вся масса отобраныхъ новыхъ хозяевъ разбита была на отдѣленіе для каждой деревни. Деревни были уже готовы: большая часть на большой дорогѣ, меньшая въ сторонѣ: двумъ поселеніямъ на р. Улуѣ въ Ачинскомъ округѣ, 6-ти въ Минусинскомъ, 14-ти въ Канскомъ (на р. Бирюсѣ) по р. Кану, Оѣ, Рыбинской, (на ключѣ Медвѣденскомъ). Всѣ 22 импровизованныя деревни надѣлены 15-ти десятинной пропорціей лучшихъ земель. На каждомъ дворѣ назначено помѣщеніе четыремъ поселенцамъ: трое опредѣлены были въ работниковъ, четвертому выговорилось прозваніе кашевара и пред-

назначалась обязанность хозяина. Товарищи его должны работать, кашеваръ заготовлять для нихъ все нужное. Аракчеевскіе планы осуществлялись въ Сибири, военныя поселенія воскресали въ новыхъ средствахъ приспособленія въ отдаленныхъ странахъ Сибири. «Въ мартѣ 1829 года—говоритъ свидѣтель этого дѣла Енисейскій губернаторъ А. П. Степановъ (въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: «Енисейская губерніи»)—всѣмъ отдѣленіямъ ссыльныхъ сообщено движеніе къ мѣстамъ, для ихъ деревень опредѣленнымъ. Каждый ссыльный получилъ топоръ—и лѣса пали подъ руками работниковъ поселеній или будущихъ хозяевъ домовъ. Отъ сего времени каждое поселеніе должно было чрезъ два года кончиться и черезъ четыре наполниться. Въ 1833 году А. П. Степановъ писалъ слѣдующее: «я видѣлъ уже на большой дорогѣ прекрасныхъ пять селеній оконченными, и не могъ ими налюбоваться. Я видѣлъ семь достигающихъ своего конца; я видѣлъ четыре, которыя, какъ чертежи, лежали на зеленѣющихся долинахъ по берегамъ Кана».

Въ 1835 году видѣлъ эти селенія начавшими свою жизнь генералъ губернаторъ С. Б. Броневскій и писалъ нижеслѣдующее: «жители разбѣжались за неимѣніемъ силы расчищать лѣсъ подъ пашни; много домовъ въ жалкомъ запустѣніи отъ водворенія малосильныхъ семействъ, а снаружи дома, крытые досками или драницами съ бревенчатыми или дощатыми заборами. Избы обширныя въ 5 оконъ на улицу на четыре семьи, раздѣленныя корридоромъ съ обширнымъ дворомъ, съ амбарами и сараями съ навѣсами, но впущены холостяки: содержаніе одной чистоты въ такихъ обширныхъ заведеніяхъ и ремонтированіе поврежденій въ окнахъ, печахъ и проч. не подъ силу бѣднякамъ, ничего не имѣющимъ, обезохочиваетъ къ прочному водворенію въ слишкомъ затѣйныхъ для нихъ жилищахъ и постояльцы бѣгутъ, замѣняясь новыми таковыми же, почему трудно ожидать чего нибудь безъ новыхъ пожертвованій. Я посѣщалъ многіе изъ этихъ домовъ, находя тамъ невыразимую скудость въ первѣйшихъ потребностяхъ жизни. Странно было видѣть въ домѣ одну женщину и четыре мущины. При вопросѣ: котораго она жена?—указывала на одного изъ четырехъ, добавляя, что они однако-же не вѣнчаны, а только по своему желанію обречены одинъ

другому начальствомъ, ибо ссыльнымъ прежде двухъ лѣтъ нахожденія въ Сибири, по закону, вѣнчать нельзя. Меня крайне удивилъ такой предварительной союзъ!» Не удивило то, что большая часть такихъ поселенцовъ бросила новые дома и разбѣжалась по старымъ лѣсамъ.

За Байкаломъ семейскіе старовѣры съ охотою разсказываютъ всѣмъ такое преданіе, завѣщанное отцами, о временахъ и способахъ ихъ водворенія послѣ Вѣтки и Стародубскихъ слободъ. «Казна дѣдамъ нашимъ не помогала. Привелъ ихъ на мѣсто (на р. Иро) чиновникъ *), стали его спрашивать: гдѣ жить?—указалъ въ горахъ (дѣйствительно всѣ три волости, словно провалились сквозъ землю: кругомъ высокія лѣсистыя горы). Стали пытать: чѣмъ жить? чиновникъ сказывалъ: а вотъ станете лѣсъ рубить, полетятъ щепки: щепы эти и ѣшьте! «Поблагодарили его, стали лѣсъ рубить; на другой годъ исподволь другъ около друга стали кое-чѣмъ займоваться, запасаться нужнымъ. На восемь дворовъ одна лошадь приводилась. Поселились. Земля оказалась благодатной. Ожили, повеселѣли. Пріѣхалъ знакомой чиновникъ и руками развелъ: «вы де ещо не подохли? Жаль—очень жаль, а васъ—чу!—затѣмъ и послали, чтобы вы всѣ переколѣли» **).

*) По Иркутскоу лѣтописцу подполковникъ Иванъ Ивановъ.

**) О подробностяхъ переселенія разсказываютъ слѣдующее: народъ собирали въ Калугѣ, гдѣ на берегу Оки за городомъ стояли нарочно-выстроенные амбары (бараки). Въ баракахъ этихъ много перемерло народу. По Окѣ въ Волгу везли на судахъ до Казани. Въ Казани много взяли въ рекруты; цѣлый полкъ потомъ былъ сформированъ изъ семействъ въ Тобольскѣ, За Байкаломъ пришли уже малыми частями. Первая партія шла на Чикой въ 1755 г. Вторая, вышедшая съ марта 1865, пришла на Иро 1758 и оттуда, за негодностію мѣста на Бичуру въ 1780. Третья ушла за хребты, гдѣ теперь двѣ волости: Тарабагатай и Мухоръ-Шибирь. На Иро, прошло только 26 семей: Пересычины (6 душъ), Разуваевы (3), Афанасьевы (6), Савичевы (3), Просвиряниковы (2), Терюхановы (4), Петровы (4), Павловы (2), Нестеровы (4), Куприяновы (3), Ивановы (4), Пантелѣевы (1), Гавриловъ (1), Юдинъ (1), Олейниковъ (1), Авдѣевы (2), Турковы (2), Ткачовыхъ (2), Гладкихъ (2), Бѣлыхъ (2), Головановыхъ (2), Кочневъ (1), Родіоновъ (1), Утенковыхъ (4), Хохловыхъ (2), Алексѣевыхъ (4) (всего 70 душъ). Теперь изъ 70 душъ стало 1,300, отъ которыхъ слышатся уже жалобы на тѣсноту житья въ одномъ селеніи: Бичура протянулась на 4 версты въ длину (старожилы, т. е. первые пришедшіе, живутъ на горѣ).

Въ 1830 году декабристы, шедшіе изъ Читы въ Петровскій заводъ, получали такія впечатлѣнія: «помѣщали насъ въ крестьянскія избы. Избы имѣли по нѣсколько комнатъ съ обоями, большими окнами и досчатыми крышами. Съ одной стороны сѣней была просторная комната для работниковъ съ могущественной русской печкой, по другую сторону отъ 2 до 5 комнатъ съ голландскими печами; полы были усланы коврами туземнаго издѣлія. Столы и стулья были чисто выстроганы и даже не было недостатка въ зеркалахъ, купленныхъ на Ирбитской ярмаркѣ. Хозяйки гостепріимно угощали насъ ветчиной, осетриной и разными пирогами. На дворахъ мы видѣли окованныя желѣзомъ телѣги, хорошую сбрую, сильныхъ и сытыхъ лошадей и здоровыхъ осанистыхъ людей, производившихъ на насъ удивительно—хорошее впечатлѣніе. Было воскресенье: всѣ шли въ молельную; мущины въ длинныхъ армякахъ синяго сукна, и въ хорошихъ собольихъ шапкахъ, женщины въ шолковыхъ съ соболькимъ воротникомъ душегрѣйкахъ; на головахъ шолковые платки, вышитые золотомъ и серебромъ. Многіе изъ нихъ капиталисты; у нѣкоторыхъ — тысячъ до ста.» Съ 1857 года, въ теченіи девяти лѣтъ семейскіе неустанно, безпрекословно и безъ особыхъ ущербовъ для себя, своимъ хлѣбомъ кормили Амуръ и не только отдавали зерно или муку даромъ, но приплачивали еще по 10—20 коп. на пудъ за доставку до Читы вольнымъ вощикамъ (казна давала за пудъ 60 коп., доставка изъ Тарабагатая напр. стоила 70—80 коп.).

— Отчего ваши сосѣди такъ бѣдны? — спрашивалъ одинъ изъ декабристовъ. — Какъ же имъ не быть бѣдными — отвѣчалъ нашъ хозяинъ: мы идемъ на работу въ поле съ пѣтухами, а Сибирякъ варитъ себѣ кирпичный чай и пока соберется на работу, солнце уже успѣетъ высоко подняться. Мы ужь первую работу сдѣлаемъ и отдыхаемъ, а сибирякъ въ самую жару мучитъ и лошадь и себя. Кромѣ того поселенцы предаются пьянству; они тратятъ каждую копѣйку и не могутъ скопить капитала.

Въ нашей дорожной книжкѣ по горячимъ словамъ записались слѣдующія строки (16 янв. 1861 года): «Сибирскимъ народомъ недовольны, какъ бичурскіе семейскіе, такъ и мухоръ-шибирскіе.

Встанетъ сибирякъ — чай пьетъ, въ поле идетъ — глядишь опять домой тащится ѣсть; въ вечеру опять дома чай пьетъ. Хозяйство для нихъ второе дѣло. Опять же у насъ молодякъ до 20-ти лѣтъ водки не смѣетъ пить, а у тѣхъ ему и въ этомъ воля. Казаки же народъ совсѣмъ гиблой и недомовитой; ни въ чемъ они на насъ не похожи».

Декабристы видѣли старика 110 лѣтъ помнившаго первыя времена поселенія, когда стремились не къ водворенію ихъ, а имѣли въ виду наказаніе. Старикъ жилъ въ домѣ четвертаго младшаго сына, которому было 70 лѣтъ. Хотя самъ дѣдъ и не работалъ, но по привычкѣ постоянно носилъ топоръ за поясомъ. Рано поутру онъ будилъ своихъ сыновей и внучатъ на работу. Каждый изъ сыновей имѣлъ по отдѣльной избѣ со дворомъ и амбаромъ и по отдѣльной водяной мельницѣ. «Зачѣмъ тебѣ, дѣдушко, такъ много мельницъ? — спросили его. Отвѣчалъ: видите, какія у насъ поля: и указалъ на окрестные горы, повсюду засѣянныя. По богатству и довольству этихъ крестьянъ намъ казалось, что передъ нами русскіе въ Америкѣ, а не въ Сибири. Въ этой области Сибирь никакъ не хуже Америки». И тѣже старообрядцы, живущіе на основахъ общиннаго труда (прибавимъ мы отъ себя) счастливы тѣми же результатами обезпеченной и сытой жизни, именно по тому, что во многомъ сходствуетъ съ заатлантическими сектаторами: квакерами, мармонами и друг. Семейскіе имѣютъ собственное общественное управленіе, при помощи котораго поставили себя до извѣстной степени въ независимое положеніе и поняли секретъ обходиться съ чиновниками, готовые всегда къ платежу податей и способные платить даже сверхкомплектные въ видѣ поставокъ хлѣба на полуголодной и ненасытной Амуръ. Когда Амуръ легъ на семейскихъ своею неожиданною тяжестію и долговременные урожаи облегчили возможность борьбы съ невзгодой: общинная справедливая раскладка по семействамъ довершила удачу борьбы и доставила имъ полную побѣду, не смотря на то, что на хозяевъ средней руки приводилось ежегоднаго взноса до 40 пудовъ (на богатыхъ больше, на бѣдныхъ меньше). Бѣднымъ сверхъ того предоставлено было право воспользоваться платою за доставку въ Читу на сплав-

ныя лодки и баржи. Богачами съумѣли сдѣлаться тарабогатайскіе, бичурскіе и мухоръ-шибирскіе старовѣры отъ торговли съ китайцами, отъ казенныхъ подрядовъ и поставокъ, въ силу той находчивости и изворотливости велико-русскаго человѣка, которыя въ равной степени и неизмѣнно сохранены, какъ этими выселенцами изъ Бѣлоруссіи въ концѣ прошлаго вѣка, такъ и живущими тамъ же въ наши дни. Тѣми же живыми, трудолюбивыми и предпріимчивыми людьми старовѣры являются и за Байкаломъ между ненаходчивыми сибиряками, какими представляются ихъ единомышленники и родичи между забитыми и полу-дикими бѣлоруссами гомельскіе, вѣтковскіе и стародубскіе старовѣры *).

Въ томскомъ острогѣ мы видѣли арестанта, весьма почтеннаго, начитаннаго и солиднаго старика, очень богатаго раскольника—томскаго мѣщанина, который судился за образованіе селенія изъ бѣглыхъ въ Томскомъ округѣ на собственной счотъ и за совращеніе этихъ бѣглыхъ въ старую вѣру. Сходцы завели-было отличное хозяйство, жили, не навлекая на себя преслѣдованій преступленіями и никого не обижая. Засѣдатель зналъ, бралъ поклонное и покорное—и не трогалъ. Кто-то сдѣлалъ доносъ: вольныхъ людей схватили, разсажали по тюрьмамъ; завели судъ и дѣло. А селеніе было совсѣмъ готово: большое-пребольшое въ привольномъ и дикомъ мѣстѣ, и лѣсъ—глушъ, по требованіямъ людей древняго благочестія и старооотеческихъ преданій **).

---

*) Замѣчательно, что, превращаясь въ сибиряковъ, семейскіе постарались забыть между прочимъ великорусскія пѣсни. При всѣхъ нашихъ стараніяхъ мы не могли записать у нихъ ни одной былины, на каковыя расчитывали. Намъ говорили въ оправданіе: «старики напѣвали ещо кое-какіе старины и былины, разговаривая о родинѣ: намъ не завѣщали никакихъ. Изъ молодыхъ нашихъ ихъ и неслыхивали. Поемъ только тѣ стихи, которые записаны, въ цвѣтникахъ. Устояла пѣсня свадебная, обрядовая: ибоде обряды завѣщали блюсти крѣпко. Класса нищихъ не выработалось среди достатковъ и при общиной взаимной помощи, а потому бродячихъ пѣвцовъ нѣтъ и въ поминѣ, а съ ними и пѣсенъ.

**) Стремленія ссыльныхъ старобрядцовъ къ организаціи отдѣльныхъ хозяйствъ въ видѣ скитовъ восходитъ до первыхъ временъ ихъ ссылки. Еще при Алексѣѣ Михайловичѣ, сосланные въ Якутскій край, устраивали скиты

Къ числу очень распространенныхъ сибирскихъ народныхъ преданій принадлежатъ повсюдные разсказы о томъ, что тамъ — заблудившійся звѣровщикъ, заслышавъ звонъ колокола и, соблазнившись имъ, нашолъ никому невѣдомое селеніе; въ другомъ мѣстѣ, таковое же обрѣлъ засѣдатель, который, недогадавшись скрыть своего званія, былъ убитъ жителями никому неизвѣстнаго и вполнѣ независимаго селенія. Подобные разсказы слышали мы и въ Западной и въ Восточной Сибири (за исключеніемъ одного Забайкалья). «Въ Якутскѣ мнѣ передали (говоритъ г. Сельскій въ статьѣ «Ссылка въ Восточную Сибирь замѣчательныхъ лицъ»), на Калымѣ и Индигиркѣ тамошніе жители до сихъ поръ разсказываютъ о существованіи съиздавна какихъ-то жителей, прежде-сосланныхъ, потомъ бѣжавшихъ и поселившихся на неизвѣстныхъ островахъ Ледовитаго моря. Въ давніе годы какой-то промышленникъ около колымскаго устья осматривалъ на островахъ звѣроловныя снасти. Тамъ застигла его пурга и онъ заблудился. Долго блуждалъ онъ по окрестнымъ пустынямъ и наконецъ собаки привезли его въ незнакомое селеніе, состоящее изъ нѣсколькихъ домовъ, которые всѣ были срублены въ уголъ. Заблудившагося приняла женщина, но она ничего съ нимъ не говорила. Поздно вечеромъ пришли съ промысловъ мужики и стали допрашивать прибывшаго къ нимъ: кто онъ, откуда, по какому случаю и зачѣмъ заѣхалъ къ нимъ, не слыхалъ ли онъ объ нихъ чего прежде и наконецъ, не подосланъ ли кѣмъ? Промышленника этого они содержали подъ присмотромъ шесть недѣль, помѣстили его въ отдѣльной домъ и не дозволяли отлучаться ни на шагъ и ни съ кѣмъ не разговаривать. Заключенный во время пребыванія своего тамъ, часто слышалъ звонъ колокола и обитатели этого заповѣднаго селенія собирались въ молельню, изъ чего онъ и заключилъ, что это былъ

даже на рѣчныхъ островахъ. Но суровость климата и невозможность доставать жизненные припасы послужили причиной скораго исчезновенія этихъ колоній. Скитъ, образовавшійся около Анадырска и уже значительно увеличившійся, уничтожили сидячіе коряки: напали на скитъ и перебили всѣхъ жителей.

раскольничій скитъ. Наконецъ жители этого дикаго селенія согласились отпустить промышленника, но взяли съ него при этомъ клятву молчать обо всемъ, имъ видѣнномъ и слышанномъ. Затѣмъ они завязали ему глаза, вывели изъ селенія и проводили очень далеко; при разставаньи ему подарили большое количество бѣлыхъ песцовъ, красныхъ лисицъ и сиводушекъ».

Къ такимъ вольнымъ селеніямъ, на выгодныхъ и соблазнительныхъ условіяхъ свободнаго выбора, охотно льнутъ и бѣжавшіе съ каторги и оставившіе мѣста поселенія: деньги, подкупъ и волостные писаря тутъ играютъ существенную и главную роль. Лѣтъ десять тому назадъ волостное начальство открыло въ Иркутскомъ округѣ поселенца, жившаго въ селеніи болѣе 20-ти лѣтъ. Знавшіе его думали, что онъ приписанъ начальствомъ, а потому и не преслѣдовали, да на бѣду, черезъ двадцать лѣтъ мирнаго его житія, узнали, что въ сосѣднемъ селѣ живетъ другой поселенецъ подъ тѣмъ же псевдонимомъ, съ одинаковымъ именемъ и прозвищемъ (что случается между поселенцами сплошъ и рядомъ). Этому второму несчастному вздумалось бѣжать; побѣгъ его открылъ и перваго счастливаго. Стали допрашивать: онъ показалъ фамилію бѣжавшаго и всю его подсудность, а когда сличили примѣты его съ бѣжавшимъ — не то вышло. Сколько ни бились — настоящей фамиліи своей поселенецъ не показалъ: такъ и оставили его,—благо, что раньше наказанъ былъ за бродяжество. Поблагодѣялъ же ему писарь сельскій, признавшійся въ такой штукѣ: этого поселенца 20 лѣтъ тому назадъ поймали въ Минусѣ (Минусинскѣ), гдѣ онъ сказалъ, что бѣжалъ изъ-подъ Иркутска. Земскій судъ и послалъ его въ волость показать крестьянамъ, тотъ ли-де этотъ: оказалось, что не тотъ. Старшина обратилъ его въ волость съ пакетомъ; поселенецъ, смекнувъ, что дѣло недоброе, бѣжалъ отъ ямщика съ дороги, прихвативши съ собой и пакетъ. Съ пакетомъ онъ явился въ другомъ селѣ къ писарю: писарь пакетъ изорвалъ, а поселенцу велѣлъ жить тутъ и сосѣдямъ такъ разсказалъ, что присланъ-де съ пакетомъ. А сколько подобныхъ дѣлъ не наслѣженныхъ, а сколько селеній выросшихъ и окрѣпшихъ не по законнымъ предписаніямъ и обычнымъ программамъ!...

На сколько ссыльные готовы сами вести осѣдлую жизнь, свидѣтельствуетъ между прочимъ слѣдующій недавній случай. Къ осени 1862 года, по бродяжьимъ притонамъ прошолъ сильный слухъ о манифестѣ, въ которомъ будто бы сказано, чтобы всѣхъ бродягъ каторжныхъ приписывать на поселеніе, если только они добровольно явятся къ начальству. Слухъ этотъ расшевелилъ и поднялъ бродягъ; многіе изъ нихъ и въ разныхъ мѣстахъ объявились и, конечно, попали въ *хлопушку*, т. е. получили плети и опять каторгу. Особенно много, говорятъ, явилось такихъ охотниковъ по Томской губерніи.

Идя слѣдомъ за поселенцами по всѣмъ ихъ мытарствамъ, мы приходимъ, наконецъ, къ той важной отрасли государственнаго хозяйства, которая доставила столько денегъ Россіи и причинила столько горя и бѣдъ Сибири. Мы говоримъ о золотыхъ промыслахъ, которые нѣкогда разработывались исключительно руками ссыльно-поселенцовъ. Мѣщане изъ амбиціи, а крестьяне отъ домосѣдливости на эти работы не ходили *).

Старыя времена миновались. Золотопромышленность кончила свою безобразную исторію и начала, по новымъ образцамъ, другую, но слѣды стараго еще не совсѣмъ остыли, и отъ прошлаго еще кое-что осталось на бѣду поселенцовъ. Нѣтъ теперь той сильной борьбы между партіями золотоискателей, которая нѣкогда принимала и грозную, и безчестную, а временами и до нелѣпости смѣшную форму. Не уливаютъ теперь дорогу гостямъ отъ города до заимки шампанскимъ сами хозяева, не ѣздятъ ихъ довѣренные по улицамъ на бабахъ изъ враждебнаго промысловаго лагеря. Пріутихли хозяева, присмирѣли рабочіе: не ходятъ послѣдніе по улицамъ города въ парчовыхъ курткахъ, и парчовыхъ шароварахъ, не ступаютъ по грязи на кредитныя бумажки, подбрасываемыя подъ сапоги, испробовавшіе тальковой грязи на разрѣзахъ,

*) Въ 1840 году изо всего наличнаго числа ссыльныхъ 134,630 человѣкъ (64,340 въ западной и 70,290 въ Восточной Сибири) работало на золотыхъ промыслахъ *одиннадцать тысячъ*, т. е. почти *бѣнадцатая часть* всего наличнаго ссыленаго населенія Сибири.

чтобы при переходѣ чрезъ улицу изъ кабака не загрязниться. Кончилось поголовное безобразіе, ужасавшее своими капризными и неожиданными формами; но кончилось не все.

Неурожаи послѣднихъ лѣтъ и развитіе золотопромышленности, поднявъ цѣны на жизненные припасы, обратили на этотъ промыселъ и мѣщанъ и крестьянъ, и даже пришельцовъ изъ Россіи*), Осталась еще вербовка рабочихъ, перебой, необходимость выдачи задатковъ, тяжолыя, на первобытныхъ пріемахъ основанныя работы, осталось словомъ то, отъ чего и прежде поселенцу бывало скверно и теперь не сдѣлалось хорошо. Отъ дурной неэкономической разработки розсыпей золотой промыселъ упадаетъ; открытій новыхъ стало меньше по невозможности отыскать богатыя. Самая охота къ поискамъ оттого замѣтно ослабѣла, прежніе же пріиски постепенно вырабатываются; содержаніе золотоносныхъ песковъ видимо уменьшается, и добыча по частнымъ промысламъ Сибири, особенно Западной, ощутительно упала. На поселенцовъ надвигается гроза и съ этой стороны; къ тому же надо сказать правду безусловный наемъ поселенцовъ въ работы на золотые пріиски мало приноситъ имъ пользы.

До работъ ожидаетъ поселенца наемъ съ задаткомъ; задатокъ (рублей въ 40, 50, 60 вмѣсто дозволеннаго закономъ не свыше 7 руб. 50 коп.) находитъ его послѣ долгаго поста и безденежья, а на глазахъ торчатъ кабаки со всякимъ соблазномъ и господствуетъ старый пріемъ вербовщиковъ нанимать рабочихъ съ подтасовкой пьяными, умягченными, сговорчивыми. А тамъ дѣло извѣстное: обольстить, обмануть, подсунуть гнилой товаръ—московскую залежъ; цѣной повыше, добротой хуже всякой возможности; придумать вычетъ изъ заработка помудренѣй и позапутаннѣй подвернуть условіе, на которое трезвый человѣкъ не ходитъ, но голодный и пьяный идетъ. Тутъ является и обязательство вопреки

---

*) Нижегородскіе рабочіе, да и всѣ русскіе, приходятъ артелями (что и законъ требуетъ). Но артельныя правила съ силою общаго голоса за каждаго члена и собственной расправы, нѣкоторымъ довѣреннымъ не нравятся; ихъ стараются стѣснить и ослабить. Между тѣмъ артели работаютъ отлично и требуютъ только хорошей пищи и побольше.

законному смыслу всяческихъ контрактовъ, считать рабочіе дни не со дня сдѣлки, а по приходѣ на пріискъ, тутъ и обязательствъ объ одеждѣ нѣтъ, и орудія записаны въ разсчетной, какихъ не дано, и самая работа не приведена въ условную ясность — словомъ, цѣлая цѣпь стѣсненій всякаго рода. По этой причинѣ рабочій, обязанный иногда идти мѣсяца полтора и два до пріиска, даромъ тратитъ время и идетъ рваный и голодный, питаясь милостыней, а при случаѣ и воровствомъ. На пріискѣ, сверхъ обязательной, рабочій получаетъ работу всякую, какая придетъ въ голову довѣрителю и прикащикамъ. Жаловаться не кому, жалуется тотъ, кто не знаетъ въ какихъ отношеніяхъ стоятъ засѣдатели къ довѣреннымъ.

Извѣстно, что сами золотопромышленники рѣдко въ Сибири живутъ, дѣйствуютъ прикащики по старымъ образцамъ и наукѣ: изводятъ много хозяйскихъ денегъ на карты, на пиры, на вечера, на смазку сложныхъ колесъ золотопромышленной машины, чтобы она не скрипѣла; траты большія — надо ихъ возмѣстить; другой крѣпко зарвется, а выходу нѣтъ: по отчеты и у нихъ спрашиваютъ. Тутъ и волостной писарь — не малая подмога для того, чтобы показать хозяину выдачу задатковъ большему числу людей, чѣмъ сколько принято на самомъ дѣлѣ. Писарь бумагу такую и казенной печатью припечатать можетъ, а хозяину одинъ отвѣтъ: взяли рабочіе задатки, — на пріискъ не пришли, — извѣстное дѣло: посельщики, варнаки. Кто заглядывалъ въ сибирскіе остроги, тотъ знаетъ, что иного рабочаго схватили съ домашней печи и по этапамъ высылаютъ на пріискъ для отработки стараго долга; что другіе бѣжали съ самыхъ работъ, на дорогѣ пойманы, спрятаны въ тюрьму, — потому что подлежатъ отправкѣ назадъ на счотъ нанимателя, да ждутъ отъ него присылки казачьяго конвоя для путешествія по таежнымъ дорогамъ, которыя существуютъ только по имени, но не въ самомъ дѣлѣ, хотя на нихъ истрачено столько, что можно бы имѣть уже желѣзную дорогу.

На самыхъ работахъ, на пріискахъ, поселенцы-рабочіе живутъ въ дрянныхъ избушкахъ, помогающихъ развитію цынги. Здѣсь они уже кабальные въ самомъ широкомъ значеніи этого слова.

Плети не утратили здѣсь своего внушительнаго значенія, и вообще тѣлесное наказаніе всегда наготовѣ. Напускать страхъ, вымогая исполненіе всякихъ требованій, считается тамъ педагогическимъ пріемомъ. Сверхъ того, на пріискахъ для рабочихъ большіе уроки, которыхъ они никогда не выработываютъ по невозможности, а задаются на авось,—вѣдь и расходъ по пріиску не маленькій: рабочій проситъ рукавицы, чирки, табакъ куритъ, къ кирпичному чаю привыкъ, да къ тому же и задатокъ взялъ большой. Надо наверстать и то и другое, и себя не обидѣть: и вотъ, въ праздничные и торжественные дни вводятся такъ называемыя старательскія работы, которыя, вмѣстѣ съ усиленными уроками, крайне истощаютъ силы поселенцовъ. Между тѣмъ «старанія» съ платежомъ съ золотника золота, — самая справедливая форма вознагражденія, — теперь вывелись, и «старанія» теперь не что иное, какъ спекуляція на отдыхъ, на истребленіе праздничныхъ дней у рабочихъ. Урокъ становится не подъ силу, и благо еще, что хозяевъ обязываютъ лекарями и лазаретами, хотя и туда иногда не принимаютъ; вмѣсто лекарства — казачья команда съ извѣстными военными медикаментами, потому что болѣзнь можно иногда по ошибкѣ принять и за лѣнь *). Впереди рабочему предстоитъ дней сто кипѣть какъ въ котлѣ, урокъ не подъ силу а между тѣмъ магазинный долгъ наростаетъ, что дѣлать? — уступчивые и смирные машутъ рукой и въ работѣ валятъ черезъ пень въ колоду; рѣшительные и бывалые бѣгутъ съ промысловъ, бѣгутъ въ такомъ множествѣ, что хозяева сильно на это жалуются и просятъ въ свою пользу коекакихъ уступокъ и новыхъ привиллегій **).

И въ самомъ дѣлѣ, лѣтомъ каждый рабочій дорогъ. Другой

---

*) Поселенцовъ, сдѣлавшихъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ преступленіе, велѣно судить военнымъ судомъ.

**) Вотъ таблица побѣговъ съ промысловъ частныхъ лицъ, составленная горнымъ исправникомъ южной системы.

		Бѣжало:		
Въ 1856	изъ 9,558	рабоч.	67 разнаго званія	людей, 336 посел.
» 1857	» 9,472	»	33 »	» 133 »
» 1858	» 7,236	»	33 »	» 124 »
» 1859	» 6,569	»	52 »	» 126 »

наймется и придетъ на пріискъ, поработаетъ немного, заберется въ магазинѣ, да и объявитъ, что онъ неспособенъ. Станетъ докторъ свидѣтельствовать: либо грыжу найдетъ, либо рука вывихнута, либо другая хворь, закономъ предусмотрѣнная; а въ горячахъ нанимаютъ и совсѣмъ старыхъ людей, въ разсчотѣ на его совѣсть, авось поработаетъ и не скажется. Надо такихъ разсчитать, долгъ ихъ разумѣется смарать со счотовъ. Такимъ образомъ большіе задатки, на перебой совмѣстниковъ, и хозяину невыгодны и рабочему идутъ на баловство и порчу. Одно хорошо — кормятъ недурно, и на южной системѣ лучше, чѣмъ на сѣверной.

Порчи для рабочихъ не мало и въ примѣрахъ прикащиковъ; воровство золота — укоренившійся обычай. Для этого въ окрестности промысловъ «резиденцій» и евреи наѣзжаютъ изъ достославныхъ городовъ Кэнска, Томска, Красноярска, Баргузина и другихъ. Немного правды и въ разсчотахъ: либо за добровольное стараніе выдаютъ тѣмъ, которые не старались, либо старавшихся обсчитываютъ; за выданныя вещи всегда берется двойная цѣна. Противъ воровства самородковъ, съ давнихъ временъ, употребляется система взаимнаго шпіонства. Нѣкоторые хозяева нечестными разсчотами возбуждаютъ противъ себя всѣхъ рабочихъ до того, что никто къ нимъ нейдетъ: надо употребить хитрость, пробивать нечистыя тропы, а для такого дѣла опять употребляютъ тѣхъ же поселенцовъ половчѣе и посмышленнѣе. Теперь уже не рѣдкость такіе случаи, что послѣ восьмимѣсячнаго тяжолаго труда, рабочіе выходятъ съ промысловъ только съ долгомъ: нѣкоторые ходятъ въ отрепьяхъ, чтобы выгадать на одеждѣ. Тутъ если не поворуешь, не поплутуешь по образцу прикащиковъ, то — и не поживешь. Теперь уже рабочіе ѣдутъ домой съ промысловъ (послѣ 12 сентября, когда кончается разсчотъ, производимый съ 8 числа) человѣкъ по двѣнадцати на одной тройкѣ и въ кабакахъ не скупаютъ цѣлой полки полуштофовъ и шкаликовъ, для того, чтобы имѣть удовольствіе разбить ихъ въ дребезги со всѣмъ содержимымъ. Но выходъ рабочихъ все еще нажива кабакамъ и мелкимъ торговцамъ.

Вообще современное устройство промысловъ и обстановка ихъ

дѣла не производитъ такой громады вреднаго вліянія на поселенцовъ, какъ это было нѣкогда, въ тѣ времена, когда промысловая работа считалась безчестною и позорною. Но многое еще продолжаетъ развращать нравы и вредить краю. Въ многомъ золотые промыслы послужили тому несчастному явленію, что ссыльные не имѣютъ прочнаго домашняго хозяйства и вѣрному труду предпочитаютъ легкую наживу, являющуюся и до сихъ поръ съ наружнымъ обманомъ и соблазномъ въ началѣ и горькимъ разочарованіемъ въ концѣ. И теперь еще поселенцы за нѣсколько веселыхъ и разгульныхъ дней, обезпеченныхъ задаткомъ, работаютъ цѣлое лѣто на пріискахъ даромъ. И теперь, по окончаніи работъ, обсчитанные и задолжавшіе, праздно скитаются въ ближайшихъ къ промысламъ селеніяхъ въ надеждѣ на то призрачно-счастливое время, когда вновь получатъ новый задатокъ и вновь обманутся. Золотые пріиски въ этомъ смыслѣ не мало виноваты въ томъ, что поселенцы забываютъ о домѣ, еще больше укрѣпляются въ бродячей жизни, тянутся къ мѣстамъ вербовокъ и держатся около нихъ всегда на готовѣ: голодные и оборванные, а потому и дешовые, избаловавшіеся на бродяжествѣ и плутняхъ всякаго рода, а потому и негодные для такого дѣла. Если и худъ поселенецъ въ дѣлахъ золотыхъ промысловъ, то на этотъ разъ по пословицѣ— сама себя раба бьетъ, что нечисто жнетъ. Какія были ремесла— золотопромышленность почти совсѣмъ ихъ убила; земледѣліе и скотоводство уменьшилось; народъ развратился и пошолъ въ кабакъ,—говорятъ многіе изъ тѣхъ, кто, любитъ говорить правду. Въ Сибири тайга съумѣла изъ лучшихъ людей изъ образованнаго и болѣе устойчиваго класса создать тотъ несимпатичный типъ, который извѣстенъ тамъ подъ именемъ «таёжнаго волка». Золотая лихорадка успѣваетъ искалѣчить ихъ до того, что весь міръ перестаетъ для нихъ существовать, золото дѣлается богомъ и отыскать новый пріискъ для нихъ задача жизни. Таёжный волкъ ни минуты не задумывается завладѣть чужимъ пріискомъ; пустить по міру благодѣтели у такихъ людей за грѣхъ не считается. Сибирскіе суды переполнены тяжебными дѣлами по такимъ вопіющей несправедливости захватамъ. Штука дѣлается просто, довѣ-

ренные, дѣйствующіе на деньги капиталистовъ, и сами, имѣющіе право на розысканіе золота, найдя пріискъ, заявляютъ его на свое имя. Они берутъ хозяйское жалованье, но въ то же время захватъ считаютъ собственностью и творятъ зло въ разсчотѣ на то, что законъ преслѣдовать ихъ не въ силахъ. Презрѣнный металлъ отнялъ совѣсть у многихъ людей недюжинныхъ, подававшихъ большія надежды. Что мудренаго, если подъ вліяніемъ его уродуется менѣе стойкая натура рабочихъ изъ простаго люда, и тѣмъ болѣе поселенцовъ. Самъ себя рабочій прозвалъ «окоянымъ таёжникомъ» и уже мало обижается, получая въ глаза это бранное прозвище отъ другихъ.

На пріискѣ рабочій смиренъ, переносливъ въ трудѣ, терпѣливъ до нельзя, вездѣ, гдѣ труду его умѣютъ дать надлежащее направленіе. Не тотъ рабочій въ деревнѣ послѣ разсчота, когда онъ прогуливаетъ все, что такъ тяжело ему досталось. Двѣ недѣли онъ совсѣмъ другой человѣкъ и находится въ какомъ-то бѣшенствѣ, какъ будто бѣлая горячка постигла его. Онъ съ твердымъ намѣреніемъ и убѣжденіемъ въ законности своихъ поступковъ, старается истребить все, что есть у него и какъ будто намѣренно заботится о томъ, чтобы изломать и изуродовать свою крѣпкую природу. Если это ему не удастся, онъ опять отправляется въ тайгу «быгать», — какъ говорятъ они сами. Въ первой же деревнѣ по дорогѣ, онъ снова такой же безотвѣтный труженикъ горемыка, какимъ былъ до разсчота. Въ январѣ и февралѣ опять время наемки, опять пьяному даютъ деньги впередъ за «окаянную» работу въ потѣ лица въ теченіи 5-ти мѣсяцовъ въ золотоносной слякоти и болотахъ. Нѣкоторымъ удается принести рублей 200 — 300, которые пропиваются, либо проигрываются засѣдательскимъ же казакамъ и волостнымъ чинамъ. Существующій порядокъ выдачи билетовъ поселенцамъ требуетъ коренной перемѣны, и на этой мысли, не безъ основанія, остановились сибирскія власти.

А между тѣмъ промышленные богатые люди обижаютъ и такихъ поселенцовъ, каковы, напр., якутскіе, заброшенные въ болѣе негостепріимныя страны Сибири. Живутъ они въ юртахъ, или

лучше, въ ямахъ, и роютъ ихъ — по возможности — въ сухой землѣ; но и тогда имъ необходимо поддерживать безпрестанный огонь, чтобы просушивать юрту и просушиваться самимъ. И жилища этихъ осѣдлыхъ людей все-таки похожи на звѣриныя логовища. Устройство немудрое и очень незавидное; на вертикально-утвержденныхъ столбахъ (вилообразныхъ кверху), кладется въ распорки или въ эти вилы поперечный брусъ, отъ котораго до боковъ ямы положены мелкія бревна; бревна покрыты вѣтками ельнику, а сверхъ его обложены дерномъ. Среди юрты — очагъ изъ тонкихъ жердей конусомъ, выходящимъ изъ ямы, обмазанной глиной внутри и снаружи. Тутъ и телята и ребята. Лѣтомъ юрты берестяныя. Скотъ стоитъ на вѣтру: хлѣвовъ во всей Ленѣ нѣтъ и въ заводѣ *). Живетъ поселенный народъ такъ

*) Въ Якутскихъ странахъ, при неблагопріятныхъ условіяхъ сырой мѣстности и діететическихъ правилъ, противъ поселенцовъ существуетъ особый видъ оригинальной болѣзни, однородной кликушеству лѣсныхъ губерній и икотѣ тундрянныхъ сѣверныхъ, обладающей признаками сильнаго нервнаго разстройства. Прокаженные и большею частію испуганные по Ленѣ называются миряками и мирячками. Припадки выражаются обезьяннымъ свойствомъ безотчетнаго подражанія тѣмъ дѣйствіемъ и явленіямъ, которыя нечаянно попадаются на глаза больному во время болѣзненныхъ кризисовъ. Стоитъ крикнуть несущему въ рукахъ вещь «бросай!» — онъ немедленно броситъ. Одна мирячка встрѣтила на мосту въ Якутскѣ спутника, поднявшаго щепку и бросившаго ее на ея глазахъ черезъ перила въ рѣку: больная въ мгновеніе ока вскочила на перила, спрыгнула въ воду и утонула. Такіе же шутники, встрѣченныя больнымъ заставляли поднимать подолы только тѣмъ, что передъ глазами сбрасывали собственныя шапки на землю и тотчасъ ихъ поднимали. Бросали хрупкія и ломкія вещи при видѣ другаго бросившаго что-нибудь, при чемъ предварительно вскрикивали, судорожно икали и рыдали. Одна мирячка, видя ямщика, грѣвшаго надъ угольями руки, не задумалась положить свои на горячія уголья и навѣрное продержала бы до безвозвратнаго антонова огня, если бы во время не сняли. Одинъ поселенецъ ѣхалъ дорогой и видя хворостъ, сложенный кучей, захотѣлъ воспользоваться готовымъ матеріаломъ, чтобы развести огонь, хворостъ занялся огнемъ, но изъ подъ него неожиданно вылезъ человѣкъ, спавшій и укрывшійся имъ отъ мороза и снѣга. Поселенецъ испугался, сталъ мирячить; припадки съ годами усилились. Замѣчено, что лишь только завелась правильная доставка по Ленѣ хлѣба и уничтожился кредитъ сосновой коры — миряковъ стали меньше. Водятся они кое-гдѣ и за Байкаломъ и

бѣдно, что вызываетъ слезы. Во всѣхъ другихъ мѣстахъ Сибири есть съ кѣмъ слово перекинуть и, пожалуй, у своего же брата-поселенца найдти на первый случай и пищу, и пріютъ, и сострадaніе; живутъ тамъ поселенцы въ селеніяхъ. Въ Якутской области совсѣмъ не то: тамъ поселенцовъ въ видахъ развитія хлѣбопашества и распространенія прочнаго хозяйства по обычаямъ осѣдлыхъ людей, селятъ между инородцами. Якуты живутъ разбросанно и больше скотоводы; противъ ссыльныхъ они предубѣждены ещо сильнѣе, чѣмъ сибиряки русскіе. Приходящій сюда ссыльный живетъ, питаясь кислымъ молокомъ съ тарою (древесною корою) и изрѣдка рыбой; работы себѣ не находитъ и, дойдя до мѣста назначенія, беретъ билетъ, чтобы идти въ городъ на заработокъ или на золотые пріиски. Тамъ онъ, если нажилъ плисовыя шаровары, красную рубаху, кунгурскіе сапоги и суконный картузъ — значитъ богатъ сталъ. Если перекинулъ черезъ плечо красную шаль и взялъ гармонику—значитъ веселъ и счастливъ, а если пляшетъ около кабака — стало быть денегъ нѣтъ, всѣ пропилъ. Бѣжитъ онъ отсюда рѣже, но за то и якутовъ хозяйству не выучилъ и ещо больше возстановляетъ дикаря противъ себя и противъ будущихъ товарищей, потому что лѣнивъ и ничего дѣлать не хочетъ: двора якуту-хозяину не почиститъ, дровъ не нарубитъ, за скотомъ не присмотритъ...

Впрочемъ, въ Якутской области есть и богатые поселенцы и изворотливые люди. Это — переселенные изъ Туруханскаго края (съ Енисея на Лену) скопцы, человѣкъ до 500, поселенные верстахъ въ 15-ти отъ Якутска около Олекмы и по рѣкѣ Алдану. Эти не гибнутъ, потому что принесли съ собой деньги, и потому, что знаютъ секретъ и искуство торгашества; но за то они и безполезны, и ссылка относительно скопцовъ, стремясь къ одной

называется тамъ *Олганджи*. Это—тѣ же великорусскіе дурачки, кажанники, юродивые, (съ монгольскаго пугливый, боязливый; а мирякъ съ Якутскаго собственно имерехъ, имеряхъ — вздрагивать, бѣсноваться). Кромѣ естественныхъ причинъ и главной испуга, болѣзнь появляется отъ шалости, состоящей въ подражаніи больнымъ олганджамъ, а потомъ отъ злоупотребленія половыми удовольствіями и онанизмомъ.

только цѣли наказанія, не достигаетъ никакой. Эти зябкіе и дряблые, слабодушные и хитрые люди—на столько отчаянные фаталисты, что съ твердостію и стойкостію и безъ ропота покоряются своей участи и не сознаютъ разницы ни между Аландскими островами и Закавказьемъ, ни между Туруханскимъ краемъ и Якутскимъ. Ссылка въ Сибирь для нихъ имѣетъ ещо тотъ религіозно-мистическій смыслъ, что Сибирь для нихъ обѣтованная земля, а Иркутскъ — Іерусалимъ, ибо сюда былъ сосланъ ихъ живой богъ, Кондратій Селивановъ. Оттуда, съ Иркутской горы, придетъ онъ, батюшка живой богъ, чтобы соединиться съ дѣтками своими. «Они ждутъ его всяко времячко, по суду — глаголу небесному, обогрѣть сердца ихъ нутрении». Пришествіе это они вымаливаютъ и выпрашиваютъ на своихъ радѣніяхъ, а между тѣмъ въ ожиданіи наколачиваютъ копѣйку въ Туруханскомъ краю на Енисеѣ извозомъ, да и на рѣкахъ Охотскаго края (Алдаѣ и Маѣ), куда переселяютъ ихъ теперь (съ весны 1860 года) они грошa своего не теряютъ, но для края ничего не дѣлаютъ. Географическое перемѣщеніе могло только ещо болѣе ожесточить ихъ противъ остальныхъ людей. Извѣстно, что они на помощь погибавшимъ въ мятеляхъ и снѣжныхъ пустыняхъ Туруханскаго края никогда не являлись; тѣмъ извѣстны были всѣмъ старожиламъ. Большая часть этихъ скопцовъ были изъ лютеранъ-чухонъ, сосланныхъ изъ Петербургской губерніи. Но въ томъ же Туруханскомъ краю, вдоль того же Енисея, двумя селеніями (Мирный и Искунъ) поселены были духоборцы и жили богато. Эти въ другомъ мѣстѣ могли-бы принести большую пользу, какъ это доказываютъ молокане, поселенные на Амурѣ.

Вообще ссыльные, судя по природѣ и по благопріобрѣтенному досужеству, кладутъ на картину поселенческаго быта своеобразные и новые оттѣнки. Если въ Якутской области высылаемыя въ порядкѣ административномъ лица, исключенныя изъ духовнаго званія, съумѣли сдѣлать изъ Киренска и Якутска города, извѣстные своими кляузами и ябедами въ цѣлой Сибири, но все-таки несутъ бѣдственную участь, за то кладутъ на ссылку не менѣе яркія краски, но живутъ—не бѣдствуютъ. Мѣста, гдѣ скучили татаръ, славятся

конокрадствомъ; гдѣ поселились евреи, — тамъ коммерческая суетня и толкотня. Въ Сибири также думали-было превратить евреевъ въ хлѣбопашцовъ; но и здѣсь, какъ въ западной Россіи, народъ этотъ съумѣлъ разбить всякія надежды и остался при своихъ качествахъ. Изъ города Каинска евреи успѣли сдѣлать такой же городъ, какихъ неисчислимое множество во всемъ западномъ краѣ Россіи, и Каинскъ сибиряки справедливо прозвали «жидовскимъ Іерусалимомъ» (евреи составляютъ $^4/_5$ части всего городскаго населенія). Изъ городка, не имѣющаго никакого промышленнаго и торговаго движенія и, какъ всѣ города Сибири, вообще углубленнаго въ себя и мертвенно молчаливаго, евреи сдѣлали крикливой, живой и торговой. На площадкѣ приладился рынокъ, выросли какъ грибы, лавчонки, въ лавчонкахъ засѣли еврейки; евреи, сбиваясь въ многообразныя и многочисленныя кучки машутъ руками; бѣгая по улицамъ, машутъ фалдами длиннополыхъ казинетовыхъ сюртуковъ своихъ и пейсами, которые здѣсь, въ Сибири, они таки-отстояли. Словомъ, въ Каинскѣ все, какъ въ любомъ изъ городовъ и мѣстечекъ Бѣлоруссіи: удивляешься тому, съ кѣмъ торгуютъ грудами тряпья и всякой рвани еврейки, но евреи добились до того, что въ Каинскѣ теперь одно изъ главныхъ мѣстъ склада всего пушнаго товара (особенно бѣличьихъ хвостовъ), отправляемаго за границу, на Лейпцигскую ярмарку. Потому-то на такой несчастной и убогой городокъ съ 700-ми жителей насчитывается до 70 купцовъ: на десять мѣщанъ русскихъ одинъ еврей маклачитъ коммиссіонерствомъ, факторствомъ по закупкѣ мѣховъ, и въ вознагражденіе за хлопоты получаетъ всякую разнокалиберную мелочь-галантерею. Съ нею онъ таскается потомъ, въ урѣчонное время, по торжкамъ и ярмаркамъ, по селамъ, городамъ и деревнямъ Западной Сибири. Но такъ какъ въ Каинскѣ вмѣстѣ съ евреями поселены и цыгане, т. е. худшее изъ худшихъ, то полиціи бываетъ довольно работы доходить до правды въ плутовской путаницѣ этихъ народовъ.

Въ восточной Сибири евреи устраиваютъ такой-же кипучій оборотливой городокъ въ Баргузинѣ, и тамъ еврей не линяетъ и не затеривается: придетъ на каторгу по канату нищъ какъ Іовъ,

босъ и оборванъ: мѣсяца черезъ три-четыре, при своей юркости, втерся въ урочные работники: дровосѣки, рудовозы, взялъ годовой урокъ, нанялъ за себя охотниковъ изъ заводскихъ крестьянъ, кончилъ ихъ руками и своей суетней годовой урокъ этотъ въ недѣлю: сдѣлался по закону на весь годъ свободнымъ. Смотрятъ: у жида уже появился на рукахъ изъ вѣковъ возлюбленный имъ инструментъ-коробочка, на которомъ онъ и играетъ умѣлыми руками до того, что коробочка превращается въ коробку, коробка въ лавчонку и лавку,—и прежній совсѣмъ истрепанный еврей только въ грязнаго, но уже въ торговца, умѣющаго ублаготворять мыломъ, табакомъ, желѣзомъ, чаемъ, омулями; мыло варитъ самъ понемножку, свѣчи льетъ, папиросы крутитъ. На омуляхъ онъ обсчиталъ, желѣзо у него ворованное изъ казны, чай онъ держитъ только контрабандной: онъ и самъ пришолъ сюда «за тайный ввозъ заграничныхъ товаровъ». Тѣмъ не менѣе, гдѣ зашевелились евреи, тамъ мелочная торговля процвѣтаетъ: еврей дѣлается образцомъ и примѣромъ для неподвижнаго сибиряка-горожанина, которому есть чѣмъ отъ него поучиться. Для Сибири еврей пригоденъ и полезенъ; въ Сибири для нихъ—широкое поле вмѣсто того, на которомъ они живутъ теперь и гдѣ такъ надоѣли всѣмъ туземцамъ. Если не мало возни съ ними въ Сибири по поводу участія въ перепродажѣ хищническаго золота и въ продажѣ заграничныхъ европейскихъ контрабандныхъ товаровъ, то — по пословицѣ — на то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ. Евреи сплочиваются въ ассоціаціи, чтобы ссылка не могла нарушить единства и, черезъ живую и непрерывную сѣть изъ ловкихъ евреевъ черезъ города сибирскіе, не обрывалась связь Нерчинска съ Вержболовымъ, Радзивиловымъ и Лейпцигомъ, и напримѣръ, каинскіе евреи, принадлежащіе къ ассоціаціи «Новаго Іерусалима», не утрачивали симпатіи и связей съ сотоварищами, живущими въ Минскѣ *). Впрочемъ съ евреемъ въ Сибири, по дѣламъ золотымъ и чайнымъ и

*) Недавно (пять лѣтъ назадъ) въ Минскъ дано было знать каинской полиціей, что тамошніе евреи послали слитокъ золота, но что этотъ слитокъ краденый.

по ихъ тайному ввозу и торговлѣ, съ успѣхомъ соперничаютъ туземные казаки и русскіе поселенцы. Но за то, гдѣ бы ни открылась золотая розсыпь и ни начались работы на ней — евреи-торговцы не медлятъ отправиться туда на-границу дозволенной законами дистанціи съ ситцами, плисомъ, платками, пуговками и иголками, съ винами и водкой, чтобы съ достоинствомъ и выгодою принять на свое попеченіе жолтую пшеничку или краденой золотой песокъ. И если попадаются евреи на каторгу, приходятъ туда за убійство, то злодѣи эти бываютъ настоящіе и на каторгѣ остаются непримиримыми. Евреи злодѣи (по свидѣтельству заводскихъ начальствъ) совершенно неисправимы, въ родѣ знаменитаго забайкальскаго героя Хаима Аврумова Вульева, котораго мы видѣли и знали сами (объ немъ см. во 2 томѣ).

Относительно перевоспитанія еврея въ сибиряка замѣчено, что торговая изворотливость, давая возможность пріобрѣтенія небольшихъ капиталовъ и обезпеченія добраго быта (который для сибиряковъ евреевъ можно назвать повсемѣстнымъ), торговля, требующая ежечасныхъ сношеній—значительно пособила евреямъ обезличить собственную національность. Евреи въ Сибири одѣваются по русски, женщины ни въ чомъ не отличаются отъ сибирскихъ мѣщанокъ. По костюму, въ средѣ мѣстнаго населенія, они не представляютъ особенной группы. Только физіономія обособляетъ ихъ. Старики говорятъ по еврейски, по польски и по русски; поколѣніе, народившееся въ Сибири, не знаетъ польскаго и довольно сильно въ русскомъ. Третье поколѣніе забываетъ и еврейскій языкъ и даже дома со своими непремѣнно говоритъ по русски. Прежде изъ боязни кнута и всегда изъ интересовъ денежныхъ евреи принимали православіе, хотя и уберегали въ сердцѣ любовь къ талмуду. Дѣти неофитовъ еще носили еврейскія имена, но для свѣта имѣли уже русскія. Обычаями отцовской вѣры таковые охотно пренебрегаютъ и зло подсмѣиваются надъ ними. Въ четвертомъ, третьемъ поколѣніи неофиты всѣ слѣды еврейства совершенно сглаживаютъ по тому же способу, какъ и въ дѣтяхъ перекрестей солдатъ. Мѣры, принятыя законодательствомъ для сибирскихъ евреевъ, принявшихъ христіанство и состоящія въ ослабленіи 8-ми-лѣтняго срока пребыванія въ цѣхѣ слугъ до четы-

рехъ лѣтъ, не произвели на евреевъ, поселившихся въ городахъ, благотворнаго дѣйствія, относительно ихъ водворенія, но произвели его въ томъ отношеніи, что евреи спѣшили креститься. Крещоные не уживались у хозяевъ и вызвали новую мѣру, по силѣ которой всѣ таковые названы виновными въ развратномъ и непослушномъ поведеніи; остававшіеся безъ пристанища должны быть отправляемы на поселеніе.

Судя по архивнымъ дѣламъ и по наблюденіямъ старожиловъ и начальства, ссыльные изъ инородцовъ финскаго племени, отличающіеся угрюмымъ характеромъ и крайнею неспособностію (въ особенности сосланные изъ Финляндіи), замѣчательны тѣмъ, что безропотно покоряются своей участи, какъ бы она ни была тяжела, и съ мѣстъ водворенія никогда не бѣгутъ. За то инородцы болѣе жгучей крови и болѣе живаго темперамента (каковы, напр., кавказскіе горцы) признаютъ волю судьбы только до тѣхъ поръ, пока не истекъ каторжный срокъ. Но лишь только сняли съ нихъ кандалы, приливъ тоски по родинѣ становится такъ силенъ, что южные инородцы бѣгутъ тотчасъ же. На сколько прочны и усидчивы на мѣстахъ поселенія рыжіе и бѣлокурые люди съ сѣвера, на столько мало охотятся въ поселенцы чорноволосые и статные бѣгуны съ южныхъ горъ *). Кочевниковъ (въ родѣ киргизъ, калмыковъ и татаръ) никакія силы не удерживаютъ на осѣдлыхъ поселеніяхъ, и стремленіе въ степь, на свою волю, у нихъ едва ли не сильнѣе горской тоски. Поселенцы изъ поляковъ, по множеству крупныхъ архивныхъ дѣлъ, часто замѣшиваются въ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій, приготовленіе которыхъ всегда оправдываютъ тѣмъ, что намѣревались возвратиться на родину и помочь въ той же цѣли остальнымъ товарищамъ своимъ **). Въ намѣреніи къ побѣгу шляхтичи и дворяне западныхъ

*) Исключая армянъ, которые, подобно евреямъ, спѣшатъ укрѣпить себя къ Сибири посредствомъ коммерческихъ путъ, и разносную офенскую торговлю предпочитаютъ сидячей; но указъ 1829 года (26 декабря) остановилъ ихъ дѣятельность въ предѣлахъ той губерніи, въ которой они поселены.

**) Въ 1839 г. затѣя эта произведена была въ обширныхъ размѣрахъ, и

губерній и Царства Польскаго не останавливаются ни передъ какими препятствіями: бѣгутъ, напримѣръ, за китайскую границу, самую опасную и ненадежную, но убѣгаютъ и въ Европу по сѣвернымъ тундрамъ, черезъ Швецію и Норвегію, а большая часть, заурядъ со всѣми, попадаетъ въ опасное положеніе искателей приключеній, во главѣ которыхъ стоитъ знаменитый своими похожденіями охотскій герой Беньовскій, убитый въ Африкѣ, на островѣ Мадагаскарѣ (см. въ 3 томѣ).

Русскіе раскольники отличаются на мѣстахъ поселеній стремленіемъ къ пропагандѣ своего ученія (и не безъ примѣтнаго успѣха, блестящаго въ старыя времена, замѣчательнаго и въ новѣйшія). Даже и скопцы уловляли въ свои сѣти (судя по архивнымъ дѣламъ нерчинскихъ заводовъ), и молокане и духоборцы находили себѣ слушателей и послѣдователей даже между такими извѣрившимися и холодными людьми, каковы наши каторжные. Такъ, по одному архивному дѣлу, намъ извѣстно, что нѣкоторые изъ каторжныхъ «не шли къ священнику, говоря, что они дѣламъ рукъ человѣческихъ не поклоняются и присяги учинить не хотятъ; работы же, какія по службѣ съ нихъ требованы будутъ, исполнять не отрекаются и что они присягу имѣютъ внутреннюю, а дѣлами рукъ человѣческихъ называтъ св. Евангеліе и Животворящій Крестъ, что они дѣланы руками». По другому дѣлу видно, что нѣкто Ярошенко совратилъ многихъ служителей и ссыльныхъ, «пользуясь Библіею—книгою, дозволенною для чтенія ссыльныхъ». Одинъ изъ уклонившихся служителей Кухтинъ, когда тамошнія духовныя власти позвали его для увѣщанія, простеръ свою дерзость до того, что, не уважая святости мѣста, прошолъ по паперти собора, не снимая съ головы шапки и съ рукъ рукавицъ. Въ томъ же самомъ видѣ явился и въ присутствіе духовнаго правленія передъ зерцало. На спросъ священника—почему онъ такъ поступаетъ?—отвѣчалъ: «что это есть писанное руками человѣка, а потому и не хочу снять предъ нимъ шапки и рукавицъ». Этого Кухтина судили военнымъ судомъ и велѣли прогнать два раза черезъ 500 человѣкъ *).

породила большое дѣло, хранящееся въ архивѣ Нерчинскаго горнаго правленія (см. въ 3 томѣ).

*) Въ пользу молоканства и духоборчества замѣтна между вообще холод-

Рьяные изъ старобрядцовъ, приверженцовъ до-никоновскихъ книгъ и обычаевъ, подцвѣтили исторію ссылки весьма нерѣдкими случаями крайняго отшельничества, начинавшагося исканіемъ одиночества и сосредоточеннаго созерцанія гдѣ-нибудь въ пещерѣ лѣсной и кончавшагося въ нерѣдкихъ случаяхъ собираніемъ маленькой слободки. Указанный нами примѣръ Гурія Васильева — въ Сибири не послѣдній. Политическихъ и религіозныхъ убѣжденій ссылка не мѣняетъ; образъ поселенія и пріемы, при этомъ употребляемые, не мѣшаютъ оставаться при томъ же, что̀ принесено въ запасахъ изъ Россіи. Каторга на-время тушитъ огонь, но пепелъ скопляется; впослѣдствіи, на поселеніи, огонь опять разгорается, а тушить его тамъ не умѣютъ.

ными къ вѣрѣ ссыльными большая симпатія. На этихъ примѣрахъ дѣло не остановилось, а шло дальше. Нѣкто Кудрявцевъ подвелъ подъ судъ еще 8 человѣкъ служителей, судъ обратилъ ихъ всѣхъ въ солдаты; служителя Суходолина сослали въ Туруханскъ и велѣли поселить между некрещоными инородцами, какъ негоднаго къ службѣ по лѣтамъ (41 годъ). Одинъ изъ обращонныхъ въ молоканство ссыльныхъ (Нероновъ) оторвалъ иконы въ небытность никого въ церкви и бросилъ ихъ на полъ; вошедшему дьякону говорилъ: «вотъ ваши боги идолы, которые я побросалъ, поди, молись и, если они святые, то пусть встанутъ». На судѣ показалъ, что все это говорилъ въ здравомъ разсудкѣ. Наказаніе не вразумило: нерчинскому начальству удалось уличить ещо новыхъ совращонныхъ, изъ которыхъ одинъ расколотую на-двое икону носилъ въ сапогахъ подъ пятою. И—снова судили одного, увѣрявшаго, что «въ церкви нѣтъ надобности». Духоборцовъ начали ссылать въ Сибирь вскорѣ послѣ того, какъ эта секта сдѣлалась извѣстна властямъ. Въ 1799 году состоялся указъ, повелѣвающій ссылать въ вѣчную каторжную работу изобличонныхъ въ духоборческой ереси, отвергающихъ высшую власть на землѣ». Въ 1805 г. участь сосланныхъ была облегчена, въ одно время съ облегченіемъ таковой участи духоборцовъ, находившихся въ Россіи. «Духоборцамъ, сосланнымъ въ Сибирь, предоставлены были тѣже права, которые даны поселеннымъ на Молочныхъ Водахъ (Мелитопольскаго уѣзда Таврической губ.), но не возвращая ихъ изъ Сибири въ Россію! До 1847 года всѣхъ сектаторовъ ссылали между прочимъ и въ Минусинской округъ, но по донесеніи сенатора Толстаго о томъ, что этотъ округъ лучшій во всей Восточной Сибири и притомъ пограничный съ китайскимъ государствомъ, постановили (указомъ 18 апрѣля) ссылать скопцовъ въ Туруханской край, а послѣдователей всѣхъ прочихъ сектъ въ Якутскую область.

Въ архивѣ Нерчинскаго Большаго завода сохранился разсказъ о приключеніяхъ 20-ти старообрядцовъ изъ уральскихъ казаковъ, сосланныхъ въ 1809 году на Нерчинскіе заводы. Казаки упорно не соглашались получать казенное довольствіе и находиться въ казенныхъ работахъ. Нѣкоторые изъ нихъ довели себя такимъ образомъ до крайней нищеты и, отказываясь отъ казеннаго пайка, предпочитали питаться милостыней. Принятыя противъ этого строгія мѣры были не дѣйствительны. Сибирскій губернаторъ велѣлъ, при всякомъ случаѣ упорства, давать имъ по десяти ударовъ кнутомъ, но казаки все-таки продолжали говорить свое: «Мы требуемъ Государя Императора именного повелѣнія, почему мы безвинно посланы, но оное намъ не показываютъ; ваша воля, что хотите надъ нашими тѣлами, то и дѣлайте, однакожъ работать не будемъ до конца жизни». Одинъ, истощенный голодомъ и «принеся съ собою малое количество хлѣба», приговаривалъ: «будучи сосланъ невинно, непремѣнное имѣю намѣреніе, хотя и лишиться жизни, но въ работѣ не быть». Одного изъ казаковъ (Якова Краснятова) за таковое упорство успѣли уже два раза наказать плетьми и два раза выбить кнутомъ; послѣдній разъ съ вырѣзаніемъ ноздрей *) и постановленіемъ знаковъ. Точно также четыре раза наказанъ былъ другой казакъ (Данило Лифановъ), а пятеро по два раза. Нѣкоторые подчинились, другіе упорствовали; не зная, что съ ними дѣлать, остановились на той мѣрѣ, чтобы выдавать имъ провіантъ въ ограниченной дачѣ, достаточной только для поддержанія жизни, и учрежденъ былъ строжайшій надзоръ за тѣмъ, чтобы казаки ни отъ кого со стороны не получали. Успѣха не было: казаки продолжали стоять на своемъ (какъ доносила Нерчинская горная экспедиція иркутскому гражданскому губернатору). Чѣмъ кончилось все это дѣло—по дѣламъ архива не видно.

Случаи невинно сосланныхъ, и гласно признанныхъ таковыми, конечно, большая рѣдкость въ сравненіи со всею массою осужден-

---

*) Рвали ноздри до костей особыми щипцами. На Нерчинскомъ заводѣ разъ щипцы эти оказались узки и коротки: палачъ только съ трехъ пріемовъ могъ кончить операцію. Старые щипцы велѣно замѣнить новыми и указано кое-какъ не бросать, а прятать.

ныхъ, и мы не входимъ въ разборъ этого темнаго вопроса за неимѣніемъ данныхъ. Данные же тщательно скрываются, какъ особенный и величайшій секретъ. Кое-что однако извѣстно. Сперанскій нашолъ въ Томскѣ поручика Козлинскаго, который, лечась отъ ранъ или болѣзни въ Перми, вдругъ былъ схваченъ и препровожденъ въ ссылку. Другого сослалъ подъячій изъ какой-то Шенгурской губерніи; нѣкую Кристину Яковлеву гнали уже въ ссылку за рижскую урожденку Редоко-Янъ. Н. О. Лаба, ревизовавшій забайкальскія поселенія въ началѣ нынѣшняго столѣтія нашолъ между прочимъ такой безпорядокъ: Иркутскій нижній земской судъ заслалъ назначенныхъ на поселеніе въ Нерчинскіе заводы на каторгу. Между прочими изъ таковыхъ показана «жонка Настасья Фалѣева въ 1802 году изъ дворянокъ въ замужествѣ была за поручикомъ Измайловскаго полка Кашниковымъ и, по смерти мужа, принята была Новогорода въ Духовъ монастырь бѣлицею и за самовольную отлучку изъ онаго на ночь въ гости, по гнѣву игумены того монастыря, отправлена въ здѣшные заводы безъ наказанія». Лѣтъ 20 тому назадъ совершено было какое-то важное преступленіе. Виновныхъ не нашли: по однимъ слухамъ они задобрили слѣдователя, по другимъ не отысканы по бездарности слѣдователей. Виновныхъ велѣно было разыскать во что бы то ни стало. Усердіе, возбужденное приказаніемъ, выразилось въ томъ, что схватили, судили, выбили кнутомъ и сослали въ Сибирь первыхъ встрѣчныхъ. Впослѣдствіи обнаружились настоящіе преступники: невинно-сосланныхъ возвратили; тѣмъ, которые остались въ живыхъ, выдали за каждый ударъ кнута по сколько-то рублей; умершіе же такъ и отошли не разсчитанными. Извѣстенъ лейтенантъ Борисовъ, сосланный за разбитіе датскаго корвета якоремъ и за мужеложство, по протекціи прощенный потомъ, онъ однако не возвратился, говоря: «законъ прислалъ въ Иркутскъ меня, за чѣмъ стану возвращаться въ другой какой-либо городъ. Въ Красноярскѣ въ кабакѣ убитъ былъ сидѣлецъ; его подносчикъ мальчикъ въ ту ночь не ночевалъ дома. Его заподозрили; онъ указалъ на домъ дяди, какъ на мѣсто своего ночлега. Справка не подтвердила показанія. Его били кнутомъ и переплавляли чрезъ Енисей: онъ обернулся къ городу и выкричалъ клятву, что ни въ чомъ не повиненъ. Прошло довольно времени: въ

Красноярскѣ поймали бродягъ поджигателей; двое показали на себя убійство цѣловальника. Подносчика простили, вернули, стали спрашивать, послѣ разсчота по пяти руб. асс. за каждой напрасной ударъ кнутомъ и узнали, что подносчикъ не указывалъ ночлега потому, что ночлегъ этотъ былъ въ домѣ купеческой дочки, на которую не указывалъ онъ, не желая ее срамить. Въ Оренбургѣ извѣстенъ былъ такой случай противуположнаго характера: всѣмъ извѣстенъ былъ, у всѣхъ былъ на почотѣ богатый купецъ, приговоренный въ каторгу и пославшій туда вмѣсто себя другого. Въ Онегѣ мы лично знали другаго, считавшагося умершимъ. Въ Тобольскѣ живъ въ памяти случай въѣзда въ тюремныя ворота, за партіей ссыльныхъ кареты и въ статейныхъ спискахъ указаніе на княгиню, ссылаемую за дѣтоубійство: изъ кареты вышла на перекличку самая отчаянная неуклюжая баба. Княгиня говорятъ стала жить въ изгнаніи, но въ Швейцаріи.

Довольно извѣстна исторія одного такъ называемаго «Странника». 28 августа 1835 года, въ Твери взятъ былъ полиціею неизвѣстный человѣкъ, имѣвшій видъ богомольца. На вопросы онъ не отвѣчалъ ни слова, а только послѣ многихъ настояній, рѣшился объявить, что три года назадъ получилъ благословеніе отъ родителей на страническую жизнь и вотъ съ тѣхъ поръ ходитъ онъ по разнымъ мѣстамъ для богомолья. Когда потребовали отъ него рукоприкладства,— онъ такого дать не согласился и заявилъ, что далъ обѣтъ Богу никому не открывать своей родины, имени и отчества, и потому отвѣчать будетъ только Богу, а не присутствію полиціи и уѣзднаго суда. Сенатъ, признавъ странника бродягою, умышленно скрывающимъ свое имя, происхожденіе и вѣдомство, опредѣлилъ наказать его, на точномъ основаніи 242, 243 и 399 ст. XV т. Св. Угол. Зак., при полиціи плетьми 30-ю ударами и потомъ сослать въ Сибирь на поселеніе. Приговоръ этотъ приведенъ въ исполненіе 12 марта 1836 года. Странникъ безмолвный безропотно и безотвѣтно перенесъ наказаніе и былъ водворенъ на жительство въ Енисейской губерніи, Ачинскаго уѣзда.

Восемнадцать лѣтъ прожилъ онъ тамъ забытымъ, хладнокровно перенося незаслуженное имъ наказаніе и именуя себя странствующимъ въ мірѣ, ищущимъ не здѣ предлежащаго града, но взыскующій грядy-

щаго во всякомъ случаѣ не ближе горняго Іерусалима. Теперь ему, изгнанному правды ради и царство небесное не далече отстоитъ; какъ будто и дорога стала легче и пріятнѣе, по крайней мѣрѣ вмѣсто тумана впереди, всталъ просвѣтъ, явилась надежда увидѣть то, чего ищетъ. Онъ по приходѣ на мѣсто поселенія такъ и назвалъ себя «Странникомъ», также не объявляя ни имени, ни отчества. Но такъ какъ, по понятію волостнаго правленія, безъ имени и овца баранъ, то поприслушавшись ко мнѣнію сосѣдей, назвали его такъ, какъ назвали его эти сосѣди: Иваномъ Захаровымъ Спасовымъ, во имя пророка Іоанна Крестителя сына Захаріина. Странникъ прозвищу такому не противорѣчилъ; жилъ, молясь этому угоднику и стараясь подражать его страннической и постнической жизни. Нѣкоторыя искушенія однако показались ему не подъ силу: онъ долго боролся, боролся семь лѣтъ, но духъ не выдержалъ,—терпѣніе его истощилось и онъ рѣшился открыть мѣсто своего пребыванія родной сестрѣ своей, коллежской ассесоршѣ В., которая не замедлила подать прошеніе московскому гражданскому губернатору въ февралѣ 1854. Изъ прошенія этого видно, что Странникъ—бывшій подпоручикъ А. 2-го егерскаго полка, гдѣ занималъ должность квартирмейстера, казначея и адъютанта. Выйдя въ отставку въ 1824 г, двадцати лѣтъ, проживалъ при родителяхъ въ имѣніяхъ серпуховскаго и мценскаго уѣздовъ. Онъ былъ довольно образованъ, и зналъ хорошо языки нѣмецкій и французскій. Возъимѣвъ твердое намѣреніе оставить свѣтъ для странствій, пошолъ по монастырямъ и другимъ св. мѣстамъ Россіи. Странствуя въ 1832 и 1833 году, онъ былъ уже на пути въ Іерусалимъ, но безмолствуя, въ г. Кишиневѣ навлекъ на себя подозрѣніе, былъ задержанъ. Однако губернатору Аверину могъ ещо представить указъ объ отставкѣ и согласился написать адресъ родителей. Его препроводили во Мценскъ. Здѣшняя полиція немедленно освободила его, но почему-то сочла нужнымъ удержать нѣкоторыя изъ его бумагъ. Онъ вновь отправился странствовать уже безъ нихъ; въ 1835 г. зашолъ на моленіе въ Твери въ соборъ. Отсюда, какъ странникъ, былъ приглашонъ купцомъ Кудлеровымъ въ его домъ пообѣдать. Придя туда, продолжалъ безмолствовать, чѣмъ разсердилъ купца и Кудлеровъ не замедлилъ представить его въ полицію. Отсюда

начались тѣ преслѣдованія, о прекращеніи которыхъ просила сестра. Московскій губернаторъ отнесся къ тверскому: тверское губернское правленіе, въ ноябрѣ 1855 г. черезъ ужурское волостное правленіе отобрало показаніе отъ Ивана Захарьина Спасова; вытребовало документы изъ мценскаго земскаго суда; копію съ формуляра изъ инспекторскаго департамента военнаго министерства, отъ губернскихъ предводителей дворянства Московской и Орловской губерній свѣденія о родѣ дворянъ А., отъ сестры его черезъ Серпуховскаго городничаго подробныя свѣденія о братѣ; 17 опытныхъ чиновниковъ сличили почеркъ руки А, по письмамъ отъ 1822 года съ почеркомъ на показаніи, данномъ въ Ужурской волости въ 1854 г. Получены были вполнѣ удовлетворительны свѣденія изо-всѣхъ этихъ мѣстъ и отъ всѣхъ затронутыхъ лицъ. Дѣло въ апрѣлѣ 1856 года поступило въ Сенатъ; въ февралѣ 1859 г. Сенатъ рѣшилъ: отставному подпоручику А., находившемуся подъ именемъ Ивана Захарова Спасова въ Енисейской губерніи предоставить возвратиться изъ Сибири. Но—по выраженію законодательницы Екатерины—лучше десять виновныхъ простить, чѣмъ одного невиннаго наказать. При современныхъ гласныхъ и открытыхъ судахъ такихъ крупныхъ несчастій случаться не можетъ и нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что и сами ссыльные перестанутъ прибѣгать къ извѣстнымъ проповѣдямъ о томъ, что они совершенно понапрасну сосланы *).

Но въ Сибири и въ настоящее время ссыльные еще продолжаютъ производить такого рода операціи: осужденные на поселеніе мѣняются именами съ каторжными, за какое-нибудь ничтожное вознагражденіе. Настоящій каторжный остается на поселеніи, настоящій поселенецъ, по прибытіи на чужое мѣсто, открываетъ свое званіе. Точно также и поселенцы мѣнялись именами и прозвищами между собою, когда одному приходилось идти не туда, куда было сподручнѣе, а другому беззавѣтному бродягѣ, куда ни идти было все равно.

---

*) Между тѣмъ Тобольскій приказъ въ партіяхъ, приходящихъ изъ Россіи на поселеніе, находитъ очень нерѣдко рѣшительныхъ дураковъ, идіотовъ, и не получаетъ никакихъ данныхъ на то, что люди эти стали таковыми въ тюрьмахъ подсудимыхъ или въ этапахъ и тюрьмахъ пересыльныхъ.

Постановили: всякаго ссыльнаго, давшаго на прокатъ свое имя каторжному, оставлять въ каторжной работѣ пять лѣтъ, а каторжному, по наказанію на мѣстѣ ста ударами лозъ, прибавлять ещо пять лѣтъ сверхъ срочныхъ. Обмѣнявшихся между собою именами поселенцовъ указано назначать на два года въ которжныя заводскія работы. Относительно перемѣны именъ и происходящей оттого путаницы, разсказы сибирскіе безчисленны. Что же касается до того, что весьма многіе поселенцы и каторжные и безъ перемѣны именъ въ былую недавную пору попадали туда, куда имъ было сподручнѣе и желательнѣе, то это — тоже не секретъ. Прежде въ приказъ Тобольской (въ особенности въ первое время его существованія) откомандировали для занятій тѣхъ же грамотныхъ каторжныхъ и за цѣлый мѣсяцъ усидчиваго писанья отдѣлывались гривной, двумя. За ту же гривну этотъ писарь съ удовольствіемъ отчислялъ собратьевъ туда, куда они просятся: какого-нибудь тюменскаго купца, угодившаго въ каторгу, писалъ на успенскій винокуренной заводъ, находящійся въ Тюменскомъ округѣ, и проч. Въ 1861 г. шолъ на заводы Енис. губ. каторжный изъ бродягъ Черниковъ. Дорогою переговорилъ онъ съ поселенцомъ Ѳедоровымъ шедшимъ на золотые пріиски Рязановыхъ, сталось такъ, что Черниковъ очутился на пріискахъ; а Ѳедоровъ на каторгѣ. Каторжникъ въ поселенческомъ званіи на работѣ не былъ; очень тяжело стало, сказался своимъ званіемъ. И подобнаго рода слухами сибирская земля полнится.

Съумѣли ли размѣщать ссыльныхъ поселенцовъ такъ, чтобы лѣсной житель не попадалъ въ степь (и на оборотъ) и, спутанный такою независящею отъ него ошибкою, уходилъ въ лѣсъ съ волчьимъ паспортомъ по чужой винѣ? Изучилъ ли Приказъ ввѣренную его дозору и попеченію Сибирь, чтобы знать, гдѣ ей надобятся больше всего люди такихъ-то знаній, такого-то ремесла? Сомнѣнія нѣтъ въ томъ, что цѣль распоряженій Приказа меньше всего карательная, и значеніе поселеній, столь существенно важныхъ для Сибири въ другихъ случаяхъ, должно пониматься такъ, какъ желаетъ Сибирь и указываютъ различными способами сами ссыльные поселенцы. Сколько ушло въ Сибирь всякаго рода ремесленниковъ и нерѣдко мастеровъ замѣ-

чательныхъ: Приказъ знаетъ, по фальшивымъ монетамъ, бумажкамъ и печатямъ, какіе искусные граверы попадаютъ въ число ссыльныхъ и часто въ тѣ мѣста, гдѣ и безъ нихъ этому промыслу дано нѣкоторое развитіе. Мы видѣли въ цифрѣ, составляемой самимъ Приказомъ, какъ много поставлено имъ ремесленниковъ на Тобольскую губ., находящуюся въ этомъ отношеніи гораздо въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ наприм. Томская; ибо Тобольская ближе къ Россіи и ее захватываетъ огромная дуга отхожихъ промысловъ, издавна и до нашего времени направляющихъ сюда свою дѣятельность изъ лѣсной Россіи (напр. губ. Костромской, Ярославской, Вятской и даже Тверской). И если ссыльный боится сказать за собой ремесло и художество, изъ собственныхъ расчотовъ; если самъ Приказъ не достаточно опытенъ, чтобы самому открывать секреты знаній, каждаго изъ ссыльныхъ; если онъ удовлетворялся такими глухими показаніями въ статейныхъ спискахъ, что въ такой-то къ такому-то сословію принадлежалъ (и только) и имѣетъ такія-то примѣты (по которымъ ни одного не отличишь отъ другого)—то кто виноватъ во всѣхъ этихъ неясностяхъ, невѣрностяхъ, неточностяхъ и путаницахъ? Сибирь ощущаетъ сильнѣйшій недостатокъ въ опытныхъ рабочихъ и, напр., въ дѣлѣ плотничества руководится мастерами изъ солдатъ и приходящими изъ далекой Россіи (какова, между прочими, Костромская губ.). Ремесленниковъ вовсе нѣтъ и крестьяне самыя необходимыя вещи въ хозяйствѣ, не выучившись приготовлять дома, покупаютъ готовыми. Изъ Кунгура привозятъ сапоги; съ Нижегородской и Ирбитской ярмарокъ готовое платье въ видѣ армяковъ и тѣхъ же сибирокъ; модное платье — изъ Москвы; сибирскіе мѣха, выдѣланные въ Москвѣ, везутъ обратно въ Сибирь на продажу, даже желѣзные и мѣдные и стеклянные товары — преимущественный сибирскій продуктъ — привозится съ заводовъ около Нижняго и отчасти съ Уральскихъ; голландскою сажею, скипидаромъ, сѣрною и соляною кислотами Сибирь, богатая лѣсомъ и ископаемыми химическими матеріалами, довольствуется изъ Россіи, и проч. и проч. При этихъ условіяхъ, ссыльный ремесленникъ и русскій промышленникъ безслѣдно глохнутъ и исче-

заютъ въ Сибири со всѣмъ своимъ досужествомъ и знаніями — только потому, что ихъ распредѣляютъ зря, одиночками, не группируя въ артели въ необходимыхъ мѣстахъ и утѣшаясь только какимъ-то призрачнымъ цехомъ какихъ-то слугъ,—который только и остался на бумагѣ. А между тѣмъ сибирскіе старожилы видятъ одесскаго матроса въ Курганѣ, а не на Байкалѣ, повара въ Березовѣ, а не въ Томскѣ, Красноярскѣ, Енисейскѣ или Барнаулѣ, гдѣ испоконъ-вѣку задаются такіе роскошные лукулловскіе пиры. Херсонскій степнякъ ума не приложитъ въ дремучей туринской тайгѣ; вятскій отличный хозяинъ, всю жизнь отбивавшій у лѣса поля и луга, сидитъ на Барабинской степи, гдѣ такъ хорошо было исконнымъ ямщикамъ и извощикамъ. Лакей бродитъ безъ дѣла по Пелыму, пока послѣ долгихъ исканій не выучится торговать и обманывать остяковъ, вогуловъ и самоѣдовъ; и тѣ самые ссыльные, которыхъ самъ Приказъ назначаетъ въ цехъ слугъ, бродятъ изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, отъ одного хозяина къ другому, и при этомъ искусственно-создаваемые слуги — самые невѣрные, самые неспособные и самые несчастные люди.

И вотъ отъ всей этой путаницы возрастаетъ, постепенно увеличиваясь, та громадная масса движущагося вдоль и поперегъ всей Сибири кочевого населенія бродягъ, которая, какъ саранча, временами поѣдаетъ, временами глушитъ свѣжіе всходы молодой страны, достойной лучшей участи. Вѣдь въ Сибирь не даромъ тянутся и до сихъ поръ вольные переселенцы и поселенцы съ дозволительными и безъ увольнительныхъ свидѣтельствъ. Не даромъ люди, обязанные распечатывать и читать поселенческія письма, говорятъ про безконечныя похвалы этой странѣ, расточаемыя на соблазнъ и на уговоръ родныхъ, оставшихся въ Россіи, чтобы шли сюда, въ эту страну, гдѣ рѣдко урожаи не бываютъ самъ-15 и поля не отдыхаютъ года по 3, по 4 даже въ Енисейскомъ округѣ (не говоря о странахъ при-иртышскихъ, минусинскихъ, забайкальскихъ и иркутскихъ, гдѣ даже коренные инородцы стали превращаться въ земледѣльцовъ). Недаромъ же старожилы, питающіе зло противъ бѣглыхъ и каторжныхъ, на вопросъ бродяги: «нѣтъ ли работы?» — отвѣчаютъ коротко и ясно: «иди въ кла-

довую,—и выбирай по рукѣ либо серпъ, либо литовку». Такимъ образомъ бѣглые, смѣло укрывшіеся и ловко спрятанные, пилятъ лѣсъ въ городахъ и селахъ, правятъ всякую поденщину на заимкахъ, окашиваютъ роскошныя сибирскія степи, помогаютъ сибирскимъ крестьянамъ убираться съ пашнями и сѣнокосомъ. За одно только укрывательство, за парную баньку, за кирпичной чай, за объѣдки отъ стола и за обноски изъ стараго платья, работаетъ не только поселенецъ, но и каторжной. Между тѣмъ страна все-таки отъ поселенцовъ несчастна; несчастны въ ней и сами поселенцы, но несчастнѣе всѣхъ изъ нихъ тотъ небольшой разрядъ, который пользуется у всѣхъ сибиряковъ и даже у самихъ поселенцовъ полнѣйшимъ презрѣніемъ и отвращеніемъ. Это — палачи: преступники, которымъ судъ и судьба судили поселеніе, но которые, по доброй волѣ и по вызову, рѣшились на извѣстное мастерство, въ разсчотѣ на лучшую участь. Согласіе ихъ избавило отъ плетей, служба освободила отъ тѣлеснаго наказанія, особая школа выучила владѣть орудіемъ наказанія. Таковое искусство у нѣкоторыхъ мастеровъ доведено было нѣкогда до такого совершенства, что они могли по произволу и разрѣзать, какъ острой бритвой, листъ бумаги и подхватить кнутъ, пущенный со всего размаха, такъ, что подставленный листъ бумаги оставался невредимымъ *).

---

*) По закону, если кто изъ поселенцовъ не соглашался идти въ палачи, то губернскимъ правленіямъ предоставлено право опредѣлить въ эту должность: или людей, присужденныхъ къ отдачѣ въ арестантскія роты, по ихъ на то согласію, или вольнонаемныхъ. Впрочемъ послѣдніе случаи представляютъ замѣчательную рѣдкость и въ законахъ можно считать это дозволеніе остаткомъ стариннаго законодательства, внесеннымъ въ новой лишь про всякой случай. Въ Уложеніи велѣно въ палачи на Москвѣ прибирать изъ вольныхъ людей за поруками, а жалованье обѣщали давать изъ государевой казны; въ городахъ выбирать палачей указано съ посадовъ и съ уѣздовъ съ сохъ, съ дворцовыхъ и чорныхъ волостей и со всякихъ сошныхъ людей. Избиратели давали подписки (но неохотно). Палачи присягать должны; сотные люди отъ выборовъ отказались; ихъ принуждали штрафами. Но охотниковъ явилось мало. Царь Ѳедоръ (въ 1680) соблазнялъ жалованьемъ по 4 руб. человѣку, но въ слѣдующемъ же году принуждены были бояре приговорить: послать грамоты къ воеводамъ, чтобы

Палачъ, находящійся на службѣ и живущій обыкновенно въ острогѣ при гауптвахтѣ (въ особомъ помѣщеніи), пользуется полнѣйшимъ уваженіемъ всѣхъ арестантовъ. При встрѣчѣ съ нимъ схватываются съ бритыхъ головъ шапки; его зовутъ не иначе, какъ по имени и по отчеству, а фамиліи, какъ историческія имена, уходятъ въ потомство. Въ честь московскаго палача Бархатова всѣ послѣдующіе заплечные мастера, поступившіе въ это званіе изъ непомнящихъ родства, предпочитаютъ выбирать себѣ эту фамилію (по Сибири большая часть палачей Бархатовы; нѣкогда всѣ палачи были Бархатовы). Если про себя позволяютъ еще себѣ арестанты обзывать мастеровъ полуименемъ (Кирюшка, извѣстный палачъ петербургскій, отсюда и кирюшкина кобыла—мѣсто казни, на языкѣ современныхъ мазуриковъ, Изоська—сибирскій, Криворотый и проч.), то въ глаза палачу оказывается такое почтеніе

они въ заплечные мастера брали изъ посадскихъ людей (не насильно), а тѣхъ, которые «волею своею въ тое службу быть похотятъ». Совѣтовали посадскихъ и сотныхъ людей заставить выбрать изъ самыхъ молодчихъ или изъ гулящихъ людей, чтобы во всякомъ городѣ безъ палачей не были. Воеводы то и дѣло жаловались что въ палачи охочихъ людей не находится, или выбранные принужденіемъ убѣгаютъ. Въ прошломъ вѣкѣ жалобы эти затихли, сенатскіе указы (въ родѣ указа 10 іюня 1749 г.) стали на столько требовательны, что на каждую губернскую канцелярію потребовали уже по два палача; съ 1738 года имъ уже и жалованья не полагалось, а потомъ давалось солдатское (за платье и за хлѣбъ по 9 руб. 95 коп. въ годъ). Въ этотъ вѣкъ на нихъ объявилось большое требованіе, крупной запросъ; въ первую половину его заплечные мастера имѣли большіе заработки и получали крупные заказы, когда—по народному, сильно распространенному преданію—и воду сѣкли кнутомъ, если дерзала она отъ вѣтровъ затѣвать возмущеніе. По свидѣтельству знаменитаго адмирала Мордвинова, когда «для 20 ударовъ кнута потребенъ былъ цѣлой часъ, и при многочисленности ударовъ наказаніе продолжалось отъ восходящаго до заходящаго солнца»,—платили по десяти тысячъ рублей, чтобы не изувѣчить или менѣе мучительнымъ сдѣлать наказаніе». (См. Чтеніе Общ. Ист. и Древн. Росс. 1859 г. книга четвертая). Становился въ заплечные мастера какой-нибудь забулдыга, безшабашная голова, зашалившійся либо до казни, либо до ссылки. Вѣдомому вору оставался одинъ выходъ «встать въ палачи за свои вины». Званіе это пятнало позоромъ передъ лицомъ народа, но оправляло передъ властями.

ото всѣхъ арестантовъ, что люди эти успѣваютъ забаловываться до высокаго мнѣнія о себѣ, на манеръ господскихъ кучеровъ и столичныхъ швейцаровъ. Палачъ передъ начальствомъ всегда чѣмъ-то недоволенъ, всегда на что-нибудь жалуется и чего-нибудь проситъ, какъ обязательной льготы. Между тѣмъ на палача удѣляетъ арестантская артель изъ пожертвованнаго и благопріобрѣтеннаго все: булки, чай, сахаръ, вино и проч. Сверхъ того, въ хорошо-организованныхъ тюрьмахъ на палача отъ арестантской общины полагается по полтиннику въ мѣсяцъ за каждаго наказуемаго. Часть тѣхъ денегъ, которыя бросаетъ народъ на одежду наказуемому, удѣляется также палачу подъ особымъ именемъ рогожки, полурогожки и проч. Сердитый сердцомъ палачъ (каковыми, по опыту ссыльныхъ, бываютъ солдаты и поповичи: «крошатъ и ломятъ безъ зазрѣнія совѣсти»), сверхъ обусловленнаго обычаемъ, старается вымогать.

Вообще палачамъ деньги достаются легко: палачу стоитъ пройтись по базару, напримѣръ, на пути къ мѣсту наказанія, чтобы всякій крестьянинъ далъ ему грошъ или пятакъ, какъ бы въ видѣ задатка, и по приказу пословицы, повелѣвающей отъ тюрьмы и отъ сумы не отказываться, и по требованію самого палача, сказывающаго у всякаго воза: «давайте ка̀ту пла̀ту».

Если приходится наказывать кого-либо изъ почотныхъ тюремныхъ сидѣльцовъ, изъ артельныхъ любимцовъ, тотъ же староста или самъ приговоренный идетъ по казармамъ съ «имянинной кружкой» (первой подвернувшейся подъ руку посудиной) и сбираетъ. Сборъ такой называется «подаркомъ почотныхъ старожиловъ». Вообще отъ этихъ подарковъ палачамъ живется хорошо: люди эти на большую половину свою хорошо откормленные, сытые, жирные, толсторожіе; хорошо высыпаются, хорошо отгуливаются, хотя и подъ конвоемъ, и вообще пользуются хорошимъ здоровьемъ. Единственная болѣзнь, на которую они чаще всего жалуются: полнокровіе, приливъ крови; единственной недугъ, который они испытываютъ—тоска и скука; многіе серьозно жалуются на то, что имъ не даютъ работы. Бережливые успѣваютъ даже накопить достаточное количество денегъ. Во всякомъ случаѣ, по окончаніи

срока службы, если палачей, вообще очень наклонныхъ къ побѣгу, успѣли удержать и не выпустить на волю, они выходятъ на волю и деньгами могли бы начинать тамъ болѣе обезпеченную жизнь; но дѣло въ томъ, что отливаются волку овечьи слезы.

Поселенные въ волостяхъ на правахъ государственныхъ крестьянъ, палачи—самые несчастные люди не только въ мѣстахъ Тобольской губерніи, гдѣ выдумали-было селить ихъ кучкой, но и повсюду. Изъ волости не дозволяютъ имъ выходить. Взрослые сосѣди-крестьяне гнушались раздѣлить съ ними кусокъ хлѣба, посадить ихъ за столъ; женщины боялись подѣлиться съ ними хозяйственнымъ запасомъ, считая прикосновеніе ихъ руки оскверненіемъ, взглядъ, брошенный на нихъ — нечистымъ, требующимъ особаго очищенія и молитвы Ивану Воину *). Мальчишки не упускали на улицахъ случая, чтобы не потравить проходящаго приселенца изъ палачей. Ни купить, ни продать бывшіе палачи ничего не могли и самая жизнь ихъ на волѣ являлась хуже каторжной. Нѣкоторые сознательно бѣжали и въ бѣгахъ дѣлали преступленія исключительно и намѣренно для того только, чтобы попасть именно на каторгу. Только тамъ они ещо могли избѣгать крайней степени позора **). Устаивали немногіе, но ни одинъ ещо изъ палачей не женился на сибирячкѣ. Члены экспедиціи, недавно снаряжонной сибирскимъ отдѣломъ Географическаго Общества въ Туруханской край, нашли тамъ русскихъ поселенцовъ отунгузившимися. Отцы этихъ метисовъ были русскіе люди, матери — тунгузки; большая часть потомковъ носятъ фамилію Бархатовыхъ: все это потомки палачей, приходящихъ изъ бѣговъ съ волчьимъ именемъ и называющихся фамиліей знаменитаго московскаго кàта.

Случается, впрочемъ, въ Сибири и другаго рода явленія. Въ Сибири указываютъ на множество ссыльныхъ, которые успѣли

---

*) Св. Ивана Воина, какъ извѣстно, чтутъ и арестанты, и изображеніе этого угодника въ рѣдкой сибирской тюрьмѣ не виситъ въ почотномъ, правомъ отъ входа углу.

**) Тобольской палачъ, напр. убилъ собственную жену, и тогда сдѣлался ссыльно-каторжнымъ. Въ Нерчинскомъ заводѣ, въ квартирѣ должностнаго палача, нашли три трупа, имъ приготовленныхъ.

сдѣлаться крупными богачами *). Самый рѣзкій образецъ тому представляетъ Петръ Кандинскій, крестьянинъ, сосланный въ каторжную работу на Нерчинскіе рудники, успѣвшій жениться и тамъ, выйдя на пропитаніе, начать маленькую торговлю офенскимъ способомъ коробейника. Поселился онъ на Шилкѣ въ страшныхъ трущобахъ и близъ большихъ горъ, наз. Борщовскимъ хребтомъ. Семейство его очень размножилось: въ 50 лѣтъ дѣтьми и внуками его до 60-ти человѣкъ населась цѣлая слобода Бянкина, съ церковью каменною и благолѣпно украшенною. Петръ Кандинскій началъ наживать значительное состояніе, послѣ офенства хлѣбной торговлей въ этомъ въ то время скудномъ краѣ, жители котораго постоянно звѣровали и полей не пахали: хлѣбъ имѣлъ постоянную цѣну. Вымѣнъ его у крестьянъ на звѣриныя шкуры позволилъ Кандинскому заняться торговлею пушнымъ товаромъ и завести дѣла въ г. Нерчинскѣ по 2 гильдіи, а потомъ записаться и въ Кяхтѣ по первой. Соляные казенные подряды увеличили ещо болѣе состояніе его; хлѣбопашество производилось на добрыхъ лошадяхъ хорошими работниками и плугами, давало сильные и вѣрные урожаи, когда у другихъ были постоянныя неудачи. Кандинскіе съ успѣхомъ развели посѣвы гималайскаго ячменя. Имѣли непосредственное вліяніе на цѣнность хлѣба во всемъ заводскомъ округѣ и, принадлежа къ сословію заводскихъ крестьянъ, отбывали легко и свободно повинности по купечеству и крестьянству. Губернаторовъ умѣли они встрѣчать на рѣкѣ Шилкѣ, на противоположномъ берегу противъ Бянкина на огромныхъ лодкахъ, украшенныхъ коврами, сами, убѣленные сѣдинами въ длинныхъ кафтанахъ и съ медалями. Принимали въ домѣ въ родѣ старинныхъ барскихъ палатъ, прилѣпленныхъ къ щекамъ отвѣсной горы, съ балкономъ или террасою, утвержденною на столбахъ и висящею надъ водою рѣки Шилки. Лѣтъ 20 тому назадъ не было хозяина, который не былъ бы долженъ Кандинскимъ, не было товара, ко-

*) Между тѣмъ поселенцамъ не дозволено производить развѣдки золотыхъ пріисковъ, и люди эти теперь пока участвуютъ въ дѣлахъ на чужое имя.

торый бы не выходилъ изъ ихъ складовъ. Когда заводскихъ крестьянъ переименовали въ казаковъ и, для воспособленія ихъ новому быту, разрѣшили имъ не платить старыхъ долговъ, домъ Кандинскихъ былъ сильно потрясенъ и быстро пошолъ къ паденію на мѣстѣ. Однако они совершенно не обанкрутились. Правнуки Петра продолжаютъ вести торговлю не только за Байкаломъ и на Амурѣ, но и въ Россіи (въ Москвѣ) и продолжаютъ пользоваться честнымъ именемъ и комерческимъ довѣріемъ. Конечно теперь далеко не то, потому что и сыновьямъ Петра, Хрисанфу и Алексѣю, досталось до 5-ти милліоновъ оборотнаго капитала, пріобрѣтеніе, которое ждетъ своего историка и прольетъ много характернаго свѣта на состояніе всего Забайкальскаго края; въ первой половинѣ XIX столѣтія Кандинскіе были царями своего обширнаго края.

Образецъ подобнаго рода — не послѣдній: почти на каждомъ рудникѣ, почти при каждомъ заводѣ найдется не одинъ каторжной, торгующій съ порядочнымъ капиталомъ. Дѣти ихъ пользуются уже всѣми правами людей свободнаго состоянія и, не возвращаясь въ Россію, служатъ прочнымъ фундаментомъ для основанія мѣстнаго купеческаго сословія, у котораго впереди такая блестящая будущность, и отъ котораго страна вправѣ ожидать большого подспорья и дѣятельной помощи на поступательное шествіе впередъ. Этимъ людямъ грѣхи отцовъ и дѣдовъ давно отпущены и сосѣдями не вспоминаются. Свободнымъ и прямымъ путемъ полезныхъ дѣятелей они становятся безразличными въ массѣ, и во второмъ поколѣніи уже являются звеньями въ той цѣпи, которую образуютъ коренные жители, такъ называемые сибирскіе старожилы.

Изъ европейскихъ путешественниковъ Симпсонъ посѣтилъ около Канска ссыльнаго, котораго сынъ, пріѣхавшій изъ Петербурга, нашолъ владѣльцомъ богатаго имѣнія и обширнаго хозяйства, для веденія котораго онъ употреблялъ 140 работниковъ. Эрманнъ зналъ другаго, изъ Новгородской губерніи, домъ и хозяйство котораго съ одиннадцатью работниками и работницами представляли нѣчто образцовое и заслуживающее изученія: рогатой скотъ и лошади помѣщались въ крытыхъ сараяхъ и ѣли сѣно, которое

привозилось за 20 верстъ съ низменныхъ, обильныхъ травою острововъ Лены. Этотъ ссыльной получалъ превосходный урожай ржи, ячменя, капусты и рѣпы. Превосходный птичникъ находился въ людской. Ссыльной жилъ богатымъ помѣщикомъ.

Политическіе изгнанники и ссыльные нерѣдко бывали благодѣтелями тѣхъ странъ, въ которыя приводила ихъ судьба. Французскіе изгнанники при Людовикѣ XIV основали въ Англіи фабрики шолковыхъ издѣлій; другая партія научила саксонцовъ выдѣлывать сукна и шляпы, составлявшія до того времени монополію Франціи; третьи на мысѣ Доброй Надежды развели виноградъ. У насъ, князь В. В. Голицынъ, любимецъ царевны Софьи Алексѣевны, сосланный въ Пинегу, развелъ тамъ лошадей, и до сихъ поръ извѣстныхъ подъ именемъ мезенокъ. Меншиковы устроили въ Березовѣ богадѣльню, первую въ Сибири; баронъ Менгденъ, сосланный въ 1742 году, съ 4 членами своего семейства, завелъ въ дикомъ Новоколымскѣ коровъ и лошадей, снабжалъ чукчей различными товарами, пріобрѣтаемыми имъ въ Якутскѣ. Тогда же сосланный Ивашкинъ обучалъ дѣтей въ Камчаткѣ, и проч.

Сибирь отъ ссылки государственныхъ людей, политическихъ преступниковъ и другаго грамотнаго люда выиграла въ томъ, что въ ней всѣ классы народонаселенія гораздо развитѣе, свободнѣе, способнѣе и образованнѣе соотвѣтствующихъ имъ классовъ во многихъ другихъ частяхъ Россіи. Политическіе ссыльные пользовались всѣми возможными облегченіями; старожилы не встрѣчали ихъ съ недовѣріемъ, а ссылаемые на житье пользовались значительною долею свободы для примѣненія къ дѣлу своихъ знаній, способностей и плодовъ образованія. Они имѣютъ право селиться обществами, изъ которыхъ и распространялась образованность. Начало этому дѣлу положено ещо во времена Петра Великаго. Баронъ Штраленбергъ, одинъ изъ шведскихъ офицеровъ, взятыхъ Петромъ въ сраженіи подъ Полтавою, вмѣстѣ съ товарищами своими, принесъ въ восточную Сибирь ремесла Европы. Ими основаны тамъ первыя училища. Фридрихъ-фонъ-Врехъ (изъ секты піэтистовъ), адъютантъ Михаэлисъ Шлегель и насторъ Габерманъ основали, въ 1715 году, въ Тобольскѣ школу для единовѣрцовъ, а потомъ и для дѣтей русскихъ (въ

1719 году въ школѣ обучалось 96 мальчиковъ). Предпріятіе вызвало сочуствіе въ Европѣ, и знаменитый профессоръ Франке собралъ, за границей по подпискѣ, въ пользу этой школы до 5,000 рублей на тогдашныя русскія деньги. Когда Ништадскій миръ возвратилъ всѣхъ плѣнныхъ въ отечество, — школа прекратилась; но въ это время существовала уже другая школа, основанная раньше нѣмецкой (въ 1707 году) митрополитомъ Ѳилофеемъ Лещинскимъ, которая впослѣдствіи превратилась въ семинарію. Изъ нея и до сихъ поръ выходятъ не только духовныя лица, но и чиновники.

Примѣръ шведовъ былъ для Сибири только первымъ по счоту; но громадную услугу привелось оказать странѣ позднѣйшимъ дѣятелямъ, труды которыхъ и въ наши дни продолжаютъ быть благотворны. Сибирь знаетъ и благословляетъ имена своихъ учителей, особенно много подвинувшихъ страну на пути образованія во второй четверти текущаго стотѣтія. По Сибири слишкомъ живы и ясны слѣды этихъ дѣятелей, и они на столько значительны, что не можетъ быть въ томъ и тѣни сомнѣнія.

Возвращаемся назадъ для нѣсколько заключительныхъ словъ.

Бытъ сибирскихъ поселенцовъ не обезпеченъ въ достаточной и надлежащей степени: поселенцы неправильно и непрочно водворяемые, оставляютъ мѣста и бродятъ: въ бродяжествѣ, увлекаемые нуждою и случайностями, зачастую добиваются тягчайшихъ правъ: дѣлаются каторжными; въ то же время каторжные, прикрываясь оригинальнымъ званіемъ не помнящихъ родства, становятся поселенцами. Когда такимъ образомъ уловки доставляютъ случаи къ честной и полезной жизни, истинное право остается таковымъ только на бумагѣ, на самомъ же дѣлѣ является въ формѣ самаго грустнаго и очевидпаго обмана. Дѣйствительныя, живыя силы ссыльнаго люда въ надежной мѣрѣ не вызваны и значеніе карательныхъ мѣръ не опредѣлено въ той степени, чтобы взысканіе уже не мѣшало другой задачѣ ссылки, существенной для молодой и мало-развитой страны, — именно колонизаціи ея. Экономическій капиталъ на столько великъ, что могъ бы залечить многія раны, а теперь, представляя только крупное казенное сбереженіе, при коренной переработкѣ тюремнаго и ссыльнаго дѣла, становится далеко недостаточнымъ. Способъ над-

зора не приведенъ въ правильную систему и при постоянной апатіи дѣятельность возбуждается только порывами и строгостями, а потому и не произошло желаемыхъ плодовъ. Выросшіе плевелы продолжаютъ рости подъ защитою равнодушія. Словомъ, исправленія производятся на поверхности, тогда какъ середина и корень продолжаютъ гнить и болѣть серьозными болѣзнями. Между тѣмъ наука ушла впередъ и, даже теперь, когда ещо не произведено внимательнаго и надлежащаго діагнозиса, новые пріемы лекарствъ успѣли показать и ихъ состоятельность и нѣкоторую близость къ настоящимъ специфическимъ средствамъ. Заботы объ улучшеніи тюремъ, вызванныя измѣненіемъ судопроизводства, получили фактическое начало, выразившееся въ устройствѣ тюремъ по европейскимъ образцамъ, въ измѣненіи способовъ препровожденія ссыльныхъ въ Сибирь. Теперь на очереди вопросъ о самой ссылкѣ и способахъ ея примѣненія, вопросъ, который тѣсно связанъ съ однороднымъ ему въ Россіи и который разрѣшать отдѣльно, а не въ тѣснѣйшей съ послѣднимъ связи, нельзя безъ того, чтобы снова отдѣлкою частностей не повредить и не испортить общаго дѣла.

Въ Сибири условія хозяйственнаго быта находятся именно въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя наиболѣе всего благопріятствуютъ коренной и прочной осѣдлости, сильно способствуютъ наилучшему водворенію. Оно ничѣмъ не отстало бы отъ образцовъ, представляемыхъ Америкою, еслибы давались уступки народнымъ требованіямъ и не затрудняли бюрократическія тонкости и многочисленныя формальности, излишная подозрительность и боязнь присутствія опасностей тамъ, гдѣ онѣ всего наименѣе имѣютъ мѣсто.

Уроки прошлаго не проходятъ даромъ; разъ затѣянныя преобразованія не могли остаться на полпути; этапный способъ препровожденія ссыльныхъ, возбудившій справедливое негодованіе и вызвавшій стремленія къ отмѣнѣ и улучшеніямъ, не перестаетъ поддерживать самое сосредоточенное вниманіе со стороны министерства, которому ввѣрено попеченіе о ссыльныхъ. Съ каждымъ годомъ мы наталкиваемся на измѣненія и улучшенія, сумма которыхъ накопила за нами обязательства добавить въ заключеніе ещо слѣдующія строки *).

Десятокъ лѣтъ, которыя въ эпоху преобразованій не проходятъ даромъ, на этотъ разъ въ спеціальномъ вопросѣ, насъ занимающемъ, не остались безъ примѣтнаго слѣда. Гуманныя стремленія, вызываемыя сознаніемъ собственныхъ недостатковъ, успѣли на практикѣ отразиться крупными задатками надеждъ на дальнѣйшія усовершенствованія впереди и объявиться въ крупныхъ чертахъ благопріятныхъ результатовъ. Расчоты, вытекшіе изъ чистаго и вѣрнаго источника и подчиненные строгой повѣркѣ, оправдались съ такимъ успѣхомъ, что заявленіе объ нихъ мы считаемъ для себя прямымъ и пріятнымъ долгомъ.

Сѣти желѣзныхъ дорогъ, прорѣзающія Россію въ различныхъ направленіяхъ, успѣли облегчить движеніе пересыльныхъ и ссыльныхъ партій внутри Имперіи. Южными дорогами министерство внутреннихъ дѣлъ успѣло уже обезпечиться и въ нынѣшномъ году для наблюденія за движеніемъ установило должность третьяго инспектора съ обязательствомъ пребыванія его въ Курскѣ. На пространствѣ между Варшавою и Нижнымъ передвиженіе арестантовъ по желѣзнымъ дорогамъ установлено уже давно, а министерство имѣетъ сбереженій по одной Николаевской съ 1858 до 43 т. ежегодно, по Варшавской, Нижегородской и Рижской съ 1863 свыше 180 т. руб., всего и по другимъ желѣзнодорожнымъ вѣтвямъ всего до 500 тыс.

---

*) Въ нынѣшномъ году напр. ещо одинъ пѣше-этапной трактъ отъ Астрахани до Казани, замѣненъ пароходною доставкою ссыльныхъ на пароходахъ общества «Лебедь» съ 20 апр. до 20 окт. одинъ разъ чрезъ каждые 28 дней, съ расчотомъ на 6 рейсовъ, съ крупными сбереженіями расходовъ, съ огромною пользою для самихъ арестантовъ какъ въ санитарномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи.

руб. Отъ Нижняго до Ачинска въ 1865 году установлена была перевозка зимою на подвозахъ, а весною и лѣтомъ на пароходахъ по Волгѣ и Камѣ до Перми, на лѣтнихъ подводахъ отъ Перми до Тюмени, и далѣе опять на пароходахъ по рѣкамъ сибирскимъ до Томска и снова на подводахъ до Ачинска. На когда опытъ показалъ дороговизну перевозки подводами, и огромные расходы при заготовкѣ зимней одежды—зимній способъ былъ оставленъ. Осужденныхъ стали оставлять до лѣтняго времени въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ они приговорены въ ссылку или сгрупировывали въ болѣе центральныхъ мѣстностяхъ по главному ссыльному тракту. Пунктами этими назначены: Орелъ, Москва, Нижный, Казань, Пермь, Тюмень и Томскъ. Здѣсь устроены были центральныя тюрьмы экономическимъ способомъ изъ готовыхъ зданій, за исключеніемъ Томска, гдѣ возведено было новое тюремное зданіе. Въ остальныхъ городахъ послужили для этой цѣли зданія арестантскихъ ротъ. Въ Москвѣ и Тюмени предположено построить новыя тюрьмы. Сбереженія отъ различныхъ денежныхъ сокращеній обезпечили возможность для министерства постройку этихъ зданій круговымъ возвратомъ суммъ, истрачивавшихся прежде на непужныя излишки. Сократилось путевое довольствіе; прекратилась выдача прогоновъ на пространствѣ между Нижнымъ и Пермью; уменьшились издержки на заготовку зимней одежды *), отъ сокращенія конвойныхъ командъ съ 40 на 8 на пространствѣ отъ Нижнаго до Томска, и отъ упраздненія этапныхъ зданій на этомъ пространствѣ **). Солидная цифра 300 тысячъ рублей сбереженія перваго года предупредила и отвратила сверхъ того издержки цѣлаго миліона на этапы, если бы они существовали здѣсь въ томъ же числѣ и въ такомъ же разрушенномъ видѣ.

Новый способъ доставленія арестантовъ почти до половины Си-

---

*) Выдавали мужчинамъ: рукавицы съ варежками, полушубки, шаровары и теплую шапку; женщинамъ суконныя юбки, шубы, тѣ же рукавицы съ варежками и теплый картузъ на голову. Тѣмъ и другимъ, взамѣнъ котовъ и портянокъ, валенки и суконныя онучи.

**) Оставлены только тѣ части этапныхъ зданій, которыя оказались удобными для помѣщенія арестантовъ; прочія проданы съ торговъ.

бури съумѣлъ сбить стоимость пересылки одного человѣка съ 69 р. 50 коп. 1865 года до 38 р. 50 коп. въ 1867 году. Правительство сберегло вслѣдствіе введенія дѣйствующей теперь системы свыше 400 т. р. При этомъ не затруднилось переправкою 15,320 арестантовъ 1867 года, разсчитавши расходъ для передвиженія партій по системѣ 1865 года на 11,424 чел. Нѣтъ сомнѣнія, что цифра 400 тысячъ возростетъ съ теченіемъ времени въ видахъ человѣколюбія, успѣшно устраняющаго изнуреніе человѣческихъ силъ со множествомъ иныхъ безконечныхъ и тяжолыхъ послѣдствій.

Въ настоящее время эти гуманныя цѣли преслѣдуются среди такой обстановки: передвиженіе по рѣкамъ обезпечено обязательствомъ пароходовладѣльца купца Колчина: перевозить, въ теченіе 10 лѣтъ, по семи тысячъ людей въ каждую навигацію на нарочно-приспособленныхъ пароходахъ и баржахъ. Устройство этихъ баржъ вызвало справедливую похвалу, какъ соблюденію условій гигіены, такъ и способу безопаснаго препровожденія. Сухопутье между Пермью и Тюменью, представлявшее больное мѣсто ссыльнаго тракта, обезпечено со стороны министерства договоромъ съ содержателемъ вольныхъ почтъ. Прежде переправляли ссыльныхъ на простыхъ телѣгахъ нѣсколько подрядчиковъ, не задумавшихся возвысить прогонную плату по истеченіи контрактныхъ сроковъ до значительно высокихъ цѣнъ. На телѣгахъ мучились отъ зноя и холода и мокли подъ дождями (перевозили круглой годъ) несчастныя семейства ссыльныхъ; побѣги самыхъ ссыльныхъ были явленіемъ обыкновеннымъ; неудобства всякаго рода готовы были возрости и усложниться. Съ каждаго человѣка подрядчики требовали прогонной платы съ прежней $1^5/_8$ коп. по $2^1/_4$ и по 3 коп. на версту. Въ настоящее время по контракту съ содержателемъ вольныхъ почтъ (съ 25 апр. 1869 по 25 апр. 1875 г.) ссыльные перевозятся лѣтомъ ежедневно, а зимою по мѣрѣ надобности или въ шести-мѣстныхъ экипажахъ (съ фордекомъ для женщинъ и дѣтей и для больныхъ), безъ фордека для прочихъ арестантовъ или въ обыкновенныхъ и въ крытыхъ саняхъ. Въ томъ и другомъ случаѣ для сидѣнья арестантовъ кладется солома, а для конвойныхъ двойной или тройной войлокъ, обшитый холстомъ.

Сидѣнья даютъ каждому мѣста въ длину и ширину не менѣе десяти вершковъ и снабжены внизу ящиками для поклажи (по 30 фун. на человѣка) и сверхъ того укрѣплены брезенты на задней оси экипажей. Сидѣнья конвоировъ устроены такъ, что сидящіе въ переднемъ экипажѣ поѣзда обращены лицомъ къ нему *).

Въ Тюмени арестантскія партіи садятся на баржи, буксируемыя пароходами, по рѣкамъ: Турѣ, Тоболу, Иртышу, Оби и Томи обыкновенно въ теченіи 20 дней. Пароходная компанія, пользуясь отсутствіемъ конкуренціи, взяла довольно высокую плату (отъ Тюмени до Томска 7 р. 50 коп.) и притомъ, устроившись для коммерческихъ цѣлей, смотритъ на перевозъ арестантовъ, какъ на предпріятіе менѣе выгодное и побочное. Происходящая отсюда небрежность и значительныя упущенія при судахъ старой конструкціи, глубоко сидящихъ въ водѣ, заставили Минист. Внутр. Дѣлъ войти въ соглашеніе съ тѣмъ же купцомъ Колчинымъ. Въ теченіи 10 лѣтъ онъ взялся доставлять съ 1872 г. на трехъ желѣзныхъ пароходахъ съ тремя желѣзными же баржами (вмѣстимостью до 800 человѣкъ каждая) всѣхъ арестантовъ, сколько бы ихъ ни было **). Сверхъ того тремя же пароходами съ тремя баржами мелкосидящими (при $^3/_4$ четвертяхъ воды), купецъ Колчинъ обязался доставлять съ 10 мая по 20 сентября, черезъ каждые семь дней въ десять сутокъ вмѣсто нынѣшныхъ 20-ти) и дѣлать не менѣе 20 рейсовъ (вмѣсто 14-ти) не дольше 14 дней (вмѣсто 20-ти и болѣе нынѣшныхъ). Вмѣсто 7 р. 50 к. онъ взялъ за доставку каждаго арестанта рублемъ дешевле, и такимъ образомъ

---

*) Для болѣе важныхъ преступниковъ сдѣланы вокругъ экипажа желѣзныя рѣшотки, которыя запираются на замокъ. Арестанты, слѣдующіе отъ Тюмени до Перми, доставляются въ обыкновенныхъ пассажирскихъ и почтовыхъ экипажахъ, не болѣе четырехъ на одномъ, не считая ямщика и конвоира. Число лѣтнихъ экипажей ограничено 17 на каждой станціи (всего на 28 станцій 476: 84 съ форделями и 56 съ желѣзными рѣшотками).

**) Бываетъ же ихъ обыкновенно среднимъ счотомъ теперь около 12 тысячъ, считая въ томъ числѣ и семейства, идущія въ Сибирь за ссыльными.

представляетъ возможность сдѣлать сбереженіе въ 300 тыс. руб. и достигнуть правильности срочныхъ передвиженій, безъ чего немыслимо таковое же исполненіе системы нынѣшныхъ зимнихъ задержекъ въ предѣлахъ Россіи. Задержки эти чѣмъ продолжительнѣе, тѣмъ вреднѣе, за невозможностію задачи труда для людей вѣчнаго движенія, обрѣченныхъ на сидячую жизнь. Результаты способны выразиться (и уже отчасти успѣли въ томъ) увеличеніемъ процента скорбутныхъ больныхъ и примѣтною смертностію. Напротивъ того въ дорогѣ они поправляются и здоровѣютъ. За счастливой партіей, отправляющейся въ ссылку, слѣдуютъ общія слезныя мольбы о томъ же благодѣяніи со стороны оставшихся въ дальнѣйшихъ очередяхъ.

Въ настоящее время опытъ указалъ на удобство внутренняго устройства при тѣхъ условіяхъ, которыя и въ настоящее время строго соблюдаются. Внутри баржъ устроены три отдѣленія съ нарами въ два яруса, на которыхъ свободно помѣщается человѣкъ высокаго роста. Для каждаго назначено отъ $5^1/_4 - 2^1/_2$ аршинъ въ длину и не менѣе одного аршина въ ширину. Свѣтъ и воздухъ проникаютъ въ отверстія, въ ненастную погоду закрываемыя стеклянными рамами. Вентилація производится чрезъ деревянныя трубы, выведенныя на палубу. На палубѣ: каюты для офицера, гражданскаго чиновника и врача, сопутствующихъ партіямъ. Тамъ же каюты для конвоя, больныхъ и для кухонъ, а внутри баржи — два отдѣльные карцера для одиночнаго заключенія. По бортамъ сдѣланы прочныя рѣшочатыя перила, высокія, равныя верхнимъ каютамъ.

Заботы Министерства Внутреннихъ Дѣлъ на этомъ не кончились. Прежде всѣ ссыльные тракты соединялись въ Казани, откуда начинался одинъ общій сибирскій трактъ, теперь желѣзныя дороги сосредоточили ссыльные пути въ Москвѣ и кончились въ Нижномъ, составляющемъ такимъ образомъ крайный восточный пунктъ. По этому уничтожены всѣ этапы, гдѣ идутъ желѣзно-дорожныя линіи; съ упадкомъ значенія Казани, уничтожена въ этомъ городѣ экспедиція о ссыльныхъ; Пермская экспедиція образована на новыхъ началахъ съ увеличеніемъ и измѣненіемъ ея работъ; Тобольскій Приказъ о ссыльныхъ переведенъ въ Тюмень. Всѣ эти крупныя пере-

стройки, при значительномъ удешевленіи этапнаго пути, сдаетъ въ архивъ исторіи часть изъ того, на что приходилось печалиться намъ при личномъ обозрѣніи сибирскихъ этаповъ. Крупные шаги увѣнчались успѣхомъ и если остановились они на Томскѣ и тянутся этапы ещо дальше Кары — на Сахалинъ, до окончанія перевозки всего доставленнаго количества ссыльныхъ, то во всякомъ случаѣ добрая половина пути пройдена. Путники не истомлены, сохранивъ свѣжія силы; этапная атмосфера ихъ не заражала; въ Томскъ они являются не съ прежнимъ запахомъ, но съ Томска они могутъ не попадать на старыя правила и стародревнюю порчу, если благодѣтельныя мѣры не будутъ медлить: или приблизятъ каторгу, сокративъ дороги хотя бы до Алтая (что желательнѣе), или, уводя на дальныя, не поведутъ ихъ подъ надзоромъ такихъ конвоировъ, о злыхъ замыслахъ и преступныхъ поползновеніяхъ которыхъ въ три-четыре послѣдніе года сами арестанты неоднократно принуждены были доводить до свѣдѣнія начальствъ. За Ачинскомъ, до котораго конная перевозка существуетъ круглой годъ, — пѣше-этапной путь ещо во всей своей силѣ. Партіи отсюда отправляются еженедѣльно въ 200 человѣкъ лѣтомъ и не болѣе 140 въ остальное время года.

Пусть же нашъ разсказъ объ этапахъ поскорѣе уходитъ въ преданіе, въ качествѣ и значеніи историческаго матеріала, какъ ушолъ въ преданіе разсказъ историческаго страдальца Аввакума! Въ виду исчезновенія большей половины утлыхъ этапныхъ зданій и ослабленія несостоятельной системы медленнаго и дорогаго пѣшаго порядка передвиженій (на каковое щедро, удачно и счастливо искусились мѣропріятія послѣднихъ лѣтъ) надежды не далеки и ожиданія сбыточны. Надеждами этими заключаемъ нашу первую главу и съ ними готовы встрѣтить на счастливой часъ и въ доброе время фактическія доказательства исчезновенія и отмѣны того, что нами сказано въ послѣдующихъ главахъ этого перваго тома нашей работы.

Въ заключеніе представляемъ табличку этапнаго пѣшеходнаго пути, который выпадаетъ ещо на долю ссыльныхъ изъ отдаленныхъ мѣстъ Имперіи до вновъ-назначенныхъ сборныхъ пунктовъ.

До Нижняго Новгорода арестанты бываютъ въ пути:

Отъ	Архангельска (черезъ Петербургъ)	74 дня
»	Петрозаводска	35 »
»	Бобруйска (черезъ Вильно)	35 »
»	Ревеля (черезъ Петербургъ)	29 »
»	Минска (на Вильну)	24 »
»	Могилева (на Витебскъ)	24 »
»	Выборга (черезъ Петербургъ)	15 »
»	Вологды (черезъ Кострому)	28 »
»	Новгорода (на Чудово)	10 »
»	Костромы (на Ярославль)	16 »
»	Санктпетербурга	6 »
»	Твери	4 »
»	Москвы	1 »
»	Владиміра	1 »

До Москвы:

Отъ	Тифлиса	143 дня
»	Керчи (черезъ Херсонъ)	119 »
»	Каменецъ-Подольска (черезъ Кіевъ)	108 »
»	Симферополя (черезъ Херсонъ)	105 »
»	Ставрополя (на Харьковъ)	100 »
»	Кишинева (на Балту)	95 »
»	Житоміра (на Кіевъ)	92 »
»	Херсона	86 »
»	Новочеркаска (черезъ Харьковъ)	82 »
»	Екатеринослава	60 »
»	Таганрога (черезъ Харьковъ)	73 »
»	Чернигова (черезъ Кромы)	51 »
»	Калуги (черезъ Боровскъ)	12 »

До Казани:

Отъ	Пензы (на Симбирскъ)	11 дней

До Перми:

Отъ	Вятки (черезъ Дебесы)	24 дня
»	Перми до Тюмени	10 »

До ночлега Быкова

(между Кунгуромъ и Екатеринбургомъ)

Отъ	Оренбурга (черезъ Уфу и Бирскъ)	42 дня
»	Уфы (черезъ Хуторъ Аскинъ)	21 »
»	Быкова до Тюмени	2 »

ПРИБАВЛЕНІЯ.

I. ТЮРЕМНЫЯ ПѢСНИ. II. ТЮРЕМНЫЙ ЯЗЫКЪ.

I.

ТЮРЕМНЫЯ ПѢСНИ.

Сорокъ восемь тюремныхъ сибирскихъ и русскихъ пѣсенъ (старинныхъ и новыхъ) съ варіантами и объясненіями. — Творцы пѣсенъ: Ванька Каинъ. — Разбойникъ Гусевъ. — Малороссійскій разбойникъ Кармелюкъ. — Пѣсня о правежѣ. — Мѣстные сибирскіе питы. — Ученая пѣсня. — Пѣсня Кармелюка. — Пѣсни Видорта. — Ворожбюкъ.

Подробности быта ссыльныхъ, особенно же частности тюремнаго быта привели насъ къ тѣмъ развлеченіямъ, которыя измышлены заключенниками на досугѣ, чтобы подцвѣтить праздное бездѣлье и скоротать досадное и скучное время. Въ числѣ тюремныхъ развлеченій не послѣдніе мѣсто принадлежитъ—какъ и быть слѣдуетъ — пѣснямъ. Несмотря на то, что строгія тюремныя правила, запрещая «всякаго рода рѣзвости, произношеніе проклятій, божбы, укоровъ другъ другу, своевольства, ссоры, брань, разговоры, хохотъ» и т. под. преслѣдуетъ между прочимъ и *пѣсни*, — онѣ все-таки не перестаютъ служить свою легкую и веселую службу. Хотя пѣсельниковъ приказано смотрителямъ «отдѣлять отъ другихъ (не поющихъ) въ особое помѣщеніе (карцеръ), опредѣляя самую умѣренную и меньше другихъ пищу отъ однаго до шести дней включительно на хлѣбъ и на воду»,—все-таки отъ этихъ красивыхъ на бумагѣ и слабыхъ на дѣлѣ предписаній, пѣсельники не замолчали. Люди и въ заключеніи продолжаютъ пѣть и веселиться. Пѣсни сберегліись

въ тюрьмахъ даже въ томъ самомъ видѣ и формѣ, что мы, не обинуясь, имѣемъ право назвать ихъ собственно-тюремными, какъ исключительно воспѣвающія положеніе человѣка въ той неволѣ, которая называется каменной тюрьмой. Скажемъ даже болѣе: тюремныхъ пѣсенъ скопилось такъ много, что намъ представляется возможность составить исключительно изъ нихъ цѣлый сборникъ (свыше сорока номеровъ), при этомъ большею частью изъ извѣстныхъ только сибирскимъ ссыльнымъ. Впрочемъ большая часть пѣсенъ принесена изъ Россіи готовыми, въ Сибири онѣ и не улучшались даже,—напротивъ нѣкоторыя, по сравненію съ подобными же русскими являются въ неполномъ видѣ и нерѣдко искаженными отъ позднѣйшихъ приставокъ и перестановокъ. Въ Россіи эти произведенія народнаго творчества являются полнѣе и законченнѣе, — въ Сибири случается, что одно цѣльное произведеніе дробится на части и каждая часть является самостоятельною, но при этомъ замаскирована до того, что какъ будто сама по себѣ представляетъ самобытное цѣлое. Бываетъ и такъ, что мотивы одной перенесены въ другую, отчего кажется иногда, что извѣстная пѣсня еще не приняла округленной и законченной формы, а все еще складывается, ищетъ подходящихъ образовъ, вполнѣ удовлетворительныхъ. Нѣкоторыя пѣсни людская забывчивость урѣзала и обезличила до того, что онѣ кажутся и бѣдными по содержанію и несовершенными по формѣ. Но въ Сибири уцѣлѣли и такія, которыя или забыты въ Россіи или ушли въ составъ другихъ пѣсенъ, и на оборотъ.

Въ тюремныхъ пѣсняхъ два рода: старинныя и новѣйшія. Помѣщая послѣднія для сопоставленія и сравненія съ настоящими и неподдѣльными произведеніями самобытнаго народнаго творчества (каковы пѣсни древнѣйшаго происхожденія), изъ новѣйшихъ мы выбрали только нѣкоторыя: или болѣе распространенныя, или болѣе уродливыя. Старинныя мы включаемъ въ сборникъ (для нихъ собственно и предпринятый) съ тѣмъ убѣжденіемъ, что онѣ начинаютъ исчезать, настойчиво вытѣсняемыя дѣланными, искусственными пѣснями. Мы едва ли не живемъ именно въ то самое время,

когда перевѣсъ борьбы и побѣды склоняется на сторону послѣднихъ *).

Лучшія тюремныя пѣсни (чѣмъ пѣсня старше, древнѣе, тѣмъ она свѣжѣе и образнѣе, чѣмъ ближе къ намъ ея происхожденіе, тѣмъ содержаніе ея скуднѣе и форма не представляетъ возможности желать худшей) лучшія тюремныя пѣсни выходятъ изъ цикла пѣсенъ разбойничьихъ, сродство и соотношеніе съ которыми на столько же сильно и не разрывно, на сколько и самая судьба пѣсеннаго героя тѣсно связана съ «каменной тюрьмой—съ наказаньецомъ». На сколько древни похожденія удалыхъ добрыхъ молодцовъ повольниковъ, ушкуйниковъ, воровъ - разбойничковъ, на столько же стародавны и складныя сказанія объ ихъ похожденіяхъ, которыя въ свою очередь отзываются такой же стариной, какъ и первоначальная исторія славной Волги, добытой руками этихъ гулящихъ людей и ими же воспѣтой и прославленной. Жизнь широкая и вольная, преисполненная всякаго рода борьбой и безсчисленными тревогами, вызвала народное творчество въ томъ поэтическомъ родѣ, подобнаго которому нѣтъ уже ни у одного изъ другихъ племенъ, населяющихъ землю. Отдѣлъ разбойничьихъ пѣсенъ про удалую жизнь и преслѣдованія — одинъ изъ самыхъ поэтическихъ и свѣжихъ. Тамъ, гдѣ кончаются вольныя похожденія и запѣваетъ пѣсня о неволѣ и возмездіи за удалые, но незаказные походы, начинается отдѣлъ пѣсенъ, принятыхъ въ тюрьмахъ, въ нихъ возлелѣянныхъ, пріукрашенныхъ и облюбленныхъ,—словомъ отдѣлъ пѣсенъ тюремныхъ. Оттого они и стали таковыми, что въ тюрьмѣ кончаются послѣдніе вздохи героевъ и сидятъ подпѣвалы и запѣвалы, рядовые пѣсенники — хористы и сами голосистые составители или авторы пѣсенъ. Отъ самыхъ древнихъ временъ существованія сибирскихъ тюремъ готовная и сильная передача о дѣлахъ удальцовъ въ послѣдовательномъ теченіи своемъ не прерывалась, — въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ перестали атамановъ водить ко вѣшанью и рубить ихъ буйны

*) Въ приложеніи этомъ не повторяемъ тѣхъ пѣсенъ, которыя свободно улеглись въ текстѣ нашего сочиненія.

головы по самыя могутныя плечи. Непосредственно съ Волги и изъ самыхъ первыхъ рукъ завѣщаны сибирскимъ тюрьмамъ русскія тюремныя пѣсни, изъ которыхъ многія получены нами не изъ первыхъ рукъ (изъ тюремъ), а можетъ быть уже и изъ десятыхъ (изъ старожитныхъ селеній, отъ свободныхъ сибирскихъ людей—старожиловъ). Завѣщаніе такимъ образомъ возъимѣло широкое приложеніе и отъ прямыхъ наслѣдниковъ имущество перешло въ боковыя линіи, а наконецъ сдѣлалось общиннымъ достояніемъ, какъ все въ Сибири: лѣса, тайги, луга и степи. Посѣянное укрѣпилось и устояло два столѣтія въ цѣльномъ и несокрушимомъ видѣ. Но время и въ Сибири сдѣлало тоже, что и въ Россіи (съ которою первая находится въ непрерывномъ и сильномъ общеніи): между всходами чисто-почвенными и оклиматизованными выросли плевелы и выросли въ такомъ обиліи, что грозятъ серьозною опасностью заглушить и послѣдніе остатки самостоятельныхъ и отечественныхъ растеній.

Связь и послѣдовательность не теряютъ своей силы: иноземное вліяніе, особенно долговременное (какъ сказалъ П. В. Кирѣевскій) необходимо проникаетъ во всѣ отношенія внутренняго быта, глубоко уничтожаетъ и искажаетъ народный духъ. «Царствованіе Петрово можно назвать границею настоящихъ народныхъ историческихъ пѣсенъ, которыя, послѣ Петра продолжали возникать только среди волжскаго и донскаго казачества». Позднѣйшія пѣсни о позднѣйшихъ походахъ и войнахъ «разительно отличаются ото всѣхъ настоящихъ народныхъ пѣсенъ: онѣ лишены всякаго поэтическаго достоинства и заслуживаютъ вниманія только какъ любопытные памятники времени». Пѣсни, приписываемыя преданіемъ удалымъ товарищамъ Стеньки Разина и ему самому и стало быть пѣтыя до Петра, оживлены свѣжія мыслью и блестятъ поэтическимъ колоритомъ; но уже во многомъ лишены: того и другого тѣ, которыя составлены дѣятелемъ въ началѣ прошлаго столѣтія, — извѣстнымъ въ народѣ подъ именемъ Ваньки Капна. Въ концѣ же прошлаго столѣтія выросли и появились уже во множествѣ тѣ мотивы, на которыхъ ясны слѣды крутой ломки и крупныхъ народныхъ переворотовъ. На эти произведенія народнаго творчества намело пыли

и накипѣло плесени городовъ съ ихъ фабриками и заводами, трактирами и барскими передними. Живой памяти народной подслужились печатные пѣсенники, особенно сильно пущенные въ народъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, богатаго подобнаго рода сборниками даже во многотомныхъ изданій. Уцѣлѣла коренная народная пѣсня только въ захолустьяхъ, нетронутыхъ городскимъ чужеземнымъ вліяніемъ и еще въ 30 годахъ нынѣшнаго столѣтія, изъ южно-русскаго племени (изъ малороссійскаго народа) вышелъ авторъ (Кармелюкъ) тюремной пѣсни, въ которой еще не утрачена сила народнаго творчества, хотя уже и видны нѣкоторые слѣды посторонняго вліянія. Само собою разумѣется, что потребители изъ ссыльныхъ, съ прекращеніемъ доставки отечественнаго матеріала, поневолѣ должны были довольствоваться издалека, привозными продуктами, которые и цѣною ниже и достоинствомъ хуже. Крѣпкія льняныя издѣлія домоткаинаго производства и на этотъ разъ уступили мѣсто гнилымъ или непрочнымъ бумажнымъ товарамъ машиннаго дѣла, набивнымъ ситцамъ московскаго фабричнаго досужества. Въ этомъ отношеніи законъ послѣдовательности не утрачиваетъ своей живой и дѣятельной силы даже и въ томъ, что творцами пѣсенъ и въ наши дни остаются тѣ же самые удалые молодцы, разбойники.

Замѣчено близко стоявшими къ тюремнымъ героямъ и жившими съ ними долгое время бокъ-о-бокъ, что эти угрюмые, обидчивые и завистливые люди въ тоже время въ высшей степени тщеславные, хвастливые, слишкомъ увѣренные въ собственныхъ внутреннихъ силахъ и сознательно любующіеся личнымъ характеромъ. Черты эти становятся тѣмъ крупнѣе и очевиднѣе, чѣмъ богаче извѣстный герой похожденіями и заслугами, приведшими его на каторгу. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что одаренный поэтическою натурою старался самъ похвастать своими похожденіями и уложить ихъ въ складномъ пѣсенномъ произведеніи, предоставляя товарищамъ своимъ только два права: добавить забытое и недосказанное и довести сказаніе до свѣденія людей темныхъ и невѣдующихъ. Вотъ почему, исходя изъ такихъ наблюденій, народъ приписываетъ разбойничьи пѣсни самимъ разбойничьимъ атаманамъ. Такъ народное преданіе, ни мало не ошибаясь, увѣряетъ въ томъ, что Стенька Разинъ, сидя въ

тюрьмѣ и дожидаясь лютой казни, сложилъ пѣсню и теперь повсюду извѣстную въ видѣ завѣщанія его товарищамъ, которыхъ проситъ онъ «схоронить его между трехъ дорогъ: межъ московской, астраханской, славной кіевской». Удалымъ шайкамъ Степана Тимофеевича тоже народное преданіе приписываетъ и тѣ пѣсни, которыя унесены въ сибирскія тюрьмы: «Ты возмой — возмой туча грозная» (имѣющая два начала: «Не рябинушка со березонькой совивается» и «Ахъ туманы, вы туманушки, вы, туманы мои, непроглядные»; «Изъ за лѣсу лѣсу темнаго, изъ за горъ—горъ высокіихъ *).

Ванька Каинъ, въ лицѣ котораго народъ привыкъ понимать окаяннаго грабителя, но который, по собственному его признанію, былъ и воромъ, и разбойникомъ, и сыщикомъ, въ тоже время былъ однимъ изъ самыхъ тщеславныхъ людей этого полета. Въ собственномъ признаніи его, данномъ въ русской крѣпости Рогервикѣ (теперь Балтійскій портъ), на столько сильно стремленіе его къ хвастовству и невоздержно желаніе покрасоваться и похожденіями и подвигами передъ судьями и въ крайной бѣдѣ, что Ивана Осипова Каина можно считать прототипомъ и народное преданіе не грѣшитъ особенно, приписывая ему десятка четыре пѣсенъ. Между этими пѣснями «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ, отъ крутыхъ красныхъ бережковъ, разыгралася погодушка верховая, волновая», извѣстная всей Россіи, приписывается всюду этому разбойнику-пѣсельнику. Изъ Каиновыхъ пѣсенъ въ сибирскія тюрьмы пробрались двѣ («Не шуми-ка ты мать зеленая дубровушка» и «Усы» **); между русскими тюремными приписываются ему же: «Изъ Кремля-Кремля крѣпка города», «Не былинушка въ чистомъ полѣ зашаталася», и проч. ***). Остроумный на

---

*) Въ Россіи Разиновыми пѣснями называются: 1) Помутился славный тихій Донъ, 2) Изъ славнаго изъ устьеца Синя - Моря, 3) У насъ-то было братцы. на тихомъ Дону; 4) Ужъ какъ по — морюпо морю синему, по синему по Хвалынскому; 5) Ужъ вы горы мои горы: прикажите-ко вы, горы, подъ собой намъ постоять»; 6) «Какъ во славномъ городѣ во Астрахани очутился-проявился тутъ незнамой человѣкъ» и проч.

**) «Усы» несомнѣнно воспѣваютъ подвиги извѣстнаго разбойника Васьки Уса.

***) Каиновыми пѣснями, изъ которыхъ большая часть вращается около разбоевъ и тюремъ, полагаются между прочимъ изъ извѣстныхъ слѣд.:

словахъ, остроумный на дѣлѣ, умѣвшій перенести страсть къ иносказательнымъ выраженіямъ и искуственному воровскому языку и въ пѣсни свои, Иванъ Осиповъ Каинъ разсказъ о похожденіяхъ своихъ изложилъ письменно и пустилъ его въ народъ. Изуродованная переписчиками тетрадка попалась въ руки нѣкоего «жителя города Москвы Матвѣя Комарова», который, по своему разумѣнію, передѣлалъ разсказъ и издалъ его въ печати три раза (въ 1773, 1788 и 1794 годахъ), Въ 1755 году надъ Каиномъ наряжена была слѣдственная комиссія при сыскномъ приказѣ и издатель его пѣсенъ и похожденій (Комаровъ) видалъ тамъ и слыхалъ его лично. «Каинъ, по благодѣянію секретарскому, содержался въ Сыскномъ приказѣ не такъ, какъ прочіе колодники и, имѣя на ногахъ кандалы, ходилъ по двору и часто прихаживалъ въ переднія Сыскнаго Приказа горницы и тутъ съ подъячими и бывшими иногда дворянами вольно разговаривалъ. Разсказывалъ онъ свои похожденія бывшему тогда въ томъ приказѣ дворянину Θед. Θомину Левшину». Будучи сыщикомъ, онъ проворовался на сыскныхъ дѣлахъ до того, что уворовалъ даже чужую жену. Его судили и присудили выбить кнутомъ, положить клейма, вырвать ноздри и, сослать въ каторжныя работы въ Рогервикъ, а оттуда въ Сибирь.

«Палъ туманъ на сине - море», «Не бушуйте вы, вѣтры буйные, не шумите вы, лѣса темные»; «Ты рябинушка, ты кудрявая», «Скучно, матушка, весною жить одной». Впрочемъ съ большимъ вѣроятіемъ можно принимать за каиновы пѣсни тѣ, которыя отличаются болѣе искуственнымъ складомъ, отсутствіемъ поэтическаго элемента и стремленіемъ къ тому остроумію, которое составляло его отличительную черту и въ жизни и въ слѣдственныхъ показаніяхъ. Таковы: 1) Во славномъ было городѣ во Нижномъ; 2) Въ Архангельскомъ во градѣ ходятъ дѣвушки въ нарядѣ; 3) Ещо что вы, братцы, призадумались? 4) Чарочки по столику похаживаютъ; 5) Дѣвушки вино курили; 6) Вѣщевало мое серце вѣщевало; 7) Веселъ я веселъ сегодняшной день. Съ фабричнымъ людомъ Каинъ (къ тому же еще самъ бѣглый лакей) хорошо былъ знакомъ, по обязанности сыщика. Для вящаго успѣха по должности онъ получилъ право устроить въ Зарядьѣ въ Москвѣ веселое заведеніе съ бильярдомъ, картами и зернью, получившее въ Москвѣ огромную извѣстность. Къ нему валилъ, по новости дѣла, всякій праздный народъ, а особенно суконщики фабричные рекомендовали сами себя для услугъ и онъ давалъ имъ пристанище: иногда держалъ человѣкъ по 30-ти.

Сибирь, съ его легкой руки, не переставала, по образцамъ и примѣрамъ, давать изъ удалыхъ разбойниковъ авторовъ тюремныхъ пѣсенъ. Страшный не такъ давно для цѣлаго Забайкалья разбойникъ Горкинъ не менѣе того извѣстенъ былъ какъ отличный пѣсельникъ и юмористическій разскащикъ. Живя, по окончаніи срока каторжныхъ работъ на поселеніи, онъ ушолъ весь въ страсть къ лошадямъ и на своихъ рысакахъ возилъ откупныхъ повѣренныхъ, потѣшая ихъ лихими своими пѣснями и необычайно-быстрой ѣздой. Съ пишущимъ эти строки онъ охотливо подѣлился разсказами о своихъ похожденіяхъ. Разбойникъ Гусевъ, бѣжавшій изъ Сибири въ Россію и ограбившій соборъ въ Саратовѣ, въ саратовскомъ тюремномъ замкѣ, сложилъ пѣспю: «Мы заочно братцы распростились съ бѣлой каменной тюрьмой», которая ушла и въ Сибирь. Самъ Гусевъ, пѣсколько разъ бѣгавшій оттуда, вновь, послѣ саратовскаго грабежа, уже не пошолъ: его сгубило тоже хвастовство разбойничьяго закала и таже страсть къ остротѣ и красному слову, которыми отличались и предшественники его. Когда онъ приведенъ былъ на саратовскую торговую площадь и палачъ хотѣлъ привязывать его ремнями къ кобылѣ, Гусевъ, обращаясь къ скамейкѣ, закричалъ на весь, собравшійся народъ: «Эхъ, лошадка-лошадка!—вывозила ты меня не одинъ разъ: ну-ко,—вывози опять!»—Нѣтъ Ив. Вас.—замѣтилъ палачъ: теперь она тебя не вывезетъ! — и сдержалъ слово: Гусева сняли съ эшафота мертвымъ.

Извѣстный малороссійскій разбойникъ Кармелюкъ былъ также поэтомъ и авторомъ не разбойничьихъ, но элегическихъ пѣсенъ, сложенныхъ на родномъ ему языкѣ. Онъ «шалилъ» на Волыни, долго не давался въ руки властей и наконецъ убитъ былъ своею коханкою «которая подкуплена была сосѣднимъ помѣщикомъ *)».

---

*) На Волыни объ этомъ событіи разсказываетъ народная пѣсня:

Ой ты, Кармелюкъ по свѣту ходишь
Не едну дѣвчину изъ ума зводишь
Не едну дѣвчину, не одну вдову
Бѣлолицю, румяну ще-й черноброву!
Ой ты, дѣвчина, ты чорнявая,
Ой де-сь ты мине принаду [1]) дала?
Бодай ты такъ знавъ въ сѣней до хаты,

Въ сибирскихъ тюрьмахъ также сохранилась одна хорошая пѣсня его, безъ сомнѣнія оставленная самимъ Кормелюкомъ, такъ какъ онъ въ Сибири былъ и отсюда убѣжалъ разбойничать на Волынь. На Волыни сохранилась о Кармелюкѣ такая пѣсня въ народѣ:

Повернувся я зъ Сибиру
Не ма минѣ доли
А здається не въ кайданахъ
Еднакъ же въ неволѣ и т. д. (*См. ниже*)

А якъ я знаю чимъ чаровати:
Ой у мене чары оченьки кары,
А въ мене отрута [2]) въ городѣ рута!
Пишовъ Кармелюкъ до кумы въ гостѣ
Покинувъ платья въ лѣсѣ при мостѣ:
— Ой кумцю, кумцю, посвонмося [3])
— Дай горѣлочки ди напымося.
«Ой раду, раду, ходѣмъ до саду
Нарвемо грушокъ повенъ хварту-шокъ [4])
Сядемо собѣ подъ яблонею,
Будемъ пити медъ зъ горѣлкою
Будемъ пити, будемъ спѣвати
Прійде чорнява пидемъ гулати!»
— Скажи жъ, дѣвчино, якъ тебе звати
— Що бъ я потрапивъ [5]) до твоей хаты?
«А мене звати Магдаленою,
А моя хата надъ долиною,
А моя хата снопками шита [6]).
Прійди, Кармелюкъ, хочъ буду бита.
Хочь буду бита—знаю за кого :
Пристало серденько мое до твого!»
Ой самъ я довся зъ свѣта згубити
Що я и сказавъ кулѣ [7]) святити.
Сама жъ ты дала до двора знати,
Щобъ мене вбили у твоей хатѣ!

[1]) Приманку, приворотное; [2]) отрава, [3]) будемъ свои; [4]) передникъ, [5]) нашолъ путь, [6]) обложена связками (обыкновенно коноплями); [7]) пули. Стихи 6—11 разговоръ съ дѣвушкой; Кармелюкъ идетъ къ кумѣ, у которой были тайныя свиданія ея съ дѣвушкою; ст. 14—21—разговоръ съ кумой; ст. 22—29— разговоръ съ дѣвушкой въ домѣ кумы; ст. 30—33—пѣсня отъ лица Кармелюка, жившаго—по народному преданію, въ началѣ нынѣшнаго столѣтія. По образцамъ прошлыхъ вѣковъ и по обычаямъ временъ Коліевщины пѣсня эта также намекаетъ на гайдамака-характерника, знавшагося съ нечистой силой и умѣвшаго зачуровывать направленныя на него пули. Освѣщать пули въ противодѣйствіе чарамъ было въ обычаѣ у казаковъ временъ коліівщины.

Намъ самимъ лично удалось видѣть на Карійскихъ золотыхъ промыслахъ ссыльно-каторжнаго Мокѣева, сосланнаго за грабежъ и обличавшаго въ себѣ несомнѣнно-поэтическую натуру, высказавшуюся и въ жизни на волѣ, и въ жизни на каторгѣ, и даже выразившуюся въ порывахъ къ стихотворству. Ему заказана была пѣсня на отправленіе эскадры для пріобрѣтенія Амура и муза Мокѣева, вдохновляемая шилкинскими картинами и руководимая акомпониментомъ торбана, бубна, тарелокъ и треугольника, высказалась въ большой пѣснѣ, которая начинается такъ:

Какъ за Шилкой за рѣкой,
Въ деревушкѣ грязной,
Собрался народъ простой,
И народъ все разной.

а кончается:

Вдругъ раздался пѣсенъ хоръ,
Пушекъ залпъ раздался,—
И по Шилкѣ, между горъ,
Флотъ сибирской мчался.

Пѣснѣ этой не удалось удержаться у казаковъ (придумавшихъ про Амуръ иную пѣсню совсѣмъ противоположнаго смысла и настоящаго склада), но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Мокѣеву не мудрено было соблазнить каторжныхъ тѣми своими пѣснями, которыми приладился онъ къ общему настроенію арестантскаго духа, т. е. когда муза его снисходила до сырыхъ казармъ и тяжолыхъ работъ и хотя бы даже и до купоросныхъ щей. Арестанты, какъ мы видѣли, не взыскательны и въ ущербъ настоящимъ народнымъ пѣснямъ привыкли къ тѣмъ, которыя нуждаются въ торбанѣ и трескотнѣ тарелокъ: вкусъ давно извращонъ и поэтическое чутье совсѣмъ утрачено.

Вотъ для примѣра пѣсня, пользующаяся особенною любовью тюремныхъ сидѣльцовъ не только въ Россіи, но и въ Сибири, пѣсня, распространенность которой равносильна самымъ извѣстнымъ и любимымъ старинным русскимъ пѣснямъ. Столичные пѣсельники въ публичныхъ садахъ и на народныхъ гуляньяхъ, извѣстные подъ страннымъ именемъ «русскихъ пѣвцовъ», вмѣстѣ съ цыганами, представляютъ тотъ источникъ, изъ котораго истекаетъ вся порча и

безвкусіе. Здѣсь же получилъ образованіе и авторъ прилагаемой пѣсни и здѣсь же выучились находить вдохновеніе новѣйшіе творцы псевдо-народныхъ русскихъ пѣсенъ. Такова пѣсня въ цѣломъ видѣ и съ болѣе замѣчательными варіантами:

Ни въ Москвѣ, ни за Москвой,
Межъ Бутырской и Тверской,
Тамъ стоятъ четыре башни
Посрединѣ божій храмъ.
(Или по-московскому и вѣрнѣе:)
Въ срединѣ большой домъ,
Гдѣ крестъ на крестъ калидоры
И народъ сидитъ все воръ:
(Или: сидитъ въ тоскѣ).—
Сидѣлъ воронъ на березѣ,
(Рыскалъ воинъ на войнѣ; или:)
Кричитъ воронъ не къ добру (или на войну)
«Пропадать тебѣ, мальчишкѣ,
Здѣсь въ проклятой сторонѣ.
Ты зачѣмъ, бѣдный мальчишка,
Въ свою сторону бѣжалъ? *)
Никого ты не спросился,
Кромѣ сердца своего. **)

---

*) Въ Россіи поютъ:

Своей родины бѣжалъ.

**) Въ Россіи прибавка:

На кого же ты покинулъ
Мать родную и отца?
(Или: Ты спокинулъ, ты оставилъ
Ты старушку своё мать
Отца свòво старика!)
— «Ужъ некому мальчишку
Меня было научить,
А теперича мальчишку,
Меня поздно научить!
Ужъ и жилъ я, веселился,
Но имѣлъ свой капиталъ;
Какъ и этотъ капиталъ
Весь я пропилъ-прогулялъ
(Дальше «во неволю жить» и проч.)
Или: Жилъ бы—жилъ бы веселился

Прежде пилъ ты, веселился.—
Какъ имѣлъ свой капиталъ.
Съ товарищами поводился,
Капиталъ свой промоталъ.
Капиталу не сыстало —
Во неволю жить попалъ,
Во такую во неволю:
Въ бѣлой каменной острогъ.
Во неволѣ сидѣть трудно,
(Или: Хороша наша неволя, да—)
(Но) кто знаетъ про нее?
Посадили насъ на недѣлю —
Мы сидѣли круглой годъ.
За тремя мы за стѣнами
Не видали свѣтлой день.
Но не бось: Творецъ-Господь съ нами,
(Или: Богъ-Творецъ одинъ онъ съ нами),
Часты звѣзды намъ въ ночи сіяли;
Мы и тутъ зарю видали,
Мы и тутъ (или: Лихъ мы здѣсь) не пропадемъ!
Часты звѣзды потухали,
Заря бѣла занялася,
Барабанъ зорю пробилъ,—
Барабанушко пробивалъ,
Клюшникъ двери отпиралъ.
Клюшникъ двери отпираетъ.
Офицеръ *) съ требой идетъ,
Всѣхъ на имя насъ зоветъ: **)

Капиталецъ свой имѣлъ
Капиталецъ миновался
Во неволю жить попалъ.

*) Вм. *офицера—писарь* съ *требыёмъ* идетъ, намъ указы выдаетъ: собираться скоро во походъ.

**) Въ Россіи эта трагическая сцена размалёвана иначе:

Свѣтъ небесный во сіяньи:
Барабаны зорю бьютъ,
Барабанъ зорю пробьетъ
Вундеръ двери отворяетъ:
Писарь съ требою идетъ;

«Одѣвайтесь ребятенки,
Въ свои сѣры чапаны!
Вы берите сумочьки, котомки,
Вы сходите съ верху въ низъ,
Говорите всѣ одну рѣчь».

Что за шутова коляска
Показалась въ городу?
Коней пару запрягаютъ,
Подаютъ ее сейчасъ, —
Подаютъ эту коляску
Ко поратному крыльцу:
Сажаютъ бѣднаго мальчишку
Къ эшафотному столбу.
Палачъ Ѳедька разбѣжался,
Меня за руки беретъ;
Становитъ меня, мальчишку,
У траурнаго столба.
Велятъ мнѣ, бѣдному мальчишкѣ,

Онъ по требованью кличетъ,
Намъ къ суду идти велятъ.
Взяли сумки, помолились
И отправились себѣ...
Насъ въ карету посадили
И съ конвоемъ повезли...
Или: Взяли сумки—подхватили
И въ походъ скоро пошли.
Торбанъ, торбанъ покатился,
Что за чудна за карета.
Сдивовался весь народъ,
Что кругомъ конвой идетъ.
У родныхъ сердца забьются,
Слезно сплакали объ насъ.
Слезно плакали объ насъ
Отправляли въ Сибирь насъ.

Здѣсь и конецъ — какъ мы выше сказали—россійскому издѣлію. Сибирскіе арестанты не задумались надъ описаніемъ дальнѣйшей картины и изобразили ее въ послѣднемъ придаткѣ къ пѣснѣ. По словамъ сибирскихъ арестантовъ пѣсня эта сочинена въ концѣ 40-хъ годовъ нынѣшнаго столѣтія, и основная канва ея приписывается разбойнику Гусеву, нѣсколько разъ бѣгавшему изъ Сибири и нѣсколько лѣтъ тому назадъ ограбившему соборъ въ Саратовѣ. Въ Саратовскомъ острогѣ будто бы онъ и сложилъ эту пѣсню, которую потомъ измѣняли по своему и въ Россіи, и въ Сибири.

На восходъ солнца молиться,
Со всѣмъ міромъ распроститься.
Палачъ Ѳедька разбѣжался—
Рубашонку разорвалъ,
На машину меня клалъ.
На машину меня клали
Руки, ноги привязали
Сыромятнымъ ремнемъ.
Беретъ Ѳедька кнутья въ руки,
Закричалъ: «братъ, берегись!»
Онъ ударилъ въ первой разъ—
Полились слезы изъ глазъ.
Онъ ударилъ другой разъ —
Закричалъ я: «помилуйте насъ!»

Вотъ какой пѣснѣ, въ наше время, удалось попасть во вкусъ потребителей на столько, что намъ привелось замѣтить нѣсколько сортовъ ея съ обычной фабричной набойкой; основа гнилая проклееная, утокъ линючихъ цвѣтовъ и красокъ, и въ Москвѣ, и въ Сибири, и въ Казани, и въ Саратовѣ. Пѣсня стала и любимою и распространенною; рѣдкой другой пѣснѣ доставалась такая счастливая доля, не смотря на то, что за ней нѣтъ никакихъ достоинствъ, каковыми красятся старинныя, *настоящія народныя* пѣсни. Въ этой пародіи на русскую пѣсню нѣтъ уже искренняго чувства и поэтическихъ образовъ, хотя и замѣчается тоническая размѣръ и риѳма. Между тѣмъ такого склада пѣснямъ, съ конца прошедшаго столѣтія, судьба судила занять чужое, не принадлежащее имъ мѣсто, какъ бы въ доказательство того, что народъ уже успѣлъ забыть старые образы и пріемы, самобытные и художественные, и потянулся къ новымъ, искуственнымъ и прозаическимъ. Такихъ нескладныхъ пѣсенъ уже довольно много въ народѣ и видится серьозная опасность, что они современемъ вытѣснятъ то, съ чѣмъ сдружился и сжился народъ не однимъ столѣтіемъ. Во всякомъ случаѣ нельзя не видѣть въ этомъ явленіи упадка поэтическаго чутья и художественнаго вкуса въ силу причинъ, исключительно не зависѣвшихъ отъ народа. Съ такими ли красками подходили къ своимъ идеаламъ прежніе народные пѣвцы, и такъ ли легко отходили отъ нихъ прежніе люди? Для образца представляемъ

одну старинную пѣсню (записанную въ Саратовской губ.), получившую вдохновеніе и содержаніе свое въ томъ же источникѣ, изъ котораго вытекла и новая пѣсня тюремная—близкая свойственница новомодным лакейскимъ, трактирнымъ, фабричнымъ пѣснямъ.

Ещо сколько я, добрый молодецъ, не гуливалъ,
Что не гуливалъ я, добрый молодецъ, не нахаживалъ,
Такова я чуда-дива не нахаживалъ,
Какъ нашолъ я чудо-диво въ градѣ Кіевѣ:
Середи торгу-базару, середь площади:
У того было колодечка глубокова
У того было ключа-то подземельнова;
Что у той было конторушки Румяицовой;
У того было крылечька у перильчата:
Ужь какъ бьютъ-то добра молодца на правежѣ,
Чго на правежѣ ево бьютъ,
Что нагова бьютъ, босова и безъ пояса,
Въ однихъ гарусныхъ чулочкахъ-то, безъ чоботовъ:
Правятъ съ молодца казну да монастырскую *).

---

*) У пѣсни варіантъ:

Били добраго молодца на правежѣ
На жемчужномъ перехрёстычкѣ †)
Во морозы во хрещенскіе
Во два прутика желѣзные.
Онъ стоитъ удаленькой—не тряхнется,
И русы кудри не шолохнутся.
Только горючи слезы изъ глазъ катятся.
Наѣзжалъ къ нему православный царь
Православный царь Петръ Алексѣевичъ.
Не золотая трубынька возтрубила,
Не серебряна сыповочька возыграла,
Тутъ возговоритъ царь Петръ Алексѣевичъ:
Вы за што добротнова казните?
Бьете казните казнью смертною?
Тутъ возговорятъ мужики приходскіе:
Ужъ ты гой еси, православной царь
Царь Петръ Алексѣевичъ!
Мы за то его бьемъ-казнимъ:
Онъ покралъ у насъ Миколу-ту Можайскова,
И унесъ казны сорокъ тысячей.
Тутъ возговоритъ добрый молодецъ:

†) Въ Москвѣ урочище: мѣсто старыхъ казней.

Изъ-за горъ-то было горъ, изъ-за высокихъ,
Изъ-за лѣсу-то было лѣсочку, лѣса темново,
Что не утренняя зорюшка знаменуется,
Что не праведное красно солнушко выкатается:
Выкаталась бы тамъ карета красна золота,
Красна золота карета — государева.
Во каретушкѣ сидѣлъ православный царь
Православный царь Иванъ Васильевичъ.
Случилось ему ѣхать посередь торгу:
Ужъ какъ спрашивалъ надежа—православный царь,
Ужъ какъ спрашивалъ добра молодца на правежѣ:
Ты скажи-скажи, дѣтина, правду-истину:

Ужъ ты гой еси, православный царь,
Православный государь Петръ Алексѣевичъ,
Не вели меня за слово казнить-вѣшати,
Прикажи мнѣ слово молвити,
Мнѣ сея, добра молодца, поправити.
Не я покралъ у нихъ Миколу-ту Можайскаго,
И не я унесъ у него золоту казну
А покрали его мужики-Кашилы.
Только лучилося мнѣ доброму молодцу
Это дѣло самому видѣти.
Гулялъ я, молодецъ, по бережку
На жолтымъ песку, при мелкомъ лѣску,
И увидѣлъ, что они дѣлятъ казну,
Не считаючи дѣлятъ,— отгребаючи.
У меня, у молодца, сердце разгорѣлося
Молодецкая кровь раскипѣлася,
Ломалъ я, молодчикъ, мостовиночку дубовую,
Перебилъ я мужиковъ до полу-смерти,
Иныхъ прочихъ чуть живыхъ пустилъ.
И взялъ я у нихъ золоту казну.
Взявши казну, сталъ пересчитывать:
Насчиталъ казны сорокъ тысячей.
Тутъ не золота трубынька вострубила
Не серебряна сыновочка возыграла,
Какъ возговоритъ надежа-православный царь
Православный государь Петръ Алексѣевичъ:
Ты куда такову казну дѣвалъ?
Тутъ возговоритъ добрый молодецъ:
Ужъ ты гой еси, православный царь,
Православный государь Петръ Алексѣевичъ
Прогулялъ я во кружалѣ
Со голытьбою со кабацкою!

Ещо съ кѣмъ ты казну кралъ, съ кѣмъ разбой держалъ?
Если правду ты мнѣ скажешь — я пожалую,
Если ложно ты мнѣ скажешь—я скорб сказню.
Я пожалую тя, молодецъ, въ чистомъ полѣ
Что двумя тебя столбами да дубовыми,
Ужъ какъ третьей перекладиной кленовою,
А четвертой тебя петелкой шолковою.»
Отвѣчатъ ему удалый добрый молодецъ:
—Я скажу тебѣ, надёжа — православный царь,
Я скажу тебѣ всю правду и всю истину,
Что не я-то казну кралъ, не я разбой держалъ:
Ужъ какъ крали-воровали добры молодцы
Добрые молодцы, Донскіе казаки.
Случилось мнѣ, молодцу, идти чистымъ полемъ,
Я завидѣлъ въ чистомъ полѣ сырой дубъ стоитъ,
Сырой дубъ стоитъ въ чистомъ полѣ кряковистой.
Что пришолъ я, добрый молодецъ, къ сыру дубу.
Что подъ тѣмъ подъ дубомъ подъ кряковистымъ,
Что казаки они дѣлъ дѣлятъ,
Они дѣлъ дѣлятъ, дуванъ дуванили.
Подошолъ я, добрый молодецъ, къ сыру дубу,
Ужъ какъ бралъ-то я сырой дубъ посередь его.
Я выдергивалъ изъ матушки сырой земли,
Какъ отряхивалъ коренья о сыру землю,
Ужъ какъ тутъ-то добры молодцы испугалися:
Со дѣлу они, со дувану разбѣжалися:
Одному, мнѣ, золота казна досталася,
Что не много и не мало — сорокъ тысячей.
Я не въ кладъ-то казну клалъ, животомъ не звалъ:
Ужъ я клалъ тое казну во большой-отъ домъ,
Во большой-отъ домъ,—въ царевъ кабакъ.

Вотъ тѣ пѣсни, которыя удалось намъ слышать въ Сибири отъ ссыльныхъ или собственно тюремныя пѣсни:

I.

При долинушкѣ выросъ кустъ съ малинушкой (или съ калинушкой)
На кусточкѣ ли (или: на калинушкѣ) сидитъ младъ соловеюшко,
Сидитъ — громко свищетъ.

А въ неволюшкѣ сидитъ добрый молодецъ,
Сидитъ — слезно плачетъ:
Во слезахъ-то словечушко молвилъ:
Растоскуйся ты, моя любезная, разгорюйся!
Ужъ я самъ-то по тебѣ, любезная,
Самъ я по тебѣ сгоревался.
Я отъ батюшки, я отъ матушки
Малой сынъ остался.
«Кто тебя, сироту, вспоилъ — вскормилъ?»
— Воскормилъ — вспоилъ православный міръ,
Возлелѣяла меня чужая сторонка,
Воскачала-то меня легкая лодка.
А теперь я, горемышной, во тюрьму попалъ,
Во тюрьму попалъ — тюрьму темную.

II.

Изъ за лѣсу-лѣсу темнаго
Изъ за горъ-горъ высокіихъ
Выплывала лодка легкая.
Ничѣмъ лодочька не изукрашена:
Молодцами изусажена;
Посередь лодки бѣлъ шатеръ стоитъ;
Подъ шатромъ-то золота казна;
Караульщицей красна дѣвица.
Дѣвка плачетъ, какъ рѣка льется;
У ней слезы, какъ волны бьются.
Атаманъ дѣвку уговариваетъ:
— Не плачь, дѣвка; не плачь, красная!
«Какъ мнѣ, дѣвушкѣ, не плакати?
Атаману быть убитому
Палачу (эсаулу?) быть разстрѣлену?
А мнѣ, дѣвушкѣ, тюрьма крѣпкая
И сосланьицо далекое.
Въ чужедальную сторонушку,
Что въ Сибирь-то некрещоную!

III.

Ты воспой — воспой
Жаворо̀ночокъ,

На крутой горѣ
На проталинкѣ.
Ты утѣшь-ко, утѣшь
Меня молодца,
Меня молодца
Во неволюшкѣ,
Во неволюшкѣ
Въ каменной тюрьмѣ,
За трюми дверьми
За дубовыми,
За трюми цѣпьми
За желѣзными.
Напишу письмо
Къ свому батюшкѣ, —
Не перомъ напишу
Не чернилами:
Напишу письмо
Горючьми слезьми.
Отецъ съ матерью
Отступилися:
«Какъ у насъ въ роду
Воровъ не было,
Ни воровъ у насъ,
Ни разбойниковъ».

IV.

Ужъ ты, гулинька мой голубочекъ,
Сизокрылый ты мой воркуночекъ!
Отчего ко мнѣ, гулинька, въ гости не летаешь?
Развѣ домичька моего ты не знаешь?
Мой домикъ раскрашеной: ни дверей нѣтъ, ни окошокъ,
Только печка муравая — труба дымовая.
Какъ во трубочку дымокъ повѣваетъ,
А у моей любушки сердце занываетъ.
Ахъ, вы нянюшки-мамушки!
Вы берите ключи золотые
Отпирайте замки вы витые,
Вынимайте вы уборы дорогіе.
Вы идите къ чиновникамъ съ поклономъ—

Выручайте, дружки, изъ неволи!
Или голоску моего, гулинька, ты не слышишь:
Мой громкой голосъ вѣткомъ относитъ?
Или сизыя твои крылья частымъ дождемъ мочитъ,
Холоднымъ осенненькимъ сверху поливаетъ?
Какъ не ласточка кругомъ саду летаетъ,
Не касаточка къ землѣ низко припадаетъ,
А про мое несчастьицо, видно не знаетъ:
Будьто я, добрый молодецъ, во тюрьмѣ сижу—во неволѣ.
Что никто-то, никто ко мнѣ, доброму молодцу,
Не зайдетъ, не заѣдетъ, никто не заглянетъ.
Тутъ зашла-зашла къ нему гостюшка дорогая
Вотъ его-то любушка милая:
Не гостить зашла, а провѣдать.
Ужъ ты, любушка, ты моя, радость дорогая,
Выкупай ты меня Бога—для изъ неволи!
Не жалѣй ты своихъ цвѣтныхъ уборовъ:
Ты сходи-тко, сходи въ домъ къ прокурору,
Попроси ты его слезно, попрошай-ко:
Не отпуститъ-ли онъ меня, молодца,
На вольной свѣтъ погуляти,
Свое горе лютое разогнати? *)

---

*) Въ Холмогорахъ (Арх. г.), мнѣ удалось записать ещо варіантъ этой пѣсни древнѣйшаго происхожденія:

Мой сизой голубчикъ,
Ты зачѣмъ, для чего
Въ садикъ не летаешь?
Буйнымъ вѣтромъ
Сизова относитъ;
Частымъ дождемъ
Крылья-перья мочитъ.
Мой миленькой,
Мой милой дружочекъ!
Ты пошто, для чего
Рѣдко въ гости ходишь:
Твой отецъ да мать
Тебя не спускаютъ,
Родъ они племя
Тебѣ запрещаютъ?
Сидѣлъ-посидѣлъ
Удалой молодчикъ
Во темной темницѣ.

V.

Соловейко ты мой, соловейко,
Разнесчастный ты мой, соловейко!
Ты не вей себѣ, не вей себѣ теплаго гнѣздушка,
Не вей при дорожкѣ,
А совей-ко лучше его при долинѣ:
Тамъ никто его, никто не раздритъ,
И твоихъ малыхъ дѣтушокъ никто не разгонитъ.
Какъ у Троицы было подъ горою,
За каменною было за стѣною;
Тамъ сидитъ-сидитъ добрый молодецъ,
Онъ сидитъ-сидитъ въ каменной тюрьмѣ;
Онъ не годъ сидитъ, онъ не два года.
Что никто къ нему, разудалому,
Никто не зайдетъ, никто не заѣдетъ.
Тутъ зашла къ нему гостюшка дорогая,
Къ нему матушка его родная;
Не гостить зашла, а провѣдать:
— «Каково-то тебѣ, сыну милому,
Во тюрьмѣ сидѣть, во неволюшкѣ?
Во тюрьмѣ сидѣть за рѣшотками,

У той у темной, у темной темницы
Ни дверей нѣту, нѣту ни окошокъ,
Ещо въ ней нѣту ни красна крылечька:
Только есть одна труба дымовая
Изъ той трубы дымъ-отъ повѣваетъ,
Меня молоду горе разбираетъ.
Пойду я, млада, съ горя въ зе́ленъ садикъ,
По́йду-возьму я ключи золотые;
Отопру я сундуки-ла́рцы кованы.
Возьму денегъ ровно сорокъ тысячъ,
Стану дружка-дружка выкупати,
Изъ неволюшки его выручати.
Грозе́нъ судья, судья-воевода,
Моей казны—казны не примаетъ
Меня молоду горе разбираетъ!
Пойду млада, я съ горя въ чисто поле:
Пойду-нарву я лютаго коренья
Буду-стану я судью опоити.

За рѣшотками за желѣзными?»
— Ахъ ты матушка, ты родимая!
Ты сходи-сходи къ прокурору въ домъ
Попроси-ко ты его милости.
Не отпуститъ-ли меня, добраго молодца,
На свѣтъ бѣлой погулять ещо?

VI.

Привелось мнѣ, доброму молодцу,
Ѣхать мимо каменной тюрьмы
На тюремномъ-то на бѣломъ окошечкѣ
Сидѣлъ добрый молодецъ:
Онъ чесалъ свои русы кудерушки
Частымъ бѣлымъ гребешкомъ.
Расчесавши свои русы кудерушки,
Самъ восплакалъ слезно и сказалъ:
Вы подуйте-ко, бурны вѣтры,
На родиму сторону!
Отнесите-ко вы, вѣтры буйные,
Моему батюшкѣ низкой поклонъ,
Какъ моей родимой матушкѣ челобитьецо!
А женѣ молодой вотъ двѣ волюшки:
Какъ первая воля — во вдовахъ сиди;
А вторая воля — замужъ пойди!
На меня-то, молодца, не надѣйся:
У меня-то, молодца, есть своя печаль непридумная:
Осужонъ-то я на смертную казнь —
Къ наказанью-ль кнутомъ да немилостному *).

VII.

Ты не пой-ко, не пой, младъ жавороночокъ,
Сидючи весной на проталинкѣ
На проталинкѣ—на прогалинкѣ.
А воспой-ко, воспой, младъ жавороночокъ

---

*) Въ извѣстной русской пѣснѣ: «Ужъ палъ туманъ на сине море» мотивъ этотъ повторяется въ концѣ съ такимъ варіантомъ:

«Молодой женѣ скажите мою волюшку
На всѣ ли на четыре сторонушки
Малымъ дѣтушкамъ благословеньецо». —

Воспой-ко воспой при долинѣ.
Что стоитъ ли тюрьма
Тюрьма новая,
Тюрьма новая, дверь дубовая,
Что сидитъ ли тамъ сидитъ доброй молодецъ
Онъ не годъ сидитъ, онъ не два года.
Сидитъ ровно семь годовъ.
Заходила къ нему матушка родная:
«Что я семь-то разъ семь разъ выкупала,
Что и семь-то—я семь тысячъ потеряла
Что осьмой-то, осьмой-то тысячи не достало.

VIII.

Садъ ли мой, садочикъ,
Садъ-зеленый виноградъ!
Отчего садикъ поблекъ? —
Въ саду Ванюшка гулялъ,
Красныхъ дѣвокъ забавлялъ,
Во побѣдушку попалъ,
Во побѣду — во нужду:
Въ крѣпку каменну тюрьму.
Подъ окномъ Ваня сидѣлъ,
Съ конемъ рѣчь говорилъ:
«Ахъ, ты, конь мой вороной,
Конь — добра лошадь моя!
Ты не выведешь меня
Изъ побѣды — изъ нужды,
Изъ крѣпкой каменной тюрьмы».
Какъ солнцо на восходъ, —
Ведутъ Ваню на допросъ.
Попередъ палачъ съ плетьми,
Позадѣ жена съ дѣтьми
Уливается слезьми.
«Ахъ, ты, жонушка моя!
Жена барыня моя!
Чѣмъ дарила палача?»
— Со бѣлой шеи платкомъ,
Со правой руки кольцомъ, —
Красно солнце на закатъ —
Ведутъ Ванюшку назадъ.

Сопоставляя эти пѣсни рядомъ, мы видимъ въ нихъ разительное сходство въ основныхъ мысляхъ: одна служитъ основаніемъ другой, другая дополненіемъ третьей и эта, трепатья, пораждаетъ четвертую въ томъ видѣ, что въ ней варіанты пропадаютъ почти безслѣдно и пѣсня снова является самобытною. Если источникъ этихъ пѣсенъ лежитъ въ думахъ заключенниковъ русскихъ тюремъ (гдѣ онѣ, по всему вѣроятію, и придуманы), то тѣмъ не менѣе пѣсни эти любимыя и у сибирскихъ арестантовъ. Одна пѣсня (№ IV) даже до такой степени освоилась въ Сибири, что ее тамъ признаютъ всѣ за свою, называютъ сибирскою національною и знаютъ ее и поютъ всѣ, начиная съ тюремныхъ казармъ и крестьянскихъ избъ и кончая богатыми кабинетами и гостиными богатыхъ купцовъ и золотопромышленниковъ. Эта—одна изъ самыхъ извѣстныхъ и распространенныхъ пѣсенъ въ Сибири, не смотрна то, что коренной сибирякъ вообще пѣть не охотникъ, мало знаетъ пѣсенъ и почти ниодной своей не придумалъ. Сибирскою можно назвать упомянутую пѣсню развѣ потому только, что сибиряки нѣсколько измѣнили напѣвъ, отличающійся отъ русскаго большею тоскливостью (къ тому же онъ и растянутѣе). Творчество въ Сибири, по видимому, не шло дальше того, что завѣщано Россіей и остановилось удовлетворенное старыми русскими образцами. Въ замѣнъ того въ Сибири замѣтно явленіе противоположнаго свойства: тамъ изъ готоваго матеріала составляются новыя пѣсни, въ которыхъ начало взято изъ одной, — конецъ приставленъ изъ другой. Эта перетасовка, перекройка стиховъ — дѣло обычное у арестантовъ: примѣры мы укажемъ ниже;—вотъ между прочимъ одинъ, отвѣчающій тремъ сразу пѣснямъ, помѣщеннымъ нами подъ №№ III, IV и V. Въ Россіи III пѣснѣ отвѣчаетъ слѣдующая крѣпко-распространенная:

Ты воспой—воспой, младъ жавороночокъ,
Сидючи весной на проталинкѣ.
Сидитъ молодецъ въ темной темницѣ,
Въ темной тёмницѣ — заключеньецѣ;
Пишетъ онъ грамотку къ отцу, къ матери,
Къ отцу, къ матери, къ молодой женѣ.

Охъ ты матушка, рóдной батюшка!
Выкупи—выручи добраго мóлодца,
Добраго молодца изъ темнóй тéмницы.
Какъ отецъ-то и мать отказалися,
Всѣ сродники отступаются *)
Ты воспой—воспой, милъ жавороночокъ,
Сидючи весной на проталинкѣ.
Сидитъ мóлодецъ въ темнóй тéмницѣ,
Въ темнóй тéмницѣ въ заключеньецѣ;
Пишетъ грамотку къ красной дѣвицѣ,
Къ красной дѣвицѣ—прежней полюбовницѣ:
«Выкупи, выручи добраго молодца,
Ахъ ты, душечка—красная дѣвица,
Ты, прежная моя полюбовница!»
Красная дѣвица горько всплакнула,
Горько всплакнула, слово молвила:
«Охъ, вы нянюшки—мои мамушки!
Вы берите скорѣй золоты ключи,
Отпирайте вы кованы ларцы,
Вы берите казны сколько надобно:
Выкупайте добраго молодца,
Добраго молодца изъ темнóй тéмницы,
Изъ темнóй тéмницы—заключеньеца».

Пѣсня подъ № VIII составлена изъ двухъ, изъ которыхъ одна поется въ Россіи такъ:

Ужъ ты, веснушка наша весна!
Ты не къ радости, весна, пришла,
Не къ радости весна, не въ честѣ,
Во великой большой сухотѣ.
Ужъ ты, садъ ли мой садикъ,
Садъ—зеленый виноградъ!
Отчего ты, садикъ, весь посохъ?
Въ саду Ванюшка—Ваня гулялъ,
Всею травыньку Ваня помялъ,

---

*) Въ Россіи варіантъ
«Какъ у насъ въ роду воровъ не было,
Ни воровъ у насъ ни разбойничковъ».

Алы цвѣтики всѣ Ваня перервалъ
Красну дѣвицу терялъ,
Во тюрьму Ваня попалъ.
Во тюремушкѣ Ваня сидѣлъ,
Самъ въ окошечко глядѣлъ,
На добра коня смотрѣлъ,
Съ конемъ рѣчи говорилъ:
«Ужъ ты, конь ли мой конекъ.
Конь добра́ лошадь моя!
Что не вынесешь меня
Съ бѣлой каменной тюрьмы?»

Вторая однородная русская пѣсня (древнѣйшей формы) такова:

Добры мо́лодцы всѣ на волюшкѣ живутъ
Одинъ Ванюшка въ побѣдушкѣ сидитъ:
Въ каменно́й, Ваня, государевой Москвѣ,
Въ земляной тюрьмѣ, за рѣшотками,
За желѣзными дверями,
За висячими замками.
За утра́ Ваню къ наказаньецу ведутъ,
Къ наказаньецу—ко ременному кнуту,
Къ столу крашеному, дубовому.
По праву руку отецъ съ матерью идутъ,
По лѣву руку молода жена съ дѣтьми,
Молода жена съ дѣтьми малыми,
Позади его православный весь народъ.
Какъ и сталъ Ваня говорить женѣ:
«Ты сними съ меня шолковой поясъ
Съ позолоченными на немъ ключиками.
Отопри, жена, окова́нъ сундукъ
Ужъ ты вынь оттоль золотой казны
Ты дари, жена, молодаго палача,
Чтобы молодой палачъ меня легче наказывалъ!»

Для пѣсни подъ № IV имѣется въ Россіи такой варіантъ:

Не ласточка ко мнѣ прилетала,
Касаточка вѣстку приносила:
Будто бы мой-то миленькой, сидитъ во неволѣ
Во той тюрьмѣ въ губернскомъ острогѣ.

Во той тюрьмѣ нѣтъ ни дверей, ни окошекъ,
Одна труба и та дымовая;
Изъ трубоньки дымокъ повѣваетъ,
У дѣвушки сердце занываетъ.
Пойду, млада, въ высоки хоромы,
Возьму, млада, ключи золотые:
Отопру, млада, ларцы кленовые,
Пойду, млада, всѣхъ судей дарить.
Судьи денегъ моихъ не примаютъ
Любезнаго ко мнѣ не пущаютъ.

Въ Россіи ещо извѣстны слѣдующія прекрасныя тюремныя пѣсни:

1.

Изъ-подъ цвѣтика да каменнóй Москвы,
Каменнóй Москвы да земляно́й тюрьмы,
Какъ изъ той ли тюрьмы да ведутъ мóлодца,
Ведутъ мóлодца да вѣдь ко вѣшанью.
Идетъ молодецъ да самъ не ка́чается,
Его буйная головушка не тряхнется,
Его русые кудерки не шелóхнутся.
Во рукахъ-то онъ несетъ воскову свѣчу.
Бѣлы рученьки да воскомъ залило,
Какъ на встрѣчу ему православный царь.
Ещо сталъ государь его разспрашивать:
— «Ты скажи-ко, скажи мнѣ, добрый мóлодецъ,
Скажи: съ кѣмъ ты воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ»?
— Ужъ ты, батюшка благовѣрный царь!
Я не самъ-то воровалъ, не самъ разбой держалъ:
Воровали-то твои да донски ка́заки,
Донски ка́заки да все казаченьки;
Все казаченьки дува́нъ дуванили,
Дуванъ дуванили — казну дѣлили,
Казну дѣлили, да казну—денежки.
Ужъ какъ я ли, молодецъ, при томъ случьѣ былъ,
При томъ случьѣ былъ да все паю просилъ;
Ужъ какъ мнѣ то, молодцу, паю не дали...

Всѣ казаченьки да испугалися,
По низкимъ мѣстамъ разбѣжалися,
По низкимъ мѣстамъ по болотечкамъ,
Одному-то мнѣ казна досталася.

(Сличи варіантъ въ 1-мъ Приложеніи: «Ещо сколько я, добрый молодецъ, не гуливалъ» и проч.)

2.

Ходилъ-то я, добрый молодецъ, по чистому полю:
Мягкая постелюшка—зеленый песокъ,
Изголовьица моя—шолкова трава!
Какъ во селѣ было во Лысковѣ,—
Тутъ построена крѣпкая темница.
Какъ во той во крѣпкой темницѣ
Посажонъ сидитъ добрый молодецъ
Добрый молодецъ Чернышовъ Иванъ Григорьевичъ.
Онъ по темницѣ похаживаетъ, самъ слезно плачетъ
Самъ слезно плачетъ, онъ Богу молится:
«Ты возмой—возмой, туча грозная!
Разбей громомъ крѣпкія тюрьмы!
Во тюрьмахъ сидятъ все невольничьки,
Невольничьки, неохотничьки».
Всѣ невольничьки разбѣжалися,
Во темномъ лѣсу они собиралися,
Сходилися они на поляночьку
На поляночьку на широкую.
«Ты взойди—взойди, красное солнышко!—
Обогрѣй ты насъ, добрыхъ молодцовъ,
Добрыхъ молодцовъ, сиротъ бѣдныихъ
Сиротъ бѣдныихъ, безпашпортныихъ».
Ниже города, ниже Нижняго
Протекала тутъ рѣчка быстрая,
По прозванью рѣчка Волга-матушка.
Течотъ Волга-матушка съ дикимъ мелкимъ камушкомъ
Какъ по рѣченькѣ плыветъ легка лодочька.
Эта лодочька изукрашенная,
Все молодчиками изусаженная.

3.

Какъ свѣтилъ да свѣтилъ мѣсяцъ во полуночи,
Свѣтилъ въ половину;
Какъ скакалъ да скакалъ добрый молодецъ
Безъ вѣрной дружины.
А гнались да гнались за тѣмъ добрымъ молодцомъ
Вѣтры полевые;
Ужъ свистятъ да свистятъ въ уши, разудалому,
Про его разбои.
А горятъ да горятъ по всѣмъ по дороженькамъ
Костры стражевые;
Ужъ слѣдятъ да слѣдятъ молодца-разбойника
Царскіе разъѣзды;
А сулятъ да сулятъ ему, разудалому,
Въ Москвѣ бѣлокаменной каменны палаты.

4.

Ужъ ты воля моя воля, воля дорогая,
Ты воля дорогая, дѣвка молодая!
Дѣвка по торгу (или: во Москвѣ дѣвка) гуляла—красоту теряла:
Красоту дѣвка теряла (платочекъ украла) въ острогъ жить попала.
Скучно—грустно красной дѣвкѣ въ острогѣ сидѣти,
Во неволюшкѣ сидѣти, въ окошко глядѣти.
Мимо этого окошка лежитъ путь-дорожка.
Какъ по этой по дорожкѣ много идутъ-ѣдутъ;
Моего дружка, Ванюши, его слѣду нѣту.
За быстрбю за рѣкою мой Ваня гуляетъ,
Тамъ мой Ва́нюшка гуляетъ, товаръ закупаетъ,
Товаръ Ваня закупаетъ купеческой дочкѣ!
Ужъ и то-то мнѣ досадно, хоть была бы лучше:
Развѣ тѣмъ-то она лучше, что коса длиннѣе,
Что коса у ней длиннѣе и брови черньѣе.

5.

Не рябинушка со березонькой
Совивается,
А не травонька со травонькой
Соплетается.
Какъ не мы ли, добрые молодцы
Совыкалися.
Какъ лѣса ли, вы лѣсочьки,
Лѣса наши темные.
Вы кусты ли, наши кусточьки
Кусты наши великіе.
Вы станы ли наши станочьки
Станы наши теплые,
Вы дружья ли, наши дружья
Братцы-товарищи!
И еще ли вы, мои лѣсочьки,
Всѣ повырубленые,
Всѣ кусты ли, наши кусточьки
Всѣ поломаные.
Вы станы ли, наши станочьки
Всѣ раззореные.
Всѣ дружья наши, братцы—
Товарищи переловленые,
Во крѣпкія тюрьмы наши, братцы—
Товарищи посажены,
(Остался одинъ товарищъ
Стенька Разинъ сынъ).
Рѣзвы ихъ ноженьки въ кандалахъ
Заклепаны.
У воротъ-то стоятъ грозные сторожи,
Грозные сторожи—бравые солдатушки.
Никуда-то намъ, добрымъ молодцамъ,
Ни ходу—ни выпуску,
Ни ходу намъ—ни выпуску
Изъ крѣпкой тюрьмы.
Ты возмой—возмой туча грозная
Ты разбей-ко разбей земляны тюрьмы,

6.

Не отъ пламечька, не отъ огнечька
Загоралася въ чистомъ полѣ ковыль-трава;
Добиралася огонь до бѣлаго до камешка.
Что на камешкѣ сидѣлъ младъ ясенъ соколъ.
Подпалило-то у ясна сокола крылья быстрыя,
Ужъ какъ пѣшъ ходитъ младъ ясенъ соколъ по чисту полю.
Прилетѣли къ ясну соколу чорны вороны;
Они граяли, смѣялись ясну соколу;
Называли они ясна сокола вороною:
— Ахъ, ворона ты—ворона, младъ ясенъ соколъ!
Ты зачѣмъ, зачѣмъ ворона залетѣла здѣсь?
Отвѣтъ держитъ младъ ясенъ соколъ чорнымъ воронамъ:
— Вы не грайте, вы не смѣйтесь, чорны вороны;
Какъ отрощу я свои крылья соколиныя,
Поднимусь я, младъ соколъ, высокошенько,
Высокошенько поднимусь я по поднебесью,
Опущусь я, младъ ясенъ соколъ, по сырой землѣ;
Разобью я ваше стадо, чорны вороны,
Что на всѣ ли на четыре стороны:
Вашу кровь пролью я въ сине море,
Ваше тѣло раскидаю по чисту полю
Ваши перья я развѣю по темнымъ лѣсамъ.
Что когда-то было ясну соколу пора-времячко,
Что леталъ-то младъ ясенъ соколъ по поднебесью;
Убивалъ-то младъ ясенъ соколъ гусей-лебедей,
Убивалъ-то младъ ясенъ соколъ сѣрыхъ уточокъ.
Что когда-то было добру молодцу пора-времячко:
Что ходилъ-то — гулялъ, добрый молодецъ, на волюшкѣ,
Что теперь-то добру молодцу поры-время нѣтъ.
Засажонъ-то сидитъ, добрый молодецъ, во побѣдности:
У злыхъ вороговъ добрый молодецъ въ земляной тюрьмѣ.
Онъ не годъ-то сидитъ добрый молодецъ, и не два года,
Что сидитъ-то добрый молодецъ ровно тридцать лѣтъ.
Что головушка у добра молодца стала сѣдешенька,
Что бородушка у добра молодца стала бѣленька.
А все ждетъ-то онъ поджидаетъ выкуну—выручки:
Былъ и выкупъ бы, была выручка, своя волюшка,
Да далечева родимая сторонушка!

(Два послѣднія стиха приставлены изъ другой пѣсни; безъ нихъ она поется вся въ цѣльномъ видѣ на Уралѣ; въ нашемъ сборникѣ пѣсенъ она восполнятъ недостающее и забытое на Нерчинскихъ заводахъ въ той пѣснѣ, которая помѣщена нами въ текстѣ 2-й главы «На каторгѣ», а записана за Байкаломъ).

Въ Россіи сохранилась въ народной памяти ещо слѣдующая пѣсня, отвѣчающая содержаніемъ своимъ многимъ тюремнымъ пѣснямъ:

7.

Изъ Кремля—Кремля крѣпка города,
Отъ дворца—дворца государева,
Что до самой ли Красной площади
Пролегала тутъ широкая дороженька.
Что по той ли по широкой по дороженькѣ,
Какъ ведутъ казнить тутъ добра молодца
Добра молодца большаго боярина,
Что большаго боярина—атамана стрѣлецкаго
За измѣну противъ царскаго величества.
Онъ идетъ ли молодецъ не оступается,
Что быстро на всѣхъ людей озирается,
Что и тутъ царю не покоряется.
Передъ нимъ идетъ грозенъ палачъ
Во рукахъ несетъ остеръ топоръ,
А за нимъ идутъ отецъ и мать,
Отецъ и мать, молода жена:
Они плачутъ, что рѣка льется,
Возрыдаютъ какъ ручьи шумятъ,
Въ возрыданьи выговариваютъ:
— Ты, дитя ли наше милое,
Покорися ты самому царю
Принеси свою повинную:
Авось тебя государь-царь пожалуетъ,
Оставитъ буйну голову на могучихъ плечахъ!—
Каменѣетъ сердце молодецкое:
Онъ противится царю, упрямствуетъ
Отца, матери не слушается,
Надъ молодой женой не сжалится.
О дѣтяхъ своихъ не болѣзнуетъ.

Привели его на площадь Красную:
Отрубили буйну голову,
Что по самы могучи плеча.

Сохранились и пѣсни, завѣщанныя волжскими и друг. разбойниками, нѣкогда наполнявшими сибирскія тюрьмы въ избыткѣ. Ими же занесены и забыты многія пѣсни и въ сибирскихъ каторжныхъ тюрьмахъ, гдѣ успѣли пѣсни на наши дни частію измѣнить, частію изуродовать, а частію обмѣнять на другія. Свободное творчество не получило развитія: причину тому ближе искать въ постоянныхъ преслѣдованіяхъ приставниками. Пѣсня въ тюрьмѣ — запрещоный плодъ; дальнѣйшая же причина естественнымъ образомъ зависитъ отъ тѣхъ общихъ всей Россіи причинъ историческихъ, которыя помѣшали создаваться новой пѣснѣ со временъ Петра Великаго. Въ началѣ вытѣсняли народныя пѣсни соблазнительныя солдатскія (военныя), въ которыхъ ярко и сильно высказалось въ послѣдній разъ народное самобытное творчество (особенно въ рекрутскихъ). Съ особенною любовію здѣсь приняты и особеннымъ сочувствіемъ воспользовались пѣсни рекрутскія и въ сибирскихъ тюрьмахъ: и «По горамъ—горамъ по высокимъ младъ сизой орелъ высоко леталъ», и «Какъ по морю-моречьку по хвалынскому» и «Не шуми-ка ты, не грѣши, мать зелена дубровушка» *). Затѣмъ

---

*) Вотъ въ какомъ видѣ являются эти три пѣсни въ Сибири на каторгѣ:

I.

По горамъ - горамъ
По высокіимъ
Младъ сизой орелъ
Высоко леталъ,
Высоко леталъ
Жалобно кричалъ.
Во строю солдатъ
Тяжело вздыхалъ:
«Мнѣ не жаль-не жаль
Самого себя:
Только жалко мнѣ
Зелена сада

растянули по лицу земли русской войска въ то время, когда уже познакомились онѣ съ дѣланой, искуственной и заказной пѣсней, потомъ завелись фабричные и потащили въ народъ свои доморощеныя пѣсни, находящіяся въ близкомъ родствѣ съ казарменными

Во зеленомъ саду
Есть три деревца:
Перво деревцо —
Кипарисово.
Друго деревцо—
Сладка яблонка
Третье деревцо—
Зелена груша.
Кипарисъ древо—
Родной батюшко;
Сладка яблонка—
Родна матушка.
Зелена груша—
Молода жена.

II.

Какъ по морю-моречьку по Хвалынскому
Плывутъ восплываютъ тридцать кораблей:
Одинъ-отъ корабликъ попередъ бѣжитъ,
Онъ бѣжитъ-бѣжитъ,—соколомъ летитъ.
На томъ ли на корабликѣ Рыжковъ атаманъ.
«Гребите вы, молодцы, подгребайте
Своихъ бѣлыхъ рученокъ не жалѣйте!
Какъ за нами, за молодцами, три погони:
Первая погонюшка—то солдаты,
Вторая погонюшка—то гусары,
Третья-то погонюшка—донски казаки.
Первой-то погонющки не боюся
Второй-то погонюшки не страшуся,
Третьей же погонюшки я боюся.
То не пулечька свинцовая пролетаетъ
Не калено ядрышко прилетаетъ,
Атамана Рыжкова убиваетъ.

III.

Не шуми-ка ты-не греми,
Мать зелена дубровушка!
Не мѣшай-ка ты—не мѣшай

наконецъ втиснули въ народъ печатные пѣсенники съ безграмотными московскими и петербургскими виршами, съ романсами и цыганскими бездѣлушками. Но въ солдатскихъ и фабричныхъ пѣс-

---

Мнѣ, молодцу, думу думати!
Ахъ приходитъ же на дубровушку
Приходитъ невзгода.
Вотъ невзгодушка да на дубровушку
Зимонька холодна.
Исповысушитъ-исповыкрутитъ
Всѣ листья-коренья.
Какъ на крутенькомъ и на прекрасненькомъ
Былъ я на ярочкѣ,
Какъ на жолтенькомъ на разсыпчатомъ
На мелкомъ песочкѣ.
Что не чорные-то въ полѣ
Вороны слетались,—
Солеталися-собиралися
Молоды ребятушки
Вы солдатушки, вы молоденьки,
Вы новобраны!
Получали-ли вы, ребятушки,
Царскія присяги?
Чтожъ ты, рѣченька, чтожъ ты быстрая
Долго не проходишь?
Ледокъ тоненькой, ледокъ осенненькой
Долго не проносишь?
Нашихъ милыехъ голубушекъ
Долго не провозишь?
Наши милыя голубушки
Сами переѣдутъ.

Извѣстная былина — пѣсня «Соѣзжаетъ князь Михайло со широкаго подворья», разсказывающая объ убійствѣ свекровью невѣстки, въ сибирскихъ тюрьмахъ извѣстна до мельчайшихъ подробностей, и даже представляетъ лучшій, полнѣйшій варіантъ. Въ Сибири одно убійство служитъ поводомъ къ двумъ новымъ убійствамъ:

Вынимаетъ князь Михайло
Изъ ножонъ булатнсй ножикъ:
Онъ пронзаетъ свое сердце,
Онъ пронзаетъ ретивое,
Какъ возговоритъ его матушка родима:
«Ахти, злодѣйка я, согрѣшила
Три души я погубила:
Се-де сына, се невѣстку,
Се младенца во утробѣ!»

ияхъ уже утратилась старая, ловкая грань и заявилась новая, фальшивая, а потому и немудрая. Да пусть живетъ и такая, когда нѣтъ другой: на свободѣ пѣсня творится—на волѣ поется, гдѣ и воля, и холя, и доля, а обо всемъ этомъ въ тюрьмахъ нѣтъ и помина.

Въ тюрьмахъ сибирскихъ есть ещо нѣсколько пѣсенъ, общеупотребительныхъ и любимыхъ арестантами, не смотря на то, что онѣ, по достоинству, съ родни кисло-сладкимъ романсамъ пѣсенниковъ. Рѣшаюсь привести только три въ обращикъ и въ доказательство, что другія, подобныя имъ, и знать не стоитъ.

ПЕРВАЯ.

Сидитъ пташечька во клѣткѣ,
Словно рыбочька во сѣткѣ:
Видитъ птичка клѣтку,
Клѣтку очень рѣдку,
Избавиться не можетъ.
Крылья-перья бѣдна перебила,
Все по клѣточкѣ летала.
Вострый носикъ притупила,
Все по щолочкамъ клевала
Отчего же у насъ слезы льются,
Словно сильны быстры рѣки?
Слезы льются со кручины,
Со великой злой печали.
Вспомню мальчикъ — сожалѣюсь,
Гдѣ я, маленькой, родился.
Привзведу себѣ на память,
Съ кѣмъ когда я веселился.
Имѣлъ я пищу, всяку растворенность.
Ѣлъ я хлѣбъ съ сытою,
Имѣлъ я кровать нову-тесовую,
Перинушку перовую.
Я теперя, бѣдный, ничего не имѣю,
Кромѣ худой рогожонки.
Я валяюсь, бѣдный, подъ ногами
До такого время-часу:

Ожидаю самъ себѣ рѣшенья
Изъ губернскаго правленья.
Неизвѣстно что намъ, братцы, будетъ,
Чѣмъ дѣла наши рѣшатся.
Перетёръ я свои ножки рѣзвы
Желѣзными кандалами;
Перебилъ я свои ручки бѣлы
Нѣмецкими наручнями,
Приглядѣлъ я свои ясны очи
Скрозъ желѣзную рѣшотку:
Вижу всѣ люди ходятъ по волѣ,
Я одинъ, мальчикъ, во неволѣ.

ВТОРАЯ.

Хорошо въ острогѣ жить,
Только денежкамъ не водъ.
По острогамъ, по тюрьмамъ.
Ровно крысы пропадáмъ.
Какъ пойдетъ доходъ калашный —
Только брюхо набивай;
Отойдетъ доходъ калашный —
Только спину подставляй... и проч.

ТРЕТЬЯ.

Суждено намъ такъ страдать:
Быть, прелестная, съ тобой
Въ разлукѣ — тяжко для меня.
Охъ! я въ безжалостной странѣ!
Гонимый варварской судьбой,
Я злосчастье испыталъ.
Прошолъ мытарства всѣ земныя
На длинной цѣпи въ кандалахъ.
Тому причиной люди злые.
Судья, судья имъ — небеса.
Знакомъ съ ужасной я тюрьмою,
Гдѣ много лѣтъ я прострадалъ.
Но вотъ ужъ, вотъ ужъ — слава Богу! —
Вздохнувъ, я самъ себѣ сказалъ:

Окончилъ тяжкія дороги
И въ Сибирь я жить попалъ,
Гдѣ часто, какъ ребенокъ, плачу:
Свободы райской я лишонъ.
Ахъ! я въ безжалостной странѣ,
Въ странѣ, гдѣ коварство рыщетъ,
Гдѣ нѣтъ пощады никому,
Гдѣ пламенная язва пышетъ,
Подобно аду самому.
Лишь утренія заря восходитъ,
Словно въ адѣ закипитъ,
Приказаніе приходитъ,
Дежурный строго прокричитъ;
«Вставай живѣе, одѣвайся!
Всѣ къ разводу выходи!»
Но вотъ одно — одно мученье:
Манежно учатъ ходить насъ.
Я Богу душу оставляю,
Жизнью жертвую царю,
Кости себѣ оставляю,
Сердцѣ маменькѣ дарю *),

Несомнѣнно, что сочиненіе этихъ пѣсенъ принадлежитъ какимъ-нибудь мѣстнымъ піитамъ, которые пустили ихъ въ толпу арестантовъ и занесли такимъ образомъ въ циклъ тюремныхъ пѣсенъ. Не задумались и арестанты принять ихъ въ руководство: благо, пѣсни въ нѣкоторыхъ стихахъ близки къ общему настроенію духа, намекаютъ (не удовлетворяя и не раздражая) о нѣкоторыхъ сокровенныхъ думахъ и, пожалуй, даже гадательно забѣгаютъ впередъ и кое-что разрѣшаютъ. Не гнушаются этими пѣснями арестанты,

*) Извѣстны еще длиннѣйшія вирши: «Позвольте, вспомнить про былое», и проч. и «На дворѣ шумѣла буря, вѣтеръ форточкой стучалъ». «Я видѣлъ какъ въ странѣ чужой моихъ собратьевъ хоронили» и проч.: все неудачныя попытки, расчитывающія на дальнѣйшее развитіе тюремной пѣсни, но пользущіяся нѣкоторымъ успѣхомъ только въ *военныхъ* каторжныхъ тюрьмахъ. За ними одно досадное право — вытѣснять мало-по-малу самобытные перлы народнаго творчества. Изъ извѣстныхъ романсовъ пробрался въ тюрьмы между прочимъ Варламовскій: «Что не вѣтеръ вѣтку клонитъ».

потому что требуютъ только склада (ритма) на *голосъ* (для напѣва): за другими достоинствами не гоняются. Такова между прочимъ пѣсня ссыльныхъ, любимая ими:

Ужъ ты, матушка Расея.
Выгоняла насъ отцеля (2-жды),
Намъ отцеля (отселя) не хотѣлось (2-жды)
Сударушка не велѣла (2-жды)
Любить до вѣку хотѣла (2-жды).
Какъ за рѣчкой за Дунайкой (2-жды),
Красныя дѣвушки тамъ гуляли,
Промежду собой рѣчь говорили,
Все по дѣвушкѣ тужили:
— Что на дѣвушку за горе,
Что на красну за такое?
Съ горя ноженьки не носятъ,
Бѣлы ручьки не владаютъ;
Съ плечъ головушка скатилась,
По кроваткѣ раскатилась,
Дружка милаго хватилась.

Однако нѣкоторымъ достоинствомъ и даже искуствомъ, обличающимъ опытнаго стихотворца отличается одна пѣсня, извѣстная въ нерчинскихъ тюрьмахъ и предлагаемая, какъ обращикъ туземнаго, сибирскаго творчества. Пѣсню подцвѣтили даже мѣстными словами для пущаго колорита: является омулевая бочка — вмѣстилище любимой иркутской рыбы — омуля, во множествю добываемой въ Байкалѣ и въ соленомъ видѣ съ достоинствомъ замѣняющей въ Сибири голландскія сельди; слышится баргузинъ—какъ названіе сѣверо-восточнаго вѣтра, названнаго такъ потому, что дуетъ со стороны города Баргузина и замѣчательнаго тѣмъ, что для нерчинскихъ бродягъ всегда благопріятный, потому что попутный. Наталкиваемся въ этой пѣснѣ на Акатуй — нѣкогда страшное для ссыльныхъ мѣсто, ибо тамъ имѣлись каменные мѣшки и ссыльныхъ сажали на цѣпь, Акатуй—предназначавшійся для безнадежныхъ, отчаянныхъ и почему-либо опасныхъ каторжниковъ. Въ серединѣ пѣсни вплываемъ мы и въ рѣку Карчу — маленькую, одну изъ 224 рѣчекъ, впадающихъ въ замѣчательное и знаменитое озеро—море Байкалъ.

Славное море—привольный Байкалъ!
Славный корабль — омулёвая бочка!
Ну, Баргузинъ, пошевеливай валъ,
Плыть молодцу недалечко.
Долго я звонкія цѣпи носилъ,
Душно мнѣ было въ горахъ Акатуя!
Старый товарищъ бѣжать пособилъ:
Ожилъ я, волю почуя.
Шилка и Нерчинскъ не страшны теперь,
Горная стража меня не видала,
Въ дебряхъ не тронулъ прожорливый звѣрь,
Пуля стрѣлка миновала.
Шолъ я и въ ночь и средъ бѣлаго дня
Вкругъ городовъ я просматривалъ зорко.
Хлѣбомъ кормили крестьянки меня,
Парни снабжали махоркой.
Весело я на сосновомъ бревнѣ
Плыть чрезъ глубокія рѣки пускался.
Мелкія рѣчьки встрѣчалися мнѣ —
Въ бродъ я чрезъ нихъ преправлялся.
У моря струсилъ немного бѣглецъ:
Берегъ крутой, а и нѣтъ ни корыта.
Шолъ я Карчой и дошолъ наконецъ
Къ бочкѣ дресвою замытой.
Нечего думать — Богъ счастье послалъ:
Въ этой посудѣ и быкъ не потонетъ;
Труса достанетъ и на суднѣ валъ,
Смѣлаго въ бочкѣ не тронетъ.
Тѣсно въ ней жить омулямъ —
Мелкія рыбки утѣшьтесь словами:
Разъ побывать въ Акатуѣ бы вамъ, —
Въ бочку полезли бы сами.
Четверо сутокъ ношусь по волнамъ,
Парусомъ служитъ армякъ дыроватой,
Близко виднѣются горы и лѣсъ:
Могъ погулять бы и здѣсь, да бѣсъ
Тянетъ къ родному селенью. *(Конца нѣтъ).*

Вотъ, стало быть, и баринъ какой-то снизошолъ подаркомъ и написалъ арестантамъ стихи, на манеръ столичнаго способа, къ которому прибѣгали столичные стихотворцы и водевилисты, желавшіе приголубить и задобрить трактирныхъ половыхъ, банщиковъ и клубныхъ швейцаровъ.

Около той же темы ходилъ и авторъ слѣдующей, такъ называемой бродяжьей пѣсни.

Обойдемъ мы кругомъ моря
Половину бросимъ горя;
Какъ придемъ мы во Култукъ,
Подъ окошечко стукъ-стукъ.
Мы развяжемъ торбатѣйки
Стрѣлять станемъ саватѣйки
Надаютъ намъ хлѣба-соли,
Надаютъ и бараболи (картофеля).
Хлѣба-соли наберемъ,
Въ баньку ночевать пойдемъ.
Тутъ приходятъ къ намъ старые
И ребята молодые,
Слушать Франца-Венцеяна,
Про Бову и Еруслана;
Проводить ночь съ нами ради,
Хотя потъ течотъ съ нихъ градомъ.
Сибирякъ развѣситъ губы
На полкѣ въ бараньей шубѣ...

Арестанты—повторимъ опять—ничѣмъ не брезгаютъ: они берутъ въ тюрьму (хотя тамъ и передѣлываютъ по своему), также и пѣсни свободныхъ художниковъ; какими были напр. поэты Лермонтовъ и Пушкинъ. Берутъ въ тюрьму (и только перепачиваютъ немного) и пѣсню, сложенную на другомъ русскомъ нарѣчіи и тоже поэтомъ и художникомъ, какимъ былъ напр. извѣстный малороссійской разбойникъ Кармелюкъ. Въ тоже время поютъ арестанты: «Ударилъ часъ—мѣдь зазвучала»,—но разумѣется. съ приличной поправкой: «Ударилъ часъ—*цѣпь* зазвучала и будто стоны издала: слеза на грудь мою упала; душа заныла —замерла». Поютъ арестанты и «Лишь только занялась заря» и «Проснется

день моей красы», «Прощаюсь, ангелъ мой, съ тобою» и «Я въ пустыню удаляюсь», «Взвейся ласточка вскружися», и «Во тьмѣ ночной ярилась буря», и «Не слышно шуму городскаго»;—всѣ тѣ, однимъ словомъ, пѣсни, которыя близко подходятъ своимъ смысломъ къ настроенію общаго тюремнаго духа. Въ особенности распространена послѣдняя:

На слышно шуму городскаго
Въ заневской башнѣ тишина,
И на штыкѣ у часоваго
Горитъ полночная звѣзда.

Распространена тѣмъ болѣе эта пѣсня, что въ ней есть и бѣдный юноша—ровесникъ младымъ цвѣтущимъ деревамъ, который въ глухой тюрьмѣ заводитъ пѣсню и отдаетъ тоску волнамъ. Выражено и прощанье съ отчизной, роднымъ домомъ и семьей, отъ которыхъ узникъ за желѣзной рѣшоткой на вѣкъ сокрылся, и прощанье съ невѣстой, женой и тоска о томъ, что не быть узнику ни другомъ — ни отцомъ, что застынетъ на свѣтѣ его мѣсто и сломится его вѣнчальное кольцо. Выражена въ пѣснѣ и надежда: «Есть русскій царь въ златой коронѣ: горитъ на немъ алмазъ златой», — и мольба: «Яви ты милость намъ на тронѣ: будь намъ отецъ, — помилуй насъ»! «Ускроилъ я себѣ неволю (поетъ пѣсня дальше), мой жребій — слезы и тоска, и горестную эту долю содѣлала рука моя», — и заключаетъ такъ: «Прошла ужь ночь—и на разсвѣтѣ златой лучъ Феба возсіялъ, но бѣдный узникъ въ казаматѣ все туже пѣсню запѣвалъ». Рекомендуютъ арестанты и своихъ авторовъ въ большомъ числѣ (изъ заклятыхъ торбанистовъ), но мы пѣсни ихъ приводить не станемъ за безплодность содержанія и уродство формы. Но вотъ—для образца—та пѣсня, въ которой извращонъ Лермонтовъ:

Между горъ-то было Енисея,
Раздается томный гласъ,
Какъ сидитъ несчастный мальчикъ
Со унылою душой.
Бѣлы рученки ломаетъ,

Проклиналъ судьбу свою:
Злонесчастная фортуна,
Ты на что родишь меня?
Всѣ товарищи гуляютъ,
Забавляются съ друзьми,
Только я, несчастный мальчикъ,
Уливаюся слезьми.
Вы подайте мово друга,
Коня вороноваго мнѣ.
Ужъ ты конь, ты лошадь добра!
За одно со мной страдай!
Тамъ звѣри люты возрычали:
Растерзать тебя хотятъ.
Не ходи, несчастный мальчикъ,
Лишь погибель тамъ твоя
Я взялъ бы себѣ друга —
Свово добраго коня:
На тюрьмѣ-то тамъ высокой
Дверь тяжолая съ замкомъ.
Черноокая далеко
Въ пышномъ теремѣ своемъ.
На коня потомъ вскачу,
Въ степь, какъ вихорь, улечу.
Лишь красавицу милую
Прежде сладко поцалую.

У этой пѣсни есть двойникъ, какъ будто передѣлка Пушкина:

Сидѣлъ молодецъ въ темницѣ,
Онъ глядѣлъ на бѣлой свѣтъ
На чернобровую дѣвицу,
На сивогриваго коня.
— Я бъ на конечька садился
Словно бъ пташка полетѣлъ.
Весело бъ съ милой встрѣчался —
Со полуночной звѣздой.
— Ахъ! до зари бы не сидѣла
Въ новой спальнѣ подъ окномъ;
Я украдкой не дарила бъ
Золотымъ съ руки кольцомъ.
Я слила бъ изъ воску яраго

Легки крылушки себѣ:
Я бъ спорхнула — полетѣла.
Гдѣ мой миленькой живетъ:
Живетъ милой мой за рѣченькой далеко,
А я, млада, за другой.
— Если любишь ты меня, —
Перейди, радость моя!
— Я бы рада перешла
Переходечьку не нашла;
Переходечокъ нашла —
Лежитъ жордочька тонка (*).

Третья пѣсня, приписываемая Кармелюку, съ меланхолическимъ оттѣнкомъ въ напѣвѣ, досталась намъ только въ нѣсколькихъ куплетахъ и притомъ въ томъ видѣ, какъ сохранилась она въ сибирскихъ тюрьмахъ. Самъ Кармелюкъ въ сибирскихъ тюрьмахъ, какъ сказано выше, жилъ, будучи сосланъ туда съ Волыни за разбой. До ссылки онъ жилъ у своего пана въ буфетчикахъ, наблюдалъ за посудою и серебромъ. Серебро украли, подозрѣніе пало на Кармелюка; его билъ панъ почти ежедневно: Кармелюкъ не стерпѣлъ и ушолъ въ бѣга. Его снова преслѣдовали; онъ рѣшился мстить: поджогъ панской домъ. собралъ головорѣзовъ, началъ разбойничать, былъ пойманъ, наказанъ и сосланъ. Возвращаясь на родину изъ Сибири, — черезъ Уралъ, какъ говоритъ преданіе, переплылъ на воротахъ (дощатыхъ отъ казачьей хаты). На родинѣ продолжалъ разбойничать, заступаясь за хлоповъ и преслѣдуя пановъ на всякомъ мѣстѣ, по всякому вызову обиды крестьянской. Похожденіями своими

---

*) Конецъ въ этой пѣснѣ выкраденъ изъ извѣстной народной:

Ахъ ты, ночь ли ночь
Ночька темная,
Осенняя бурная; —

съ тою отмѣною, что мѣрной стихъ народной обмѣненъ на искусственной стихотворной. Въ подлинникѣ такъ:

Перейди, сударушка, на мою сторонушку.
Рада бы я перешла — переходу не нашла.
Переходечокъ нашла: лежитъ жордочька тонка,
Жордочька тонка — рѣчька глубока.

онъ наполнилъ всю Волынь; слава объ немъ распространилась по всему югу. Разсказы объ его подвигахъ составляютъ цѣлую эпопею, которая ждетъ своего разскащика. По разсказамъ этимъ онъ одинъ изъ героевъ народныхъ (можетъ быть изъ послѣднихъ) отстаивавшихъ съ энергіею, послѣдовательностію и благородствомъ казачью волю и долю отъ панскаго произвола. Популярность его доказывается не одною пѣснею, которыя распѣваетъ вся южная Русь. Преданіе увѣряетъ, что онъ не загубилъ ни одной души человѣческой и былъ рыцаремъ въ лучшемъ, облагороженномъ смыслѣ. Во время своихъ похожденій на Волыни, представляющихъ рядъ честныхъ поступковъ, онъ два раза былъ схваченъ. Одинъ разъ спасся тѣмъ, что, идучи подъ конвоемъ солдатъ въ тюрьму, встрѣченъ былъ въ лѣсу паномъ, ѣхавшимъ въ каретѣ. Панъ, опросилъ кого ведутъ и узнавши, что Кармелюка, ругалъ его, упрекалъ въ злодѣйствахъ. Когда Кармелюкъ убѣдилъ его, упреками въ битьѣ лежачаго и несчастнаго, на денежную помощь и панъ отворилъ дверцы, чтобы подать злотку, а Кармелюкъ подошолъ принять милостыню, — дверцы кареты захлопнулись послѣ того, какъ Кармелюкъ былъ схваченъ и посаженъ въ карету, въ виду оторопѣвшихъ конвойныхъ, его переодѣтыми хлопцами — сообщниками. Другой разъ, посаженный въ тюрьму убѣжалъ изъ нее и увелъ вмѣстѣ съ собою соузниковъ въ темную и бурную осенную ночь такимъ образомъ. Тюрьма стояла вблизи ограднаго частокола. Кармелюкъ выломалъ желѣзную рѣшотку въ окнѣ, связалъ рубашки арестантовъ въ длинную веревку; на концѣ привязалъ камень и конецъ этотъ забросилъ между остріями острожныхъ палей: сдѣлался мостъ; по мосту этому ушли утеклецы въ лѣсъ и на волю. Убитъ онъ былъ въ хатѣ своей коханы, подкупленной паномъ, въ то время, когда шолъ къ ней на свиданіе черезъ сѣни, въ которыхъ засѣлъ панычъ съ товарищами. Убитъ былъ—по преданію—изъ ружья, заряженнаго пуговицей, какъ характерникъ (колдунъ). Когда проходилъ черезъ сѣни, въ темнотѣ показались головы преслѣдователей. Почуявъ недоброе, Кармелюкъ спросилъ любовницу и успокоился, что это овцы. Въ это время пуля угодила ему въ лобъ и положила на мѣстѣ. При этомъ народное преданіе прибав-

ляетъ, что панычъ съ товарищами были сосланы въ Сибирь за убійство, такъ какъ на подобное преслѣдованіе никто ихъ не уполномочивалъ, а Кармелюкъ не былъ тѣмъ злодѣемъ, который былъ бы достоинъ смерти. Вотъ его пѣсня:

Зовутъ меня разбойникомъ
Скажутъ: убиваю.
Я никого не убилъ,
Бо самъ душу маю.

Возьму гроши съ богатого —
Убогому даю;
А такъ гроши подѣливши, —
Самъ грѣха не маю.

Комисары, исправники
За мною гоняють
Больше воны людей губятъ,
Чѣмъ я грошей маю.

Маю жинку, маю дѣтокъ,
Да и тѣхъ не бачу:
Якъ взгадаю про ихъ участь,
То горько заплачу.

А такъ треба стерегчися,
Треба въ лѣсу жити,
Хоть сдается — свѣтъ великій:
Негдѣ ся подѣти... *)

---

*) Отрывки эти, оставшіеся въ сибирскихъ тюрьмахъ, принадлежатъ слѣдующей пѣсни, сохранившейся въ цѣльномъ видѣ на Волынѣ и записанной тамъ Н. И. Костомаровымъ:

Повернувся я зъ Сибиру
Не ма минѣ доли,
А здаеться не въ кайданахъ (въ кандалахъ),
Еднакъ же въ неволѣ.
Слѣдять мене въ день и въ ночи
На всяку годину:
Негдѣ мене подѣтися, —
Я одъ журбы гину,

И — въ заключеніе — еще четыре пѣсни сибирскихъ тюремъ, изъ которыхъ одна коренная и самобытная, — пѣсня собственно тюремная:

Ты, тюрьма ли моя, ты тюрьма-злодѣюшка,
Для кого построена,
Ахъ, для кого построена?
Не для насъ-то ли, добрыхъ молодцовъ,
Все воровъ-разбойничковъ? (2 раза).
Ужъ какъ по двору-то все, двору тюремному
Ходитъ злодѣй — староста (дважды).
Онъ въ рукахъ-то ли несетъ,

Маю жинку, маю дѣти,
Хочь я ихъ не бачу,
Якъ згадаю про ихъ муку,
То гирько заплачу.
Зибравъ себѣ жваныхъ (т. е. рѣзвыхъ) хлопцивъ
И що жъ минѣ зъ того?
Засѣдаю при дорозѣ,
Жду подорожнего?
Чи хто иде, чи хто ѣде —
Часто дурно ждати
А такъ треба въ лѣсѣ жити,
Бо не маю хаты
Часомъ возьму зъ богатого —
Убогому даю.
А такъ гроши подиливши
Я грѣха не маю.
Зовутъ мене разбойникомъ
Кажуть розбиваю:
Я жъ ни кого не забивъ,
Бо самъ душу маю.
Ассесоры, справники
Всѣ мене гоняють,
Бильшъ вони людей забили,
Нѣжъ я грошей маю.
Пишовъ бы я въ мѣсто, въ сѣло:
Всюду мене знають —
А бы бъ тилько показався
То заразъ поймаютъ.
А такъ треба стерегтися
Треба въ лѣсѣ жити,
Хочь здается свѣтъ великій —
Негдѣ ся подѣти.

Несетъ онъ больши ключи.
Отворяетъ онъ злодѣй-староста
Онъ двери тюремныя, —
И выводитъ насъ добрыхъ молодцовъ,
Онъ насъ къ наказаньицу...
. . . . . .

Конца этой пѣсни я узнать не могъ; сообщавшій мнѣ ее поселенецъ не допѣлъ до конца: «забылъ-де, живя теперь на волѣ»...

Другая пѣсня—на мѣстномъ тюремномъ языкѣ—извѣстна въ Сибири подъ названіемъ «пѣсни несчастнаго». Она поется на одинъ голосъ съ предъидущею.

Нѣтъ несчастнѣе молодца меня:
Все несчастьица повстрѣчались съ молодцомъ со мной,
Не могу-то я, молодецъ, спокойно ночки провести;
Я должонъ день рожденьица своего клясти.
На свою судьбу буду Богу жалобу нести:
Ты, судьба ли моя, — ты, несчастная судьба,
Никакой ты, мнѣ, отрады не дала,
Ещо больше тово въ огорченье привела!
Съ огорченья плѣненъ молодецъ хожу.
Я пойду-то молодецъ, въ гостиной дворъ гулять.
Я куплю-то себѣ трехрублевую свѣчу
И поставлю ее въ высокомъ терему:
Ты гори-ко, гори, моя бѣлая свѣча,
Пропадай-ко, пропадай, моя молодецка красота!

Третья пѣсня, носящая названіе «пѣсни бродягъ» и—преданіемъ приписываемая «славному вору, мошеннику и сыщику московскому Ванькѣ Каину», жившему въ началѣ прошлаго столѣтія:

Не былинушка въ чистомъ полѣ зашаталася,
Зашаталась безпріютная моя головушка,
Безпріютная моя головушка молодецкая.
Ужъ куда-то я, добрый молодецъ, ни кинуся:
Что по лѣсамъ, по деревнямъ все заставы,
На заставахъ ли все крѣпкіе караулы:

Они спрашиваютъ печатнаго паспорта,
Что за красною печатью сургучовой:
У меня, у добра молодца, своерушной,
Что на тоненькой на бѣлой на бумажкѣ.
Что куда ни пойду, братцы, ни поѣду
Что ни въ чомъ-то мнѣ, доброму молодцу, нѣтъ счастья.
Я съ дороженьки, доброй молодецъ, ворочуся
Государыни, своей матушки, спрошуся:
— Ты скажи-скажи, моя матушка родная:
Подъ которой ты, меня, звѣздою породила,
Ты такимъ меня счастьемъ надѣлила.

Четвертая сибирская пѣсня, извѣстная подъ именемъ *заводской* и записанная нами въ Нерчинскомъ Большомъ Заводѣ со словъ ссыльнаго, пришедшаго съ Урала (изъ Пермской губ.) передана была съ нѣкоторою таинственностью. Знакомецъ нашъ придавалъ ей большее значеніе, какъ бы какой много-знаменательной загадкѣ и, проговоривши пѣсню, просилъ разгадать ея смыслъ. Вотъ эта послѣдняя, изъ извѣстныхъ намъ тюремныхъ пѣсенъ, знакомая и въ Россіи:

За рѣкой было за рѣченькою
Жили-были три бабушки:
Три Варварушки,
Три старыя старушки —
Три постриженицы.
У первой у старушки
Было стадо коровъ.
У второй-то старушки
Было стадо быковъ.
У третьей у старушки
Нѣтъ никого:
Одна козушка рязаночька.
Принесла она козла
И съ тѣмъ вмѣстѣ дурака —
Москвитенинка.
По три-годы козелъ,
По три-годы дуракъ,
Подъ полатями стоялъ,
Мякинки зобалъ

Толокончатыя,
А помоечьки пилъ
Судомойчатыя.
Сталъ же козелъ,
Сталъ же дуракъ,
На возрастѣ,—
У бабушки Варварушки
Отпрашиваться
Въ чисто поле гулять.
Пошолъ же козелъ
Пошолъ же дуракъ.
Онъ ножками бьетъ,
Какъ тупицами секетъ *).
Глазками глядитъ
Какъ муравчиками **).
Въ стрѣчу козлу
Въ стрѣчу дураку
Незнакомый звѣрь:
Сѣренекъ и маленекъ
Глазки на выпучкѣ,
Обошедши козелъ кругомъ,
Палъ ему въ ноги челомъ:
Не вѣдаю о чомъ.
— Какъ тебя, сударь, зовутъ,
Какъ тебя, сударь,
По изотчеству?—
«Не смерть ли ты моя,
Да не съѣшь ли ты меня,
Козла-дурака
И Москвитенинка?
— Какая твоя смерть?!
Вѣдь я заинька
Пучеглазенькой:
Я по камушкамъ скачу,

---

*) Въ Россіи варіантъ:

Онъ ножками трясетъ
Да мережки плететъ.

**) Т. е. очень бойко,—какъ объяснилъ пѣсельникъ.

Я осиночку гложу.
Спрошу я у тебя,
У козла-дурака
И Москвитенинка,
Про семь волковъ,
Про семь брателковъ. —
«Я шести не боюсь:
Я и семи не боюсь:
Шесть волковъ
На спинѣ унесу
А седьмаго волка
Во рту (или въ губахъ) утащу.
Изъ шести овчинъ
Шубу сошью,
А седьмой овчиной
Шубу опушу
Отошлю эту шубу
Бабушкѣ Варварушкѣ:
Спать будетъ тепло
И потягаться хорошо.»

Эта пѣсня приводитъ насъ къ особому отдѣлу пѣсенъ, которому мы могли бы придать названіе юмористическихъ, если бы онѣ въ полной мѣрѣ сходствовали съ тѣми русскими пѣснями, въ которыхъ дѣйствительно много своеобразнаго юмора. Беззавѣтная веселость, легкая насмѣшливость составляютъ отличительную черту такихъ пѣсенъ, распѣваемыхъ на волѣ свободными людьми. Въ тюремныхъ же пѣсняхъ веселость и насмѣшливость приправлены съ одной стороны значительною долею жолчи, съ другой—отличается крайнею безнравственностью содержанія: веселость искуственна и неискренна, насмѣшка сорвалась въ одно время съ больнаго и съ испорченнаго до уродства сердца. Съ настоящими юмористическими народными пѣснями эти тюремныя имѣютъ только общаго одно: веселый напѣвъ, такъ какъ и онъ долженъ быть плясовымъ, т. е. заставлять скованныя ноги, по мѣрѣ возможности, выдѣлывать живыя и ловкія колѣна, такъ какъ и въ тюрьмѣ веселиться, плясать и смѣяться иной разъ хочется больше, чѣмъ даже и на вольной волюшкѣ. Пѣсенъ веселыхъ немного конечно и, собственно въ смыслѣ настоящмхъ тюремныхъ,

которыя мы назовемъ плясовыми, изъ извѣстныхъ намъ характернѣе другихъ двѣ: «Охъ бѣдный ежъ, горемышной ежъ: ты куда ползешь, куда ежишься?» и «Эй усы — усы проявились на Руси». Первая во многихъ частностяхъ не удобна для печати на равнѣ съ десяткомъ другихъ казарменнаго грязнаго содержанія (Фенькой, Мигачомъ, Настей, Кумой и другими)

Вмѣстѣ съ поляками-повстанцами и слѣдомъ за своимъ паномъ княземъ Романомъ Сангушкою присланъ былъ въ Сибирь, въ Нерчинскіе рудники, Онуфрій Ворожбюкъ, крестьянинъ Подольской губерніи, одинъ изъ многочисленныхъ торбанистовъ Вацлава Ржевускаго, *эмира злотобородаго*, ученикъ торбаниста шляхтича Видорта.

Григорій Видортъ (род. 1764 г.), народный украинскій поэтъ, былъ съ Ржевусскимъ на востокѣ. Въ 1831 году онъ перешолъ къ Евстафію Сангушкѣ и восхвалялъ его на торбанѣ только годъ; въ этомъ же году онъ умеръ, передавъ свое ремесло сыну Каетану (умершему въ 1851 г.). Каетанъ Видортъ былъ послѣдній торбанистъ-художникъ. Сынъ послѣдняго уже утратилъ искусство отца и дѣда, но продолжалъ забавлять Сангушку Романа пѣснями дѣда. Изъ нихъ въ честь Романа Сангушки сохранились многія, сочиненныя на малороссійскомъ языкѣ. Эмиръ, какъ извѣстно, любилъ лошадей и украинскую музыку. Для лошадей имѣлъ конюшню, не уступавшую въ роскоши многимъ дворцамъ. Въ комнатахъ, украшенныхъ съ турецкою роскошью, Ржевусскій любилъ по вечерамъ слушать торбанистовъ, которые raz mazonemu pani пѣли пѣсни, сложенныя въ честь его. Эти пѣсни принесъ съ собою Ворожбюкъ на каторгу, познакомилъ съ ними каторжныхъ, а кстати выучилъ и другимъ малорусскимъ пѣснямъ. Нѣкоторыя изъ пѣсенъ, сочиненныхъ Видортомъ и переданныхъ Ворожбюкомъ, помнили ссыльные поляки. Вотъ одна изъ нихъ, чествующая эмира съ лошадями:

Гей! выихавъ нашъ Ревуха
Въ чистый степъ гуляти,
Перевисивъ черезъ плечи
Сагайдакъ богатый.
Грай море! чорне море, биле море, сине море, гала гаду
гу-гу-гу-гу, гала-гиду гу-гу-гу-гу.

Сивы кони поймали
Гнѣдые й чорны
Тѣшьте мене, щобъ не тужилъ,
Ревуха моторный.
Грай море! чорне море, биле море, и т. д.
Шахтамиръ, Тамира (наши кони)
Той мои соколи!
Коли всиду-смило иду
Не спаду николи!
(Припѣвокъ).
Ахъ ты, Гульда, моя мила
Коли на тя сяду,
Носишь мене по повитру
Николи не спаду.

—

Подай, Саво, коня своно
Нехай меня знаютъ;
Коли сяду на кони я
Жилы мини дргаютъ и проч.

«Мелодія пѣсни (говоритъ Аг. Гиллеръ)—скорая. красивая и настоящая украинская, весьма сильно свидѣтельствующая о композиторскомъ талантѣ Видорта. Ворожбюкъ въ Сибири пѣвалъ ее съ энергіей и всегда только подъ вдохновеніемъ любимыхъ и милыхъ воспоминаній. Эти пѣсни оживляли его измученное сердце и разглаживали морщины на нахмуренномъ челѣ. А прекрасно пѣлъ Ворожбюкъ и мастерски игралъ на торбанѣ! Онъ былъ извѣстенъ въ ссылкѣ подъ именемъ торбаниста. Попался же въ ссылку такимъ образомъ:

Фантазеръ — Эмиръ Zlotobrody въ 1831 г. ушолъ въ повстаніе съ оружіемъ, лошадьми и торбанистами и погибъ въ битвѣ подъ Даховымъ. Ворожбюкъ былъ взятъ въ плѣнъ и приговоренъ въ Сибирь. Въ толпѣ узниковъ шолъ онъ въ ссылку веселый, пѣвучій, остроумный и болтливый. Достоинствами этими и другими онъ съумѣлъ въ походѣ располагать конвойныхъ солдатъ въ свою пользу и выбивать у нихъ различныя уступки и льготы для товарищей. Ссыльные товарищи дали ему прозвище шахрая (барышника, жида, торгующаго вѣтошью). Всѣ шахрая любили; шахрай всѣхъ веселилъ. Шли по Волыни и Украйнѣ не въ скудости, потому что паны и панны

дѣлали для узниковъ различныя складчины изъ денегъ, одежды и вещей, потребныхъ на дальную и трудную дорогу. Въ Нерчинскихъ рудникахъ Ворожбюкъ женился на сибирячкѣ, занялся хозяйствомъ, торговалъ водкой, но главное работалъ деревянныя курительныя трубки, которыя и раскупались товарищами и сибиряками. Низенькой, смуглой, онъ былъ настоящимъ типомъ русина съ чорными волосами и яснымъ взоромъ».

Народныя русскія пѣсни покушались идеализировать преступниковъ и характеризовали между прочимъ двухъ преступницъ—убійцъ въ слѣдующемъ видѣ:

1.

По часту мелку орѣшничку
Тутъ ходилъ-гулялъ вороной конь,
Трое сутокъ непоеной былъ,
Недѣлюшку, не кормя, стоялъ,
Черкаское сѣдло на бокъ сбилъ,
Золотую гриву изорвалъ,
Шолковъ поводъ въ грязи вымаралъ.
Не въ Москвѣ я былъ, не въ Питерѣ, —
Во стрѣлецкой славной улицѣ
Во стрѣлецкой, во купеческой

(или такъ:).

Ты звѣзда ли моя восхожая,
Восхожая, полуночная!
Высоко ты, звѣзда, восходила,
Выше лѣсу, выше темнова
Выше садику зеленаго.
Далеко звѣзда просвѣтила
Дальше городу, дальше Саратова
Дальше купчика богатова
У того ли купца богатова
Случилося у него несчастьицо,
Несчастьицо, безвременьицо:
Какъ жена мужа зарѣзала,
Бѣлую грудь она ему изрѣзала
Не простымъ ножомъ булатныимъ.
Вынимала сердце съ печенью

На ножикѣ сердце встрепенулося
Жена, шельма, улыбнулася;
Улыбнулася, разсмѣхнулася;
На холодный погребъ бросила,
Дубовой доской задвинула ,
Съ горъ желтымъ пескомъ засыпала ,
А на верхъ того землею чорною
Лѣвой ноженькой притопнула,
Правой рученькой прищолкнула,
Хоронила и не плакала;
Отъ него пошла — заплакала.
Сама младешенька вошла въ горенку.
Садилася подъ окошечкомъ
Подъ окошечкомъ переднімъ.
Прилетали къ ней двои соколы (или два голубя)
Двои соколы, двои ясные
(Или: двои голуби, двои бѣлые)
Деверья ея любимые.
Они стали ее спрашивати:
— Ты, сноха ль, наша невѣстушка!
А гдѣ нашъ, братецъ Иванушка?
— Онъ отъѣхалъ во путь — во дороженьку
Во путь—во дороженьку: вълѣсъ за охотушкой,
За лютымъ звѣрьемъ за левицею.
— Ты сноха ль наша невѣстушка,
Что у тя въ горенкѣ за кровь?
— Бѣлу рыбицу я чистила
Бѣла рыбица трепеталася
По стѣнамъ руда металася
По горенкѣ она брызгалася.
— Ахъ ты ль, сноха наша, невѣстушка!
На словахъ ты насъ необманывай:
Его доброй конь на стойлѣ стоитъ,
Его сбруя ратная на стѣнѣ виситъ.
— Ахъ вы, деверья, вы ясные соколы!
Вы возьмите саблю вострую,
Вы снимите съ меня буйну голову:
Я свово мужа зарѣзала.
Вынимала сердце съ печенью;
Положила тѣло въ холоденъ погребъ,

Засыпала тѣло пескомъ желтыимъ,
А поверхъ того землею чорною.

2.

Что не ястребъ совыкался съ перепелушкою,
Солюбился молодѣцъ съ красной съ дѣвушкою,
Проторилъ онъ путь дорожку, — пересталъ ходить,
Проложилъ онъ худу славу,—пересталъ любить,
Насмѣялся жъ ты мной, отсмѣю и я тебѣ:
Ты не думай, простота, что я вовсе сирота.
У меня ли у младой есть два братца родныхъ,
Есть два братца родныхъ, два булатныхъ ножа.
Я изъ рукъ твоихъ — ногъ короватку смощу,
Я изъ крови твоей пиво пьяно наварю.
Изъ буйной головы ендову сточу,
Я изъ тѣла твово сальныхъ свѣчъ насучу,
А послѣй-то тово я гостей назову,
Я гостей назову и сестричку твою.
Посажу же я гостей на кроватушку,
Загадаю что я имъ да загадочку
Я загадочку не отгадливую:
Да и что жъ таково: я—на миломъ сижу,
Я на миломъ сижу, объ миломъ говорю,
Изъ милово я пью, милымъ потчую
А и милъ предо мною свѣчею горитъ?
Вотъ тутъ стала сестричка отгадывати:
«А говаривала, братъ, я часто тебѣ,
Не ходи ты туда, куда поздно зовутъ,
Куда поздно зовутъ да гдѣ пьяни живутъ.

Въ заключеніе послѣдняя сибирская пѣсня, называемая *бродяжьею:*

Вы бродяги, вы бродяги
Вы бродяженьки мои!
Что и полно-ль вамъ, бродяги.
Полно горе горевать:
Вотъ придетъ зима — морозы:
Мы лишилися гульбы.
Гарнизонъ стоитъ порядкомъ,
Барабаны по бокамъ,

Барабанщики пробили,
За прикладъ всѣхъ повели,
Плечи, спину исчеканятъ,
Въ госпиталь насъ поведутъ.
Разуваютъ, раздѣваютъ
Насъ на коечьки кладутъ,
Мокрыми тряпицами обкладаютъ:
Знать насъ вылечить хотятъ.
Мы со коечекъ вставали,
Становилися въ кружокъ.
Другъ на дружку посмотрѣли —
Стали службу разбирать:
Вотъ кому идти въ Бобруцкой,
Кому въ Нерчинской заводъ.
Мы Бобруцка не боимся,
Во Нерчинскѣ не бывать:
Путь-дороженька туда не близко,
Со пути можно удрать.
Тутъ деревня въ лѣсу близко,
На пути стоитъ кабакъ,
Цаловальникъ намъ знакомой:
Всѣ изъ нашихъ, изъ бродягъ.
Мы возьмемъ вина побольше
Инвалитныхъ подпоимъ:
И конвой весь перепьется
И въ походъ тогда пойдемъ.
Мы конвой весь перевяжемъ,
Караульныхъ разобьемъ,
Мы оружье все захватимъ,—
Сами въ лѣсъ съ нимъ удеремъ.

Въ такомъ видѣ извѣстна пѣсня эта въ Сибири. Первообразомъ ей вѣроятно послужила пѣсня, сочиненная по преданію разбойникомъ Гусевымъ, ограбившимъ Саратовской соборъ. Въ саратовскомъ острогѣ Гусевъ сложилъ такую пѣсню:

Мы заочно, братцы, распростились
Съ бѣлой каменной тюрьмой:
Больше въ ней сидѣть не будемъ,
Скоро въ путь пойдемъ большой.

Скоро насъ въ Сибирь погонятъ,
Мы не будемъ унывать —
Намъ въ Сибири не бывать,
Въ глаза ее не видать.
Здѣсь дороженька большая,
И съ пути можно бѣжать,
Деревушка стоитъ въ пути близко,
На краю Самаръ-кабакъ.
Цаловальникъ нашъ знакомой:
Онъ изъ насъ же, изъ бродягъ.
За полштофъ ему вина
Только деньги заплатить,
Кандалы съ насъ поснимаетъ
Можно будетъ намъ бѣжать.

ТЮРЕМНЫЙ СЛОВАРЬ

и

ИСКУСТВЕННЫЕ БАЙКОВЫЕ, ЛАМАНСКІЕ и КАНТЮЖНЫЕ ЯЗЫКИ.

Древность искуственныхъ языковъ. — Разговоръ знаками (ручной, звуковой, ударной). — Разговоръ стукомъ (нѣмецкій гакезенъ). Поляки и Шпаунъ. — Телеграфисты. — Разговоръ стукомъ декабристовъ. — Улучшенія, произведенныя въ этой системѣ братьями Бестужевыми. — Рвожжоная палочка изъ вѣника. Тюремный словарь. — Бѣдность его, — Искуственныя слова въ тюрьмахъ. — Древность ихъ происхожденія у насъ. — Ясакъ. — Разбойничій языкъ на Волгѣ. — Слѣды и остатки его въ сказаніяхъ вора Ваньки Каина. — Рзверницкая рѣчь. — Сравненіе пяти дѣланыхъ языковъ. — Рфенскій языкъ (словарь разнощиковъ-ходебщиковъ). — Рбразцы словъ и рѣчи. — Музыка или байковой языкъ карманниковъ. — Рбразцы словъ и рѣчи. — Рбразцы языка шерстобитовъ и коноваловъ. — Счотъ. — Языкъ кантюжный. — Языкъ по херамъ и тараварская азбука. — Языкъ кубряковъ и проч.

Во всѣ времена и у всѣхъ европейскихъ народовъ глубокія тайны, на которыхъ основывается вся суть преступныхъ замысловъ и преимущественно мошенничества, всегда прикрывались многочисленными и разнообразными способами изъясненій. Начало мошенническаго языка уходитъ въ древнѣйшія времена, когда слѣды его являются въ неясномъ видѣ, но съ теченіемъ времени языкъ этотъ, подобно мутному отстою, испытывая постоянное броженіе, обогащался и совершенствовался. Нѣмецкій мошеннической языкъ представляетъ собою даже такое явленіе, которое замѣчательно не только въ лингвистическомъ, но и въ культурно-историческомъ смыслѣ, — явленіе, на которое и тамъ до сихъ поръ мало обращалось вниманія. Одна изъ такихъ попытокъ показала даже крайную необходимость изученія, по этому поводу, такъ называемаго еврейско-нѣмецкаго и

другихъ старыхъ и новыхъ языковъ. Съ такимъ пріемомъ автору удалось доказать сильную степень участія (въ искусственномъ языкѣ мошенниковъ), заявленнаго этимъ гонимымъ племенемъ, потерявшимъ родину и полузабывшимъ свой родной языкъ. На исковерканномъ, спутанномъ со многими другими, языкѣ этомъ мошенническимъ пріемамъ удалось значительно поработать и ловко укрываться въ теченіи многихъ лѣтъ даже и до сего дня.

Но и на этотъ разъ, какъ и всегда, языкъ представляетъ собою лишь высшую степень развитія пріемовъ и знаній, подлежащихъ вѣденію и руководству, извѣстную степень роскоши, но не отрицаетъ существованія болѣе древнѣйшихъ пріемовъ, какъ напр. объясненій посредствомъ знаковъ въ помощь себѣ и на выручку тамъ, гдѣ разговоръ не возможенъ. Знаки эти до такой уже степени разнообразны, что исчислить всѣ способы подобнаго разговора не представляется никакой возможности. Для товарищей мошеннической шайки понятно каждое движеніе глазъ, рта, положеніе ногъ, каждое движеніе пальца. Взявшись рукой за шею, приложивши руку ко рту, къ уху, къ щекѣ, мошенникъ уже разговариваетъ съ товарищемъ и тотъ его понимаетъ. Посаженные далеко другъ отъ друга, но по случайности на виду въ противуположныхъ окнахъ, уличены въ разговорѣ руками по азбукѣ, придуманной для глухонѣмыхъ, но съ тою разницей, что мошенниками усвоена одноручная, такъ какъ азбукою на двухъ рукахъ (употребляемою глухонѣмыми при оживленномъ разговорѣ), въ тюрьмахъ и на допросахъ говорить нельзя. На допросахъ, даже въ присутствіи третьяго лица, рукою передавали обвиняемые другъ другу такія тайны и такъ ловко, при закрытомъ ртѣ, что не могло быть и тѣни подозрѣнія. Доведенный до сознанія разбойникъ, назвавшій соучастника, на очной съ нимъ ставкѣ оставался нѣмъ, не смѣя повторить своего показанія только потому, что товарищъ запретилъ ему это—тяжолымъ вздохомъ, ускользнувшимъ отъ слѣдователей при самомъ внимательномъ наблюденіи. У вора каждый свистъ, крикъ, подражаніе звукамъ различныхъ животныхъ, особенно ночью въ полѣ или въ лѣсу (филину, перепелу, собакѣ, курицѣ и т. п.), отхаркиванье, откашливанье, всякой возможный звукъ пріобрѣтаетъ смыслъ и значеніе и тѣмъ вѣрнѣе убере-

гаетъ тайны, чѣмъ онъ кажется болѣе непроизвольнымъ и естественнымъ. Въ цивилизованныхъ странахъ мошенники разговариваютъ другъ съ другомъ, намѣчая условныя знаки меломъ, углемъ, разноцвѣтными карандашами на стѣнахъ, на пескѣ, и проч. Въ настоящее время въ Европѣ, съ развитіемъ различныхъ тюремныхъ системъ съ одиночнымъ заточеніемъ (оборнской), и съ обязательствами молчанія (пенсильванской), разнообразіе тюремныхъ языковъ сдѣлалось ещо богаче и пріемы въ настоящее время стали даже получать систематическую организацію. Предположеніе, высказанное сто лѣтъ тому назадъ въ Германіи нѣмцами, что у всѣхъ мошенниковъ слѣдуетъ разорвать барабанную перепонку въ ухѣ, въ настоящее время владѣетъ тою силою значенія, что разговоръ, разсчитывающій на слухъ, получилъ наибольшее развитіе и сосредоточилъ на себѣ преимущественное вниманіе заключонныхъ въ послѣднее время. Въ этомъ случаѣ для обогащенія языка звуковаго посредствомъ постукиванья пущены въ ходъ всевозможныя тонкости: равномѣрность звука при скорыхъ или продолжительныхъ ударахъ, или же очередь ударовъ тихихъ и громкихъ; удары, производимые согнутыми пальцами или мясистой частью ладони и кулака; удары сапогомъ, башмаками, ногой обутой въ чулокъ, ковшомъ, ложкой, щоткой, щепкой и т. д. въ безконечность. Способъ этотъ удобенъ тѣмъ, что можетъ подчиняться цѣлой системѣ азбуки, во всемъ ея разнообразіи*). Ключей для пониманія существуетъ довольно много и они ведутъ свое происхожденіе отъ жидовскихъ мошенниковъ, но обыкновенно въ европейскихъ тюрьмахъ нападали только на остатки, на слѣды, но никогда на цѣлую систему. Въ королевской тюрьмѣ въ Берлинѣ два поляка разговаривали между собою стукомъ, сидя въ разныхъ номерахъ и этажахъ такъ, что играли даже въ шахматы. Самыя старательныя изслѣдованія показали, что иныхъ способовъ у нихъ не было и даже номера не находились одинъ надъ другимъ, а помѣщены были въ противуположномъ направленіи, наискось. Кромѣ этого примѣра нѣмцы указываютъ ещо на нѣкоего Шпауна, который былъ

*) У нѣмцовъ этотъ способъ извѣстенъ подъ именемъ *гакезена* отъ еврейскаго слова — гакке — стучать, ударять.

заключонъ въ 1826 году въ тюрьму въ Куфштейнѣ и пробылъ въ ней десять лѣтъ. Въ послѣдніе годы онъ получилъ въ сосѣди товарища, отдѣленнаго отъ него толстой стѣной. У Шпауна родилась счастливая мысль разговориться съ нимъ постукиваньемъ и онъ создалъ языкъ, который былъ чрезвычайно остроуменъ. Всего болѣе— само собою разумѣется — затрудняло его сообщеніе ключа лицу, которое можетъ быть не умѣло понимать по-нѣмецки. Шпаунъ началъ съ того, что простучалъ въ стѣну 24 раза и продолжалъ маневръ до тѣхъ поръ, пока не заставилъ незнакомца понять, что въ этихъ 24 разахъ подразумѣваются буквы, выражающіяся стукомъ. Въ немного недѣль они успѣли въ быстрой и свободной бесѣдѣ разсказать другъ другу свою жизнь. Сосѣдомъ оказался г. М., впослѣдствіи сдѣлавшійся государственнымъ статсъ-секретаремъ и герцогомъ Б. и былъ довольно извѣстенъ. На свободѣ онъ не забылъ соузника, выхлопоталъ ему свободу и назначилъ пожизненный пенсіонъ. C'est Spaun ou le diable — вскричалъ министръ, спустя 10 лѣтъ, когда его посѣтилъ Шпаунъ въ Мюнхенѣ. Къ сожалѣнію Шпаунъ, не смотря на всѣ хлопоты, ключа своего не повѣдалъ.

Одиночество замкнутаго человѣческаго духа, при отсутствіи всякаго искусственнаго способа къ духовному общенію, вынуждаетъ этотъ тюремный способъ разговора, посредствомъ стука, уже давно существовавшаго въ народномъ употребленіи, хотя и неимѣвшаго спеціальной системы. Ремесленники металлическихъ издѣлій ушедшаго изъ мастерской мастера, подмастерья и ученика зовутъ каждаго особымъ ударомъ молотка. На улицахъ, гдѣ живутъ эти работники, такими способами быстро и ловко распространяются цѣлыя извѣстія по всей улицѣ. Телеграфисты, не глядя на депеши, просто на слухъ по стуку слышатъ и читаютъ депеши. Этимъ людямъ тюремныя системы разговоровъ въ настоящее время обязаны во многомъ своимъ развитіемъ и усовершенствованіями (особенно по морзовскому способу телеграфическихъ знаковъ). Телеграфическому способу удалось теперь обобщить всѣ существовавшія до него системы звуковыхъ разговоровъ. Наше одиночное заточеніе по американскимъ системамъ встрѣтитъ уже готовыя формы и вѣроятно не замедлитъ ими воспользоваться.

Существованіе языка по стуку извѣстно у насъ въ Россіи изъ книгъ, по неумѣнью примѣнить его неграмотными тюремными сидѣльцами и по тому обстоятельству, что одиночное заключеніе у насъ не практиковалось въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, какъ въ Европѣ. Но тамъ, гдѣ оно имѣло мѣсто, языкъ стуковой не медлилъ своимъ примѣненіемъ и обнаруживалъ свое существованіе. Декабристы, сидя въ одиночныхъ камерахъ Петропавловской крѣпости, вели разговоръ черезъ стѣну и въ алексѣевскомъ равелинѣ, гдѣ тому способствовало устройство комнатъ, въ клѣткахъ, построенныхъ въ амбразурахъ. Разговоръ этотъ или вовсе не былъ возможенъ черезъ стѣны, идущія сводомъ или былъ ненуженъ черезъ деревянныя перегородки, гдѣ можно было разговаривать прямо въ полголоса. Если кто пѣлъ (другая форма разговора), то было все слышно и въ номерѣ напротивъ. Въ Роченсальмѣ примѣнялъ стуковую азбуку Бестужевъ-Марлинскій, сократившій по возможности безконечное стучанье 30 буквъ отечественнаго алфавита раздѣленіемъ ихъ на три десятка. «Недостатокъ этой азбуки (по словамъ его брата Мих. Алек.) состоялъ въ томъ, что гласныя и согласныя выстукивались одинаково-медленнымъ стукомъ, которые все-таки надо было считать, что утомляло и ухо и голову и гдѣ слушающій безпрестанно смѣшивалъ гласныя съ согласными и заставлялъ повторять фразу, что было тяжолою пыткою для стучащаго».

О примѣненіи звуковаго разговора по азбукѣ собственнаго изобрѣтенія М. А. Бестужевъ въ Петропавловской крѣпости даетъ слѣдующія любопытныя подробности (Русская Старина, апрѣль 1870 г.):

«Я хотѣлъ узнать: есть ли живая душа въ моемъ сосѣдствѣ. Началъ стучать желѣзами въ одну изъ стѣнъ — нѣтъ отвѣта. Въ другой мнѣ отвѣтили едва слышными звуками слабаго стука. А что если мой братъ въ сосѣдствѣ? подумалъ я и засвисталъ мотивъ аріи, извѣстный только моему брату Николаю. Слышу: опъ повторяетъ этотъ мотивъ».

Передъ тѣмъ временемъ, когда вносили ночникъ, М. А. Бестужевъ садился въ уголъ и тихо стучалъ пальцами въ стѣну. Въ

отвѣтъ получалъ таковой же стукъ отъ брата. Каждый день съ той поры начинался взаимнымъ стукомъ полнаго похода, что означало: здраствуй! здоровъ ли? Когда же надо было прекратить стукъ изъ осторожности отъ наблюдателей, братья били пальцами отбой.

Для постояннаго разговора придумана была азбука, улучшенная въ устраненіе различныхъ затрудненій, напр. по поводу буквъ послѣднихъ въ азбукѣ, до которыхъ нужно было достукиваться десятками двумя-тремя ударовъ. Воспользовался М. А. при этомъ тѣмъ, что братъ былъ морякомъ «и знакомъ со звономъ часовъ на кораблѣ, гдѣ часы и склянка бьютъ двойнымъ краткимъ звономъ». На этомъ основаніи онъ составилъ азбуку; героглифы ея начертилъ обожженнымъ прутикомъ, случайно выпавшимъ изъ вѣника, когда подметали комнату, на одной изъ страницъ IX тома Исторіи Карамзина, полученной для чтенія. «Согласныя были явственно раздѣлены отъ гласныхъ особеннымъ стукомъ *). Эта особенность давала возможность въ разговорѣ, ежели не дослышаны двѣ-три согласныя, ясный стукъ одной или двухъ гласныхъ давалъ возможность возстановить цѣлое слово, не требуя повторенія». Слухъ, изнуренный напряженностью нервовъ въ тихомъ одиночномъ заключеніи, облегчалъ способы выслушиванья. Постукавъ по стѣнѣ письмомъ, полученнымъ отъ матери, М. А. получилъ въ отвѣтъ на слухъ тоже. Этого было довольно, чтобы начать стучать. Стучалъ онъ не пальцами, которые распухли отъ безпрестаннаго стученья съ невыносимою болью въ ногтяхъ, а болтомъ желѣзныхъ наручниковъ, замѣненнымъ потомъ обожженою палочкою. Передавая послѣднюю при свидѣтеляхъ одной изъ сестеръ своихъ, онъ имѣлъ полное право сказать: «prenez, c'est ma langue!»

Впослѣдствіи въ разговорахъ при взаимной привычкѣ братья изощрились такъ, что, прежде говоря фразу на полминуты чтенія съ разсвѣта до полудня, стали разговаривать такъ скоро и свободно, что бесѣда стуковая была немногимъ длиннѣе изустной.

---

*) Здѣсь отличіе бестужевской азбуки отъ всѣхъ способовъ разговора стукомъ другихъ товарищей.

Потомъ рискнули даже выкинуть изъ согласныхъ 10 и изъ гласныхъ 4 буквы и стали догадываться о смыслѣ фразы по начальнымъ буквамъ.

«Много протекло скучно-томительныхъ дней на усовершенствованіе сношеній, на способы скорѣе передавать буквы, на знаки препинанія и предостереженія, на сигналы для вызова къ разговору, и проч.». Но люди высшаго развитія въ тяжолыхъ условіяхъ одиночнаго заточенія съумѣли выдти побѣдителями при помощи разговора по стуку. Тамъ же, гдѣ не было килейнаго заточенія, гдѣ заключенникамъ приводилось жить совмѣстно обществомъ и общиной, тамъ само собою разумѣется являлся языкъ искусственно-созданный изъ замаскированныхъ словъ: образовался тюремный словарь.

Тюремный словарь не великъ. Ничего самобытнаго онъ не имѣетъ и въ то же время тою извѣстнаго рода оконченностію и богатствомъ, какія представляются напр. въ языкѣ «картовыхъ проходимцовъ» офеней и въ довольно полномъ байковомъ языкѣ мазуриковъ (музыкѣ), тюремный языкъ похвалиться не можетъ. Сочинялись или принимались слова съ вѣтру про дешовой обиходъ тюремнаго быта въ узкихъ интересахъ замкнутой жизни на столько, на сколько это нужно было противъ приставниковъ, смотрителей и надзирателей. Кругозоръ не великъ и искуственно съуженъ такъ, что приводится говорить непонятно для другихъ въ немногихъ случаяхъ и не обо многомъ. Скрыть карточную игру, а съ нею кое-какія непозволительныя въ тюрьмахъ удовольствія, предостеречь товарищей, сговориться съ ними,—для этихъ цѣлей съ двумя-тремя десятками словъ тюремные сидѣльцы могутъ свободно и легко обходиться. Самые усердные распросы въ десяткахъ сибирскихъ тюремъ привели насъ къ такой небогатой находкѣ, которою мы и подѣлились съ читателями, истративъ въ предъидущемъ текстѣ почти весь запасъ нашъ. Хотя и дошли до насъ глухіе слухи о томъ, что напр. въ южныхъ русскихъ тюрьмахъ по казематамъ существуетъ другой языкъ, но фактическихъ доказательствъ тому мы не получили *). Очень можетъ

*) Замѣчено напр. что въ Сибири термцны, употребляемые при игрѣ въ карты, совсѣмъ другіе. Это понятно изъ того, что по Россіи въ тюрьмахъ

быть, что кое-гдѣ и скопились небольшіе и особенные словари при содѣйствіи остроумной изобрѣтательности, для которой нельзя опредѣлить предѣла и при помощи тѣхъ тюремныхъ сидѣльцовъ, которые садились съ готовымъ языкомъ. Товарищеская тюремная община не допускаетъ взаимныхъ секретовъ: какой-нибудь конокрадъ или шерстобитъ недолго наскрытничаютъ со своимъ ламанскимъ или бродяга-нищій, со своимъ кантюжнымъ языкомъ, когда увидятъ настоятельную необходимость его примѣненія на всякія вылазки и прикрытія. Извѣстно напр., что мазурики разболтались и тюремный словарь имъ въ этомъ много обязанъ, потому что они-то по преимуществу частые, можно сказать обычные тюремные сидѣльцы, составляющіе громадное большинство. По крайней мѣрѣ новѣйшій словарь крупно основывается на «музыкѣ». Изъ московскихъ и петербургскихъ тюремъ напр., другихъ словъ, помимо воровскихъ, ещо до сихъ поръ никто изъ наблюдателей не выносилъ и не заявлялъ. Но такъ какъ воровской языкъ «музыки» ведетъ свое происхожденіе отъ древнихъ воровъ, языкъ которыхъ былъ въ тоже время и языкомъ волжскихъ и другихъ разбойниковъ, то понятна и ещо большая связь тюремныхъ словъ съ языкомъ воровъ древнихъ и новыхъ. Какъ первыми прежде, такъ вторыми теперь тюрьмы переполнены: обмѣнъ неизбѣженъ, взаимное обученіе обязательно. Самостоятельность могла проявиться лишь отъ вліянія большинства, и словарь тюремный могъ отразить на себѣ характеръ этого большинства. Мы имѣемъ случай доказать это тѣми словами, которыя подмѣчены Ѳ. М. Достоевскимъ въ Омской военной тюрьмѣ, и которыя не входили въ пополненіе собранныхъ нами, и не были считаны. Ихъ также очень немного: *мелкозвонъ*—обыкновенныя кольчатыя кандалы не изъ желѣзныхъ

городскихъ, гдѣ можно доставать карты въ полномъ составѣ листовъ, арестанты играютъ въ три-листика. Въ Сибири они начинаютъ играть въ едно, потому что добыча картъ затрудняется, а принесенныя изъ Россіи измызгались, остались по свѣжѣе лишь убережонныя бросвоыя отъ двойки до семерки, ненужныя при подкаретной игрѣ. На нихъ-то и основывается сибирская арестантская игра въ едно со всѣми пріемами, а стало быть и терминами.

прутьевъ (первыя носятся снаружи; вторыя надѣваются подъ панталоны), *чистякъ* —хлѣбъ изъ чистой муки безъ примѣси мякины, т. е. обыкновенный хваленый артельный хлѣбъ; *суфлера*— потаскуха, арестантская любовь; *Марья-икотница*—обыкновенная арестантская болѣзнь, зависящая отъ обыкновенной дурной и преимущественно сухой, безъ приварка, пищи; *Иванъ-таскунъ* — таже желудочная болѣзнь съ болѣе сильными и острыми припадками, зависящая отъ тѣхъ же причинъ; *самъ-панъ-трэ* нюхальный и *самъ-крашэ*—курительный табакъ *), марцовка — обыкновенная тюремная пища—вода съ хлѣбными корками, тюря (петерб. тюрьмы), и прочее, судя потому, на сколько озлоблена и остроумна община тюремныхъ сидѣльцовъ. На этотъ послѣдній разъ въ ней чувствуется вліяніе солдатскаго юмора, присутствіе казарменныхъ остряковъ, потому что и въ самой тюрьмѣ указано сидѣть арестантамъ военныхъ ротъ, послѣ многихъ житейскихъ мытарствъ, присужденнымъ на каторгу въ крѣпостяхъ Сибири. Въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ тоже казарменное вѣяніе не исчезаетъ тамъ, гдѣ напр. арестантскіе щи называются *шури-мури*, острогъ — *палочная академія*; лишиться правъ состоянія—*слушаться барабанной шкуры*, счастье—*фартъ*, арестанты—*бѣдность*, обмануть—*околпачить*. Само собою разумѣется, что сочиненіе новыхъ словъ по вызову и вдохновенію новой обстановки не останавливалось за обиліемъ готовыхъ формъ, оттого и новыя выраженія: стрѣлять саватѣекъ—бродяжить, *простокишки попъсть*—неудачно сбѣгать и пойманнымъ возвратиться обратно въ тюрьму; горбачъ—бѣглый (за котомку за плечами), грязи напистись— угодить на каторгу; прохожій, гульный—бродяга; своеручной—фальшивой паспортъ (самодѣльный), маршрутъ — буракъ съ припасами (сибирскій туезъ), жолтая пшеничка—контробандное золото и проч. тому подобное, по случайнымъ вызовамъ и вдохновенію, которыя не неиѣютъ предѣла.

Это присутствіе сарказма, эти взрывы сердитаго остроумія съ

*) Въ гражданскихъ тюрьмахъ нюхальный табакъ — трошка, курительный — дымъ. Селитра—гарнизонный и этапный солдатъ въ Сибири; они же кисла шерсть (въ русскихъ тюрьмахъ).

безпощаднымъ самоуниженіемъ составляютъ характерную особенность всѣхъ разбойничьихъ пѣсенъ; оно же слишкомъ примѣтно и знаменательно въ сочиненіи словъ не только новыхъ, но и въ древнихъ тюремныхъ. Вотъ обращики: вѣселица—*качалка*, тюрьма—*каменный мѣшокъ*; застѣнокъ—*немшоная баня* (гдѣ людей вѣсютъ, сколько кто потянетъ); стулъ желѣзный (орудіе пытокъ)—чотки или монастырскіе чотки; кистень—гостинецъ; тайная канцелярія—стукаловъ монастырь, помойная яма—сухой колодецъ; колодецъ—холодная баня; грабежъ — чорная работа; воровство—походъ, мошенникъ—хлынъ, хлыновецъ;мошенничество—тихая милостыня; разбойникъ — углецкій выемщикъ; преступникъ—уголовщикъ, пьяной—сырой, тревога — мелкая раструска, огонь—виногоръ, воры—купцы пропалыхъ вещей, вино—товаръ изъ безумнаго ряда, каторга портовая и крѣпостная — холодныя воды; угнали *вора* въ Сибирь — улетѣлъ *коршунъ* за море («я не воръ, а воронъ-то ещо летаетъ»—сказалъ Пугачовъ Суворову). Желѣзная клѣтка (въ которой возили на казнь)—Камчатка; самоубійство—самосудъ, болтливый на допросахъ (откровенный)—нагой, разбойничьи притоны—волчьи гнѣзда, погоня—волна (волна ходитъ—погоня послана); дѣлать фальшивую монету—тянуть заповѣдное серебро и проч. Этотъ дешовой и обычной пріемъ словосочиненія завѣщанъ и нынѣшнымъ мелкимъ ворамъ, которые составили и составляютъ уже настоящій искуственный языкъ. Въ немъ убереглось немного словъ отъ старины: (мазъ—атаманъ разбойничій начала прошлаго столѣтія: у мазуриковъ въ значеніи заводчика воровскаго дѣла и стараго опытнаго вора. Старинный же дульясъ (огонь) взятъ изъ языка офеній: дуликъ и дульясъ; дуванить также, сламъ — оттуда же, яманъ — тоже общее слово. Хазъ разбойничій въ смѣслѣ избы, попадается намъ въ отверницкой рѣчи (Могил. губ.). Въ памяти народной изъ разбойничьяго языка сохранилось лишь только роковое выраженіе, страшное своимъ значеніемъ: «сарынъ на кичку». При лозунгѣ ясыкѣ или ясакѣ бурлаки этимъ обязаны были пасть ницъ и не шевелиться, пока разбойники не ограбятъ и не развѣдаются съ хозянномъ судна. По объясненію В. И. Даля значило: чернь на носъ, т. е.

иди бурлаки на носъ судна (сарынъ—чернь, кичка—носъ судна), хотя можно толковать и такъ: клади деньги на голову, на шапку (сары у разбойниковъ деньги серебряныя, а кичка иносказательно очень легко могла быть съ головнаго убора перенесена на самую голову), по обычному пріему всѣхъ подобныхъ искуственно-сочиненныхъ языковъ.

«Содѣйствіе остроумія для иносказанія въ новѣйшее время отъ стараго объяснилось лишь тѣмъ, что опытъ и практика умудрили мастеровъ выражать понятіе короткимъ терминомъ, однимъ словомъ (у мазуриковъ: трясогузка—горничная, мѣховыя вещи—окорока, барышникъ—мѣшокъ, бѣлье на чердакѣ—голуби, кана—кабакъ, граблюхи—руки, и проч.). Въ старину до этихъ иносказаній доходили не сразу, но рядомъ цѣлыхъ выраженій. Тогда же ещо надо было приводя понятіе, объяснять его, втолковывать: пустить *рыбу ловить*—утопить, судейское кресло—стулъ, на которомъ *собачки* вырѣзаны, палки (орудіе казни)—*лоза*, чѣмъ воду носятъ, воры—*купцы* пропалыхъ вещей («что не увидитъ все купятъ, а ежели увидитъ что дешовое, то ночь не спитъ», *вора* за *купца* современные мазурики приняли уже на слово); часовой—гремѣло, что по ночамъ, въ доску гремитъ, вино—товаръ изъ безумнаго ряда и проч. Были впрочемъ и готовыя слова, изъ которыхъ старинные воры (напр. въ прошломъ столѣтіи) могли составлять цѣлыя темныя фразы, понятныя по языку и современныхъ мазуриковъ. У Ваньки Каина въ собственномъ его сказаніи встрѣчаются двѣ: «когда мазъ на хазъ, то и дульясъ почасъ» (когда атаманъ въ избу, то и огонь погасили, выговорилъ онъ, когда забрался въ чужой домъ съ шайкой) и «трека калачъ ѣла, стромыкъ сверлюкъ страктирила» — съ воли сказалъ товарищъ заключонному, извѣщая его о томъ, что въ калачѣ, который онъ подалъ христа ради при сторожахъ-свидѣтеляхъ, положены ключи отпереть замокъ кандальной цѣпи. За то Каиново же сказаніе переполнено такими немудреными блестками дешоваго площаднаго остроумія, въ которыхъ уже нельзя не видѣть стремленія выработать новыя слова для обихода и въ которыхъ столь обычна тюремнымъ сидѣльцамъ озлобленность, обнаруживаватся уже въ полномъ блескѣ.

Ванька Каинъ, какъ сбѣжалъ отъ помѣщика на воровской промыселъ, загубившій его душу, какъ и сострилъ, написавъ на господской стѣнѣ: «пей воду какъ гусь, ѣшь хлѣбъ какъ свинья, а работай чортъ, а не я». Затѣмъ онъ воровалъ и товарищамъ наказывалъ: бей во всѣ (въ овсѣ), колоти во всѣ, и того не забудь, что и въ кашу кладутъ (забирай все, — ничего не оставляй). А уворовалъ, то и выговорилъ: тяпъ да ляпъ, клѣтка въ уголъ, сѣлъ и печка. Острилъ онъ живя и подъ Каменнымъ мостомъ въ Москвѣ (а «каменный мостъ воришкамъ погостъ: полъ да середъ сами съѣли, печъ да полати въ паекъ отдаемъ; пыль да копоть, притомъ нечего лопать»). Острилъ онъ, когда жилъ и убивалъ на Волгѣ и убитыхъ завертывалъ въ «персидской *коверъ*, что соль вѣшаютъ» (рогоженой куль). Когда шолъ грабить помѣщика Шубина, извѣщалъ его такъ: «неужели у тебя лѣтней одежды нѣтъ, а всегда ходишь въ шубѣ? почему и будутъ къ вамъ портные для шитья лѣтнихъ кафтановъ». Переѣзжаютъ воры, черезъ рѣку, — офицеръ попадается и спрашиваетъ: что за люди? — молчатъ. Съѣзжаютъ на берегъ, — отвѣчаютъ: «Ты спрашивалъ насъ на водѣ, а мы спрашиваемъ тебя на землѣ; лучше бы ты въ деревнѣ жилъ, да овины жогъ, а не спрашивалъ проѣзжихъ». Атаманъ отнялъ у офицера шарфъ и шпагу, но велѣлъ заплатить нѣсколько денегъ и отпустилъ. Туже сословную озлобленность, вдохновленную лишеніями, несъ Каинъ съ товарищами повсюду, во многія другія мѣста. Не переставалъ онъ острить и тогда, когда попадался на судъ: «овинъ горитъ (бѣда нависла), а молотильщики обѣдать просятъ» (надо дарить подъячихъ). Онъ и подкупаетъ, подьячему шепчетъ: «будетъ тебѣ муки фунта съ два съ походомъ, т. е. кафтанъ съ камзоломъ». А затѣмъ на судѣ: «согнулся дугой, и сталъ какъ другой, будто и не я». И опять не прочь острить на допросѣ: «баня здѣсь дешова, стойка по грошу, лежанка по копейкѣ». «Какой на господинѣ мундиръ, такой и на холопѣ одинъ». «Всѣ вы нашего сукна епанча», т. е. такіе же воры. Попавшись въ тюрьму и сидя въ ней, «молится Петру, чтобъ сберегъ сестру», т. е. удалось бы убѣжать. Побѣгъ удается, потому что выручаютъ товарищи, которые умѣютъ темно

говорить и хитро дѣлать. Они сами являются въ тюрьму подъ видомъ благодѣтелей съ подаяніемъ, сами предлагаютъ услуги и спрашиваютъ: «не хочешь ли бѣжать изъ подъ караула?» У Ивана въ лавкѣ по два гроша лапти. Сказанную фразу, до кого она касалась, понимали, и въ сказаніяхъ Ваньки Каина сохранилась такая фраза на отказъ, что онъ объ этомъ думалъ съ товарищами и время къ побѣгу самъ хочетъ выбрать: «чай примѣчай, куда чайки летятъ».

Этими иносказаніями, этою игрою словъ пробавлялись тюремные сидѣльцы изъ воровскаго рода съ большимъ успѣхомъ ещо въ серединѣ прошлаго столѣтія: Каинъ какъ извѣстно дѣйствовалъ на воровскомъ промыслѣ еще въ 1745 году; въ 1764 году онъ уже сидѣлъ въ Рочервикѣ (Балтійскій портъ). До него письменныя свидѣтельства о существованіи искуственныхъ языковъ слабы, но послѣднее не подлежитъ сомнѣнію по нѣкоторымъ намекамъ разныхъ старинныхъ актовъ. Такъ напр. въ новгородскихъ памятяхъ сохранился страшно-картинный разсказъ о томъ, какъ царь Грозный, сидя за обѣдомъ у новгородскаго архіепископа Пимена въ его грановитой палатѣ, вдругъ вскочилъ изъ за стола и вскричалъ грознымъ голосомъ «своимъ обычнымъ царскимъ ясыкомъ»: послѣ чего московскіе люди схватили и ограбили архіепископа, немедленно бросились грабить Софію, церкви, монастыри, боярскія имущества, рубить гражданъ, жечь и пепелить славный и древній городъ *).

---

*) Ясакъ въ значеніи знака условнаго крика, маяка, отзыва, лозунга встрѣчается въ старинной пѣснѣ про Илью Муромца, которая говоритъ между прочимъ:

Увивайте вы весёлочки
Аравитскимъ краснымъ золотомъ;
Увивайте вы уключенки
Альентарскимъ крупнымъ жемчугомъ;
Чтобъ по ночамъ они не буркали,
Не подавали бы они *Ясаку*,
Что ко злымъ людямъ ко татарамъ.

По Волгѣ *ясакомъ* наз. до сихъ поръ всякій незнакомый, непонятной, чужой иностранной языкъ; а ясакъ въ значеніи сигнала у разбойниковъ замѣнялся иногда тѣлодвиженіями. Въ Орловскихъ (воронежскихъ актахъ):

Точно также на другомъ противоположномъ краю Россіи, въ актахъ бывшаго города Орлова (нынѣшняго Воронежа), сохранился такой разсказъ: 20 мая 1682 года изъ села Большихъ Студенокъ отправилось 20 человѣкъ, а въ томъ числѣ пять женщинъ за рѣку Воронежъ на степь для борщу. «И переѣдучи рѣку Воронежъ на степь, на Юшина поля (гдѣ вѣроятно была посѣяна свекла—борщъ), заночевали. На утренней зарѣ напали на нихъ воровскіе люди, человѣкъ съ 20 и больше, пѣхотою (въ отмѣну отъ калмыковъ и татаръ, которые нападали на эти украйныя русскія селенія по неизмѣнному племенному обычаю на коняхъ); напали съ ружьемъ, съ пищальми и съ саблеми, а знатно-де, что донскіе воровскіе казаки, а *ясахомъ* межъ себя говорятъ и называются атаманами молодцами».

Въ библіотекѣ казанскаго университета мы видѣли рукописную книжку «Описаніе Кричевскаго графства или бывшаго староства Гр. Ал. Потемкина, въ ста верстахъ отъ Дубровны, между Смоленскою и Могилевскою губерніею». Рукопись прошлаго вѣка. Въ ней между прочимъ попадается такое мѣсто: «Я думаю, что непротивно будетъ, если я упомяну здѣсь и о томъ нарѣчіи, которымъ всѣ кричовскіе мѣщане, портные, сапожники и другихъ мастерствъ люди, а особливо живущіе около польской границы корелы (не отъ Кореловъ, а отъ грабежей своихъ такъ названные крестьяне) между собою изъясняются. Сіе нарѣчіе, подобно многимъ россійскимъ, а особливо суздальскому, введено въ употребленіе праздношатавшимися и въ распутствѣ жившими мастеровыми, которые, привыкнувъ

«на курганѣ видѣли человѣка на лошади, который, снявъ съ себя шапку *моякомъ*, бросилъ вверхъ; и къ нему со стороны наѣхало съ десять, а съ другой стороны съ двадцать». По Ратному уставу ясакъ — сторожевой опознавательный знакъ: «имѣти всякое береженіе и старосты и ясаки. Въ Нижег. губ.: ходячіе купцы не по-русски говорятъ, а ясакомъ (то были зыряне-мѣховщики). У костромичей ясачный парень—рѣчистый, разговорчивый. При Елисаветѣ Вас. Вас. Голицынъ наказывалъ прислугѣ: «кругомъ барскаго дома ходить, колотушками громко стучать, въ рожки трубить, въ доску звонить, въ трещотку трещать, *въ ясакъ* ударять (?'), по сторонамъ не зѣвать».

уже къ лѣни и пьянству, принужденными находились для прокормленія своего оное выдумать и сплесть, дабы посторонніе ихъ не разумѣли и, они всѣхъ тѣмъ удобнѣе обкрадывать и мошенничать могли. Оно не основано ни на какихъ правилахъ и, кромѣ множества произвольныхъ вымышленныхъ, состоитъ ещо изъ переломанныхъ нѣмецкихъ и латинскихъ словъ. Употребляемая между ними таковая рѣчь называется здѣсь *отверницкою* или *отвращонною*». Авторъ «для любопытства» прилагаетъ нѣсколько словъ, глаголовъ и рѣченій языка этого. Вотъ все имъ приведенное: «еперь у каврюка чуху-украдь у господина шубу; хлизъ въ хазъ, а то сергѣй смакшунитъ: иди въ избу, а то дождикъ замочитъ. Клева кургаетъ—хорошо поетъ. Манекъ химшаетъ—мой братъ хвораетъ. Клева капени но лаудѣ—хорошенько ударь его по головѣ. Гримусъ закотаетъ—громъ убьетъ. Мощерникъ—сапожникъ, кулганникъ—портной, лохъ—мужикъ, баба—яруха (около-де Суздаля гируха *), сестра—унхлытъ, попъ—кочетъ, еврей—кудлей, церковь—хазберница, игла—семирка (оттого что ихъ на денежку семь купить можно), чулки—теплухи, деньги—кривцы, рубли—круглеки, рожъ—зедька, хлѣбъ—сумѣха, молоко—лапта, масло—тсекунъ, щи—лапуха, хренъ—нахринъ, рѣпа—кругалка, морковь—солодуха, чечевица—лескушка, гречиха—кудрявка, овесъ—халбуръ, пшеница—бѣлуха, просо—цикаусъ, ячмень—акруша, пиво—милкусъ, вода—делька, вино—ардимаха, корова—алыда, овца—перхутка, голова—лоуда или неразумница, дѣвка—шихта (а около-де Суздаля карата), мальчикъ—микрецъ, молодица—куба (а около Суздаля ламоха), продавать—кухторить, бѣжать—ухлывать, ѣсть—траить, напиться—набусаться, сидѣть—сеждонить». И все. Несомнѣнна связь языка этого и прямое происхожденіе отъ офенскаго, по сходству большей части словъ. Замѣчаемыя же немногія различія вѣроятно слова того же офенскаго язы-

*) По Офински: гирый—старый, гирёхъ—старикъ, гируха—старуха (замѣчательно, что у грековъ — heron; пять — пенда — pente, десять — деканъ, deka пятнадцать — декапенда—dekapente. Впрочемъ эта греческая примѣсь идетъ недалеко. Встрѣчается больше словъ новаго образованія и исковерканныхъ польскихъ и другихъ словянскихъ.

ка, оставленныя въ Ковровѣ (а не Суздалѣ) и сохранявшіяся здѣсь. Съ 1700 года, какъ извѣстно, офени разбрелись уже по всему лицу земли русской и даже переходили за австрійскую границу, всюду называя себя особымъ народомъ *мазыками*. Съ ихъ стороны слѣдовали увѣренія, что они — потомки этого исчезнувшаго вслѣдъ за другими народа и жившаго будто бы въ IX вѣкѣ (что впрочемъ не доказано). Дѣйствительно въ IX вѣкѣ кочевалъ по Волгѣ народъ ясы или ясыки, которые — по нѣкоторымъ толкователямъ — у офеней превратились въ мясыки, мазыки, масыки, и проч. Въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи офеней называютъ различно: варягами, торгованами, коробейниками, ходебщиками, разнощиками, суздалами, офенями, маяками и проч. Во времена возвращенія Бѣлоруссіи къ Россіи— какъ извѣстно — въ числѣ средствъ закрѣпленія ея употреблены были различныя сильныя мѣры: бѣлорусскія конфискованныя въ казну имѣнія розданы были русскимъ вельможамъ: Голохвастовымъ, Чернышовымъ, Румянцовымъ и другимъ и самыя огромныя количества деревень, городовъ и мѣстечекъ—Потемкину-Таврическому. Между ними досталось ему и мѣстечко Кричевъ, лежащій теперь на Московско-Варшавскомъ шоссѣ (въ Чериковскомъ уѣздѣ Могил. губ.). Потемкинъ, владѣвшій громадными средствами, болѣе всѣхъ другихъ, воспользовался мыслію обрусѣнія бѣлоруссовъ и привлекъ въ свои имѣнія различныхъ ремесленниковъ въ такомъ числѣ, что бывшія его имѣнія (Дубровна, Кричевъ, Усвятъ въ Витеб. губ.) представляютъ наибольшія подобія съ русскими селеніями, чѣмъ всѣ другія сосѣднія мѣстности. Въ нихъ до сихъ поръ сохраняются ремесла, и развиты промыслы сильнѣе, несмотря на весь гнетъ евреевъ. Такъ сказалось это при нашемъ посѣщеніи Бѣлоруссіи въ 1868 году. Въ этомъ привлеченіи въ край русскихъ людей въ видѣ ремесленниковъ и торговцовъ мы видимъ причину появленія и языка офеней, которые ходили сюда торговать и, при поощреніяхъ владѣльцовъ, осѣдали съ большою охотою на торныхъ дорогахъ и въ такихъ мѣстечкахъ, какъ Дубровна и Кричевъ. Когда ослабло поощреніе, они бродили, шатались и, не находя питанія, разбрелись врозь и вѣроятно по своимъ старымъ пепелищамъ. Всѣ наши старанія найти слѣды этого языка въ

Кричевѣ и Дубровнѣ остались тщетными: отверницкая рѣчь у тамошнихъ мѣщанъ исчезла. По занятіемъ (земледѣльческимъ исключительно), по развитію, которое кричевцовъ и дубровенскихъ едва выдѣляетъ отъ тупыхъ и загнанныхъ бѣлоруссовъ, по господствующему дзекающему бѣлорусскому языку, мало остается основанія для предположеній о томъ, что языкъ этотъ живетъ и лишь тщательно сбережонъ и припрятанъ. Къ тому же на всѣ темныя дѣла въ томъ краю кинулись съ такимъ азартомъ и въ такомъ многолюдствѣ евреи, что помимо ихъ племени никто не удѣлъ и сквозь густую толпу ихъ, тѣсно сплоченную, никому уже теперь не протолкаться. Въ распоряженіи еврея такой замысловатый и темный языкъ изъ смѣси древнихъ еврейскихъ, польскихъ и нѣмецкихъ словъ, что плутовствамъ всякаго рода неизмѣримое поле. Въ Пруссіи между нѣмцами нашъ еврей говоритъ по-польски, между бѣлоруссами и поляками по-нѣмецки, но такъ что съ трудомъ понимается коренными нѣмцами. Блестящѣе, полнѣе, темнѣе и успѣшнѣе картаваго еврейскаго жаргона едва ли употребляется гдѣ на свѣтѣ другой ему подобный и столько же счастливый. Въ Германіи языкомъ древне-еврейскимъ съ нѣкоторыми лишь уродованіями воспользовались городскіе мошенники и составили, какъ сказано выше, подобно нашимъ искусственные мошенническіе словари.

О происхожденіи отъ древнихъ корней старорусскихъ «языковъ» (ясаковъ) новѣйшіе словари свидѣтельствуютъ теперь лишь ничтожными данными. Разбойничій дуванъ (дѣлежка), взятый цѣликомъ изъ татарскаго, удержался среди всѣхъ превратностей судьбы, бережно пронесъ свое право на существованіе и въ средѣ смирныхъ, но ловкихъ торговцовъ вязниковскихъ и ковровскихъ офеней, московскихъ и петербургскихъ карманниковъ (жуликовъ и мазуриковъ) отъ Ваньки Каина до сего дня и остался въ ненарушимой цѣлости и въ нерчинскихъ тюрьмахъ у арестантовъ: пойдутъ послѣдніе дуванъ дуванить и на островъ Сахалинъ. Разбойничьи сары сохранились въ музыкѣ (сары: рыжая сара—полуимперіалъ золотой) и неизмѣненными съ примѣненіемъ лишь исключительно къ серебрянымъ деньгамъ (мѣдныя—курынча) сохраняются въ сибир-

скихъ каторжныхъ тюрмахъ. Отверницкая рѣчь за литовскимъ рубежомъ (въ Кричевѣ на Сожѣ, Могил. губ.) сохранила слово хазъ въ значеніи избы, то самое, которое выговорилъ атаманъ шайки на Волгѣ подъ Макарьевымъ и которое подслушалъ извѣстный проходимецъ Ванька Каинъ. Ему же извѣстенъ былъ дульясъ, какъ имя огня; тогда какъ тоже слово и въ томъ же значеніи неизмѣнно обрѣтается въ словарѣ мирныхъ офеней-торговцовъ ходебщиковъ. Разбойничій атаманъ, мазъ по старинѣ, сохранился въ петербургской музыкѣ въ томъ же значеніи, измельчавшемъ лишь до прозванія заводчика воровскаго дѣла или стараго опытнаго вора. Татарскій яманъ (скверный), которымъ распоряжались волжскіе разбойники въ прошломъ столѣтіи по всѣмъ граматическимъ правиламъ склоненій родного языка остается извѣстнымъ и нерушимымъ въ нынѣшномъ столѣтіи и въ наши дни на языкѣ петербургскихъ мазуриковъ *).

По сличеніи всѣхъ этихъ искусственныхъ языковъ однаго съ другимъ нельзя не замѣтить общаго всѣмъ стремленія встать въ независимость, отдѣлиться для самостоятельнаго существованія. Цѣль достигнута. Оттого-то не только трудно, но и почти невозможно узнать и доискаться теперь до корня, до тѣхъ прадѣдовъ, отъ которыхъ выродились позднѣйшія многоколѣнныя семейства: черты сходства остались неясныя и немногочисленныя. Вотъ и примѣры: прежде всего наталкиваемся на того неизмѣннаго друга, для котораго у русскихъ людей придуманы цѣлые десятки словъ и прозваній, отъ нѣжныхъ ласкательныхъ до грубыхъ ругательныхъ, какова водка, вино. У офеней она зовется гамза, гамзыра и дрябка; въ отверницкой рѣчи извѣстна подъ именемъ ардимахи, въ мазурницкой музыкѣ зовется канка и кановка, на арестантскомъ языкѣ въ тюрьмахъ — хамло, у скрыпенскихъ коноваловъ — лофейка, старинные разбойники называли ее—товаромъ изъ безум-

*) Музыка или словарь карманниковъ, т. е. столичныхъ воровъ, которымъ мы пользуемся въ настоящемъ случаѣ, составленъ въ 1842 году, провѣренъ и дополненъ сообщеніями новыхъ и подтвержденіемъ старыхъ словъ въ прошломъ 1869 году.

наго ряда. Роковое мѣсто — тюрьма прозванная офенями качуха, у спеціалистовъ-арестантовъ называется: у сибирскихъ чижовка, у русскихъ—кучумка и въ болѣе строгомъ смыслѣ у которжныхъ арестантовъ (военныхъ)—палочная академія. Древніе разбойники звали ее «каменный мѣшокъ».

Русс. слова.	Офенскія.	Отверницкія.	Музыка.	Тюремныя.
Деньги.	юсы	кривцы	бабки	сары и курынча.*)
Женщина.	куба	яруха	маруха	мазиха и суфлера
Рубль.	хрустъ	круглякъ	царь и дерсъ	сѣдой (у коноваловъ) бирсъ (у барышниковъ)
Изба и дворъ.	ряха, рымъ.	хазъ (тоже у стар. разбойник.)	куреха, домума, домовуха	—
Купецъ.	пулецъ.	кухторь	аршинъ	майданщикъ
Мальчикъ.	ласый	микрецъ	долото	—
Щи.	пучки	лапуха	—	шури-мури
Овца.	моргуша	перхутка	—	басаргуля (у шерстобитовъ)
Продать.	протулить.	кухторить	тырить	—
Кнутъ и плеть	визжакъ и визжёха.	—	миноган и манны	лыко и адомово лыко
Солдатъ.	трущъ.	—	бутырь, фараонъ, паукъ	селитра
Опасность.	—	—	стрема, мокро, двадцать шесть	вода
Хлѣбъ.	сумаръ	сумѣха	—	чистякъ
Шуба.	бурьмѣха.	чуха	теплуха	—

У офеней гривенникъ—марошникъ, у мазуриковъ—жирманникъ; у офеней полтина—ламиха, у конныхъ барышниковъ—дёръ; четвертакъ у барышниковъ—секана, секисъ, у мазуриковъ столичныхъ жирма-бешъ, у коноваловъ — хрустъ; цѣлковой у коноваловъ, напр. скрыпенскихъ — сѣдой, у коннцыхъ (ярмарочныхъ и столичныхъ барышниковъ — бирсъ. Сто у офеней — пехаль, по музыкѣ — капчукъ, день у офеней бендюкъ, у шерстобитовъ — волгажъ. У офеней пѣтухъ ворыханъ, у шерстобитовъ напр. кинешемскихъ гогусъ; кровь у офеней вохра и кира,—у. шерстобитовъ канъ. Гривна у офеней маруха, у мазуриковъ трешка, у барышниковъ жирмаха; рука у офеней хирьга, у мазуриковъ граб-

*) Курынча тюремная встрѣчается у офеней въ названіи пятака мѣднаго (куренша).

люха, шерстобитовъ бира; штаны у офеней шпыни, у сибирскихъ шерстобитовъ чнары, у мазуриковъ шкеры, и проч. Вотъ нѣсколько словъ шерстобитовъ (изъ языка, такъ называемаго кантюжнаго) самоваръ — беззаботный, жеребецъ—агеръ, давать — дякать, ямщикъ—шмлякъ; вѣникъ—било, два—кокуръ, пила—зубила, колоколъ—звонарь, зубы—жоры и жоръ, колемить, заколемить—захватать, овца—басаргуля; скоро—башково, кукушка—гадайка, пирогъ—елесникъ, и проч. Нѣсколько словъ скрыпенскихъ коновало въ: клева, неклева (общее), съюхтить—получить доходъ, схизнуть—бранить, бакулить—говорить, облобызать—своротить съ дороги для разговора, сакъ — сюда, ламишникъ — полтинникъ (общее). Счотъ ихъ указанъ дальше *).

Въ этомъ общемъ стремленіи на отдѣлъ, для самостоятельнаго существованія на правахъ полнѣйшей независимости, придумывались слова, прикрывающія тайну пріемовъ извѣстнаго ремесла и промысла, чтобы скопившійся изъ нихъ словарь зналъ не всякой; а смышленый человѣкъ, спознавши одинъ, могъ бы блуждать и заблудиться, попавши въ трущобы другаго словаря. Выдумка новыхъ словъ въ замѣну истаскавшихся старыхъ въ этихъ случаяхъ прежде всего являлась на выручку. Зазнавшій напр. голову за «неразумницу» (въ отверницкой рѣчи) не распознаетъ ее въ позднѣе придуманномъ прозвищѣ «лауда». Слышали прежде и узнали всѣ *часы* за *веснухи*, — теперь же вмѣсто нихъ и у тѣхъ же мазуриковъ слышится новое прозвище *бана*; прежняя музыка предостерегала ходящихъ по ней объ опасности словами: *стрема* и *мокро*,—теперь геворитъ неизвѣстно почему: «двадцать шесть». Прежде по музыкѣ мошенникъ назывался французскимъ словомъ «жоржъ», теперь откровенно по-русски и не безъ нѣкотораго поползновенія на остроуміе назвался торговцомъ. Прежде сыщику было званіе «фигарисъ, фига, подлипало»,—теперь:

---

*) На сибирскомъ трактѣ черезъ Арзамасъ и Лукояновъ въ Ардатовской уѣздъ, между станціями Тальцинымъ и Олевкою находится это село Скрыпино (210 дворовъ) въ сосѣдствѣ съ селами и деревнями: Княжуха, Шамарино, Марьино, Ростиславка, Ратманово, Назарово, Насыпаевка, Елушово, Чуварлей, Ямское и друг. Во всѣхъ живутъ коновалы въ количествѣ до тысячи душъ. Ходятъ на востокъ и въ Сибирь.

«двадцать пять» и придумано всему комплекту ихъ общее новое названіе «чортова рота». Кошелекъ съ деньгами назывался шмель, теперь «шишка»; бумажникъ — финалъ, шмука, теперь «лопатка» и «боковня». Рубль у мазуриковъ оказывался и «колесомъ» и «царемъ», — теперь по новому это «дерсъ», полицейскаго же они звали «каплюжникомъ», теперь согласились называть «гуртомъ» прежняго фараона и бутыря (буточника)—паукомъ; преждѣ «*на*чудилъ» теперь *наъздилъ*, если сдѣлалъ неудачную кражу, сдѣлавшуюся открытою, и проч. По вызову различныхъ нововведеній конечно явились новыя слова уже не для прикрытія, а по необходимости: явилась халдыговина — конная желѣзная дорога (у петербургскихъ мазуриковъ); про арестованнаго по приговору мироваго судьи говорятъ, что онъ «на мѣстѣ».

Въ хорошомъ, болѣе законченномъ языкѣ (какъ напр. въ офенскомъ) для лучшаго укрытія отъ любопытнаго и любознательнаго уха на одинъ предметъ и понятіе существуетъ по нѣскольку иносказательныхъ выражаній: ѣсть — ефить, троить, брясть; дѣвица корюкъ, карата, карюха; водка — гамза, гамзыра, дрябка; огонь — дульясъ и дуликъ; работникъ—наепшурникъ, прилешъ; сынъ—фетякъ и лащина, пирогъ—спидонъ и кундякъ, а такъ какъ по деревнямъ гостепріимно кормятъ пирогами всякаго захожаго человѣка, то напр. и у шерстобитовъ (волнотёповъ) имѣется для него особое имя—елесникъ; божиться—стодиться (потому что Стодъ — Богъ) и щедиться, и проч. Въ музыкѣ, по богатству словъ уступающей только словарю офенскому (торговому), точно также: на деньги два слова: сара и бабки, на платокъ три: лепень, шемяга, персякъ, на избу также три: куреха, домуха, домовуха; бѣжать—хрять и лататы; ничего, не бѣда — сухари! шманалъ! шипель — шельма и накидалище; вынуть изъ кармана—выначить и срубить; соединиться въ шайку—стабуниться и склеиться; лакей — алешка, Алексѣй Алексѣичъ, уксусъ, лакъ, халдей, денщикъ; похороны—халтура, и проч.

Многія слова утратили секретъ и, прорвавшись въ общенародное употребленіе, перестали считаться пригодными для обихода въ темномъ ремеслѣ, въ плутовскихъ изгибахъ его, и не перестали лишь смущать близорукихъ собирателей словарей этихъ. Въ

мазурницкой музыкѣ мы находимъ такія слова одѣть-*оболочь*, бѣжать и убѣжать—*хрять* и *ухрять;* попасться въ преступленіи—*влопаться*; скрыть, заслонить-*затылить*; для виду-*для близиру;* сдѣлать неудачную кражу-*начудить; чертоплешина*-плюха по затылку; *труба*-вздоръ, пустяки; *жуликъ*, который означаетъ по музыкѣ и по-офенски ножикъ, по музыкѣ же и мальчика ученика воровскому дѣлу, перенесено въ Москвѣ на самыхъ мастеровъ промысла; пропить, промотать-*проюрдонить* *); у офеней пащонокъ (дитя, ребенокъ), масья (мать), скрыпы (двери) и глаза-*зенки*. Всѣ эти слова знаютъ всѣ петербургскіе мастеровые; многіе изъ этихъ словъ употребляютъ люди и повыше полетомъ.

Само собою разумѣется, что богатство словъ сосредоточивается тамъ, гдѣ вращается и самый промыселъ. Темное дѣло, прикрытое темными условными словами и выраженіями, на этотъ разъ обнаруживаетъ свои живые пункты и поле дѣятельности во всей наготѣ.

Въ такихъ случаяхъ и обиліе словъ и хлопотливая изобрѣтательность ихъ являются въ отчотливомъ видѣ: здѣсь на ворѣ и шапка горитъ. А такъ какъ все это творится для денегъ, все это вдохновляется ими, то этотъ предметъ и исчерпанъ всѣми до предѣловъ возможнаго и вѣдомаго, и потому объ нихъ-то и первая рѣчь наша. По таблицѣ приведенной выше видимо разнообразіе прозваній самыхъ *денегъ* и одного изъ крупныхъ и основныхъ представителей ихъ—бумажнаго и серебрянаго рубля. Кто на послѣднія видоизмѣненія рубля и денегъ не ходитъ за недосугомъ, но петерб. мазурики различили свои финашки, финаги (бумажныя деньги, ассигнаціи), какъ офени свои пельмахи, отъ сары и царей (серебряной монеты) и отъ рыжихъ, веснушныхъ (денегъ), отъ рыжиковъ — червонцовъ и рыжой сары—полуимперіаловъ, потому что эти деньги въ рукахъ ихъ бываютъ за частую, какъ они же знакомы и офенямъ (подъ нехитропридуманнымъ прозваніемъ кузлота). Послѣдняго сорта монета не извѣстна ни коннымъ барышникамъ, ни мелкотѣ промышленникамъ

*) Юрдовка, какъ мы указали особая игра въ карты.

шерстобитамъ и коноваламъ. За то у всѣхъ извѣстны подъ своими именами гривна (маруха у офеней, трешка у мазуриковъ, жирмаха у конныхъ барышниковъ), пятачокъ, пензикъ у первыхъ, пискарь, (мѣдной), пискарекъ (серебряный) у мазуриковъ; полтина (ламиха офен., ламышникъ мазур. деръ барышн.), четвертакъ, исчезнувшій изъ употребленія (жирма-бешъ у карм., секана и секисъ у барыш.); цалковый (хрустъ офен., круглякъ отверницкій, царь и дерсъ по музыкѣ, сѣдой у коноваловъ, бирсъ у барышн.); копѣйка (трофиль офенс., канька и каника у мазур.). А такъ какъ на руки офеней чаще и больше другихъ переподаютъ деньги, то у нихъ есть слова и на грошъ (башъ) и на депежку (батень) и на трехгривенный (хрустъ съ пензикомъ). Умѣютъ считать они и до тысячи, которую зовутъ косухой (значеніе слова этого у мазуриковъ ослаблено переносомъ на сотню—косуля—и эти купцы пропалыхъ вещей дальше сотни рублей не считаютъ и счота не знаютъ). У офеней, обязавшихъ себя вѣчными счотами и выкладами, это дѣло затѣмнено больше всѣхъ и офенскій счотъ полнѣе всѣхъ и совсѣмъ другой, чѣмъ напр. у лошадиныхъ барышниковъ и у скрыпенскихъ и другихъ коноваловъ.

СЧОТЪ.

Обыкнов.	Офенскій	Галивонской (шерстобитовъ) и конныхъ барышниковъ.
одинъ	екóи	также
два	здю, взю	кекуръ
три	стрѐмъ	стема, кумаръ
четыре	кисера	дщера, чивакъ
пять	пинда	пенда, вычусъ
шесть	шонда	также
семь	сезюмъ	сезюмъ
двугривенный	сезюмаръ	также
восемь	вондера	
девять	девера	кивера
десять	дѐканъ	дѐканъ (маринъ у скрып. коноваловъ)
одиннадцать	екодцать	

двѣнадцать	здюнадцать	двадцать пять—хрустъ у скрып. коноваловъ.
тринадцать	стремнадцать	
четырнадцать	кисернадцать	
пятнадцать	деканъ-пинда	
пятиалтынный	пенда-берюнды	пенда-куренша—пятачокъ
шестнадцать	шондатцать	
семнадцать	сизюмнадцать	
восемнадцать	вондарадцать	
девятнадцать	девернадцать	
двадцать	здю-декановъ	тридцать-трехмарнъ (у скрып. конов.)
сорокъ	кивера-декановъ	
пятьдесятъ	пенда-декановъ	
восемьдесятъ	вондера-декановъ	
четвертакъ	вондера-сизюмъ-трофель	
девяносто	деверъ-декановъ	
сто	пехаль	
тысяча	косуха	
полтина	ламиха.	

Затѣмъ само собою по зависимости отъ предметовъ торга и купли, офени-торговцы поспѣшили заручиться своей терминологіей, которая даетъ словарный сборникъ количествомъ словъ больше тысячи. По способу мѣновой торговли, каковая не гнушается вымѣномъ всего, что придется на руку (и вымѣниваетъ между прочимъ съ такими неслыханными барышами, болѣе чѣмъ сто на сто проц.) и яицы (ягреняты) и ложки (свербалки), и медъ (емеля), лапти (верзень), пшеницу (кундешница), масло (ласо), всякой хлѣбъ (сумаръ), лошадь (ловакъ, острякъ), овесъ (щуплякъ), ячмень (захарь), рожъ (зеха) и проч. Мужику (лоху) и бабѣ (кубѣ) и молодицѣ (ламохѣ) и красной дѣвицѣ (каратѣ, карюхѣ) съ завистливыми и склонными на соблазнъ глазами торговецъ-ходебщикъ и офеня ѣздовой отдаютъ на обмѣнъ все, что надо, что имъ самимъ навалили въ Москвѣ (въ Батусѣ) на кредитъ изъ залежнаго и праховаго товара: гребень (дер-

бужникъ), стаканъ и рюмку (бухарникъ, бухарку), ситецъ (лепешникъ), платокъ (лѣпень), сукно (шерсно, вехно), ножикъ и ножницы, (жуль и жульницы), стекло и посуду всякую (звеньеху), рукавицы (нахпреги), топоры (машурики), пояса (подбалы), сальныя свѣчи (щедреги), а на лакомой вкусъ богатаго мужика и чай бусильникъ (бусильникъ оттого, что люди пьютъ, его—*бусятъ*) и сахаръ сластимъ и зеркала вершальницы (затѣмъ, что вѣршѣть — глядѣть въ нихъ надо, и другое тому подобное. Ля такихъ дѣлъ у офеней и брысы (вѣсы) такіе сдѣланы, что брысятъ съ походомъ всегда на его сторону. Пропуливаетъ пулецъ—продаетъ купецъ этотъ вяло и рыхло (много и скоро), больше шираго, чѣмъ склешево (дороже, а не дешевле) и за то ерчитъ на громати на своемъ ловакѣ, а не похлитъ на стухахъ (ѣздитъ на телегѣ на собственной лошади, а не ходитъ пѣшкомъ на своихъ ногахъ съ коробомъ на горбѣ) да ещо сверхъ того седмаетъ въ ряхѣ на дудоргѣ: троитъ вятелку за стропенемъ, сафаетъ скрыжами кундешные кундяки и забусываетъ (на худой конецъ) чкуномъ, а чаще всего клыгой, а не то и керомъ (т. е. въ избѣ, на лавкѣ ѣстъ утку за столомъ, мнетъ зубами пшеничные пироги и запиваетъ квасомъ, брагой, а не то и пивомъ). На крестьянскаго обманщика собаки не лаютъ, а мужичью голову не даромъ прозвали на Сожѣ неразумницой: бузу (бѣднаго) отъ стодена (богатаго) лоховой обзетильщикъ (крестьянскій обманщикъ) не распознаетъ. И все-таки «котюры скрыпы отвандаютъ, поханя севраетъ шлякомова въ рымъ, нидонятъ дрябку въ бухарку, гируха филосы мурляетъ, клюжаетъ и чупается (ребята ворота отворяютъ, хозяинъ зоветъ знакомаго въ домъ, наливаетъ водку въ рюмку, хозяйка блины печетъ, подаетъ и кланяется: «Спасибо ещо и за то что мимо двора не проѣхалъ, за мужикомъ сплошъ и рядомъ у торгована шилку скень (долговъ много). Хоть офеня и знаетъ Стода (Бога), но не лучше нефедя и скеса (еврея): бусаетъ лохову киру (пьетъ крестьянскую кровь); видку (правду) только по имени знаетъ. Офени говорятъ: «масья! ропа кимать, полумеркоть, рыхло закурещатъ ворыханы» (мать пора встать, полночь, скоро запоютъ пѣтухи). «Да позагорбилъ басвѣ слещить: астона басвинска ухалила дработницой (да позабылъ тебѣ сказать: жена твоя померла весною).

Точно также въ отверницкой рѣчи встрѣчаемъ наибольшее богатство прозваній тѣхъ продуктовъ, которые служили предметомъ торговли и промысла. У офеней мы не видимъ того, у мазуриковъ не мыслима необходимость знанія гречихи (кудрявки), чечевицы (лескушки, проса-цикауса). Кричевскіе торговцы, жившіе въ болѣе южныхъ и теплыхъ мѣстахъ, возъимѣли въ этомъ отношеніи преимущество даже передъ проходимцами сѣверными офенями. Кричевскіе знаютъ и пахринъ—хренъ, и кругалку—рѣпу и солодуху—морковь. Все это они могли вымѣнивать и на семирки (иголки) и на теплухи чулки и проч.

А вотъ и еще художники, которые вертятся и вращаются также около своего темнаго дѣла и стараются затемнить его больше и такъ, чтобы сторонніе ихъ не узнали. Эти также какой рѣкой плывутъ ту и славу кладутъ, и у нихъ, гдѣ дрова,—тамъ и щепы. Воруетъ мазурикъ и то, что на глаза попадается, и что легче украсть, и на что онъ большой охотникъ и мастеръ. Оттого у нихъ шубы-теплухи, мѣховыя вещи—окорока, бѣлье на чердакахъ (не безъ остроумія)—голуби, посуда—звенья, кафтаны—шифтаны, шинели—шельмы, подушки съ извощичьихъ саней—мякоть, шапки—камлюхи, и сапоги—коньки: все предметы добычи (тырбана) и дѣлежки (слама). Но такъ какъ мазурикъ больше ходитъ около кармановъ «беретъ съ верховъ т. е. изъ наружныхъ (оттого и карманникъ), то при обширномъ полѣ для дѣятельности и богатство словъ для названія вещей и предметовъ промысла: табакерка—лоханка: скуржаная—серебряная, рыжая или веснушная—золотая, часовыя цѣночки—гопа: не шейныя короткія—путина и первязь, длинная шейная—арканъ, бумажники—дождевики и лапотники, кошельки съ деньгами—шмели, лорнеты—камбалы, кольцы—обручи, драгоцѣнные камни—сверкальцы, перчатки—грабли, театральные трубки—двуглазыя; портмоне, кисы, сакъ-вояжи, чемоданы и мѣшки—шишки. А такъ какъ въ такихъ вещахъ вытаскивались и деньги, то на каждый видъ ихъ и форму существуютъ отдѣльныя названія: деньги сара (старые), бабки (новые), ассигнаціи—финаги и финашки: трека—трехрублевая, синька—пятирублевая, канька и каника—копѣйка, трешка—трехкопѣечникъ, пискарекъ—пятачокъ, пискарь—мѣдный пятакъ,

жирмашникъ—гривенникъ, ламышникъ—полтинникъ, осюшникъ—двугривенный, жирма-бешъ — четвертакъ, стремчаговый — трехрублевикъ, царь — цѣлковый, капчукъ — сторублевая бумажка, косуля—тысяча и проч. Платокъ — лепень, но шемяга—носовой обыкновенный, персякъ — шолковой. Часы прежде назывались веснухи и веснушки, но такъ какъ слово это узнали всѣ, то сталось новое—бана, а за то, что они чаще служатъ предметомъ добычи и попадаютъ въ руки всякіе, то и зовутся: стуканцами — стѣнные, канарейками—карманные, рыжими—золотые, скуржовыми—серебряные. По причинѣ же того, что у такихъ художниковъ бѣда всегда виситъ на вороту, то и выкрикаютъ близость опасности (стремы) либо этимъ придуманнымъ словомъ, либо говорятъ мокро, когда видятъ стрѣлу — козака, михлютку — жандарма, каплюжника или гуртъ — полицейскаго, фигу, чортову роту, двадцать шесть — сыщика; мухорта — статскаго человѣка — наблюдателя, барчука — франта, свидѣтеля изъ военныхъ — талыгая; наука — городоваго; денщика—алешку, лакея—уксусъ, лакъ; хера (пьянаго) не боялись, жоха—нищаго подбивали въ свою компанію и давали сламъ. «Отначивались» (откупались) въ старину и отъ «крючка» — письмоводителя въ кварталѣ, и отъ «кармана или выручки», т. е. самого квартальнаго надзирателя и отъ клюя или ключая — слѣдственнаго пристава и скипидарничали—гуляли на волѣ, находясь въ подозрѣніи. За ломотой (побоями) не гонялись и секуцію принимали съ легкимъ сердцомъ.

Такъ какъ на большую часть все это были бродяги, съ фальшивыми паспортами и часто безъ всякихъ видовъ, то мастерили свои и опять обогатили свой языкъ различными новыми, нигдѣ уже не попадающимися словами. Вышли безглазые, темные, т. е. безпаспортные и слѣпыши (бродяги настоящіе) съ липовымъ глазомъ, темнымъ, яманнымъ глазомъ (фальшивымъ паспортомъ, потому что настоящій по музыкѣ называется просто глазомъ, а иногда биркой и картинкой; торговали «пчолами» фальшивыми бумагами, но конечно больше и чаще всего воровали, сбывали стыреное (ворованое) мѣшкамъ (пріемщикамъ). Ходили тырить на клей (воровать на готовое) послѣ подвода (подготовки) на двое: или «ходили въ одиночку», во-

ровали особнякомъ или «стабунивались», склеивались (т. е. соглашались вмѣстѣ), сбивались въ шайку, въ «хороводъ» (товарищество) и «гопали» (бродили по улицамъ, ночевали на нихъ). Иногда въ карманахъ ничего не находили «шманъ, сухари», но добившись цѣли, дѣйствовали. Въ дѣло употребляли коловороты—«вертуны» для «сережекъ» (замковъ), пускали въ ходъ «помаду» (долото), фомку (маленькій ломъ) «крючки» (небольшія отмычки), «стриканцы» (ножницы), «жулики» (ножи) и т. д. хаживали и *на шарапъ* (грудью, приступомъ брали), и *на храпокъ* (хватывали за горло) и *на душецъ и подъ микитки*, «схватывали за дыхало» т. е. «душили», зажавши ротъ и ноздри *). За то ловкій человѣкъ, когда, трокнулъ, т. е. попался и садился въ тюрьму, то выходилъ изъ тюрьмы либо «съ нашимъ почтеніемъ» (въ подозрѣніи), либо «съ нижайшимъ почтеніемъ» (въ сильномъ подозрѣніи), либо наконецъ съ «нижайшею благодарностію» (въ глубокомъ подозрѣніи). Эти обыкновенно отдѣлывались только тѣмъ, что «пробирали ихъ дробью» т. е. (наказывали розгами), а затѣмъ они опять сидѣли по старому въ «каннѣ» (кабакѣ) или «шатунѣ» (погребкѣ), опять искалъ поживы на «задѣльяхъ» (свадьбахъ) «уборкахъ» или «халтурахъ» (похоронахъ). Краденое «тыреное» перетыривали (перепродавали), т. е. спурили, пропуливали въ надежныя руки. Иногда удавалось «ухнуть» — уѣхать на подговореномъ извощикѣ, иногда удавалось «влопаться» только, т. е. попасться неопасно, а иногда и сгорѣть, т. е. попасться до ссылки, до «мантовъ» (плетей) и до прогулки «за Бугры» (т. е. за Уральской хребетъ), спознавшись и съ кирюшками (палачами), прокатившись и на «фортункѣ» (позорной колесницѣ), и наѣвшись миногъ (т. е. получивши наказаніе плетьми). «Смеряли стекла», т. е. выдавливали ихъ, намазывая медомъ или патокой сахарную бумагу; тѣмъ же медомъ

*) *Фомка*-короткій желѣзный прутъ для свертыванія «сережки» (т. е. висячаго замка). *Камышевка*—большой въ ½ аршина ломъ; имъ очень ловко поднимаютъ двери съ петлей или крюковъ. *Отмычка* подходитъ къ большей части замковъ, а для хорошаго нутрянаго замка дѣлается ключъ по восковому слѣпку, отъ ключа же или отъ замочной скважины. Камышевку—ломъ прячутъ, подвязывая веревкой, обходящей вокругъ тѣла и носятъ въ шароварахъ (въ ней пудъ вѣсу).

смазываютъ и стыреныя деньги, чтобъ не звенѣли. Главныя достоинства въ этомъ промыслѣ умѣть во время «зетить, стремить» зорко озираться и глядѣть, умѣть «агалчить» — во время предостеречь товарища, толкнувши его; во время «трёкать» (оглядываться и вытаскивать изъ кармана), умѣть «заливать» — обходить, заговаривать сыщика, справедливо «тырбанить» (добычу дѣлить), остерегаться «амбы» (смертельныхъ ударовъ), и «дуги» (невѣрныхъ справокъ при рекогносцировкѣ), чтобы «не наѣздить» (новое слово — не сдѣлать неудачной кражи) и не попасть въ «кряновки» (т. е. чтобъ не связали рукъ).

«Ухрялъ было (печалится мазурикъ мазурику, *ходя* по музыкѣ, т. е. говоря своимъ байковымъ языкомъ), ухрялъ было вечоръ, съ бутыремъ справился, да стрѣла подоспѣла и облопался (казакъ прискакалъ и попался).

Предостерегаютъ другъ друга: «Стрема! стремитъ михлютка!» (жандармъ смотритъ: берегись!)

Хвастаются: «вечоръ я было влопался (попался), на силу фомкой отбился, да спасибо звонокъ (товарищъ-мальчишка) со стороны поздравилъ каплюжника дождевикомъ (бросилъ въ полицейскаго камнемъ). Или: срубилъ шмель, выначилъ скурлажную лоханку (вытащилъ кошелекъ съ деньгами да серебряную табакерку).

Распрашиваютъ другъ друга:» во что кладетъ мѣшокъ веснухи? (во что барышникъ-перекупень цѣнитъ часы?) — Я правлю при рыжика, — онъ четыре колеса кладетъ (я прошу три золотыхъ: онъ четыре цалковыхъ даетъ).

Печалятся о товарищѣ: «онъ вѣдь ужъ ѣлъ миноги и спроваженъ: не чиста была бирка (наказанъ и высланъ: паспортъ былъ фальшивой), и проч. и проч.

На языкѣ офеней переписывались бѣлокриницкіе (австрійскіе) раскольники съ московскими и вообще живущими внутри Имперіи. Похожій на офенскій существуетъ языкъ у кинешемскихъ и вообще костромскихъ макарьевскихъ и кологривскихъ шерстобитовъ, уходящихъ въ Восточную Россію, въ Сибирь (какъ они называютъ, и шерсть бить и коновалить и колдовать. Имѣется свой языкъ

у буевскихъ мелочниковъ-гребенщиковъ, ходящихъ по столичнымъ дворамъ, съ козлинымъ выкрикомъ: «щотки-гребенки» и съ ящикомъ за спиной. Подмѣченъ искуственный языкъ у нищихъ, гдѣ нищенство превратилось въ правильно-организованный промыселъ (во Владимірской, Тверской, Рязанской и Московской губерніяхъ). «Картаво» умѣютъ говорить лошадиные барышники, руководствуясь нужными для тайны цыганскими словами. Языки эти въ народѣ слывутъ подъ разными прозвищами: кантюжнаго (собственно нищенскій *), галивонскаго (шерстобитовъ), ламанскаго или аломанскаго, (тотъ же офенскій или офинскій), байковой или мавурницкой, музыка. Существовалъ еще языкъ тарабарскій и языкъ «по херамъ» (херовой). Послѣдній основанъ на приставкѣ въ живой языкъ послѣ каждаго слога **), слова «херъ». Тарабарскій же придуманъ смекнувшими грамату школьниками переставившими согласныя буквы въ обратную вмѣсто б-щ, в-ш, г-ч, д-ц, ж-х, з-ф, к-т, л-с, м-р, н-п. Такъ напр. выходитъ: я упулъ у Шапти тасачитъ, что значитъ: я унесъ у Ваньки калачикъ. Вообще же тараборщиной привыкли называть всякую цифрованную и шифрованную грамоту, предполагающую знаніе особаго ключа. Языками этими руководились грамотные люди; ихъ придерживались затворники учебныхъ заведеній, въ особенности бурсаки семинарій, откуда языки эти несомнѣнно и вышли. Въ подобіе тараборскому съ лишными проставками въ живыхъ словахъ существуетъ языкъ *кубрацкой* (кубраковъ-сборщиковъ подаяній на церкви, обратившихъ это дѣло въ промыселъ и живущихъ въ городѣ Мстиславлѣ и мѣстечкѣ Дубровнѣ Могилев. губ.). Проставка раздѣльныхъ словъ, по очереди одно послѣ другаго, *шайка-шири*, употребляется съ такой быстротой и ловкостью (отъ привычки),

---

*) Кантюжить-нищенствовать. На глухо заколачиваютъ избы и уходятъ сбирать на мнимое погорѣлое мѣсто, множество деревень подъ самой Москвой и почти весь Судогодскій уѣздъ Влад. губ.

**) Существуетъ анекдотъ о братьяхъ семинаристахъ, которые начали сговариваться по херамъ при отцѣ: — херъ-братъ! «херъ-что»? — Херъ-пойдомъ «херъ-куда»? — Херъ въ кабакъ! «А херъ плеть возразилъ на неумѣлосоставленную рѣчь отецъ, лежавшій на полатяхъ.

что затемняемыя ими слова дѣйствительно темнѣютъ такъ, что становятся положительно незнакомыми и непонятными. Надо большую снаровку и долгую привычку не выслушивать быстро и во множествѣ мелькающихъ «шайка-шири», чтобы брать слоги подходящіе и составлять слова настоящаго предлагаемаго смысла. Знаніе, промыселъ кубраковъ — прошаковъ также не совсѣмъ прямое и открытое дѣло: десятки сборниковъ въ десятки лѣтъ собирали подаяніе на тѣ церкви, которыя послѣ ихъ видимыхъ хлопотъ найдены разрушенными, съ обрѣшѣтившимися крышами, събитыми земляными полами, и соломенными наметами, мало чѣмъ отличавшимися отъ бѣдныхъ полуразвалившихся бѣлорусскихъ хатъ. Въ самомъ Мстиславлѣ до сихъ поръ стоятъ деревянныя развалины трехъ церквей и четвертая каменная, построенная какъ извѣстно на казенныя деньги, переименована въ соборъ изъ полковой церкви.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

Предисловіе.

СТР.

Что такое несчастные? — Объясненіе причинъ заглавія настоящаго сочиненія. — Историческая картина препровожденія ссыльныхъ въ Сибирь. — Знаменитый расколоучитель протопопъ Аввакумъ и его дорожныя страданія отъ Москвы до Амура: сплавъ по сибирскимъ рѣкамъ; истязанія отъ приставовъ; незлобіе и терпѣніе; картина плаванія по Ангарѣ; странствія за Байкаломъ; жизнь въ Нерчинскѣ; протопопица Настасья; возвращеніе. — Каторжныя мѣста въ Россіи; окрайны; крѣпости; галеры. — Начало ссылки въ Сибирь. — Учотъ ссыльныхъ. — Неурядица и путаница этого дѣла. — Утеклецы. — Канатъ. — Способы препровожденія ссыльныхъ. — Сперанскій. — Лобановъ. — Желѣзные прутья. — Цѣпь. — Приказъ о ссыльныхъ. — Уставъ о ссыльныхъ. — Алфавиты. — Замѣна пѣшаго хожденія ссыльныхъ. — Нововведенія современныя. — Историческій фургонъ 1

Глава I. Въ дорогѣ.

Милосердная. — Картина этапнаго странствія отъ Москвы до каторги. дорожныя и тюремныя злоключенія. — Барабанъ. — Сила и значеніе отечественной благотворительности. — Москва. — Купеческіе города. — Старовѣры. — Старыя неурядицы. — Окровавленные колодники. — Сборъ милостыни. — Приворотныя кружки. — Обиліе пожертвованій. — Начальническія вымогательства. — Этапные солдаты и командиры. — Похожденіе полушубковъ. — Арестантскія деньги. — Парадъ шествія. — Этапныя любовницы. — Начальники смирные и сердитые. — Тобольская тюрьма. — Желѣзныя прутья и кандалы. — Арестантская

стр.

артель.—Этапныя кабаки.—Этапныя зданія.— Полуэтапы. — Арестантская собственность.— Наручники.— Привалъ.— Майданщики и откупа.—Подводы.—Старосты.—Этапныя крѣпы: вещественныя и нравственныя.— Съ этаповъ не бѣгутъ. — Солдатскіе и офицерскіе доходы. — Бритье головъ и случай съ поляками. — Золотой порошокъ. — Водка.— Нары.— Этапная ночь.—Пасхальная картина.—Весна на этапахъ.—Арестантскія дѣти. — Казармы.— Солдаты. — Сторожа и торговцы.— Растахи.— Несовершенства этапной системы и дороги.— Приходъ арестантовъ на каторгу. 29

Глава II. На каторгѣ.

Моя поѣздка на строгую перворазрядную каторгу. — Нижній промыселъ на Карѣ.— Первыя впечатлѣнія и встрѣчи. — Иванушко-дурачокъ на каторгѣ.—Нѣмецъ-идіотъ.—Разбойникъ въ водовозахъ.—Поэтъ на каторгѣ.—Каторжное жилье.—Цыганка.— Каторжные.—Каторжныя работы.—Смотрители.—Раскомандировки.— Казенные порядки. — Тюремныя пѣсни. — Взаимныя отношенія тюремныхъ сидѣльцовъ. — Община въ тюрьмѣ. — Арестантскій староста. — Донощики. — Товарищество. — Смотритель и арестантъ Сенька.—Майданъ.—Тюремныя карты и карточная игра. — Азартныя игры. — Юлка. — Юрдовка. — Едно.—Бѣгунцы.—Тюремный языкъ (argot).—Откупные тюремные законы.—Правила майдана.—Великій скандалъ.—Кабаки въ тюрьмѣ.—Водка тюремная.—Хитрость.—Влазное.— Тюремные артисты и художники.—Оборотни.—Тюремные герои и историческія лица. — Тумановъ и живая пирамида. — Искуственно-развиваемыя арестантскія болѣзни. — Притворщики.—Тюремная аристократія и чернь.—Утка.—Каторжныя забавы 89

Глава III. Въ бѣгахъ.

Нерчинскія горы и богатство ихъ. — Серебро. — Зерентуйскій рудникъ.—Внутренность рудника.—Рудниковая каторга.—Штольна.—Шахта.—Лихтлогъ.—Несчастія на каторгѣ этого вида.— Рудниковый хозяинъ.—Заводскіе служители.—Что такое каторга? — Каторга золотыхъ промысловъ.— Заводская каторга: солеваренная и винокуренная. — Улучшенія на каторгѣ. — Побѣги съ каторги во всемъ разнообразіи способовъ. — Побѣги изъ тюремъ пересыльныхъ. — Побѣги изъ каторжныхъ тю-

ремъ. — Бѣглый на балу. — Побѣгъ цѣпнаго. — Голый бѣглецъ. — Пособники. — Побѣги съ каторги. — Варнакъ и чалдонъ. — Лиса. — Побѣги на уру. — Самый крупный побѣгъ. — Хоронушки. — Приготовленія къ побѣгу. — Время побѣговъ. — Первыя шаги въ бѣгахъ. — Неудачи. — Помощь караульныхъ. — Часовые въ бѣгахъ. — Обиліе побѣговъ. — Варнацкая дорога. — Звѣрское мщеніе. — Сыщики. — Бурята. — Похожденія и злодѣйства бродягъ. — Медвѣди. — Пристано-держательство. — Заимки. — Старовѣръ Гурій Васильевъ. — Преслѣдованія. — Кандалы. — Лѣсная пища во всемъ разнообразіи. — Сарана. — Горбачи. — Избіеніе цѣлой шайки бродягъ. — Губернаторъ Рупертъ. — Сыщикъ Карымъ. — Убіенныя горы. — Каурой. — Безопасные бродяги. — Левицкій на Ленѣ и въ нерчинской каторгѣ. — Кяхтинскій мѣщанинъ. — Бродяги на Байкалѣ, на Ангарѣ, подъ Иркутскомъ, на Барабѣ, за Каменемъ (Ураломъ), подъ Казанью, въ Петербургѣ. — Бывальцы. — Бродяжья судьба въ дорогѣ. — Сибирскіе притопы и обычаи. — Предѣлы бродяжества. — Вооружонныя черкесы въ бѣгахъ. — Черкесы въ степи. — Бродяги въ Астрахани 147

Глава IV. На пропитаніи.

Испытующіеся. — Воздержные. — Невоздержные. — Казенные порядки и степени облеченія. — Прикованные къ тачкамъ. — Прикованные на стѣнную цѣпь. — Колоколъ. — Сумасшествія. — Акатуй. — Тамошные цѣпные. — Секретные. — Каторжныя селенія и жители. — Юрдовки. — Теребиловки. — Фабрики фальшивыхъ паспортовъ. — Горные служители. — Торговля краденными металлами. — Жолтая пшеничка. — Карымы. — Фабрикантъ червонцовъ. — Соколовъ. — Успенская фабрика. — Бумажныя фальшивыя деньги. — Каторжныя болѣзни. — Пропитанные. — Исправившійся каторжный. — Шатанье и воровство. — Увольненіе отъ работъ. — Каторжныя дѣти. — Пѣсня 237

Глава V. На поселеніи.

Сибирское населеніе изъ поселенцовъ. — Худая слава. — Безвыходное положеніе. — Отношенія къ старожиламъ. — Бродяжество и шатанье. — Пѣсня. — Испорченность поселенцовъ и причины этого явленія. — Прочнаго водворенія ссыльныхъ не существуетъ. — Безплодность мѣръ. — Первые шаги ссыльнаго. — Вражда туземцовъ. — Богадѣльни. — Посельщики. — Неспособные. — Смо-

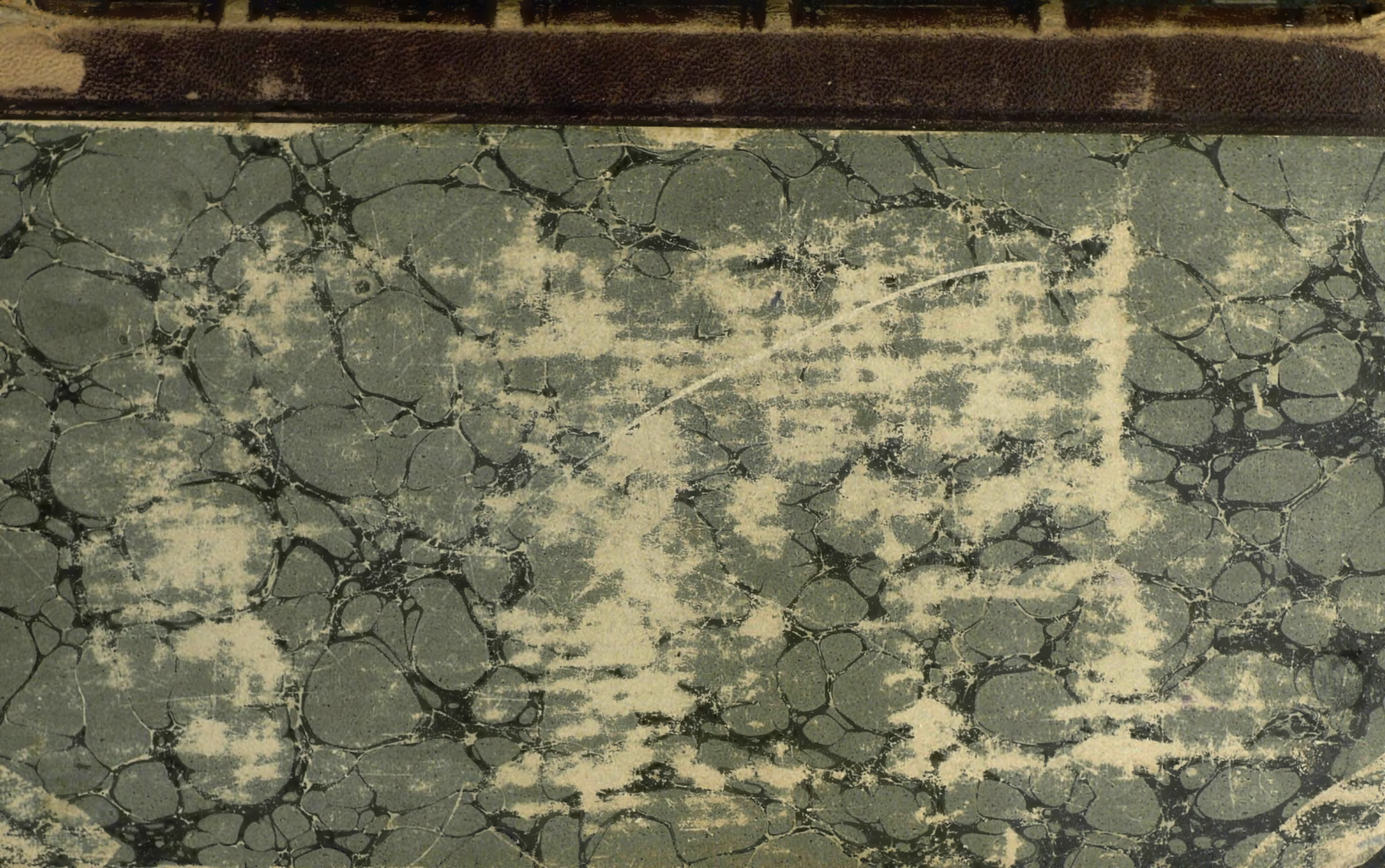
стр.

трители поселенцовъ. — Воровство. — Свободныя самовольныя поселенія. — Киржаки. — Каменьщики. — Ссыльныя колоніи невѣдомыя и вѣдомыя. — Задичалые поселенцы. — Золотые промыслы. — Поселенцы на пріискахъ въ тайгѣ. — Олганджи и міряки. — Евреи въ Сибири. — Инородцы въ сылкѣ. — Русскіе раскольники за Байкаломъ. — Цвѣтущія хозяйства. — Духоборцы. — Уральскіе казаки. — Невинно сосланные и возвращонные. — Поручикъ Козлинскій. — Монахиня. — Странникъ Иванъ Захаровъ Спасовъ. — Перемѣна именъ. — Неправильность распредѣленія ссыльныхъ по Сибири. — Палачи. — Презрѣніе къ нимъ и результаты его. — Кнутъ. — Богачи изъ каторжныхъ. — Чужеземцы въ ссылкѣ 274

Приложеніе I. Тюремныя пѣсни.

Пятьдесятъ тюремныхъ сибирскихъ и русскихъ пѣсенъ (старинныхъ и новыхъ) съ варіантами и объясненіями. — Творцы пѣсенъ: Ванька Каинъ. — Разбойникъ Гусевъ. — Малороссійскій разбойникъ Кармелюкъ. — Пѣсня о правежѣ. — Мѣстные сибирскіе піиты. — Учоная пѣсня. — Пѣсня Кармелюка. — Пѣсня Видорта. — Ворожбюкъ. — Бродяжьи пѣсни 371

Приложеніе II. Тюремный словарь.

ИСКУСТВЕННЫЕ (БАЙКОВЫЕ, ЛОМАНСКІЕ И КАНТЮЖНЫЕ) ЯЗЫКИ.

Древность искуственныхъ языковъ. — Разговоръ знаками (ручной, звуковой, ударной). — Разговоръ стукомъ (нѣмецкій гакезенъ). — Полякп и Шпаунъ. — Телеграфисты. — Разговоръ стукомъ декабристовъ. — Улучщенія, произведенныя въ этой системѣ братьями Бестужевыми. — Обозжоная палочка изъ вѣника. — Тюремный словарь. — Бѣдность его. — Искуственныя слова въ тюрьмахъ. — Древность ихъ происхожденія у насъ. — Ясакъ. — Разбойничій языкъ на Волгѣ. — Слѣды и остатки его въ сказаніяхъ вора Ваньки Каина. — Отверницкая рѣчь. — Сравненіе пяти дѣланыхъ языковъ. — Офенскій языкъ (словарь разнощиковъ—ходебщиковъ). — Образцы словъ и рѣчи. — Музыка или байковой языкъ карманниковъ. — Образцы словъ и рѣчи. — Образцы языка шерстобитовъ и коноваловъ. — Счотъ. — Языкъ кантюжный. — Языкъ по херамъ и тарабарская азбука. — Языкъ кубраковъ и проч. 429